

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1986 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Ответственный редактор
С. О. ШМИДТ

МОСКВА
«НАУКА»

1987

«Археографический ежегодник за 1986 год» включает статьи и сообщения по проблемам археологии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории. Статьи сборника посвящены археографической деятельности ЛОИИ и архивных учреждений РСФСР, опыту изданий документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны. Публикуются сообщения о восстании декабристов, деятельности выдающихся дореволюционных историков (В. Н. Татищева и др.), советских археологов (Н. А. Бердзенишвили, С. А. Клепикова, В. С. Люблинского), вкладе академиков Д. С. Лихачева и И. И. Минца в развитие советской археологии. Публикуется самый ранний из известных списков Первого послания Курбского Ивану Грозному (рубеж XVI и XVII вв.).

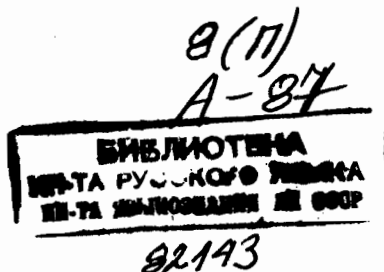
Печатается указатель материалов, опубликованных в «Археографических ежегодниках» за 1977—1986 гг.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор), Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ, С. М. КАШТАНОВ, А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, А. С. ПРОКОПЕНКО, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:

А. М. САМСОНОВ, В. Л. ЯНИН

И. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Е. Ф. Сопин

АРХИВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РСФСР К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ *

Государственные архивы Российской Федерации — богатейшие хранилища документов периода Великой Отечественной войны. Эти документы имеются практически во всех фондах, охватывающих военный период. Основная масса источников содержится в фондах органов Советской власти, их функциональных отделов и управлений, а также промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учреждений здравоохранения, народного образования, культуры и т. д. Как правило, значительными являются газетные фонды.

Все эти материалы можно разделить на определенные тематические группы. Документы характеризуют деятельность в годы войны органов Советской власти, органов управления, предприятий, организаций и учреждений по перестройке работы, суть которой сводилась к мобилизации всех резервов для отпора врагу. Деятельность органов управления была максимально приближена к работе предприятий и организаций, к конкретным участкам производства.

Фонды промышленных предприятий Москвы и Ленинграда, Московской области, Челябинска, Свердловска, других городов, автономных республик, краев и областей раскрывают их вклад в экономику, трудовой героизм рабочего класса. Так, в ЦГАОР г. Москвы это фонды Московского автомобильного завода, 1-го и 2-го Государственных подшипниковых заводов, завода «Серп и Молот», комбината «Трехгорная мануфактура» и др.¹

В Госархиве Челябинской области сложился богатейший комплекс документов о заводах, известных под названием «Танкоград»: Челябинском тракторном заводе, эвакуированном из Ленинграда Кировском заводе, эвакуированном из Харькова дизель-моторном заводе и др.² В Госархиве Оренбургской области это фонды Орско-Халиловского металлургического комбината, комбината «Южуралникель», завода тяжелого машиностроения им. Куйбышева³. В Госархиве Тульской области — фонды Косогорского металлургического завода им. Ф. Э. Дзержинского, комбината «Тулауголь»⁴. В филиале Госархива Мурманской области, в г. Кировске, — богатые фонды предприятий алюминиевой, железорудной, слюдяной, никелевой, апатитовой промышленности⁵. Они хранят богатейшую информацию, раскрывающую облик советского человека, патриота и труженика. Трудно представить, как в условиях блокады рабочими и инженерами Кировского завода был освоен ремонт 13 типов

* В основе статьи — доклад на пленарном заседании Археографической комиссии 14 января 1986 г.

¹ ЦГАОР г. Москвы. Ф. 415, 258, 176, 425.

² Протоколы заседаний научного совета // Текущее делопроизводство Главархива РСФСР за 1985 г. Д. 10-3. Л. 41.

³ Государственные архивы РСФСР: Справочник. М., 1980. С. 257.

⁴ Все для Победы: Тульская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. документов и материалов. Тула, 1985. С. 350, 348—349.

⁵ Государственные архивы РСФСР: Справочник. С. 242.

танков и самоходно-артиллерийских установок. С утра до ночи работали сотни конструкторов и технологов, тысячи рабочих. На карельских деревообрабатывающих заводах было освоено свыше 40 видов военной продукции. По заданию ГКО лесорубы Карелии обеспечивали дровами Кировскую железную дорогу, и это несмотря на то, что на незанятой врагом территории проживало немногим более 75 тыс. человек⁶.

Перестройку работы в сельском хозяйстве, трудовой подвиг колхозного крестьянства характеризуют фонды исполкомов Советов депутатов трудящихся и других организаций. Во всех государственных архивах эти документы представлены крупными комплексами.

Многочисленные документы повествуют о разворачивании социалистического соревнования, раскрывают его роль как могучего рычага повышения производительности труда, увеличения объема выпускаемой продукции. Так, в справке уполномоченного ВЦСПС об участии ленинградцев во Всесоюзном социалистическом соревновании с июля 1942 по февраль 1943 г. отмечалось, что 83 ленинградских предприятия получили переходящие Красные знамена и премии, в том числе 4 предприятия — переходящие Красные знамена ГКО и 23 предприятия — переходящие Красные знамена ВЦСПС и ЦК профсоюзов⁷. На Металлическом заводе было положено начало социалистическому соревнованию между бригадами рабочих и экипажами боевых машин. В архиве хранится один из таких договоров, заключенный в марте 1942 г. В нем бригада слесарей обязалась досрочно и с высоким качеством осуществить ремонтные работы, испытание и сдачу боевого самолета. Экипаж машины в своих обязательствах записал: «...уходя на фронт и получив исправную машину: 1) во всех условиях боя, презирая угрозу смерти, обрушивать на врага всю силу и мощь боевой машины, принимать все меры к ее спасению и быстрейшему возвращению в строй»⁸.

Значительный массив документов характеризует героический подвиг трудящихся республики по перебазированию промышленности западных областей в восточные районы, по размещению предприятий на новых местах, их монтажу и досрочному пуску.

В госархивах областей, на территории которых проходили военные действия, отложилась часть документов о боях за освобождение этих территорий, а также документов о партизанском движении (партизанские издания, обращения-листовки и т. д.). Особую группу составляют письма с фронта. Сбор их некоторые архивы начали еще в годы войны. Так, в ГАКО, в личном фонде профессора Калининского пединститута А. Н. Вершинского, имеются копии фронтовых писем, присланных в редакцию Емельяновской районной газеты. Письма скопированы студентами в 1943 г., во время экспедиции под руководством Вершинского по сбору материалов об ущербе, причиненном фашистской оккупацией Емельяновскому району⁹.

Значительными по объему являются группы документов о восстановлении народного хозяйства после освобождения советской территории от немецко-фашистских захватчиков.

Особое место среди материалов по истории Великой Отечественной войны занимают документы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированных территориях, о причиненном ущербе народному хозяйству. Эти документы сконцентрированы в фондах комиссий содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии по разоблачению преступлений оккупантов. Сила воздействия этих документов огромна.

Специальную группу в государственных архивах составляют мате-

⁶ Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 6—7.

⁷ Тема Великой Отечественной войны в документах ЦГАОР г. Ленинграда: Справка ЦГАОР // Текущее делопроизводство. Главархива РСФСР за 1985 г. Д. 10-3. Л. 7.

⁸ ЦГАОР г. Ленинграда. Ф. 9023. Оп. 1. Д. 73. Л. 130.

⁹ ГАКО. Ф. Р-2691. Д. 239. Л. 2—6.

риалы фотоколлекций. Они многообразны по тематике: проводы воинских формирований на фронт, передача вооружения Красной Армии, снимки передовиков производства, восстановительные работы, встречи демобилизованных, митинги в честь Победы и др. Таким образом, в государственных архивах Российской Федерации бережно хранится до 3 млн дел, охватывающих все стороны жизни республики и раскрывающих вклад ее народов в общую победу над фашистскими захватчиками.

Особо следует сказать о ЦГА РСФСР. В его 230 фондах сконцентрировано более 150 тыс. дел периода Великой Отечественной войны. В них раскрывается социально-экономическая и общественно-политическая жизнь республики.

Основываясь на фондах ЦГА РСФСР, наиболее интересных документов, отложившихся в фондах ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАЛИ СССР, Главархив РСФСР, Институт истории СССР АН СССР, ЦГА РСФСР, ЦГАНХ СССР подготовили и сдали в издательство сборник документов «РСФСР — фронту, 1941—1945 гг.». Составители сборника исходили из того, что в исторической литературе, и особенно в части документальных публикаций, не было обобщающего труда, в котором бы с достаточной полнотой, на документальной основе раскрывался решающий вклад республики в общую победу над врагом. Многочисленные сборники документов, вышедшие за последнее время в автономных республиках, краях и областях, посвященные их вкладу в победу в годы Великой Отечественной войны, важны и незаменимы, но они не могли восполнить пробел.

Главархив РСФСР, архивные органы, руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹⁰, на коллегиях рассмотрели задачи архивных учреждений по подготовке к этой знаменательной дате, приняли соответствующие решения, определили основные направления работы, ее содержание.

Было организовано социалистическое соревнование по достойной встрече юбилея. Его инициаторами выступили архивные учреждения Брянской, Владимирской, Кировской и других областей и автономных республик Нечерноземной зоны РСФСР. В числе обязательств не только досрочное и качественное выполнение плановых заданий 1984—1985 гг. пятилетнего плана, но и осуществление мероприятий по сбору документов периода войны и их активному использованию. В государственных архивах была проделана большая работа по тематическому выявлению документов периода войны. Фонд использования пополнился новыми материалами о вкладе народов РСФСР в общую победу, о ратных и трудовых подвигах советских людей, перестройке народного хозяйства, организации всенародной помощи фронту и т. д. Эта работа проходила при заинтересованном участии партийных, советских и комсомольских органов, средств массовой информации, отделений общества «Знание», ВООПИК, учебных заведений, музеев, библиотек.

Центральная и местная печать обоснованно писала о комплектовании архивов документами личного происхождения, ставя в этой связи по существу вопрос о качественном составе ГАФ СССР. Обращалось внимание прежде всего на то, что в архивных фондах мало материалов, содержащих информацию об участниках событий тех лет. Подчеркивалось, что такие документы чрезвычайно важны, так как дают представление о социально-нравственном облике человека, да и о самом времени также. Критика в целом справедливая, постановка вопроса своевременная. Разделяя ее, архивисты республики накануне и в юбилейный год активизировали работу по комплектованию архивных фондов документами личного происхождения периода Великой Отечественной войны.

Основательно эта работа была организована во Владимирской области. Сбор документов личного происхождения периода войны около двух

¹⁰ Коммунист, 1984. № 9.

десятилетий вели в области краеведческие отряды школьников. Но эта работа проходила, по существу, стихийно. Собранные документы, как правило, концентрировались в школьных музеях. Совместным постановлением бюро обкома ВЛКСМ, коллегии облоно, управления профтехобразования, областного военного комиссариата от 11 апреля 1980 г. была организована операция под названием «Фронтовое письмо», закончить которую предполагалось к 40-летию Победы. Цель ее состояла в том, чтобы организовать конкретное шефство над ветеранами войны и труда, семьями погибших воинов, помочь им. Не менее важным было и выявление в их личных архивах подлинных документов периода войны, сбор и учет этих документов, использование их комсомольскими организациями в военно-патриотическом воспитании молодежи. Ставилась задача активизировать работу школьных и общественных музеев боевой славы. Предусматривалась торжественная передача подлинных писем, фотографий, дневников в Государственный архив Владимирской области (ГАВО), с тем чтобы придать этому акту общественную значимость.

Осуществление этих задач стало возможным благодаря участию в работе ряда заинтересованных организаций, сочетанию поисковой и идейно-воспитательной работы комсомольских организаций, военкоматов, отделов народного образования, архивных учреждений. Представители этих организаций вошли в состав областного и районных штабов операции при обкоме и райкомах ВЛКСМ. На ГАВО были возложены функции методической подготовки операции, а также прием на государственное хранение и использование поступивших документов¹¹.

В ходе операции «Фронтовое письмо» на государственное хранение поступило около 5 тыс. документов: письма, дневники, фотографии, рисунки, разного рода записки, анкеты участников войны и другие материалы¹².

Богатая коллекция теперь уже архивных материалов стала широко использоваться. Так, был подготовлен к печати сборник документов «Хроника чувств. Фронтовые письма владимирцев» (10 печ. л. Составили кандидат исторических наук И. А. Альтман и генерал-майор в отставке Я. М. Шапкин). Другой формой использования документов коллекции «Фронтовое письмо» явились выставки. Они демонстрировались во время торжественных передач документов на государственное хранение. Наиболее крупные выставки были организованы в г. Владимире, в кинотеатре «Художественный». На выставках побывали тысячи человек. Отзывы посетителей говорят не только об успехе выставок, но и о том взволнованном настроении, которое они вызвали. «Огромное спасибо за выставку», — написали рабочие владимирского производственно-конструкторского объединения «Техника». «С замиранием сердца читаешь эти маленькие треугольнички со штампом полевой почты... Сохранить, сохранить и сохранить мы все это должны» (С. И. Румянцева)¹³.

В читальном зале госархива с документами коллекции работают исследователи, партийные работники, писатели, журналисты, студенты, работники музеев. Е. Стемковская опубликовала подборку писем в журнале «Юность» (1985. № 5). Документы коллекции использовали также и сотрудники архива при подготовке статей, документальных экспозиций, радиопередач. В областных и центральных газетах («Комсомольская правда» от 9 мая 1983 г., «Советская Россия» от 9 февраля 1984 г.) был опубликован ряд писем этой коллекции.

На мероприятиях к 40-летию Победы, проведенных в 1985 г. обкомом КПСС, заведующий архивным отделом Владимирского облисполкома

¹¹ Альтман И. А. О методике выявления и учета документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны: (Из опыта работы во Владимирской области) // АЕ за 1985 год. М., 1986.

¹² Операция «Фронтовое письмо» во Владимирской области: Справка зав. архивным отделом Владимирского облисполкома т. Леонтьева Л. И. от. 14.II.85 г. // Текущее делопроизводство Главархива РСФСР за 1986 г. Д. 4-8. Л. 272.

¹³ Летопись Великой Отечественной: Методические рекомендации для руководителя поисковой работы. Владимир, 1983. С. 4.

Л. И. Леонтьев и директор ГАВО Р. Ф. Савинова выступили с сообщениями «Страницы истории — фронтовые письма владимирцев» и «Великая Отечественная война в документах областного архива». Они были подготовлены в значительной мере на базе архивной коллекции «Фронтовое письмо». Сообщения на эту тему прозвучали также на областной научно-практической конференции «40 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», на областном семинаре-совещании для руководителей групп информаторов, агитаторов и пропагандистов области, на совещании для руководителей секций городских и районных семинаров пропагандистов системы партийной учебы, на областных курсах для пропагандистов строительных организаций, на областном семинаре пропагандистов комсомольской учебы, на научном совете Главархива РСФСР.

Архивная коллекция «Фронтовое письмо» будет пополнена письмами участников, ветеранов войны и труда, которые поступили в 1985 г. в редакцию областной газеты «Призыв», а также воспоминаниями бывших архивистов, участников войны и ветеранов труда. Архивистам предстоит большая работа по описанию и реставрации документов коллекции. Методической комиссией архива уже написана и одобрена «Рабочая инструкция по научно-технической обработке коллекции „Фронтовое письмо“», документы коллекции будут также микрофильмованы¹⁴. Работа, проведенная во Владимирской области по сбору документов личного происхождения периода войны, заслуживает самой высокой оценки. Она осуществлена на высоком уровне, ее значение выходит далеко за рамки области.

Интересен опыт такой работы в Карельской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Алтайском, Ставропольском краях, в Москве и Ленинграде, Калининской, Рязанской, Читинской, Смоленской и других областях, многих городских и районных государственных архивах. Главархив РСФСР направил во все архивные учреждения республики «Справку о работе архивных учреждений Кабардино-Балкарской АССР по сбору документов и материалов участников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» и «Справку о работе Государственного архива г. Камышлова Свердловской области по подготовке к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

Архивисты Кабардино-Балкарии с помощью военных комиссариатов и отделов социального обеспечения составили списки ветеранов войны, а архивное управление республики разработало «Памятку» для проведения этой работы и направило письма участникам войны с просьбой передать в архивы документы, отражающие их боевую деятельность. К письмам был приложен перечень, в котором указаны виды документов, принимаемых на государственное хранение (фронтовые письма, боевые характеристики, воспоминания, фотографии и др.). Письма были направлены также семьям погибших и пропавших без вести, умерших после войны. Архивисты налаживали личные контакты с ветеранами войны. В результате 1889 собранных документов составили коллекцию «Документы и материалы участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», был создан фонд Героя Советского Союза А. П. Канкалева из 143 документов¹⁵.

Организованно, с патриотическим подъемом провели эту работу заведующая госархивом г. Камышлова Свердловской области Л. М. Бурдина и ее общественные помощники. План работы составлен еще в 1982 г. При архиве был образован Совет общественности, куда вошли и ветераны войны и труда. Всем членам Совета были вручены удостове-

¹⁴ Операция «Фронтовое письмо» во Владимирской области: Справка... Л. 276.

¹⁵ О работе архивных учреждений Кабардино-Балкарской АССР по сбору документов и материалов участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Справка начальника Архивного управления при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР т. Шабаяева Д. В. // Текущее делопроизводство Главархива РСФСР за 1985 г. Д. 1-5-4. Л. 114—116.

ния от имени горисполкома, дающие им право принимать документы для госархива. Архивисты обратились через партийные и общественные организации, советы ветеранов к участникам войны с призывом передать в архивы личные документы. В городской газете были опубликованы статьи «Оставить потомкам» и «Память войны». Призыв не остался безответным. Сначала немногие ветераны принесли документы и воспоминания. Но большинство, видимо по скромности, присущей фронтовикам, не отозвались. Тогда через уличные комитеты и советы ветеранов предприятий были выявлены адреса фронтовиков. К ним пришли члены совета, общественники. Побеседовали. Но дело сдвинулось только тогда, когда сами ветераны побывали в архиве и убедились в надежной сохранности их документов, любовном к ним отношении. Сейчас в архиве хранятся документы и воспоминания 398 участников Великой Отечественной войны; среди них — Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова, Героев Советского Союза Г. М. Никулина, Б. С. Семенова, А. А. Чертова, 62 документа тружеников тыла. На основании этих документов оформлены альбомы «Участники парада Победы 24 июня 1945 г. в Москве», «Добровольцы Уральского танкового корпуса», «Тыл — фронту» и др.¹⁶ Работа Камышловского госархива, общественности города дала прекрасные результаты.

Операции по выявлению документов личного происхождения с участием комсомольских организаций, городских и районных архивов были проведены в Татарской АССР под названием «Летопись Великой Отечественной войны», «Операция „Салют Победы“», архивными учреждениями других автономных республик и областей. Так, белгородские архивисты выпустили специальные листовки-призывы «Соберем реликвии Великой Победы», обращения к ветеранам через органы массовой информации, опубликовали для ветеранов анкеты, облегчающие эту работу. Архивное управление Мосгорисполкома организовало в газете «Вечерняя Москва» 1 апреля 1985 г. публикацию «Личные документы ветерана». Газета писала: «Мы обращаемся к участникам Великой Отечественной войны с призывом сдавать свои документальные материалы в ЦГАОР г. Москвы, чтобы сберечь их для потомков и обогатить сведениями советскую историческую науку».

Организовано и продуманно вели эту работу ленинградские архивисты. В газете «Ленинградская правда» были опубликованы специальной рубрикой «Пять вопросов ветерану». Такой подход правильный, поскольку архивисты столкнулись с тем, что ветераны пытаются описать на нескольких страницах весь свой боевой путь, тогда как ответы на конкретно поставленные вопросы могут дать и дали гораздо более ценную информацию о событиях. Такими вопросами были: «Кому из вас довелось присутствовать при капитуляции группы фашистских армий „Курляндия“?», «Как она проходила?». Или: «Какие меры принимались в городе (Ленинград) для защиты населения от артиллерийских обстрелов, чем они вам запомнились?»¹⁷. Эти ответы легли в основу «Рукописного фонда воспоминаний о войне и блокаде „Память“». Такой же метод отбора материалов с помощью средств массовой информации использовали архивисты Оренбургской, Калужской, Томской и многих других областей.

Как видно, хорошие результаты в сборе документов дает совместная работа архивных учреждений с комсомольскими организациями, военкоматами, музеями, Советами ветеранов, краеведами. Калужские архивисты с облвоенкоматом составили список ветеранов войны и, руководствуясь им, провели сбор воспоминаний. В Ставропольском крае совместно с партийным архивом и краеведческим музеем собрано более 80 писем участников войны. Смоленским архивистам местный краевед, член Союза журналистов СССР Л. В. Котов передал в архив 96 дел воспомина-

¹⁶ Протокол № 3 заседания коллегии Главархива РСФСР 28 февраля 1985 г. // Там же. Д. 10-1. Л. 42.

¹⁷ Ленинградская правда. 1985. 21 февр.

ний ветеранов и участников войны. В Пермской области активную работу провел филиал облгосархива в г. Кунгуре. Каждому ветерану, в семьи погибших были направлены письма с просьбой передать в архив имеющиеся у них документы: фронтовые письма, фотографии военных лет, удостоверения к наградам, дневники, воспоминания¹⁸. Результатом этой работы явилось издание писем фронтовиков. Заслуживает внимания работа, проводимая в Курской области по сбору фотодокументов о войне. Заведующий хранилищем областного архива П. М. Рожин проводит сбор документов не только ветеранов-курян, но и ветеранов, проживающих вне Курской области, но участвовавших в битве на Курской дуге. Так, участник сражения И. Е. Белоусов из Свердловска передал в архив более 50 фотографий о боевой деятельности дивизии, в которой он служил и которая прошла путь от Курска до Берлина.

Кроме сбора документов о Великой Отечественной войне, архивные органы проводили работу по сбору материалов о праздновании 40-летия Победы. Архивисты Кабардино-Балкарской АССР обратились с просьбой к организациям, сдающим документы на государственное хранение, включить в номенклатуры дел документы о подготовке празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В Ставропольском крае составляется коллекция «40 лет Победы», куда входят записи встреч ветеранов, митингов, собраний, посвященных этой дате.

Многие ветераны и участники Великой Отечественной войны сами проявляют инициативу и передают свои материалы в госархивы. Так, увидев опубликованную в 1983 г. в № 7 «Недели» фотографию из Ленинградского госархива кинофотофонодокументов «На Ленинградском фронте — ноябрь 1942 г.» с изображением воинов 12 национальностей, З. В. Тахельсон, участник обороны Ленинграда, принес в архив хранящиеся у него фотографии военных лет. А после того как тульские архивисты в радиопередаче «Хлебные поля войны» назвали имена бывших работников совхоза «Барятино» мужа и жены Липилиных, дочь Липилиных сообщила неизвестные ранее подробности гибели родителей. Эти данные вошли в коллекцию документов о Великой Отечественной войне.

Фонды архивов г. Москвы пополнились документами участников битвы под Москвой, партизанского движения. Так, были приняты личные архивы маршала авиации Ф. А. Астахова, генерал-лейтенанта члена Военного совета Первой ударной армии Я. С. Колесова, председателя исполкома Мособлсовета в годы войны П. С. Тарасова. Взят на учет фонд секретаря Дмитровского подпольного окружкома ВКП(б) С. П. Афанасьева. В нем имеются подлинные списки партизан и подпольщиков, текст их присяги, записная книжка с записями явок и паролей.

В Государственный архив Смоленской области поступило семь личных фондов ветеранов войны (309 дел, 136 фронтовых писем). В их числе фонд бывшего командира роты 262-й Демидовско-Хинганской ордена Суворова II степени стрелковой дивизии майора И. Р. Нападайло. В составе фонда — фронтовые письма, воспоминания участников боев, рукописи статей, переписка с однополчанами и их семьями, наградные документы. Пополнилась коллекция «Смоляне — Герои Советского Союза», куда вошли копии документов из ЦАМО¹⁹.

Ленинградские архивисты собрали 15 тыс. уникальных фотодокументов о боевых действиях защитников Ленинграда, о жизни в блокаду, о Дороге жизни, о партизанском движении. Документы эти уникальны еще и потому, что авторами их являются как известные фотомастера, так и люди, оказавшиеся свидетелями чрезвычайно важных и интерес-

¹⁸ Письма военных лет. Кунгур, 1985.

¹⁹ Протокол № 3 заседания коллегии Главархива РСФСР 28 февраля 1985 г. // Текущее делопроизводство Главархива РСФСР за 1985 г. Д. 10-1. Л. 42.

ных явлений и событий²⁰. Таким образом, работа, проводимая архивными учреждениями, принесла заметные результаты. Государственные архивы пополнились ценнейшими материалами о войне, свидетельствами живой истории. В основном это личные фонды или коллекции документов ветеранов войны и тружеников тыла, фотодокументы.

Архивные учреждения республики провели значительную работу по публикации архивных документов периода войны. В 1971—1986 гг. издано 32 сборника документов объемом 894 печ. л., тиражом 460,5 тыс. экз. В преддверии 40-летия Победы, в 1981—1985 гг., издано 20 сборников объемом 331 печ. л., тиражом 163,5 тыс. экз.

Публикация документов велась по разным темам, основными из них являлись: вклад трудящихся областей, краев и автономных республик в победу над врагом, фронтовые письма, очерки о героях Великой Отечественной войны. Среди сборников, входящих в первую тематическую группу, следует назвать: «Западный Урал — фронту: Трудящиеся Пермской области в борьбе за победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (Пермь, 1985), «Все для Победы: Тульская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (Тула, 1985), «И позвала сынов Отчизна: Брянцы в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (Тула, 1985), «Немеркнущий подвиг: О вкладе трудящихся Рязанской области в победу над врагом» (М., 1982), «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (Сыктывкар, 1982) и др. Документы сборников показывают, как под руководством Центрального Комитета партии и Советского правительства велась перестройка народного хозяйства на военный лад, налаживался выпуск продукции для нужд фронта. Многочисленные документы сборников повествуют о массовом трудовом героизме рабочих промышленности, тружеников сельского хозяйства, о создании фронтовых бригад, выполнении и перевыполнении планов производства и выпуска военной техники и снаряжения. В отдельную группу выделены документы о братской помощи населению освобожденных от фашистов районов страны.

Вторую тематическую группу составляют сборники писем участников войны. Приступая к работе, государственные и другие архивохранилища еще не располагали такими источниками. Они находились у ветеранов, в семьях погибших воинов. Параллельно велась работа по сбору этих реликвий и по мере их поступления — подготовка к изданию. Ценность этих изданий велика. Вот что писал дважды Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии маршал авиации Е. Я. Савицкий в предисловии к сборнику «Письма с фронта», изданному краснодарскими архивистами: «Письма, собранные в этой книге, больше, чем просто история войны. Это — история духа человеческого, души народной. Образное, эмоциональное, живое, выстраданное и наболевшее, жгуче-правдивое Слово о войне, Слово о людях на войне. Письма эти, каждое само по себе сугубо личное, собранные вместе, стали осмыслением подвига, мужества человеческого, горя людского, принесенного войной»²¹.

К юбилею Победы изданы сборники фронтовых писем рядом автономных республик, краев и областей под разными названиями: «Мы освободим родную советскую землю» (Петрозаводск, 1984) — Карельская АССР; «Письма огненных лет» (Устинов, 1985) — Удмуртская АССР; «Огненные строки» (Ставрополь, 1985) — Ставропольский край; «Строки, написанные войной» (Свердловск, 1985) — Тюменская область, и др. В тюменском сборнике помещено письмо к брату перед отправкой во вражеский тыл известного разведчика Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Он писал: «Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов за то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопо-

²⁰ Протокол заседания научного совета Главархива РСФСР от 16 апреля 1985 г. // Там же. Д. 10-3. Л. 16.

²¹ Письма с фронта: Сб. документов. Краснодар, 1983. С. 35.

жертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия»²².

В работу по изданию сборников фронтовых писем включаются и государственные архивы низового звена. Сборник документов «Письма славы и бессмертия» (Кунгур, 1985) подготовил и издал филиал Пермского областного госархива в г. Кунгуре, сборник «Память огненных лет» (Горно-Алтайск, 1985) — Государственный архив Горно-Алтайской автономной области.

Третью группу составляют сборники очерков, в которых на документальной основе рассказывается о героических подвигах воинов — Героев Советского Союза. В 1982—1985 гг. изданы сборники «Смоляне — Герои Советского Союза» (М., 1982), «Боевое созвездие орловцев» (Тула, 1985), «Герои Советского Союза — наши земляки» (Устинов, 1985) — Удмуртская АССР. Подготовка таких изданий предшествует большая собирательская и исследовательская работа архивных работников и авторских коллективов по установлению лиц — Героев Советского Союза, описанию их боевых подвигов, уточнению многих фактов.

Активное место заняли и другие формы использования документов в идеологической, политико-воспитательной работе, работе по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, молодежи. Архивные учреждения подготовили многочисленные тематические обзоры и перечни документов, информационные письма и справочники. Такие, например, как «Мордовия в годы Великой Отечественной войны», «Письма с фронтов Великой Отечественной» (Татарская АССР), «Документы архива о трудовом героизме рабочих Кузбасса в годы войны», «Помощь трудящихся Башкирской АССР районам, освобожденным от оккупации», «Тува — фронту», «Великая Отечественная война в документах государственного архива Омской области» и многие другие. Документы и материалы, включенные в информации, использовались в докладах партийных и советских органов на торжественных собраниях, в редакционных материалах, радиопередачах, лекциях и беседах, экспозициях краеведческих музеев, при решении вопросов об установлении мемориальных досок и оформлении братских могил.

В изданиях обкомов КПСС, центральных, республиканских, областных, районных, городских, ведомственных и многотиражных газетах опубликовано значительное количество статей и сообщений по архивным материалам, а также подборок документов. Как правило, публикация их проводилась циклами под постоянными рубриками: «40 победных лет», «Все для фронта, все для Победы!», «В тылу — как в бою», «Летопись Победы», «Мгновения огненных лет», «Страницы народного подвига», «40 лет назад» и др. Живой отклик у читателей встретили публикации в печати писем с фронта и на фронт. Их публикация способствовала тому, что целый ряд госархивов (Северо-Осетинская АССР, Липецкая, Смоленская области) пополнились личными документами периода войны.

Работники архивных учреждений Российской Федерации приняли активное участие в научно-практических и теоретических конференциях, вузовских чтениях, семинарах, организованных партийными органами, научными и общественными организациями, отделениями ВООНИК, высшими учебными заведениями. В работе Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества», проведенной Главархивом СССР, приняли участие сотрудники ЦГА РСФСР, ЦГА Карельской АССР, госархивов Волгоградской области. Их сообщения были заслушаны на заседаниях секции «Советские архивы — к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

²² Строки, написанные войной: Сб. документов. Свердловск, 1985. С. 60—61.

В госархивах были подготовлены тексты лекций и бесед, переданные для использования партийным и советским органам, местным отделениям общества «Знание», ВООПИК. Архивисты сами выступали на встречах, семинарах и совещаниях, организованных обкомами и горкомами КПСС, исполкомами Советов народных депутатов. На них демонстрировались подлинные документы, слайды, диафильмы, фотокомплекты. Тематика лекций и бесед была разнообразной: «Смоленское подполье», «Саратовцы в годы войны», «Война глазами солдата», «Батальон имени Моссовета», «Матросы Севера» и др. Аудитория подобных встреч была самой широкой — пропагандисты, хозяйственный актив, трудовые коллективы, учащиеся вузов, техникумов, ПТУ и школ, члены краеведческих и других клубов.

Юбилею Победы были посвящены циклы телевизионных и радиопередач: «Документы героических лет», «Переписка фронта и тыла», «Нам дороги эти позабыть нельзя», «Листовки военного времени», «Годы, опаленные войной», «Когда говорят документы», «Память», «День за днем», «Во имя Победы», «Хлеб войны», «Дети войны», «Обыкновенный русский человек». Такие передачи прошли в Башкирской, Карельской, Чувашской автономных республиках, Алтайском, Красноярском краях, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Калининской и многих других областях. Архивисты Татарии подготовили и передали по радио музыкально-литературную экспозицию по солдатским письмам «Клянемся защищать Родину». Передача получилась интересной, эмоциональной.

Активно пропагандировались документы периода войны на выставках документов. Экспозиции готовились как архивами, так и совместно с партархивами, Домами политического просвещения, отделами культуры областных, городских и районных исполкомов, краеведческими музеями и библиотеками, местными отделениями общества «Знание» и ВООПИК, учебными заведениями. Содержание большинства выставок отражало участие областей, городов и районов в Великой Отечественной войне: «Дон в Великой Отечественной войне», «Оренбуржцы в Великой Отечественной войне», «Алтай в годы войны» и др. По тематике выставки документов охватывали практически все проблемы всенародной помощи фронту, работы тыла. В них нашли отражение также и ратные подвиги советских солдат: «Письма с фронта и на фронт» (Приморский край), «Шла война народная» (Пермская область), «Подвиг народа — бессмертен», «В памяти народной» (Ростовская область), «Победили в бою, победим в труде» (Рязанская область), «Страницы боевых биографий» (Московская область), «Бессмертный подвиг народа» (Курганская область), «Единство фронта и тыла» (Ивановская область), «Этот день мы приближали, как могли» (Брянская область) и др.

Выставки экспонировались в зданиях областных и районных исполкомов, Домах политического просвещения, культурно-просветительных и общественных учреждениях, учебных заведениях, промышленных предприятиях, а также на улицах городов. Многие из них были тиражированы и разосланы заинтересованным учреждениям и организациям по их запросам. Основные на подлинных архивных документах выставки имели большой общественный резонанс. Так, фотовыставка «Память», которую подготовила группа карельских фотокорреспондентов с использованием архивных документов, завоевала первую премию на республиканской выставке, посвященной 40-летию Победы. Архивная выставка «Татария — фронту» была представлена в числе других в Выставочном зале Казани. Обком КПСС объявил центральному архиву благодарность за качественное исполнение выставки. На базе архивных выставок проводились многие общественные мероприятия — дни пропагандистов, единые политдни, встречи с ветеранами, экскурсии, школьные уроки.

Значительное место в работе архивов заняла подготовка плакатов, буклетов, фотоальбомов, фотокомплектов и листовок по темам: «Вставай, страна огромная!», «Подвиги героев в сердцах народных», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Строки, опаленные войной», «Герои Липец-

кой земли», «Они сражались за Родину». Издания рассылались в районные и городские госархивы, учебные заведения, библиотеки, учреждения и предприятия, где они использовались в качестве наглядных пособий на школьных уроках, встречах с общественностью.

Большое эмоциональное воздействие имели опубликованные фотодокументы военных лет. Как свидетельствуют письма из редакций газет «Вечерний Ленинград» и «Ленинградский рабочий», творческое сотрудничество ленинградских архивистов и журналистов было исключительно плодотворным. На страницах этих газет и фотовыпусков «Солдаты Ленинфронта», «Мгновения огненных лет» было опубликовано около сотни архивных фотодокументов. Редакции получили большое количество благодарственных писем от читателей и от людей, узнавших себя или своих близких на фотографиях.

Расширилась такая форма использования документов, как подготовка диафильмов и слайд-фильмов. В госархивах Кабардино-Балкарской АССР, Карельской АССР, Москвы и Ленинграда, Воронежской, Тульской областей подготовлены диафильмы и слайд-фильмы: «Нальчик. К награждению города орденом Великой Отечественной войны I степени», «Во имя Родины», «Партизанский отряд „Вперед“», «Воронеж-боец, Воронеж-труженик», «Героическая оборона Тулы» и др. Фильмы демонстрировались на встречах с общественностью, при проведении научно-практических конференций.

Подводя итоги работы, проделанной в период подготовки 40-летия Победы, приведем некоторые статистические данные. Так, в партийные, советские органы, другие заинтересованные организации было направлено 246 документальных информационных материалов, издано 20 сборников документов, опубликовано 1651 статья, организовано 755 радио- и телепередач, подготовлено 340 документальных выставок, проведено 1027 лекций и встреч с общественностью, 406 школьных уроков и экскурсий в госархивы, подготовлено 56 подборок фотодокументов, издано 12 документальных плакатов и т. д. Проведена огромная справочная работа, выдано 55,5 тыс. справок о награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и т. д.

Архивисты республики видят свою задачу в том, чтобы обработать, сохранить и как можно лучше использовать собранные материалы в работе по идейно-патриотическому воспитанию трудящихся, и особенно молодежи, а также в том, чтобы с новой энергией продолжить поиск и сбор документов этого героического периода.

М. П. Ирошников

ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ЛОИИ¹

С марта 1936 г., когда было образовано Ленинградское отделение Института истории, прошло полвека.

Все это время ЛОИИ успешно продолжало славные традиции Археографической комиссии в области выявления, изучения и издания источников по отечественной истории. Только количество отдельных книжных изданий разного рода материалов и документов по истории СССР, опубликованных за эти годы типографским и ротационным способами под грифом ЛОИИ или подготовленных с участием его сотрудников, составляет около 150².

Одно перечисление всех этих изданий заняло бы слишком много места. Поэтому напомним по необходимости кратко об основных направлениях, в которых развивалась в ЛОИИ публикация источников по отечественной истории, отметив наиболее важные и ценные издания.

Обратившись к известной книге С. Н. Валка «Советская археография», в которой дан анализ состояния и итогов публикаторской деятельности советских историков на первые послевоенные годы, находим авторитетное свидетельство о том, что во второй половине 1930-х годов вся основная работа по изданию документов вплоть до начала Великой Отечественной войны легла именно на ЛОИИ³.

В области истории СССР периода феодализма в эти годы был продолжен ряд уже начатых Историко-археографическим институтом АН СССР изданий по экономической истории («Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.»), по истории классовой борьбы («Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке») и по истории народов СССР (башкир, татар, якутов). В подготовке этих изданий принимали участие В. Г. Гейман, Б. Д. Греков, В. Н. Кашин, Р. И. Козинцева, Г. Е. Кочин, И. В. Мешалин, А. В. Предтеченский, З. Н. Савельева (Тимофеева), Н. С. Чаев, К. Н. Сербина и др.⁴

Тогда же под руководством Б. Д. Грекова было начато и такое важнейшее научное издание, как «Русская Правда». Том первый (Тексты) был опубликован при участии московских ученых в 1940 г. Второй том (Комментарии) этого фундаментального академического издания, прерванного войной, вышел в свет уже в 1947 г. Работа по подготовке этих томов, каждый из которых составлял 75 авт. л., была выполнена в основном силами сотрудников ЛОИИ⁵.

¹ Статья подготовлена на основе доклада, сделанного 29 января 1985 г. на заседании Ученого совета ЛОИИ, посвященном 150-летию Археографической комиссии. К этой дате был приурочен выход в свет «Библиографического указателя изданий Археографической комиссии, 1836—1936» (Сост.: Л. П. Смирнова, А. Ф. Тутова (отв. сост.), А. А. Цеханович; Редкол. М. П. Ирошников (отв. ред.), А. И. Копанев, В. И. Рутенбург, В. А. Филов, В. А. Шипкин, С. О. Шмидт. Л., 1985).

² Данный (разумеется, не исчерпывающий) подсчет осуществлен по библиографическим материалам библиотеки ЛОИИ.

³ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 24.

⁴ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина В. И. Морозова. М.; Л., 1936. Ч. 2. 263 с.; Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.; М.; Л., 1937. 468 с.; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л., 1936. 631 с.; Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Ч. 1. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX в. М.; Л., 1936. 512 с.; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. 262 с.

⁵ Правда Русская/Под ред. акад. Б. Д. Грекова. Т. 1. Тексты/Подгот. к печати

Как непосредственное продолжение академического издания «Правды Русской» академиком Грековым была задумана серия «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв.» из трех томов: «Судебники XV—XVI вв.»; «Законодательные акты Русского государства XVI—XVII вв.»; «Соборное уложение 1649 г.»

Первый выпуск этой серии — «Судебники XV—XVI вв.» — вышел в свет в 1952 г. под общей редакцией Б. Д. Грекова. Готовился он на базе ЛОИИ в основном силами его ведущих специалистов и состоял из критического издания памятников и большого исследовательского комментария, написанного на таком высоком научном уровне, что отдельные комментарии обычно представляли собой своеобразные микроисследования⁶.

Данное обстоятельство, связанное с особенностями самого возникновения ЛОИИ и формирования основного состава его сотрудников, и определило во многом ставшее традиционным для ЛОИИ не только включение в основные фундаментальные труды источниковедческих элементов, но и осуществление, как правило, параллельной работы по изданию источников и написанию конкретно-исторических исследований. Так, например, создание трудов академика Б. Д. Грекова было тесно связано с публикаторской и комментаторской деятельностью целого коллектива сотрудников ЛОИИ — С. Н. Валка, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, В. Г. Геймана, Г. Е. Кочина, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербиной и др., каждый из которых, в свою очередь, выступал с рядом работ, плодотворно сочетавших приемы источниковедческого и конкретно-исторического исследования.

Еще до выхода в свет «Судебников» был составлен авторский коллектив под руководством С. Н. Валка для подготовки второго выпуска («Законодательные акты Русского государства XVI—XVII вв.»), который должен включать законы после «Судебника 1550 г.» до «Соборного уложения 1649 г.». Однако по ряду причин работа несколько раз прерывалась и возобновлялась. Задуманная Б. Д. Грековым подготовка еще двух фундаментальных комментированных публикаций в качестве заключительных составных частей серии «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв.» была завершена в ЛОИИ лишь в 1982 г. Речь идет о публикациях «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.»⁷ и «Соборное уложение 1649 г.»⁸.

Яркой страницей в археографической деятельности ученых ЛОИИ явилась напряженная работа под руководством академика Е. В. Тарле и А. В. Предтеченского по подготовке сборника документов об Отечественной войне 1812 г. Сборник был подписан к печати 14 июля 1941 г. И выход в свет этой книги, воссоздававшей один из наиболее замечательных периодов героической обороны нашей Родины от иноземных завоевателей, был более чем своевременным и стал патриотическим вкладом ленинградских ученых-историков в священное дело защиты социалистического Отечества⁹.

В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров и др. М.; Л., 1940. 506 с.; Т. 2. Комментарии/Сост.: Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров, Б. А. Романов. М.; Л., 1947. 862 с.

⁶ Судебники XV—XVI веков/Подгот. текстов Р. Б. Мюллер, Л. В. Черепнина; Комментарии А. И. Копанева, Б. А. Романова, Л. В. Черепнина; Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. 619 с.

⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты/Подгот. Р. Б. Мюллер; Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1986. 264 с.; Комментарии/Авт. комментариев: Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, Р. Б. Мюллер, Н. Е. Носов, В. М. Панеях, К. Н. Сербина; Под ред. В. М. Панеяха. Л., 1987.

⁸ Соборное уложение 1649 г./Подгот. текста Л. И. Ивинсй; Авт. комментариев: Г. В. Абрамович, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов, В. М. Панеях; Руководитель авторского коллектива А. Г. Маньков; Редколлегия: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях. Л., 1987.

⁹ Отечественная война 1812 г.: Сб. документов и материалов/Сост.: А. В. Предтеченский, А. В. Васильев, Е. И. Фраткин; Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Предтеченского, Е. И. Бочкаревой. М.; Л., 1941.

С первых послевоенных лет и практически все последующие годы в ЛОИИ продолжалась работа над изданием не только законодательных, но и других источников по истории феодализма в России — государственных и частных актов, летописей и других нарративных источников, различных делопроизводственных и хозяйственных материалов. Достаточно назвать такие известные публикации, как «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», «Книга Большому Чертежу», сборник документов «Восстание И. Болотникова», выпущенный к XV Всемирному конгрессу историков в Стокгольме сборник «Русско-шведские экономические отношения в XVII в.», «Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.)», две книги записок и известий иностранцев о восстании Степана Разина, а также записки Андрея Матвеева — русского дипломата во Франции начала XVIII в.¹⁰

Одновременно в ЛОИИ (прежде всего усилиями К. Н. Сербиной) были подготовлены и изданы новые тома ПСРЛ — Устюжский летописный свод, Уваровская летопись Летописного свода 1518 г., Холмогорская, Устюжские и Вологодские летописи¹¹.

В 1962—1968 гг. сотрудники ЛОИИ (и в первую очередь З. Н. Савельева) под руководством С. Н. Валка осуществили подготовку предпринятого по инициативе и при поддержке академика М. Н. Тихомирова и А. И. Андреева семитомного академического издания знаменитой «Истории Российской» первого русского историографа В. Н. Татищева, которое в 1979 г. было дополнено томом его «Избранных произведений», подготовленным к печати также еще при жизни С. Н. Валка¹².

Начиная с 1970-х годов все более широкое развитие получает издание источников ротапринтом. Методом беззаборной печати к настоящему времени опубликован целый ряд выпусков издания «Вотчинные хозяйственные книги XVI в.», общий объем около 90 печ. л., которые содержат большой и ценный материал по социально-экономической истории Российского государства этого периода. Данные выпуски, ответственным редактором которых является А. Г. Маньков, а в подготовке активно участвовали З. Н. Савельева, Т. М. Новожилова, А. И. Копанев, Г. А. Победимова, Л. С. Прокофьева, Д. И. Петрикеев, З. В. Дмитриева и другие сотрудники ЛОИИ, осуществляются как традиционным

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Подгот. к печати: В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Р. Б. Мюллер; Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. 408 с.; Книга Большому Чертежу/Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 230 с.; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы/Вступ. статья И. И. Смирнова; Сост.: А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. 455 с.; Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов/Сост.: М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт; Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л., 1960. 654 с.; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.)/Сост. Л. И. Ивина; Отв. ред. А. Г. Маньков. Л., 1983. 352 с.; Записки иностранцев о восстании Степана Разина: (Тексты, перевод и исследования)/Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1968. 174 с.; Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования/Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. 191 с.; Русский дипломат во Франции: Записки А. Матвеева/Подгот. И. С. Шарковой; Под ред. А. Д. Люблинской; Вступ. статья А. Д. Люблинской, И. С. Шарковой. Л., 1972. 296 с.

¹¹ Устюжский летописный свод: (Архангелогородский летописец)/Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 128 с.; ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)/Отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров; Сост. и ред. тома К. Н. Сербина. М.; Л., 1963. 411 с.; Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец/Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков; Сост.: Я. С. Лурье, К. Н. Сербина; Ред. тома К. Н. Сербина. Л., 1977. 250 с.; Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв./Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков; Сост.: Н. А. Казакова, К. Н. Сербина; Ред. тома К. Н. Сербина. Л., 1982. 228 с.

¹² Татищев В. Н. История Российская: В 7 т./Под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова; Подгот. к печати И. В. Валкиной, М. П. Ирошниковой, Т. М. Новожиловой, З. Н. Савельевой. М.; Л. Т. 1. 1962. 500 с.; Т. 2. 1963. 352 с.; Т. 3. 1964. 338 с.; Т. 4. 1964. 556 с.; Т. 5. 1965. 344 с.; Т. 6. 1966. 435 с.; Т. 7. 1968. 483 с.; *Он же*. Избранные произведения/Под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979. 464 с. Подробнее см.: Копанев А. И. Академическое издание «Истории Российской» // ВИ. 1965. № 10. С. 149—152; Юхт А. И. Об изданиях «Истории Российской» В. Н. Татищева // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 201—213.

путем полной публикации документов, монастырских книг¹³ (Иосифо-Волоколамский монастырь, Спасо-Прилуцкий монастырь, Писцовая книга Белозерского уезда 1585 г), так и заслуживающим внимания способом сокращенного издания (Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв.; Хозяйство крепостного крестьянина XVII в., Переписная книга 1672 г. по селу Лыскову)¹⁴. В дальнейшем, судя по всему, использование безнаборной печати для публикаций источников будет возрастать. Это обстоятельство следует, разумеется, самым серьезным образом учитывать в издательских планах и археографической практике ЛОИИ. Необходимо, по-видимому, еще больше расширить использование ротапринтного способа для издания, в частности, и других видов источников по отечественной истории. О том, что это можно делать, и достаточно успешно, свидетельствует, например, опыт публикаций реляции Петра Петрея, записок капитана Маржерета, различных документов и материалов о внешнеэкономических связях России в XVII в., записок Ф.-И. Страленберга об истории и географии России и др.¹⁵

В настоящее время силами сотрудников ЛОИИ под руководством В. Л. Янина заканчивается подготовка нового комментированного издания «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», завершена подготовка крупной публикации «Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVII в.» (отв. ред. Н. Е. Носов), в тесном контакте с Институтом истории АН СССР в Москве, Археографической комиссией АН СССР, Научным советом по проблеме «История исторической науки» и другими научными учреждениями (прежде всего БАН) ведется подготовка к изданию очередных томов ПСРЛ (Радзивиловская и Типографская летописи), указателя содержания издания «Летопись занятий Археографической комиссии, 1861—1928», сборников печатных трудов и неопубликованного наследия О. А. Добиаш-Рождественской, А. Е. Преснякова, С. Н. Валка.

¹³ См.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590—1600 гг./Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1976. Вып. 1. С. 1—188; Вып. 2. С. 189—364; Вып. 3. С. 365—528; Книги денежных сборов и выplat Иосифо-Волоколамского монастыря 1573—1595 гг./Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1978. Ч. 1. С. 1—188; Ч. 2. С. 189—307; Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг./Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1979. Ч. 1. С. 1—217; Ч. 2. С. 218—420; Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг./Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1980. Ч. 1. С. 1—204; Ч. 2. С. 205—276; Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559—1601 гг./Под ред. А. Г. Манькова. М., 1983. Вып. 1. С. 1—132; Вып. 2. С. 133—310; Вып. 3. С. 311—496; Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года/Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1984. 224 с.

¹⁴ Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв./Сост.: Н. П. Воскобойникова, А. И. Копанев, Г. А. Победимова; Отв. ред. А. Г. Маньков. М.; Л., 1977. Вып. 1. 88 с.; Вып. 2. С. 89—202; Вып. 3. С. 203—348; Вып. 4. С. 349—436; Хозяйство крепостного крестьянина XVII века. Переписная книга 1672 года по селу Лыскову с приселками и деревнями/Сост.: А. И. Копанев, Д. И. Петрикеев; Отв. ред. А. Г. Маньков. М.; Л., 1982. Вып. 1. 170 с.; Вып. 2. С. 171—293.

¹⁵ Реляция Петра Петрея о России начала XVII в./Сост. и автор коммент. Ю. А. Лимонов; Пер. реляции Г. М. Коваленко; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1976. 127 с.; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из советских архивов/Редколлегия: А. Атман (Швеция), Ф. И. Долгий (СССР) и др. М.; Стокгольм, 1978. 296 с.; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке/Ред. И. П. Шаскольский. М., 1981. Вып. 1. 187 с.; Вып. 2. С. 187—392; 1982. Вып. 3. 604 с.; Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в.: Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах/Ред.-сост.: А. И. Комиссаренко, И. С. Шаркова; Отв. ред.: Е. И. Индова, Ю. А. Тихонов. М., 1981. 174 с.; Россия начала XVII в. = La Russie au début du XVII S.: Записки капитана Маржерета/Сост. и авт. введ. Ю. А. Лимонов; Комментарии Ю. А. Лимонова, Т. И. Шаскольской; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1982. 255 с. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого/Отв. ред. М. П. Ирошников. Сост.: Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспятых, В. Е. Возгрии. М.; Л., 1985. Вып. 1. 220 с.; 1986. Вып. 2. 226 с.

В области истории СССР периода капитализма публикаторская деятельность в ЛОИИ также имеет давние традиции, восходящие к временам, когда С. Н. Валк, Ш. М. Левин, В. А. Петров, А. В. Предтеченский, Б. М. Кочаков, А. Л. Шапиро публиковали как книжными изданиями, так и в «Красном Архиве», «Красной летописи» и других журналах, а также в виде публикаций в сборниках материалов и статей многочисленные и яркие документы, отражавшие все этапы революционно-освободительного движения в России. Документы «Земли и воли», «Народной воли», материалы судебных процессов над деятелями революционного движения, памятники агитационной литературы — все эти документы издавались в соответствии с самыми строгими научными требованиями того времени, а иногда и далеко опережая эти требования.

Одновременно с практической публикаторской работой развернулась деятельность С. П. Валка по выработке правил, методических приемов и теоретических основ публикаторского дела. Базируясь на достижениях русской и зарубежной археографии, творчески перенося приемы изучения и издания источников дореволюционного периода на массивы историко-революционного материала, С. Н. Валк внес выдающийся вклад в археографию нового времени. Участие в создании правил издания сочинений В. И. Ленина, в работе Института Ленина обеспечило ему видную роль в развитии советской археографии и источниковедения ленинского революционного наследия, а позднее и наследия послеоктябрьской государственной деятельности В. И. Ленина.

Нельзя не упомянуть большую работу, также носившую новаторский характер, хотя она выходит за хронологические рамки капиталистического периода. Я имею в виду фундаментальную публикацию по истории Казахстана, которую готовили в предвоенные годы М. И. Стеблин-Каменская и М. П. Вяткин («Материалы по истории Казахстана. 1785—1928 гг.»). К сожалению, война помешала ее осуществлению в задуманном виде. Однако значение проделанного очень велико. Материал этот был использован впоследствии казахскими историками (и не только ими) в самом широком масштабе¹⁶.

Послевоенные сороковые годы и начало пятидесятых годов — время интенсивной публикаторской работы ЛОИИ по истории феодального периода — ознаменовались возвращением к ней и в области истории периода капитализма. Первым был изданный под редакцией С. Н. Валка сборник документов «Отмена крепостного права». В этот же период вышли в свет и сборники «Текстильная промышленность в Московской губернии в XVIII и начале XIX в.» и «Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в., 1861—1904»¹⁷.

С середины 50-х годов в связи с привлечением внимания исследователей капиталистического периода к изучению объективных предпосылок социалистической революции ряд сотрудников ЛОИИ (Б. А. Романов, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Гавелин, А. А. Фурсенко, И. А. Бакланова, Э. Э. Крузе, Т. М. Китанина, Л. Е. Шепелев, В. А. Нардова, С. И. Потолов, А. Н. Титова) включаются в работу над документальными публикациями о монополистическом капитале в России. Первым по времени издания явился вышедший в 1957 г. подготовленный совместно с московскими историками и ЦГИАЛ СССР двухтомный сборник об экономическом положении России в 1917 г. Он включал материал двух видов — документы о развитии монополий в различных отраслях про-

¹⁶ Материалы по истории Казахской ССР/Отв. ред. В. И. Лебедев; Том подгот. к печати под руководством М. П. Вяткина. М.; Л., 1940. 543 с.

¹⁷ Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы, 1861—1862/Отв. ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1950. 312 с.; Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. 2. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в. М.; Л., 1950. 563 с.; Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, 1861—1904: Сб. документов/Сост. И. А. Бакланова, И. П. Шаскольский; Ред.-сост. К. Н. Сербина; Отв. ред. В. К. Яцунский. М.; Л., 1960. 666 с.

изводства и банковском деле, с одной стороны, и об экономической разрухе — с другой¹⁸.

В 1961 г. вышел в свет сборник «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914 гг.», который в 1973 г. был дополнен вторым томом, охватывающим 1914—1917 гг. В 1963 г. увидел свет сборник «Монополии в металлургической промышленности», охватывающий 1900—1917 гг.¹⁹ Сборники эти характерны тем, что в них материалы самих монополий сочетаются с документами правительственных ведомств, отразившими важные стороны экономической политики царизма.

Параллельно с документальными изданиями об экономическом развитии капитализма в России сотрудники ЛОИИ участвуют в подготовке важных публикаций, хотя и не столь систематических, по истории революционного движения (трехтомное «Дело петрашевцев», «Документы по истории сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг.», двухтомник «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», «Революционное движение в Новгородской губернии. 1905—1907 годы»), а также ряда ценных изданий по истории отечественной общественно-политической мысли («Проекты и записки» М. М. Сперанского), публицистики и критики 60-х годов XIX в. и далее («Воспоминания», «Русская литературная критика 1860 годов» Аполлона Григорьева; «Литературная критика. Публицистика. Письма» В. П. Боткина²⁰.

Этот, начавшийся со второй половины 1950-х годов качественно новый этап в публикаторской работе ЛОИИ по истории капиталистического периода отражал назревшую потребность советской исторической науки в расширении круга источников. Сейчас перед нами стоит задача преодолеть паузу, которая образовалась в публикаторской работе ЛОИИ в этой области. Думается, что планы, предусматривающие подготовку документальной публикации по банковскому капиталу, с одной стороны, и по революционному народничеству — с другой, представляют собой удачное развитие старых научных традиций на современной исследовательской базе.

Начиная с середины 1950-х годов, когда в составе ЛОИИ была создана немногочисленная тогда группа по истории СССР периода социализма, ЛОИИ последовательно проводит большую работу по изучению и изданию источников по истории Великой Октябрьской социалистической рево-

¹⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, март — октябрь 1917 г.: Документы и материалы/Редколлегия А. Л. Сидоров (отв. ред.), П. В. Волобуев, Л. С. Гапоненко, В. А. Емец, Л. Е. Шепелев. М.; Л., 1957. Ч. 1. 692 с.; Ч. 2. 655 с.

¹⁹ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914: Документы и материалы/Редколлегия: М. Я. Гефтер (отв. ред.), А. И. Гулиев, А. А. Фурсенко (зам. отв. ред.), Л. Е. Шепелев. М.; Л., 1961. 796 с.; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1914—1917: Документы и материалы. Л., 1973. 552 с.; Монополии в металлургической промышленности России, 1900—1917: Документы и материалы/Отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1963. 655 с.

²⁰ Дело петрашевцев/Подгот. к печати В. Ф. Лейкиной-Свирской; Общ. ред. С. Н. Валка. М.; Л. Т. 1. 1937. 583 с.; Т. 2. 1941. 460 с.; Т. 3. 1951. 519 с.: Документы по истории сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг./Сост.: Ф. С. Назаров, В. А. Петров. Ввод. статья В. А. Петрова. М.; Л., 1957. 475 с.; Революционное движение в Новгородской губернии, 1905—1907 годы/Сост.: Н. С. Васильева и др.; Науч. ред. В. И. Ромашова, 1980: Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов/Редколлегия: С. Н. Валк, С. С. Волк, Б. С. Итенберг, Ш. М. Левин; Сост.: В. Ф. Захарина, С. С. Волк, В. Н. Гинев. М., 1964. Т. 1: 1870—1875 гг. 530 с.; М.; Л., 1965. Т. 2: 1876—1882 гг. 472 с.; Сперанский М. М. Проекты и записки/Подгот. к печати А. И. Копанев, М. В. Кукушкина; Под ред. (и с предисл.) С. Н. Валка. М.; Л., 1961. 244 с.; Григорьев Аполлон Александрович. Воспоминания/Подгот. к печати Б. Ф. Егоров. Л., 1980. 439 с.; Он же. Русская литературная критика 1860-х годов: Избранные статьи/Сост. предисл. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. 352 с.; Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма/Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. 320 с.

люции и советского общества. В значительной мере этому способствовало то, что ЛОИИ имеет давние и добрые традиции тесного сотрудничества с архивами. Центральное место в публикаторской деятельности советского сектора занимают две важнейшие проблемы: история Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти и Ленинград в Великой Отечественной войне.

Достаточно напомнить прежде всего о значительной совместной работе ЛОИИ с московскими историками и архивистами по подготовке известной документальной серии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (в частности, сборник «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа»). Ценным опытом видовой публикации стало трехтомное издание «Районные Советы Петрограда в 1917 г.»²¹. Необходимо назвать и ряд других важных документальных публикаций, подготовленных сотрудниками ЛОИИ, ЦГА ОР г. Ленинграда и ЦГА ВМФ, например такие известные издания, как «Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918 г.)»; «Военно-морской революционный комитет»; «Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917—1920)». Представленные в этих сборниках материалы весьма разнообразны: директивы, приказы, предписания, доклады, донесения, протоколы, резолюции, телеграммы, удостоверения, воспоминания, письма. Расположенные в хронологическом порядке, все эти документы и материалы охватывают ответственный период в истории страны — 1917—1920 годы. Это позволяет составить целостное представление о важной роли, которую сыграли под руководством большевиков революционные моряки в становлении Советской власти на местах, ее укреплении и защите. Несомненным достоинством указанных сборников являются содержательные примечания и обстоятельный научно-справочный аппарат²². Из последних публикаций следует отметить вышедшие в 1979 и 1982 гг. два тома протоколов фабрично-заводских комитетов Петрограда в 1917 г. В публикацию вошли протоколы крупнейших петроградских предприятий: Путиловского, Сестрорецкого, Патронного, Адмиралтейского и Балтийского заводов и Арсенала Петра Великого. Опубликованные документы освещают обширный круг проблем: отношение пролетариата к политическим партиям, массовым общественным организациям, взаимоотношения его с предпринимателями и администрацией, со своими товарищами по классу — рабочими других заводов и фабрик, крестьянами и солдатами Петроградского гарнизона. Несомненным достоинством сборников является то, что подавляющая часть представленных материалов вводится в научный оборот впервые²³.

Важным вкладом в источниковую базу исследования истории Велико-

²¹ Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г.: Разгром корниловского мятежа/Отв. ред. Д. А. Чугаев. М., 1959. 696 с.; Районные Советы Петрограда в 1917 г.: Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполкома/Сост.: Б. Д. Гальперина, И. М. Рогозина, В. И. Старцев (отв. сост.); Редколлегия: С. Н. Валк, Х. Х. Камалов, В. И. Старцев, А. Л. Фрайман. М.; Л., 1964. Т. 1. 374 с.; 1965. Т. 2. 331 с.; 1966. Т. 3. 407 с.

²² Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918): Документы и материалы/Сост.: Т. С. Федорова, Н. Н. Хомчук, А. А. Муравьев; Отв. ред. А. Л. Фрайман. Л., 1968. 366 с.; Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г.: Документы и материалы/Сост.: Н. А. Маркина, Т. С. Федорова (отв. сост.); Редколлегия: В. М. Ковальчук, И. Н. Соловьев, А. Л. Фрайман (отв. ред.), С. С. Хесин. Л., 1974. 391 с.; Военно-морской революционный комитет: Сб. документов. Л., 1975. 293 с.; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917—1920 гг.): Сб. документов/Сост.: А. Е. Иоффе, Л. И. Спиридонова, Т. С. Федорова (отв. сост.); Редколлегия: В. М. Ковальчук, И. Н. Соловьев, С. С. Хесин (отв. ред.). Л., 1982. 408 с.

²³ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: Протоколы/Сост. Б. Д. Гальперина; Редколлегия: И. И. Минц (отв. ред.), Б. Д. Гальперина, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев. М., 1979. 655 с.; Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: Протоколы/Отв. сост. Б. Д. Гальперина; Редколлегия: И. И. Минц (отв. ред.) и др. М., 1982. 349 с.

го Октября и гражданской войны стало неразрывно связанное с именем крупнейшего советского археографа С. Н. Валка капитальное издание «Декреты Советской власти», осуществленное совместно Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории АН СССР. При непосредственном и ведущем участии С. Н. Валка были подготовлены девять из двенадцати опубликованных томов серии²⁴. Разработанные им археографические принципы и методы сделали издание ценнейшим источником для изучения истории всех сколько-нибудь важных вопросов и аспектов социально-экономической и военно-политической жизни советского общества в первые послеоктябрьские годы.

В настоящее время в ЛОИИ завершена работа над двумя первыми томами издания «Декреты Советской власти о Петрограде», охватывающими 1917—1920 гг.²⁵ Ценность и важность подобной публикации состоит в том, что впервые в одном издании представлены все советские законодательные акты за 1917—1920 гг., связанные с Петроградом. Они позволяют осветить создание в городе органов власти пролетарского государства, организацию борьбы с контрреволюцией, проведение социалистических преобразований во всех областях социально-экономической и культурной жизни города (первый опубликован в 1986 г., второй должен выйти к 70-летию Октября).

Материалы сборников раскрывают тесную, неразрывную связь Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и Советского правительства, лично В. И. Ленина с Петроградской организацией РКП(б), с Советами и питерским пролетариатом, освещают выдающуюся роль, которую сыграли ленинские декреты в победе Октября и защите молодой советской республики в годы гражданской войны и империалистической военной интервенции. Наряду с указанными выше томами сейчас начата работа над завершающими (за 1921—1923 гг.) сборниками этого издания.

На протяжении ряда лет ЛОИИ ведет крупные документальные публикации по истории последующих периодов советского общества и в первую очередь по истории Великой Отечественной войны, совместно с Институтом истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, ЦПА, ЛПА, ЦГАОР и ЦГАОР г. Ленинграда. Таковы вышедшие в свет в 1966 и 1968 гг. фундаментальные издания «900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг.» и сборник воспоминаний и дневников участников обороны Ленинграда. В них включены свыше 180 ценнейших документов и материалов, большую часть которых составляют различного характера малоизвестные или неизвестные материалы, извлеченные из центральных и местных архивохранилищ, музейных фондов, периодической печати, а также некоторые специально подготовленные для сборников мемуары участников обороны Ленинграда. Отмеченные документальные публикации ярко и всесторонне освещают одну из героических страниц Великой Отечественной войны — жизнь и борьбу трудящихся города Ленинграда в условиях вражеской блокады²⁶.

Начиная с 1959 г. под редакцией В. М. Ковальчука выходят сборники документов «В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на

²⁴ ДСВ. М., 1957—1978. Т. I—IX. Подробнее см.: Ахапкин Ю. А., Покровский А. С. Научное издание законодательных актов Советской власти: (Из опыта работы) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 25—35. Ирошников М. П. Документальная летопись героической эпохи // Коммунист. 1986. № 15. С. 121—126.

²⁵ Декреты Советской власти о Петрограде, 25 окт. (7 нояб.) 1917—29 дек. 1918. Л., 1986. 288 с.; Декреты Советской власти о Петрограде, 31 янв. 1919—21 дек. 1920. Л., 1987. 300 с./Сост.: А. В. Гоголевский, М. П. Ирошников, Ю. С. Кулышев, А. В. Смолин; Редколлегия: Ю. А. Ахапкин, М. П. Ирошников (отв. ред.), В. М. Ковальчук, З. С. Мирошечкова, В. А. Шишкин.

²⁶ 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг./Сост.: Х. Х. Камалов, Р. В. Сердняк, Ю. С. Токарев; Редколлегия: В. М. Ковальчук, Х. Х. Камалов, Ю. С. Токарев. М.; Л., 1966. 424 с.; Оборона Ленинграда, 1941—1944: Воспоминания и дневники участников/Предисл. М. В. Захарова. Л., 1968. 791 с.

окупированной территории Ленинградской области». Недавно опубликован очередной, четвертый сборник, посвященный событиям 1944 г. Четыре тома указанного сборника представляют собой первую попытку широкой публикации документов по истории партизанского движения в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Они позволяют проследить развитие всенародной борьбы против фашистских оккупантов с трудных дней лета 1941 г. до 1944 г., когда в тылу врага действовали тысячи партизан и по всей Ленинградской области развернулось народное восстание.

Большой интерес вызывают не только многочисленные впервые публикуемые в сборниках документы, но и содержательные комментарии к каждому тому²⁷.

В настоящее время работа по подготовке документальных публикаций, раскрывающих великий подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, продолжает оставаться одной из важнейших задач сотрудников ЛОИИ. Так, подготовлен к печати ценный сборник «Страна — Ленинграду. 1941—1945 гг.» (25 авт. л.)²⁸.

Особо, видимо, следует отметить осуществляемое Лениздатом по инициативе и при активном участии сотрудников ЛОИИ издание 12-томной Библиотеки революционных мемуаров «Из искры возгорится пламя» (отв. составитель В. Н. Гинев), составленное из воспоминаний участников революционного движения в Петербурге — Петрограде и имеющее большое идейно-воспитательное значение. Основываясь на ленинской периодизации освободительного движения в России, издание ставит своей целью рассказать о замечательных революционных традициях нашего народа и их преемственности, предоставить читателю возможность увидеть последовательное развитие трех главных этапов революционного движения в стране — дворянского, разночинского и пролетарского — глазами его ведущих и активных участников.

В начале 1980-х годов вышли в свет четыре тома: «Верные сыны Отечества» (о восстании декабристов); «В дни Октября» (об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде); «Штурманы будущей бури» (об А. И. Герцене и революционерах 1860-х годов); «Пролетарский пролог» (о первых рабочих социал-демократических кружках в Петрограде). Совсем недавно, в 1984 г., опубликованы очередные два тома: «Первые русские социалисты (петрашевцы)» и «На баррикадах» (о революции 1905—1907 гг. в Петрограде)²⁹. В 1986 г. вышли в свет еще два сборника серии: «Революционеры 1870-х годов» и «Крушение царизма»³⁰.

²⁷ В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1941 г.: Сб. документов/Сост.: А. Р. Дзенискевич и др.; Предисл. В. М. Ковальчука. Л., 1979. 302 с.; То же, 1942 г./Сост.: А. Р. Дзенискевич и др. Л., 1981. 359 с.; То же, 1943 г./Сост.: А. Р. Дзенискевич и др. Л., 1983. 391 с.; То же, 1944 г./Сост.: А. Р. Дзенискевич и др. Л., 1985. 328 с.

²⁸ Страна — Ленинграду. 1941—1945: Сб. документов/Сост.: Г. Л. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Серднук; Редакция: В. М. Ковальчук (отв. ред.), Г. А. Малышева, З. С. Миронченкова, Д. И. Петрикеев, В. А. Шпшкин.

²⁹ Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге/Сост., авт. вступ. статьи и примеч.: Л. Б. Добрицкая, Л. С. Семенов; Науч. ред. С. С. Волк. Л., 1982. 400 с.; В дни Октября: Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде/Сост. Х. М. Астрахан; Науч. ред. Л. М. Спириин. Л., 1982. 406 с.; Штурманы будущей бури: Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге/Сост. А. Н. Цамутали; Науч. ред. С. С. Волк. Л., 1983. 414 с.; Пролетарский пролог: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893—1904 гг./Сост., авт. вступ. статьи Е. Р. Ольховский; Науч. ред. Л. М. Спириин. Л., 1983. 431 с.; Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге/Сост. Б. Ф. Егоров; Науч. ред. С. С. Волк. Л., 1984. 392 с.; На баррикадах: Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге/Сост.: Т. П. Бондаревская, Н. И. Приймак; Науч. ред. Л. М. Спириин. Л., 1984. 422 с.

³⁰ Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 — февраль 1917)/Сост.: Р. Ш. Ганелин, В. А. Уланов; Науч. ред. Л. Н. Спириин. Л., 1985. 432 с.; Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге/Сост. В. Н. Гинев; Науч. ред. С. С. Волк. Л., 1986. 440 с. Подробнее см.: *Журавлев В. В.* Из искры возгорелось

В ближайшие годы в связи с 70-летием Великого Октября — главного события XX в. — предполагается опубликовать завершающие тома серии — воспоминания членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», сотрудников ленинской «Искры», участников революционных месяцев исторического 1917 года, когда под руководством ленинской партии большевиков победила Великая Октябрьская социалистическая революция и в первые послеоктябрьские 124 дня («период Смольного») началось становление Советского государства.

Наконец, заслуживает также быть отмеченным и осуществленное ЛОИИ совместно с БАН и Ленинградской организацией Общества книголюб-вов РСФСР в 1984—1985 гг. издание «Петербург—Петроград—Ленинград в открытках», содержащее историко-библиографическое описание весьма интересного и ценного источника — более 9 тыс. самых разнообразных открыток, составивших за первые 50 лет их выпуска в России, начиная с 1895 по 1945 г., своеобразную видеолетопись города на Неве³¹.

На протяжении всей истории существования ЛОИИ его сотрудники, ученые разных поколений и научных школ, плодотворно сочетали археографическую деятельность с созданием коллективных и монографических исследовательских трудов. Эту важнейшую традицию, несомненно, следует всячески развивать и впредь.

пламя: О «Библиотеке революционных мемуаров» // Коммунист. 1987. № 1. С. 109—113.

³¹ Петербург — Петроград — Ленинград в открытках, 1895—1945: Историко-библиографическое описание / Сост.: С. Самуйликович, Н. Шмитт-Фогелевич, С. Мяник; Редколлегия: Г. В. Бахарева, Р. Ш. Ганелин, М. П. Ирошников (отв. ред.), В. М. Ковальчук, В. А. Филлов, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. Л., 1984. 317 с.; *Самуйликович С.* Петербург — Петроград — Ленинград в открытках, 1895—1945: Введение к историко-библиографическому описанию. Л., 1985. 28 с. Подробнее см. рецензии на это издание: *Федоров В.* Новая книга по филокартии // Книжное обозрение. 1985. 18 янв.; *Григорьев Б.* Портрет города // Ленинградская правда. 1985. 27 окт.; *Ларионов В.* Летопись города в открытках // Ленинградская панорама. 1985. № 10. С. 36—37; *Армеев Р.* Открытия почтовой открытки // Известия. 1986. 2 янв.

С. В. Мироненко

60 ЛЕТ ИЗДАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ «ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ»

Осенью 1925 г., за два месяца до столетнего юбилея восстания декабристов, вышли в свет первые два тома, положившие начало документальной серии «Восстание декабристов». С этого момента уже 60 лет продолжается работа по публикации материалов следствия и суда над декабристами.

Следственные материалы по праву считаются основным источником для изучения движения первых русских революционеров¹. Почти полгода длилось дознание. Результатом работы Следственного комитета стало огромное делопроизводство, составляющее теперь более 500 отдельных дел. Среди них — около 300 следственных дел самих декабристов, знаменитое дело № 10, содержащее программные документы движения («Зеленая книга» — устав Союза благоденствия, «Русская правда» П. И. Пестеля и Конституция Н. М. Муравьева), дела о наиболее существенных вехах в истории тайных обществ (о заседании Коренной управы Союза благоденствия в 1820 г. и т. п.), специальные дела о так называемых «мнимых» тайных обществах (Кавказском, Малороссийском), об арестах декабристов и их заточении в крепостях, отдельные дела с бумагами П. И. Пестеля и Д. И. Завалишина, журналы и докладные записки Следственного комитета, материалы Верховного уголовного суда над декабристами и многое другое².

В дореволюционное время почти ничего из следственных материалов по делу декабристов не появлялось в печати. Лишь в относительно короткий период революции 1905—1907 гг. вышли три публикации, впервые познакомившие русского читателя с небольшой частью подлинных показаний декабристов. Это были подготовленные профессором Киевского университета М. В. Довнар-Запольским «Мемуары декабристов (Записки, письма, показания, проекты конституций, извлечение из следственного дела, с вводной статьей)» (Киев, 1906), изданный в том же году в Петербурге под редакцией А. К. Бороздина сборник «Из писем и показаний декабристов» и книга Н. П. Павлова-Сильванского «Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом» (Ростов н/Д, 1907; впервые опубликована в 1906 г. в журнале «Былое»). В них спустя 80 лет, прошедших со времени восстания на Сенатской площади, были напечатаны показания руководителей тайных обществ Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого, П. И. Пестеля, письма декабристов из крепости Николаю I и В. В. Левашову, программные документы и некоторые другие материалы. Публикации эти, однако, не отличались научной тщательностью (исключение составляет книга Н. П. Павлова-Сильванского, где помещены, впрочем, только показания П. И. Пестеля). Сыграв значительную общественную роль обнародованием извлечений из секретнейших материалов самодержавия, они тем не менее не могли служить серьезной основой для научной разработки истории движения декабристов. Готовившиеся в сложнейших условиях, вынуждавших к поспешности, издания Довнар-Запольского и Бороздина содержали серьезные искажения

¹ См. об этом, например, в статьях, опубликованных в АЕ: *Эймонтова Р. Г.* Источники по истории декабристов в советских изданиях // АЕ за 1975 год. М., 1976; *Эйдельман Н. Я.* Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // АЕ за 1972 год. М., 1974.

² ЦГАОР СССР. Ф. 48. Оп. 1, 2.

первоисточников, зачастую совершенно менявшие самый смысл документов. На низкий археографический уровень этих изданий уже указывалось в декабристоведческой литературе.

Приведем несколько примеров, на первый взгляд курьезных, но, к сожалению, вполне характерных для этих изданий. Так, судя по тексту сборника А. К. Бороздина, Рылеев в одном из своих показаний говорил об отсталости «американской конституции» (в то время, конечно, одной из самых передовых в мире). На самом же деле, как видно из оригинала, Рылеев писал об отсталости конституции английской. Перечисляя страсти, движущие человечеством, Рылеев в качестве основных называл чувства «благодарности и мщения», у Бороздина же это было искажено до противоположности: «благодарности и смирения». Ошибки, принципиально меняющие смысл текста, не редкость и в публикации Довнар-Запольского. Н. М. Муравьев в своем «Историческом очерке обозрения хода общества», рассказывая о возникновении первого декабристского общества — Союза спасения, писал: «Копия с устава была доставлена в Москву к Якушкину в твердом уверении, что он незамедлительно вступит в общество без прекословия. Устроив общество, Пестель уехал в Митаву». В упомянутом же издании текст этот передавался так: «Копия с устава была доставлена в Москву к Якушкину в твердом уверении, что он немедленно вступит в бояре, без прекословия устроив общество. Пестель уехал в Митаву». Выходило, по словам Н. М. Муравьева, что Союз спасения был основан И. Д. Якушкиным³.

Октябрьская революция открыла самые сокровенные тайники самодержавия, и Советское правительство с первых месяцев своего существования приступило к публикации документов, до того, как казалось, надежно укрытых в секретных архивах. Ученые получили беспрепятственный доступ к официальным следственным материалам русского революционного движения. Стали готовиться к печати первые публикации документов процессов над революционерами-народниками, народовольцами, декабристами. В 1925 г. страна отмечала столетнюю годовщину восстания на Сенатской площади — первого, по словам В. И. Ленина, революционного выступления против самодержавия. Подготовка к юбилею дала мощный толчок развитию декабристоведения, и прежде всего изданию источников. Специально созданная юбилейная комиссия разработала широкий план мероприятий, включающий как основное звено публикацию подлинных следственных материалов по делу декабристов. Инициатором и главным редактором этого издания, получившего название «Восстание декабристов», был выдающийся советский историк М. Н. Покровский, руководивший в то время Центрархивом — организацией, стоявшей во главе архивного дела всей страны.

Сейчас, когда серия «Восстание декабристов» стала одним из признанных эталонов документальных изданий академического типа, трудно поверить, что задумывалась она со скромной целью: дать возможность студентам изучать историю русского революционного движения по первоисточникам. «Издавая подлинное „Дело декабристов“, Центрархив идет навстречу прежде всего потребностям университетского образования, — объяснял задачи серии М. Н. Покровский в предисловии к I тому. — Семинарий повышенного типа для студентов старших курсов и начинающих „научных сотрудников“ может работать лишь по первоисточникам [...] а архивные подлинники по самой своей индивидуальности не могут стать объектом массовой работы»⁴.

В новой серии предполагалось издать восемь томов. В I—III тома включались следственные дела главных деятелей Северного общества, в IV — Южного общества, в V — общества Соединенных славян; VI том должен был представлять материалы о восстании Черниговского полка, в VII намечалось опубликовать «Русскую правду» Пестеля — основной

³ Подробнее см. об этом в предисловии М. Н. Покровского к I тому серии (Восстание декабристов. М., 1925. Т. I. С. XI—XII).

⁴ Восстание декабристов. Т. I. С. VII.

программный документ Южного общества и, наконец, в последнем, VIII томе планировалось поместить «Алфавит декабристов» — своеобразный справочник о лицах, привлеченных к следствию, составленный специально для Николая I правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым. Таким образом, как мы видим, первоначально задача полного издания всего комплекса следственных материалов вовсе не ставилась.

Распределение дел по томам носило вынужденный характер. По мнению М. Н. Покровского, публикацию следственных материалов следовало бы начать с «документов» общества Соединенных славян и «Южного общества» Пестеля, так как именно они представляли наибольший интерес для изучения истоков русского революционного движения. «К сожалению, обстоятельства чисто технические, но абсолютно непреодолимые,— писал М. Н. Покровский в предисловии к I тому,— мешали пока подготовить к печати эту наиболее для нас ценную часть документального наследства декабристов»⁵. Лишь два года спустя, в 1927 г., Покровский счел возможным печатно объяснить, что скрывалось за туманным термином «технические обстоятельства». Оказалось, что в первые годы после революции при перевозке архивных материалов из Петрограда в Москву следственные дела членов Южного общества были похищены. «Дело „Южного“ общества,— писал он в предисловии к IV тому серии,— действительно было украдено, это не подлежит сомнению. Но что-то,— возможно, что просто громоздкость пакета, который непременно обратил бы на себя внимание при попытке его вынести,— вынудило вора оставить пока свою добычу в стенах архива, засунув ее в своего рода тайник, где она могла бы быть найдена или совершенно случайно, или при тщательном осмотре всего помещения архива снизу доверху»⁶. Воспользоваться похищенным вор не сумел, и следственные дела были случайно обнаружены в тайнике только в начале 1925 г.

Поэтому начало серии положено в октябре 1925 г. томом, в котором публиковались восемь следственных дел руководителей Северного общества и активных участников восстания 14 декабря 1825 г.: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, братьев А. А. и М. А. Бестужевых. Чуть позже, по-видимому в ноябре 1925 г., нарушая план издания, на прилавках книжных магазинов появился VIII том («Алфавит декабристов»), которым первоначально предполагали завершить серию. Если в I томе началась продолжающаяся много лет публикация следственных дел самих декабристов, то VIII том ввел в науку источник другого рода — составленный в 1827 г. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17 декабря 1825 года Следственною комиссиею», получивший широкую известность под более кратким названием «Алфавит декабристов». Составитель «Алфавита» правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков внес в него 579 фамилий лиц, так или иначе фигурировавших во время следствия. О каждом из них Боровков на основании всех материалов, собранных во время следствия, составил краткую, но весьма точную и полную справку. Не все они были членами тайных декабристских обществ или участниками восстаний на севере и юге, но даже простое упоминание того или иного имени в связи с движением декабристов, пусть эта связь и не подтвердилась, влекло за собой составление Боровковым справки для царя.

Выпуск в свет именно этих двух томов объяснялся, помимо всего прочего, и чисто практическими причинами. Оба они фактически были готовы к изданию еще в 1919 г., а «Алфавит декабристов» даже начал тогда печататься в петроградском издательстве «Огни». Обстоятельства подготовки к печати первого тома серии до сих пор не выяснены. Что же касается «Алфавита декабристов», то историю попыток его издания, заняв-

⁵ Там же. С. IX.

⁶ Там же. М., 1927. Т. IV. С. VII.

шую почти четверть века, удалось в общих чертах восстановить. Первая мысль о публикации «Алфавита декабристов» принадлежит Н. П. Павлову-Сильванскому. В 1902 г. он, работая в Государственном архиве и разбирая материалы фонда Верховного уголовного суда и Следственной комиссии, начал готовить к печати рукопись «Алфавита». Однако по цензурным условиям издание в то время не состоялось⁷.

Сохранившийся в архиве Павлова-Сильванского черновик то ли наброска предисловия, то ли заявки на издание позволяет представить себе его замысел (подготовленной к печати рукописи «Алфавита» в архиве нет, и существовала ли она вообще, сказать трудно). Павлов-Сильванский предполагал разделить сам текст «Алфавита» на три части, поместив в первой справки Боровкова о декабристах, преданных Верховному уголовному суду, во второй — справки о причастных к движению, а в третьей — справки о привлеченных к следствию по недоразумению. «Сведения о декабристах, оканчивающиеся в „Алфавите“ 1826-м годом, приговором суда, я дополняю, — писал Павлов-Сильванский, — сведениями о их жизни на каторге и в ссылке из печатного списка с рукописными дополнениями, хранящегося в том же госуд[арственном] архиве, и для позднейшего времени из других источников. Тут же я дал главные библиографические примечания». Из дальнейшего ясно, что эти дополнения он помещал прямо в текст «Алфавита» и только предполагал выделить их особым шрифтом⁸. Важно отметить, что именно Павлову-Сильванскому принадлежит принципиально важная мысль о необходимости биографического комментария к тексту «Алфавита». Как мы увидим, она была сохранена и развита его преемниками.

Несколько лет спустя, в 1906—1907 гг., Павлов-Сильванский (теперь уже вместе с П. Е. Щеголевым) предпринял новую попытку издать «Алфавит декабристов»⁹. Однако и на этот раз публикация не состоялась. В 1907 г. Щеголев был выслан из Петербурга, и многие его замыслы (в том числе и трехтомная «История декабристов», одним из авторов которой должен был быть Павлов-Сильванский) не были осуществлены¹⁰.

Новый этап в подготовке издания «Алфавита декабристов» связан с именами Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Материалы их архивов, которые нам удалось обследовать, не позволяют, к сожалению, точно установить начало работы над «Алфавитом». По всей вероятности, его надо отнести к 1917 г.: на это, как кажется, указывает их замечание во вступительной статье к изданию 1925 г. о вывозе в 1917 г. части Государственного архива из Петрограда в Москву: «Извлечения сведений из самих дел о декабристах редакторам не удалось сделать ввиду вывоза в 1917 г. части Государственного архива в Москву»¹¹. Весной же 1918 г. работа была уже в разгаре. 12 марта (27 февраля) 1918 г. Модзалевский писал Сиверсу из Гатчины: «Двинулся ли Алфавит декабристов? Написано ли предисловие — введение с исторической справкой о Верх[овной] следств[енной] ком[иссии] и суде? Мне досадно, что я задержал последние доставленные Вами листки; авось-либо догоню и наверстаю пропущенное время. Прилагаю карточку о Гурко, из которой, кажется, можно будет пополнить то, что я о нем написал»¹².

Сохранившаяся переписка не дает все же возможности подробно восстановить все этапы работы. Однако из нее видно, что к июлю 1919 г. она была завершена и в издательстве «Огни», которым заведовала

⁷ Невелев Г. А. Н. П. Павлов-Сильванский — историк декабристов // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 1. С. 57.

⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 34. Л. 1—1 об.

⁹ Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс, подготовившие издание 1825 г., сообщая в предисловии об этом замысле, благодарили Щеголева «за сообщение некоторых материалов», собранных им для «Алфавита». / См.: Восстание декабристов. Л., 1925. Т. VIII. С. 4.

¹⁰ Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906—1907 гг. // ИЗ. 1975. Вып. 96. С. 380—382.

¹¹ Восстание декабристов. Т. VIII. С. 266.

¹² ЦГИА СССР. Ф. 720. Оп. 1. Д. 51. Л. 25 об.

В. А. Ляцкая-Пыпина, летом этого года уже шла корректура. Но через некоторое время по неизвестным нам причинам издание затормозилось, а потом и вовсе было прекращено. То, что издание «Алфавита декабристов» в 1919 г. так и не состоялось, тираж не был напечатан и пущен в продажу, не вызывает сомнений. Однако бесспорно и другое — несколько экземпляров «Алфавита декабристов», отпечатанных в издательстве «Огни» в 1919 г., находилось в руках специалистов. Об этом прямо писал известный библиограф Н. М. Ченцов: «Набор книги был рассыпан, известно несколько отпечатанных экземпляров»¹³. Как на вышедшую в свет книгу указывал на «Алфавит» 1919 г. и В. Селиванов¹⁴. Сам Модзалевский ссылался на это издание, приводя выдержки в комментарии к «Дневнику» А. С. Пушкина¹⁵. Однако все наши попытки обнаружить хотя бы один из отпечатанных в 1919 г. экземпляров не увенчались успехом. Трудно поэтому с определенностью судить о том, что представляло собой это издание. Правда, среди материалов юбилейной комиссии Центрархива 1925 г. сохранился корректурный оттиск предисловия Модзалевского и Сиверса к этой книге. Он практически полностью, за исключением незначительных редакционных различий, совпадает с предисловием к изданию 1925 г.¹⁶ О том, что издание VIII тома в серии «Восстание декабристов» было в значительной степени повторением издания 1919 г., свидетельствует и заметка С. Я. Штрайха, напечатанная в декабре 1919 г. в еженедельнике «Жизнь искусства». Сообщая, что в издательстве «Огни» в самом скором времени будет выпущен «справочный словарь декабризма — Алфавит декабристов», Штрайх, несомненно уже видевший готовую книгу, писал, что текст «Алфавита» Боровкова снабжен в издании «Указателем», «составленным редакторами издания Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом, которые отвели здесь каждому прикосновенному к делу от нескольких строк до целой страницы более убористой печати и сообщили дополнительные сведения о происхождении, воспитании и службе до 1825 г., о дальнейшей судьбе «декабристов», их семейном положении и т. д.»¹⁷. В этом описании читатель, знакомый с изданием 1925 г., легко узнает и принципы его построения и даже внешний вид. Ясно, что корпус издания «Алфавита» сформировался уже к 1919 г.; тогда же был определен и основной его принцип — дополнение текста биографическим «Указателем». Нет сомнения, что после неудачи 1919 г. редакторы продолжали совершенствовать свою работу, исправляя и дополняя биографические справки. Об этом говорят и сохранившиеся письма к Модзалевскому¹⁸, и включенные в издание 1925 г. ссылки на некоторые публикации 1920-х годов (например, ссылка на издание «Воспоминаний и писем» М. И. Муравьева-Апостола 1922 г. и на публикацию Модзалевским извлечений из записной книжки Ф. П. Шаховского, осуществленную в том же году).

Надежда издания «Алфавита» забрезжила было в конце 1920 г. — Сиверс в ноябре посылал Модзалевскому чистые листы книги¹⁹, но она опять не появилась, и через год в их переписке вновь речь пошла о поиске путей для публикации «Алфавита». «Ведь нам с Вами нужно пойд-

¹³ Ченцов Н. М. Восстание декабристов: Библиография. М.; Л., 1929. С. 22.

¹⁴ Селиванов В. Декабристы, 1825—1925: Систематический указатель русской литературы. Л., 1925. С. 46.

¹⁵ Пушкин А. С. Дневник, 1833—1835. М.; Пг., 1923. С. 94, 140.

¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 981. Л. 51—58. За указание на это дело приношу глубокую благодарность К. Г. Ляшенко.

¹⁷ Штрайх С. О первых русских революционерах // Жизнь искусства. 1919. № 316/317. 13—14 дек. С. 3.

¹⁸ 10 февраля 1920 г. Сиверс писал Модзалевскому: «Просматривая конец рукописи нашего указателя, констатировал отсутствие справок о двух Фонвизиных. Не будете ли добры на этих днях набросать вступительные части до осуждения, а также и концы»; еще неделю спустя, 18 февраля: «Возвращаю использованные карточки. Норова нашел. Исправил ошибку в годе смерти Ал-ры Григ. Муравьевой, которую сделали мы благодаря Лобанову (надо 1832 вместо 1833, как у него). Никому верить нельзя». (РО ИРЛИ. Ф. 184 (Б. Л. Модзалевского, не обработан)).

¹⁹ Там же, письмо А. А. Сиверса от 24 ноября.

ти к Ионову,— напоминал Сиверс Модзалевскому 1 ноября 1921 г.— переговорить насчет Алфавита декабристов. Зайдите как-нибудь на этих днях ко мне в архив, и мы с Вами пойдем в Дом книги»²⁰. Однако до 1925 г. ничего сделать не удавалось, и только столетний юбилей восстания декабристов позволил «Алфавиту декабристов» увидеть свет.

Выход первых томов сразу же определил лицо серии. Принятые составителями и редактором принципы издания в значительной мере сохранили свое значение и до сих пор. Вглядимся поэтому пристальнее в эти первые два тома.

И том предваряли два предисловия. В первом М. Н. Покровский излагал причины, побудившие Центрархив обратиться к публикации материалов процесса над декабристами. Во втором А. А. Покровский, который и подготовил к печати вошедшие в том дела, впервые в историографии сделал попытку проанализировать ход следствия по делу декабристов. Здесь же он изложил основные приемы публикации документов в томе. Еще одна статья А. А. Покровского, помещенная в качестве приложения, была посвящена описанию внешнего вида и общей характеристике следственных дел. Обе статьи А. А. Покровского до сих пор не потеряли своего практического значения и остаются незаменимым пособием для всех, изучающих следствие над декабристами. Важным элементом научного аппарата I тома были источниковедчески-археографические послесловия к каждому следственному делу. Далее они стали неотъемлемой чертой серии. Начиная с I тома традиционным атрибутом издания стали именной и предметной указатели. Особый колорит тому придавали документальные иллюстрации: воспроизведенные в размере оригинала отдельные листы собственноручных показаний декабристов, чьи следственные дела здесь печатались. Такие иллюстрации также стали традицией серии, что сделало ее, помимо всего прочего, незаменимым справочником по почеркам декабристов, необходимым и архивистам, и исследователям.

Среди принципов, положенных в основу публикации первых следственных дел декабристов и сохранившихся неизменными до нашего времени, следует отметить прежде всего исчерпывающе полное воспроизведение всего состава каждого следственного дела без всяких изъятий. Лишь в нескольких случаях документы, оказавшиеся в делах случайно или дублирующие друг друга, были опущены. Издатели первых томов стремились с максимальной точностью передать в публикации все особенности документов вплоть до мельчайших подробностей. Текст воспроизводился по орфографии того времени (с твердыми знаками в конце слов, с неупотребляющимися теперь буквами «ять», «фита», «и десятиричное», со старыми падежными формами и т. п.). Соблюдались пунктуация оригинала, воспроизводились даже явные ошибки и описки, правда оговаривавшиеся в подстрочных примечаниях²¹. Последний принцип нагляднее всего проявился в публикации следственных дел членов общества Соединенных славян (V том). Составителей отнюдь не смущало то обстоятельство, что некоторые из «славян» недостаточно грамотно писали по-русски. Публикуя на страницах тома их собственноручные ответы на вопросные пункты Следственного комитета, они не изменили в тексте ни одного знака, не приглаживали и не исправляли безграмотные фразы²². В I томе были выработаны специальные приемы передачи исправлений и подчеркиваний в оригиналах, оговаривались и воспроизводились

²⁰ Там же. И. И. Ионов в то время заведовал Госиздатом.

²¹ Об археографических приемах публикации следственных дел декабристов см. статью К. Г. Ляшенко «Приемы археографической подготовки сборников „Восстание декабристов“» (СА. 1983. № 2).

²² «Валнадумчиская Мысле в Карениласть ать внушений другихъ. Кагда взошоль вопщества»,— писал А. И. Тютчев о возникновении у него передовых взглядов. Так в полном соответствии с оригиналом его ответ передан в V томе (Восстание декабристов. М.; Л., 1926. Т. V. С. 434). К сожалению, при публикации следственных дел членов общества Соединенных славян в XIII томе этот принцип не был соблюден и показания того же Тютчева оказались исправленными. См.: Восстание декабристов. М., 1975. Т. XIII. С. 304.

все пометы на документах. Текстологическая подготовка издания всегда отличалась особой тщательностью²³. Конечно, попадались и отдельные ошибки, но все они носили случайный характер.

Особая задача VIII тома — дать сведения обо всех декабристах без исключения — определила то обстоятельство, что Модзалевский и Сиверс не ограничились только материалами следствия, а дополнили «Алфавит» Боровкова рядом документов из других фондов (справками III отделения и судебными материалами о восстании Черниговского полка и Литовского пионерного батальона) и тем самым опубликовали в первой части тома официальные материалы практически обо всех участниках движения декабристов. Вторая часть тома была названа ими скромно: «Указатель». Однако именно она оказалась наиболее важной для будущего развития науки. Модзалевский и Сиверс поместили здесь биографические справки о лицах, упомянутых в документальной части. Собранный и систематизированный ими биографический материал поистине грандиозен. И хотя исчерпывающие сведения удалось собрать далеко не обо всех декабристах, но и то, что было сделано, нельзя назвать иначе как научным подвигом. Ведь в то время не было ни исчерпывающих библиографий, ни обширных публикаций источников, ни подробной специальной литературы. В трудных условиях первых послереволюционных лет они создали уникальный биографический справочник декабристов, равного которому не существует до сих пор.

Появление первых томов сразу показало, что значение публикации следственных материалов декабристов гораздо шире задач серьезной подготовки исследовательских кадров. Этим серия «Восстание декабристов» была обязана не только ценности публикуемых в ней документов, но и исключительно высокому текстологическому и научному уровню их подготовки. Уже в декабре 1925 г. в рецензии на I том серии известный литературовед и историк Н. К. Пиксанов совершенно справедливо утверждал: «Книге обеспечена крупная роль в научной разработке декабризма. Она отныне необходима и для исследователей социально-политических движений, и для историков-юристов, изучающих политические процессы, и для историков русской литературы»²⁴.

В течение 1926—1927 гг. один за другим появились еще четыре тома серии «Восстание декабристов». Во II (1926) и III (1927) томах было опубликовано 18 следственных дел членов Северного общества и среди них следственные дела И. Д. Якушкина, И. И. Пущина, Н. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, М. А. Фонвизина и других видных членов тайных обществ. IV том (1927) составили два огромных по объему следственных дела — П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола, V том (1926) — следственные дела руководителей и активных членов общества Соединенных славян (А. И. и П. И. Борисовых, И. И. Горбачевского и др.). И наконец, издание серии завершилось на этом этапе вышедшим в 1929 г. VI томом, посвященным материалам о восстании Черниговского полка. По принципам составления и характеру опубликованных источников этот том резко отличался от остальных томов серии. Во-первых, в том были включены не только материалы фонда Верховного уголовного суда и Следственной комиссии по делу декабристов, но и многие документы Главного штаба, штаба 1-й армии военного министерства и других ведомств. Кроме того, в нем напечатаны не целые дела, как принято в серии, а отдельные документы из них, расположенные в хронологической последовательности. При таком подходе на первый план выдвигался вопрос о принципе отбора материала. Хотя составитель тома Ю. Г. Оксман нигде не оговорил, чем он руководствовался при составлении корпуса издания, но тщательность, с которой подготовлен том, не

²³ С. Н. Валк отмечал, что следственные дела декабристов печатаются в серии «с исключительной тщательностью» (Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 148).

²⁴ Печать и революция. 1925. № 8. С. 196.

оставляет сомнений в том, что он стремился к исчерпывающей полноте и в основном ее достиг. Иным, чем в вышедших до того томах, был в VI томе и научный аппарат. Публикации материалов предваряла историографическая статья Оксмана, а комментарий в отличие от установившегося в серии не носил источниковедческого характера, а был посвящен конкретным проблемам истории восстания на юге. Текст документов был подготовлен по современной орфографии (также, впрочем, как и в VIII томе), хотя и с сохранением основных фонетических особенностей и своеобразия речи писавших.

Таким образом, к 1929 г. вышли семь из восьми объявленных томов серии. В рекламе, которая, как обычно, была помещена на последних страницах VI тома, объявлялось, и уже не в первый раз, что VII том с «Русской правдой» П. И. Пестеля находится в печати. Однако в то время этот том так и не появился. Более того, издание серии вообще остановилось, а очередной ее том увидел свет только через двадцать с лишним лет. Произошло это по причинам, не зависящим от редакции, у которой, напротив, было очевидное намерение продолжать издание. К этому времени было совершенно ясно, что задуманными восемью томами серия ограничиться не может. Об этом было прямо сказано в предисловии к VI тому, где Оксман объяснял, что «вынужден был отказаться от воспроизведения в нем бумаг, входящих в личные дела государственных преступников, осужденных Верховным уголовным судом (из них участников восстания — С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, М. П. Бестужева-Рюмина; из прикосновенных к нему лиц — А. З. Муравьева, И. С. Повало-Швейковского, В. К. Тизенгаузена, Я. М. Андриевича и др.), ибо „дела“ этой категории предназначены к опубликованию в других томах серии „Восстание декабристов“»²⁵.

Своим возобновлением серия обязана инициативе и настойчивости академика М. В. Нечкиной. На протяжении 35 лет она руководила изданием, внося огромный личный вклад в подготовку каждого тома. К девяти томам серии ею написаны исследовательские вступительные статьи, содержащие источниковедческий анализ публикуемых документов и определяющие их значение для разработки истории движения декабристов. Они являются образцом тонкого и тщательного анализа исторических источников. Имя Милицы Васильевны неразрывно связано с серией «Восстание декабристов»²⁶. В 1950 г. под ее редакцией и с ее предисловием вышел в свет IX том, где были опубликованы следственные дела М. П. Бестужева-Рюмина и М. И. Муравьева-Апостола. Таким образом, как и предполагалось за двадцать лет до этого, издание продолжилось публикацией следственных дел членов Южного общества. Они печатались в той последовательности, в которой были расположены в делопроизводстве Следственного комитета. Дела членов Южного общества заняли следующие X—XII тома; в XIII томе помещены дела членов общества Соединенных славян, и только после этого, в XIV и XV томах серии, возвратились к публикации дел членов Северного общества²⁷. К 1979 г. с выходом XV тома (подготовлен А. И. Аксеновым, А. В. Семенович и В. А. Федоровым) было завершено издание следственных дел декабристов, преданных Верховному уголовному суду, — всего 121 дело. На этом этапе издания серии увидела наконец свет и «Русская правда» П. И. Пестеля (пропущенный ранее VII том, вышедший в 1958 г.; текст подготовлен А. А. Покровским, общая редакция и вступительная статья — М. В. Нечкиной. Совместные усилия ведущих декабристоведов страны

²⁵ Восстание декабристов. М.; Л., 1929. Т. VI. С. XI.

²⁶ См. статью И. А. Мироновой и А. И. Юхта «О деятельности М. В. Нечкиной в области археографии и источниковедения» (АЕ за 1971 год. М., 1972).

²⁷ IX—XI тома подготовили к печати А. А. Покровский и Г. Н. Кузюков; XII — Г. М. Лившиц и И. Ф. Шостак; XIII — Г. М. Лившиц, К. Г. Ляшенко и Л. С. Новоселова-Чурсина; XIV — С. А. Селиванова и А. В. Семенова при участии К. Г. Ляшенко.

позволили решить сложнейшие текстологические проблемы и опубликовать этот уникальный памятник декабристской идеологии ²⁸.

При возобновлении серии в принципы издания был внесен ряд существенных дополнений и изменений. С IX тома неотъемлемой частью издания стали исследовательские вступительные статьи. Одноименный характер приобрели и послесловия к каждому следственному делу. В них кратко излагается ход следствия над декабристом, отмечаются характерные особенности этого дела, а в конце приводится перечень других дел Следственного комитета, в которых содержатся его показания. Претерпели изменения и приемы передачи текста. В соответствии с принятыми теперь правилами издания источников с XII тома тексты стали воспроизводиться по современной орфографии и пунктуации. Однако некоторые традиции серии остались неизменными: так, фамилии и географические названия по-прежнему передаются в точном соответствии с написанием оригинала (например, если в тексте фамилия декабриста С. Г. Волконского написана через букву «х», то это написание не исправляется и в публикации воспроизводится: «Волхонский», и т. п.). Для текстологии серии характерно также сохранение заглавных букв в начале слов в тех случаях, когда декабрист подчеркивал таким путем их эмоциональное значение в общем контексте (например, Конституция, Революция и т. п.). Расширился и справочный аппарат серии. Теперь не составляет труда просто и быстро отыскать в многочисленных томах серии нужное следственное дело. Этому служит специальный указатель, напечатанный в XV томе ²⁹. Это именной алфавитный указатель, ведущий не только к тому, где напечатано следственное дело декабриста, но и к любому из его документов, опубликованных в составе других следственных дел. В 1980 г. увидел свет XVII том серии (подготовлен В. А. Федоровым, С. В. Мироненко и С. А. Селивановой), посвященный публикации материалов суда над декабристами. Он, подобно VI тому, составлен не из целых дел, а из наиболее важных делопроизводственных материалов судебного процесса. «В основу отбора документов... — писал в предисловии к тому В. А. Федоров, — положен принцип их официальной действительности» ³⁰. Вышедшим в 1984 г. XVIII томом (подготовлен К. Г. Ляшенко и С. А. Селивановой) открылась публикация следственных дел декабристов, которые не были преданы суду, а понесли наказания по единоличному решению Николая I. Надо сказать, что порой эти наказания были несравненно более суровыми, чем судебные приговоры. В том вошли следственные дела членов Северного общества и участников восстания на Сенатской площади. В уже подготовленных и утвержденных к печати Институтом истории СССР АН СССР XIX (подготовлен К. Г. Ляшенко и С. А. Селивановой) и XX (подготовлен А. В. Семеновой) томах серии будут опубликованы аналогичные следственные дела не судившихся членов Южного общества, общества Соединенных славян и участников восстания Черниговского полка, а также членов Союза спасения и Союза благоденствия.

В начале 1986 г. вышел из печати пропущенный ранее XVI том (подготовлен С. В. Мироненко). В томе опубликованы журналы Следственного комитета по делу декабристов и докладные записки его председателя, военного министра А. И. Татищева Николаю I. Эта публикация позволяет объединить материалы следственных дел декабристов, восстановить ход следствия день за днем, и том носит, таким образом, в значительной степени итоговый характер. Остановимся на его характеристике несколько подробнее.

²⁸ Подробнее об этом см. предисловие М. В. Нечкиной к VII тому, а также статью А. А. Покровского «„Русская правда“ П. И. Пестеля и методы ее издания» (Труды Историко-архивного института, 1948. Т. 4).

²⁹ Поименный сводный указатель следственных дел и документов декабристов в I—XV томах/Сост. С. В. Мироненко // Восстание декабристов. М., 1975. Т. XV. С. 337—341.

³⁰ Там же. М., 1980. Т. XVII. С. 7.

Прежде всего, следует отметить, что журналы и докладные записки, которые традиционно воспринимаются как основной источник по истории следствия, представляют собой самостоятельный источник для истории движения декабристов. Этот аспект, к сожалению, еще недостаточно оценен в историографии. Дело в том, что журналы и докладные записки являются единственным (за исключением, конечно, воспоминаний декабристов) источником, где фиксировались, хотя, понятно, и не полностью, результаты *устных* допросов. Следствие было устроено таким образом, что декабриста сначала устно допрашивали на заседании Комитета на основании заранее составленных вопросов, а затем отправляли те же вопросы в камеру для письменных ответов. Как раз вопросы и письменные ответы декабристов составляют большую часть следственных дел, опубликованных в серии «Восстание декабристов». Однако, как показывает сравнение записей устных допросов в журналах и докладных записках с письменными ответами, декабристы далеко не всегда повторяли на бумаге то, что говорили устно. Приведем только один пример. Лишь журнальная запись допроса С. И. Муравьева-Апостола 5 апреля 1826 г. сохранила исполненные мужества и благородства слова, столь ярко освещающие нравственную чистоту и стойкость убеждений выдающегося декабриста. «В заключение изъяснил,— записал чиновник Комитета,— что раскаивается только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие, но намерение продолжает почитать благим и чистым, в чем бог один его судить может, и что составляет единственное его утешение в теперешнем положении»³¹.

Принципиально важное значение имеет публикация журналов и докладных записок для восстановления хода следствия. Пользуясь ими как путеводителем, ориентирующим исследователя во всей следственной документации, можно проследить постепенное накопление в руках следователей информации о задачах, характере, деятельности, участниках тайных обществ и достаточно точно реконструировать содержание и объем этой информации на каждом этапе следствия. Это способствует более глубокому пониманию направления следствия, формирования его особого интереса к тем или иным проблемам и недостаточного внимания к другим. Для освещения последних вопросов еще важнее зафиксированные в журналах и докладных записках решения Комитета. Наряду с постоянно встречающимися в журналах и докладных записках оценками искренности и полноты показаний декабристов решения дают достаточно ясное представление о том, что более всего занимало следствие, в выяснении каких моментов оно проявляло постоянную настойчивость и к каким методам прибегало. Исключительное значение в этом плане имеют сохранившиеся на докладных записках собственноручные резолюции Николая I.

Очевидно, однако, что главный смысл изучения истории следствия, как ни интересна она сама по себе, состоит в том, что именно эта история дает критерии для источниковедческого анализа показаний декабристов. Восстановление всего хода следствия позволяет рассматривать каждое показание декабриста не изолированно, а в контексте развития событий. На возможность и необходимость именно такого подхода уже указывалось в литературе. Н. И. Мордовченко, рассказывая о своем замысле обширной специальной работы о следствии, утверждал: «Каждый документ „дела декабристов“ понятен лишь в общем контексте процесса, и восстановление этого контекста должно предшествовать использованию извлекаемых из него документов»³². Реализации такого замысла и способствует осуществленная в XVI томе публикация журналов и докладных записок.

Наконец, можно надеяться, что материалы тома помогут внести ясность в такую острую проблему, как поведение декабристов на следствии.

³¹ Восстание декабристов. М., 1986. Т. XVI. С. 158.

³² Лотман Ю. М., Н. И. Мордовченко: Заметки о творческой индивидуальности ученого // Историографический сборник. Саратов, 1973. Вып. I (4). С. 209.

Представляя день за днем ход дознания, журналы и докладные записки убедительно свидетельствуют о несостоятельности широко распространенного представления, будто бы *все* декабристы сразу же, без всякой борьбы, раскаявшись, рассказывали все, что они знали, называли своих товарищей и т. п. Напротив, выясняется, что на первых допросах практически все они отрицали не только свое участие в деятельности тайных обществ, но даже осведомленность об их существовании. Лишь значительная информация о действиях и замыслах арестованных, имевшаяся у правительства благодаря доносам предателей и шпионов, заставляла декабристов менять тактику — отрицать очевидные факты становилось совершенно бессмысленным. Обращает на себя внимание, что в ходе следствия декабристы много и охотно говорили об истории тайных обществ, их программе, принципиальных требованиях, резко и откровенно отзывались о язвах российской действительности (недаром из показаний декабристов А. Д. Боровковым специально для Николая I был составлен свод, содержащий всестороннюю критику самодержавно-крепостнического строя). Но как только дело касалось обстоятельств подготовки восстания 14 декабря, планов цареубийства и тому подобных сюжетов, от былой откровенности у многих не оставалось и следа. Конечно, это вовсе не означает, что среди декабристов не было тех, кто раскаялся и давал обширные и во многом искренние показания. Но общая картина поведения декабристов на следствии, как показывают журналы и докладные записки, была более сложной и неоднородной, чем казалось ранее. Вопросы поведения декабристов на следствии рассмотрены в монографии В. А. Федорова «Процесс декабристов». Ее появление заполнит очевидный пробел в историографии.

Серия «Восстание декабристов» издается столь долгое время, что еще задолго до ее завершения возникла потребность в новом издании некоторых из ранее выпущенных томов. Особенно острой она оказалась в отношении «Алфавита декабристов». Единственный справочник о декабристах, несмотря на свою ценность, неизбежно устарел за 60 лет. Инициатором нового издания «Алфавита» выступила М. В. Нечкина. В 1983 г. работа над новым биографическим справочником о декабристах была завершена (подготовлен С. В. Мироненко), и он утвержден к печати Институтом истории СССР АН СССР. Если вначале публикация «Алфавита» Боровкова имела первостепенное значение, то теперь, когда большинство следственных дел издано и о декабристах можно судить на основании собственных документов этих дел, а не справок Боровкова, документальная часть ушла на второй план, а наибольший интерес стали представлять биографические справки. Это изменило и первоначальный замысел и даже его название. Подготовленный том называется «Декабристы. Биографический справочник». Работа над справочником показала, насколько далеко продвинулась советская историческая наука в изучении движения первых русских революционеров в целом, насколько обширнее и подробнее стали наши знания о жизни и деятельности отдельных декабристов. Об уровне и размахе работы свидетельствует хотя бы тот факт, что даты жизни были исправлены более чем у трети декабристов. Даже у троих из казненных (С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский) в издании 1925 г. даты рождения были указаны неверно. В приложении помещены сведения о вновь обнаруженных декабристах.

Однако издание уже подготовленных к печати томов отнюдь не будет означать, что серия «Восстание декабристов» завершена. Совершенно очевидно, что, кроме «Русской правды», в серии нужно опубликовать другие программные документы декабристов — конституцию Н. М. Муравьева, устав Союза благоденствия и др. Они составят отдельный том. В специальном томе планируется издать материалы Следственной комиссии, действовавшей в Варшаве. Они содержат сведения о связях декабристов с польскими революционерами. Один из томов займут материалы Пестеля. Завершить серию планируется аннотированным указателем всех материалов, не вошедших в изданные тома.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА XIX — НАЧАЛА XX В.
КАК ОБЪЕКТ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Одной из актуальных задач, стоящих перед советскими археографами, является дальнейшая разработка теории и методики публикации различных видов исторических источников¹. В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы изучения частной переписки в процессе подготовки ее к изданию.

Как известно, уже от эпохи Пушкина до нас дошли огромные архивы тщательно сохранявшихся писем. До 1850-х годов, однако, количество публикаций писем очень незначительно, а сами они случайны по составу и неисправны по передаче текста. Подавляющая часть русской образованной публики не видела в переписке исторической ценности. Решающий сдвиг в этой области, происшедший в середине XIX в., был во многом подготовлен деятельностью В. Г. Белинского. Во вступительной статье к стихотворениям Кольцова (1846) он широко использовал переписку поэта, показав на практике взаимосвязь методологии реалистической критики и нового подхода к документальному наследию писателя².

Во второй половине XIX в. интенсивно формировались личные архивы и собрания писем³, а их публикация шла непрерывным и все нарастающим потоком⁴. Одновременно в печати велись оживленные дискуссии по поводу допустимости предания гласности частных писем⁵.

Резко возросший общественный интерес к эпистолярным материалам, формирующееся отношение к ним как историческим памятникам имели в своей основе длительный, широкий и малозаметный процесс постепенного осознания важности частной переписки в жизни тогдашнего русского общества. Осознавалось, в частности, что в условиях, когда печать находилась под неусыпным оком царской цензуры, а свобода высказываний попросту отсутствовала, обмен письмами служил не только средством личного общения, но был своеобразной формой ознакомления с общественной жизнью, формой общественно-политических и литературных бесед⁶.

И в наши дни переписка остается заметным явлением культуры⁷, будучи для многих людей наиболее доступным способом отображения своей жизни и выступая поэтому как «множественный» (по определению Б. Г. Литвака⁸) источник.

К настоящему времени накоплен значительный опыт изучения и использования эпистолярных материалов в научных и культурно-просветительных целях. Общеизвестно их значение при воссоздании научно-

¹ Пушкарев Л. Н. О предмете, методе и задачах археологии // СА. 1976. № 1. С. 80.

² Смирнова Л. Н. Типы и виды изданий эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов: Вopr. текстологии. М., 1964. Вып. 3. С. 183—185.

³ Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Там же. С. 8—15.

⁴ Минцлов С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911—1912. Вып. 1—5; Смирнова Л. Н. Указ. соч. С. 187—190.

⁵ См. об этом: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т.: «Письма». М.: Л., 1961. Т. 1. С. 100—125.

⁶ Прохоров Е. И. Указ. соч. С. 6—7. Следует учитывать также неразвитость железных дорог в России (до конца 60-х годов), отсутствие телеграфной (до 1885 г.) и телефонной (до 1881 г.) сети.

⁷ Чудакова М. О. Беседы об архивах. М., 1980. С. 120—167.

⁸ Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 249.

исторической биографии личности, написании трудов по истории литературы, искусства и общественно-политической мысли, культуры в целом. Современное советское литературоведение рассматривает письма писателей как документ исторического, биографического и творческого характера⁹. При этом речь идет не только о прямых авторских высказываниях и оценках (на что обращали внимание и дореволюционные исследователи), но и о более общих связях переписки с творчеством писателя¹⁰. Переписка изучается с точки зрения ее взаимодействия с историко-литературным процессом и развитием духовной культуры. Высказываются плодотворные суждения о ее поэтике (диалогичность, полифонизм, композиционная свобода и др.), роли в исследовании эволюции языка и литературных жанров¹¹.

Указанные достижения литературоведения опираются на развитую методику публикации писем писателей и других деятелей культуры. Лучшие других разработаны вопросы разыскания, атрибуции, датировки писем, выбора в передаче их текста, археографического оформления. При этом широко используются приемы сопоставления писем друг с другом и с дополнительными источниками, причем не только по содержанию, но и с точки зрения внешних особенностей, почерка, стиля и тона изложения и т. д.¹²

Сказанное в основном относится и к изданию частных писем историческими учреждениями. В «Правилах издания исторических документов в СССР» (1969) наиболее полно отражены такие проблемы, как выявление писем, их научно-критический анализ при отборе для печати (учет степени осведомленности автора в освещаемых событиях), выбор основного текста письма, особенности его передачи, археографическое оформление (указание автора и адресата в заголовке), научно-справочный аппарат (необходимость биографических данных о корреспондентах в предисловии). Вместе с тем в «Правилах» ничего не сказано о типах и видах издания эпистолярного наследия, о принципах отбора писем для печати (что очень важно ввиду упоминавшейся уже множественности их), их систематизации (ибо любая переписка не является правильным чередованием инициативных и ответных писем) и комментировании (принципиальное значение имело бы, в частности, указание на объем и характер информации, необходимой для правильного понимания публикуемых писем).

В конкретно-исторических трудах содержится много ценных наблюдений над содержанием и стилистикой писем, их достоверностью и классовой направленностью. Специально исследуется эпистолярное наследие историков¹³, теоретически обосновано (и подтверждено на практике¹⁴) значение писем в источниковой базе историографического исследования¹⁵. Кроме того, переписка специально анализировалась как источник

⁹ Бельчиков И. Ф. Литературное источниковедение. М., 1983. С. 145—146.

¹⁰ Смирнова Л. Н. Указ. соч. С. 200.

¹¹ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1972; Паперно И. А. Переписка как вид текста. Структура письма // Тарт. гос. ун-т. Материалы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. 1 (5). С. 214—215.

¹² См.: Принципы издания эпистолярных текстов: Вопр. текстологии. Вып. 3. Очень полно письма писателей учтены в библиографических указателях под редакцией К. Д. Муратовой (История русской литературы XIX века. М.; Л., 1962; История русской литературы конца XIX — начала XX века. М.; Л., 1963).

¹³ См., например: Робинсон М. А. Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 218—236; Чирков С. В. Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 319—339.

¹⁴ Печкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974; Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977; Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984.

¹⁵ Печкина М. В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965. С. 6—23; Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // ТМГИАИ. 1965. Т. 22. С. 3—49 и др.

изучения психологии классов и социальных групп¹⁶. Т. Г. Кучина привлекла внимание к проблеме эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX в.¹⁷

Несмотря на определенные достижения, недостаточно изучены социальные функции переписки, характер отражения в ней действительности, ее формальные и содержательные особенности, типология и др. В этом сказывается профиль многих научных работ, нацеленных на получение из данного источника лишь конкретной информации¹⁸. Достаточно часто объектом анализа избираются отдельные письма, рассматриваемые лишь под углом зрения их словесного текста. Подобная методика, не учитывающая способа бытования писем, неприменима при изучении подавляющего числа эпистолярных комплексов XIX — начала XX в., поскольку письма «рядовых» людей, как правило, ординарны по происхождению, однотипны по структуре и посвящены преимущественно семейно-дружеской проблематике.

Остается дискуссионным определение письма (переписки) как вида источника. Приведем основные точки зрения. Письмо — «письменное личное обращение автора письма к отдельному лицу (или нескольким лицам), составленное с применением типичных эпистолярных элементов» и предполагающее ответ со стороны адресата (С. С. Дмитриев¹⁹ со ссылкой на Е. И. Прохорова²⁰); «документ, посредством которого общаются между собой два частных лица — корреспондент (автор письма) и адресат» (И. В. Григорьева²¹). Переписка — «источники личного происхождения, имеющие конкретный индивидуальный адресат и содержащие разнообразную информацию» (И. В. Порох²²); «средство личных (главным образом двусторонних) отношений между людьми, разделенными определенным расстоянием» (А. Г. Тартаковский²³).

В свете сказанного становится очевидной необходимость создания специальных исследований, посвященных анализу *социальной природы* частной переписки и опирающихся на конкретные представительные эпистолярные комплексы. Теоретическое осмысление результатов таких исследований позволило бы поставить на более прочную научную основу изучение и публикацию этих источников и — что особенно важно — существенно повысить их информационную отдачу.

Совокупность писем, которая могла бы стать объектом исследования социальной природы частной переписки, должна, на наш взгляд, удовлетворять следующим требованиям: быть исторически сложившимся целостным комплексом источников, объединенных единством происхождения и социального функционирования; относиться к периоду расцвета переписки как общественного явления в той или иной культуре; принадлежать представителям той социальной среды, для которой обмен письмами был привычным и традиционным; обладать хорошей сохранностью; по возможности соотноситься с обширной эпистолярной практикой, богатой эпистолярной культурой и яркостью личностей корреспондентов.

Перечисленным требованиям удовлетворяет (являясь в этом смысле

¹⁶ Горбунов А. В. Личная переписка как источник для изучения социальной психологии революционеров-разночинцев 70-х годов XIX века // Проблемы истории СССР. М., 1973. Т. 7; Соколов Г. Д. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // ВИД. Л., 1968. Вып. 1.

¹⁷ Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. С. 40—48.

¹⁸ Воронкова С. В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985. С. 46—47.

¹⁹ Белявский М. Т., Воронкова С. В., Дмитриев С. С. и др. Источниковедение истории СССР: Учебник. М., 1981. С. 355.

²⁰ Прохоров Е. И. Указ. соч. С. 19.

²¹ Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: Учебник. М., 1984. С. 289.

²² Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. С. 248.

²³ Там же. С. 249.

чрезвычайно специфичной) семейная переписка трех поколений дворянского рода Чичериных, на исследовании которой базируются излагаемые ниже теоретические выводы²⁴.

Принципиально важен вопрос об уровне научного анализа эпистолярных источников, на которых возможно наиболее полное рассмотрение их социальной природы. То, что переписка не сводится к простой сумме писем, а отдельное письмо выступает не только как часть переписки, хорошо видно из качественного различия их функций²⁵.

Функции, выполняемые *всей* перепиской, обязательно имеют временное измерение (несовместимое с «одноразовостью» каждого письма), характеризуются обобщенностью, длительностью и повторностью, требуют неоднократного возобновления и подкрепления. Наоборот, функции, которые способны выполнять *отдельное* письмо, связаны с нарушением периодичности, остановкой привычного движения; они имеют ситуативный характер, а их временное измерение отсутствует либо выражено нечетко, склонно к быстрому затуханию (ибо любая новая и неожиданная информация наиболее остро воспринимается лишь в первый момент)²⁶.

В процессе социального функционирования переписки конкретная ситуация, вызвавшая к жизни то или иное письмо, теряет актуальность. Функции письма «снимаются» функциями всей переписки.

Итак, в качестве объекта исследования социальной природы эпистолярных материалов могут выступать и переписка, и отдельные входящие в нее письма, предопределяя тем самым два необходимых и взаимодополняющих уровня анализа. Определяющим будет первый уровень, принимаемая во внимание характер бытования переписки в реальной исторической действительности. Очевидно, что переписка обусловлена входящими в нее письмами и способом их связи друг с другом, а каждое письмо — его происхождением и местом в составе переписки. Частная переписка, следовательно, может быть представлена как документная система, элементами которой служат отдельные письма. «Управление» такой системой осуществляют корреспонденты, участвующие в переписке²⁷.

То, что изучение переписки предполагает знакомство с личностями корреспондентов, давно уже общепризнанно. На необходимость учета связей между возрастом, характером, мировоззрением и т. д. человека и особенностями его писем постоянно указывает учебная литература по источниковедению²⁸. К сожалению, практически реализовать это требование удается далеко не всегда: слишком сложными бывают подчас упомянутые связи²⁹.

Последовательное проведение подхода к человеку как «совокупности всех общественных отношений»³⁰ ставит вопрос о путях и формах от-

²⁴ Характеристику данной переписки см.: *Наумов Е. Ю.* Семейная и дружеская переписка Чичериных как источник изучения их эпистолярной культуры // *Источниковедение и историографические аспекты русской культуры*. М., 1984.

²⁵ Есть частные письма, которые не должны были или «не смогли» стать перепиской. Их типология (и типология стоящих за ними жизненных ситуаций) могла бы стать предметом особого исследования.

²⁶ Так, регулярная переписка Чичериных среднего поколения друг с другом приводила к тому, что в тот или иной момент времени каждый из них обладал примерно равным фактологическим запасом сведений о семье в целом, что являлось одной из необходимых предпосылок сохранения ее единства. Подобную функцию могла выполнять только продолжающаяся переписка; ни одно из входящих в нее писем для этого специально не предназначалось. С другой стороны, семейная переписка Чичериных не носила публичного характера, не выступала как политический документ. Таковыми становились ее отдельные письма в случае ознакомления с ними достаточно широкой аудитории. Возможность (либо даже желательность) общественного резонанса письма иногда сознательно учитывалась его автором. Для Б. Н. Чичерина, например, это было естественным дополнением к его научным трудам и публицистике. Не случайно поэтому, что в период первой русской революции Г. В. Чичерин считал целесообразным публикацию ряда писем своего дяди.

²⁷ Ср.: *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980. С. 50.

²⁸ Источниковедение истории СССР. С. 343, 465 и др.

²⁹ См. об этом: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 265.

ображения личности корреспондента в его переписке. Пишущий письмо никогда не обращен к собеседнику всеми сторонами своей личности, никогда не раскрывается весь, не высказывается до конца; это недостижимо в принципе. Значит, правильно интерпретировать переписку можно, лишь учитывая, что знали друг о друге корреспонденты в тот или иной момент времени («знаемый образ»), что могли подозревать, а что явилось бы для них полной неожиданностью³¹.

Большую роль в переписке играют «персонажи», т. е. то видение себя (и отношение к себе), которое вольно или невольно навязывает один корреспондент другому. «Персонажи» писем стремятся к тождественности (хотя бы по каким-то чертам — без этого невозможно переписываться), тогда как сами корреспонденты перед третьими лицами могут отстаивать и подчеркивать свою несхожесть.

Расхождение личности и «персонажа» особенно заметно, когда корреспонденты мало встречались либо долго не виделись и не имеют общих знакомых³²; чем более частым и неформальным является их непосредственное общение, тем ближе автор и «персонаж» письма. Взаимоотношения «персонажей» характеризуют установившуюся между корреспондентами психологическую дистанцию общения. Иногда она достаточно устойчива, иногда изменчива (например, в любовной переписке); на этом основании также возможна типология переписок.

Помимо «персонажа», в переписке присутствуют и другие отражения личности каждого из корреспондентов. Следовательно, при анализе эпистолярных материалов важно уметь видеть их авторов такими, какими они были на самом деле (в том числе и в своих письмах — «знаемый образ»); видели себя сами; виделись (по их мнению) глазами других; хотели, чтобы их видели другие («персонаж»)³³.

В восприятии корреспондентами друг друга через письма огромную роль играет установка читающего письмо, т. е. его определенное внутреннее состояние, зависящее от существующей в данном человеке потребности и от ситуации удовлетворения этой потребности. «В каждый данный момент времени в психику действующего субъекта проникает из окружающей среды и переживается им с достаточной ясностью лишь то, что имеет место в русле его актуальной установки»³⁴. А далее происходит то, на что указывал еще А. А. Ухтомский: «...мы видим во встречном человеке преимущественно то, что по поводу встречи с ним поднимается в нас, но не то, что он есть. А то, как мы толкуем себе встречного чело-

³¹ Эмиграция Г. В. Чичерина за границу в 1904 г. лишила его возможности регулярного непосредственного общения с родными. Оставалась переписка (в частности, с С. В. и Н. Д. Чичеринскими), продолжавшаяся, по крайней мере, до 1914 г. и претерпевшая интересную эволюцию. Чем дальше, тем больше в письмах Г. В. Чичерина воспоминаний о прошлом и вопросов о знакомых ему людях, а в письмах родных к нему — новостей лично-биографического плана (рождение детей, смерти, женитьбы и т. п.). Переписка, следовательно, опирается на прошлое (прожитое вместе) и «доставляет» его в настоящее (ЦПА ИМЛ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 21, 24).

³² Литературный пример — переписка Марьи Болконской и Юлии Карагиной («Война и мир» Л. Н. Толстого) с ее закономерным финалом: «Юлия, которая была в Москве и к которой княжна Марья писала пять лет сряду, оказалась совершенно чуждой ей, когда княжна Марья вновь сошлась с нею лично» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1984, Т. IV. С. 309).

³³ Богатый материал для теоретических обобщений на эту тему дает переписка Г. В. и А. А. Чичеринских 1904—1907 гг. См.: Наумов Е. Ю. Переписка Г. В. Чичерина с Б. Н. и А. А. Чичеринскими в фондах московских архивов // АЕ за 1980 год. М., 1984. С. 223—225.

³⁴ Экспериментальные исследования по психологии установки. Тбилиси, 1958. С. 70, 75. Установка адресата может быть достаточно устойчивой. Сестра Г. В. Чичерина Софья вспоминала о переписке с двоюродной сестрой: «Письма Ульянки доставляли мне всегда большую радость. Конечно, они были очень коротки, но они были от Ульянки, и я с наслаждением смотрела на ее детский почерк и читала последние слова: „твоя сестричка Гуля“. Эти письма все-таки составляли связь между ей и мной, а кроме того, я могла видеть хоть отблеск ее развития. Я видела, как мало-помалу усвершенствуется почерк, как содержание становится полнее и к поклонам и поцелуям прибавляются сначала вопросы, а потом и собственный рассказ» (ЦГАОР СССР. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 708. Л. 40 об.— 41).

века (на свой аршин), предопределяет наше поведение в отношении его, а значит, и его поведение в отношении нас. Иными словами, мы всегда имеем во встречном человеке более или менее заслуженного собеседника»³⁵.

Охарактеризовав некоторые особенности «среды существования» переписки, обратимся к рассмотрению ее самой.

Частная переписка обслуживает всю повседневную жизнь людей за пределами их официальных отношений, на протяжении веков являясь важной формой опосредованной социальной коммуникации. Поскольку повседневность включает в себя огромный круг человеческих эмоций, размышлений и поступков, от переписки требовалась прежде всего «экономность» сообщения, т. е. передача возможно большей информации в возможно меньшем объеме послания. Будучи изначально полуфункциональной³⁶, переписка не могла идти по пути функциональной специализации, характерной для других видов источников. Наоборот, свойственная ей (крайне архаичная по происхождению³⁷) структура текста, соединяющая простоту используемых знаковых систем с их многоцелевым назначением, постоянно воспроизводилась и закреплялась в ходе социальной практики.

Эволюционируя, частная переписка, с одной стороны, овладевала новыми языками общения, с другой — разрабатывала свою многозначность. Как известно, любой язык представляет собой знаковую систему, а знаком может быть любой чувственно воспринимаемый предмет, явление, действие, выступающие в процессе общения и познания в качестве представителя (заместителя) другого предмета и используемые для получения, хранения и передачи информации о нем³⁸.

Учет только что названных направлений эволюции переписки позволяет глубже понять основные черты эпистолярной культуры образованных слоев русского общества середины прошлого века. В среде дворянско-буржуазной интеллигенции каждый, кто писал письма, должен был владеть не одним, а *несколькими* языками общения. Для человека, имевшего достаточную эпистолярную практику, уже сам факт получения письма был своего рода сигналом. Еще не вскрытое и не прочитанное, письмо указывало на своего автора, оживляя в сознании получателя целый комплекс воспоминаний, ассоциаций и раздумий. Обстоятельства получения письма, его внешний вид и объем, интервал между ним и предыдущим письмом могли быть привычными, обычными либо неожиданными. Все это мысленно соотносилось с уже накопленным опытом переписки с данным лицом, способствуя закреплению или переосмыслению каких-то представлений. Следовательно, отдельно взятое письмо как целое несло важную информацию, помимо своего словесного текста, было *знаком*. Переписка выступала как особый вид текста, состоящего из знаков-писем.

Во время распечатывания и беглого просмотра письма завершается формирование установки, с которой получатель подходит к его словесному тексту. Восприятие того, что написано в письме, оказывается поэтому не только сложноопосредованным, но и многоуровневым (от фабулы через стиль и тон к подтексту и дальше — к целям и намерениям автора письма). Кроме словесного текста, в разбираемом типе эпистолярной

³⁵ Утломский А. А. Запись на полях поэмы А. Блока «Возмездие» // Студ. меридиан. 1980. № 6. С. 36.

³⁶ При этом функции переписки не однотипны, а различны по характеру, сфере действия, способам осуществления и т. д., благодаря чему она и способна отображать всю сферу жизнедеятельности человека.

³⁷ Наблюдается известное единство филогенеза (исторического развития переписки как вида источника) и онтогенеза (развития переписки данного конкретного лица) переписки: исторически она старше многих других видов источников; точно так же первые беллетристические опыты ребенка состоят из пересказов прочитанного, описаний и писем.

³⁸ Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974. С. 122.

культуры существуют и другие тексты отдельного письма, использующие свои знаковые системы, но менее оформленные и дифференцированные друг от друга. Существование в культуре XIX в. таких явлений, как эпистолярный этикет, эпистолярная мода, эпистолярная традиция и др., делало значимыми (т. е. превращало в знаки) в письме сорт бумаги, почерк, расположение написанного на листе и т. д.³⁹

Таким образом, отдельное письмо включает в себе не один, а несколько текстов, являясь, в свою очередь, одним из знаков текста переписки. Эта система текстов, возникающая в процессе первичного социального функционирования переписки, может быть названа *целостным текстом* переписки⁴⁰. Стремление свести содержание переписки к совокупности словесных текстов писем существенно обедняет ее, вступая в непримиримое противоречие с социальной природой данного источника.

Остановимся подробнее на текстах отдельного письма. Поскольку каждый из них достаточно автономен (например, неопрятный внешний вид письма и безупречная логика его содержания), образуемая ими структура выглядит весьма рыхлой и аморфной. В этом смысле всякое письмо гораздо менее цельно, чем та переписка, которой оно принадлежит.

Показателен уже словесный текст письма. Хотя каждое письмо адресовано конкретному человеку и связано с предыдущей перепиской, его автор достаточно свободен и в выборе тем для разговора и в их изложении. Словесному тексту присуща естественная, как бы сама собой мотивируемая спайка отдельных частей. Общий сюжет может отсутствовать вовсе, и тогда каждая тема существует сама по себе, присоединяясь к другим через точку и тире, новый абзац либо обычную точку. В композиции письма нет ничего обязательного — ни единства времени и места действия, ни внутренней логики, ни нарастания и разрядки; все зависит от намерений пишущего. В композиции письма вообще нет ничего, что побуждало бы автора в тот или иной момент продолжить письмо или завершить его. В том и другом он самовластен: можно и оборвать рассказ на полуслове и вернуться к уже затронутой теме вторично. Самое трудное в любой форме — конец является здесь, по существу, механическим. Словесный текст обычно ограничивается в начале обращением к адресату, в конце — подписью автора. То и другое составляет так называемую рамку письма, которая может быть сколь угодно широкой.

Эти особенности словесного текста являются не недостатком письма, а следствием выполняемых им социальных функций, о которых говорилось выше. Вместе с тем естественно предположить, что рыхлая структура отдельного письма компенсируется связями писем друг с другом⁴¹.

Наиболее очевидны *тематические* связи между письмами. Именно тема, возникающая обычно как результат «заземления» какой-то общей проблемы на конкретную ситуацию в жизни, обладает способностью переходить из письма в письмо. Живя его общей жизнью, каждая тема письма (а, как правило, их несколько) имеет и свое собственное относительно независимое бытие, свою историю и свое будущее, свой способ развития — ведь она проходит в целом ряде писем обоих корреспондентов. Темы, на которых в буквальном смысле держится переписка, являются поэтою обоюдозначимыми.

Поскольку собеседники разделены во времени и пространстве, во всяком письме приходится напоминать те ведущие темы, которых оно

³⁹ См. об этом подробнее: *Наумов Е. Ю.* Семейная и дружеская переписка Чичериных... С. 86 и след.

⁴⁰ Данное определение целостного текста принципиально отличается от имеющегося в литературоведении. Ср.: *Паперно И. А.* Переписка Пушкина как целостный текст // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 420. С. 71—81.

⁴¹ Некоторые из Чичериных сознательно стремились к монотематичности своих писем и к логической организации их словесного текста. В юношеских письмах второго поколения семьи роль связок выполняют рассуждения о том, как и зачем писать письма.

касается, то ссылкой на адресата, то повторением его суждений. В «свой» текст, следовательно, в большей или меньшей мере вносится текст корреспондента. Вся переписка в итоге оказывается вдвойне диалогичной: каждое письмо — реплика в диалоге, который продолжается и внутри его, где сталкиваются «свой» и «чужой» текст. Диалогичность писем помогает им сохранить память друг о друге.

Помимо тематических связей, осуществляющихся непосредственно через словесный текст письма, имеются связи, выходящие далеко за пределы этого текста. Даже если корреспонденты совершенно не заботятся о поддержании общих тем, их письма могут составлять единое целое, если в них фигурирует один и тот же круг имен, событий и фактов, преобладают сходные настроения, выражено, по существу, одно и то же отношение к родным и близким. В этом может сказываться общность происхождения и круга общения авторов, тождественность их системы ценностей. Письма, следовательно, объединяет единый личностно-значимый для корреспондентов мир, выросший из их повседневной жизни. Подобного рода связи всегда присутствуют в дружеской переписке и в переписке с преобладанием элемента самовыражения.

Тематические и контекстуальные связи дополняются *композиционными связями*. Если первые как бы размыывают границы отдельного письма, объединяют переписку в единое целое, игнорируя автономию писем, то последние опираются на эту автономию, напоминают о ней.

Как известно, подпись в письме ставится не в первом, а в третьем лице, т. е. она сделана с внешней точки зрения, точки зрения адресата. Это подчеркивает местоимение «твой» или «Ваши», часто сопровождающее подпись. То, что было подписью в одном письме, в следующем, ответном, станет обращением, которое сделано уже с точки зрения адресата. В пределах одного письма, таким образом, происходит смена точек зрения; рамка же из обращения и подписи привязывает инициативное письмо одного корреспондента к ответному письму другого⁴².

Переписка, как правило, не представляет собой регулярного чередования тех и других писем. Когда один из корреспондентов посылает другому несколько писем подряд, они чаще всего связываются тематически: каждое следующее письмо продолжает хотя бы одну из тем предыдущего. Возможен и другой случай. Рассмотренные особенности композиции письма, многообразие заключенного в нем содержания, нередко связанного с текущими делами и заботами, позволяют воспринимать несколько идущих друг за другом писем одного лица к другому как своеобразные части его дневника. В большой мере эти письма действительно становятся дневником: лишь первое из них (ответное на письмо корреспондента) является частью диалога, в следующих же за ним письмах (которые фактически уже ни на что не отвечают) диалогичность сильно ослаблена.

От анализа текстов отдельного письма и связей писем друг с другом перейдем к характеристике целостного текста переписки. Возникая в процессе первичного социального функционирования переписки, он, как уже говорилось, представляет собой нечто большее, чем простую сумму текстов всех писем. На уровне целого здесь возникают новая информация, новые свойства переписки.

Выступая в качестве знака, каждое письмо соотносится адресатом с ранее полученными письмами и только тогда становится для него источником важных сведений об интенсивности и регулярности переписки, определенных эпистолярных привычках корреспондента и т. д. Этих сведений нет ни в одном из словесных текстов писем, но они могут быть с достаточной легкостью почерпнуты, так сказать, из самого процесса социального функционирования переписки.

Целостный текст переписки позволяет изучать два важных явления, которые совершенно не проявляются в текстах отдельных писем. Это

⁴² Паперно И. А. Переписка как вид текста... С. 214.

разделение личностно-значимого и нейтрального в переписке и ее самоуправление (моделирование).

В отдельном письме информационную нагрузку могут нести словесный текст (в том числе его различные части и уровни), почерк, бумага и т. д. Вместе с тем любое письмо занимает в переписке вполне определенное место и потому не вся заключенная в нем информация в равной степени важна для корреспондента: одна ее часть может восприниматься как значимая, другая — как нейтральная. Соотношение того и другого очень подвижно и может быть прослежено лишь на уровне целостного текста переписки, особенно когда акцент восприятия ставится не на словесные тексты писем, а на что-то другое⁴³.

В первых письмах корреспондента важно все. И содержание, и почерк, и сорт бумаги, и рисунок на конверте. Все это адресатом зачастую воспринимается разрозненно, ведь эпистолярные привычки корреспондента еще неизвестны. Письма корреспондента поэтому можно соотносить лишь с тем, что о нем известно из предшествующих личных встреч (либо с чужих слов), и с теми правилами переписки, которые приняты в данной социальной среде.

Еще специфичнее восприятие письма от незнакомого человека: тут может иметь значение любая мелочь, которая наведет получателя на те или иные суждения об отправителе и которая сопоставляется с тем, как «принято», как «должно» и т. п.

По мере развития переписки то, что повторяется постоянно (почерк или обращение, тон или «поклоны и поцелуи»), становится уже не значимой информацией, а нейтральной. Любое неожиданное нарушение привычного активизирует внимание собеседника, заставляет его реагировать на то, что ранее воспринималось как должное, задерживаться взглядом там, где до этого он переходил к другому.

Переписка, однако, не является лишь послушным орудием в руках корреспондентов, обладая определенной внутренней устойчивостью, иногда даже инерцией. Каждое новое письмо в ней все более и более предопределяется, «программируется» всеми написанными до него письмами обоих корреспондентов, которые уже знают, чего можно в этом плане ожидать друг от друга. У корреспондента возникает представление о некоем стандарте писем собеседника, и тому подчас требуется много усилий, чтобы этот стандарт разрушить либо видоизменить. Переписка ограничивает саму себя, даже если корреспонденты стремятся к обратному. Подобное самоуправление проявляется лишь на уровне целостного текста переписки.

Рассмотренные явления позволяют сделать вывод, что на уровне целого (переписки) возникают новые свойства и качества, которых нет ни у одного из его элементов (писем). Переписка, следовательно, имеет *системную* природу.

Структура и развитие целостного текста переписки определяются в конечном счете ее преобладающими функциями, которые и акцентируют те или иные элементы и взаимосвязи. Так, преобладание самовыражения у одного из корреспондентов приводит к тому, что он в значительной мере ведет переписку с самим собой. От адресата ждут прежде всего понимания и сопереживания. То и другое может быть выражено им косвенно либо в самой общей форме (указанием на факт получения письма), если отношения собеседников таковы, что их взаимная высокая человечность не требует лишних подтверждений. При таких отношениях один из корреспондентов на какое-то время может превратиться просто

⁴³ 27 августа 1901 г. А. А. Чичерина пишет жене своего брата Э. А. Капнист: «Милая моя Эмилия, благодарю за твое письмо, которое меня обрадовало и как весть о вас и как почерк, который более тверд, чем я ожидала, и читать твои „каракули“ было совсем не трудно. Таким почерком ты писала и прежде часто, он приближается к нормальному, не взирая на 5 страниц. Это вещественное доказательство, что рука дрожит менее, которому мы все радовались» (ЦГАОР СССР. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 256. Л. 26—26 об.).

в «получателя» писем, которые имеют значение прежде всего для их автора, помогая снять внутреннее напряжение, выговориться и т. п. Целостный текст переписки в этом случае напоминает прерывистый монолог, а единство писем достигается преимущественно за счет внетекстовых связей. Такие письма обычно не несут оперативной информации. Поэтому время между отправлением письма, его получением и отсылкой ответа принципиального значения не имеет.

Иной характер носит переписка с преобладанием приказов, просьб, поручений, т. е. элемента побуждения. Непосредственное предназначение письма в этой разновидности переписки реализуется лишь после получения его адресатом. Ценность писем, следовательно, зависит от своевременности их получения, а их информация становится оперативной.

Структура целостного текста переписки может служить основанием ее типологии. Представляется, что, учитывая социальную природу данного источника, целесообразнее классифицировать не отдельные письма (которые всегда полифункциональны, но лишены главного — определенных смысловых акцентов, ибо извлечены из переписки), а их исторически сложившиеся комплексы. В зависимости от преобладающих связей внутри целостного текста могут быть выделены различные типы переписок (в том числе и два только что рассмотренных).

Подведем итоги. Частная переписка может быть определена как один из способов социального взаимодействия людей за пределами их официальных отношений, когда разнообразные личностные контакты реализуются посредством отправления и получения писем, образующих целостный текст в процессе своего первичного социального функционирования и адресованных в каждом данном случае конкретному (обычно единственному) человеку. Целостный текст переписки — это система текстов отдельных писем и текста всей переписки, состоящего из знаков-писем. Иными словами, это одиночные письма, поставленные в такие отношения друг к другу и к корреспондентам, которые существовали в реальной исторической действительности.

Что дает понимание частной переписки как целостного текста для решения сложных вопросов ее изучения и публикации? С нашей точки зрения, понимание частной переписки как целостного текста позволяет выделить важнейшую черту данного вида источника (способность образовывать целостный текст в процессе первичного социального функционирования), а значит, сформулировать центральную задачу его научной критики (организации переписки в целостный текст) и основной методический прием этой критики (рассмотрение всякого письма как части целостного текста переписки). Правильный учет социальной природы данного вида источника позволяет повысить его информационную отдачу, а значит, результативность труда историков и археографов.

Изложенные выше наблюдения позволяют отдать предпочтение публикации исторически сложившихся эпистолярных комплексов, а не разнообразных искусственных выборок писем по тематическому или иному принципу. В том случае, если встает необходимость отбора писем для печати, важно учитывать их место в целостном тексте переписки. Мало-содержательное письмо могло сыграть поворотную, этапную роль в развитии переписки. Поэтому разделение информации писем на значимую и нейтральную следует проводить в первую очередь с точки зрения корреспондентов и лишь затем — публикатора. С этих же позиций целесообразнее подходить к сокращению текста письма и пересказу его содержания (если такая проблема возникает). При решении проблемы отбора приходится учитывать и структуру целостного текста переписки.

Понимание переписки как целостного текста позволяет более точно наметить объекты комментирования при издании писем. В переписке XIX в., как было показано, играет роль не только словесный текст, но и другие элементы. Следовательно, в необходимых случаях (когда на них падает акцент восприятия корреспондента) особенности внешнего вида письма, почерка и т. д. должны быть отражены в примечаниях. В предиде-

словии было бы уместно давать общую характеристику целостного текста публикуемой переписки, обращая особое внимание на способы связи писем друг с другом, роль отдельных писем в развитии переписки, эпистолярную практику корреспондентов. Последняя включает: многократно повторяющиеся, устойчивые черты содержания и формы писем (манера написания даты, обращения к адресату и подписывания; расположение текста на бумаге; приемы композиционного оформления содержания и последовательность обсуждения различных тем в письме; предпочитаемая проблематика писем и др.), традиционную процедуру обмена письмами (составление письма, возможность ознакомления третьих лиц с содержанием отправляемых писем; способ доставки писем адресату — по почте, с нарочным, с оказией, через родственников, знакомых или третьих лиц; чтение получаемых писем, возможность их вскрытия посторонними; круг лиц, осведомленных о содержании ведущейся переписки, и др.).

При датировке и атрибуции писем бывает полезно сопоставить их не только с ближайшими предполагаемыми соседями по переписке, но и со всей перепиской. В этом случае либо обнаруживаются скрытые поначалу информационные связи, либо лишний раз подтверждается чужеродность выявленного письма изучаемой переписки.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, во-первых, своеобразие археографического анализа переписки, обусловленное ее системным информационным потенциалом (переписка как целостный текст — это не только письма «в связи» друг с другом, но и качественно новое целое со своими признаками, функциями и свойствами), и, во-вторых, историзм переписки (сформулированные положения относятся лишь к определенной эпохе и к определенному кругу лиц и для своей экстраполяции требуют дополнительных исследований).

С. М. Каштанов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ГРАМОТ

(часть четвертая)¹

В настоящей статье автор продолжает обзор «Правил издания средневековых латинских документов». Эти «Правила» были созданы Международной комиссией по дипломатике и опубликованы сначала в Риме (на ротапринте)², затем в окончательной редакции — в Сарагоссе³. В «Правилах» различаются два «этажа» постраничных ссылок к тексту акта: первый, или верхний, расположенный непосредственно под текстом документа и включающий в себя палеографические примечания и варианты (он именуется «критическим аппаратом» — *apparatus critique*)⁴, и второй, или нижний, куда входят примечания исторического характера (*annotation historique*)⁵. Примечания второго рода имеют целью разъяснение темных мест по существу, идентификацию топонимов, лиц, событий, цитат, заимствований из предшествующих актов и т. п. Например, к словам «praepositus Sancti Martini» следует сделать примечание, что речь идет о прево Сен-Мартена, указать его имя и время исполнения им этой должности, если соответствующие даты известны.

Авторы «Правил» определенно подчеркивают нежелательность многословных примечаний, перегруженных излишней информацией. В примечаниях, считают они, можно не давать пояснения к топонимам, встречающимся в сборнике по несколько раз: идентификацию их лучше осуществить в географическом указателе. К тому же публикация может быть снабжена картой. Наши активные публикации, к сожалению, не сопровождаются картами. Отождествление топонимов на основании погубернских «Списков населенных мест» XIX в. проводится у нас в АСЭИ⁶ и АРГ⁷. В 3-м томе АСЭИ (1964 г.) его издатель И. А. Голубцов давал идентификацию топонимов по «Спискам населенных мест» как в примечаниях, так и в указателе; причем в последнем очень часто и независимо от того, один или несколько раз фигурирует топоним в публикации⁸. В АРГ идентификация по «Спискам населенных мест» применяется в разделе «Комментарии», в указателе же она отсутствует. В принципе отождествление населенных пунктов в указателе может носить более систематический характер, чем в примечаниях; однако «Комментарии» или «Примечания» подчас содержат важные сведения, которые не укладываются в рамки указателя. Отождествление топонимов XV—XVI вв. по «Спискам населенных мест» не всегда осуществимо, а в некоторых случаях чревато ошибками. Сопоставление выписи из угличских писцовых книг 1536/37 г. на владения Николо-Улейминского монастыря с материалами XVII—XVIII вв., касающимися того же земельного комплекса, и со «Списком

¹ Начало статьи см.: АЕ за 1983 год. М., 1985; АЕ за 1984 год. М., 1986; АЕ за 1985 год. М., 1986.

² Normalisation internationale des méthodes de publication des documents latins du Moyen Age (Colloque de Barcelone, 2—5 octobre 1974). Roma, 1977.

³ Normes internationales pour l'édition des documents médiévaux // Folia Caesaraugustana. Zaragoza, 1984. 1. P. 13—64.

⁴ Об этом подробнее см. в части третьей настоящей работы (АЕ за 1985 год).

⁵ Normalisation... P. 28—29; Normes... P. 53—54.

⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—начала XVI в. М., 1952—1964. Т. 1—3.

⁷ Акты Русского государства 1505—1526 г. М., 1975.

⁸ Единичные ссылки на «Списки населенных мест» встречаются уже в указателе ко 2-му тому АСЭИ (1958 г.).

населенных мест» Ярославской губернии XIX в. убедило нас в необходимости соблюдать большую осторожность при отождествлении топонимов XV—XVI вв. с пунктами, фигурирующими в «Списке» XIX в.⁹ Согласно «Правилам», топониму следует посвящать особое примечание, если идентификация его сомнительна или идет вразрез с принятой в предшествующей литературе.

Кроме исторических примечаний к отдельным местам текста, «Правила» предусматривают наличие в публикации специального «критического рассуждения» («dissertation critique»), характеризующего источник в целом с точки зрения его 1) датировки, 2) подлинности, 3) «диктата» и написания, 4) места в ряду документов получателя и канцелярии. Рассмотрение датировки должно включать в себя вопрос о стиле, принятом в данном акте, его крайних датах («terminus a quo» и «terminus ad quem»), объяснение хронологических соответствий или возможных несоответствий (explication des synchronismes chronologiques et des leurs éventuelles discordances). В проблему подлинности входит вопрос об аутентичности текста¹⁰, а также о возможном присутствии в нем интерполяций, их дате и причинах появления. В отношении «диктата» и написания рекомендуется приводить все сведения, пригодные для идентификации «диктатора» (т. е. того, кто диктовал акт) или писца: результаты анализа графических и редакционных особенностей документа, описание его внешних признаков (материала и средств письма, изобразительных элементов — таких, как хризмон, монограмма и т. п.). Выяснение места документа в ряду актов получателя предполагает сравнение его с предшествующими актами, выданными тому же получателю. О конкретных способах определения места документа в ряду актов канцелярии «Правила» не говорят. Вероятно, решающее значение имеет тут сравнение с синхронными актами, выданными канцелярией другим получателям.

В «Правилах» отмечается, что пункты 2—4 «критического рассуждения» необходимы при издании главным образом раннесредневековых документов, в то время как для более поздних актов все «критическое рассуждение» может свестись к пункту 1, т. е. к вопросу о дате. В этом случае само «критическое рассуждение» теряет характер самостоятельного раздела научного аппарата и публикуется в ряде постраничных сносок в качестве примечания к дате. В тех же случаях, когда «критическое рассуждение» дается в полном объеме, оно, по мнению авторов «Правил», должно помещаться перед текстом документа, сразу после легенды, которая в западных публикациях обычно предшествует тексту. Некоторые школы отводят «критическим рассуждениям» место после текста документа, что авторам «Правил» не кажется логичным, ибо подробное «рассуждение» является по существу введением к изданию текста, и читателю важно ознакомиться с ним прежде всего¹¹. Что касается публикаций русских актов, то в них «критические рассуждения» перед текстом, как правило, не помещаются. Из больших сборников актов только ГВНП содержат непосредственно перед текстом документа

⁹ *Каштанов С. М.* Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536—1537 гг. // *Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник.* Вологда, 1978. Вып. 6. С. 29—33.

¹⁰ В Международном словаре по дипломатике различаются три типа аутентичности (authenticité): дипломатическая (=подлинность), юридическая (=соблюдение всех правил удостоверения по отношению к подлинному или подложному акту), историческая (=достоверность). См.: *Folia Caesaraugustana.* 1. P. 126. Art. 99—101. В «Правилах» издания не уточняется, какая «аутентичность текста» устанавливается в «dissertation critique»; однако, поскольку речь идет о подлинности (sincérité), скорее всего, имеется в виду дипломатическая аутентичность, а может быть, и юридическая. Изучение достоверности («исторической аутентичности») слишком большая проблема, чтобы она могла быть решена в «dissertation critique», хотя очевидные элементы недостоверности, связанные с неоподлинностью акта, целесообразно указывать.

¹¹ *Normalisation...* P. 29; *Normes...* P. 54.

указание степени подлинности публикуемой рукописи, обоснование датировки акта и сведения о печатях¹². В большинстве других актовых публикаций все эти и подобные данные приводятся после текста акта. В изданиях отдельных древнерусских пергаменных актов описание их внешних особенностей — материала, почерков, изобразительных элементов, печатей — и установление хронологии выливаются подчас в настоящие «dissertations critiques». Они помещаются как перед текстом¹³, так и после текста документа¹⁴. Внимание к отдельным писцам, их стилю и почерку проявила А. Л. Хорошкевич в комментариях к «Полоцким грамотам»¹⁵. Выяснение места акта в ряду документов получателя и канцелярии в публикациях русских актов обычно не проводится. В примечаниях ко вновь найденным грамотам конца XIV — начала XVI в., которые были опубликованы нами в «Очерках русской дипломатии», делалась попытка отмечать близкие по формуляру предшествующие, а иногда и последующие грамоты, имевшиеся у получателя на те же объекты, что и в публикуемых актах¹⁶. В ряде случаев вопросы канцелярского происхождения актов поднимает А. Л. Хорошкевич в комментариях к «Полоцким грамотам»¹⁷.

Сопоставление рекомендаций «Международных правил» с практикой издания русских актов в послевоенный период позволяет отметить следующие совпадения и расхождения между ними в отношении состава и расположения научного аппарата к тексту отдельно взятых документов в сборнике:

1. «Apparat critique» соответствует нашим «палеографическим примечаниям» и «вариантам», которые в «apparat critique» выступают как ближайший к тексту «этаж» подстрочных сносок, не разделяемых на два «полуэтажа». Аналогичная картина в ГВНП, ДДГ¹⁸, АФЗХ¹⁹, «Смоленских грамотах», «Очерках русской дипломатии», «Полоцких грамотах»²⁰, многих журнальных публикациях. Разделение этого «этажа» сносок на два и помещение их не под строкой, а после текста документа было проведено в АСЭИ и АРГ. При такой системе палеографические примечания составляют первый абзац сносок, начинающийся словом «Примечания», которое набирается либо петитом в разрядку (АСЭИ), либо мелким курсивом (АРГ; ср. ПРК²¹). Второй абзац сноска озаглавляется словом «Варианты» или «Разночтения», которое набирается тем же шрифтом, что и слово «Примечания». Этот абзац присутствует реже, чем первый (полностью отсутствует в ПРК, что делает сомнительным необходимость здесь заголовка «Примечания»). Разделение текстуальных примечаний на два разряда привело к введению двух нумераций сносок: цифровой и буквенной. Это приблизило аппарат актового издания к аппарату ПСРЛ, хотя в ПСРЛ оба «этажа» сносок помещаются всегда под строкой и лишены заголовков типа «Примечания» и «Варианты». Принципам оформления сносок в ПСРЛ более всего соответствует аппарат ДКУ, где палеографические примечания нумеруются буквами, а варианты — цифрами и даются в два «этажа» под строкой без заголовков «Примечания» и «Варианты»²². «Двухэтажность» сносок в западных публикациях также вызывает необходимость использования разных

¹² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

¹³ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

¹⁴ Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963.

¹⁵ См., например: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1982. Вып. 4. С. 80—81, 93, № 150, 151, 172 и др.

¹⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970. С. 342, 345, 347, 370, 380, 383, 385, 391, 393, 397, 402, 403, 414. Примеч. к № 1, 2, 4, 15, 20, 22, 24, 28, 29, 31, 35, 36, 41.

¹⁷ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1980—1982. Вып. 3—4.

ДДГ. М.; Л., 1950.

¹⁸ АФЗХ. М., 1951—1961. Ч. 1—3; Л., 1983. Ч. 4.

²⁰ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977—1980. Вып. 1—3.

²¹ Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978.

²² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

нумераций — буквенной и цифровой. Палеографические примечания и варианты обозначаются буквами латинского алфавита от «a» до «z» и от «aa» до «zz»²³, а пояснения по поводу имен, названий, событий и т. п. — цифрами²⁴.

2. «Annotation historique», составляя в западных изданиях «второй этаж» постраничных сносок, соответствует нашим «примечаниям по существу» и «комментариям». Такого рода примечания не образуют особого раздела научного аппарата в большинстве советских актов публикаций, за исключением АСЭИ, АРГ, «Полоцких грамот» и некоторых других. В указанных изданиях «фактические» примечания вынесены в конец тома (или в последние выпуски серии, как в «Полоцких грамотах») и расположены друг за другом в порядке номеров актов. В АСЭИ этот раздел научно-справочного аппарата помещен перед указателями, в АРГ — перед таблицей использования архивных фондов и печатных изданий. В АСЭИ он носит название «Пояснительные примечания к актам». В 1-м томе АСЭИ (1952 г.) приведенный заголовок имел следующий подзаголовок в скобках: «О лицах и географических пунктах». Во 2-м (1958 г.) и 3-м (1964 г.) томах АСЭИ подзаголовок в скобках расширился: «О лицах, геогр. пунктах, особенностях происхождения и датировки актов». В АРГ и «Полоцких грамотах» рассматриваемый раздел носит короткое название «Комментарии». В последнее время комментарии стали перерастать в настоящие исследования. В АРГ, например, ряд комментариев изобилует данными о родственных связях, службе и землевладении лиц, упомянутых в источнике. Напомним, что известный историк И. Богдан, издавая в начале XX в. грамоты молдавского господаря Стефана III Великого, снабжал примечания к ним генеалогическими схемами, которые наглядно показывали родственные связи землевладельцев, фигурирующих в акте²⁵. Однако новейшие издатели молдавских грамот от этой практики отказались²⁶. В комментариях к «Полоцким грамотам» нередко характеризуется дипломатический состав актов, их «условный формуляр»²⁷. В западных публикациях дипломатический состав акта в примечаниях обычно не комментируется, хотя его описание иногда включается в состав более или менее пространного заголовка «анализа»²⁸. В «Очерках русской дипломатики» примечания о лицах и географических объектах, равно как и обоснования датировок, даются в конце акта, после легенды. Вообще говоря, примечания типа «annotation historique» не образуют в советских актов изданиях второго «этажа» постраничных сносок: в некоторых случаях они попадают в первый «этаж» сноска и фигурируют в составе примечаний главным образом палеографического характера, чаще же эти примечания публикуются в виде особого раздела научно-справочного аппарата в конце акта или в конце тома, где они оформляются как свободный текст, не связанный с текстом акта какой-либо системой сносочных знаков.

3. «Dissertation critique», или «рассуждение» о дате, подлинности, внешних особенностях, канцелярском происхождении и месте акта в ряду актов канцелярии и получателя, в своем полном составе и перед текстом акта в большинстве наших публикаций отсутствует, но отдельные элементы этого раздела научного аппарата присутствуют в тех или

²³ Normalisation... P. 27; Normes... P. 52 (art. 92). Встречаются также трехбуквенные номера сносок, например, «aaa», «bbb — bbb», «hhh» и т. д. (см.: Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Pragae, 1981. T. 5. Fasc. 2. P. 151. Примеч. к док. № 571).

²⁴ См.: Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. T. 5. Fasc. 2.

²⁵ Documentele lui Ștefan cel Mare/Publicate de Ioan Bogdan. București, 1913. Vol. 1—2. Ср.: Documentele Moldovenescii înainte de Ștefan cel Mare/Publicate de Mihai Costăchescu. Iași, 1931—1933. Vol. 1—3.

²⁶ См., например: Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. București, 1975—1980. Vol. 1—3.

²⁷ О понятии «условный формуляр» см.: Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 26—28.

²⁸ Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот, [ч. 1] // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 40—41.

иных местах публикации. Обоснование датировки дается как в ряду палеографических примечаний, так и вольным текстом без знака сноски, в числе примечаний по существу, помещенных после конкретного акта или в конце всего тома. Краткое описание внешних признаков и особенностей документа (типа почерка, степени подлинности и сохранности, водяного знака, печати и т. п.) в наших изданиях чаще всего соединяется с легендой, которая идет, как правило, вслед за текстом акта²⁹, предшествуя примечаниям и вариантам.

Итак, мы закончили рассмотрение первого и наибольшего по объему раздела «Правил», носящего название: «Publication d'une charte latine» («Публикация латинской грамоты»). В нем речь шла об издании текста и оформлении научного аппарата одного документа в составе сборника. Второй, меньший раздел «Правил» посвящен вопросам издания всего сборника в целом. Этот раздел озаглавлен: «Publication d'un recueil de chartes» («Публикация сборника грамот»). Для сборника актов предусматривается общая нумерация документов арабскими цифрами. В нумерацию включаются не только сохранившиеся акты, но и упоминания о несохранившихся, а также подложные акты. Перед номером подложного акта предлагается ставить знак +, а перед номером акта, известного лишь по упоминаниям, — звездочку (*), т. е. например: «+154» или «*154». Таким образом, уже по номеру акта читателю будет видно, что он имеет дело с документом подложным (faux) или утраченным («deperditum»). Если сборник состоит из нескольких книг или включает в себя несколько картуляриев (копийных книг), «Правила» рекомендуют либо использовать общую (валовую) нумерацию всех актов, либо выделять части сборника римскими цифрами и внутри каждой части давать особую (начиная с № 1) нумерацию актов арабскими цифрами. Последняя система применена в АФЗХ, ч. 3 (1961 г.), хотя и без нумерации разделов римскими цифрами. В сборнике выделены три раздела: «Раздел первый. Акты, относящиеся к митрополичьему и патриаршему вотчинному землевладению и хозяйству 1521–1621 гг.»; «Раздел второй. Записная книга поместным земельным дачам митрополичьим и патриаршим слугам в разных уездах 1582–1622 гг.»; «Дополнения». Каждый из этих разделов имеет свою особую нумерацию актов (арабскими цифрами) и свое особое оглавление, помещенное после соответствующего раздела. С нашей точки зрения, этот сборник был бы более удобен для использования и для ссылок на помещенные в нем документы, если бы здесь при наличной структуре применялась общая нумерация документов, а все три оглавления были бы даны одно за другим в конце книги. Выделение разделов римскими цифрами при общей валовой нумерации актов проводится в АСЭИ, т. 2 и 3.

Согласно «Международным правилам», порядок расположения документов в томе различается в зависимости от того, что издается: картулярный (копийная книга) или сборник грамот. Поскольку картулярный является сам по себе целостным источником — продуктом деятельности получателя и владельца грамот, он может рассматриваться как литературный памятник, при издании которого полностью сохраняется его структура. Публикация картулярия предполагает соблюдение последовательности расположения актов, принятой в источнике. Эта последовательность определяется в одних случаях иерархией авторов актов, в других — географическим признаком, в третьих — организацией материала в виде «досье» и «дела», в четвертых — порядком размещения документов в архиве получателя и владельца грамот, и т. п. Если

²⁹ В полном виде легенда перед текстом приводится только в ГВНП. В АСЭИ, «Смоленских грамотах» и ПРК перед текстом указывается шифр рукописи, по которой публикуется текст. При этом в первых двух изданиях оговаривается, что представляет собой публикуемая рукопись — «подлинник» (АСЭИ), «оригинал» (СГ) или список. В них сообщается и дата списка (в СГ — также и оригинала). В легендах ПРК указание степени подлинности и даты рукописи отсутствует, что снижает научную ценность издания.

в картулярии имеется своя нумерация актов, она сохраняется, но во всех случаях издатель обязан указывать номера листов или страниц рукописи (кодекса). В конце тома необходимо поместить перечень всех актов картулярии в хронологической последовательности. В соответствии с этими принципами Л. В. Черепниным была осуществлена публикация копийной книги актов митрополичьего дома XVI в. (АФЗХ, ч. 1). Иначе поступил с копийной книгой Московского Богоявленского монастыря конца XVII в. В. Д. Назаров. Несколько древнейших актов из нее он издал совместно с И. А. Голубцовым в составе журнальной публикации³⁰, акты же XVI — начала XVII в. (до 1604 г.) — в роталпринтном сборнике, в предисловии к которому характеризуется структура копийной книги³¹, но в самом сборнике грамоты расположены по хронологии, а записи об основании монастыря, пожалованиях и вкладах XV в. и т. п. помещены в приложении. Тут принцип издания копийной книги как целостного литературного памятника не соблюден, хотя акты Богоявленского монастыря XV — начала XVII в. в подлинниках неизвестны и дошли только в составе данной копийной книги.

В «Международных правилах» указывается, что в некоторых случаях в приложении могут быть изданы акты, обнаруженные в архиве и относящиеся к теме и профилю данного картулярия, но не включенные в него. В качестве «Дополнений» фигурируют в 3-й части АФЗХ десять документов XVI—XVII вв., из которых первые восемь являются подлинными актами 1564—1620 гг. Не совсем ясно, «дополнением» к чему служат эти акты — к копийной ли книге, изданной в 1-й части АФЗХ, к первому или второму разделу 3-й части АФЗХ, или ко всему материалу, опубликованному в АФЗХ, ч. 1 и 3. Вероятнее всего последнее. В таком случае данные «дополнения» нельзя рассматривать как приложение к картулярию в собственном смысле слова.

В «Международных правилах» говорится, что, если публикуется не картулярий, а сборник грамот, извлеченных из одного фонда или касающихся одного учреждения, для их расположения в томе избирается хронологический принцип. Так же поступают, когда издается картулярий или несколько картуляриев совместно со многими другими актами, которые первоначально не входили в эти картулярии. В последнем случае рекомендуется давать в приложении таблицу соотношения между содержанием картуляриев и нумерацией актов в публикации. В русской актовой археографии примером пофондовой публикации является вышедший в 20-х годах в двух томах «Сборник грамот Коллегии экономии», где печатались акты из фонда «Грамот Коллегии экономии» (ГКЭ) МАМЮ (ныне в составе ЦГАДА СССР)³². В самом фонде ГКЭ документы группировались по уездам, а внутри уездов — по хронологии. Публикация в целом повторяла этот принцип, хотя охватила только некоторые северные уезды: Двинской, Важский, Кеврольский, Кольский, Мезенский. Поучрежденческий принцип в сочетании с территориальным и тематическим проведен в ГВНП. Здесь помещены грамоты, относящиеся к Новгороду и Пскову времен их независимости, т. е. за основу взят факт существования самостоятельных высших органов власти, который можно назвать институциональным критерием. Грамоты Новгорода разделены на несколько групп: 1) «Грамоты... отношений с князьями»; 2) «Грамоты... отношений с Западом»; 3) «Грамоты внутреннего управления...»; 4) «Частные акты» с территориальными подразделами: а) Новгород, б) Двина, в) Вага, г) Обонежье. Хронологический принцип проводится внутри разделов (в «Частных актах» — внутри подразделов). «Псковские грамоты» выступают в публикации в качестве единого раздела: и частные и публичные акты расположены в порядке общей хронологии.

³⁰ Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV — начала XVI века // СА. 1970. № 5. С. 80—85. Док. № 1—8.

³¹ Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984. С. 23—24.

³² Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 1. Л., 1929. Т. 2.

Такая компактность псковского раздела объясняется, по-видимому, сравнительной малочисленностью псковских актов. Институционный принцип (происхождение грамот от высших органов власти Северо-Восточной Руси) в сочетании с номинальным (духовные и договорные грамоты) послужил основой для отбора материала при издании ДДГ, где эти два принципа полностью сочетаются с хронологическим: все акты расположены по хронологии.

Учрежденческий принцип в наших публикациях редко проявляется в совершенно чистом виде. Обычно за основу берется не учреждение как таковое, а архив этого учреждения, пыле раздробленный по многим фондам и собраниям. Учреждение выступает прежде всего в качестве бывшего фондообразователя. Так, в АСЭИ, т. 1, и АРГ опубликованы грамоты XIV — первой четверти XVI в. из прежнего (ныне в целом виде не существующего) архива Троице-Сергиева монастыря по его состоянию до секуляризации монастырских земель во второй половине XVIII в. и передачи большинства подлинников и отдельных списков в Коллегию экономии. О составе троницкого архива в XVI—XVIII вв. лучше всего позволяют судить копиянные книги этого времени. В них включались не только те акты, где фигурируют сам Троице-Сергиев монастырь и его представители, но и грамоты, первоначально не связанные с монастырем: сделки между частными лицами, попавшие в монастырский архив после поступления того или иного владения в монастырь; акты, касающиеся монастырей, позднее приписанных к Троице-Сергиеву (так называемых приписных). Отдельные сборники документов посвящены также актам XV — начала XVII в. из архива Иосифо-Волоколамского монастыря (АФЗХ, т. 2) и актам XVI — начала XVII в. из архива Симонова монастыря (АФЗХ, ч. 4). Во всех перечисленных публикациях актов архива одного монастыря грамоты располагаются по хронологическому принципу.

Во 2-м томе АСЭИ собраны акты конца XIV — начала XVI в. из архивов четырех монастырей: Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Симонова и Спасо-Евфимьева. Том делится соответственно на четыре раздела, обозначенные римскими цифрами и имеющие каждый свой заголовок, например: «IV. Акты из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря». При общей для тома нумерации всех актов в каждом разделе свой порядок расположения документов по хронологии. В 3-м томе АСЭИ хронология отодвинута на задний план, а учрежденческий принцип оказался вторичным по отношению к территориальному и тематическому. Том имеет сложную структуру: он состоит из восьми разделов, среди которых основное место занимают территориальные (разделы I—VI), один является тематическим — «Акты на холопов» (раздел VII), и один содержит дополнения к 1- и 2-му томам АСЭИ (раздел VIII). Основные разделы делятся на части по территориальному принципу и на подчасти по типам получателей (духовные учреждения, «частные лица»). В первом разделе подразделение на подчасти в части 1 («Москва») совсем особое: «а) Акты центрального гражданского и церковного управления, суда и дворцового хозяйства»; «б) Акты московских монастырей и церквей». Хронологический принцип проводится в рамках раздела в целом только в «Актах на холопов». В других разделах хронология соблюдается внутри более мелких структурных единиц, являющихся последней ступенью подразделения, т. е. в группах актов, представляющих архивы отдельно взятых монастырей или епархий, а также в группах актов, относящихся к частным лицам данной территории. Фрагментарность материала обусловила введение в этом томе рубрик, выбивающихся иногда из общей структуры; например, созданных по номинальному признаку, который обычно не применяется в АСЭИ как структурообразующий; см. в разделе V: «„Местные“ грамоты (нижегородские)». Дробность структуры тома до некоторой степени преодолевается приложенным в конце «Хронологическим указателем номеров актов».

В «Правилах» рассматривается вопрос о порядке расположения доку-

ментов в соответствии с их датами. Все элементы даты (год, месяц, число) должны быть представлены в переводе на новый стиль, и лишь в тех случаях, когда такой перевод невозможен, они даются по старому стилю с указанием «v. st.» (vieux style)³³. В публикациях русских актов только год переводится на новую эру, месяц же и число указываются без оговорки «по старому стилю», т. е. так, как они обозначены в источнике, при этом дни недели и описательные даты переводятся в числа, но опять-таки по старому стилю. Когда датировка акта может быть альтернативной (например, либо 1452, либо 1453, либо 1454 г.³⁴), «Правила» рекомендуют помещать акт под последней из возможных дат. Акты, не имеющие точной даты и датируемые каким-либо отрезком времени, предлагается помещать под *terminus ad quem*, т. е. позднейшей (или «нижней») предельной датой. Если два акта имеют одинаковые *terminus ad quem*, то их места различаются по начальной (или «верхней») дате — *terminus a quo*; при этом существуют две противоположные традиции выбора места акта: 1) по возрастанию неточности датировки, 2) по возрастанию точности датировки. Первая система принята во Франции и Бельгии. Как говорят авторы «Правил», логика ее заключается в том, что издатель отталкивается от точно датированного акта, а все остальные, неточно датированные, помещает в зависимости от степени их близости к точно датированному документу. Получается примерно такой порядок расположения документов:

1299 г., 31 декабря.

1299 г., 10—31 декабря.

1299 г., декабрь (= 1—31).

1299 г., 10 ноября — 31 декабря.

1299 г., ноябрь — декабрь (1 ноября — 31 декабря).

1299 г. (= 1 января — 31 декабря).

1292—1299 гг.

1275—1299 гг.

Вторая половина XIII в.

1300 г., 1 января³⁵.

И все же логика подобного расположения документов, как и сам выбор в качестве определяющей вехи позднейшей даты, не бесспорна. Дефект этой системы заключается, на наш взгляд, в том, что она дает обратнo-хронологическое размещение недатированных актов в рамках общей возрастающей хронологии, тем самым нарушая ее последовательность. В «Правилах» отмечается наличие противоположного подхода к определению места альтернативно или неточно датируемых актов, а именно по их *terminus a quo*, по начальной дате. «Правила» допускают возможность такого подхода, но призывают в любом случае к последовательному проведению какого-то одного принципа. Если акты, вышедшие из одной и той же канцелярии, имеют одинаковые *terminus a quo* и *terminus ad quem*, предлагается их размещать в алфавитном порядке имен получателей. В наших публикациях одинаково датированные акты принято располагать по алфавиту разновидностей документов³⁶.

³³ Normalisation... P. 30; Normes... P. 56 (art. 99).

³⁴ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 424—426. № 53. Под альтернативной датой в «Правилах» понимается такая дата, которая в переводе на новый стиль может быть выражена неоднозначно. Случается, что в пасхальном стиле одно и то же число марта или апреля фигурирует дважды в пределах одного года, протяженность которого иногда достигала 440 дней. Если неизвестно, каким стилем пользовался составитель документа — пасхальным или благовещенским, а дата выражена, например, словами «пятница перед серединой (т. е. четвергом 3-й недели.— С. К.) великого поста» («le vendredi avant la Mi-carême»), дата должна быть представлена как «1299 г. марта 27 или 1300 г. марта 18». Указывается несколько годов для актов, датированных только индиктом при отсутствии других уточняющих данных: «1300 г. или 1315 г. или 1330 г. марта 10». См.: Normalisation... P. 6; Normes... P. 24—25. Art. 6. Ср.: Каштанов С. М. Современные приписки... Ч. 1. С. 38—39).

³⁵ Normalisation... P. 31; Normes... P. 56.

³⁶ О необходимости отступления в некоторых случаях от этого принципа см.: Каштанов С. М. Из опыта актов археографии // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 52.

В советских изданиях неточно датированные акты помещаются в месте, предназначенном их предполагаемой начальной датой (*terminus a quo*) в порядке возрастания неточности датировки. Акты, для которых начальной датой признается тот или иной год, следуют после точно датированных грамот этого года. При кажущейся полной логичности данной системы в ней есть спорные моменты. Акты, датированные только годом по сентябрьскому стилю, относятся, строго говоря, к промежутку между 1 сентября раннего возможного года и 31 августа позднего возможного года. Вместе с тем они оказываются после всех актов раннего года, в том числе и сентябрьских — декабрьских³⁷. Еще сложнее картина, когда за грамотой, датированной только годом, идет грамота, вообще не имеющая даты и которую издатель сам датирует каким-то промежуточным временем. В такой предполагаемой дате обычно трудно указать начальный и конечный месяцы. Но, поскольку при датировке ставится дата по январскому стилю, логично было бы поместить акт среди январских грамот начального года. Посмотрим, как расположены некоторые акты в АСЭИ, т. 1:

№ 548а. 1490 г. октября 17.

№ 549. 1490/91 г.

№ 550. [1490—91 гг.].

№ 551. [1490—94 гг.].

При отсутствии месяцев в датировках грамот № 549—551 это расположение выглядит вполне логичным. Однако стройность нарушится, если оперировать еще месяцами и числами:

№ 548а. 1490 г. октября 17.

№ 549. 1490 г. сентября 1 — 1491 г. августа 31.

№ 550. [1490 г. января 1 — 1491 г. декабря 31].

№ 551. [1490 г. января 1 — 1494 г. декабря 31].

Какой вывод следует отсюда: не вносить месяцы и числа, чтобы не разрушать видимость логической стройности чисто условного расположения актов, или указывать месяцы и тем самым активнее вклинивать неточные датировки в состав точных? Указанием месяцев мы увеличиваем определенность датировок грамот, датированных в самом источнике только годом, и практически не ослабляем и не усиливаем неясность датировок недатированных документов, а только ставим точки над *i*, делая стыдливо замаскированную неточность беззащитно обнаженной. Для стимулирования исследований последний подход продуктивнее.

Аналогичным образом нужно, на наш взгляд, поступать с актами, где есть год и месяц, но нет числа. Принято грамоты без числа ставить после всех грамот данного месяца³⁸. Думается, лучше было бы их помещать после грамот от 1 числа месяца с датой в квадратных скобках: [1—30] или [1—31] для большинства месяцев, [1—28] или [1—29] — для февраля. При отсутствии грамот, имеющих число 1, грамоты месяца надо начинать с грамот без числа. Таким образом, наш принцип: ставить акты с неточной или неясной датой под наиболее ранней из возможных дат (*terminus a quo*), оперируя при этом годом, месяцем и числом.

В «Международных правилах» говорится, что, если издатель дает новую датировку какому-либо акту, ранее уже датированному и фигурировавшему в историографии под старой датой, он, естественно, помещает его под новой датой, но в соответствующем месте тома приводит старую дату, делая от нее отсылку к публикуемому акту. Этому указанию старой даты не должен предшествовать порядковый номер, ибо здесь помещается не документ, а только его дата, принятая ранее в литературе. Ее цель — занять место в хронологическом ряду и служить ориентиром для тех, кто знает документ по его старой дате. Данная рекомендация кажется весьма целесообразной, и можно лишь пожалеть, что в наших

³⁷ См., например: АРГ. № 251—302.

³⁸ См., например: АРГ. № 83—86; АФЗХ. Ч. 4. № 4—8.

актовых изданиях такое конституирование старых дат в качестве самостоятельных структурных элементов тома и его оглавления совершенно не практикуется, хотя это было бы весьма уместно в ГВНП, ДДГ, АСЭИ и некоторых других сборниках. Правда, в ДДГ отсутствие старых дат в томе и оглавлении в какой-то мере компенсируется особой таблицей-вклейкой в конце книги: «Датировка духовных и договорных грамот в различных изданиях и исследованиях». Даже очевидно ошибочные, но получившие широкое распространение даты имеют самостоятельное историографическое значение. Например, в ГВНП опубликован под 1372 г. новгородский наказ послам³⁹, который в СГГД датировался ошибочно 1317 г.⁴⁰ и под этой датой широко вошел в литературу⁴¹. В ГВНП прежняя дата не только не вынесена в оглавление, но даже не упомянута в легенде к документу.

Далее в «Правилах» ставится вопрос о месте подложных актов в томе. «Правила» рекомендуют публиковать подложные и сомнительные документы не в приложении, а в составе основного корпуса актов, поскольку, во-первых, в некоторых из них может быть подлинный субстрат; во-вторых, подчас трудно провести различие между подложным и сомнительным актом; в-третьих, предшествующие исследователи могли трактовать эти акты как подлинные и читатель будет искать их в основной части сборника. Таким образом, подложные акты должны публиковаться в том месте книги, где им следует быть в соответствии с проставленной в них датой. Если же в подложном акте дата отсутствует или невероятность ее очевидна, акт издается в конце тома после недатированных подлинных актов. О подложности или сомнительности акта составители сборника обязаны высказаться совершенно недвусмысленно. Кроме знака + перед номером такого акта, его тексту следует предпослать указание: «Подложный» («Faux») или «Сомнительный» («Suspect»).

Приведенные рекомендации «Правил» представляются безусловно верными. Они в целом соответствуют и нашей археографической практике в том, что касается размещения подложных документов в сборнике среди подлинных актов, а не в приложении. Правда, при этом указание неподлинности дается не в тех формах, которые предусматриваются «Международными правилами». Так, в 1-м томе АСЭИ в качестве документа № 1 без даты опубликована подложная грамота Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю. О ее подложности говорится не в отдельной фразе перед текстом, а в заголовке: «Жалованная тарханная и несудимая грамота — подложная — в кн. Дим. Ивановича Донского Тр.-Сергиеву м-рю...» Слово «подложная» набрано тут в разрядку. В том же томе под № 176 и под датой 1445 г. мая 15 в ряду актов 40-х годов XV в. издана сомнительная по дате (6979, т. е. 1471 г.) и формуляру грамота Василия II Троице-Сергиеву монастырю на село Шухобалово Суздальского уезда; однако ни в заголовке, ни перед текстом о сомнительности документа не сказано ни слова. Этот вопрос рассматривается только в примечании после легенды, причем один из издателей сборника (И. А. Голубцов) был не склонен считать акт подложным, хотя, судя по формуляру грамоты, она не могла возникнуть раньше XVI в.⁴² Когда подложные или сомнительные акты издаются в составе картулярия, они тем более не выделяются в приложение, а помещаются в соответствии с их расположением в копияной книге. Так, в порядке следования документов в копияной книге митрополичьего дома XVI в. Л. В. Черепнин опубликовал две подложные данные грамоты — М. Ф. Изинского 1416/17 г. и Саввы Сюзева 1399 г.⁴³ К сожалению, ни в заголовке, ни

³⁹ ГВНП. № 17.

⁴⁰ СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 13.

⁴¹ См., в частности: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. 2-е изд. М., 1952. Кн. 1. С. 399.

⁴² Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 250—251.

⁴³ АФЗХ. Ч. 1. № 245, 246.

отдельно перед текстом сомнительность этих грамот не отмечается. Лишь в примечаниях в другом разделе сборника о данной Саввы Сюзева говорится: «Подлинность грамоты вызывает сомнения»⁴⁴.

Обычай печатать подложные документы в приложениях к сборнику можно наблюдать в новейшей румынской публикации молдавских грамот, где в конце 1-го и 3-го томов выделены разделы «Documente false» («Подложные документы»), а в конце 2-го тома — «Documente îndoielnice» («Сомнительные документы»). Нумерация подлинных актов основного корпуса дается в этом издании арабскими цифрами, а подложных и сомнительных — в приложении римскими⁴⁵. Публикуя дополнения к триоцким актам конца XIV — начала XVI в., мы также выделили особый подраздел «Сомнительные грамоты», но придерживались общей нумерации актов арабскими цифрами⁴⁶. Подобные примеры не меняют нашего мнения о том, что целесообразнее следовать рекомендациям «Международных правил».

В «Правилах» уделяется внимание способам указания несохранившихся, или «потерянных», актов («Deperdita»). Признается необходимым включать в состав сборника под отдельным номером сведения о всяком утраченном акте в том месте, которое надо было бы отвести этому акту согласно его дате. Перед номером утраченного акта, как говорилось, ставится звездочка (astérisque). Источник сведений об акте цитируется дословно. Если точная дата несохранившегося акта неизвестна, «Правила» рекомендуют помещать его под последней из возможных дат (terminus ad quem). С этим пунктом мы уже выражали несогласие в общем плане. Его можно повторить и применительно к несохранившимся актам, которые, с нашей точки зрения, должны помещаться под ранней из возможных дат (terminus a quo). В «Правилах» указано далее, что, если дата утраченного акта не может быть определена вообще, упоминание о нем следует давать в конце сборника, перед недатированными или не поддающимися датировке подложными грамотами.

Нам кажется очень важным сам принцип внесения в публикацию упоминаний о несохранившихся актах под отдельным номером в общем хронологическом ряду актов. У нас это принято пока только в перечнях грамот, хотя уже в «Очерках русской дипломатики» упоминания о грамотах Спасо-Прилуцкого монастыря даются под отдельными номерами в общей системе валовой нумерации публикуемых актов⁴⁷. Напомним, что И. А. Голубцов издавал в АСЭИ наряду с актами XIV — начала XVI в. более поздние источники, в составе которых приводятся или упоминаются предшествующие документы, как сохранившиеся, так и несохранившиеся⁴⁸. Полезность публикации таких источников, иногда целиком, а иногда в отрывках, не вызывает сомнений; однако недостаточность этого метода очевидна. Упоминаемые в позднейшей грамоте или описной книге ранние акты, не попадая в общее оглавление тома, остаются как бы растворенными в тексте позднейшего документа. Только в единичных случаях ранняя грамота указывается в конце заголовка более позднего источника, упоминающего о ней. Такие ссылки не дают возможности привести полный заголовок раннего акта. Например, во 2-м томе АСЭИ опубликована жалованная грамота Ивана IV Спасо-Евфимьеву монастырю 1551 г., содержащая указание на несохранившуюся жалованную грамоту Василия

⁴⁴ Там же. С. 280. № 246. Подробнее о подложности грамот М. Изинского и С. Сюзева см.: *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // ТМГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 400—404.

⁴⁵ Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. 1—3.

⁴⁶ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 430—437. № 60—63.

⁴⁷ Там же. С. 481—484. № 78—84. Тексты некоторых из этих грамот (№ 79—81) впоследствии поступили в ОР ГБЛ и были опубликованы: *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 96—99, 101—105. Док. № 3, 4, 8.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 2. № 316, 433, 497; Т. 3. № 48а, 51, 92, 92а, 94а, 272а, 289—289а, 302, 321, 341, 502. Ср.: Там же. № 84, 341а, 462, 479.

Темного от 14 марта 1450 г. К заголовку грамоты 1551 г. в конце прибавлено: «данная взамен и в дополнение изветшавшей жалованной грамоты 1450 г.»⁴⁹. Как видим, описание самой грамоты 1450 г. лишено здесь необходимой полноты: не указаны ни жаловател, ни месяц и число выдачи акта. Совсем не отраженными в заголовке грамоты 1551 г. оказались факты подтверждения грамоты 1450 г. на имя Ивана III, Василия III и Ивана IV. Вероятно, всеми этими указаниями и не стоило перегружать заголовок грамоты 1551 г., но следовало дать отдельно, под 1450 г. (в соответствующем месте тома), полный заголовок грамоты Василия Темного, а вместо ее текста процитировать фрагмент грамоты 1551 г., говорящий о грамоте 1450 г. Необходимость же публикации грамоты 1551 г. целиком в этом томе, ограниченном рамками XIV — начала XVI в., сомнительна, ибо формуляр грамоты 1551 г. новый, не отражающий нормы XV в.: «опричь ямских денег и посошны службы и тамги⁵⁰, и пищальных денег...».

Публикация выдержек из описных книг в АСЭИ не сопровождается отождествлением упоминаемых документов с уже известными, при издании которых имеющиеся в описи упоминания, в свою очередь, игнорируются. Так, в 3-м томе АСЭИ опубликованы выдержки из «описи» Чудова монастыря 1755 г. Фигурирующая в описи «грамота села Филиповского 7012 году, бес печати»⁵¹ издана в АСЭИ по подлиннику⁵², но ни в публикации грамоты нет ссылки на опись, ни в публикации описи нет ссылки на реально сохранившуюся грамоту. Это касается и других актов.

Нередко имеется несколько упоминаний об одном и том же акте, причем упоминания могут более или менее существенно отличаться друг от друга. Примеры тому дают описные книги и описи Соловецкого монастыря XVI—XIX вв.⁵³, опись Царского архива XVI в.⁵⁴ и описи Посольского приказа 1614⁵⁵, 1626 гг.⁵⁶ и др. Вероятно, в подобных случаях после составительского заголовка нужно процитировать все сохранившиеся упоминания утраченного акта в порядке хронологии источников, в которых они содержатся. Эти упоминания полезно пронумеровать и начинать каждое с нового абзаца. Заканчиваться упоминание должно легендой, т. е. указанием места хранения, шифра и публикации цитируемого источника и его даты.

Что касается звездочек при номерах грамот, то они употребляются в 3-м томе АСЭИ, но не до, а после числа номера, и только в оглавлении в конце книги. Звездочкой обычно сопровождаются номера документов, вынесенных в приложение к той или иной группе актов, о чем прямо сказано в публикации (С. 662. Примеч.). Наиболее последовательно в приложения выносятся выдержки из описных, вкладных и кормовых книг (№ 48а, 92а, 94а, 272а, 341а, 479, 502). Из грамот и записей конца XVI—XVII в. одни фигурируют как приложения и в оглавлении указываются со звездочкой (№ 84, 92, 462), другие входят в основной состав, и в оглавлении их номера даются без звездочек (№ 51, 289—289а, 302, 321, 341). Отдельные документы первой половины XVI в., несколько выходящие за хронологические рамки тома (т. е. относящиеся к периоду

⁴⁹ АСЭИ. Т. 2. № 479.

⁵⁰ В рукописи (список XVIII в.) ошибочно: «тарей». И. А. Голубцов считал, что «правильное чтение установить затруднительно» (Там же. С. 548. Примеч. 6).

⁵¹ Там же. Т. 3. № 48а, С. 72. Уп. № 111.

⁵² Там же. № 46.

⁵³ О них см.: *Тугова Т. А.* Из истории архива Соловецкого монастыря [ч. 1] // АЕ за 1983 год. С. 58—67; То же. Ч. 2. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 116—127.

⁵⁴ Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года/Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 17—44; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции/Подгот. текста и комментарии А. А. Зиминой. М., 1978. Т. 1. С. 35—99.

⁵⁵ ДДГ. С. 445—458; Описи Царского архива... С. 45—137 (подготовила к печати С. А. Левина).

⁵⁶ ДДГ. С. 459—484; Опись Архива Посольского приказа 1626 года/Подгот. к печати В. И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1, 2.

после 1505 г.), выделяются в приложения (№ 27, 115, 219, 235, 390, 391), но гораздо большее число таких актов в нарушение принятой хронологии публикуется в основном составе (№ 24–26, 95, 98, 119, 174–177, 189, 233, 234, 338–340, 346, 363, 370–389, 451–461, 472, 473, 475, 501). В двух случаях в приложения попали акты XV в. (№ 76, 477). Зато сведения о новом списке грамоты XV в. напечатаны под отдельным номером среди актов основного состава, хотя в оглавлении этот номер сопровождается звездочкой (№ 476). Использование звездочек при такой неясности критериев и непоследовательности выделения документов в приложения мало помогает исследователю разобраться в материале. Дело бы обстояло иначе, если бы звездочки ставились при номерах несохранившихся актов, выделяемых каждый в особую единицу наряду с сохранившимися документами⁵⁷.

---

⁵⁷ Окончание статьи см.: АЕ за 1987 год.

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ
КНИЖНИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(Из опыта изучения
Лицевого летописного свода XVI в.)

Келейник Чудова монастыря, завершая свой труд, надеялся, что «когда-нибудь монах трудолюбивый... пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет» (курсив мой.— В. М.). Ученые возражают: «...рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»¹, так как «летопись предназначалась в первую очередь не для потомков, а для современников и летописные своды использовались в политической борьбе»².

Попробуем же разобраться в арсенале средств, применявшихся Пименом (назовем его так вслед за А. С. Пушкиным), чтобы, как ему казалось, «правдиво» поведать «земли родной минувшую судьбу» на листах Лицевого летописного свода (ЛС).

До нас дошло 9700 из почти 12 000³ листов этой грандиозной лицевой (иллюстрированной) летописи, относимой исследователями ко времени Ивана Грозного⁴ и традиционно считающейся списком⁵ или редакцией⁶ Никоновской летописи (НЛ). Однако именно соотношение ЛС и НЛ, не вызывающее дискуссий и, казалось бы, общепринятое, представляется весьма спорным и довольно уязвимым.

Вернемся, однако, к пушкинскому Пимену. «Добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева», ведет он свое повествование «многих лет», которым был свидетелем. Собеседник Ивана Грозного, и вероятно не молодой («Тогда уж и меня сподобил бог уразуметь нич-

¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. ПГ., 1916. Ч. 1: Вводная часть, текст, примечания. С. XVI.

² Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 15.

³ Утраты в ЛС весьма значительны, но текст его частично восстанавливается по копии, сделанной в XVII в. (так называемые Лебедевская и Александро-Невская летописи), частично по НЛ (там, где последовательное изложение в ЛС обрывается внутри какой-либо фразы). По моим подсчетам, только история царствования Ивана Грозного (известия 1533—1567 гг.) занимала 1800 листов. Еще 4715 листов содержат повествование о событиях 1114—1533 гг. (утраты внутри этой части отмечены А. А. Амосовым). На 3717 листах изложен рассказ о всемирной истории. Около 750 листов были посвящены начальной русской истории (см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 214; Амосов А. А. Из истории создания Лицевого летописного свода (Организация работ по написанию рукописей) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 223—224). Литература о ЛС указана А. А. Амосовым (см.: Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982. С. 128—139).

⁴ В датировании ЛС мнения исследователей расходятся на четверть века (см.: Амосов А. А. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде. Заметки о бумаге так называемой Царственной книги // ВИД. Л., 1982. Вып. 13. С. 155—159). К сожалению, исследователи концентрируют свое внимание на томах ЛС с изложением царствования Ивана Грозного, оставляя вне поля зрения (за редким исключением: Н. П. Лихачев, О. И. Подобедова, А. А. Амосов) большую часть летописи. См.: Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 6—36.

⁵ Как список НЛ ЛС рассматривается уже довольно длительное время. Достаточно указать на публикацию в ПСРЛ, где его разночтения с НЛ приведены в подстрочных примечаниях, параллельных столбцах и приложениях. См.: ПСРЛ. СПб. Т. 9, 1862; Т. 10, 1885; Т. 11, 1897; Т. 12, 1901; Т. 13, первая половина, 1904; Т. 13, вторая половина, 1906.

⁶ В новейшем обстоятельном исследовании НЛ ЛС назван «особой редакцией» НЛ. См.: Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 209.

тожность мирских сует»), он все-таки должен был обратиться к «хартиям» своих предшественников для составления летописи (не мог он помнить события даже конца XV в., в любом случае его не было тогда на белом свете). А это значит, что Пимен (как и любой другой летописец) должен был пройти трудный путь: выявить источники, необходимые для создания летописи; препарировать их должным образом, выбирая известия, отвечающие запросам реальной обстановки; включить их в свое произведение, а затем, возможно, передать его для переписывания, так как лишь в таком случае возрастает вероятность сохранения труда для потомков.

Налицо некая упрощенная модель деятельности археографа, ее своеобразный эмпирический этап, предшествующий научному развитию исторической дисциплины,— «практическая археография» (как ее определил А. А. Амосов), аналогичная «практической палеографии» и «практической дипломатике»⁷.

Конечно, Пимен был историографом, публицистом, он являлся носителем социальной памяти, но археографом, активным хранителем исторических источников он был в первую очередь (даже Повесть временных лет дошла до нас лишь в списках, отделенных тремя столетиями от эпохи ее создания). И роль хранителя усиливалась тем юридическим значением, которое имела древность рукописи. Важной становилась в этих условиях и ее сохранность, чем особо выделяется, как отмечалось еще в середине прошлого века, ЛС⁸.

Применительно же к ЛС задача составителя весьма осложнялась. К настоящему времени исследователями выделены следующие источники русской части (известия 1114—1567 гг.) ЛС: НЛ, Воскресенская летопись (ВЛ), Степенная книга (Ст.), Летописец начала царства (ЛНЦ), Постниковский летописец, Новгородский свод 1539 года⁹, Свод 1560 года¹⁰. Выдвигались предположения об использовании в ЛС известий Львовской¹¹ и Софийской II¹² летописей. Есть серьезные основания назвать в ряду источников ЛС и Свод 1518 года¹³. Составитель ЛС, таким образом, располагал довольно обширными материалами, позволяющими осветить многие события далекого прошлого и совсем недавние, придерживаясь удовлетворяющей его версии, его концепции истории Российского государства.

⁷ Амосов А. А. О методике исследования описей монастырских архивов: (На примере анализа описей архива Антониева-Сийского монастыря XVII—XVIII вв.) // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. С. 69—90. См. также: Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 27—32; Кашиганов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 142—152.

⁸ Поленов Д. В. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850. С. 41.

⁹ Литературу по этому вопросу см.: Клоос Б. М. Никоновский свод... С. 206—209; Амосов А. А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного // Библиотека Ивана Грозного. С. 96—117.

¹⁰ Морозов В. В. Об одной забытой летописи: (Свод 1560 года) // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья: Сб. статей. М., 1982. С. 25—33.

¹¹ Такое предположение (см.: Скрынников Р. Г. Загадка древнего автографа // ВИ. 1977. № 9. С. 99) довольно уязвимо: сопоставление текстов Львовской летописи и ЛС в известиях 1558—1560 гг. показывает их взаимную независимость; для рассказа о событиях 1535—1539 гг. в ЛС использован ЛНЦ. См.: Шмидт С. О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 265—281; Морозов В. В. Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники: Сб. статей 1984 г. М., 1984. С. 81—82.

¹² Что касается Софийской II летописи, то сходные с ее текстом фрагменты ЛС, отмеченные еще А. Е. Пресняковым (см.: Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 872), отнюдь не тождественны, и потому считать именно Софийскую II летопись, а не близкую к ней или ее протограф источник известий ЛС возможным не представляется.

¹³ Анализ рассказа ЛС о «поезде» Ивана III в Новгород в 1475—1476 гг. и ряда новгородских известий 1532—1533 гг. позволяет предположить возможность заимствования их непосредственно из Свода 1518 года, а не более поздних летописей. Однако подобная аргументация данного предположения целесообразна в рамках специально посвященной этому вопросу статьи.

Рассмотрим теперь приемы, которыми пользовался летописец, извлекая из трудов предшественников сведения в свои «правдивые сказанья». Конечно, многие из них уже отражены в специальной литературе. Нет работы, посвященной летописанию, где они так или иначе не отмечались бы. Объектом внимания в различное время оказывались и приемы, применявшиеся составителями ЛС¹⁴. Но, надо полагать, выявление всей совокупности приемов обработки источников для непосредственного или опосредованного включения их известий во вновь создаваемую летопись на основе использования большой группы предшествующих летописей позволит нам лучше понять творческую лабораторию книжника XVI в.

Прежде всего труд Пимена был трудом не только автора, но и переписчика: ведь лишь таким образом тиражировались произведения летописцев практически до середины XVIII в., т. е. до обращения к ним историков, когда ушел в прошлое даже сам летописный принцип изложения. Так возникали порой десятки списков одной летописи.

Но иногда в силу различных причин первоначальный текст не удовлетворял составителя летописи. Начинался поиск варианта, по-иному освещающего события. Примером может стать замена ряда известий, сходных в НЛ и ВЛ, а также в Своде 1560 года, и принятых для изложения истории царствования Ивана Грозного за 1533–1541 гг. в ЛС, на версию ЛНЦ. Рассмотрим одну такую замену.

Первый вариант:

А поугородские воеводы Иван Никитич Бутурлин литовские места воевалъ, и городъ на королеве земле, на озере Себеже поставилъ и устроилъ его пушками и пицалми, как ему мочно быти; да устроивши городъ, да и пришелъ на Опочку поздорову (Т. 13. С. 88)¹⁵.

Второй вариант:

А изъ Новгорода изъ Великого князь великий и его мати великая княгиня итти велели наместникомъ своимъ литовские земли воевати, боярину своему князю Борису Ивановичу Горбатову да Михаилу Семеновичу Воронцову... А новгородские воеводы князь Борисъ Ивановичъ Горбатовъ да Михайло Семеновичъ Воронцовъ по великого князя наказу въ литовскую землю не пошли, а стали на Опочкахъ, а в литовскую землю отпустили города ставити Ивана Никитича Бутурлина со многими людьми. И Иванъ Никитичъ Бутурлинъ, по великого князя велению шедъ въ литовскую землю и многие места повоевалъ и городъ земель на королеве земле на озере Себеже поставилъ... (Т. 13. С. 423–424).

Сопоставление текстов показывает очевидное стремление летописца к негативному освещению роли Б. И. Горбатого и М. С. Воронцова в защите новгородских рубежей, «вотчины» великого князя.

Использование новой летописи дало возможность составителю ЛС расширить повествование сюжетно самостоятельными рассказами (ср.: Т. 13. С. 100–105 и 424–427), полностью изменить версии отдельных событий объяснением причин успехов или неудач действий русских войск в Литве (ср.: Т. 13. С. 81–83 и 421–422), ввести подробности в описание отдельных событий (ср.: Т. 13. С. 83, 90, 422), восстановить отсут-

¹⁴ Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. *Он же*. Московская историческая энциклопедия... С. 824–876; *Альшиц Д. Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // ТГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 1. (4). С. 119–146; *Морозов С. А.* Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61–77; *Он же*. Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 88–98; *Шmidt С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 187–257; *Морозов В. В.* Лицевой летописный свод XVI века и его источники: (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1984 г. М., 1986. С. 128–142.

¹⁵ Здесь и далее сноски на ПСРЛ даются в тексте: указаны номер тома и страницы.

ствующие в первом варианте даты, назвать имена руководителей или рядовых участников некоторых событий 1535—1539 гг.¹⁶

Мы рассмотрели приемы составителя ЛС по изменению готового белого и уже иллюстрированного текста привлечением нового источника. Еще более широкие возможности предоставляло ему одновременное использование двух летописей. Примером такого рода работы может быть складывание текста ЛС на основе использования НЛ и ВЛ. Оно позволило составителю ЛС восполнить пропуски основного источника — НЛ, провести сверку его по ВЛ, а также переработать ряд известий на основе синтеза обеих летописей¹⁷. Именно таким образом, последовательно чередуя их фрагменты, составителем ЛС была создана новая редакция Повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.¹⁸

Одновременно с НЛ составитель ЛС использовал и Ст., положенную в основу нескольких самостоятельных повестей или дополняющую отдельные известия основного источника¹⁹. Чередованием фрагментов НЛ и Ст. волей составителя складывались новые редакции повестей и крупных рассказов о важных событиях прошлого. Так, в повествование о сражении на Шелони в 1471 г. составитель ЛС включил восемь фрагментов Ст. и семь — НЛ (ср.: Т. 12. С. 133—137; Т. 21. С. 537—539).

Никоновская летопись:
...все бо вои сущи подъ ними, не ведяще того, пленяху места ихъ окрестъ Новагорода.

А новгородские посадники и тысяцкие, спроста рещи, плотницы и гончары и прочии, которой родився на лошади не бываль, и на мысли котормь того не бывало... (Т. 12. С. 134—135).

*Лицевой свод:*²⁰
...(все бо вои сущи подъ ними, не видяще того, пленяху места ихъ окрестъ Новагорода). [А окаяннии изменниции новгородские посадницы и тысяцские и бояре и купцы и всякие ремесленницы], (спроста рещи, плотницы и гончары) [и весь народъ гражданъ совокупашася всея ихъ рати] (и прочиц, которой и родився на лошади не бываль и на помысль того не бывало) (Т. 12. С. 135—136).

Степенная книга:
Прочая же, иже съ ними вошьства, певедуще того, пленяху окрестная места Новаграда. А окаяннии изменниции новгородские посадницы и тысяцские и бояре и купцы и всякие ремесленницы и весь народъ гражданъ, съвокупашася всея ихъ рати, яко же самп глаголють, четьредесять тысящъ (Т. 21. С. 538).

Как видно из приведенных отрывков, составитель ЛС компоновал свое сочинение порой из довольно мелких фрагментов, что позволяет предположить подготовку какого-то черного текста, сведенного из двух различных источников. Непосредственно переписчику справиться с такой работой, сразу же перебеливая новый текст в лицевую летопись, было, пожалуй, затруднительно. Однако и искусство составителя заключается здесь лишь в умении нанизывать законченные фразы, складывая целостное повествование.

Более сложной становилась для него компоновка нового текста в тех случаях, когда возникала необходимость в изменении последовательности включаемых в новую летопись фрагментов, что мы видим в Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша.

<i>Никоновская летопись:</i>	<i>Лицевой свод</i> ²¹ :	<i>Воскресенская летопись:</i>
Царствующу царю Тохтамышу на Воложскомъ царствии, и поморскими	(Царствующу царю Тохтамышу на Волжскомъ царствии, и поморскими	Бысть въ третье лето царства Тактамышева, царствующу ему въ Орде

¹⁶ Подробнее об этом см.: Морозов В. В. Об источниках Царственной книги. С. 75—87.

¹⁷ Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 209—212.

¹⁸ Морозов В. В. Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства: ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 520—536.

¹⁹ Морозов В. В. Лицевой летописный свод XVI века и его источники. С. 133—134.

²⁰ Фрагменты, заимствованные из НЛ, заключены в круглые скобки, заимствованные из Ст. — в прямые.

²¹ Фрагменты, заимствованные из НЛ, заключены в круглые скобки, заимствованные из ВЛ, — в прямые; свободный пересказ ВЛ выделен курсивом.

грады обладающе, и Сараи, и бысть въ третье лета царства его, послы слугы своя во градъ, нарицаемый Болгары, ежесть Казань на Волзе, и повеле христианския гости руския грабити, а суды ихъ и съ товары отнимати и провадити къ себе на перевозъ. А самъ собравъ силы многи и поиде къ Волзе, и перевезеся Волгу реку, и поиде на великого князя... (Т. 11. С. 71).

грады обладающе) [во Орде и въ Сараи] (и бысть въ третье лето царства его посла) [татарь своихъ] (во градъ, нарицаемый Болгары, ежесть Казань на Волзе, и повеле христианския купцы избити, а (гости руския грабити, а суды ихъ и товары отнимати и провалити къ себе на перевозъ. А самъ) съ великою [яростию] (собравъ силы многи и поиде къ Волзе) [со князи своими и со всею силою татарскою. И перевезеся на сю сторону Волги реки] (и поиде на великого князя)... (Т. 11. С. 71).

и въ Сараи, и того же лета царства его посла татарь своихъ въ Болгары, ежесть градъ на Волзе, и ту повеле торговцы руския избити и гостей грабити, а суды ихъ и съ товаромъ отымати и попровадити къ себе на перевозъ; а самъ подшався съ яростию, събра воа многи и поиде къ Волзе со всею силою своею, и превезеся на сю сторону Волги съ всеми князи своими и съ безбожною силою татарскою... (Т. 8. С. 42).

Здесь составитель, пользуясь двумя летописями, создал новую редакцию Повести. Для этого ему пришлось не только заимствовать отдельные их фрагменты, но и ввести свободный пересказ в ЛС («купцы... грабити») текста ВЛ («торговцы... грабити»), перестановку текста («со князи... Волги реки» — в ЛС, «перевезеся... силою татарскою» — в ВЛ) в соответствии с его композиционным построением в НЛ. Предположение о существовании черного текста, предназначенного для перебеливания его в ЛС, находит в рассмотренном фрагменте более веское подтверждение.

Еще более сложными становились задачи составителя ЛС при компоновке нового текста, основанного на одновременном использовании в рамках единого сюжетного повествования трех летописей, как было в написанной им редакции жития Александра Невского.

*Лицевой свод*²²:

Никоновская летопись:

Степенная книга:

Воскресенская летопись:

...И собра люди многи: местиры и бискупы... хотя восприати Ладогу, и Великий Новъградъ и всю область Новоградскую/до Валаама. ...[и посла послы своя ко Александру Ярославичу, глаголя... азъ пришелъ есмь къ тебе, и хочу пленити тя, и будещи ми рабъ и сынове твой). ...[и изби множество бесчисленное римлянъ, и самому королю возложи печать на лице своимъ мечемъ] (Т. 10. С. 120—121).

...и собра силу многу: местиры, бискупы... хотя восприати Ладогу, также и Новъградъ и всю землю Новгородскую. И посла послы своя ко Александру Ярославичу, глаголя...азъ пришелъ есмь къ тебе, и хочу пленити тя, и будещи ми рабъ и сынове твой. ...и изби множество ихъ, и самому королю возложи на лице печать мечемъ своимъ. (Т. 10. С. 120—121).

...И собра люди многи: местиры и бискупы... хотя восприати Ладогу и Великий Новъградъ и всю область Новоградскую... И в то время посла краль послы своя въ Великий Новъградъ къ великому князю Александру со многимъ разгордениемъ глаголя... приидохъ семо... и изби бесчисленное множество римлянъ, яко и самому кралеву возложъ печать на лица. (Т. 21. С. 281—283).

...И собра силу велику, местиры и бискупы... хотя восприати Ладогу, прочее же рку и Новгородъ и Новгородскую всю область... ...и въ то время присла король послы, загордевся, къ великому князю Александру Ярославичу въ Новгородъ, а ръкучи... и пленю землю твою. ...и изби множество бесчисленное римлянъ, и самому королю возложи печать на лице острымъ своимъ мечемъ. (Т. 7. С. 147—148).

В лето 6750.

Прииде князь великий Александр Ярославичъ въ

Въ лето 6750.

Иде князь Александръ отъ отца своего Ярослава

Приемъ же

моление ихъ Ярославъ и дасть имъ сына святаго

Въ лето 6749.

Приеха князь великий Александръ Ярославичъ въ

²² Фрагменты, заимствованные из НЛ, заключены в круглые скобки, заимствованные из ВЛ, — в прямые, из Ст. — в косые; редакторские вставки составителя ЛС выделены курсивом.

Лицевой свод	Никоновская летопись:	Степенная книга:	Воскресенская летопись:
Новгородъ, съ нимъ же и архи- епископъ Спири- донъ и съ бояры; новгородцы же сретоша его съ кресты во вратехъ града, и посадиши его на великомъ княжении со мно- гою честию, и бысть радость ве- лика въ Новгороде (Т. 10. С. 124—125).	къ Новугороду, и пришедь въ Новъ- градъ многиа кра- молники перевеша (Т. 10. С. 124— 125).	и непобедимаго Александра. Онъ же ускори при- ити... (Т. 21. С. 285).	Новгородъ... (Т. 7. С. 149).

Составитель ЛС, обладая незаурядным мастерством компоновки, все же не мог оставаться в рамках текста заимствуемых источников. Его представления о миропорядке и об этикетности поведения так или иначе обязывали исправлять «правдивые сказания» предшественников. Отсюда и замена версии начала второго княжения Александра Невского. Действительно, пристало ли победителю шведов и будущему герою Ледового побоища обыденно появиться в Новгороде? А вот торжественная встреча «съ кресты во вратехъ града» более приличествовала прибытию святого князя. Поэтому и появляется в ЛС текст, принадлежащий перу его составителя.

Итак, Пимен скомпоновал на основе сопоставления известий почти десятка летописей новую, вероятно наиболее соответствующую или адекватную его представлениям. Но изложение событий в крупнейших из летописей завершалось около 1560 г. (ЛНЦ заканчивается известиями 1556 г.; НЛ — 1558 г.; ВЛ (с продолжением), Свод 1560 года — 1560 г.; Ст. — 1563 г.), повествование же ЛС продолжалось по меньшей мере до 1567 г.²³ Остались косвенные свидетельства о существовании листов ЛС с известиями 1585 г.²⁴

Текст летописи был перебелен и богато иллюстрирован (миниатюры занимают две трети рукописи)²⁵. Но и на этом деятельность составителя ЛС не завершилась. В уже готовую летопись (на полях и между строк) по воле какого-то ответственного лица (предполагается, что автором их мог быть дьяк И. М. Висковатый или даже сам царь Иван Грозный²⁶) были внесены приписки. Часть их, как полагают исследователи, написана под диктовку или по непосредственным указаниям живого свидетеля событий²⁷; в основу других положены официальные документы:

²³ В дошедшем до нас виде ЛС обрывается изложением событий 1567 г. (в Синодальном томе, начинающемся известиями 1535 г.). Этими же событиями завершается и связное изложение в его копии — Александро-Невской летописи (ср.: Т. 13. С. 408 и Т. 29. С. 355), сделанной в XVII в. Еще А. А. Шахматовым было выдвинуто предположение о существовании официальной летописи с известиями 1560—1567 гг., «которая велась изо дня в день» (Шахматов А. А. Критический отзыв на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» // ИОРЯС. 1899. СПб., 1900. Т. 4. С. 1481), развитое впоследствии Д. Н. Альшицем. См.: Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. 1947. Т. 23. С. 281—283.

²⁴ М. М. Щербатов держал в руках листы ЛС с рассказом о венчании Федора Ивановича, но по каким-то причинам (вероятно, от того, что они были порваны и сильно загрязнены) не включил их в переплет собранной им Царственной книги с известиями 1533—1553 гг. (См.: Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061, напечатаны с письменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769. Предисл. издателя). Утраченный текст, однако, сохранился в Александро-Невской летописи (Т. 29. С. 219—223).

²⁵ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 131.

²⁶ Альшиц Д. Н. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 617—625.

²⁷ Шмидт С. О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // СА. 1966. № 2. С. 51.

разрядная книга («Государев разряд 1556 года»²⁸), статейные списки посольств, родословные документы, материалы царского архива²⁹ или заготовки, предназначенные для последующего включения в летопись³⁰. Выдвигались предположения и об использовании при составлении приписок Первого послания Ивана Грозного князю А. М. Курбскому³¹, вызывающие, однако, серьезные возражения³².

В ходе переработки летопись дополнена существенными подробностями как о событиях 1535–1554 гг., так и о действиях отдельных их участников (интерпретация приписок вызвала большое число специально этому вопросу посвященных исследований³³). И здесь необходимо отметить, что интерполяции, находящиеся в настоящее время в двух различных частях ЛС — в Синодальном томе и Царственной книге — когда-то были сделаны на листах рукописи, охватывавшей известия 1533–1567 гг.³⁴, позднее распавшейся. А это означает, что ранее 1567 г. они датироваться не могут³⁵.

Из поля зрения специалистов долгое время выпадал сложный процесс складывания текста ЛС. А ведь составителю его необходимо было не только разделить один из непосредственных источников лицевой летописи — список Оболенского НЛ — на иллюстрируемые фрагменты³⁶ (каждому из них предшествовала миниатюра), но существенно изменить его содержание дополнениями большого круга других источников. Тем самым возникает вопрос осознания длительности подготовительной работы составителя по созданию текста ЛС. Отсюда — вывод о не критичности по отношению к исследуемому материалу сторонников ранней (1560-е гг. XVI в.) датировки его приписок.

Попробуем обосновать данный вывод абсолютными цифрами. Для этого сопоставим объем НЛ и ЛС в страницах ПСРЛ (естественно, для объема две страницы текста параллельного столбца принимаем за одну полную, на разночтения условно отводится шестая часть страницы), взяв за начальную дату рассказ о вокняжении Владимира Мономаха в Киеве в 1114 г., открывающий русскую часть ЛС (Т. 9. С. 143).

²⁸ Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. С. 169–170.

²⁹ Альшиц Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного... С. 121–127.

³⁰ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 50; Морозов С. А. О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 114–118.

³¹ Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 143.

³² Морозов С. А. О некоторых спорных вопросах... С. 114–117.

³³ См. названные в данной статье работы А. Е. Преснякова, Д. Н. Альшица, Н. Е. Андреева, С. О. Шмидта, Р. Г. Скрышниковой, а также: Веселовский С. Б. Интерполяция так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г. // Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 255–291; Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 441–442; Он же. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 187–196; Смирнов И. И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // ИЗ. 1953. Т. 43. С. 150–181; Он же. Об источниках для изучения «мятежа» 1553 г. // Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. Прил. 2. С. 483–485.

³⁴ Об этом см.: Прогастьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Сип. № 962) // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 271–278.

³⁵ Исследователи бумаги ЛС убедительно доказали, что работа над ним осуществлялась не ранее второй половины 70-х годов XVI в. См.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. СІХХVI, СІХХХ; Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 226; Амосов А. А. Датировка и кодикологическая структура... С. 155–159; Он же. Из истории создания Лицевого летописного свода. С. 212–227.

³⁶ Этот процесс удалось выявить Б. М. Клоссу, изучившему перовые, карандашные и восковые пометы списка Оболенского НЛ в сопоставлении с полным просмотром Лаптевского тома ЛС и сумевшему раскрыть скрупулезную работу составителя по подготовке текста источника для включения его в лицевую летопись. См.: Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 209–214.

До 1520 г. (л. 940 списка Оболенского), т. е. до конца основной части НЛ³⁷, ее текст занимает 610 страниц ПСРЛ, из которых на 550 совпадает с текстом ЛС и соответственно на 60 — отличается. Но параллельный текст ЛС занимает 90 страниц, так как он заимствован из других летописей и частично шире. Таким образом, в этой части содержание каждой шестой страницы ЛС непосредственно не связано с НЛ или представляет собой иную редакцию известия.

Далее в основу ЛС был положен Свод 1560 года³⁸ (НЛ в этой части является копией его протографа, оканчивавшегося 1558 г.³⁹). В изложении событий 1520—1533 гг. на долю НЛ приходится 17 страниц ПСРЛ, из которых 16 совпадает с ЛС, еще 10 страниц которого не сходны с НЛ. Затем в первом варианте истории царствования Ивана Грозного текст ЛС сходен с текстом Свода 1560 года (за исключением Повести о болезни и смерти Василия III⁴⁰), занимая известиями 1535—1560 гг. около 140 с. ПСРЛ. Еще 86 страниц текста, посвященных событиям 1560—1567 гг., написаны самим составителем ЛС (частично его утраты восстанавливаются по Александро-Невской летописи⁴¹).

Все изложенное, надо полагать, с достаточным основанием опровергает два довольно прочно устоявшихся мнения: ЛС является редакцией НЛ⁴²; в разгар опричнины на летописание был наложен «арест»⁴³. Только в русской части ЛС более трети текста приходится на источники, дающие отличный от НЛ текст. Огромная работа составителя ЛС заняла, скорее всего, несколько лет только для отбора необходимых версий в большом круге источников и создания новых редакций сюжетно самостоятельных летописных повестей и рассказов.

Если бы Пимен был составителем ЛС, то ему, «многих лет свидетелю», пришлось бы немало потрудиться, чтобы, воздавая своим царям «за их труды, за славу, за добро», сохранить при этом видимость непредвзятости, объективности, «вид смиренный, величавый». Однако сам летописец признается наедине с собой, что все еще «сызнова» переживает «то шумные пиры, то ратный стан, то схватки боевые».

Что же хотел донести до читателя составитель ЛС, перекраивая на свой лад труды предшественников, замалчивая свидетельства одних и выпячивая других? Чем руководствовался он, когда оставлял нетронутыми «сказанья» недавнего прошлого и создавал новые версии событий глубокой старины? Почему он был настойчиво пристрастен к некоторым героям повествования⁴⁴ и не видел прегрешений перед людьми и богом у их противников? Для чего он сплетал из нескольких летописей какой-то незначительный на первый взгляд сюжет, снова и снова возвращался к изложению подробностей отдельных событий?⁴⁵

В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение эволюции НЛ (основного источника известий 1114—1520 гг.) к ЛС, однако все-таки необходимо отметить важнейшие ее вехи. НЛ как творение книжника 20-х годов XVI в. вряд ли могла без каких-либо изменений удовлетворить

³⁷ Там же. С. 43.

³⁸ Амосов А. А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного. С. 114.

³⁹ Морозов В. В. Об одной забытой летописи. С. 30.

⁴⁰ Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III... С. 61—72.

⁴¹ Морозов В. В. Фрагмент Лицевого свода в копии XVII в. // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 96—107.

⁴² Глосс Б. М. Никоновский свод... С. 209.

⁴³ Скрынников Р. Г. О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 157—158.

⁴⁴ В ЛС последовательно исключается слово «брат» перед именем Владимира Андреевича Старицкого (двоюродного брата Ивана Грозного), хотя именно так называют его все предшествующие летописи.

⁴⁵ Если, повествуя о событиях марта 1553 г., составитель ЛС первоначально останавливается на аллегорическом тексте Свода 1560 года, куда он попал из ЛНЦ, то позднее он создает новую версию, зафиксированную в приписке на л. 650 об.—653 Царственной книги, а затем при перебелении (л. 664—679) вносит дополнительные изменения, что позволило С. А. Морозову выделить три редакции Повести о болезни Ивана Грозного. См.: Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1979. С. 14—19.

требованиям 70-х годов. За минувшую половину века произошли важные изменения в социально-политической жизни страны, ставшей многонациональным государством, властитель которого принял на себя титул «царя», равный императорскому. Естественно, что обстоятельства эти должны были повлечь за собой и переосмысление «минувшего» — прошлого страны.

Так, уже первый рассказ дошедшей до нас части ЛС оказался скопированным из двух летописей. Заимствованный из ВЛ (НЛ сохранила лишь скудное известие о вокняжении Владимира Мономаха в Киеве в 1114 г.), он объяснял появление в Москве «царских» регалий, полученных якобы от византийских императоров (ср.: Т. 9. С. 143—144 и Т. 7. С. 23). Позднее составитель ЛС вновь обратился к данному рассказу и изменил самое его начало по тексту НЛ (вторичность л. 1 Голицынского тома ЛС подтверждается анализом водяных знаков, «руки» миниатюриста, почерка писца). Тем самым в текст ЛС была введена случайно (?) выпавшая из него (ее нет в ВЛ) формула-«заклинание»: князь (имя рек) — сын, внук, правнук (таких-то), пронизывающая текст ЛС и подчеркивающая преемственность рода «российских самодержцев» от Владимира Святославича до Ивана Грозного.

В целом же заимствования из ВЛ (всего их почти 200⁴⁶) сводятся к весьма узкому кругу тем: успешные походы великих князей или их воевод на земли, вошедшие впоследствии в состав Российского государства, якобы бывшие их «отчинами», но по каким-либо причинам утраченные; взаимоотношения великих князей с новгородцами, то норовящими уйти «за короля или за иного государя» (Т. 12. С. 197), то грабящими земли великого князя; строительная деятельность великих князей во Владимире и позднее в Москве, в том числе по «обновлению» страны после нашествия Батыея, с особым вниманием к поставлению и освящению храмов; русско-ливонские и русско-литовские столкновения; история Византии. В них явно прослеживается тенденция к идеализации рода Ивана Грозного, чье «благочестие» и милосердие не только становится причиной передачи ему византийского наследия как центра православия и способствует благополучности его воинских предприятий в борьбе за возвращение утраченных ранее земель, их процветанию, но и способствует пресечению губительных для страны княжеских междоусобиц.

Заимствованный из Ст. в ЛС немногим более 30⁴⁷; однако они, как правило, значительны по объему. Несколько отличен и круг тем, что продиктовано, в частности, и характером самого источника. Это в основном «чудеса», призванные освятить деятельность тех же «богоизбранных самодержцев» прежде всего в их борьбе с Темир-Аксаком, Ахматом и Магаммет-Гиреем; показать предопределенность казанской победы Ивана Грозного; обличить «лукавые умышления» Новгорода в его еретичестве, отступничестве от крестоцелования великому князю; а также попытки показать милосердие великих князей по отношению к простым «неухищренного нрава» людям.

Предположительно из Новгородского свода 1539 г. в ЛС заимствованы небольшая группа из 20 новгородских известий, связанных с деятельностью архиепископа Макария, будущего митрополита (Т. 13. С. 59—74), и наряду со Ст. Повесть о болезни и смерти Василия III, идеализирующая отца Ивана Грозного⁴⁸.

Из свода 1518 г. в ЛС попали некоторые подробности, связанные с окружением Софии Палеолог, и фрагменты значительной по объему и чрезвычайно важной концептуально Повести о «поезде» Ивана III в Новгород 1475—1476 гг. (Т. 12. С. 159—166), где благополучие новгородцев прямо связано с их подчинением великому князю, с отказом от «своего управления», вызвавшего «много зла... межн себе, убийства и грабежи, и домоу разорения» (Т. 12. С. 162).

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Морозов В. В. Лицевой летописный свод XVI в. и его источники... С. 134—138.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Там же. С. 133—134.

⁴⁸ Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III... С. 61—72.

Первая часть рассказа так называемого Постниковского летописца о венчании Ивана Грозного на царство была использована составителем ЛС в статье Царственной книги «О совете великого князя... восхоте бо великий государь женитися и о благословении еже сести на царстве на великомъ княжении», обосновывающей преемственность власти от Владимира Мономаха до Ивана Грозного⁴⁹.

Как известно, в статьях 1533–1542 гг. НЛ и ЛНЦ образуют параллельные линии, отличающиеся оценкой происходивших событий. Первоначально составитель ЛС принял версию, сходную с изложенной в ПЛ, однако при переработке уже готового лицевого текста его частично дополнили или заменили версией, представленной в ЛНЦ. Всего насчитывается около 20 вставок⁵⁰, показывающих в основном небрежение боярства интересами страны в русско-литовских столкновениях середины 30-х годов и внутрибоярские кровавые междоусобицы, ставшие причиной упадка государства в период малолетства Ивана Грозного.

Столь широкое привлечение различных по характеру и времени создания источников позволило составителю ЛС скомпоновать небывалое до тех пор произведение, которое, спустя более чем три века, А. Е. Пресняков назвал «исторической энциклопедией XVI в.»⁵¹. Это самая полная из русских летописей.

К тому же ЛС имеет одну особенность, выделяющую его из ряда других летописей. Сопоставим в этом аспекте НЛ и ЛС. В состав первой входит большое число летописных повестей и житий, имеющих и самостоятельное значение как литературные произведения. И именно они вызвали особый интерес составителя ЛС. Так, из ВЛ заимствованы полностью или дополнены фрагментами повести о походе Игоря Святославича, о взятии Константинополя крестоносцами, о битве на р. Липице, о битве на р. Калке, о Батыевом нашествии, о Куликовской битве, о московском взятии от царя Тохтамыша, о взятии Царьграда, о пришествии Ахмата на Угру; Сказание о князьях Владимирских; жития Александра Невского, Стефана Пермского, Михаила Тверского. Из Ст. в ЛС заимствованы: повести о Михаиле Черниговском и боярине его Федоре, о походе Ивана III «ратию» на Новгород 1471 г., о чудесном рождении Василия III, о пришествии Ахмата на Угру, о приходе Магаммет-Гирея на Москву, о чудесном рождении царя Ивана, о болезни и смерти Василия III; Сказание о великой княгине Евдокии, жене Дмитрия Донского; житие Александра Невского.

Если же этот перечень дополнить повестями о «поезде» Ивана III в Новгород 1475–1476 гг. (Из Свода 1518 года), о поимании Андрея Ивановича Старицкого, о приходе Саип-Гирея на Оку, о поставлении Свияжска, о Казанском взятии (из ЛНЦ через Свод 1560 года), о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г. (создана составителем ЛС), то перед нами возникает своеобразная антология русской литературы XII–XVI вв.

Два названных качества — историческая энциклопедия и антология литературы, сведенные воедино, безусловно, требовали не только высокого мастерства компоновки исходного материала, углубленного знания трудов предшественников и умелого с ними обращения, но и в известной мере ясного понимания того самого «когда-нибудь», о котором думал пушкинский Пимен, завершая свой труд.

⁴⁹ Морозов В. В. Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 78–79.

⁵⁰ Морозов В. В. Об источниках Царственной книги... С. 75–87.

⁵¹ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. С. 824.

А. А. Бульчев

О БОЯРСКОМ СПИСКЕ 7119 (1610/11) Г.

Боярские списки — именные росписи «государева двора» — указывают местонахождение и пригодность к службе его членов. Среди них различают «подлинные» и «наличные» списки (в первых запись ведется по чиnam, во вторых — по нахождению дворян в Москве, других городах или в отпуске). Ежегодно в Московском столе Разрядного приказа составлялись списки и того и другого типа. А. Л. Станиславский, исследовавший боярские списки, отмечал, что они «в сочетании с некоторыми другими документами позволяют проследить едва ли не все изменения в составе государева двора со второй четверти XVII до начала XVIII в. и представляют первостепенный интерес для изучения двора и в более ранний период»¹.

Состав двора в эпоху Смутного времени отразился в «подлинном» боярском списке 7119 (1610/11) г. К этому источнику обращались Г.-Ф. Миллер, В. Н. Татищев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и многие другие историки. В начале нашего века его издал В. Н. Сторожев². Однако до сих пор история создания текста документа выяснена недостаточно, отсутствует его палеографическое описание.

Боярский список 1610/11 гг. написан скорописью XVII в. восемью почерками на 53 листах³. Водяные знаки: 1) кувшинчик с одной ручкой, увенчанный короной с розеткой; на кузове литеры «СМ»; 2) кувшинчик двуручный с вертикально расположенными на кузове литерами «RM»; 3) пирамида из кружков — возможно, часть филигранны «кувшинчик с наверхием»⁴. На л. 1 почерком XVIII в.: «Московского стола № 126. Имянной список без начала дворянам в думе, постельничим, дьяком думным, стряпчим с платьем, дьяком по приказом и дворяном с поместным окладом». Пропуск ряда чинов в заголовке — результат, видимо, невнимательного просмотра столбца при описании. Выражение «с поместным окладом» должно относиться только к перечню выборных дворян, записанных по порядку уменьшения окладов.

Очевидно, начало списка было утрачено в конце XVIII — начале XIX в., поскольку еще Г.-Ф. Миллер располагал полным текстом документа⁵. В снятой им копии одиннадцатым в перечне окольных следует Н. В. Годунов, именем которого открывается документ в настоящее время. Полностью утрачены перечень бояр и начало перечня окольных. В. Н. Сторожев указывал на отсутствие конца перечня выборных дворян⁶. Кроме того, нами обнаружен пропуск в перечне приказных дьяков между л. 15—16 позднейшей пагинации.

¹ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 152.

² ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 73—103.

³ ЦГАДА. Ф. 240. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. Д. 1066. Л. 1—53. (Далее: Боярский список...).

⁴ Близкие филигранны см.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1—3. № 4125. 1606 г.; Там же. № 4245. 1603 г.; Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам ОР ГИМ/Сост.: Т. В. Дянова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 756. 1593—1626 гг.

⁵ Копия Миллера опубликована: Лихачев Н. П. Боярский список 7119—1611 г. // Сборник Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6. С. 92—111.

⁶ ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 103.

Перечень дьяков по приказам начинается с имен Т. Витовтова и И. Карташова. Вместе они служили только в Разрядном приказе в 7112—7115 (1603—1607) гг.⁷ Сведений о совместной их работе в каких-либо других учреждениях не обнаружено. В конце 1607 г. Витовтов покинул Разряд, а Карташов работал там до 1610/11 г.⁸ В дьяках записаны А. Иванов, вновь получивший дьячество 22 августа 1607 г., и Марк Поздеев, ставший дьяком в 1606/07 г.⁹ Поэтому естественно предположить, что список «дьяков по приказом» переписан из источника, составленного в 1606/07 г. Таким источником мог быть «Список дьячий... 115 году», указанный в описи документов Разряда XVII в.¹⁰

Время составления «Списка дьячего... 115 году» можно попытаться установить на основании перечня дьяков в боярском списке 1610/11 г. Наличие в числе дьяков А. Иванова, указание Разряда в качестве места службы Т. Витовтова позволяют отнести создание «Списка дьячего...» ко второй половине 7115 г. Пометы в боярском списке 1610/11 г. об отсылке дьяков из приказов с поручениями, относящимися к периоду с 1606/07 по 1610/11 г., свидетельствуют о переносе помет «Списка дьячего» в перечень дьяков боярского списка вместе с основным текстом. Присутствие помет 1608/09, 1609/10 гг.¹¹ указывает на долгое использование «Списка дьячего» в Разрядном приказе. Пометы, попавшие в столбец 1610/11 г. из «Списка дьячего», составляют первый, наиболее ранний слой.

Второй комплекс помет относится ко времени боярского правления в Москве; эти пометы делались или в ходе составления документа, или вскоре после его создания. Таковы прежде всего пометы о пожалованиях чинами. Из числа стольников вычеркнуты имена князя Ю. Н. Трубецкого, И. М. Салтыкова, князя Ф. Ф. Бородавкина-Мещерского. Первые двое записаны в боярах, последний — в окольных¹². В перечне московских дворян зачеркнуты имена И. И. Салтыкова, князей Ф. А и В. А. Звенигородских, Д. А. Крабова, Т. В. Грязного, И. Н. и Г. Н. Ржевских. Салтыков в том же списке значится в числе бояр, Г. Н. Ржевский — думных дворян, а остальные — в окольных¹³. Причем подле имен братьев Ржевских стояли отметки о прибытии на смотр московских дворян. Трижды встречается в основном тексте имя И. В. Головина — в перечнях московских дворян, стольников и окольных¹⁴. По мере его продвижения вверх старые записи теряли силу и вычеркивались. В перечне приказных дьяков зачеркнут Третьяк Корсаков, пожалованный в московские дворяне¹⁵.

На основании этих помет удалось определить очередность составления некоторых рубрик боярского списка 1610/11 г. Наиболее ранняя его часть — перечень московских дворян — имеет отметки о смотре, проведенном до создания полного текста списка. Очевидно, до включения в боярский список, он некоторое время использовался в Разряде как самостоятельный документ. Позднее составлен перечень стольников. Позже других появилась роспись «думных чинов». Следовательно, работа над списком проходила в несколько этапов. Точно установлено, что при составлении перечня московских дворян был использован в качестве источника боярский список 1606/07 г. Ср.:

⁷ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М., 1946. С. 144.

⁸ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 558.

⁹ *Веселовский С. В.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 204, 418.

¹⁰ *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 72.

¹¹ В перечне дьяков 20 помет об отсылке из приказов; нам удалось установить даты вступления в должность по 13 назначениям, из них одна помета 1608/09 г., четыре — 1609/10 г.

¹² Боярский список... Л. 4—6.

¹³ Там же. Л. 18—24.

¹⁴ Там же. Л. 2, 20.

¹⁵ Там же. Л. 13.

Боярский список 1606/07 г.

Дворяне

Князь Иван Меньшой княж
Никитин сын Одоевский
—
Князь Михайло княж Андреев
сын Куракин
Князь Василий княж Агишев
сын Тюменской
Князь Михайло княж
Григорьев сын Темкин
Князь Иван княж Иванов
сын Курлетев
Князь Иван княж Андреев
сын Большой Хованской ¹⁶.

Боярский список 1610/11 г.

Дворяне

Князь Иван Меньшой княж
Никитин сын Одоевский
Князь Михайло княж
Григорьев сын Темкин-Ростовский
Князь Михайло княж
Андреев сын Куракин
Князь Василий княж Агишев
сын Тюменской
—
—
—
Князь Иван Большой княж
Андреев сын Хованской ¹⁷.

Весьма вероятно, что и другие части испытали на себе его влияние. Как известно, аналогичные документы, составлявшиеся позже, вбирали в себя сведения из предшествующего списка, которые дополнялись новыми. Работа над ними велась без перерыва ¹⁸. Особенности же создания списка 1610/11 г., очевидно, определяются бурными событиями Смутного времени.

Пометы «умре», «убит» отмечали смерти «дворовых людей»; часто имена умерших вычеркивались ¹⁹. Многие пометы отмечают службы членов двора.

Третий слой помет, более позднего происхождения, выполнен редко встречающимися черными чернилами. Это пометы о смерти окольного И. Н. Ржевского, думных дворян И. М. Пушкина, П. П. Ляпунова, Г. А. Кологривова ²⁰. Пушкина убили поляки в марте 1611 г. (по другим данным, он умер в 1612 г.) ²¹. Ржевский и Ляпунов погибли 22 июля 1611 г. ²² Эти пометы, скорее всего, были сделаны уже после освобождения Москвы в конце 1612 — начале 1613 г. при формировании нового «государева двора». Иначе следовало бы ожидать указания на смерть Ржевского и Ляпунова «в измене», как было сделано в боярском списке 1606/07 г. ²³ Такая датировка подкрепляется палеографическими наблюдениями: в боярских списках 1606/07, 1610/11 гг., в списке полка князя Д. Т. Трубецкого 1611 г. часть помет выполнена идентичными чернилами черного цвета ²⁴. Следовательно, правка их производилась одновременно, что могло иметь место лишь после освобождения столицы.

Четвертый слой помет (типа «пуцон при Литве», «написан при Литве») относится к еще более позднему времени. Эти пометы все выполнены одним почерком и указывают на пожалования чинов польским королем Сигизмундом III. В отдельных случаях они содержали более подробную информацию. Так, после имени казначея Ф. И. Андреева приписано: «...пуцон при Литве из торговых мужиков и за измену повешен» ²⁵. «Новый летописец» сообщает о его казни вместе с Зарудким во второй половине 1614 г. ²⁶ Следовательно, четвертый комплекс помет внесен в

¹⁶ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 254.

¹⁷ ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 86.

¹⁸ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 130—136.

¹⁹ Боярский список... Л. 22—24, 26.

²⁰ Там же. Л. 1—3.

²¹ Сухогин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—11 гг. М., 1911. С. XVIII; Веселовский С. Б. Очерки по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 117.

²² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 390.

²³ См.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. ... Ч. 1. С. 257.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы разных столов. Д. 139. Столбик 1. Л. 6, 8; Там же. Столбцы Московского стола. Д. 1066. Л. 1, 2, 14, 15, 40; Там же Д. 4. Л. 81, 85, 86, 89, 90.

²⁵ Боярский список... Л. 1.

²⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 134. Аналогичное сообщение в «Пискаревском летописце» под 7123 (1614—15) г. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 219.

столбец не ранее этого времени. Тогда же, очевидно, против фамилии И. М. Салтыкова появилось указание: «...луцон при Литве, за измену казнен»²⁷. Как известно из «Бельского летописца», он был посажен новгородцами на кол весной 1611 г.²⁸

Анализ помет позволяет устранить ошибку, допущенную В. Н. Сторожевым при публикации списка. Сторожев вслед за Миллером последнее место в перечне окольных отдал М. А. Молчанову; на самом деле список завершает имя И. Н. Ржевского. Молчанов занимает предпоследнюю строчку в перечне и вычеркнут — очевидно, после расправы с ним москвичей в марте 1611 г. В 1614 г. его имя вновь внесли в перечень окольных с пояснением: «...луцон при Литве»²⁹. Текст столбца скреплен по составам дяком Марком Поздеевым, служившим в Разряде в 1613—1615 и 1618—1621 гг.; таким образом, эта скрепа — позднейшего происхождения³⁰.

На основании жалованных грамот Сигизмунда III, выдававшихся сторожникам «польской партии» в лагере под Смоленском, боярский список датируется нами концом 1610 — началом 1611 г. В этот период окончательно оформился основной текст документа, в него были внесены необходимые дополнения. Указанный в столбце окольный И. Н. Ржевский получил чин по грамоте от 15/25 сентября 1610 г. вместе с братом Г. Н. Ржевским, которому дали думное дворянство³¹. Казначейство было дано Ф. И. Андронову 29 октября (7 ноября 1610 г.)³². Однако И. В. Измайлов, ставший 5/15 ноября 1610 г. окружничим, в списке 1610/11 г. записан в стольниках³³. В московских дворянах значатся думцы Г. Л. Валуев и И. Н. Чепчугов (названы думными дворянами: первый — в грамоте от 10/20 сентября, второй — в грамоте от 30 ноября / 9 декабря 1610 г.)³⁴. В столбце нет имен князя В. М. Мосальского, пожалованного в дворецкие 25 октября / 3 ноября 1610 г.³⁵, ловчего и думного дворянина И. Р. Безобразова (с 10/20 октября 1610 г.)³⁶, сыновей И. Н. и Г. Н. Ржевских, стольничество которым «сказано» 15/25 сентября 1610 г.³⁷ Очевидно, к моменту завершения работ над основным текстом в Москву из-под Смоленска доставили грамоты на новые чины, выданные по октябрь 1610 г. включительно. Не совсем ясна только причина молчания о князе В. М. Мосальском, И. Р. Безобразове, сыновьях И. Н. и Г. Н. Ржевских, чьи грамоты были составлены по 1 ноября 1610 г.

Приписки к основному тексту боярского списка обычно не имеют даты. Лишь помета к перечню стряпчих с платьем гласит: «119-го генваря по королевскому листу Ондрей Федоров Палицын»³⁸. Грамота ему на новый чин датируется 7—8 (17—18) ноября 1610 г.³⁹ Таким образом, эта помета позволяет установить срок, проходивший между созданием грамоты под Смоленском и прибытием ее в Разряд. Грамота Палицына «путешествовала» около двух месяцев. В приписке к перечню московских дворян против имен Ф. М. Озерова и А. П. Змеева добавлено: «119-го году по королевскому листу» (так в тексте.— А. Б.)⁴⁰. Пожалование

²⁷ См.: Сборник Археологического института. Кн. 6. С. 93.

²⁸ ИСРЛ. Т. 34. С. 258.

²⁹ Боярский список... Л. 1.

³⁰ *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 145; *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 127.

³¹ АЗР. Т. 4. С. 350.

³² Там же. С. 372. В копии Миллера указан в боярах князь Ю. Н. Трубецкой, получивший боярство около октября 1610 г. (Там же. С. 364), в окольных — князь В. А. и Ф. А. Звенигородские, пожалованные первый 20/30 ноября, второй 24 ноября/3 декабря 1610 г. (Там же. С. 389, 391). Поскольку Миллер включал приписки в основной текст без оговорок, сейчас трудно сказать, были ли эти фамилии в основном тексте подлинника или они добавлены позже.

³³ Там же. С. 374.

³⁴ Там же. С. 348, 397—398.

³⁵ Там же. С. 370.

³⁶ Там же. С. 368; СГГД. Т. 2. С. 484.

³⁷ АЗР. Т. 4. С. 350.

³⁸ Боярский список... Л. 12.

³⁹ СГГД. Т. 2. С. 464; АЗР. Т. 4. С. 379.

⁴⁰ Боярский список... Л. 30.

Озерова произошло 3/13 декабря 1610 г.⁴¹ Перечень московских дворян дополнен, кроме Озерова и Змеева, фамилиями еще семи человек. Из них М. Н. Ржевскому «повелено» служить по «московскому списку» 27 побря/6 декабря 1610 г.⁴², князю П. И. Збарецкому — 2/12 декабря 1610 г.⁴³ Упоминается год и в приписке к перечню выборных по Арзамасу: «119-го по помете диака Истома Картапова в 50 чети Илья Булгаков сын Мертвой»⁴⁴.

В перечень приказных дьяков было внесено восемь новых фамилий. 10/20 января 1611 г. «сказано» дьячество Ф. Апраксину, А. Царевскому, С. Дмитриеву⁴⁵; о других известно, что 4 октября 1610 г. В. Юрьев «сидел» в дьяках в Новгородской чети, С. Романчуков в 1610/11 г. был на Денежном дворе, Б. Губин в январе 1611 г. — в приказе Большого дворца, С. Федоров 15 марта 1611 г. — в приказе Большого дворца и в Челобитном приказе⁴⁶. К перечню стольников добавлено три новых имени. Удалось установить, что братья И. И. и В. И. Салтыковы получили грамоту на стольничество 4/14 февраля 1611 г.⁴⁷ /

Приписки к боярскому списку 1610/11 г. вобрали в себя сведения из жалованных грамот, составленных по февраль 1611 г. включительно. Более поздние пожалования, например апрельские, в тексте не отражены⁴⁸. Основной текст боярского списка, таким образом, отразил состав «государева двора» в соответствии с жалованными грамотами, выданными Сигизмундом III до 1 ноября 1610 г. Пожалования ноября 1610 — февраля 1611 г. переданы в приписках.

Боярский список 1610/11 г. активно использовался в Разряде в качестве рабочего документа примерно до конца марта — начала апреля 1611 г. Вероятно, в самом начале апреля оказалась в Москве февральская грамота Салтыковых, по которой была сделана последняя по времени приписка к тексту. Тогда под стены столицы подошли силы 1-го ополчения и положение московской администрации резко ухудшилось. Многие чины двора покидали службу у «царя» Владислава и отъезжали в «таборы» ополчения. Естественно, что боярский список конца 1610 — начала 1611 г. с каждым днем все меньше соответствовал реальному положению вещей. В первые годы правления новой династии его продолжали использовать в повседневной работе Разрядного приказа.

В связи с историей списка 1610/11 г. интересно рассмотреть сохранившийся в копиях XVIII в. документ, заголовок которого «В боярских списках и в книгах прошлых лет с 7086-го году написаны в честях» как нельзя более точно раскрывает его содержание⁴⁹. Создан он был, по предположению А. Л. Станиславского, вскоре после отмены местничества. Исследователь считает, что, «делая выписки из боярских списков и книг, составители выборки соблюдали расположение текста источников... но произвольно его сокращали»⁵⁰. Выписка за 7119 (1610/11) г. состояла из перечня высших «дворовых чинов» до думных дьяков включительно. Сопоставление текста выписки за 7119 г. с имеющимся в нашем распоряжении боярским списком того же года выявляет несовпадение структуры этих двух документов.

⁴¹ АЗР. Т. 4. С. 401.

⁴² Там же. С. 394.

⁴³ Там же. С. 399.

⁴⁴ Боярский список... Л. 46. Эту и остальные приписки в перечне выборных дворян по Суздалью (внесено три человека) датировать не удалось.

⁴⁵ АЗР. Т. 4. С. 403; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 28, 154.

⁴⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 139, 451, 544, 592.

⁴⁷ СГГД. Т. 2. С. 501.

⁴⁸ В списке 1610/11 г. отсутствуют сведения о пожалованиях: В. Р. Алферьева-Безпина в окопиччи 6/16 апреля (АЗР. Т. 4. С. 404—405), М. В. Алферьева-Безпина в стольники 8/18 апреля (Там же. С. 405), В. И. Салтыкова в стольники 28 апреля/7 мая 1611 г. (Там же. С. 409).

⁴⁹ Опубликовано С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским в книге «Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в.» (Ч. 1. С. 261—268).

⁵⁰ Там же. С. 56.

Бояре	[Бояре]
Окольничие	Окольничие
Сибирский царевич ⁵¹	—
Оружничий	—
Казначей	Казначей
Дворяне в Думе	Дворяне в Думе
—	Печатник
Постельничий	Постельничий
Дьяки думные	Дьяки думные

Вполне вероятно, что печатника не включили в выписку при копировании; так, например, поступили в отношении части бояр, окольничих, думных дворян, думного дьяка В. Телепнева. Наличие же в выписке двух рубрик, отсутствующих в списке 1610/11 г., вынуждает предположить иной их источник. Действительно, в боярском списке 1610/11 г. нет имен сибирского царевича Андрея Кучумова, ловчего и думного дворянина И. Р. Безобразова, думных дьяков Ивана Чичерина, Евдокима Витовтова, Степана Соловецкого, имеющих в выписке. Л. А. Плещеев записан в нем в стольниках, а в выписке он уже оружничий. Относительно И. Чичерина и С. Соловецкого известно, что они стали думными дьяками в январе 1611 г.⁵² Е. Витовтов упоминается разрядным думным дьяком в июле 1611 г.⁵³ Пожалование Л. А. Плещеева в новый чин произошло или в самом конце декабря, или, что вероятнее, в январе 1611 г.⁵⁴

Н. П. Лихачев упоминал о боярской книге 7119 г.⁵⁵ Не исключено, что она послужила источником при создании выписки. На основании анализа персонального состава выписки можно датировать ее источник мартом — апрелем 1611 г. Очевидно, он, как и известный нам боярский список 1610/11 г., использовался в Разряде вплоть до второй половины 1614 — начала 1615 г., так как после имени казначея Ф. И. Андронова следует приписка: «За воровство повешен», относящаяся к этому времени⁵⁶.

Изучение списка 1610/11 г. показывает, что публикация В. Н. Сторожева не отражает многих специфических особенностей этого документа и не может считаться удовлетворительной с археографической точки зрения. Например, сплошным массивом даны пометы, относящиеся к разному времени. Текст списка рассматривался Сторожевым как нечто единое, хотя он создавался, как показано выше, в несколько этапов. Таким образом, представляется не только возможным, но и необходимым переиздать этот ценный исторический источник.

⁵¹ Существование данной рубрики в начале XVII в. весьма любопытно. Она по сути идентична росписям служилых князей по родовым гнездам в боярском списке 1588—1589 г., списке дворян, намеченных к участию в Шведском походе 1589—1590 годов. В аналогичных документах начала XVII в., например в боярском списке 1606—1607 г., такие росписи уже не встречаются. См.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. Ч. 1. С. 119—125, 273—275, 246—260.

⁵² *Веселовский С. В.* Дьяки и подьячие... С. 482, 569.

⁵³ *Боголюбский С. К.* Указ, соч. С. 145.

⁵⁴ В жалованной грамоте на поместья в разных уездах от 16/26 января 1611 г. Л. А. Плещеев назван оружничим (СГГД. Т. 2. С. 487—488).

⁵⁵ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 442.

⁵⁶ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. Ч. 1. С. 268.

В. Г. Сиромеха, Б. А. Успенский

КАВЫЧНЫЕ КНИГИ 50-Х ГОДОВ XVII В.

История исправления книг в Древней Руси («книжной sprawy» по терминологии того времени) принадлежит к числу специфических явлений древнерусской книжной культуры. Ее изучение существенно важно с книговедческой, литературоведческой и лингвистической точек зрения.

Начало книжной sprawy связывается обычно со вторым южнославянским влиянием и возводится, таким образом, к концу XIV—XV вв. «Мы не видим в XI—XIV вв. никаких попыток исправить богослужебные книги», — писал А. И. Соболевский¹. Можно, однако, думать, что исправление книг сопутствовало книжно-славянской письменности едва ли не с начального периода ее появления на Руси. Об этом, в частности, свидетельствует материал предпринятого Л. П. Жуковской исследования текстов Евангелий XI—XIV вв. Л. П. Жуковская отмечает в них «обилие» лексических и грамматических замен. Эти замены, пишет она, «свидетельствуют об активном отношении древнерусских писцов даже к евангельскому тексту, при переписке которого писцы... довольно свободно вводили свои замены там, где текст оригинала казался им неудовлетворительным по языковому выражению»². Л. П. Жуковская связывает эти замены со стремлением древнерусских книжников «быть понятными»³; не меньшую роль могло играть, по-видимому, и стремление книжников учесть разночтения, представленные в различных редакциях одного и того же текста. Вместе с тем централизованное исправление книг, действительно, начинается на Руси после второго южнославянского влияния; оно получает особое значение с появлением книгопечатания.

История книжной sprawy знает, как свои тихие, внешне ничем не примечательные периоды, так и периоды бурные, подчас драматические, когда вопросы исправления книг оказывались в центре общественного внимания. К числу последних принадлежит исправление церковных книг, предпринятое при патриархе Никоне и продолженное в дальнейшем в том же направлении, так что все оно (в известной мере условно) может называться никоновским.

Реформам патриарха Никона и связанным с ними событиями русской истории посвящена обширная литература, однако многие аспекты никоновской книжной sprawy остались вне поля зрения исследователей или были рассмотрены ими в незначительной степени. У А. А. Покровского имелись все основания заметить, что «вопрос об исправлении наших богослужебных книг в XVII в. ... принадлежит до сих пор к числу тех, которые все еще сравнительно мало изучены, мало освещены, трудны для исследователя»⁴. Данное замечание и в настоящее время сохраняет актуальность.

Почти не изученным остался, в частности, такой ценный источник исследования никоновской книжной sprawy, как кавычные книги. Кавычные книги — это корректурные экземпляры подготавливаемых к изданию книг с исправлениями и пометками работников Печатного двора, главным образом справщиков. Эти экземпляры могут быть как печат-

¹ Соболевский А. И. Судьбы церковнославянского языка. СПб., 1891. С. 22.

² Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 61—62.

³ Там же. С. 349.

⁴ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследство: Обзорные пергаменные рукописи Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 5. Оттиск из издания: Труды XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1916. Т. 2.

ными, так и рукописными, что отражает разные этапы процесса работы над изданием. Следует заметить, что в тех случаях, когда текст книги подвергался новой редакции, книжная справа проходила в два-три этапа: с исправлением исходного текста, его переписыванием и новым исправлением. Такой ход исправления можно видеть на примере кавычных книг Устава 1682 г. В основу исправления было положено московское издание Устава 1641 г. (ЦГАДА. Ф. 1251. № 1041/5). Исправленный текст этого издания был переписан заново, исправлен (ГИМ. Сип. № 314), вновь переписан и еще раз исправлен уже в ходе соборного чтения (ГИМ. Син. № 321) и лишь после этого отдан в набор.

Изучение кавычных книг позволяет понять характер работы по редактированию текста подготавливаемой к изданию книги, определить число участвующих в исправлении справщиков и даже установить личности этих справщиков на основе анализа их почерка. Возможность такого анализа обусловлена наличием в расходных книгах Приказа книгопечатного дела (ЦГАДА. Ф. 1182/1) росписей справщиков в получении ими денежного жалованья, т. е. несомненных автографов справщиков в разные годы их работы на Печатном дворе.

Содержащийся в кавычных книгах материал языковых исправлений отражает релевантное для справщиков противопоставление нормативных и ненормативных (исправляемых) языковых форм и помогает тем самым определить общий характер и направление нормализационных языковых процессов, свойственных книжной справе исследуемого периода.

Разумеется, в какой-то мере те же выводы могут быть получены и на основании сопоставления разных изданий; однако кавычные книги являются не только более наглядным, но и более информативным источником, поскольку справщики могли быть недостаточно последовательными в своей деятельности.

Необходимо отметить, что книжно-литературный язык Древней Руси (церковнославянский язык русской редакции) характеризуется системой сознательно установленных и соблюдаемых языковых норм. Поэтому изучение нормализационных процессов, сопутствующих книжно-литературному языку в разные периоды его истории и во многом определяющих характер реализации его нормативной системы, существенно важно для определения языковых норм, зафиксированных в памятниках древнерусской книжности.

Нормализация книжно-литературного (церковнославянского) языка касалась прежде всего конфессиональной литературы, языковая правильность и единообразие которой были предметом постоянной заботы древнерусских книжников⁵, строго контролировавшихся в этом отношении церковными властями (см., например, решения Стоглавого собора по этим вопросам)⁶. Этой цели служили, в частности, соборные чтения наиболее важных церковных книг. О тщательном характере таких чтений (во второй половине XVII в.) достаточно ясно представление дают следующие свидетельства о соборном (1655 г.) чтении Скрижали (изданной в Москве в том же году): «соборне чтоша ее во мнози дни, с великим прилежанием всяку вещь и всяко слово со опасством разсуждающе»⁷ — и Требника (изданного в 1658 г.): «И преведше от греческих древлеписанных книг на хартиах святую книгу Потребник, прочто-

⁵ «И подобает нам последовати истинному изданию и правей орфографии», — выразил, в частности, это чувство автор предисловия к новопреведенному под руководством Епифания Славинского во второй половине XVII в. Евангелию (ГБЛ. Ф. 310. № 1291 (Евангелие). Л. 13). Данное предисловие опубликовано (частично) Евгением (Болховитиновым) (см.: *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд., испр. и умнож. СПб., 1827. Т. 1. С. 178—183). Автором предисловия, как можно думать, является Евфимий, монах Чудова монастыря, известный справщик Печатного двора. См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 286.

⁶ Стоглав. СПб., 1863. С. 95—96.

⁷ *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 193.

хом ю на соборе со всяким прилежным вниманием, и судивше ю издати во типографию, елицы чины и деяния разумехом правы были»⁸. Регламентация языка и текста церковных книг в особой мере была присуща именно печатным их изданиям, представляющим в силу этого специальный интерес для изучения процессов нормализации церковнославянского языка в поздний период его истории.

Кавычные книги находятся в настоящее время преимущественно в составе Типографской (ЦГАДА. Ф. 381, 1251) и Синодальной (ГИМ) библиотек, что объясняется историей данных собраний, тесно связанных друг с другом в XVII в.⁹ Следует учитывать также, что значительная часть Типографской библиотеки (около 600 томов) была передана в 1788 г. по приказу Екатерины II в состав Патриаршей (Синодальной) библиотеки¹⁰. Среди них могли находиться и кавычные экземпляры.

В некоторых случаях кавычные книги могут находиться и в составе других собраний. Так, в частном собрании И. Н. Заволоко есть типографские корректурные листы к московскому изданию Троицы цветной 1648 г.¹¹ В статье Я. Д. Исаевича сообщается о наличии в Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина кавычного экземпляра «Маргарита» Иоанна Златоуста, напечатанного в Москве в 1641 г. на основе острожского издания 1596 г.¹² Следует отметить также, что местонахождение некоторых кавычных экземпляров, хранившихся ранее в составе Типографской библиотеки, в настоящее время неизвестно; это, в частности, «оригинал печатного издания Служебника 1655 г. (в отрывках)» (ЦГАДА. Ф. 381. Опись. № 1802), кавычные экземпляры Кормчей 1653 г. (Там же. № 354), Чиповника 1677 г. (ЦГАДА. Ф. 1251. Опись. № 1069/2). Не дошел до нас и кавычный экземпляр Уложения Алексея Михайловича 1649 г., экземпляр, который был утрачен, по-видимому, еще в 20-е годы XVIII в.¹³

Сохранность кавычных книг обусловлена тем, что после окончания работы над печатным изданием кавычные книги передавались в Приказ

⁸ Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1874. Т. 1. С. 13. Подробное описание сборного чтения Апостола 1671 г., правленного для издания 1679 г. Сильвестром Медведевым, монахом Иосифом, переем Никифором «с товарищи», содержится в выписке, помещенной в одной из книг Приказа книгопечатного дела (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 100. Л. 63—77 об.), а также в виде предисловия в кавычной книге Апостола 1679 г. (ЦГАДА. Ф. 1251. № 14). См.: *Б-н И.* Об исправлении славянского текста деяний и посланий апостольских при патриархе Иоакиме // *Православное обозрение*. М., 1861. Т. 4; *Румянцев В. Е.* Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872. Прил. III; *Сиромаха В. Г.* «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во 2-й половине XVII в.: (На материале склонения имен существительных): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. С. 347—351.

Такой порядок сохранялся довольно долго, во всяком случае еще и в начале XVIII в. Так, текст Духовного регламента, а затем прибавления к нему читался Петру вслух в 1720 и 1722 гг. См. специальные записи об этом, опубликованные у П. В. Верховского: *Верховский П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области истории русского церковного права. Ростов н/Д, 1916. Т. II: Материалы. Отд. 1. С. 76. Примеч. 248; С. 105. Примеч. 156; ср.: Там же. Т. I: Исследования. С. 160.

Таким же точно образом слушался в 1720—1726 гг. и заново отредактированный для нового издания текст Уложения Алексея Михайловича. См.: *Покровский А.* Розыски «кавычного» Уложения // *ЧОИДР М.*, 1910. Кн. 4. Смес. С. 2.

⁹ Из работ последнего времени см.: *Луппов С. П.* Книга в России в XVII веке: Книгоиздательство. Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки. Л., 1970. С. 170—194.

¹⁰ См.: *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследство. Прил. III.

¹¹ См.: *Успенский Б. А.* Книжное произношение в России: (Опыт исторического исследования): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971. С. 37—38. Примеч.

¹² См.: *Исаевич Я. Д.* Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI — первой половине XVII в. // *Книга в России до середины XVIII в.* / Под ред. А. А. Сидорова, С. П. Луппова. Л., 1976. С. 164—165.

¹³ См.: *Покровский А.* Розыски... С. 1—4. Ср.: *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 21.

книгопечатного дела, по замечанию И. Д. Мансветова, «как документы прежней sprawy и пособие для будущей»¹⁴. Записи о такой передаче нередко встречаем в документах Приказа книгопечатного дела. Так, в 1656 г. после окончания работы по печатанию Апостола и выдачи жалованья справщикам (пяти человекам) «по книге в тетратех» отмечается о передаче «в правилню кавычная книга» (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 57. Л. 170 об.), также после печатания Ирмология («ирмоса»): «да в правилню кавычная книга» (Там же. Л. 258 об.). 4 августа 1677 г. патриарх Иоаким «указал книг прологов с марта которые ныне в тиснении и которые книги впредь в деле будут кавычным листом всем сполна быть у наборщиков до тех мест как которые книги из дела выдут и отданы будут в государеву казну и тех книг кавычные листы наборщиком всем своего дела собрав все сполна за своими печатми взносить и отдавать в государеву казну впредь для спору и справки» (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 67. Л. 32).

При этом если в первой половине XVII в. о сохранности кавычных книг, судя по описи 1649 г.¹⁵, не проявлялось особой заботы, то во второй половине XVII в. к кавычным книгам стали относиться с большим вниманием: их, в частности, начали переплетать. Так, в одной из приходно-расходных книг (за 1663 г.) отмечается выплата денег «книжному переплетчику Ивану Ильину за переплет кавычных книг прологов шестнадцать алтын четыре денги» (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 63. Л. 208). В 1680 г. отмечается, что «переплетены в правильную палату кавычных две книги Триод посная да буквар» (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 78. Л. 340). В 1683 г. по указу патриарха Иоакима «на книжном печатном дворе в мастерских полатах от становаго дела наборщики собрали от всех станом кавычные книги в тетратях прошлых лет выходов, которые книги у них были за кавычками справщиков, и взнесли те книги в приказ печатного дела и в приказе те книги переплетены и обочены в кожи» (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 67. Л. 74).

Однако эта работа, очевидно, велась нерегулярно, поскольку в 1685 г. были переплетены сразу 50 «правиленных кавычных книг» и заплачено за эту работу уже 4 рубля (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 84. Л. 126. Аналогичная запись — на л. 123). В декабре 1682 г. для лучшей сохранности кавычных книг «куплена в книгохранительную полату на кавычные книги большая короб[ь]я» (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 78. Л. 558).

Кавычные книги, привлекаемые к исследованию, нуждаются в предварительном описании, важной составной частью которого является определение того, для какого печатного издания предназначается данный кавычный экземпляр и к какому предшествующему источнику он восходит (если такой источник существует). Без решения этой задачи анализ исправлений, содержащихся в кавычных книгах, во многом теряет определенность.

Установление первоисточника кавычной книги представляет известную сложность в том случае, если кавычный экземпляр существует только в рукописном варианте, поскольку, как показывает материал кавычных книг, текст, взятый за основу готовящегося издания, уже на первом этапе sprawy может претерпеть весьма существенные изменения.

При описании кавычного экземпляра особого внимания заслуживают записи на полях: это могут быть либо типографские разметки, часто с указанием страниц готовящегося печатного издания, что в значительной мере облегчает установление этого печатного издания (отсутствие таких типографских разметок свидетельствует о наличии последующего этапа sprawy), либо замечания справщиков, сделанные ими по ходу sprawy и весьма часто представляющие указания на те или иные церковные книги, привлекаемые для нужд исправления. Замечания эти могут быть

¹⁴ Мансветов И. Д. Как у нас правились церковные книги: Материал для истории книжной sprawy в XVII столетии: (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. С. 5.

¹⁵ См.: Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 457—488.

и иного характера, но все они способны дать дополнительные сведения о ходе книжного исправления.

Для лингвиста существенно то обстоятельство, что ссылки на источник (обуславливающий то или иное исправление) мы находим не только в том случае, когда правится текст, но и в том случае, когда правится язык в собственном смысле: указание на источник может быть в случае формального исправления (орфография, ударения).

При лингвистическом анализе кавычных книг необходимо иметь в виду, что содержащиеся в кавычных книгах языковые исправления не исчерпывают всей суммы произведенных исправлений. Как показывают наблюдения, многие исправления производятся либо при последующих (или предыдущих) этапах справки (кавычные книги которых не сохранились), либо, как можно думать, непосредственно при наборе или даже после набора¹⁶. Существенно, что внесенные несколько позже языковые исправления, как показывает сравнение текстов кавычных и печатных книг, в целом соответствуют содержащимся в кавычных экземплярах языковым исправлениям, представляя собой результат как бы более внимательного исправления. Таким образом, число языковых исправлений при всей важности их точного учета в кавычных книгах абсолютизировать не следует: достоверно они представляют лишь общее направление нормализационных процессов. Гораздо большее значение при оценке языковых исправлений имеет другое обстоятельство: насколько последовательны эти исправления. О неустойчивости нормализаторской деятельности может свидетельствовать лишь противоречивость языковых исправлений, их взаимоисключающий характер.

Обратимся к описанию кавычных книг, относящихся к собственно никоновскому периоду книжной справки (1653—1658 гг.): это кавычные книги Служебника 1655 г., Триоди постной 1656 г., Ирмология 1657 г., Требника 1658 г. и частично Скрижали 1656 г.

Кавычный экземпляр Служебника 1655 г. (ЦГАДА. Ф. 1251. № 852/2) представляет собой печатный стрягинский Служебник 1604 г., правленный для московского издания 1655 г.

¹⁶ О несоответствии числа имеющихся в кавычных книгах исправлений числу фактических исправлений свидетельствует, в частности, следующий пример: в кавычном экземпляре Триоди постной 1656 г. (ЦГАДА. Ф. 1251. № 1025/2) на л. 156 находится лишь два исправления флексии дат. пад. мн. ч. причастий наст. времени *-имъ* на *ьмъ*: «въдущи-ы-мъ, пишуци-ы-(м)». В 17 же других аналогичных причастных формах, содержащихся на этой странице, флексия *-имъ* не исправлена. Между тем в печатном издании 1656 г. (кавычным экземпляром которого является № 1025/2) во всех этих 19 причастных формах находим уже флексию *-ьмъ* (л. 209—209 об.). Аналогичную картину можно наблюдать и во многих других случаях.

О возможности внесения исправлений непосредственно в ходе «тиснения» книг свидетельствует замечание Евфимия (Чудовского) о подготовленной к печати рукописи «Щит веры»: после внимательного просмотра этой рукописи, пишет Евфимий, «того ради возможно и в самое время тиснения припривести справщиком добре знающим еллинославенский глас, Николаю и Феодору (справщикам Николаю Семенову и Федору Поликарпову.— Авт.)» (*Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II. Ч. 3. С. 502*). Отметим также следующую запись на полях кавычного экземпляра Требника 1658 г. (Син. № 308): «справить от библии со арсением (справщиком Арсением Греком.— Авт.) наборщику» (л. 31 об.).

Известны случаи, когда изменения вносились в текст книги уже после ее «тиснения» в виде непосредственных исправлений; о такой «натяжке в речениах скобок и слов против правильной выписки» в уже отпечатанном «большом требнике» в сентябре 1681 г. говорится, к примеру, в одной из расходных книг Типографского архива (ЦГАДА. Ф. 1182/1. № 78. Л. 400 об.—401). Ряд подобных выписок приводит И. Д. Мансветов (см.: *Мансветов И. Д. Указ. соч. С. 12—13*), П. Ф. Николаевский (см.: *Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. Ч. I. № 1/2. С. 175—176. Примеч. 3*) и А. А. Покровский (*Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII века. М., 1913. С. 20, 36. Отгиск из издания: Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1914. Т. 23, Вып. 2*). См. еще: *Успенский В. А. Из истории русских канонических имен: (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*. М., 1969. С. 86. 244—245. В других случаях замеченные ошибки

Записи на полях свидетельствуют о сверке Служебника при его исправлении с греческим текстом: «в греческом сего несть» — л. 13—13 об., аналогичные записи — на л. 52—53 (при этом текст на л. 52 об. принят в печатное издание 1655 г., л. 226, а текст на л. 53 опущен), на л. 55—55 об. (текст на этих листах в кавычном Служебнике зачеркнут и опущен в издании 1655 г., л. 270—271), на л. 79 об. и 81, 267. В этих записях следует, очевидно, видеть указание на греческий печатный Служебник 1602 г. О том, что справщики Служебника 1655 г. пользовались этим греческим Служебником, отметил еще в XVII в. Сильвестр Медведев¹⁷.

Помимо указания на греческий источник, по одному разу упоминается также «сербский» источник: «в серб. есть» (л. 13—13 об.) — и киевский: «киев левья» (л. 11). А. А. Дмитриевский, отмечая, что при издании Служебника 1655 г. никоновские справщики, помимо Служебника 1604 г., использовали также юго-западные Служебники 1620 и 1629 гг., писал, что «текст этих южнорусских служебников был исправлен нашими справщиками по греческому еврхологию венецианского издания 1602 г., по исправление это было сделано довольно свободно, а не рабски следуя за буквою греческого подлинника»¹⁸.

Что касается «сербского» источника, то А. А. Дмитриевский, указывая на «славянское издание XVI в. в Венеции в типографии Б. Вуковича»¹⁹, отмечает: «...сербские издания не оказали влияния на Служебник 1655 г. К ним обращались лишь в исключительных случаях, когда в имеющихся экземплярах обнаруживали разногласие»²⁰.

Обращения к писцу, содержащиеся на полях № 852/2 (здесь и в дальнейшем для обозначения кавычных экземпляров мы будем пользоваться их архивными номерами): «напиши единородный сыне все до конца» (л. 39 об.), «не пиши до сего места» (л. 94—95, 96 и др.), — а также отсутствие типографских разметок (по тетрадам) показывают, что данный кавычный Служебник предназначался для дальнейшей переписки.

№ 852/2 правлен неравномерно: в части служб исправления многочисленны: л. 1—219 (приводим типографскую нумерацию страниц), 424—475, 527—567; в литургии Василия Великого (л. 220—349) исправлений немного; часть служб оставлена без исправлений, что также подтверждает наличие последующих этапов исправлений²¹.

В исправлении № 852/2, судя по почерку, принимали участие два справщика: Евфимий и Захарий Афанасьев. Участие последнего, однако, весьма незначительно: лишь на л. 118—120.

Кавычный экземпляр Триоди постной (ЦГАДА. Ф. 1251. № 1025/2) представляет собой киевское печатное издание Триоди 1648 г., правленное для московского издания 1656 г. Об этом свидетельствует как соответствие многочисленных исправлений, содержащихся в тексте кавычной Триоди, печатному изданию 1656 г., так и наличие в № 1025/2 типографских разметок, совпадающих с нумерацией листов в издании 1656 г. Кавычный экземпляр сохранился не в полном виде: до 602-й с. (всего же в киевской Триоди 880 с.). Отметим, что уже к началу работы справщиков в кавычном экземпляре Триоди недоставало нескольких листов, о чем свидетельствуют записи на полях: «неполна, начала нет

помещали в конце книги. См., например: Триодь цветная. М., 1660. Л. 174—176.

¹⁷ См.: Белокурова С. А. Сильвестра Медведева Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем // ЧОИДР. М., 1885. Кн. 4. Отд. 2. С. 13—14.

¹⁸ Дмитриевский А. А. Об исправлении книг при патриархе Никоне и последующих патриархах: Черновой автограф: Рукопись. Б. г. ГПБ. Ф. 253 (Дмитриевский А. А.). № 129. Л. 16 об.

¹⁹ Там же. Л. 9 об.

²⁰ Там же. Л. 16 об.

²¹ В описи рукописного отдела Типографской библиотеки отмечен оригинал печатного издания Служебника 1655 г. (в отрывках) (ЦГАДА. Ф. 381. Оп. № 1802), к сожалению отсутствующий к настоящему времени в этом собрании.

6-ти лист», л. 1 (здесь и в дальнейшем — архивная нумерация листов в № 1025/2), «дву лис. нет», л. 8; «1 лис. нет», л. 20 об.

Записи справщиков об источниках исправления немногочисленны и свидетельствуют о московском происхождении этих источников (на л. 17 об. отмечено: «в московских нет»), а также возможно, об их рукописном характере: «хар. 2», л. 23; «досмот. рукопис.», л. 126 об.; «пис. х 2», л. 146 и др. В послесловии к изданию Триоди постной 1656 г. отмечается, что исправление велось «с греческих, и харатейных, славенских, и сербских, древних книг».

Наличие типографских разметок на полях № 1025/2 и обращений к наборщику: «не набирай» (л. 9 об.— 10, 20) и «набери ниже» (л. 145 и др.) — казалось бы, указывает на то, что данный кавычный экземпляр предназначался непосредственно для печати без его предварительной переписки. Следует, однако, заметить, что рассматриваемый нами кавычный экземпляр Триоди правлен весьма неравномерно: если в первой части (примерно до л. 220) текст правится весьма тщательно и исправлений соответственно много, то во второй части исправлений существенно меньше: на многих листах они вообще отсутствуют. Вместе с тем сопоставление кавычного экземпляра с изданием 1656 г. показывает, что многие исправления (в том числе и текстологического характера) были внесены позже, в ходе дальнейшей работы по подготовке текста Триоди к печати. Можно думать, что исправление издания 1648 г. не ограничилось одним этапом справы. Однако материалы дальнейшего исправления, по всей видимости, не сохранились.

Одной из примечательных особенностей киевского издания Триоди постной 1648 г. явилось сочетание церковнославянского языка основного текста Триоди с «простой мовой» синаксарей и некоторых других текстов (что восходит к киевскому изданию Триоди постной 1627 г., осуществленному Памвой Берындой и Тарасием Земкой)²². Данные тексты в № 1025/2 оставлены без каких-либо исправлений с нередкими указаниями на полях: «не набирай» или «не размечай» (л. 7, 24, 331 и др.). Интересно, что сравнение синаксарей киевской Триоди постной 1648 г. и московских изданий 1656 и 1650 гг. (предшествующее московское издание, тождественное остальным доиконовским изданиям этой книги) свидетельствует о том, что синаксари московской Триоди постной 1656 г. представляют собой перевод на церковнославянский язык киевских синаксарей.

Как показывают наши наблюдения, в исправлении Триоди постной принимали участие не менее четырех человек, перу которых принадлежат исправления как языкового, так и текстологического характера. Основная часть исправлений принадлежит двум справщикам: Евфимию и Захарию Афанасьеву.

Кавычный экземпляр Триоди постной свидетельствует о коллективном характере работы справщиков по внесению языковых исправлений: справщики довольно часто сменяют друг друга, причем эта смена совсем не обязательно связана с окончанием определенной части текста. Так, на л. 63 об. Евфимия сменяет Захарий Афанасьев, на л. 64 об. языковые исправления вновь продолжает Евфимий, на л. 67 об.— Захарий Афанасьев и т. д.²³

Исправлению Требника 1658 г. ввиду его большой значимости для церковного богослужения было уделено особое внимание. Сохранилась выписка о соборном чтении Требника в октябре 1657 г., свидетельствующая о весьма тщательном контроле над изданием этой книги; мы уже цитировали этот текст выше.

В составе Типографской и Синодальной библиотек имеются три кавычных экземпляра Требника 1658 г. Один из них (ЦГАДА. Ф. 1251.

²² См.: Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 77—80.

²³ В других кавычных книгах характер совместной работы справщиков может быть иным: каждый из них правит лишь определенную часть текста.

№ 978/2) представляет собой киевский печатный Требник 1646 г. (известный Требник Петра Могилы), текст которого подвергнут исправлению справщиками во многих требах.

Что касается двух других кавычных экземпляров Требника (ГИМ. Сив. № 308²⁴; ЦГАДА. Ф. 381. № 1803), то как показывают наблюдения, оба они представляют собой список с № 978/2. О том, что № 978/2 предназначался для дальнейшей переписки, свидетельствуют многочисленные обращения к писцу на полях: «сию молитву не пиши» (ч. I, с. 24²⁵), «после сего ева(г)лия написать послесловие в различные литии» (ч. II, с. 184) и многие другие. Отметим также отсутствие в № 978/2 каких-либо типографских разметок (по тетрадам и листам), указаний на заставки (что для кавычных экземпляров наряду с обращениями к писцу может служить указанием на наличие последующего этапа справки).

На основании изучения сохранившихся кавычных экземпляров можно думать, что исправление Требника ограничилось двумя этапами справки, поскольку сопоставление рукописных кавычных экземпляров с № 978/2 обнаруживает отсутствие какого-либо промежуточного этапа справки. В то же время наличие типографских разметок и обращений к наборщику, содержащихся на полях кавычных № 308 и № 1803, доказывает, что они действительно являлись оригиналом печатного издания. Записи в № 1803: «розмечай 6, число 77» (л. 21 об.), «дошла 6, размеча(т) 7, число 93» (л. 31 об.), «цвет» (л. 3 об., 6 об. и др.), «заставица и строка» (л. 26), «заставочка малая, цвет во одну строчку» (л. 59 об.), «киевского не набирай» (л. 22 и др.). Аналогичные записи в № 308: «до(ш) те(т) 48, ли(ст) 746 (л. 62 и др.), «заставица» (л. 29), «цвет» (л. 174 и др.), «с первого венчания набирай и ее ищи как делал» (л. 177 и др.).

Следует отметить, что № 308 и № 1803 представляют собой две части одной и той же рукописи, в силу тех или иных обстоятельств попавшие в разные собрания. Как показывает сравнение с печатным Требником 1658 г., № 1803 представляет собой начало рукописи (с. 1—14, 50—101 Требника 1658 г.), а № 308 — ее продолжение (примерно с. 200—890 Требника 1658 г.). Обе рукописи при этом неполны: многих листов недостает. Порядок следования листов в обеих рукописях нарушен.

Записи на полях кавычных экземпляров свидетельствуют о сверке исправляемого Требника с греческим текстом как на первом, так и на втором этапе справки. № 978/2: «в греческом нет» (ч. II, с. 35), в «грецкой нет прип.» (ч. I, с. 326), № 308: «сие с мией греческия прави...» (л. 29 об.), «посмотреть в греческом» (л. 214), № 1803: «со греческого» (л. 4). Об осуществлении переводов с греческих богослужебных книг при издании Требника свидетельствует следующая запись в № 308: «последование с того мира не переведено zde» (зачеркнуто) (л. 312 об.), «смотри с триоди, переведенной с греческой» (л. 134). Отсутствие соответствия с греческим текстом вынуждает справщиков обращаться к царю и патриарху. № 978/2: «доложить государя и патриарха. Сего в греческом несть. Быти ли сему или не быти» (с. 1—36)²⁶.

Помимо греческих текстов, при подготовке Требника к изданию в 1658 г., как свидетельствуют записи на полях кавычных книг, справщиками Печатного двора был использован довольно широкий круг церков-

²⁴ Горский А., Невоструев К. Указ, соч. М., 1869. Отд. III. Ч. 1. С. 237—239.

²⁵ В Требнике 1646 г. — три части, каждая из которых имеет свою нумерацию страниц.

²⁶ Об участии патриарха Никона в издании Требника свидетельствуют и другие записи на полях кавычных книг, например, в № 978/2: «прежде апостола и евангелия написати последование в различные литии, взяти от патриарха последование в бездожие» (с. II—191); в № 308: «кой стих надо б взят у патриарха» (л. 345 об.).

Обращает на себя внимание личное участие царя Алексея Михайловича в делах справки.

ных книг — печатные издания никоновского времени, такие, например, как Триодь постная 1656 г. (№ 978/2: «млтва блго(с)лови(т) ваия в в(д)лю ваии написа(т) и(с) Триоди ли (с) 526», ч. III, с. 235) или Ирмологий 1657 г. (№ 308: «сей стих набери с ирмолая, л. 68 об.); Требник Чудова монастыря (№ 978/2: «напиши с требника чудов лист 235...», ч. II, с. 178); сербский Требник (№ 978/2: «зде списать с сербского требника, 19 строк», ч. III, с. 496) и некоторые другие книги.

Как показывает анализ почерка, исправлением Требника был занят один состав справщиков и на первом и на втором этапе справы — это Захарий Афанасьев, Евфимий и Иосиф. Об участии данных справщиков в исправлении Требника свидетельствуют и надписи на полях кавычных книг, например, в № 308: «спросить Евфимия» (л. 218 об.), «Иосифу справить до сего места» (л. 215); в № 1803: «справить Захария» (л. 8). В № 308 содержится упоминание имени Арсения Грека: «справить от библии со арсением наборщику» (л. 31 об.). Тем не менее перу Арсения Грека в кавычных экземплярах Требника принадлежат лишь две незначительные записи на полях № 1803 (л. 111 об., 14). В языковых исправлениях, как можно думать на основе изучения кавычных книг, Арсений Грек участия не принимал.

В рукописи № 762 (ГИМ. Син.) объединены кавычные экземпляры Ирмология 1657 г., соответствующие двум этапам исправления Ирмология (л. 1—122 и 123—289), и Скрижали 1656 г. (ее небольшой части). Кавычные листы Скрижали имеют также в составе одного из сборников Синодальной библиотеки (см.: ГИМ. Син. № III. Л. 340—429 и др.). Их типографская разметка соответствует нумерации листов печатного издания Скрижали (л. 348 об., 355 об.). В исправлении этих листов активное участие принимал Евфимий (л. 342 об., 358, 360 об. и др.). На полях л. 390 об.—392 об. содержится запись: «о сем допросити Арсения Грека надобно ли сие». Арсений Грек наряду с Еуифанием Славинецким являлся переводчиком этой книги. Рукопись Ирмология, как показывает сравнение с текстом печатного издания 1657 г., в значительной мере неполна.

Записи на полях № 762 свидетельствуют об активной работе справщиков над редактированием текста Ирмология: «досмотреть» (л. 11, 14 об., 28 и др.), «спросить» (л. 83 об., 105), «сыскать» (л. 88 об., 90, 90 об.); «подумать» (л. 95). О сверке с греческим текстом видно из записей: «в греч. нет» (л. 24, 117 об.). Об использованных при редактировании рукописи богослужебных книгах можно судить по записям: «зри октоих» (л. 50 об., 51), «досмот. в мин.» (л. 68 об.) и др.

В первой части кавычного Ирмология содержится обращение к писцу: «остави 6 строк» (л. 41), «остави с полстраницы» (л. 44 об., а также л. 98, 104) (в тексте № 762 в соответствии с этими записями оставлены чистые места, на которых справщиками вписаны уточненные тексты).

Кавычная рукопись второго этапа исправления Ирмология содержит типографскую разметку на тетради (л. 142 об., 157, 164 и др.) и обращения к наборщику: «не набирай сего» (л. 143), «после набери се» (л. 143 об. и др.). На л. 123 отмечено: «Иван Федоров взял вторую тетрадь переводу апреля в 10 день»²⁷.

Что касается записей на полях кавычной Скрижали, то они свидетельствуют лишь, что данная рукопись предназначалась для дальнейшей переписки: «зде писать» (л. 325 об.), «строку остави целую белу не пиши» (л. 326 об.) и др.

В языковых исправлениях № 762 принимали участие Захарий Афанасьев и Евфимий. Участие последнего в исправлении № 762 отмечено А. В. Горским, К. И. Невоструевым: «Здесь является известный почерк справщика монаха Евфамия»²⁸.

²⁷ Иван Федоров — наборщик, длительное время работавший на Печатном дворе (во второй половине XVII в.). Многочисленные упоминания о нем содержатся в документах ф. Приказа книгопечатного дела (ЦГАДА. Ф. 1182, I—III).

²⁸ Горский А., Невоструев К. Указ. соч. М., 1917. Отд. III. Ч. 2. С. 408.

В отличие от других кавычных книг данная рукопись обнаруживает следы активной работы Арсения Грека над текстом Ирмология: л. 106 об., 107 об., 108–108 об. написаны Арсением Греком. Упоминание об Арсении Греке содержит и запись на полях л. 13 об.: «сни(з)щель. спроси(ть) грека». Однако непосредственного участия в языковых исправлениях Ирмология Арсений Грек, как и в других случаях, не принимал, хотя и являлся переводчиком этой книги²⁹. Заметим, что в текст № 762 влетена записка, в которой отмечено: «преложишася сия книги внов с еллинска диалекта монахом Арсением Греком...» (л. 39).

Н. Б. Тихомиров обратил внимание на то, что текст печатного Ирмология 1657 г. в значительной степени отличается от текста рукописных ирмологиев³⁰, что подтверждает новопереводный характер Ирмология 1657 г.

На полях л. 100 об. содержится запись: «допрос. епиф.». Имеется в виду, очевидно, Елифаный Славинецкий.

Таким образом, за исключением № 762, кавычные книги собственно никоновского периода книжной справы восходят к юго-западным (украинским) изданиям церковных книг. Широкое использование данных изданий в ходе никоновской книжной справы можно объяснить тем, что юго-западные церковные книги, исправленные при Петре Могиле по греческим источникам, в значительной мере соответствовали целям никоновской справы.

Это обстоятельство позволяет утверждать, что одним из основных направлений исследования никоновской книжной справы является изучение характера и степени воздействия юго-западного извода книжно-славянского языка на московский. Кавычные книги второй половины XVII в. содержат в себе обширный материал для такого исследования.

²⁹ Следует заметить, что, описывая данную рукопись, А. В. Горский и К. В. Невоструев отмечают участие Арсения Грека в языковых исправлениях текста Ирмология (см.: Горский А., Невоструев К. Указ. соч. Отд. III. Ч. 2. С. 408). Однако те листы № 762, на которые указывают А. В. Горский и К. И. Невоструев (л. 10, 26 об., 30, 32, 34 и многие другие), на самом деле правятся Захарием Афанасьевым, почерк которого А. В. Горскому и К. И. Невоструеву, очевидно, не был знаком.

³⁰ См.: Тихомиров Н. Б. Ирмологий (непотный) // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 306.

И. И. Комарова

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ

Общеизвестно, что в 1840-е годы развернулась деятельность губернских статистических комитетов (ГСК) и областных (ОСК) статистических комитетов, созданных для сбора и обработки административно-хозяйственных данных и подчиненных Статистическому отделению Министерства внутренних дел. Существование ГСК и ОСК юридически оформлено «Положением о создании губернских и областных статистических комитетов», высочайше утвержденным 20 декабря 1834 г.¹

Вот как представлялись задачи комитетов руководителю одного из них: «Во всем громадном деле управления... не было положительно ни одной отрасли, где бы не требовались статистико-экономические данные для правильной постановки административной или хозяйственной деятельности... для вопросов о равномерном распределении школ в крае, больниц, врачебных участков, для сооружения новых дорог в местностях, отличающихся экономической производительностью, для целей обмежевания земель, торгового надзора, для всего податного дела, для размежевания и расквартирования войск»².

Организация сбора административных и экономических данных возлагалась на «непременных» членов вновь созданных организаций: губернатора (председатель), предводителя дворянства, вице-губернатора, почетного попечителя гимназии, прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторой, губернского директора училищ и члена духовной консистории. Предполагалось, что такой состав позволит собрать интересующие Министерство внутренних дел материалы без привлечения новых должностных лиц. Поступление информации из уездов обеспечивалось членами-корреспондентами. Труды сотрудников комитета не оплачивались.

Около пяти лет потребовалось комитетам, чтобы развернуть работы. Так, в историческом обзоре деятельности Воронежского ГСК отмечалось, что до 1853 г. он «толком не был организован, как и остальные комитеты»³. Вятский ГСК с 1835 по 1860 г. практически бездействовал. Об открытии Витебского комитета в 1835 г. забыли, и его открыли повторно в 1853 г.

Причиной столь длительной бездеятельности послужили загруженность членов ГСК своими непосредственными обязанностями, отсутствие указаний о методах отбора и обработки сведений (разъяснения были даны лишь через 18 лет), а также нерешенный вопрос о финансировании комитетов. Полное отсутствие средств ставило комитет в зависимость от отношения губернской администрации, в первую очередь от отношения губернатора, хотя Министерство внутренних дел и выпустило несколько постановлений, направленных на совершенствование структуры комитетов и их деятельности. (Циркуляр Статистического комитета от 30 декабря 1853 г. за № 190 указывал, что на существование комитетов отпускается ежегодно 1 тыс. руб. из средств губернских типографий.

¹ ЖМВД. СПб., 1835. Вып. 3. С. XXXVII—XXXIX.

² Исторический очерк Терского областного статистического комитета. Владикавказ, 1897. С. 2 (речь председателя комитета М. С. Лорис-Меликова).

³ Воскресенский Н. В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж. 1896. С. 6.

Введена оплачиваемая должность секретаря, обрабатывающего поступающие материалы и ведущего документацию.)

Наименее изученной представляется, собственно, нестатистическая деятельность комитетов, к которой относились историческое и этнографическое обследование губернии, разбор местных государственных и частных архивов, описание, изучение, систематизация и сохранение памятников древности, а также публикация материалов, полученных в результате перечисленных работ⁴. Различные направления нестатистической деятельности комитетов возникли не одновременно, и внимание к археологическим, этнографическим, историческим исследованиям зависело главным образом от личности, проводившей эти исследования. Участие же в работе ряда ГСК деятелей передовых слоев общества В. В. Пассека, И. Н. Ульянова способствовало прогрессивной направленности трудов.

Развитие капитализма в России, быстрый рост промышленного производства и миграция населения требовали совершенствования организации статистики. На это было направлено выпущенное Министерством внутренних дел в 1860 г. «Положение».

Существование комитетов можно условно разделить на два этапа: до проведения реорганизации в 60-е годы и после. На этот рубеж указывали многие комитеты, начиная с него отсчет своей деятельности. Что же делалось комитетами до 1860 г.? Составление Статистических таблиц количеством до 77, ежегодно сдаваемых в министерство, оставляло мало времени для других работ. Однако некоторым комитетам удавалось достичь определенных успехов в изучении губернии. Результаты научной деятельности ГСК начали печататься в 1837—1840 гг. на страницах «Губернских ведомостей», издание которых стало обязательным для всех губерний с 1837 г. Кроме «Ведомостей», сведения о губерниях публиковались в «Журнале Министерства внутренних дел», в составе извлечений из отчетов губернаторов и в сообщениях губернаторов⁵. В «Журнале» печатались статьи некоторых деятелей комитетов, уже достаточно известных своими трудами: В. В. Пассека, А. А. Скальковского, К. Н. Тихомирова и др.⁶

Важное направление деятельности комитетов, зародившееся на первом этапе их существования, — коллекционирование. Из полицейских управлений и волостных правлений «курьезные» вещи и клады, поступавшие туда по неоднократно подтверждавшемуся указу Петра I⁷ и не принятые академическими музеями, переправлялись в ГСК. На первых порах поступления были случайны. Позже, на втором этапе, они легли в основу археологических, этнографических и других музеев при статистических комитетах. (Лишь при Московском губернском столичном статистическом комитете создан был музей еще в 1842 г. Он был связан с деятельностью В. В. Пассека, который состоял в то время в должности управляющего делами комитета. После его смерти коллекции были переданы в университет.)⁸

Вместе с историко-археологическими исследованиями, предпринимаемыми ГСК по своей инициативе, осуществлялись работы по заданию местных властей. Так, в начале своего существования некоторые комитеты собирали сведения о памятниках древности в губернии (вид деятельности, нехарактерный для первого этапа). Для исполнения указов 1826 и 1831 гг.⁹, повелевавших губернаторам доложить в Министерство

⁴ Этому посвящена статья Б. В. Лунина «Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края» (Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1962. Вып. 6).

⁵ ЖМВД. 1840. Вып. 2, 9; 1841. Вып. 7, и т. д.

⁶ ЖМВД. 1835. Вып. 1, 3; 1841. Вып. 2, 9, и др.

⁷ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 5. № 3159. С. 541.

⁸ Библиотека и музей Московского губернского статистического комитета за время с 30 октября 1861 г. по 27 июля 1865 г.: Краткий очерк и каталог/Сост. Ник. Бочаров. М., 1867. С. XXV.

⁹ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 5. № 734. С. 1373.

внутренних дел о наличии памятников древней архитектуры, некоторые губернаторы поручили составление списков комитетам. Полученные результаты были обработаны и изданы А. Глаголевым в ЖМВД и в двухтомных «Материалах для статистики Российской империи»¹⁰. Часть данных осталась в комитетах и напечатана в «Губернских ведомостях».

Некоторыми комитетами уже в 30–40-х годах предпринимались историко-археологические исследования. Число таких комитетов невелико, если принять во внимание, что в 1850 г. существовало 54 комитета. К ним относятся Архангельский, Виленский, Владимирский, Калужский, Киевский, Ковенский, Московский, Олонецкий, Псковский, Смоленский, Харьковский, Черниговский.

Если попытаться охарактеризовать первый этап работы комитетов, то его условно можно было бы назвать «накопительным». В это время комитетами приобретался опыт организации исследовательских работ, описания губерний, первых публикаций и пр.

Второй этап деятельности комитетов начинается после выхода в 1860 г. «Положения»¹¹, которым изменялось условие финансирования комитетов, улучшено положение секретаря, приравнявшегося к государственному служащим, и соответственно повышался его образовательный ценз: секретарь обязан был иметь университетское образование. К этому времени более четко определился объект статистики: из ее ведения вышли историко-географические и этнографические сведения¹². В «Положении» это отразилось следующим образом: все занятия комитета были разделены на «обязательные» и «необязательные». К «обязательным» относились сбор сведений для отчета губернатора, направляемого императору и в Министерство внутренних дел, и составление «Обзора» губерний, прилагаемого к отчету. Кроме этого, все срочные административные данные, запрашиваемые министерством, также относились к «обязательным».

К «необязательным» работам были отнесены исследования губернии в историческом, географическом отношении. Таким образом, работы, выполнявшиеся ранее добровольно («...заботиться о составлении... подробных описаний губернии и об издании... их в свет»), вменялись в «необязательную» обязанность комитетам. Любопытно, что предоставление административных данных другим ведомствам также не являлось обязательным. Всеми перечисленными работами руководил (а чаще всего выполнял их) секретарь, на которого было возложено также и делопроизводство.

Сведения с мест собирались через полицейские управы, для которых эта нагрузка была необязательной и никак не стимулировалась. Кроме этого, комитеты прибегали к помощи приходских священников и народных учителей, а также рассылали запросы помещикам и т. п. Таким способом осуществлялся комитетами сбор сведений.

Изучением губернии занимались действительные члены статистических комитетов, которые выбирались на собраниях из числа лиц, уже известных своим интересом к исследованию губернии. Таким образом, структура комитета, определенная «Положением», в значительной мере напоминала структуры научных обществ.

Наметившаяся к 60-м годам тенденция превращения административного учреждения в научно-административное была закреплена циркуляром Министерства внутренних дел от 8 апреля 1861 г. за № 397, циркуляром, в котором выражалось желание, «чтобы в делопроизводстве статистических комитетов, как учреждения административно-ученого, а не просто административного, не было введено лишней административ-

¹⁰ Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета МВД. СПб., 1839. Т. 1; 1841. Т. 2.

¹¹ ПСЗ-II. СПб., 1860. Т. 35. № 36453.

¹² Подробнее об этом см.: Шелестов Д. К. Первый русский научный гуманитарный журнал: К 170-летию издания при Российской Академии наук Статистического журнала // БАН. 1977. № 5. С. 114.

ной переписки»¹³. Этим же циркуляром сбор сведений об исторических памятниках и публикация материалов в «Ведомостях» вменялись в обязанность всем комитетам. Однако, вменяя в обязанность подобного рода деятельность, министерство также отнесло ее к «необязательным» занятиям. Такое разделение привело к разным трактовкам, так охарактеризованным секретарем Псковского ГСК И. И. Василевым: «По положению о комитетах и циркулярам министра внутренних дел статистические комитеты есть учено-административные учреждения и, следовательно, археология, как наука, может входить в предметы их занятий; но, с другой стороны, указанное выражение можно понимать и так, что статистические комитеты сведения свои по статистике должны обрабатывать научным образом. Между тем в комитеты обращаются чуть ли не все ученые общества, и прежде чем комитет сделает распоряжение о собирании таких сведений, всякий раз подымается вопрос, обязательно ли исполнение подобного рода просьб»¹⁴.

Возможность различного толкования открывала перед членами комитетов широкие перспективы для выбора направления исследования, что в конечном счете ускорило превращение некоторых комитетов в губернские историко-археологические общественные учреждения. Историко-археологические потому, что они занимались раскопками, публикацией древних актов и т. п.; общественные потому, что работали в основном на общественных началах, объем работ значительно превышал получаемые для содержания комитета 1500—2000 руб.

Двойственность положения сказывалась на деятельности. С одной стороны, учреждением руководил государственный чиновник, направляющий «обязательные» работы. С другой стороны, участие в работе комитетов большого числа краеведов, непосредственно ему не подчиненных, приводило к тому, что научные изыскания комитетов не планировались. Толчком для них могли служить самые различные обстоятельства — от циркуляра министерства и запроса какого-либо ученого общества до смены секретаря комитета или желания и интересов людей, проводящих эти исследования. Отчасти поэтому изыскания приобретали непредсказуемое направление.

На работе ГСК, в частности на таком ее направлении, как историческое обследование губернии, отрицательно сказывались перемещения чиновников, входящих в статистический комитет, из одной губернии в другую. Так, плодотворная деятельность секретаря Архангельского ГСК П. С. Ефименко (им только в «Губернских ведомостях» было опубликовано 115 статей по истории и этнографии края) была прервана переводом его в Саратов (секретарь Саратовского ГСК), в Чернигов, а затем в Харьков, где он вернулся к деятельности секретаря уже Харьковского статистического комитета. С этим переходом, по-видимому, связано уменьшение публикаций историко-этнографического характера в изданиях Архангельского ГСК.

Не меньший интерес, чем вопросы истории, вызывали этнографические исследования, также начатые членами комитетов по своей инициативе. Так, Архангельский ГСК в 1864 г. составил и издал программу этнографического исследования губерний¹⁵. Многими комитетами в разные годы были созданы программы этнографического описания губерний, однако лишь Харьковским в 1893 г. оно было доведено до конца и опубликовано. Желание «снизу» исследовать обычаи, обряды и пр. совпало с указаниями «сверху». Помимо циркуляров центральных учреждений, это нашло отражение в документах губернской администрации, особенно в недавно созданных губерниях: «Не меньшее значение имеют данные о духовной жизни населяющих область народов... В свя-

¹³ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел (1858—1861). СПб., 1873. Т. 1. С. 309—311.

¹⁴ Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. LX.

¹⁵ Отчет о деятельности Архангельского губ. статистического комитета за 1865 г. Архангельск, 1867. С. 34.

зи с необходимостью цивилизовать кавказские племена изучение культуры... горцев составляет для русских административных органов задачу, имеющую государственное значение»¹⁶.

Ответственность за организацию научных исследований возлагалась на секретаря. Многие секретари комитетов были известны в научной среде и являлись членами таких центральных обществ, как Московское и Русское археологические, историческое, географическое. К ним относятся Е. Д. Фелицын (Кубанский ОСК), А. А. Скальковский (Одесский ГСК), А. К. Жизневский (Тверской ГСК) и др. Их работы по истории и археологии публиковались в изданиях обществ: «Записках Одесского общества истории и древностей» (А. А. Скальковский, Е. Д. Фелицын), «Записках Отделения русской и славянской археологии при РАО» (Н. А. Артлебен, К. Н. Тихонравов), «Древностях» — издании МАО (Р. Н. Игнатъев, К. Г. Евлентъев).

На втором этапе существенно увеличилось число «непременных» членов комитетов, пополнившихся губернским архитектором или инженером, представителем церковных властей. Стали избираться действительные члены. Как правило, ими были специалисты, известные своими работами, посвященными губернии. Они проводили самостоятельные исследования, пользуясь отчасти материалами комитетов. Воронежский комитет, имевший дополнительный приток денежных средств от частных лиц, практиковал проведение конкурсов «для заинтересованности общества», а также выкупал готовые труды, преимущественно исторического содержания, для помещения в своих изданиях.

Некоторые статистические комитетам были опубликованы «Указатели литературы», посвященной данной губернии, что существенно облегчало ее дальнейшее исследование¹⁷.

Вопреки довольно распространенному мнению, что в комитетах отсутствовали специалисты для проведения перечисленных работ, многие известные ученые, а также люди, внесшие значительный вклад в развитие своей отрасли науки, принимали участие в трудах ГСК. Среди них можно отметить: Н. А. Артлебена, Д. И. Багалея, В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина, И. В. Гольщикова, Д. И. Иловайского, Д. К. Зеленина, Н. А. Кострова, С. Р. Минцлова, А. А. Спицына, Н. В. Султанова, К. Н. Тихонравова и И. Ф. Токмакова.

Археографическая деятельность, свойственная большинству комитетов и зародившаяся на первом этапе, оформилась во второй период их существования. Ценность материалов, имевшихся в ГСК, определяется тем, что члены комитетов черпали их из частных (иногда личных) архивов мелких учреждений, выпавших из поля зрения Археографической комиссии, Общества истории и древностей российских и др. Стремление комитетов иметь у себя копии материалов центральных архивов, касающихся губернии, приводило к концентрации в губернии уникального материала, посвященного ее истории. (В отчетах некоторых ГСК имеются указания на поступление в их библиотеки дел, касающихся губернии, из центральных архивов. В 1899 г. в Вятский архив поступили первые 29 дел из Сенатского архива Министерства юстиции; среди них — документы XVIII в.)

Начавшееся комитетами изучение документов местных архивов было закреплено за ними циркуляром Министерства внутренних дел, предлагавшим «статистическим комитетам принять участие при разборе архивов упраздняемых мест в том предположении, что из архивов этих могут быть извлечены интересные дела и документы, относящиеся до

¹⁶ Исторический очерк Терского ОСК. С. 3.

¹⁷ Алфавитный указатель книг и статей, содержащих сведения о Вятской губернии // Приложение к Памятной книжке Вятской губернии на 1873 год. Вятка, 1873; Указатель материалов для изучения истории и статистики Вятской губернии с XV в., хранящихся в Московском и Петербургском архивах. Вятка, 1883; *Шперк Ф. Ф.* Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1873 по 1887 г. Астрахань, 1892.

истории, археологии и проч., которые, без сомнения, составят для науки полезное приобретение»¹⁸. Вследствие этого предложения члены комитетов ежегодно просматривали дела губернских правлений, полицейских управ, подлежащие уничтожению.

Оценка такой деятельности статистических комитетов носила негативный характер, часто не вполне заслуженный. Комитеты, по свидетельству современников, уничтожали многие документы, представляющие исторический интерес. Ограниченные средства не давали возможность обеспечить должное хранение архивных материалов, их систематизацию. Однако статистическими комитетами были и сохранены многие архивы. Так, Ярославским ГСК были спасены ценнейшие документы — наполовину истлевшие дела Угличского архива, относящиеся к XVI в.¹⁹ Часть их опубликована в «Трудах» комитета.

Начало археографических изысканий в Воронежской губернии так было описано Н. И. Второвым — секретарем Воронежского ГСК: «В 1849 г. гр. Д. Н. Толстой, посещая по делам службы некоторые уездные города Воронежской губернии, узнал о существовании в них старинных архивов. Привезенные им в Воронеж и сообщенные нам списки с нескольких любопытных документов возбудили в нас желание продолжать дальнейшие поиски, и вслед за тем было открыто нами в самом Воронеже большое собрание старинных свитков, безвестно хранившихся в сыром подвале дома, где помещался архив. Мы ревностно принимались за разбор этих свитков под руководством гр. Толстого, как знатока русской палеографии. Привели, сколько было возможно, в порядок разрозненные и полуистлевшие документы, которые между тем тогда же были перенесены в лучшее помещение, и вскоре приступили к печатанию замечательных из них»²⁰.

Наиболее полно взгляд на необходимость публикации рукописей и на принципы этой работы был выражен секретарем Новгородского ГСК Н. Г. Богословским в предисловии к публикации Белозерских писцовых книг (1865 г.): «Все исторические памятники, имеющие указания на древнее бытовое развитие народной жизни, имеют важное значение в настоящее время. Имея в руках письменные документы и литературные памятники прошлого, мы считаем особенным долгом сделать их известными обществу, поэтому мы намерены печатать... сколько позволяют нам средства, с строгим соблюдением подлинника, все имеющиеся у нас налицо и по мере приобретения и другие письменные и литературные древние памятники с литографическими оттисками первых листов рукописей... Держась строго подлинника, мы только в некоторых местах по необходимости должны были пополнять его, заменяя знаки надстрочные следующими гласными и полугласными; исправлять слова, искаженные по ошибке писца, но в том случае, когда ошибка была ясна сама собою. Непонятные совершенно для нас слова мы оставляем, так, как они есть в подлиннике, обозначив их только знаком вопроса, в надежде, что кто-нибудь объяснит их. Рукопись написана вовсе без знаков препинания, и потому мы позволили себе расставлять эти знаки согласно общепринятым правилам и по нашим соображениям»²¹.

Появление этого материала в печати положительно оценивалось специалистами. И. Е. Забелин, получив от Воронежского комитета выпущенные секретарем его Л. Б. Вейнбергом (в количестве всего 3 экз.) «Материалы по истории Воронежской губернии», писал: «Сообщенные три выпуска древних актов по Воронежской губернии вызывают живейшую благодарность и признательность почтенным трудолюбцам, снова

¹⁸ Отчет о деятельности Ярославского губернского статистического комитета за 1866 и 1867 годы. Ярославль, 1869. С. 21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Литвинов В. В. Первая «Памятная книжка Воронежской губернии (1856—1906)» // Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 год. Воронеж, 1906. С. 77—78.

²¹ Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1. С. I—II.

начавшим это издание²², и помощникам этого предприятия, поистине патриотического для Воронежской губернии»²³.

Намерение Воронежского ГСК издавать акты по тем же правилам, по каким публиковались и предыдущие, была Забелиным горячо поддержана: «Самое лучшее — печатать во всем согласно подлиннику... Случайность в размещении актов, издаваемых как попадают, без особой системы и группировки, не составляет особо важного неудобства. Все это можно обстоятельно изобразить в обещанном систематическом и подробном указателе... Лучше печатать все любопытное, что случайно вскрывается при розысканиях». (Большинством комитетов архивные материалы публиковались именно по такому принципу.) Помимо рекомендаций по выбору способа публикаций, Забелин приводил перечень источников, на которые следовало бы обратить внимание: «... бытовые записки и записки, так называемые юридические, также всякого рода экономические или хозяйственные»²⁴. Благодаря оценке Забелина издание «Материалов по истории Воронежской губернии» было повторено большим тиражом.

К дням юбилея Евгения Болховитинова, уроженца Воронежа, Воронежский комитет подготовил публикацию его переписки. Письма были переданы в комитет родственником Болховитинова. Это издание, вышедшее в трех выпусках²⁵, получило широкую известность за пределами губернии. В рецензии, посвященной публикации, Я. К. Грот писал, что «комитет оказывает науке большую услугу»²⁶. На высокое качество публикаций Воронежского ГСК указывали многие крупные историки, и в частности В. С. Иконников. (Он отмечал также работы Курского, Пермского и Черниговского комитетов.)²⁷

К началу XX в. был накоплен достаточный опыт по поиску и публикации письменных источников. Это позволило сформулировать условия публикации этих материалов (в смысле авторского права). Олонецкий комитет, субсидировавший большинство экспедиций по изысканию рукописей и старопечатных книг в губернии, выработал правила издания этих материалов, добытых в экспедиции. Лицо, получившее субсидию, должно было представить собранные материалы в готовом для публикации виде. Это могли быть копия, подлинник или в крайнем случае опись рукописного собрания. Документы должны были сопровождаться подробным отчетом. Все публикации такого рода, даже если они не оплачивались комитетом, считались изданием ГСК²⁸.

К концу XIX — началу XX в. с появлением губернских ученых архивных комиссий интерес комитетов к архивам начал угасать. Так, Нижегородский статистический комитет после создания комиссии сразу же передал ей все архивные дела и к их разработке не возвращался. Некоторые члены ГСК вели эту работу уже при комиссиях. Так, Виленский комитет командировал своих членов, в том числе и архивариуса Архива древних актов И. Я. Спрогиса, для разбора архива губернского правления²⁹. В губерниях же, где не было создано ГУАК, комитеты продолжали работы по формированию исторического архива губернии. Поэтому, когда МАО в 1898—1899 гг., желая собрать в одном месте все сведения об имеющихся в стране архивах центральных, частных и принадлежащих учреждениям и обществам, разработало и

²² Ранее Воронежским комитетом издавались «Древние акты» под редакцией Н. И. Второва, основавшего архив при комитете, и де Пуле.

²³ Протоколы заседаний Воронежского ГСК от 12.III.1885 г. Воронеж, 1885. С. 46.

²⁴ Там же.

²⁵ Переписка митрополита Евгения. Воронеж, 1868. Вып. 1; 1870. Вып. 2; 1872. Вып. 3.

²⁶ *Воскресенский Н. В.* Указ. соч. С. 39.

²⁷ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 2. С. 276.

²⁸ Отчет о деятельности Олонецкого губернского статистического комитета за 1900—1904 годы. Петрозаводск, 1905. С. 3—4.

²⁹ Отчет о деятельности Виленского губернского статистического комитета за 1901 год. Вильна, 1902. С. 18.

выпустило «Программу для собирания сведений об архивах», оно обратилось в ГСК³⁰.

Гибель многих архивов, особенно в военное время, сделала публикации комитетов единственным источником, по которому можно восполнить пробелы в документах, касающихся истории области и края.

Если значение ГСК в разборе архивов недооценивалось, то роль ГСК в приведении в известность памятников древности, как правило, не подвергалась сомнению. Некоторые комитеты начали исследовать губернию с этой точки зрения еще в 1830—1840 гг. Среди них — Виленский (А. К. Киркор), Харьковский (В. В. Пассек)³¹. По ходатайству Виленского статистического комитета (1850 г.), архиепископ литовский и виленский поручил подведомственным монастырям сообщить исторические сведения и предания о монастырях.

Инициатива, проявленная комитетами в сборе сведений о древностях, способствовала тому, что в 1863 г. циркуляром за № 63 от 27 апреля министр внутренних дел обратился к губернаторам с поручением «пригласить членов статистических комитетов, особенно имеющих постоянное пребывание в уездах, приводить в известность по мере возможности наличные в области памятники древности»³² по программе, разосланной Археологической комиссией³³. Комитеты должны были также информировать комиссию о предстоящем уничтожении примечательных зданий.

Приблизительно к этому же времени относится запрос комиссии о числе курганов и городищ в губернии. (Этот вопрос уже входил одним пунктом в разосланную ранее программу.) Возможно, что отрицательная реакция ряда комитетов на новую нагрузку заставила поднять на I Археологическом съезде (1867) вопрос о степени участия статистических комитетов в археологических изысканиях. Определяя в ходе обсуждения роль ГСК, представитель Казанского комитета Н. Н. Вечеслав говорил: «...статистические комитеты, как единственные ученые учреждения, существующие в каждом губернском городе (хотя и не исключительно с археологическими целями), которым более или менее известны местные памятники старины, должны быть деятельными пособниками специальных археологических учреждений». Комитетам была предложена и программа изучения памятников: «Собрать сведения о местных памятниках древности, составить их полное описание и, создав из всего этого одно целое, образовать драгоценный материал для русской монументальной статистики»³⁴.

Позже, помимо сбора сведений о памятниках древности, несколько циркуляров Министерства внутренних дел поручали губернским статистическим комитетам наблюдение за предметами, находимыми в пределах губернии частными лицами и имеющими археологический интерес³⁵. До этого циркуляром того же министерства 16 июня 1886 г. за № 13 предписывалось приставам при описи имущества доставлять перечень вещей, предназначенных на продажу с торгов и представляющих археологическую ценность, направлять в Археологический институт, архивные комиссии и статистические комитеты.

Руководствуясь этим постановлением, комитеты начали доставлять требуемые сведения в Археологическую комиссию. За некоторые из находок комиссия пересылала через комитеты вознаграждения, остальные возвращались в комитет. Так, в 1897 г. Вятским ГСК было направлено пять находок: серебряные обручи, железные подвески, серебряные и

³⁰ См.: Справочная книжка Самарканда. Самарканд, 1899. Вып. 6. С. I—VI.

³¹ Новохацкий К. Е. Архивные материалы о жизни и творчестве В. В. Пассека // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 277—287.

³² Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России // Труды НИИ музееведения. М., 1957. Вып. 1. С. 91.

³³ В качестве программы использовались «Записки для обозрения русских древностей» И. П. Сахарова (Известия Отделения русской и славянской археологии имп. РАО. СПб., 1851. Вып. 1).

³⁴ Труды I Археологического съезда. Т. 1. С. XLIX.

³⁵ Циркуляр Департамента общих дел МВД от 40 ноября 1894 г. за № 31.

золотые деньги, кости мамонта. Волынский ГСК переслал в Археологическую комиссию в 1912 г. 510 серебряных шведских, польских и прусских монет XVII в., «119 рижских солид» XVI в., кремниевый наконечник, шлифованный гранитный топор, зуб мамонта. В 1913 г. найдено было около 1500 различных монет. Из присланных Волынским ГСК в 1911—1915 гг. находок комиссия оставила себе лишь 50 монет. Остальные были возвращены, «как не представляющие нумизматического интереса». Зуб мамонта передан в музей Академии наук³⁶.

Рост внимания к памятникам старины, который проявился в частом проведении археологических съездов³⁷, увеличении числа археологических обществ в провинции, сказался и на занятиях комитетов в 70-е годы. Именно на эти годы приходится большинство запросов различных учреждений о памятниках.

По запросу МАО проводились исследования городищ, курганов и древних земляных укреплений Астраханским, Архангельским и Вятским комитетами. Эти исследования легли в основу составленных для губерний археологических карт. Иногда карты составлялись в комитетах: в Вятском — Р. Г. Игнатьевым, в Харьковском — Д. И. Багалеем.

Параллельно с МАО еще ряд обществ привлекали ГСК к исследованию курганов и городищ. Результаты подобных действий были оценены Д. Я. Самоквасовым на III Археологическом съезде: «Обширность важного материала, доставляемого ими (комитетами), дает возможность надеяться, что мы скоро будем иметь общую карту городищ для всей России. В губерниях, где до настоящего времени было известно 10, 15 городищ, их оказалось от 150 до 300»³⁸.

Запросы имели самый различный характер. Так, Центральный статистический комитет отношением от 27 января 1876 г. просил ГСК и ОСК оказать помощь исследователю «финско-венгерских» языков Д. П. Европеусу в сборе названий местностей с целью выяснения картины расселения³⁹. В декабре 1881 г. МАО запрашивало комитеты о наличии каменных баб в губерниях.

Особенно же был богат различными запросами 1886 год. Кубанский комитет по просьбам АХ, АК и МАО собирал сведения о древностях, сохранившихся в Кубанской области, обследовал гробницы, сохранившиеся в Баканском ущелье, определял место нахождения Боспорского города Батты, обследовал памятники христианской древности в Майкопском уезде⁴⁰. Комитеты продолжали работу над составлением археологической карты.

В 1893, 1895 и 1896 гг. секретарем Терского ОСК проводилось изучение памятников Чечни и Осетии. Позднее серию обследований этого региона предприняла Археологическая комиссия⁴¹. Дагестанский комитет по просьбе МАО в 1902 г. составил программу собирания археологических сведений и разослал ее по области. Кроме этого, секретарем комитета Е. И. Козубским были скопированы надписи в Дербенте⁴². Таким образом, статистические комитеты готовили первичную информацию для научных экспедиций МАО, АК, РГО и т. д.

В 1901 г. еще одним циркуляром Министерства внутренних дел да-

³⁶ Отчеты Волынского губернского статистического комитета за 1911—1912 годы. Житомир, 1911, 1912. С. 8.

³⁷ Некоторые сведения об участии секретарей ГСК в разработке архивных вопросов на Археологических съездах в России приводятся в статье Н. В. Бржостовской «Вопросы архивного дела на Археологических съездах в России (1869—1911)» (АЕ за 1971 год. М., 1972).

³⁸ Труды III Археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1. С. 234.

³⁹ Протокол № 39 заседания Курского губернского статистического комитета от 27 марта 1876 г. Курск, 1876.

⁴⁰ Отчет Кубанского областного статистического комитета за 1886 г. Екатеринодар, 1887. С. 8.

⁴¹ Макаренко Н. Е. Археологические исследования (1907—1909 гг.) // Известия имп. Археологической комиссии. СПб., 1911. Вып. 43.

⁴² Отчет Дагестанского статистического комитета за 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 4, 6.

валось указание собирать сведения о памятниках древности⁴³. Сведения о памятниках запрашивались не только министерствами, но и губернскими организациями. Так, Дагестанский комитет доставлял сведения военному губернатору области о могилах и памятниках.

Случаи, когда доставленные сведения публиковались центральными организациями, были исключительными. Секретарь Харьковского ГСК П. С. Ефименко так характеризовал это положение: «На нашей памяти было 3 случая, когда столичные археологические общества обращались за помощью статистических комитетов, чтобы привести в известность памятники старины. Те принимали со своей стороны меры, собирали сведения через волостные правления, сельских учителей. Но собранное и отосланное по принадлежности не публиковалось в свет, а оставалось под спудом»⁴⁴. Поэтому собранные сведения публиковались самими комитетами. Материалы Закаспийского ГСК послужили источником для составления «Списка древних памятников Закаспийской области» (работа Закаспийского кружка любителей археологии и истории). Вологодский комитет выпустил в 1863, 1879, 1881 и 1884 гг. описание церквей губернии.

Сбор сведений о памятниках является одной из первичных форм охраны памятников. На более высокую ступень эта деятельность в ГСК не поднялась. Редкий случай представляет Дагестанский комитет, по инициативе которого был восстановлен памятник на могиле академика С. Г. Гмелина. Посланный Академией наук для исследования этого региона Гмелин попал в плен к кайтакскому хану. Дожидаясь освобождения, он умер в плену. Восстановление памятника носило, по-видимому, политический характер⁴⁵.

К формам охраны памятников «движимых» относится коллекционирование, начатое, как уже говорилось, еще на первом этапе деятельности комитетов. На втором этапе на базе этих коллекций стали создаваться губернские музеи. Некоторые из них, как, например, Тверской (1866 г.), получили широкую известность, а со временем превратились в самостоятельные научные центры. Музей Архангельского ГСК посещало ежегодно свыше 1000 человек, а Вятского — до 3000. Цифра немалая, если принять во внимание, что большинство музеев работало лишь два раза в неделю.

Помимо музеев, существовавших при статистических комитетах, значительную роль в просвещении жителей губернии играли и библиотеки при статистических комитетах. Некоторые из них насчитывали свыше 5000 экз. книг и были открыты для желающих два раза в неделю. Их состав формировался из обязательного набора центральных изданий, а кроме того, ежегодно пополнялся трудами комитетов и обществ, имеющих с данным комитетом договор об обмене изданиями. Число корреспондентов доходило до 100. Такие организации, как МАО, АК, РГО, Вольное экономическое общество, обменивались изданиями почти со всеми комитетами.

Таким образом, деятельность комитетов носила просветительский характер. А так как в работу по сбору сведений были вовлечены самые широкие круги провинциального общества, можно говорить о том, что ими была подготовлена почва для создания историко-археологических обществ в губерниях. Так, активно действовавший в 60—70-е годы при Вольнском статистическом комитете кружок любителей изучения местного края вырос в Общество исследователей Волыни.

Членами статистических комитетов не только подготавливалась почва для научных исследований в крае, но и воспитывались кадры.

⁴³ Циркуляр Министерства внутренних дел от 6 сентября 1901 г. за № 10 «О собрании сведений о всех имеющихся в губернии остатках древних замков, крепостей и других зданий древности».

⁴⁴ Харьковский сборник. Харьков, 1887. Вып. 1. С. 162.

⁴⁵ Отчет Дагестанского областного статистического комитета за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 6—13.

Инициаторами открытия Вятской губернской ученой архивной комиссии были члены Вятского статистического комитета, а секретарь комитета Н. А. Спасский возглавил деятельность комиссии. Нижегородская комиссия также была открыта благодаря стараниям комитета⁴⁶. Правитель дел Тверской ГУАК являлся секретарем статистического комитета. Заведующий Керченским музеем древностей был членом статистического комитета.

Члены Псковского ГСК от выполнения отдельных поручений перешли к постоянной работе по изучению истории и археологии края. Созданная при комитете специальная архивная комиссия выпускала описания монастырей и других интересных в историческом отношении объектов. Члены комитета обратились к губернатору с ходатайством об устройстве комиссии для занятий историческими памятниками. В результате в 1872 г. при комитете возникла археологическая комиссия, начавшая свою деятельность с создания музея. Консультацию члены комиссии получали в МАО, оно же выдавало им открытые листы на производство раскопок. Археологические раскопки, проводившиеся Псковским ГСК, как и некоторыми другими статистическими комитетами, дали интересные результаты, и поэтому в 1878 г. под руководством А. С. Уварова комиссией были произведены показательные раскопки. После этого комиссия при статистическом комитете получила статус общества (1880 г.), ставшего впоследствии одним из крупнейших в России⁴⁷.

Начиная с середины 80-х годов, когда возникли и стали быстро расти провинциальные исторические, археологические и этнографические общества (в некоторых губернских городах одновременно действовало три общества подобного профиля; в Твери, например, Тверская ГУАК, Общество любителей археологии и естествознания, Епархиальный историко-археологический комитет), статистические комитеты постепенно отошли от разработки исторических проблем. Комитеты, возникшие в 1890—1900 гг., сосредоточили свое внимание на экономических вопросах. В тех городах, где статистические комитеты вели активные работы по изучению истории края и охране памятников, общества, ставящие себе аналогичные задачи, как правило, не возникали или были малочисленны.

Одним из основных видов деятельности комитетов была издательская. Практически все исследования, предпринятые комитетами или по их поручению, помещались в периодических изданиях. Все издания можно разделить на четыре группы. Первая отражала деятельность комитетов: «Отчеты», «Протоколы», «Журналы заседаний» и юбилейные издания. Все они выходили тиражами от 50 до 50 экз. и распространялись между членами комитета, иногда пересылались в другие комитеты и общества, с которыми существовал договор об обмене изданиями. Вторую группу изданий представляли «Обзоры», прилагаемые к ежегодному отчету губернаторов, и статистические издания, представляемые в Министерство внутренних дел. Тираж их в среднем составлял 100—300 экз., рассылавшихся в государственные учреждения и иногда в статистические отделения научных обществ. Издания этой группы редко попадали в частные руки. Третья группа — периодические издания статистических комитетов: «Труды», «Записки», «Сборники», «Листки» и «Памятные книжки». В этих изданиях, выходивших тиражом от 500 до 2500 экз., печатались результаты «необязательной» деятельности комитетов, помещались архивные документы и пр. Характеризуя их, В. И. Межов писал: «...издания губернских статистических комитетов, известные под названием „Памятных книжек“, „Записок“, могут считаться едва ли не самыми редкими и мало распространенными у нас. Печатаемые в весьма ограниченном количестве экземпляров,

⁴⁶ Комитетом была выпущена по этому поводу брошюра «Историческая записка об учреждении в Н. Новгороде ученой архивной комиссии» (Н. Новгород, 1887).

⁴⁷ Вестник археологии и истории, СПб., 1888. Вып. 7. С. 36—39.

более для местных потребностей, они с самого появления своего в свет делаются библиографической редкостью»⁴⁸.

Публикация исторических трудов и документов в «Памятных» «Справочных» книжках на протяжении 50 лет превратила их в своеобразные своды исторических сведений по губернии, освещающие ее жизнь, начиная от истории и кончая описанием лесов, отведенных указом Петра I на строительство флота⁴⁹.

Многие издания, ставшие по выходе библиографической редкостью, в настоящее время забыты и утеряны. Это относится и к четвертой группе изданий — отдельным историческим публикациям. Учитывая все вышеизложенное, автор составил Библиографию изданий статистических комитетов с росписью их исторического содержания. Работа над Библиографией осуществлялась в два этапа: 1) сбор сведений о всех имеющихся в центральных библиотеках (ГБЛ, ГПИБ и отчасти в ГИБ) трудах статистических комитетов и роспись имеющихся в них исторических материалов; 2) выявление с помощью каталогов библиотек статистических комитетов объявлений о продаже изданий комитетов, не имеющихся в упомянутых библиотеках, а также изданий, не вошедших в «Библиографическую монографию» В. И. Межова, в которой помещены труды комитетов до 1873 г.

В Библиографии помещены данные о 93 комитетах. Материалы сохранившихся «Отчетов», «Журналов заседаний» и периодических изданий послужили основанием для составления кратких исторических заметок, предваряющих библиографию каждого комитета. Внимание главным образом уделялось историко-археологической и этнографической деятельности. Список изданий комитетов начинается с «Обзоров», прилагаемых к ежегодным отчетам губернаторов с 1872 г. За «Обзорами» следуют периодические и повременные издания комитетов и отдельные издания.

Третий этап исследования предполагает поиски неизвестных или пока не найденных изданий в областных библиотеках или в государственных исторических архивах (областных или краевых), в последних находятся фонды статистических комитетов. Основная часть этих фондов сохранилась. Состоят они из библиотеки статистического комитета и архива. Кроме того, они включают переписку этого учреждения как с центральными организациями, так и с местными сотрудниками, все бумаги, отражающие деятельность статистического комитета, а также рукописи.

⁴⁸ Межов В. И. Библиографическая монография. СПб., 1873. Вып. 1.

⁴⁹ Воронежский юбилейный сборник: В память 300-летия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 1.

ПУБЛИКАЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ Н. П. ГОРБУНОВА
О В. И. ЛЕНИНЕ В 1920—1930-Е ГОДЫ

Советская историческая наука накопила немалый опыт в изучении мемуарного наследия участников революционного движения в России, видных советских, партийных и государственных деятелей. Важной составной частью источниковедческого анализа воспоминаний является изучение истории их создания, опубликования, а также выявления вносимых при этом в текст изменений.

Мемуары Н. П. Горбунова (1892—1937), первого секретаря Совнаркома, впоследствии Управляющего делами СНК и СТО СССР, крупного ученого и организатора советской науки, широко привлекаются историками, изучающими период становления Советского государства, его центрального и местного аппарата, деятельность главы первого рабоче-крестьянского правительства Председателя СНК В. И. Ленина, начальный этап развития советской науки, культуры и техники¹.

Отдельные важные факты из воспоминаний Горбунова уже подвергались в перечисленных трудах источниковедческому исследованию. Однако работы, специально посвященной анализу его мемуаров или их обобщенного обзора, как и сводной библиографии, нет². Настоящая статья ставит цель дать общий обзор прижизненных публикаций воспоминаний Горбунова о В. И. Ленине, показать некоторые их особенности.

Первые воспоминания Н. П. Горбунов опубликовал еще до того, как в соответствии с решениями II Всесоюзного съезда Советов (январь 1924 г.) и XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) развернулась массовая работа по увековечению памяти В. И. Ленина. Вплоть до 1934 г. он продолжал выступать в печати с воспоминаниями и статьями полумемуарного характера, посвященными прежде всего главе первого Советского правительства.

Опубликованное мемуарное наследие Горбунова сравнительно невелико. Чрезвычайная занятость государственными делами, многообразная деятельность по организации советской науки не позволили ему написать подробные воспоминания. Это наложило на публикации особый отпечаток: небольшие по объему, лаконичные, они насыщены фактическим материалом. Иногда воспоминания органично входят в статьи (носящие публицистический характер), которые с некоторой оговоркой могут быть включены в состав мемуарного наследия Горбунова. В этих статьях порой содержатся интереснейшие сведения о В. И. Ленине и о становлении Советского государства. В подобных статьях особенно отчетливо просле-

¹ См.: Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина, 1921—1923. М., 1959; Она же. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1982; Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Октябрь 1917 г.—январь 1918 г. Л., 1967; Он же. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974; Он же. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в июле 1918 — марте 1920 г. Л., 1980; Кольцов Э. В. Ленин в Смольном: Государственная деятельность В. И. Ленина в первые месяцы Советской власти, Октябрь 1917 г.— март 1918 г. М., 1965; Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969; и др.

² Не рассматривают эти вопросы и составители издания «Н. П. Горбунов. Воспоминания. Статьи. Документы» (М., 1986), которое представлено как первая попытка воспроизвести в собранном виде воспоминания и работы этого государственного деятеля.

живается такая отличительная черта Горбунова-мемуариста, как настойчивое обращение к сегодняшнему дню и стремление использовать уроки прошлого, опыт, приобретенный за время длительного непосредственного общения с Владимиром Ильичем. В данной работе рассматривается 14 произведений Горбунова — воспоминаний и статей полумемуарного характера, опубликованных в 1924—1934 гг. (табл.).

Все первые публикации мемуаров Горбунова (за исключением одного случая) были осуществлены в центральных, наиболее массовых и доступных широкому читателю периодических изданиях, преимущественно на страницах газет «Известия ЦИК» и «Правда». Отдельные воспоминания вышли одновременно в разных печатных органах. Это было связано, несомненно, с тем, что Горбунов придавал огромное значение делу собирания, систематизации и издания документов, отражавших начальный период существования Советского правительства и его первые шаги, многогранную деятельность В. И. Ленина, стоявшего у истоков Советского государства³. Горбунов был убежден в необходимости наибольшего распространения и популяризации ленинских материалов и сведений о Ленине, которые содержатся в многочисленных воспоминаниях его родных, близких и соратников.

Как видно из приведенной таблицы, наибольшее число публикаций воспоминаний Горбунова приходится на 1924 г., отмеченный для нашей страны тяжелой и незаменимой утратой — смертью В. И. Ленина, и на 1927 г., знаменующий десятилетний этап в развитии первого социалистического государства.

Публикации воспоминаний Горбунова чаще всего приурочены к определенным памятным датам, в первую очередь к годовщинам смерти Ленина: из 14 публикаций 9 появились в январские дни.

Первые воспоминания Горбунова «Как работал Владимир Ильич» опубликованы уже 24 января 1924 г. в газете «Известия ЦИК», а 27 января были перепечатаны без изменений в газете «Правда»⁴. В кратчайший срок они стали известны всей стране. Только за 1924 г. библиографами выявлено 16 перепубликаций этих воспоминаний в Москве и Ленинграде, в Ростове-на-Дону, во Владимире, в Екатеринбурге, Харькове, Чите и Ташкенте. Отдельные сборники статей и воспоминаний современников об Ильиче, в которые входили названные воспоминания, издавались большими для того времени тиражами⁵. Повышенный интерес к этим воспоминаниям Горбунова был совершенно закономерен. Написанные ближайшим помощником В. И. Ленина, необычайно своевременные и содержательные, они отвечали насущной потребности массового советского читателя в возможно более полной и правдивой информации о вожде.

Работавший на протяжении долгого времени под непосредственным руководством Ленина и хорошо знавший его, мемуарист, приводя разнообразные фактические сведения о деятельности Ильича в послеоктябрьский период, главное внимание обращал на общую характеристику стиля ленинского руководства и его особенности, а также на некоторые его индивидуальные человеческие качества.

Ощущая большую ответственность за каждое сказанное о Ленине слово, Горбунов стремился к предельной точности и убедительности изложения, часто включал в свое повествование обширный документальный материал. Так, стараясь наглядно показать многосторонность и разноплановость повседневной деятельности Ленина, Горбунов приводит в этих вос-

³ См.: Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 63—64.

⁴ Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. (Далее: Известия ЦИК). 1924. 24 янв. С. 2; Правда. 1924. 27 янв.

⁵ Например: В. И. Ленин: Сборник. Чита, 1924; Вождь железной когорты: Памяти Ильича — Ленина: Воспоминания, статьи, стихотворения. Ростов н/Д; М., 1924; Единственный, неповторимый: Сб. статей, воспоминаний, стихов памяти Ленина. Екатеринбург, 1924; Ленин для крестьян: Сборник. Владимир, 1924; Как работал В. И. Ленин. Ташкент, 1924; Ленин и экономическое строительство. Л., 1924; О Ленине: Сб. воспоминаний. М., 1924.

№ п/п	Название воспоминаний	Дата первой публикации	Где опубликовано	Число прижизненных публикаций
1	Как работал Владимир Ильич	24.01.1924 г.	Известия ЦИК	36
2	Ленин и научно-техническая работа	26.01.1924 г.	Экономическая жизнь	12
3	Отношение тов. Ленина к науке и технике	30.01.1924 г.	Ленинградская правда	3
4	Ленин и план научно-технических работ	04.03.1924 г.	Правда	9
5	Введение к публикации «Ответ на запросы крестьян» В. И. Ленина	1925 г.	Ленинский сборник IV	2
6	Ленин на приеме	22.04.1926 г.	Правда	9
7	Ленин об обломовщине и о подборе людей	21.01.1927 г.	Известия ЦИК	8
8	Ленин и радио	21.01.1927 г.	Там же	10
9	Ленин и подготовка квалифицированных сил для строительства социализма	21.01.1927 г.	Экономическая жизнь	2
10	Как Ильич учил крестьян бороться с бюрократизмом	08.02.1927 г.	Известия ЦИК	2
11	Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров	6/7.11.1927 г.	Правда	10
12	Читайте, перечитывайте Ленина	22.01.1929 г.	Там же	8
13	Ленин и техника	№ 4, 1931 г.	Новая техника	8
14	Как Ленин помогал изобретателям	№ 1, 1934 г.	Изобретатель	1

* Таблица составлена на основе библиографических разысканий.

поминаниях 11 поручений Председателя СНК сотрудникам аппарата в январе—феврале 1921 г.: о необходимости начать подготовительную работу по организации совета экспертов при Совете Труда и Обороне, об улучшении работы отдела законодательных предположений Наркомата юстиции, о контроле за развитием радиотелефонной связи, о выписке из Америки, Германии и Англии литературы по научной организации труда, тейлоризации и др. Частичная публикация ленинских поручений за этот период была осуществлена значительно позднее⁶, а полностью тетрадь записей поручений, которую вел Горбунов с 15 декабря 1920 г. до 13 января 1923 г., была опубликована Э. И. Поляковой и А. П. Трошиной только в 1961 г.⁷ Всего же, по нашим подсчетам, в изданных воспоминаниях Горбунова приводятся сведения о более чем двух десятках различных поручений Ленина.

Большая заслуга Горбунова состоит в том, что он одним из первых в советской мемуаристике стал публиковать ленинские документы и материалы. Семь документов В. И. Ленина были приведены впервые на страницах его произведений. В частности, в воспоминаниях Горбунова «Как работал Владимир Ильич» впервые помещен важный документ, который явился ярким свидетельством принципиально нового подхода Советского правительства к оплате труда руководящих работников и служащих пролетарского государственного аппарата и одновременно поразительной скромности Ильича. Это датированный 23 мая 1918 г. и подписанный Председателем Совнаркома В. Ульяновым-Лениным документ со строгим выговором Н. П. Горбунову за необоснованное повышение В. И. Ленину жалованья с 500 до 800 руб.⁸

⁶ Гляссер М. И. Два месяца работы В. И. Ленина. М., 1934.

⁷ ИА. 1961. № 5. С. 24–73.

⁸ Изв. ЦИК, 1924. 24 янв.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 78–79; С. 428. Примеч. 95.

В 1925 г. было осуществлено семь переизданий воспоминаний «Как работал Владимир Ильич», в течение трех последующих лет — еще три. Именно эти воспоминания открывают сборник статей и воспоминаний Горбунова о Ленине 1933 г., статьи в котором располагались по степени их значимости⁹. Наряду с мемуарами других ближайших соратников В. И. Ленина указанные воспоминания вошли также в сборник «Ильич на стройке советского аппарата», которым завершаются прижизненные переиздания мемуаров Горбунова¹⁰.

Опубликованные 26 января 1924 г. в газете «Экономическая жизнь» воспоминания Горбунова «Ленин и научно-техническая работа» посвящены отношению В. И. Ленина к вопросам науки и техники, интересны богатейшим фактическим материалом. Автор указывает целый ряд начинаний, ход которым был дан при непосредственной поддержке и активном содействии Ильича. Воспоминания эти переиздавались неоднократно. Только в 1924 г. перепубликация была осуществлена в Москве, в научно-популярном издании «Хочу все знать» (№ 1. С. 8—10), и в составе упомянутого ленинградского сборника «Ленин и экономическое строительство», который вышел большим тиражом — 30 тыс. экземпляров. Необходимо также иметь в виду, что напечатанные 30 января 1924 г. в газете «Ленинградская правда» воспоминания «Отношение тов. Ленина к науке и технике», имеющие свою отдельную, независимую от воспоминаний «Ленин и научно-техническая работа» издательскую судьбу, являются фактически незначительно измененным вариантом последних.

Отрывки из воспоминаний Горбунова «Как работал Владимир Ильич» и «Ленин и научно-техническая работа» были включены в состав сборников «Жизнь Ленина» и «Первая годовщина. 1924. 21 янв[аря] 1925 г.»¹¹. Путем воспроизведения отрывков из воспоминаний родных, близких и товарищей Ильича, выбранных в соответствии с замыслом издания, составители стремились представить нечто вроде хрестоматий о жизни и деятельности В. И. Ленина, построенных по хронологическому принципу. В рецензиях эти издания были подвергнуты обоснованной критике¹². В качестве основных недостатков назывались их мозаичность и фрагментарность. Скомпоновать в единое целое различные по форме и содержанию, направленности и стилю изложения отрывки из воспоминаний разных авторов, избежав при этом почти обязательных повторов и пропусков и не нарушая общей композиции повествования, действительно оказалось чрезвычайно сложно.

Тематически близка к воспоминаниям «Ленин и научно-техническая работа» статья Горбунова «Ленин и план научно-технических работ», впервые опубликованная 4 марта 1924 г. в газете «Правда». В более полном виде данные воспоминания были напечатаны в «Технико-экономическом вестнике»¹³. В отличие от газетной публикации они дополнительно включают четыре абзаца, в которых дана панорама научно-технических достижений молодой Советской Республики. При этом указывается, что «нет такого научно-технического начинания, которое так или иначе не было бы связано с именем Владимира Ильича»¹⁴. Посвященные актуальным для науки и техники того времени задачам, сформулированным Лениным еще в 1918 г., воспоминания особо ценны осуществленной в них публикацией ставшего сразу всемирно известным ленинского «Наброска плана научно-технических работ»¹⁵.

Бережно относясь к творческому наследию В. И. Ленина, мемуарист при необходимости передачи ленинской мысли стремился к ее точному,

⁹ Горбунов Н. П. Как работал Владимир Ильич: Сб. статей и воспоминаний. М., 1933.

¹⁰ Ильич на стройке советского аппарата: Воспоминания. М., 1934.

¹¹ Жизнь Ленина, 1870—1924: Сб. воспоминаний его современников. М., 1925; Первая годовщина, 1924. 21 янв[аря] 1925 г.: Ленин, о Ленине, о ленинизме. М., 1925.

¹² Лениниана. М., 1927. Т. 2. С. 139, 161.

¹³ Технико-экономический вестник. 1924. № 2. Т. IV. С. 73—76.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228—231.

дословному воспроизведению, чем и объясняется наличие в воспоминаниях большого количества цитат и извлечений из сочинений и выступлений Ленина. В воспоминаниях Горбунова «Ленин и план научно-технических работ» выдержка из доклада Ленина об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. использована в качестве эпиграфа. Интересно отметить, что эпиграфы предваряют лишь те воспоминания Горбунова¹⁶, которые посвящены проблемам, имевшим для Ленина, по мнению мемуариста, принципиальное значение, как, например, план развития науки и техники, налаживание хозяйственного строительства, борьба с бюрократизмом и улучшение государственного аппарата.

Особый интерес представляет небольшое введение Горбунова к опубликованному в IV Ленинском сборнике в 1925 г. письму Ильича «Ответ на запросы крестьян». Горбунов сообщает ценные сведения об истории печатаемого документа¹⁷. Эти воспоминания не переиздавались.

К дню рождения В. И. Ленина 22 апреля 1926 г. газета «Правда» опубликовала воспоминания Горбунова «Ленин на приеме», в которых рассказывалось о такой важной стороне деятельности Председателя Совнаркома, как прием посетителей. Горбунов привел здесь также адресованные ему и К. А. Алферову неопубликованные ранее ленинские записки, красноречиво свидетельствующие о том, какие значительные последствия имели, как правило, эти встречи и беседы с Лениным, давшие ход многим новым начинаниям.

В 1927 г., когда Советская страна отмечала десятилетие Великого Октября, Горбунов опубликовал пять статей мемуарного характера, три из которых появились в печати 21 января. Интересно, что в газете «Известия ЦИК» в этот день было опубликовано сразу две статьи мемуариста. На первой странице газеты за подписью «Н. Горбунов» были помещены воспоминания «Ленин об обломовщине и о подборе людей». В них автор, приводя объемные выдержки из речи В. И. Ленина на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлостов в марте 1922 г., вновь привлекал внимание к продолжавшему оставаться актуальным вопросу налаживания хозяйственного строительства и улучшения государственного аппарата. В качестве эпиграфа использовано известное положение из работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» о важности и необходимости аккуратного и добросовестного ведения хозяйства и соблюдения строжайшей дисциплины в труде.

Напечатанные на второй странице газеты воспоминания «Ленин и радио» за подписью «Н. Г.» посвящались начальным мероприятиям Советского правительства по созданию в стране сети радиовещания и первым научным разработкам в этой области. В этих воспоминаниях впервые опубликован полный текст Постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны о постройке Центральной радиотелефонной станции в Москве от 17 марта 1920 г., подписанного Председателем Совета В. Ульяновым-Лениным и Секретарем Совета Л. Фотиевой¹⁸. Постановление, по предположению мемуариста, было продиктовано Владимиром Ильичем. В тот же день данные воспоминания без указанного постановления были напечатаны в «Красной газете» (Ленинград), а 23 января в полном виде — в московской газете «Новости радио».

В газете «Экономическая жизнь» и одновременно с небольшими сокращениями в газете «Комсомольская правда» появились 21 января 1927 г. третьи в эти ленинские дни воспоминания Горбунова «Ленин и подготовка квалифицированных сил для строительства социализма». Автор, как и в воспоминаниях 1924 г., рассказывает здесь о сущности ленинского понимания роли науки и техники в жизни страны и необхо-

¹⁶ См.: *Горбунов Н. П. Ленин и план научно-технических работ; Ленин об обломовщине и о подборе людей; Он же. Как Ильич учил крестьян бороться с бюрократизмом.*

¹⁷ Ленинский сб. IV. С. 349—350; *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 35. С. 68—69.

¹⁸ ДСВ. М., 1974. Т. VII. С. 567—568.

димости качественной подготовки собственных специалистов. Эти воспоминания не переиздавались.

8 февраля того же, 1927 г., в газете «Известия ЦИК» были опубликованы еще одни воспоминания Горбунова — «Как Ильич учил крестьян бороться с бюрократизмом». В них мемуарист стремился напомнить читателям некоторые ленинские положения о совершенствовании работы государственного аппарата. Здесь частично приводятся ленинские документы «Ответ на запрос крестьянина» (1919), «Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям (проект)» (1921) и впервые опубликовано письмо Ленина Бакурской волостной организации РКП(б)¹⁹.

Наряду с воспоминаниями «Как работал Владимир Ильич», «Ленин на приеме» и «Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров» эти мемуары вошли в упоминавшийся уже сборник 1934 г. «Ильич на стройке советского аппарата».

К числу наиболее известных и широко используемых в научной и популярной литературе произведений Горбунова относится напечатанная в газете «Правда» в канун знаменательной даты 6/7 ноября 1927 г. под рубрикой «Отрывки из воспоминаний» статья «Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров». В статье содержится обширный фактический материал о первых днях Советской власти, в частности по многим вопросам, касающимся формирования штата аппарата СНК, функций и обязанностей его работников. Здесь впервые опубликован протокол заседания СНК от 3(16) ноября 1917 г., сопровождаемый подробным рассказом автора об истории его появления. Далее Горбунов описывает заседание СНК от 15(28) ноября и приводит сводные данные о количестве заседаний СНК за первые два месяца работы и числе вопросов, рассмотренных на них. Кроме того, в тексте даны особая важности документы противоборствующих сил, датированные 25 октября (7 ноября) 1917 г. Это воззвание Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К гражданам России!»²⁰ и Указ Временного правительства Правительствующему сенату о возложении на члена Временного правительства Н. М. Кишкина исключительных полномочий по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений. Автор, избегая пересказа известных событий, ярко и зримо передает напряженность момента, накал и динамизм борьбы за власть, а помещение документов усиливает общее впечатление от рассказа о сложной политической обстановке, в которой начинало свою деятельность первое Советское правительство. Позднее эти воспоминания перепечатывались без указанных документов.

22 января 1929 г., по прошествии пяти лет со дня смерти Владимира Ильича, в газете «Правда» Горбунов помещает статью «Читайте, перечитывайте Ленина», представляющую собой глубокое раздумье о ленинском наследии.

Спустя два года, в 1931 году, в приложении «Новая техника» (№ 4) к газете «За индустриализацию» появились воспоминания Горбунова «Ленин и техника», в которых он стремился «еще и еще раз напомнить широким массам об отношении Ленина к технике». Мемуарист кратко излагает одно из положений доклада В. И. Ленина на III конгрессе Коминтерна, приводит выдержки из его речей на X съезде РКП(б) в 1921 г. и на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства в 1918 г.²¹

Наконец, в 1934 г. в Москве в журнале «Изобретатель» (№ 1. С. 8—9) публикуются последние воспоминания Горбунова «Как Ленин помогал изобретателям». В них приведено письмо В. И. Ленина Горбунову о про-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 478—481; Т. 43. С. 266—291; Т. 52. С. 52—53.

²⁰ Там же. Т. 35. С. 1.

²¹ Там же. Т. 44. С. 50; Т. 43. С. 60; Т. 36. С. 382.

блемах телефонизации и радиосвязи²². При жизни Горбунова эти воспоминания не переиздавались.

Опубликованные воспоминания Горбунова представляют собой в целом цикл статей, не связанных строгой хронологической последовательностью изложения. Как правило, все они посвящены различным сторонам или вопросам деятельности Председателя Совнаркома В. И. Ленина: Каждая из статей является вполне законченным, самостоятельным произведением. И в то же время в статьях отчетливо прослеживается проблемно-тематическое единство.

В воспоминаниях Горбунова можно выделить три ведущие темы.

Так, практически в каждом из них затрагивался первостепенной важности вопрос о стиле и методах ленинского руководства. На протяжении целого десятилетия Горбунов обращался к этой не перестававшей волновать его теме, значение которой было сформулировано им в первых же воспоминаниях: «Я думаю, что чрезвычайно полезно будет заняться специальным изучением того, как работал Владимир Ильич... чтобы метод работы Владимира Ильича сделать достоянием широких масс»²³.

Другая кардинальная проблема, которая находится в центре ряда воспоминаний Горбунова,— отношение В. И. Ленина к актуальнейшим вопросам развития советской науки и техники, подготовки собственных специалистов и помощи ученым, распространения технических знаний и внедрения изобретений. Данная тема Горбуновым разработана весьма обстоятельно, с большим знанием, так как именно в этой сфере деятельности сам мемуарист многие годы работал.

И наконец, в-третьих, крайне важным виделся Горбунову и вопрос совершенствования советского государственного аппарата, воспитания кадров, поднятый им в основном в статьях полумемуарного характера. Обращение к воспоминаниям позволило автору не только более четко определить свою позицию по отношению к существовавшему тогда положению дел, но и показать расхождения между выработанными в этом направлении под руководством Ленина планами и их недостаточным еще воплощением в жизнь.

В целом воспоминания Горбунова, дополняя одно другое, раскрывают прежде всего величие и многогранность личности В. И. Ленина, исключительное значение и разносторонность его деятельности на посту Председателя Совнаркома, существенно способствуют воссозданию яркой и правдивой картины повседневной громадной работы ленинского СНК.

Именно определенная тематическая близость этих воспоминаний позволила объединить их в упомянутый выше сборник статей и воспоминаний Горбунова 1933 г. «Как работал Владимир Ильич»²⁴. В состав сборника вошли все ранее опубликованные воспоминания, кроме вступительной статьи к ленинскому документу, помещенному в IV Ленинском сборнике, и статей «Как Ильич учил крестьян бороться с бюрократизмом», «Ленин и подготовка квалифицированных сил для строительства социализма».

Как известно, одним из важных моментов при анализе содержания воспоминаний является выявление особенностей их редактирования. Сопоставление текстов и изучение содержания всех выявленных в настоящее время прижизненных публикаций воспоминаний Горбунова позволяет с достаточным основанием сделать вывод о том, что для его мемуаров характерно как раз отсутствие их переработки при последующих публикациях, хотя редакционная работа мемуариста над отдельными воспоминаниями имела место. Так, в предисловии к отмеченному сборнику 1933 г. указано, что все включенные в него произведения просмотрены и частью исправлены автором²⁵. Сравнение текстов воспоминаний, вошед-

²² Ленинский сб. XXIII. С. 211; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 159—160.

²³ Техничко-экономический вестник. 1924. № 2. Т. IV. С. 76.

²⁴ В 1934 г. сборник переиздан на украинском, белорусском, английском, немецком, французском и финском языках.

²⁵ *Горбунов Н. П.* Как работал Владимир Ильич. С. 4.

ших в этот сборник, с текстами их первых публикаций показывает, что Горбунов вносил небольшие изменения стилистического характера, иногда — незначительные сокращения текста. Однако эти исправления не затрагивают фактической стороны описываемых событий или их оценки. Практически все воспоминания и статьи воспроизведены по текстам их первоначальных публикаций и, что особенно важно, с указанием этого источника.

Тот факт, что воспоминания Горбунова по прошествии времени ни разу не переделывались, не дополнялись и не подвергались художественной обработке, является, безусловно, свидетельством полной уверенности автора в правильности изложенных им сведений. Мемуарист ставил перед собой прежде всего задачу создания документально точного повествования, максимально насыщенного конкретными сведениями. Это и определило всеобщее отношение к воспоминаниям Горбунова как к мемуарному источнику первоклассного значения. Чтобы убедиться в справедливости подобного подхода, достаточно указать, что в воспоминаниях содержатся порой уникальные сведения о деятельности первого Председателя Совнаркома: 19 фактов вошло в Биохронику В. И. Ленина на основании воспоминаний Горбунова как единственного источника или одного из источников²⁶.

Написанные человеком предельно честным, добросовестным и аккуратным, по свидетельству близко знавших его людей; постоянно пользовавшимся блокнотом для записей и не полагавшимся только на свою память²⁷, воспоминания Горбунова отличаются высокой степенью достоверности. Наличие отдельных неточностей ни в коей мере не снижает их общей правдивости и убедительности.

По достоинству оцененные современниками, воспоминания Горбунова сразу же после их опубликования были в той или иной мере использованы в мемуарах известных деятелей, рядовых участников и очевидцев исторических событий Великой Октябрьской социалистической революции и первых послеоктябрьских лет²⁸.

Начиная с 1957 г. воспоминания Горбунова снова широко переиздаются. Не все из них, безусловно, получили равноценное признание, но наиболее интересные произведения, в первую очередь «Как работал Владимир Ильич», «Ленин и научно-техническая работа», «Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров», заслуженно пользуются пристальным вниманием исследователей и массового читателя. Они выходят отдельными брошюрами и в составе сборников воспоминаний, тиражи которых значительно превосходят самые крупные прижизненные издания. Воспоминания Горбунова были включены в собрание воспоминаний о В. И. Ленине 1957 г., а также неизменно входят в состав трижды уже переиздававшегося фундаментального пятитомного собрания воспоминаний о В. И. Ленине²⁹.

²⁶ Подсчитано по: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, 1870—1924 гг. М., 1974—1982. Т. 5—12.

²⁷ Дорوفеев И. Г. На заоблачных высотах. М., 1976. С. 165.

²⁸ См., например: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 2-е изд. М., 1979. Т. 1. С. 497—498; Кокшарова Е. К. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году // Там же. Т. 3. С. 35.

²⁹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 3 ч. М., 1957—1960. Ч. 2. С. 57—63; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. 3-е изд. М., 1985. Т. 3. С. 37—40, 44—51, 430—434.

ОБ УРОВНЯХ МЕТОДОЛОГИИ В АРХИВОВЕДЕНИИ

Проблемы методологии и теории являются важнейшими для развития и становления каждой науки и научной дисциплины. К числу актуальных вопросов архивоведения относятся вопросы о принципах и уровнях методологии этой научной дисциплины.

Естественно, что с победой Октября вся деятельность советских архивов, как и учреждений других социальных сфер, строилась на основе общей теории марксизма-ленинизма. К. Г. Митяев конкретизировал эти общие положения, сформулировав основные принципы экспертизы ценности архивных документов: принцип историзма, принцип коммунистической партийности, принцип всесторонности, принцип комплексности¹.

Указанные принципы в равной степени распространяются на архивоведение в целом², археографию, документоведение и другие научные дисциплины, поскольку эти дисциплины основываются на методологии диалектического и исторического материализма.

Однако вопрос об уровнях методологии не нашел отражения в нашей специальной литературе, вследствие чего архивисты, касаясь методических приемов и способов, подчас связывают их непосредственно с диалектико-материалистическим пониманием исторического процесса.

Советские философы, историки науки и техники относят вопрос об уровнях методологии к числу наиболее актуальных в развитии познания объективного мира³.

В. А. Лекторский и В. С. Швырев рассмотрели вопрос о типах и уровнях науки⁴ и показали, что разноплановость исследований методологического характера приводит нередко к разнобою в терминологии, неопределенности самого понятия методологического анализа.

Авторы подчеркивают, что философия диалектического материализма выступает как методологическая основа специальных наук. Специфика методологического анализа науки, рефлексии над научным познанием состоит в том, что наука рассматривается при этом как выполняющая свою основную задачу — получение адекватного знания об объективном мире⁵.

И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин предложили общую схему уровней методологии научного знания⁶.

Марксистско-ленинская философия как всеобщая методология науки является высшим уровнем. Общие принципы познания и категориальный строй науки в целом с позиций диалектического и исторического материализма представляют ее содержание.

Следующий, второй уровень содержит общенаучные принципы и ме-

¹ Митяев К. Г. О принципах и критериях научной экспертизы ценности документальных материалов и их применении // ИА. 1958. № 3. С. 186—187.

² Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1966.

³ Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки: (Типы и уровни) // Философия, методология, наука. М., 1972; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 68—71; Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 182—190; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 64; Автократов В. Н., Кондратьев В. А., Кривошеин Л. И. Некоторые вопросы развития теории советского архивоведения // ВА. 1963. № 2; Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник, 1979. М., 1980.

⁴ Лекторский В. А., Швырев В. С. Указ. соч. С. 7—37.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Указ. соч. С. 68—71.

тоды, применяемые для исследований в различных науках и способствующие раскрытию внутренних закономерностей и междисциплинарных связей наук, сфер деятельности. Это направление методологических исследований получило наиболее широкое развитие в XX в. и явилось главным фактором превращения подобных исследований в относительно самостоятельную область научного знания, которая охватывает как общенаучные методологические концепции, например кибернетические, так и формальные разработки и теории, связанные с решением широкого круга методологических задач в науке, — такие направления прикладной математики, как исследование операций и теории игр.

Третий уровень составляет конкретно-научная методология — принципы и методы исследования, применяемые в специальных научных дисциплинах.

К четвертому уровню относятся методика и техника исследований, преследующие практические цели. На этом уровне определяются средства, обеспечивающие эффективное достижение научного результата, получение единообразного и достоверного эмпирического материала (его первичная обработка) для включения в массив наличного знания, которое имеет высокоспециализированный характер, регламентирует и нормализует научную деятельность. Установленная советскими философами иерархия уровней отражается и в методологии архивоведения. Однако не всегда это четко осознается.

Обращаясь к указанным выше принципам историзма, коммунистической партийности, всесторонности и комплексности изучения документов, применяемым в архивоведении, мы правомерно относим их к общенаучным принципам, которые составляют второй уровень методологии советского архивоведения.

К числу общенаучных методов в архивоведении относятся методы системного анализа, функциональный, информационный методы, методы сравнения (компаративный метод), идеализации, восхождения от абстрактного к конкретному, от индукции к дедукции, методы математического моделирования и др., активно используемые в настоящее время в архивоведении, как и в других областях знаний и деятельности. Они расширяют познавательный, исследовательский аппарат архивоведения, позволяют широко использовать достижения других областей знания⁷.

Конкретно-научная методология советского архивоведения (третий уровень) содержит собственно архивоведческие принципы и методы, распространяющиеся на всю или на большую часть проблематики архивоведческой теории и практики. Она строится на базе указанных принципов историзма, коммунистической партийности, всесторонности и комплексности изучения документов и нашла отражение в нормативных документах, учебной и научной литературе по архивоведению.

Два принципа, относящиеся к этому уровню, — принцип социалистической централизации архивного дела и принцип принадлежности документов к определенным историческим эпохам — основываются на ленинском декрете от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела», первом в истории человечества государственном акте, который сделал документальное наследие страны достоянием трудящихся⁸.

Принцип социалистической централизации предопределяет наличие государственного архивного фонда в стране и единого органа управления архивным делом. Этот принцип был положен в основу архивного строительства в социалистическом государстве, обеспечил каждому народу многонациональной страны возможность организации и комплектования архивов документами своего прошлого и настоящего, использова-

⁷ *Автократов В. Н.* Архивоведение в кругу других областей знания // СА. 1973. № 2; *Рудельсон К. И., Шенукова Н. М., Илизаров Б. С.* О перспективных направлениях архивоведения // СА. 1978. № 4.

⁸ Подробнее см.: *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР, 1917—1945. М., 1969. С. 45—69.

ния их в целях политического, научного, народнохозяйственного и социально-культурного развития общества.

Осуществление этого принципа позволило Советскому государству впервые в мире создать Единый государственный архивный фонд как сосредоточие ценнейшего документального наследия страны, создать научно обоснованную сеть государственных архивов, разработать оптимальную теорию и методику архивного дела. Принцип социалистической централизации является ведущим принципом теории и практики архивного дела в СССР.

Принцип принадлежности документов к определенным историческим эпохам предусматривает классификацию документов ГАФ СССР прежде всего по двум основным комплексам: комплекс документов советской эпохи и комплекс документов предшествующих эпох⁹.

Декрет от 1 июня 1918 г. указывает, что «все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 октября 1917 г., поступают в Государственный архивный фонд», а «все ныне производящиеся дела и переписка правительственных учреждений остаются при них в течение срока, устанавливаемого для каждого ведомства особым положением. После указанного срока все оконченные дела передаются в Государственный архивный фонд»¹⁰.

Позднее дата 25 октября 1917 г. была принята в качестве разграничительной между комплексом документов ГАФ СССР, относящимся к эпохе социализма, и комплексом, относящимся к досоциалистической эпохе¹¹. Документы эпохи социализма в составе ГАФ СССР учитываются и, как правило, хранятся отдельно от документов эпохи феодализма и капитализма.

Принцип принадлежности документов к определенным историческим эпохам предусматривает осуществление классификации документов ГАФ СССР с позиций марксистской исторической науки, с учетом социально-экономического строя общества, классовой основы организации архивного дела.

Непременное значение в архивоведении и архивном деле имеет принцип происхождения. При организации архивных фондов принцип происхождения требует относить документы к тому или иному архивному фонду с учетом генетической связи документов с фондообразователем (фондообразователями) в целях научной организации их хранения и использования¹². Этот принцип проявляется также в классификации документов по их происхождению на фонды учреждений союзного, республиканского и местного подчинения.

Практически абсолютное большинство архивных комплексов — единиц хранения письменных документов (дел), архивных фондов организаций, фондов личного происхождения, объединенных архивных фондов, комплексов фондов архива (архивов), отражающих деятельность конкретных систем учреждений определенного хронологического периода, — строятся с учетом принципа происхождения. Значимость принципа происхождения определяется его историзмом, в силу которого он пронизывает всю структуру ГАФ СССР.

Поскольку принцип происхождения занимает такое важное место в научной организации архивных документов, в советской архивоведческой литературе ему уделено значительное внимание¹³.

⁹ См. также: *Цаплин В. В.* К вопросу о делении документальных материалов по историческим эпохам // ВА. 1960. № 6.

¹⁰ СУ. 1918. № 40. Ст. 514.

¹¹ Правила определения архивного фонда (1939 г.) // Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 гг.). М., 1961. С. 163—166.

¹² Подробнее см.: *Автократов В. И.* Общая теория архивоведения // ВИ. 1973. № 8.

¹³ *Князев Г. А.* Теория и практика архивного дела. Л., 1935. С. 30; *Фомин Н. А.* Систематическая опись архивных материалов // АД. 1939. № 52. С. 45; *Мигяев К. Г.* Теория и практика архивного дела. М., 1946. С. 99; *Цаплин В. В.* Указ. соч.; *Петровская М. Ф.* Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1; *Селезнев М. С.*

В неразрывной связи с принципом происхождения находится принцип территориальной принадлежности — принцип организации и хранения архивных фондов, требующий при отнесении их к тому или иному архиву учета связей с территорией, на которой они возникли. Реализация принципа происхождения будет неполной, если она осуществляется в отрыве от принципа территориальной принадлежности. Так, правильно сформированный архивный фонд (в соответствии с принципом происхождения), отражающий деятельность учреждения, находящегося или находившегося, например, в Ивановской области, не может храниться во Владимирской области. Он не может быть изъят из комплекса фондов учреждений, действовавших в определенный хронологический период в Ивановской области.

В советском архивоведении принцип территориальной принадлежности строго соблюдается. Он более известен в теории и практике работы архивистов как принцип принадлежности документов к определенным административно-территориальным единицам. Этот принцип строго соблюдается архивистами при классификации документов ГАФ СССР даже в случаях, когда административно-территориальное деление менялось либо деятельность фондообразователя относилась к нескольким республикам, как это было в широко известном случае с фондом Кавказского наместничества, распространявшего свою деятельность на территории современных республик — Грузинской, Армянской, Азербайджанской. Фонд Кавказского наместничества хранится в Грузии, так как Тбилиси (Тифлис) в свое время был центром наместничества. Большое значение имеет указанный принцип при классификации документов в пределах республик, когда необходим учет национальных интересов народов автономных республик, национальных округов, архивы которых должны комплектоваться фондами, отражающими историю их народов.

Накопец, среди архивоведческих принципов должен быть назван принцип недробимости архивных фондов, т. е. принцип научной организации архивных документов, требующий соблюдения целостности архивного фонда и хранения его в одном архиве¹⁴. Этот принцип тесно взаимосвязан с принципами происхождения, принадлежности документов к определенным историческим эпохам, принципом территориальной принадлежности и основывается на единстве происхождения документов, их генетической связи, однородности содержания документов. Так как архивный фонд отражает деятельность конкретного учреждения, исторически сложившийся архивный фонд является самостоятельным комплексом и дроблению не подлежит. Документы архивного фонда должны храниться и учитываться в одном архиве.

Таким образом, мы можем говорить о наличии в советском архивоведении системы собственно архивоведческих принципов. Они были подготовлены всем развитием архивоведения, в том числе в ходе развития научной организации архивных документов по фондам с учетом деятельности фондообразователя, места и времени его деятельности.

В современном архивоведении применяется широкий круг собственно архивоведческих методов, которые являются способами достижения цели, совокупностью приемов, обеспечивающих необходимую глубину и всесторонность научного исследования. Являясь общенаучными, эти методы нашли конкретизацию в нашей специальной области. Мы коснемся лишь некоторых из них¹⁵.

¹³ Понятие об архивном фонде и его освещенные в современной литературе: Доклад на научной конференции по теме «Актуальные проблемы современного архивоведения и организации делопроизводства», 27 мая 1971 г. М.: МГИАИ, 1971. Ротапр.; Рудельсон К. И. Советская историография по вопросам классификации архивных документов // СА. 1972 № 1. С. 56; и др.

¹⁴ Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. 1. С. 144.

¹⁵ См. также: Автократов В. Н. Архивоведение: Методологическая характеристика и типология исследований // История СССР. 1972. № 4; Он же. К вопросу о методологии архивоведения // АЕ за 1969 год. М., 1971; и др.

Так, метод классификации, междисциплинарный по характеру, в архивоведении представляет собой метод установления исторических и логических связей между документами, их научной группировки и основу для быстрого поиска документов и сведений из них. При этом метод классификации документов конкретизируется в методе категорирования фондов, их типологии, а внутри фондов — в методе систематизации с применением различных способов и приемов (систематизация по структуре фондообразователя, хронологии, отраслям деятельности и т. д.).

Таков же архивоведческий метод описания, применявшийся в различных научных дисциплинах с давних времен, в том числе и в дореволюционном архивоведении. В советском архивоведении начиная с 1960-х годов он становится методом дифференцированного описания¹⁶, одним из значительных собственно архивоведческих методов с четко разработанной спецификой с точки зрения отражения объема информации, ее детализации и способов характеристики содержания документов в описях, каталогах, путеводителях, обзорах.

Архивоведческие методы индексирования, кодирования широко используются при подготовке архивных справочников. Например, завершив работу по каталогизации, составлению указателей, архивисты обращаются к методу индексирования, а при переходе на автоматизированный поиск информации прибегают к методу кодирования.

Среди привлеченных методов, используемых в архивоведении, необходимо назвать методы источниковедения, документоведения, социологии, математико-статистические и др. Применяемые в источниковедении методы анализа исторических источников в архивоведении нашли свое выражение в источниковедческом подходе; социологические и математико-статистические методы — в прогнозировании, разработке автоматизированного поиска информации.

К вопросам методологии относятся понятийный аппарат науки, терминология, которая связана с анализом языка науки, структурой научного знания, его объяснением, описанием, анализом его методов, в частности методов построения научных теорий, типологии систем знания. Научная терминология архивоведения способствует развитию его методологии как основополагающей базы, позволяет определить и развивать дальше все многообразие методологических и методических принципов архивоведения, его приемов, способов, операций и форм. В этом смысле развитие профессиональной научной терминологии можно рассматривать как метод совершенствования и развития нашей научной дисциплины.

На четвертом уровне архивоведения имеет дело с методикой, которая выражается в разработке и осуществлении различных способов, приемов работы с документами. Например, систематизация документов внутри фонда может осуществляться способом непосредственной группировки дел и карточным способом; при каталогизации документов их описание на карточках осуществляется с помощью поддокументного, поединичного и группового приемов описания и т. п.

Этот уровень методологии архивоведения представлен многочисленными методическими разработками, составляемыми в государственных и ведомственных архивах разных рангов применительно к работе с конкретными фондами, над конкретными типами и видами архивных справочников, а также при выполнении других процессов работы с архивными документами.

¹⁶ Дифференцированный подход к описанию документальных материалов: (Методические рекомендации). Вып. I. Основы дифференцированного описания при переработке и усовершенствовании описей. М., 1969; Вып. II. Основы дифференцированного подхода при каталогизации. М., 1972; Вып. III. Основы дифференцированного подхода при подготовке справочника о фондах архива (архивов). М., 1972. Подробнее см.: Волкова И. В. Описание документов в советском архивоведении и его роль в совершенствовании научно-справочного аппарата государственных архивов (1963—1983): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1984.

Э. В. Хоштария (Броссе)

**ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ
ЛИЧНОГО АРХИВА АКАДЕМИКА АН ГРУЗИНСКОЙ ССР
Н. А. БЕРДЗЕНИШВИЛИ**

В Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР хранится более 80 личных архивов грузинских и связанных с Грузией и Кавказом русских и других общественных деятелей, ученых и писателей. В 1966 г. в институт поступил архив видного грузинского советского историка и общественного деятеля, академика АН ГССР, заслуженного деятеля науки ГССР, профессора Николая Александровича Бердзенишвили (1894—1965)¹.

Н. А. Бердзенишвили принадлежит к плеяде ученых, на долю которых выпала задача марксистского освещения истории народов СССР, в частности истории Грузии, в основном средневековой эпохи. Ему пришлось вести большую научно-организационную работу в качестве заведующего кафедрой истории Грузии Тбилисского государственного университета (1946—1956 гг.) и заведующего отделом, а затем директора Института истории, археологии и этнографии АН ГССР (1939—1965 гг.).

Широким диапазоном научной и общественно-организационной деятельности Бердзенишвили обусловлена сложность и многообразность содержания его личного архива. В настоящей статье мы коснемся той части архива, которая содержит научное наследие ученого. Остальная же часть, включающая биографические материалы и служебную переписку, описывается отдельно по основным разделам: а) биографический материал, б) научно-организационная и общественная деятельность, в) переписка и др. Собственно научное наследие ученого войдет в общее описание его архива по основным тематическим разделам.

О характере научной работы Бердзенишвили, его методе выборки фактических данных путем скрупулезного анализа первоисточников и их систематизации по отдельным проблемам можно судить, ознакомившись именно с архивом ученого, где по папкам им же размещены выписки из источников, заметки и зачастую обобщающего характера соображения. На некоторых папках рукою Бердзенишвили обозначено: «Купля — продажа», «Крестьянство», «Тавади». Тут же хранятся папки с заметками при чтении «Картлис цховреба», «Вепхисткаосани». Подобные же заметки сделаны на полях изданий исторических памятников, которыми пользовался ученый. Некоторые труды из архива Бердзенишвили были опубликованы при его жизни. Их публикация продолжается и после его смерти специальной комиссией в серии трудов ученого «Вопросы по истории Грузии».

Работа Бердзенишвили, которую он вел в конце 30-х годов, в значительной степени служила выполнению стоявшей в то время перед грузинской историографией задачи по созданию курса истории Грузии.

Опубликование макета «Истории Грузии» (1940 г., на груз. яз.), а затем и учебника для средней школы (первое издание в 1943 г.) в соавторстве с И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа являлось важным достижением грузинской советской исторической науки. Учебник заслужил всеобщее одобрение и был удостоен Государственной премии. Для учебника Бердзенишвили был написан раздел, охватывающий XVI—

¹ О Н. А. Бердзенишвили см.: Николай Александрович Бердзенишвили (1894—1965 гг.): Библиография. Тбилиси, 1981. На груз. и рус. яз.

XVIII вв. Этот период в грузинской историографии был сравнительно слабо изученным, и его освещение согласно современным требованиям является заслугой ученого.

Широкие научные интересы и обязанности руководителя работ в области истории Грузии диктовали Бердзенишвили необходимость иметь в поле зрения историческое прошлое Грузии, начиная с древнейших времен вплоть до нашего времени. Он успешно продолжает традиции академиков И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа в деле развертывания археологических работ и в новых условиях в силу необходимости углубления научных исследований в данной области и для обеспечения археологического изучения выделяемых под новостройки все новых территорий ставит перед археологической наукой широкие задачи. Одновременно он уделяет большое внимание исторической географии Грузии как одной из важнейших отраслей исторической науки, разрабатывает ее теоретическую основу и методику.

Предметом исследования Бердзенишвили становится и новая история, в частности им разрабатываются вопросы истории Грузии первой трети XIX в., которые рассматриваются в тесной связи с предыдущим периодом. Особое место отводит Бердзенишвили установлению основных этапов и характера развития грузинской историографии. К тому же он четко определяет стоявшие перед грузинской советской исторической наукой задачи в условиях построения социалистического общества и строительства коммунизма. «Долгом грузинской советской историографии является,— писал Бердзенишвили,— научно осветить участие трудящихся Грузии, ее роль в этом великом созидании; грузинская советская историография должна показать строящему коммунизм обществу, как превратилась отсталая колониальная страна в передовую индустриальную республику, как преобразилась мелкобуржуазная Грузия в передовую социалистическую нацию, как превратилась металлургия кузнеца в заводы Рустави, обиталище папоротников и шакалов в зеленую руду, химия кабаков — в атомный реактор».

В развитии грузинской историографии важным этапом являлась развернутая в 50-х годах работа по созданию нового учебника истории Грузии, которой руководил Бердзенишвили. В учебнике должна была найти освещение история Грузии с древнейших времен до нашего времени (в старом учебнике не была представлена история XIX—XX вв.). К тому же учебник ставил цель отразить достижения грузинской историографии за пройденные два десятилетия. Особое внимание должно было быть обращено на экономическое развитие страны, на классы и классовую борьбу. Напряженная работа грузинских историков под руководством Бердзенишвили дала свои плоды — в 1956 г. был опубликован макет нового учебника, а в 1958 г. — I том вспомогательного пособия по истории Грузии (с древнейших времен до конца XIX в.) и учебник для V—X классов средней школы — с древнейших времен по настоящее время. В дальнейшем под редакцией Бердзенишвили были опубликованы II и III тома вспомогательного пособия по истории Грузии. В новом учебнике истории Грузии Бердзенишвили принадлежит раздел, охватывающий VI—XV вв., который автором в основном был написан заново (лишь некоторые параграфы взяты из старого учебника). Таким образом, для первого и для нового учебников истории Грузии Бердзенишвили написал историю Грузии с VI по XVIII в. включительно.

Бердзенишвили (в соавторстве с В. Д. Дондуа) принадлежат посвященные истории Грузии с III по XVIII в. главы в многотомном издании АН СССР «Очерки истории СССР».

Несмотря на широкие научные интересы, в научном наследии Бердзенишвили основное место все же занимают проблемы социально-политического и экономического развития Грузии феодальной эпохи.

Одновременно с составлением и публикацией учебников по истории Грузии Бердзенишвили публикует некоторые работы, выполненные раньше, в том числе и рецензии. В 1964 г. ученый издает первую книгу

«Вопросов по истории Грузии» (на груз. яз.), которая посвящена проблемам исторической географии Грузии и содержит преимущественно материалы из его архива — дневники историко-географических экспедиций с 1932 до 50-х годов и полевые записи.

Таким образом, фактически публикацию материалов из своего архива Бердзенишвили начал сам. Вторая книга «Вопросов по истории Грузии» (1965 г., на груз. яз.) представляет сборник ранее (1937—1940 гг.) опубликованных трудов ученого, и лишь одна работа — «Грузия в первой четверти XIX в.» — публикуется впервые (написана в 50-х годах в связи с работой над учебником по истории Грузии XIX в.). Третья (1966 г.), четвертая (1967 г.) и пятая (1971 г.) книги «Вопросов по истории Грузии», изданные уже после кончины ученого по принципу предыдущих томов, содержат опубликованные ранее (в 30—50-х годах) работы и ряд рецензий и публичных выступлений.

В шестую книгу «Вопросов по истории Грузии» (1973 г., на груз. яз.) вошли написанные Бердзенишвили разделы для учебников по истории Грузии, опубликованные в разное время лишь в сокращенном виде. Здесь дается хранившийся в архиве ученого пространный текст, охватывающий историю Грузии с X по XVIII в. Перечеркнутый самим же автором с целью сокращения для учебника текст в книге взят в квадратные скобки. Тем самым читателю становится ясным, что было уже опубликовано и что публикуется впервые на основании архива ученого.

Седьмой книгой «Вопросов по истории Грузии» (1974 г.) начинается публикация таких материалов из архива Бердзенишвили, которые не носят заверщенного характера и зачастую содержат отрывочные наблюдения автора по тем или иным проблемам источниковедческого порядка либо истории Грузии.

На этот раз издателями взяты для публикации три папки, на которых рукой Бердзенишвили написано «Кутлу». (Папка условно обозначена именем политического деятеля Грузии XII в. Кутли-Арслана.) Здесь сосредоточены материалы для обстоятельного исследования социально-политической истории Грузии XI—XIII вв., в частности изучения образования политических партий этого периода, борьбы между царской властью и феодальной аристократией, социальных и экономических аспектов этой борьбы. Над этой темой автор, по-видимому, думал долго и собирал материалы по ней уже с 30-х годов до последних лет жизни (самая ранняя датированная запись относится к 1935 г., а поздняя — к 1963 г.). Извлечения из источников, по заведенному Бердзенишвили правилу, почти всегда снабжены его собственными примечаниями и наблюдениями. Всего в трех папках собрано до 2 тыс. написанных ученым листков разного формата. Материал двойного рода: более или менее пространные суждения по определенным вопросам и отдельные наблюдения, порой конкретные замечания к данным соответствующих источников.

Перед редакционной коллегией, готовящей тексты к публикации, стояла задача систематизации всего этого материала с учетом высказываний автора по смежным вопросам истории Грузии XI—XIII вв., попавших в другие папки аналогичного содержания.

Поскольку весь этот материал не был завершён и подготовлен к публикации самим автором, он носит в большинстве случаев характер научных исканий, предварительных наблюдений. Порой здесь высказаны и противоположные взгляды ученого, отражающие эволюцию в его мышлении.

Для облегчения пользования представленным в книге материалом редакция распределила его по главам и параграфам, дав им условные заглавия (в квадратных скобках) исходя из содержания записей. Поскольку отдельные наблюдения и высказывания автора носят отрывочный, не связанный между собой характер, им внутри глав и параграфов дана нумерация с указанием соответственно в конце каждого текста шифра и номера хранения архивной единицы.

По такому же принципу составлена восьмая книга «Вопросов по истории Грузии» (1975 г.), содержащая материалы по исторической географии Грузии, и девятая книга (1979 г.) источниковедческого характера, в которой собраны замечания, наблюдения и высказывания ученого относительно сборника «Картлис цховреба». Примечательно, что на одной связке записей рукой автора отмечено: «Замечания при чтении „Картлис цховреба“». По-видимому, этот материал должен был быть положен в основу отдельного исследования. Аналогичные записи обнаружены и в других папках, которые также внесены в данную книгу.

В приведенных случаях редакционная коллегия при подборе архивного материала для издания руководствовалась данной самим же Бердзенишвили тематической классификацией, указывающей, по какой проблематике распределены ученым материалы в тех или иных папках и связках записей. Но такие авторские указания имеются не всегда. Огромное количество записей собрано в папки без указания на их содержание. Зачастую в одной и той же папке собраны записи по смежной тематике либо совершенно независимые друг от друга. С целью систематизации подобного материала и подготовки к опубликованию по тематическому принципу руководство Института рукописей сочло целесообразным провести предварительную трудоемкую работу по составлению специальной аннотированной картотеки, охватывающей все научное наследие Бердзенишвили. Картотека предоставляет возможность издателям классифицировать с целью публикации отдельные соображения, примечания и положения ученого по интересующим его основным проблемам: политическая история, социальные отношения, экономика — и даже по частным вопросам, входящим в эту проблематику. Работа по подготовке последующих томов «Вопросов по истории Грузии» на основании материалов архива Бердзенишвили в Институте рукописей продолжается.

Хотелось бы здесь же коснуться и одного принципиального вопроса, связанного с изданием научного архива ученого, вызывающего некоторые разногласия и споры. Насколько правомерно опубликование не разработанного до конца и не подготовленного самим же автором материала, порой включающего и взаимоисключающие соображения и положения? Положительный ответ на данный вопрос содержится в подходе самого Бердзенишвили к вопросу о публикации его ранних работ, в том числе и не печатавшихся. В частности, в предисловии к первой книге «Вопросов по истории Грузии» (1964 г.) автор вполне недвусмысленно пишет: «Большая часть представленных здесь работ печатается впервые. Написаны же они давно, в 1932—1952 гг. Вполне естественно, что некоторые из научных выводов в таких трудах сегодня не удовлетворяют и самого автора. Несмотря на это, автор не пытался исправить их. Подобная операция стерла бы прямую цель этой книги: показать, как постепенно вырабатывались и формировались у автора научные представления об исторической географии. И ошибки и достижения в данном случае одинаково интересны для читателя».

Того же вопроса коснулся ученый и при опубликовании в 1966 г. написанной ранее (в 1938 г.) рецензии на докторскую диссертацию С. Н. Джанашиа. По этому поводу Бердзенишвили пишет: «Кое-что в этой нашей рецензии неприемлемо, но некоторые положения и сегодня считаем ценными. Помимо этого, рецензия служит и историческим интересам. Подобное основание нам представляется вполне достаточным для печатания упомянутой рецензии».

Таким образом, кроме того, что имеется ряд примеров публикаций архивов выдающихся политических деятелей, писателей и ученых, мы располагаем высказываниями на этот счет самого Бердзенишвили, которые, хотя они и касаются конкретно определенного круга материалов, можно распространить на все научное наследие ученого.

Подготовка к изданию материалов архива Бердзенишвили содействует накоплению методического опыта в сложной и недостаточно разработанной области публикации творческого наследия крупнейших ученых.

Б. Г. Литвак

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В. В. МАКСАКОВА *

Столетие со дня рождения Владимира Васильевича Максакова (1886—1964) отнюдь не является чисто мемориальным событием. Анализ его научно-организационной деятельности, его теоретического вклада в архивоведение и специальные исторические дисциплины позволяет глубже вникнуть в истоки современных проблем архивной службы и исторической науки, а также, как бы это ни звучало парадоксально, заглянуть в их будущее.

Главная и важнейшая особенность наследия Максакова состоит в том, что оно свидетельствует о естественном сплаве в этом человеке историка и архивиста. Очень важно, что на заре становления советской исторической науки и архивного дела среди первооткрывателей были такие фигуры, которые естественно объединяли в себе «чистую» историческую науку и непосредственно практическую работу по спасению материальной основы исторической памяти народа. Так, патриарх исторической науки Н. М. Дружинин начинал как историк и музейный работник, В. В. Максаков — как историк-архивист. Этот список можно бы продолжить: само время требовало таких людей, и они пришли. В наиболее обстоятельном очерке о В. В. Максакове, принадлежащем перу Ю. Ф. Кононова¹, есть одно спорное место. Кононов полагал, что Максаков, активно работая на поприще советского архивного строительства, как историк становился «на горло собственной песне». Хотя автор при этом ссылается на признание самого Максакова, в этом тезисе можно усомниться, ибо уж очень срослись в нем историк и архивист; без этого единения Максакова как ученого не было бы. Посмотрим на список его трудов за 1918—1962 гг.² Из 113 работ 54 можно отнести к историко-археографическим. Историк революционного движения в России и первой русской революции, он в первую очередь выделялся своими публикациями, которые ввели в научный оборот документы первостепенного историографического и историко-культурного значения. Достаточно назвать подготовленные Максаковым сборники «Лейтенант П. П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы» (М., 1922), «Карательные экспедиции в Сибири 1905—1906 гг.» (М.; Л., 1932), его публикации в «Красном архиве»: доклады С. Ю. Витте Николаю II, переписка Николая II и П. А. Столыпина, отрывки из дневника Льва Тихомирова, подборку документов «Л. Н. Толстой в Астапове»³. Эти публикации начинали историографию ключевых проблем истории самодержавия в период революции 1905—1907 гг., раскрывали благородный облик морского офицера, ставшего революционером, показали трагедию великого писателя-гуманиста.

Специальный интерес среди его работ представляют образцы журнальных публикаций — оперативного жанра научных публикаций, утвердившегося в советской археографии благодаря деятельности журналов

* В основе данной статьи, как и статьи М. А. Пережогина, — выступления на заседании Ученого совета МГИАИ 13 мая 1986 г., посвященном увековечению памяти профессора В. В. Максакова.

¹ См.: *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1969. Предисл.

² История СССР. 1965. № 1. С. 234—237.

³ КА. 1925. Т. 4/5 (11/12). С. 144—158; 1924. Т. 5. С. 102—128; 1935. Т. 5 (72). С. 120—159; Т. 6 (73). С. 170—190; 1936. Т. 1 (74). С. 162—191; Т. 2 (75). С. 171—184; 1923. Т. 4. С. 338—361.

«Красный архив» и «Исторический архив», в становлении и работе которых принимал самое активное участие В. В. Максаков. Следует особо выделить тот факт, что Максаков один из первых в советской исторической науке применил рациональную форму публикации содержания источников. Еще в 1923 г. он совместно с Н. В. Нелидовым издал первый выпуск «Хроники революции 1917 г.» (М.; Пг., 1923), в которой были использованы сведения, почерпнутые из архивной документации, еще не введенной в научный оборот. Позднее Максаков в соавторстве с А. Н. Туруновым опубликовал «Хронику гражданской войны в Сибири. 1917—1918 гг.» (М.; Л., 1926). Этот опыт получил дальнейшее развитие, особенно в связи с освоением новых огромных пластов массовой документации. Так, интерес к хронике возродился в конце 50-х — начале 60-х годов, когда была осуществлена серийная публикация «Крестьянское движение в России в XIX — начала XX вв.» под общей редакцией академика Н. М. Дружинина, в которой хроника занимает весьма заметное место и является существенно важной.

В новых условиях развития археографии хроники расширяют возможности введения в научный оборот документов, полная публикация текстов которых практически невозможна. Сибирские историки и археографы издали «Крестьянское движение в Сибири. 1861—1907 гг. Хроника и историография» (Новосибирск, 1985); ими же готовится второй том; хроникой снабжена и издающаяся серийная публикация «Селянський рух на Україні. Середина XVIII — перша четверть XIX ст. Збірник документів і матеріалів» (Київ, 1978). В настоящее время готовится хроника рабочего движения в России. Научные принципы этой работы изложены в специальной статье⁴. Итак, начинания Максакова в области археографии получили дальнейшее развитие, значительно продвинув публикаторскую практику и теорию археографии.

Максаков придавал особое значение научно-справочному аппарату журнальной публикации. Вспоминая его меткие замечания на подготавливаемые к печати в «Историческом архиве» подборки документов. Его генеральным принципом было требование, чтобы предисловие к публикуемым документам писалось специалистом по проблеме независимо от того, кто выявил документы и готовил их к публикации. В этом четко прослеживается стремление Максакова поднять научный уровень публикации и расширить сотрудничество архивистов-археографов с историками-исследователями, так как он с той же настойчивостью защищал авторское право архивиста, выявившего документы.

Вообще его сотрудничество в «Историческом архиве» в качестве члена редколлегии, которые я мог наблюдать за весь период издания журнала, заслуживает специального освещения; здесь следует только сказать, что Максаков поистине «отдавал душу» этому журналу. На память приходят жаркие июльские дни 1960 г., когда в результате чисто бюрократической ошибки журналу грозило закрытие и требовались энергичные усилия, чтобы исправить эту оплошность. По совету Е. Д. Стасовой, высоко ценившей деятельность журнала, я с В. В. Максаковым собирал подписи старых большевиков в поддержку этого издания, обходя дачи «сибиряков» на станции «Отдых». Я сейчас прикидываю, что Владимиру Васильевичу тогда уже было под 75 лет, и он, ничуть не отставая, а даже «подгоняя» меня, спешил по пыльным дорожкам в невероятную жару, чтобы успеть за одно воскресенье (время не ждало!) получить подписи Героя Социалистического Труда П. И. Воеводина, брата Емельяна Ярославского М. И. Губельмана и других старых большевиков под письмом, которое затем Стасова переслала в соответствующие инстанции, что предотвратило прекращение издания в 1960 г. Так что не только в общетеоретическом, но и в сугубо практическом плане Максаков вникал

⁴ Блинов Н. В., Желтова В. П., Иванова Н. А., Кирьянов Ю. И., Пушкарева И. М. О методике хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 — февраль 1917) // ВИ. 1984. № 11.

в работу единственного после «Красного архива» публикаторского журнала в нашей стране.

В. В. Максаков порой и ошибался. Так, в статье, написанной в соавторстве с М. С. Селезевым, он поддержал явно предвзятую критику книги С. Н. Валка «Советская археография» (М.; Л., 1948), утверждая, что еще не все «пороки» этой книги раскрыты⁵. Об этом стоит вспомнить только как о курьезном факте, так как монография Валка выдержала испытание временем.

Обратив особое внимание на публикаторскую деятельность В. В. Максакова, не следует забывать о незаурядных его работах историографического плана. К ним следует отнести такую синтетическую работу, как научный обзор статей, посвященных истории первой русской революции, из 27 томов второго издания БСЭ⁶. Таков в самых общих чертах и кратком изложении вклад Максакова в историческую науку и археографию.

Что касается архивоведения, то можно без всяких преувеличений утверждать, что В. В. Максаков, стоя у истоков советского архивного строительства, был первым его историком и одним из создателей этой научной дисциплины на методологической основе исторического материализма. Научно-организационная деятельность Максакова так или иначе получила сравнительно широкое освещение; до сих пор не потеряли значения работы Максакова по истории и организации архивного дела в нашей стране, его обобщающий труд «История и организация архивного дела в СССР» (1917—1941 гг.) продолжает служить в качестве учебного пособия при подготовке историков-архивистов. Конечно, автору этих работ было нелегко, так как непосредственному участнику важнейших этапных событий в архивной службе приходилось в качестве историка переоценивать их с позиций «со стороны». Это не всегда удавалось и вряд ли кому-нибудь удастся.

Последние изыскания исследователей истории архивного строительства в нашей стране в той или иной мере, уточняют некоторые позиции обобщающего труда Максакова, более точно освещают роль самого Максакова в тот или иной период деятельности архивных органов на основании таких источников, которые не находились в поле зрения Максакова⁷, обнаруживая как ошибочные его суждения, так и факты, которые свидетельствуют о глубоких, далеко идущих соображениях Максакова по кардинальным вопросам архивоведения. Именно эти последние и представляют важный интерес для современной теории и практики архивной службы. Так, А. П. Пшеничный в своей диссертации⁸ цитирует ряд положений из выступления Максакова на II Всеукраинском съезде архивных работников 10 ноября 1931 г. Оратор отстаивал мнение «о тесной увязке работы канцелярий с архивной частью делопроизводства». Максаков утверждал, что «три звена — канцелярия, архивная часть делопроизводства и исторический архив — должны быть увязаны вместе». Эта мысль сформулирована в переломный период архивного строительства, когда перед архивными учреждениями возникла реальная перспектива комплектования государственных архивов документацией советских учреждений. До тех пор весь процесс комплектования не мог оказать какого-либо влияния на делопроизводство фондообразователей, ибо они, как правило, были сметены революционными преобразованиями. К началу 30-х годов, когда уже накопился делопроизводственный опыт советских учреждений и архивоведческий опыт комплектования архивов

⁵ Максаков В. В., Селезев М. С. О публикации документальных материалов в СССР // ВИ. 1953. № 2. С. 103.

⁶ Максаков В. В. Вопросы истории первой русской революции в Большой советской энциклопедии // ВИ. 1955. № 2. С. 123—130.

⁷ Например, фонд ЦАУ РСФСР и СССР, который детально изучен А. П. Пшеничным. См.: Пшеничный А. П. Центральное архивное управление СССР и РСФСР (1929—1938 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1985.

⁸ Здесь и далее я цитирую по рукописи названной диссертации А. П. Пшеничного. Выражаю благодарность автору за разрешение воспользоваться его материалами.

фондами дореволюционных учреждений, стало ясно, что принцип «недробности фонда», заимствованный советскими архивистами из предшествующего архивоведения, не только может, но и должен быть дополнен признаком качественности этого недробимого фонда, а она должна закладываться еще в делопроизводстве.

Это ныне само собой разумеющееся положение было для начала 30-х годов, безусловно, новаторским; оно, по сути дела, легло в основу кардинального методологического вопроса современной нам архивной службы. Фигурально можно сказать, что из этой мысли вырос Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

Неразрывная связь трех звеньев, названных Максаковым, предопределяла и активное вмешательство архивной теории в осмысление делопроизводственной практики советских учреждений, что в конечном итоге привело к становлению новой научной дисциплины — документоведения. Думаю, что только один этот пример достаточен для иллюстрации ценности вклада Максакова в теорию архивоведческого комплекса специальных исторических дисциплин. В данном случае со всей очевидностью выступает стремление Максакова направить усилия архивистов на участие в решении задач, выходящих за пределы своей специфической отрасли, — ведь проблемы научной организации делопроизводства и всей деятельности советского аппарата управления стояли тогда (как, впрочем, и в наши дни) в центре внимания партии. Эта целевая направленность и ощущается в стремлении Максакова в те же годы опережающими темпами вести выявление и использование архивной документации по сравнению с ее описанием. Как выяснил Пшеничный, на этой основе и возник спор между Максаковым и заведующим ЦАУ СССР и РСФСР Я. А. Берзиным. Максаков, обращаясь к архивным работникам, говорил: «...описывайте то, что сейчас нужно. То же нужно сказать и о разборке для описания: то, что нужно, а другое оставьте, но в разобранном виде»⁹. Этот спор в середине 30-х годов разрешился не в пользу Максакова, так как в его максимализме было много уязвимого, но дилемма актуальна и в наши дни, когда возможности одновременного выполнения и задач описания и задач использования значительно расширились.

К сожалению, исследователи наших дней не так редко встречаются в архивах с фактами неоперативного предоставления документов для использования под предлогом незавершенности описания. Даже в тех случаях, когда это не только перестраховка, а действительная причина задержки, вряд ли можно их считать нормальным явлением в такое время, когда ускорение стало девизом общественного развития. Таким образом, даже, казалось бы, потерявший свою актуальность давний спор Максакова — Берзина имеет объективную долговременную основу — и в этом тоже сказывается актуальность научно-организационного наследия Максакова, ибо проблема спора научно-практическая.

Профессор Максаков стоял у истоков советского историко-архивного образования — учреждение Историко-архивного института, не говоря уже о формировании ряда учебных дисциплин, не имеет аналогов в мировой практике. То обстоятельство, что Максаков, еще будучи заместителем заведующего ЦАУ СССР и РСФСР, начал преподавательскую работу, имело немаловажное значение для определения модели специалиста, которого собирался готовить институт: будет ли это архивариус с узкой, более эмпирической профессиональной подготовкой или историк-архивист, обладающий широкими гуманитарными знаниями наряду со специально-архивными. Весь опыт архивного строительства подсказывал Максакову выбор второй модели. Именно в этом плане и следует оценить отпочкование от общего архивоведения ряда дисциплин, и в первую очередь истории и организации архивного дела, курс которого начал разрабатывать и читать Максаков.

Защищая «архивный суверенитет», Максаков никогда не забывал о

⁹ Пшеничный А. П. Указ. соч. С. 100.

безусловной необходимости насытить историзмом все архивные предметы. Он всегда придерживался идеи паритета истории (в широком смысле этого слова) и архивоведения (также в широком смысле), не делая акцента на одном из двух членов определения «историк-архивист».

Эта позиция выдержала испытание временем: сегодняшнее поколение архивистов потому и в силах справиться со стоящими перед ним задачами, что оно готовилось по специальности историк-архивист. И в наши дни в условиях проникновения достижений научно-технической революции в делопроизводство и архивную службу никакие скоропалительные попытки техницизировать подготовку специалистов названных отраслей государственного управления не могут заменить фундамент подготовки именно историков-архивистов. Необходимо только, чтобы они овладели «компьютерной грамотностью» как прикладной дисциплиной к этому фундаменту. Данное наблюдение также вытекает из анализа педагогического наследия профессора Максакова.

Таково, на мой взгляд, актуальное значение творческого наследия заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора В. В. Максакова.

М. А. Пережогин

В. В. МАКСАКОВ И ПОДГОТОВКА ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

Первая встреча нашего курса МГИАИ с В. В. Максаковым состоялась в 1947 г. на лекции. Мы слышали о нем и знали, что в аудиторию должен войти уважаемый в институте профессор. Напряженное ожидание. Нас, студентов-фронтовиков, составлявших значительную часть послевоенного курса, не покидало чувство, как будто мы ждем не профессора, а генерала. Мы не разочаровались. В аудиторию уверенной, бодрой походкой вошел человек среднего роста, аккуратно одетый в коричневый в полоску костюм, белую сорочку с галстуком. Тепло поприветствовал студентов. Скромно представился. Изящным, на каждой лекции повторяющимся движением мизинца правой руки поправил спадающую прядь волос. Надел очки. Лекция началась.

Профессор В. В. Максаков был прекрасным лектором. Его лекции отвечали самым взыскательным требованиям. Они были тщательно продуманы. Создавалось впечатление, что каждой его лекции предшествовала большая творческая работа по отбору и систематизации того огромного материала, которым он владел.

В. В. Максаков был одним из авторов проекта создания единственного в мире Института архивоведения (позднее Историко-архивный институт, МГИАИ)¹. Со дня его открытия в 1931 г. стал преподавателем, затем старейшим профессором вуза. Заведовал сначала единой кафедрой архивоведения, а после ее разделения с 1938 по 1964 г., т. е. до конца своей жизни, — кафедрой истории и организации архивного дела. В. В. Максаков пришел в институт, имея богатый опыт практической и руководящей работы в области архивного дела. Он составил большинство курсов архивоведческих дисциплин в институте в 30-е годы. Читая курс «Истории и организации архивного дела в СССР» и ведя спецкурс «Организация архивов КПСС», он выступал не только как лектор, но и как непосредственный организатор архивного дела в СССР. Студенты слушали лекции по истории, тесно связанной с сегодняшним днем советского архивного строительства, которые читал непосредственный участник событий. Поэтому знали, что очень многое можно узнать и услышать только из уст Максакова. Он показывал сложности и трудности действительности, формулировал проблемы. Он заставлял думать, поддерживая с аудиторией постоянный живой контакт. Если он говорил об успехах архивного строительства, студенты радовались вместе с ним и сопереживали, когда сообщал об утрате ценных фондов и документов.

Свой специальный предмет он всегда излагал на фоне общей истории. Правильно сдозированные экскурсии в историю переносили студентов в атмосферу того времени, о котором говорилось на лекции. Он учил понимать, чувствовать поступь истории, видеть взаимосвязь явлений и событий, их прошлое, настоящее и будущее. Максаков отличался осторожным, продуманным и взвешенным подходом в оценке явлений и фактов. Но за этим всегда прослеживался партийный, классовый подход.

На запоминающихся лекциях Владимира Васильевича можно было проследить все приемы лекторского искусства и мастерства. Он свободно владел материалом, аудиторией, голосом. Умел любые вопросы и пробле-

¹ Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт, 1930—1980: Сб. документов и материалов. (Далее: Сб. документов). Пермь, 1984. С. 52 и др.

мы подать и донести увлеченно, просто, интересно. Вот почему его лекции слушались с огромным вниманием. Максаков остался в памяти как одаренный педагог не только нашего, но и других курсов. Закончившая институт еще в 30-е годы доцент Н. В. Бржостовская в своих воспоминаниях пишет: «...очень яркими фигурами остались в памяти ведущие преподаватели по специальным дисциплинам — В. В. Максаков, М. С. Вишневецкий, А. А. Покровский, А. Н. Сперанский. Все это были интересные, незаурядные люди с большим профессиональным опытом и глубокими знаниями»².

Максаков постоянно заботился о новом пополнении архивистов, уровне их общей и профессиональной подготовки. В специальности «историк-архивист» он в равной степени видел и историка и архивиста. Настоящий архивист, внушал он, не может быть только добросовестным хранителем документов, он должен владеть приемами поиска, анализа, умением определить место и значение документа. Архивист неотделим от исследователя-историка, от научного работника.

Владимир Васильевич очень многое делал, чтобы привить студентам вкус и интерес к исследовательской работе. Он был не только педагогом, ученым, но и организатором научной работы. В апреле 1948 г. научно-студенческие кружки МГИАИ были объединены в научно-студенческое общество. Первым научным руководителем совета НСО был избран профессор В. В. Максаков. С ним мне в качестве председателя НСО пришлось постоянно работать в эти годы. Максаков имел и собственный кружок по истории и организации архивного дела³, из которого выросла целая плеяда научных работников, педагогов.

У Владимира Васильевича была своя, максаканская, особенная школа научного руководства. Он обладал удивительной способностью привлекать студентов к исследованиям, зажечь перспективой поиска, возможного научного открытия. Даже среди студентов, которые после Великой Отечественной войны донанивали военную форму, мог разглядеть «архивного юношу», вселить в него уверенность в свои силы и возможности. К профессору Максакову тянулись студенты. Это была тяга к знаниям, к человеку, обладающему огромной эрудицией, тонким чутьем, доброй душой. Он был строгим научным руководителем. Хвалил и по достоинству оценивал хорошее, критиковал за плохое. Но делал это по-максаковски умно, тонко; поправлял, не нанося обиды; указывая на ошибку, промахи, не задевал достоинства автора. Его как научного руководителя отличала и тщательность рецензирования. Всегда проявляя исключительно бережное отношение к тексту автора, он замечал в нем все, до мелочей, до знаков препинания и опечаток. На полях можно было увидеть понятные только Максакову крохотные условные обозначения. Все остальное писалось на отдельных листочках, как правило, уже использованной бумаги (деталь, характеризующая старого опытного архивиста, умеющего ценить и беречь бумагу), которые вкладывались в текст работы. Изменения вносились в текст только с согласия автора. Никакой категоричности, никаких видимых отрицательных эмоций. Только убеждение, аргументы, факты.

Профессор Максаков был педагогом-наставником. Демократичен. Доступен. Никакого высокомерия, надменности. Он понимал, знал студента и уважал его. Студент чувствовал, что рядом с ним умный, образованный, интеллигентный, человечный, любящий свой предмет и свое дело преподаватель, при всей своей занятости не жалеющий времени для общения со студентами.

Вот почему имя Владимира Васильевича Максакова, коммуниста, педагога, ученого, одного из организаторов архивного дела в СССР, навсегда останется в памяти его учеников.

² Сб. документов. С. 77. См. также очерк о Максакове Ю. Ф. Кононова, много сил вложившего в подготовку посмертных изданий трудов своего учителя (История и организация архивного дела в СССР. М., 1969. С. 11—12).

³ Сб. документов. С. 168—169.

Ю. В. Андрушайтите

С. А. КЛЕПИКОВ —
ОСНОВАТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ
ПО ФИЛИГРАНОЛОГИИ

В научной исторической литературе не раз отмечалась актуальность вопроса о сводном библиографировании работ по специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам. Об этом заботился и основатель Археографической комиссии академик М. Н. Тихомиров¹. Одно из последних по времени обсуждений вопроса о необходимости издания сводных библиографических указателей по специальным историческим дисциплинам состоялось на заседании в рамках выставки «Использование материалов ГАФ СССР для дальнейшего развития советской культуры» на ВДНХ 10 мая 1984 г., где приходилось выступать и нам². Однако этот вопрос пока остается открытым, хотя все чаще и больше составляются прикнижные и пристатейные списки такого рода литературы, которая входит и в ряд исторических сводных ретроспективных библиографических указателей.

Отрядным является утверждение раздела Т2 «Источниковедение. Вспомогательные (специальные) исторические дисциплины» в Библиотечно-библиографической классификации и внедрение его в практику библиотек. Литература о водяных знаках (филигранях) в нем специально не выделяется, а входит в подраздел «Т223 Палеография» и в разделы «Ч611.53 История рукописной книги», «Ч611.63 История печатной книги» под типовым делением «33 Водяные знаки» (повторно отражается в соответствующих подразделах «Т3 История», «Ч611 Книга и книговедение», «Щ145.68 Книжная графика»)³.

В советской библиографической литературе до сих пор, кажется, не было специальных статей по вопросу библиографирования работ о водяных знаках. Это и понятно, так как специальные списки такой литературы начали систематически появляться только с 50-х годов, когда после долгого перерыва филиграноведение в нашей стране стало интенсивно развиваться и выделяться в самостоятельную дисциплину.

За рубежом подобные указатели как прикнижные, пристатейные, так и отдельные, составлялись давно, но сводной библиографии еще не было. Активизировалась работа также в 50-х годах, особенно с началом деятельности международного общества «The Paper Publications Society»⁴ в Нидерландах.

¹ Тамм И. Е. М. Н. Тихомиров и библиография // Сов. библиография. 1984. № 4. С. 64.

² Андрушайтите Ю. В. Развитие советского филиграноведения в 50-х — начале 80-х годов // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 161. Первый опыт сводной библиографии такого рода — «Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в.» (М., 1981).

³ Источниковедение. Вспомогательные (специальные) исторические дисциплины. Применение таблиц Библиотечно-библиографической классификации в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина: Методические рекомендации/Сост. А. Б. Ковельман. М., 1982. С. 5, 10, 15. Ротапр.

⁴ Labarre E. J. A Short Guide to Books on Watermarks. Hilversum: The Paper Publications Society, 1955; Select Bibliography of the Literature of Paper History and Watermarks published since 1907 // The New Briquet: Jub. ed. Amsterdam, 1968. Vol. I. P. *37 — *53. См. также: Works relating to Watermarks // Labarre E. J. Dictionary and Encyclopaedia of Paper and Paper-making with equivalents of the technical Terms in french, german, dutch, italian, spanish and swedish. 2nd. Amsterdam, 1952. P. XVIII—XIX; Weiner J., Mirkes K. Watermarking (bibliography). Appleton (Wisconsin). 1972; и др.

В изданном этим обществом сборнике «The Briquet Album»⁵ важное значение имели обзорные статьи с указателями литературы по истории бумаги и водяных знаков для периода бумажного производства до 1600 г. Эти статьи дополняли с точки зрения библиографии капитальный труд Ш. Брике 1907 г., охватывая литературу, не использованную им: Х. Аллбо — по Франции и Бельгии, Ф. Блазер — по Швейцарии, Э. Лабарр — по Великобритании, А. Шульте — по ряду других стран. Указатели включают работы с первой половины XVIII в. и до 1952 г., расположенные, как правило, в алфавитном порядке. Аннотаций нет.

Эти исследования позволили при подготовке юбилейного переиздания труда Брике 1968 г. составить «Избранную библиографию литературы по истории бумаги и водяных знаков, опубликованной с 1907 г.» Она объемлет 320 работ. Следует учитывать, что объект библиографирования в ней, как и в указанных статьях, — работы не только о водяных знаках, но и по истории бумаги и бумажных мельниц, т. е. шире, чем в филогранологии.

Филограноведение в нашей стране является одной из тех специальных исторических дисциплин, по которой в отмеченный период зарождается сводное библиографирование. До этого времени литература о водяных знаках регистрировалась в прикижных и пристатейных, а также специальных указателях, прежде всего по истории бумажного производства⁶, по истории рукописной и печатной книги, в сводных ретроспективных указателях литературы по истории СССР и отдельных республик. В некоторых республиканских сводных указателях филогранология (вместе с рядом других дисциплин) нашла отражение в специальном подразделе раздела «Вспомогательные исторические дисциплины»⁷.

Основателем советской библиографии по филогранологии явился известный в стране и за рубежом специалист по водяным знакам С. А. Клепиков⁸. Его собственные исследования по филогранам составили 49 работ, или более трети его печатных трудов⁹.

По подсчетам Клепикова, к началу 60-х годов XX в. с момента возникновения этой дисциплины, т. е. приблизительно за два с лишним века, было опубликовано «более 300 работ (книг и статей), из которых около 100 посвящены публикации воспроизведений крупных собраний и отдельных небольших групп филограней. За все время опубликовано до 50 000 знаков разных стран»¹⁰. Таким образом, к началу 60-х годов в мире около 100 справочников содержали до 50 000 водяных знаков.

Далее Клепиков отмечал ничтожность этой цифры знаков относительно общего количества филограней на бумаге. Это подтверждается и данными зарубежного бумаговеда Т. Герарди¹¹, опубликованными в то же

⁵ Monumenta Chartae Papiraceae Historiam Illustrantia. Hilversum, 1952. Vol. II.

⁶ Из дореволюционных изданий см., например: Мельников Н. П., Мельников П. Н. История, статистика, литература писчебумажного производства. СПб., 1906. С. 173—201. В советское время: Евгеньев Ф. К. Русская библиография бумажного дела (1800—1924). М., 1925. Из сводных ретроспективных указателей ценен в этом отношении справочник «История техники: Библиографический указатель». М., 1950—1985. Т. 1—13. Он содержит полный перечень отечественной литературы (на рус. яз.) за 1946—1975 гг. по истории бумажных фабрик.

⁷ См., например: Lietuvos TSR istorijos bibliografija. 1966—1970. Vilnius, 1980. P. 110—115. Подраздел IV. 3. «Филогрань, книговедение, палеография, полиграфия» (пер. составителей.— Ю. А.). В предыдущем выпуске (1969 г.) такого подраздела не было. Ср. аналогичные указатели по другим республикам.

⁸ Кукушкина М. В. Сократ Александрович Клепиков: (К 90-летию со дня рождения) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 209, 212.

⁹ Амосов А. А. Новый справочник по филограноведению // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 306.

¹⁰ Клепиков С. А. Проблема филогранологических публикаций // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 323. См. также: СА. 1963. № 6. С. 51.

¹¹ Gerardy T. Die Zahl der bis 1600 entstandenen Wasserzeichen // IPH Information. Mainz. Jg. 2. 1963. N 3. S. 41—42. Сведения приведены по статье А. А. Амосова «Проблема точности филогранологических наблюдений. 1. Терминология» // (Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 73. Сноска 10).

время. Он подсчитал, что общее количество знаков, отразившихся в европейской бумаге с начала ее производства до 1600 г., должно быть около 150 тыс. Примерно столько же должно остаться на бумаге XVII в. и еще больше — на бумаге XVIII в. (до введения машинного производства бумаги). В справочниках же опубликовано всего около 20% филиграней XIII—XVI вв., около 10% филиграней XVII в. и еще меньший процент знаков последующего периода.

Конечно, за два с лишним десятилетия, прошедших с момента появления этих данных, число изданных воспроизведений филиграней в мире значительно увеличилось (по крайней мере, на десятки тысяч). Поскольку ныне производство водяных знаков ручным способом (да и машинным) крайне незначительно, указанный разрыв между произведенными и опубликованными знаками хотя и продолжает сохраняться, но постепенно уменьшается по мере роста публикаций филиграней.

Указанная Клепиковым цифра публикаций справочников филиграней, изданных в разных странах, варьируется в его работах в пределах от 100 до 150. В первой своей статье в этой области «Филиграния и штемпели бумаг русского производства XVIII—XX вв.» он писал: «Мировая литература по изучению филиграней обширна, но число основных работ может быть сведено к одиннадцати»¹². Далее были перечислены справочники И. П. Лаптева, К. Я. Тромонина, Н. П. Лихачева, П. А. Картавова, Н. А. Резцова, И. Каманина и О. Витвицкой, Ш. Брикке, Е. Миду и А. Маттона, В. Черчилля. Мы видим преобладание отечественных имен, ряд фамилий известных иностранных филиграноведов (например, Г. Жансена, А. Николаи и др.), которые впоследствии постоянно фигурируют в его работах, здесь еще не названы. Во введении к первому капитальному труду по филиграням 1959 г. Клепиков называет более 100 отдельных работ и статей, посвященных знакам, видимым на бумаге (филиграням)¹³. В 1963 г. он писал: «В наше время... литература по филиграням насчитывает около 150 работ»¹⁴.

Из таких количественных данных исходил Клепиков, осуществляя библиографирование работ в указанной области.

Начиная с конца 50-х годов и до 1968 г. Клепиков периодически составлял и издавал библиографические списки филиграноведческих работ и справочников. Но информации, рецензии об отдельных изданиях с их аннотациями им помещались в журналах и позднее¹⁵. В целом он осуществил в этой области следующие виды библиографирования: 1) сводный ретроспективный библиографический список прикнижный; 2) сводный список отдельный; 3) список текущей литературы; 4) библиографический обзор работ; 5) рефераты отдельных работ; 6) рецензии; 7) обширные перечни в сносках статей и книг по филиграням (типичным примером в этом отношении является его статья «Филигранология на службе архивиста» (СА. 1967. № 3).

Первый сводный и самый крупный ретроспективный список работ по филигранологии был опубликован Клепиковым в вышеуказанной книге 1959 г. (см. сноску 13), где он составил специальный раздел «Библиография»¹⁶. Клепиков называл его «библиографической справкой», на ко-

¹² ЗОР ГБЛ. М., 1952. Вып. 13. С. 57.

¹³ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959. С. 5.

¹⁴ Указатели к работе К. Я. Тромонина «Изыяснения знаков, видимых в писчей бумаге». М., 1844: (В помощь архивистам и музейным работникам). ОР ГБЛ, 1963. Вместо предисл. С. 3. Ротапр.

¹⁵ Например: С. К[лепиков] // СА. 1970. № 4. С. 116; *Он же*. Новое издание по филигранологии // СА. 1971. № 6. С. 110; *Он же*. Новое издание по филигранологии // СА. 1973. № 6. С. 109; *Он же*. История бумаги и филиграней на Украине // СА. 1974. № 6. С. 112—113.

¹⁶ Ценность списка отметили рецензенты книги: Павлов-Сильванский В. Б., Рогов А. И. Исследование в области отечественной филигранологии // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 394. См. также: Кукушкина М. В. Советская палеография // ВИД. JL, 1968. Сб. 1. С. 90, 91; Хлебников Л. М. Работы советских ученых о филигранях и штемпелях русских фабрик // ИА. 1961. С. 252; и др.

тору постоянно опирался в тексте, т. е. тесно связывал с самим исследованием. Сам автор считал его «основной библиографией по этому вопросу»¹⁷ и, как показывает объем и содержание списка, вполне справедливо.

Список включает 129 отечественных и зарубежных работ¹⁸ (еще две работы даны в примечании) за период с 1787 по 1959 г. Источником 42 зарубежных работ для него явился, как отметил Клепиков в примечании, голландский 1955 г. «Краткий путеводитель книг о водяных знаках». Остальные книги и статьи просмотрены *de visu*.

Иностранные издания специалистов из разных стран в списке преобладают — их 115 на 12 европейских языках (английском, французском, немецком, итальянском, голландском, датском, шведском, испанском, болгарском, польском, чешском, сербском); отечественных — 14 (на русском и украинском).

Указанную «Библиографию» Клепиков построил по следующим группам литературы о водяных знаках: А) сводные работы; Б) визуальные описания филиграней на бумаге архивных и книжных собраний; В) исследования о филигранях определенных бумажных мельниц; Г) разные исследования о филигранях (не носящие справочного характера). Такой структуры он в основном придерживался и в следующем списке, 1963 г. Внутри разделов «Библиографии» записи расположены в порядке смешанного латинско-русского алфавита. К «Библиографии» приложен «Хронологический указатель работ по филиграням», позволяющий быстро определить период охвата работ.

О принципах составления списка можно узнать, изучая структуру и содержание «Библиографии» и привлекая отдельные замечания из других работ С. А. Клепикова.

Как уже отмечалось, еще в дореволюционных работах по истории бумаги и бумажного производства, в палеографических и книговедческих исследованиях содержались в прикнижных, пристатейных и других библиографических списках работы о водяных знаках. Заслуга Клепикова состояла в том, что он выделил последние в самостоятельный объект библиографирования, различая среди них две крупные группы: работы по филигранологии (исторические, теоретические, методические) и работы по филигранографии (описание и публикация филиграней). Первый термин выполняет роль и объединяющего, обобщающего понятия, если речь идет о разных исследованиях по этой дисциплине. В таком смысле этим термином пользуемся и мы.

Поскольку изучение водяных знаков до последнего времени, с одной стороны, входило в палеографию, а с другой — тесно связано с бумаговедением¹⁹, выделение объекта библиографии филигранологии представляет серьезные трудности. В него, безусловно, входят все публикации водяных знаков и работы с их описанием, а также исследования по истории отдельных мельниц или фабрик, содержащие сведения о производимых ими филигранях.

Как показывает структура «Библиографии» и последующих списков, Клепиков при отборе работ первостепенное внимание уделял справочникам филиграней (т. е. филигранографии). Отдельные замечания Клепикова, имеющиеся в дополнениях к первому сводному библиографическому списку, подтверждают наши наблюдения о его принципах библиографирования рассматриваемой литературы. Так, в дополнении,

¹⁷ Клепиков С. А. Новые работы по филигранологии и филигранографии // ЗОР ГБЛ. 1963. Вып. 26. С. 486, сн. 1.

¹⁸ Авторы указанной рецензии назвали 124 работы (122 в списке и 2 в примечании к нему), но они не учли 7 дополнений, обозначенных номерами с буквой «А». Надо отметить, что в № 64 составитель раскрыл, кроме основной, и другие статьи издания, что фактически еще увеличивает число записей.

¹⁹ В упомянутой книге 1959 г. (С. 5) Клепиков писал о филигранологии: «Особого развития изучение этого раздела бумаговедения достигает в XX в.» (Выделено мной. — Ю. А.).

опубликованном в 1963 г., имеется примечание: «Не включены книги и статьи по истории бумажного производства, не затрагивающие вопроса о водяных знаках»²⁰. Это принципиальное положение, безусловно, лежит в основе отбора позиций для «Библиографии» и списка 1963 г., о чем свидетельствует и содержание включенных в них работ. Однако возникает вопрос. При изучении водяных знаков филиграноведам необходимы данные о владельцах предприятий, о переходе их от одного к другому, об арендаторах, мастерах и т. п., данные, содержащиеся в очерках по истории этих предприятий. Такие работы, казалось бы, тоже нужно включать в филиграноведческие списки. Опасность заключается в том, что их включение неимоверно расширит объем списков и приведет к неоправданному дублированию с указателями бумаговедческой литературы и литературы по истории техники.

Другое положение Клепикова, содержащееся в том же примечании, гласит: «Не включены также отдельные статьи в специальной зарубежной прессе. Это тема особой большой работы». Действительно, как в «Библиографии» (№ 21, 24–26, 66 и др.), так и в дополнении к ней 1963 г. (№ 15, 22, 24) имеются лишь немногие статьи из зарубежных научных и библиографических журналов и ежегодников. Но специальные журналы по бумаге и бумажному производству, в том числе «*Papiergeschichte*» (выходил с 1951 по 1973 г. как постоянное приложение к журналу «*Papier*», издаваемому в Майнце Центром исследования истории бумаги — *Forschungsstelle Papiergeschichte*) и «*IPN Information*» — бюллетень Международного общества историков бумаги (IPN) (издаваемый с 1962 г.), в них не отражены. Видимо, Клепиков, не имея полных данных о ряде зарубежных статей, не спешил включать эти статьи в очередной список и даже, как свидетельствует приведенная цитата, собирался посвятить отдельную работу иностранной периодике по вопросам бумаги и филиграней. К сожалению, столь нужное исследование не было осуществлено.

Как показывает состав списков, Клепиков настроен был включать библиографические указатели литературы по филиграмм, рецензии, но эта установка не была им последовательно проведена, точнее, только начала осуществляться.

Если относительно отбора бумаговедческих работ мы приводили замечание Клепикова, то на вопрос, где установить границу в отборе палеографических и книговедческих исследований, ни работы ученого, ни составленные им библиографические указатели ясного ответа не дают. По-видимому, вопрос об объекте и предмете библиографии по филигранологии требует дальнейшего изучения и обсуждения как филиграноведами, так и библиографами.

С. А. Клепиков стремился к максимальной полноте охвата литературы, прежде всего филигранографической. В «Библиографии» мы найдем почти все отечественные (дореволюционные и советские) книги и статьи по данной отрасли до начала 60-х годов, а также все основные иностранные справочники и некоторые важнейшие статьи. Конечно, ряд работ, особенно иностранных, а также на национальных языках народов нашей страны, оказались пропущенными в этом основном библиографическом своде. Автор, получив о них данные, включает их описание в позднейшие библиографические списки и обзоры 1961, 1963 гг.

Не вошли в указатель 1959 г. и его продолжение, например, работы Мельниковых, некоторые работы Н. А. Резцова, статья П. Г. Богатырева «Новые работы по филигранологии» (ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14) и др.

Вопрос о начальной дате включенных в «Библиографию» изданий связан не только с наличием у ее составителя необходимых сведений, но и с установлением периода появления изучаемой дисциплины, который в научной литературе точно не определен. Все специалисты считают

²⁰ Клепиков С. А. Новые работы по филигранологии и филигранографии. С. 486, примеч. 1.

временем зарождения филигранологии XVIII век²¹, но внутри века эта хронологическая граница определялась по-разному.

Самая ранняя работа в «Библиографии» — 1787 г. (№ 48, Fenn J.). В специальной литературе назывались и более ранние издания — первой половины XVIII в., в частности в статье В. Мошина²² перечисляются зарубежные работы 1737—1777 гг. Клепиков знал о них и выражал сожаление, что Мошин не привел точных названий²³; поэтому он не мог их включить в «Библиографию». Очевидно, отсутствие этих данных заставило Клепикова принять за ранние известные работы конца XVIII в. О традиции начинать историю изучения водяных знаков со статьи 1777 г. (Murr. Versuch einer Nürnbergischen Handwerks-geschichte) писал в упомянутой статье и Мошин.

В той же книге 1959 г., где помещен первый сводный библиографический список, в историческом очерке Клепиков, как и в большинстве других своих работ, относил появление филигранологии к первой половине XVIII в. И лишь в обзоре 1961 г. — к концу XVIII в.²⁴ Окончательной следует считать его точку зрения относительно первой половины XVIII в. Об этом свидетельствуют большинство его высказываний, в том числе более поздних²⁵, и продолжение «Библиографии». Получив от Д. С. Симмонса точное название одной из самых ранних (1737 г.) известных работ о филигранях²⁶, Клепиков включил ее в список 1963 г. под № 9.

После «Библиографии» Клепиков пишет ценный библиографический обзор «Новые работы в области филигранологии». В нем перечисляются основные труды, создавшие фундамент изучения, методику описания и использования водяных знаков. Среди них — работы Г. Жансена, К. Тромонина²⁷, Н. П. Лихачева, Ш. Брике и др. Охарактеризованы черты филигранологии до начала XX в. и отмечено появление «нового течения в области изучения филиграней, получившего особенно сильное развитие в наши дни»²⁸. Особенностью работ сторонников этого течения является изучение водяных знаков в связи с историей производивших их фабрик (с фамилиями владельцев фабрик, мастеров, купцов-посредников). Среди работ конца XIX — начала XX в. к новому течению Клепиков относил лишь немногие (П. Хейца, Л. Винера, Н. А. Резцова), затем некоторые иностранные работы 30-х годов.

Особое внимание автор сосредоточил на характеристике литературы

²¹ В России первой работой, в которой водяные знаки используются при датировке рукописей и указана их важная роль в этом процессе, палеографы считают исследование А. Н. Оленина 1806 г. (См.: Жуковская Л. П. Развитие славянской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963. С. 24); первой специально посвященной водяным знакам работой был «Опыт в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи» И. П. Лаптева (СПб., 1824).

²² Mošin V. Filigranologija kao pomoćna historijska nauka // Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1954. Vol. 1. P. 25—94. Подробное изложение работы см. в упомянутой статье Богатырева «Новые работы по филигранологии». Богатырев предложил перевести ее на русский язык полностью. Очень жаль, что столь ценная статья, содержащая обширную библиографическую информацию, не была переведена.

²³ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. С. 5.

²⁴ Клепиков С. А. Новые работы в области филигранологии // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. IX. С. 433. О. Я. Мацюк, например, говоря о времени появления филигранологии, называет XVIII век. См.: Мацюк О. Я. Вклад ученых Прибалтийских республик в развитие филигранологии // Материалы Межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР: Историография. Вильнюс, 1973. С. 68.

²⁵ Клепиков С. А. Проблема филигранологических публикаций. С. 323; Он же. Филигранология на службе архивиста // СА. 1967. № 3. С. 50—51.

²⁶ Клепиков С. А. Новые работы по филигранологии и филигранографии. № 9. Сноска 2.

²⁷ Несколько позже в предисловии к упомянутой брошюре «Указатели к работе К. Я. Тромонина...» он написал, что этот труд 1844 г. явился «первой сводной справочной работой по филиграням» (с. 2), а работы Г. Жансена и И. П. Лаптева не относил к изданиям справочного характера.

²⁸ Клепиков С. А. Новые работы в области филигранологии. С. 434.

50-х годов, когда наблюдается бурное развитие филиграноведения и за рубежом, и у нас в стране. Анализируя работы советских филиграноведов (С. А. Клепикова, М. В. Кукушкиной, З. В. Участкиной), он отмечает специфику методики каждого исследователя. Но общей их чертой является исторический подход к вопросу в связи с изучением истории предприятий.

Обращаясь к зарубежной филигранологии, Клепиков перечисляет и положительно оценивает издания международного общества «The Paper Publications Society» с 1950 г. (они вошли в его «Библиографию»). При этом особо обращает внимание на работы В. Чудина и Х. Форна — представителей указанного нового течения. Кроме этого, охарактеризованы работы болгарского ученого В. Николаева (1954 г.) и уже упомянувшегося югославского ученого В. Мошина (1957 г.) (также вошедшие в «Библиографию»).

В конце обзора описаны книги, готовившиеся к изданию в СССР и за рубежом. Впоследствии такой раздел будет введен Клепиковым в библиографический список. Заключает обзор вывод о необходимости создания национальных филигранографий и монографического изучения наиболее типичных водяных знаков. Обзор снабжен подробными библиографическими ссылками в подстрочнике, все работы из которых (кроме предполагаемых к выпуску) фигурируют в «Библиографии». Так что он как бы дополняет и раскрывает «Библиографию».

В 1963 г. вышло продолжение «Библиографии» (см. сноску 17) в виде самостоятельного указателя. Он состоит из трех разделов: 1) сводные визуальные описания филиграней на бумаге рукописных и печатных документов; 2) разные исследования о филигранях, не имеющие справочного характера; 3) работы печатающиеся, подготовленные и готовящиеся к печати. Каждый из разделов был поделен на две группы изданий: «А. В СССР» и «Б. За рубежом».

Как мы видим, первые два раздела по сути (а второй и по форме) повторяют названия разделов «Библиографии»; новым был третий раздел. Всего в них описано в алфавитном порядке 30 вышедших работ и 7 анонсируемых. Из 30 работ 19 — за 1959—1963 гг.; остальные 11 относятся к числу изданий, не вошедших по тем или иным причинам в «Библиографию». Среди них одна из ранних работ по филиграням — Дж. Левиса (1737 г.), работы Х. Форна и В. Чудина (из примечания к «Библиографии») и другие исследования.

Из новых советских работ впервые, кроме русских и украинских, указаны статьи на других национальных языках нашей страны — латышском и литовском.

Относительно полноты этого списка. В нем зафиксированы все отдельные издания, но, конечно, нет всей литературы по филиграням, вышедшей в 1959—1963 гг., хотя бы потому, что он сам появился в 1963 г. Об этом же свидетельствует Примечание 1: не включены «отдельные статьи в специальной зарубежной прессе». По непонятным причинам отсутствует ряд статей из советских изданий, в том числе разобранный выше обзор Клепикова (1961 г.) и упомянутая статья П. Г. Богатырева (1958 г.). Эти две работы носят библиографическо-историографический характер, их место во втором разделе указателя, где мы находим, в частности, рецензию А. А. Гераклитова (№ 16). Видимо, Клепиков не собирався библиографировать такого рода работы, что представляется неправильным. Если он начал включать рецензии (которых в «Библиографии» 1959 г. еще не было), то названные работы тем более имеют на это право.

Не все статьи вошли в этот список и за ранний период. Например, включена лишь одна статья А. Василюскаса (№ 21, 1937 г., на лит. яз.), но упущена его статья «Vytauto Didžiojo diplomatika»²⁹, содержащая воспроизведения водяных знаков, и т. д.

²⁹ Senovė. Kaunas, 1938. Т. 4. Р. 135—172.

Примечание 1 к этому указателю не во всем понятно по части хронологического охвата литературы. В нем написано, что включены новые работы 1959—1960 гг., на самом же деле — и работы за 1961—1963 гг. Большинство — 12 из 19 — новых работ относится к 1959—1960 гг., 7 — к 1961—1963 гг.

Следует отметить, что из 19 новых работ списка 2/3 принадлежит советским авторам. В этом указателе Клепиков придерживается тех же основных принципов отбора литературы, несколько расширяя его пределы за счет таких видов литературы, как рецензии, руководства по датировке рукописей на основании водяных знаков, информации о работе над сводом венгерских филиграней, научно-популярная книга (для детей).

Последний текущий библиографический список³⁰ содержит только справочные издания. Их всего шесть за 1965—1968 гг. Это крупнейшие отечественные (Э. Т. Лауцявичюса, 1967 г., и Tromonin's Watermarks Album, 1965 г.) и иностранные издания такого рода за отмеченный период. Они расположены хронологически.

«Библиография», как и ее продолжения, представляет собой аннотированные указатели. Обязательным элементом аннотаций справочников является упоминание числа описанных или опубликованных филиграней, штемпелей и упаковочных этикеток с указанием хронологического периода. Кроме того, отмечаются характер описания и публикации филиграней, наличие предисловия (или исторического очерка), указателей, списков литературы, документов и другие данные. Так, описывая известную работу К. Тромонина («Библиография», № 9), Клепиков вводит сведения о приобретении С. Масловым рукописи Тромонина с неоконченными указателями к работе. К целому ряду статей и отписок в «Библиографии» даны сведения о включении их в другие издания (см. № 17, 53, 101 и др.) или о повторном издании работы, ее переводе (№ 27, *37, 48, 93 и др.) и т. д.

Во многих аннотациях автор не ограничивается пересказом содержания работы (или ее части, касающейся филиграней), а присовокупляет и свою оценку специалиста, порой довольно подробную и критическую (№ 19, 82, 87, 90 и др.). А по поводу статьи З. В. Участкиной (№ 47 А) Клепиков в конце «Библиографии» изложил свои замечания. Строго говоря, нарушены каноны аннотации, но эти замечания, дающие дополнительную аналитическую информацию, чрезвычайно ценны для филиграноведов.

Таков же характер аннотаций в последующих библиографических списках. В списке, изданном в 1963 г. (см. сноску 17), оценочные элементы содержат № 8, 10, 12 и др. Особо надо отметить № 12, под которым описан труд З. В. Участкиной «A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks» (Hilversum, 1962). Здесь аннотация превращается в реферат работы с замечаниями Клепикова. Это очень важно для специалистов, поскольку данное капитальное исследование (свыше 700 с.) издано только на английском языке и не получило филиграноведческой рецензии на русском языке.

В последней библиографической справке, 1968 г., оценочные замечания имеются в четырех аннотациях из шести. Особенно они важны относительно работ Г. Пиккара и юбилейного издания справочника Ш. Брике.

В аннотациях всех списков, как правило, фиксируется наличие в описываемой работе библиографических указателей и обзоров литературы по водяным знакам (см.: «Библиография», № 1, 8, 101, 106, 111, 117, 120. В списке 1963 г. см. № 1, 11; в списке 1968 г. — № 6). Не отмечены специальный указатель работ о филигранях в энциклопедии Э. Лабарра (с. XVIII), указатели литературы о бумаге и водяных знаках в издании «The Briquet Album» («Библиография», № 18, 112); и др.

Многие аннотации носят аналитический характер, если данное изда-

³⁰ С. К. Новые издания по филигранологии: (Библиографическая справка) // СА. 1968. № 6. С. 115.

ние относится к другой области, но содержит описание или воспроизведение водяных знаков (например, в «Библиографии» № 22, 38, 55 и др.; в списке 1963 г. — № 7, 9, 27).

Отсутствуют аннотации лишь к 11 работам в «Библиографии», которые взяты Клепиковым из голландского указателя и не имели в нем аннотаций, а также к работе М. В. Кукушкиной (№ 37А), дополнительно включенной в список. В библиографическом списке 1963 г. нет аннотаций к трем работам на русском языке (№ 2, 16, 17); причем одна из них принадлежит Клепикову и опубликована в том же издании, где и список; вторая — рецензия, третья — статья А. А. Горбуновой «К вопросу об одном знаке, не зафиксированном в русских сборниках филиграней».

Во всех рассмотренных списках качество описания работ точное, полное. В этом виден опытный библиограф, не раз публиковавший результаты своих изысканий, исследователь, пристально и много лет изучавший рукописи и книги в самых различных аспектах. Набор элементов описания, кроме заголовка, включает, как правило, данные о формате книги, количестве страниц, иллюстрациях, тираже, о типографском издании работы, а подчас еще другие сведения.

Отметим и некоторые недостатки в описаниях и аннотациях. В описаниях ряда работ, которых нет в библиотеках страны, по вполне понятным причинам отсутствуют отдельные элементы. В описаниях работ на других языках имеются отдельные неточности в названиях и выходных данных. В то время как все издания описаны на языке оригинала, некоторые даны по-русски (например, в списке 1963 г. предполагаемые к выходу литовские работы Э. Т. Лауцявичюса).

Досадные погрешности в тексте аннотаций. Например, при характеристике работы Э. Лабарра «Dictionary and Encyclopaedia of Paper and Paper-making» («Библиография», № 112) не только дан вольный перевод ее названия («Энциклопедия бумажного дела»), но указано, что в первом издании 1937 г. «отсутствует статья о филигранях». В действительности статья «Watermark» была и в первом издании, но только очень краткой и без таблиц водяных знаков. Имеются неточности в аннотациях работ самого Клепикова. Так, аннотируя свою первую работу 1952 г. («Библиография», № 36), он указывает на 32 воспроизведения водяных знаков, в действительности — 36 номеров. В списке 1963 г., характеризуя свою книгу 1959 г., он отмечает 217 воспроизведенных филиграней. В книге они не пронумерованы. При подсчете оказалось 222 рисунка (в литературе называется цифра около 220). Из описанных филиграней здесь же названы 881 русская и 562 иностранных. Эти цифры меньше всей суммы (1444) описаний, названной в предисловии книги 1959 г. Фактически в ней описано 883 русских и 565 иностранных филиграней. К сожалению, эти неточности перекочевали в научную литературу.

В целом в трех библиографических списках по филигранологии, составленных С. А. Клепиковым по 1968 г., имеется 135 работ, а если учесть включенные в последний список работы, подготовленные к печати, то 142. Сопоставив эту цифру с данными о количестве печатных работ в этой области конца 50-х — начала 60-х годов XX в. (приведенными в начале статьи), мы увидим, что на указанный период она охватывает все справочники филиграней и основные работы, не имеющие справочного характера.

Таким образом, рассмотренные работы Клепикова являются основой для развития сводного библиографирования в области филигранологии в нашей стране. Наибольшим охватом работ в указанной области на тот период отличалась картотека Центра исследования истории бумаги (Майнц), которая вначале 50-х годов содержала более 3 тыс. названий³¹. По библиографическим спискам, публиковавшимся сотрудниками этого центра, в частности в журнале «Papiergeschichte», можно предположить,

³¹ Mošin V. Op. cit. 33; Papiergeschichte. 1951. Н. 1. S. 9.

что в этой картотеке фиксировались всевозможные работы в мире, в которых имеются какие-либо упоминания филиграней или сведения по истории бумаги и бумажных фабрик. В то же время отмеченные специальные иностранные библиографические указатели по истории бумажного дела и филигранологии 50-х — 60-х годов по числу позиций в целом не превышают 320 работ, а по справочникам — 100—150 работ³².

После 1968 г. издание библиографических списков по филигранологии Клепиковым прекратилось. Видимо, работа над своим основным трудом по филигранам (выпущенным посмертно в 1978 г.) и преклонный возраст (во время подготовки последнего списка Клепикову шел уже восьмой десяток) не позволили ему осуществлять систематическое библиографирование.

Задача советских филиграноведов — продолжить дело, начатое Клепиковым, и довести его до издания отдельного сводного библиографического указателя. Прежде всего необходимо учесть собственные исследования Клепикова, большинство которых вышло в свет в 60-х — 70-х годах и, следовательно, незначительно отразилось в рассмотренных списках; затем включить все работы нового поколения советских филиграноведов, а также важнейшие справочники зарубежных исследователей.

Безусловно, при этом следует исходить из заложенных Клепиковым традиций в отборе и описании литературы. Но с учетом более широкого круга вопросов, исследуемых современными филиграноведами, палеографами, кодикологами, естественно, придется расширить раздел изданий, не имеющих справочного характера. Необходимо полнее учесть труды теоретического и методического характера, рецензии на работы филиграноведов, историографические работы, документы, библиографические списки и обзоры. Актуально научное обоснование принципов отбора литературы. Особого внимания требует вопрос об учете статей специальной периодики.

То, что наиболее полный подбор справочников и исследовательской литературы по филигранологии после приобретения библиотеки и архива С. А. Клепикова имеет отдел рукописной и редкой книги БАН СССР, в котором работают известные филиграноведы, вселяет надежду, что этот отдел мог бы возглавить дело составления сводного библиографического указателя.

Надежное библиографическое обеспечение будет способствовать развитию советского филиграноведения.

---

³² Крупнейшая из более поздних библиографий дана в книге: *Flodr M. Filigranologie. Uvod do studia filigranü.* Brno, 1974. S. 160—196.

Е. Н. Городецкий, Л. М. Зак

АКАДЕМИК И. И. МИНЦ КАК АРХЕОГРАФ

(К 90-летию со дня рождения)¹

Современная советская историческая наука органически сочетает в себе теорию исторического процесса, конкретно-исторический аспект исследования с историографическим, источниковедческим и археографическим аспектами.

Творчество академика Исаака Израилевича Минца является блестящим образцом такого единства. Автор фундаментальных исследований по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР, он с самого начала своей деятельности выступил как публикатор источников по отечественной истории. Участие в работе по подготовке 2—3-го изданий Сочинений В. И. Ленина позволило поднять на новый уровень источниковедческие и археографические изыскания И. И. Минца.

Еще в 20-е годы изучение комплекса источников по неразработанной проблеме английской интервенции на Севере не только потребовало поисков документов в архивах Москвы и Ленинграда, но и привело к формированию из разрозненных по разным местам материалов (особенно в Архангельске) фонда белогвардейского Временного правительства Северной области. Работая над этими материалами, он опубликовал большие группы источников по теме исследования: «Англичане на Севере 1918—1919 гг.» (КА.1926.№6/19); «Внешняя политика контрреволюционных правительств (Из документов парижского посольства)» (КА.1929. № 6/37).

И. И. Минц не торопился с изданием монографии. После первой документальной публикации пройдет почти пять лет, когда появится его исследование «Английская интервенция и северная контрреволюция» (М.; Л., 1931) — одно из первых по послеоктябрьской отечественной истории. Оно явилось показателем зрелости молодого автора как историка. Частную тему — историю интервенции на одном из участков антисоветского фронта — автор решал как проблему всей истории интервенции, раскрывая ее причины, реальные цели и способы их достижения. Углубленное изучение мемуаров организаторов интервенции также не остается без археографических результатов. Появляются в русском переводе мемуары В. Черчилля и В. Грэвса с обширными предисловиями Минца исторического и источниковедческого характера².

Естественно, что именно И. И. Минцу было поручено возглавить научный коллектив, созданный в 1931 г. для реализации решения ЦК ВКП(б), принятого по инициативе А. М. Горького, о подготовке и издании многотомной «Истории гражданской войны в СССР». Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР» (далее: ИГВ), научный аппарат и издательство при нем — это было, по существу, первое в отечественной науке, да и не только в отечественной, учреждение, в котором были объединены силы историков, археографов, архивистов, литераторов, художников, публицистов, краеведов, полиграфистов. Обь-

¹ Основные вехи биографии и список трудов Минца см. в кн.: Исторический опыт Великого Октября: К 80-летию лауреата Ленинской премии академика И. И. Минца. М., 1975. С. 1—17, 66—99.

² Черчилль В. Мировой кризис/Предисл. И. И. Минца. М.; Л., 1932; Минц И. И. Соединенные штаты Северной Америки в интервенции: Вступ. статья в кн.: Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932.

единение этих сил имело своей целью не только создание крупного коллективного труда, доступного самому широкому читателю, но и соби­рание, хранение и публикацию источников по истории революции и граж­данской войны как документального, так и мемуарного характера³.

При Секретариате Главной редакции был создан Научный кабинет. В нем сосредоточилась огромная работа по библиографированию совет­ской и зарубежной литературы, в том числе белогвардейской и эмигрант­ской. Расписывались советские и зарубежные периодические издания. Сотрудники кабинета изучили более 70 названий иностранных журналов за 1917–1920 гг., тщательно учли публикации по этой тематике в круп­ных газетах США, Англии, Франции. Широким фронтом развернулась работа по выявлению архивных документов. В центральных и местных архивах составлялись картотеки материалов по истории Октябрьской ре­волюции и гражданской войны, учитывались документы Реввоенсовета Республики, фронтов, армий, дивизий, полков, а также фондов Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. «Трудно переоценить значение этих дан­ных,— писал Минц.— До сих пор их использовали неорганизованно, вы­дергивали отдельные документы»⁴.

Картотека архивных документов в Научном кабинете ИГВ к 1937 г. насчитывала более 100 тыс. названий архивных дел и коллекций. Библиография литературы и опубликованных источников включала более 10 тыс. названий.

Характер всей работы научного коллектива ИГВ можно определить формулой: целенаправленное соби­рание и хранение источников, научная их обработка и публикация, подготовка к изданию исследований и исто­рико-литературных сборников по Октябрьской революции и гражданской войне. Здесь проявилась традиция преемственности деятельности Ист­партов, а еще ранее — работы дореволюционного архива и библиотеки ЦК РСДРП(б). Однако было и новаторство. Работа в 30–40-х годах про­ходила в условиях развития широкого общественного движения, импульс которому был дан публикацией плана издания ИГВ, утвержденного ЦК ВКП(б), и призыва А. М. Горького к участникам великих револю­ционных событий внести свой вклад в создание их истории.

В 1935 г. И. И. Минц выступил с докладом на II пленуме правления Союза советских писателей о подготовке «Истории гражданской войны». Сам факт постановки такого доклада на этом Пленуме свидетельствовал об интересе советской общественности к работе по истории гражданской войны. Минц нарисовал впечатляющую картину деятельности научного коллектива, историков, библиографов, а главное — самих участников ве­ликих событий. На последнем он остановился особенно подробно. «Есть... данные, которые не сохраняются ни в каких документах,— подчеркивал он.— Это те материалы, которые передают запах эпохи, ее быт, мелкие повседневные житейские интересы тех героев, жизнь которых мы будем описывать. Это отражается в воспоминаниях и рукописях активных уча­стников гражданской войны»⁵. Таких рукописей, полученных «самотеком» только в 1935 г., было около 3 тыс. Одновременно проводилось це­ленаправленное соби­рание мемуаров, стенографирование бесед с активны­ми участниками событий. Так, были записаны рассказы Эйно Рахья, Г. И. Благодрава, С. Я. Алилуева, М. В. Фофановой, П. Е. Дыбенко, А. Ф. Ильина-Женевского, Б. З. Шумяцкого, А. В. Шотмана и др.

Публикация документальных и мемуарных источников по инициативе и под руководством И. И. Минца оставила значительный след в истории науки и в идеологической деятельности партии. Не случайно особенно

³ См.: История советской археографии: Учеб. пособие. Вып. III. Археография в пред­военные годы (середина 1930-х — июнь 1941 г.). М., 1967. С. 24–26.

⁴ Минц И. О работе над историей гражданской войны // Альманах «Год двадцатый». М., 1937. С. 51.

⁵ Минц И. История гражданской войны: Доклад на II пленуме правления Союза со­ветских писателей // Знамя. 1935. № 4. С. 200.

АКАДЕМИК И. И. МИНИЦ

активная работа в этой области приходится на 30—40-е годы, время тяжелых испытаний в предвоенной обстановке и в период Великой Отечественной войны.

В 1933 г. был издан сборник об интервенции на Севере, в 1934 г. — сборник о японской интервенции⁶, подготовленные И. И. Миницем. Они вышли в серии Центрархива «Массовая историческая библиотека». В предисловии ко второму сборнику И. И. Мишиц писал, что публикуемые документы «дают яркий материал для характеристики самой интервенции... и для передачи всего опыта старых бойцов против интервенции молодым поколениям»⁷.

Публикации документов рассматривались не только как средство создания источниковой базы для исследователей, преподавателей, студентов, но и как оружие идеологической борьбы, средство воспитания в массах готовности к защите социалистического Отечества. Пройдет несколько лет, и эта вторая задача в годы Великой Отечественной войны станет главной.

Особое место в этом ряду публикаций занял сборник о германской оккупации Украины в 1918 г.⁸ Опыт издания документов из лагеря интервентов и белогвардейцев был уже приобретен во время работы над сборниками по интервенции на Севере и на Дальнем Востоке. Новый сборник полностью состоял из документов оккупантов и, что особенно важно, из переписки правительственного характера германского и австро-венгерского министерств иностранных дел и верховного командования армий центральных держав с оккупационными властями. В обстановке прихода фашизма к власти в Германии и вызревания его кровавых захватнических планов документы о бесславном крахе германской авантюры на Украине в 1918 г. прозвучали как грозное предупреждение тем, кто готовил новые авантюры. Резонанс, вызванный публикацией этого сборника документов, был огромным. 5 мая 1936 г. газета «Правда» предоставила целую полосу для воспроизведения документов сборника.

⁶ Интервенция на Севере в документах/Подгот. к печати И. Мишиц, М., 1933; Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах/Подгот. к печати И. Мишиц, М., 1934.

⁷ Японская интервенция... С. 4.

⁸ Крах германской оккупации на Украине: По документам оккупантов/Подгот. к печати Е. Городецкий; Под ред. М. Горького, И. Мишица, Р. Эйдемана, М., 1936.

и благодаря этому его материал стал достоянием миллионов читателей. Во Франции документы были изданы на языке оригинала⁹.

Подготовка этих сборников интересна и с собственно археографической точки зрения. Опыт издания источников враждебного лагеря, способы их воспроизведения и подачи, составления заголовков, легенд и другого научно-справочного аппарата — все это оказало свое влияние на последующие документальные издания в нашей стране.

Документальным памятником Великому Октябрю явилось двухтомное издание протоколов и переписки Петроградского и Московского военно-революционных комитетов, вышедшее под редакцией Минца¹⁰. Несмотря на неполноту этих сборников, купюры в документах, эти издания для своего времени были значительным событием. Они проложили дорогу к полному фондовому изданию протоколов и документов Петроградского ВРК, которое было подготовлено при активном участии Минца в 60-х гг.¹¹ Опыт пофондовой публикации оказал и будет оказывать влияние на всю археографическую деятельность в стране.

В обширном ряду документальных изданий Секретариата Главной редакции ИГВ почетное место принадлежит сборнику документов о борьбе в 1918 г.¹² Принцип отбора наиболее важных документов, продуманная структура позволили собрать в одном томе источники по истории гражданской войны на Дону, Украине, Урале, по истории германской интервенции, интервенции Антанты, борьбе с контрреволюцией в Закавказье и в Средней Азии, на Волге, в Сибири, превращению Советской Республики в единый военный лагерь.

Выше уже говорилось о собирании мемуаров участников гражданской войны. На основе этого огромного фонда по инициативе М. Горького, И. Минца, И. Товстухи стали издаваться сборники мемуаров. Публикации имели серьезное научное значение, но этим не исчерпывалась их роль. Они врывались в реальную действительность как напоминание о недавнем прошлом, как могучий фактор формирования общественного сознания. Молодежь находила свой идеал в образах героев революции и гражданской войны. Минц писал, что «воспоминания наполняют архивные данные кровью живой действительности»¹³.

Интересна и поучительна история издания книжки воспоминаний красноармейцев — участников боев за Перекоп. Это первая книга мемуаров, выпущенных Секретариатом Главной редакции ИГВ¹⁴.

Политрук пешей разведки 268-го полка 30-й дивизии А. Пленков вскоре после штурма Перекопа 6 ноября 1920 г. был назначен на политработу в военно-учебную школу этого полка, в которой были красноармейцы из всех рот. Эта представительность вызвала у политрука мысль, которая вообще-то носилась в воздухе, о написании самими бойцами воспоминаний о сражениях за Перекоп. Пленков объявил конкурс на лучшее письмо-воспоминание о пережитых боях. Это было очень удачной находкой. Письмо являлось близкой и понятной рядовому красноармейцу формой для воспоминаний. За лучшее письмо назначалась премия — пара теплого белья, что в условиях января 1921 г. стало не только символом, но весьма ощутимым поощрением. Красноармейцы охотно поддерживали начинание своего политрука. Писали на обрывках бумаги, на обороте документов волостного старшины, воинского присутствия, телеграмм

⁹ Die deutsche Okkupation der Ukraine. Geheimdokumente. Strassbourg, 1937.

¹⁰ Документы Великой пролетарской революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года/Сост.: Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон; Под ред. И. И. Минца. М., 1938; Т. 2. Из протоколов и переписки Московского и районных военно-революционных комитетов 1917 года/Сост. Г. Д. Костомаров; Под ред. И. И. Минца, И. М. Разгона. М., 1948.

¹¹ Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3 т. М., 1966—1967. Т. 1—3.

¹² Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап гражданской войны/Под ред. И. И. Минца, Е. Н. Городецкого. М., 1940.

¹³ Минц И. О работе над историей... С. 153.

¹⁴ На Врангеля: Повесть о перекопских боях/Отв. ред. И. Минц. М., 1933.

правления южных железных дорог и т. п. Всего удалось собрать 45 писем-воспоминаний, написанных спустя шесть-восемь недель после разгрома Врангеля. Эти драгоценные документы пролежали более десяти лет. И. И. Минц открыл путь для их издания. Воспоминания красноармейцев были подготовлены к печати А. Пленковым. Он так рассказывал о своей работе: «Сличал я письма, сравнивая их между собой. Когда находил, что об одном и том же пишут несколько красноармейцев, тогда вписывал это в страницы рукописи с указанием источника. За основу бралась редакция одного из красноармейцев»¹⁵. В подготовленном материале сохранился язык и стиль авторов. Письма поражают своей непосредственностью, точностью деталей, народным юмором, простотой и ясностью изложения.

Если сборник «На Врангеля» был создан рядовыми красноармейцами, то другие издания включали воспоминания многих выдающихся работников Петроградской партийной организации, Дальнего Востока, Средней Азии. Подготовка сборников к печати шла в содружестве историков с литераторами. В 1935 г. вышел в свет сборник воспоминаний о гражданской войне на Дальнем Востоке¹⁶. В нем опубликованы воспоминания активных участников борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. В. К. Блюхера, Д. И. Бойко-Павлова, В. П. Голионко, М. И. Губельмана, П. П. Постышева, И. Шевчука и др. Значение этого сборника подчеркивается тем фактом, что в 1972 г. вышло его новое издание, дополненное и обновленное. Во вступлении к нему Минц писал: «...и в наше время, столь богатое революционными и боевыми традициями, не померкло начало борьбы за социализм, когда зарождалась боевая слава нашей армии и закладывались основы строительства социализма... Мы и теперь с волнением читаем о походах и героических делах славных защитников завоеваний Великого Октября»¹⁷.

Ценные воспоминания участников социалистической революции в Петрограде вошли в сборник «В дни Великой пролетарской революции»¹⁸.

В годы Великой Отечественной войны славные традиции защиты революции приобрели особое значение. Публикации документов, воплощающих эти традиции, играли роль подлинного оружия.

До войны вышел I том «Истории гражданской войны в СССР», в октябре 1942 г.— II том, посвященный победе Великого Октября¹⁹. Редакция дала специальную журнальную публикацию «Декреты Великой пролетарской революции»²⁰ — сокращенный вариант раздела главы о Втором съезде Советов. Пять страниц текста с ярким документальным рассказом о двух первых декретах Советской власти как бы обращались к воюющему народу, напоминая в дни 25-й годовщины революции, какие завоевания защищаются в борьбе против фашистских захватчиков.

Уже в начале войны началась публикация источников о борьбе советского народа против интервентов и белогвардейцев в 1918 г.— 20-е годы. Эти издания приобретали особое звучание в «сороковые — роковые», вселяя мужество и веру в победу. «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.»²¹ раскрывали страшную картину режима террора и насилия, грабежа и издевательств оккупантов. В то же

¹⁵ На Врангеля... С. 9.

¹⁶ Тасжные походы: Сб. эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке/Под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. М., 1935; 2-е изд. М., 1936 (Сер. лит.-худ. сб. по истории Великой пролетарской революции и гражданской войны в СССР, 1917—1922).

¹⁷ Тасжные походы: Литературно-художественный сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1972. С. 5.

¹⁸ В дни Великой пролетарской революции: Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 г. М., 1937.

¹⁹ В 1943 г. авторам была присуждена Государственная премия 1-й степени.

²⁰ Партийное строительство. 1942. № 20.

²¹ Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г./Под ред. И. И. Минца и Е. Н. Городецкого. М., 1942 (Сер. «История гражданской войны в документах»).

время в них отражался страх захватчиков перед нарастающим сопротивлением народа. В рецензии А. Сидоров подчеркивал чрезвычайную актуальность и своевременность этого издания²².

Когда на Волге развернулось сражение за Сталинград, Главная редакция ИГВ совместно с ИМЭЛ выпустила в свет сборник документов о героической обороне Царицына в 1918 г.²³ «Документы о мужественных защитниках Царицына — отцах и старших братьях бойцов, сражающихся на подступах к Сталинграду, — учат беспримерной храбрости и стойкости, которые должны обеспечить победу над разбойничьими фашистскими ордами», — говорилось в одной из рецензий²⁴. Тогда же был издан и сборник листовок гражданской войны, подготовленный на базе коллекций этих уникальных материалов²⁵. В листовках сконцентрировался живой опыт героических лет. Они призывали к мужеству воинов, к их единению с тружениками тыла, к организации партизанских отрядов в тылу врага. Журнал ЦК ВКП(б) «Партийное строительство», анализируя это издание, рекомендовал богатейший материал сборника «на вооружение» пропагандистам и политработникам фронта и тыла²⁶.

Вскоре после публикации в «Правде» статьи П. Лидова «Таня» о подвиге Зои Космодемьянской Секретариат Главной редакции ИГВ получил письмо из N-ского партизанского отряда. Товарищи погибшей Зои просили переиздать сборник «Женщина в гражданской войне»²⁷. Они рассказали, что Зоя назвалась именем «Таня» в честь героини гражданской войны Татьяны Соломахи, о которой прочла в этой книге. Т. Соломаха была учительницей в одной из кубанских станиц. Зоя мечтала стать преподавательницей литературы. И на ту и на другую девушку огромное впечатление произвела книга Э. Войнич «Овод». И та и другая много думали о смысле жизни. Прекрасной была короткая жизнь и мужественной смерть Т. Соломахи. Попав в лапы белогвардейцев, она подвергалась страшным пыткам, но не сказала ни слова. С этим образом в сердце шла на боевые дела в тыл врага зимой 1941 г. Зоя-«Таня». Попав в засаду фашистов, она погибла как героиня.

Переключка эпох, преемственность традиций поколений стала действенной частью всей жизни народа в годы Великой Отечественной войны, и в этом отношении немалую роль сыграли издания, подготовленные Секретариатом Главной редакции ИГВ.

Значение такой работы в достаточной степени понимал и враг. Среди трофейных документов, отбитых у фашистов в боях за Москву, была карта нашей столицы с обозначением «стратегических объектов», подлежащих уничтожению. Одним из этих объектов значилось здание, в котором помещался Секретариат Главной редакции ИГВ по ул. Коминтерна, д. № 9.

Деятельность И. И. Минца и его коллектива в годы войны отнюдь не исчерпывалась публикацией документов.

Главным делом стало создание и организация работы научного учреждения нового типа — Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Уже сам факт формирования такого центра в ходе самой войны был достаточно показательным. Опыт советских историков в работе над материалами современности в период самих исторических событий был накоплен, и на него можно было опираться. Это прежде всего опыт Истпарта и их местных органов, созданных с 1920-х гг. и развернувших широкую деятельность по формированию источников по истории партии и советского общества, вместе с архивами, Обществом старых большевиков, Об-

²² Коммунистический Интернационал. 1942. № 10/11. С. 88—91.

²³ Документы о героической обороне Царицына в 1918 году. М., 1942.

²⁴ *Рогалин Л.* Рец. на кн.: Документы о героической обороне Царицына в 1918 году (М., 1942) // Под знаменем марксизма. 1942. № 10. С. 121.

²⁵ Листовки гражданской войны в СССР, 1918—1922 гг.: Сборник/Сост.: Р. Голубева, А. Иванов; Под ред. И. М. Разгона. М., 1942.

²⁶ *Партийное строительство.* 1942. № 22. С. 46.

²⁷ *Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917—1920 гг.* 2-е изд., доп. М., 1938.

ществом политкаторжан и ссыльно-поселенцев. С 30-х годов эту работу плодотворно развили редакции «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны».

Когда-нибудь, надо надеяться, будет написана история создания и деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Но уже сегодня к изучению ее опыта обращено внимание историков. Одним из первых исследователей истории данного научного центра и главных направлений его работы стал А. А. Курносов²⁸. Каковы же основные вехи деятельности Комиссии?

В декабре 1941 г. Московский комитет партии принял решение о создании Комиссии по истории обороны Москвы и составлению ее хроники. 11 декабря состоялось ее первое заседание. Председателем Комиссии был назначен начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, его заместителем — член-корреспондент АН СССР И. И. Минц. В Комиссию вошли зам. нач. Главного политического управления РККА А. А. Кузнецов (позже — И. В. Шикин), редактор «Правды» П. Н. Поспелов, редактор «Известий» Л. Я. Ровинский, заведующий ОГИЗ П. Ф. Юдин, заместитель Председателя СНК СССР Р. С. Землячка, секретарь МК ВКП(б) Е. И. Леонтьева, секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов, академики М. Б. Митин, Е. М. Ярославский, историк Е. Н. Городецкий. Комиссия возглавила организацию изучения истории битвы за Москву, но фактически занималась сбором материалов по всей войне. Постановлением Президиума АН СССР от 15 января 1942 г. под руководством Комиссии создавался научный аппарат по изучению истории войны. Комиссия осуществляла идейно-политическое и организационно-методическое руководство сетью созданных в 1942—1943 гг. республиканских, областных и ведомственных комиссий. Главным инициатором ее деятельности, подлинной душой Комиссии был И. И. Минц. В научный аппарат Комиссии были привлечены Минцем историки с опытом научной и педагогической работы, многие из которых имели опыт сотрудничества в секретариате Главной редакции ИГВ. Среди них: Э. Б. Генкина, В. И. Шунков, А. Л. Сидоров, И. М. Разгон, Н. С. Трусова, О. Н. Чадаева, М. Г. Седов, Р. И. Голубева, Н. А. Сидорова, А. А. Белкин и др. В разное время политорганами Красной Армии к работе Комиссии на определенный срок, главным образом для работы в Военном отделе, прикомандировывались молодые историки из действующей армии: П. И. Белецкий, У. А. Шустер, П. М. Федосов, Л. М. Зак, Г. А. Серпова и др.

Организация подобной работы в трудное время зимы 1941/42 г. свидетельствовала о многом — о твердой вере в победу, высоком сознании исторической значимости переживаемого периода истории, понимании необходимости безотлагательной работы по сборанию и сохранению исторических источников, передаче опыта и традиций, складывающихся в борьбе против фашизма. Зримо и выпукло выступала здесь роль исторической науки, соединяющей прошлое, настоящее и будущее.

Задача состояла прежде всего в том, чтобы организовать сбор материалов по всем направлениям истории войны. Это было необычайно трудно осуществить в масштабе всей страны, поскольку война подняла буквально миллионные массы, затронула и всколыхнула всю жизнь народа. По этому поводу Минц писал: «Если бы мы решили собирать все, что имеет отношение к войне, то даже если бы три четверти Москвы превра-

²⁸ Курносов А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: (Организация и методика собиранья) // АЕ за 1973 год. М., 1974; *Архангородская Н. С., Курносов А. А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования) // АЕ за 1981 год. М., 1982; *Левшин Б. В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976; *Михайлова Е. П.* О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941—1945 г. // Вопросы историографии в Высшей школе. Смоленск, 1975; и др.

тить в архив, то и тогда мы не смогли бы разместить весь этот материал. А собирать материал нужно, ибо наши потомки будут искать ответа на вопрос, почему ни одной стране не удалось устоять перед фашистскими варварами, закованными в броню, а наш народ устоял? Да и современники наши сейчас задают этот вопрос»²⁹.

Становилось ясным, что собирать надо было прежде всего то, что вряд ли отложится в архивах. Внимание обращалось на партизанские отряды и соединения с еще не сложившейся системой документации. Требовалось также безотлагательно начать собирание свидетельств грандиозного перебазирования промышленности на Восток. «Великое переселение народов кажется маленьким эпизодом по сравнению с такой грандиозной работой», — подчеркивал Минц³⁰. Основной и главной задачей являлись сбор материалов о героях войны, показывающий, как говорил Минц, что «героями не рождаются, а становятся», а также создание истории частей и соединений Красной Армии, помощь в написании этой истории на фронтах.

Трудности в работе Комиссии были огромными. Ряд документов не подлежал раскрытию по соображениям военной тайны и бдительности. Близость фронта, непрерывные боевые действия, производившие беспрестанные опустошения в рядах сражающегося народа, условия Москвы как фронтового города — все это не способствовало собирательской работе, а тем более написанию истории. Случалось, что в процессе сбора документов в воинской части почти полностью изменялся личный состав подразделений. Но при этом нельзя не отметить, что работа Комиссии и ее посланцев находила самый благодарный и искренний отклик у рабочих, колхозников, бойцов, командиров, партизан, политработников, коммунистов и комсомольцев.

Собирание материалов по «живым следам» войны явилось выражением высокого самосознания, патриотической гордости советских людей. И. И. Минц подчеркивал, что «собирание исторических материалов и документов о Великой Отечественной войне является частью работы, помогающей завершить окончательный разгром гитлеровских бандитов»³¹. Вот почему сотрудники встречали всестороннюю заинтересованность в воинских частях, партизанских соединениях, рабочих коллективах. Это, в свою очередь, помогало преодолевать трудности, выпавшие на долю работников Комиссии. Работали с энтузиазмом. Все горели желанием отдать свои силы и опыт нужному и полезному делу.

Сегодня, через 40 с лишним лет, просматривая фонд Комиссии, отложившийся в Научном архиве Института истории СССР АН СССР, поражаешься размаху работ, проведенных небольшим ее коллективом фактически за 1942—1944 гг.

Как указывают исследователи, материалы, собранные Комиссией, сгруппированы по следующим разделам: история воинских частей, партизанского движения, обороны городов, Герои Советского Союза, военная экономика, оккупационный режим, оборона Москвы, национальные республики, культура и быт, текущее делопроизводство.

Материалы по обороне Москвы практически собирались под руководством О. Н. Чадаевой по 27 районам столицы, шести горкомам и райкомам области и в Моссовете. Раздел «Оборона городов» включил в себя коллекции, отразившие оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя, Тулы, Сталинграда, п-ова Ханко, Харькова, Смоленска, Донбасса, Бреста, Крыма, Краснодар, Гомеля, Курскую операцию и штурм Берлина. Раздел военной экономики содержит материалы 53 коллекций по истории заводов, фабрик, шахт, комбинатов. Источники по истории партизанского дви-

²⁹ Минц И. И. Документы Великой Отечественной войны: Их собирание и хранение // Восемьдесят лет на службе науки и культуры нашей Родины: Государственная Библиотека им. В. И. Ленина, 1862—1942/Под ред. Н. Н. Яковлева. М., 1943. С. 135.

³⁰ Там же. С. 136.

³¹ Там же. С. 150.

жения составляют 22 фонда, созданные по территориальному принципу. История воинских частей охватила материалы 260 соединений, главным образом дивизий, а также комплексные коллекции материалов отдельных армий (62-й, 64-й), флотов (Балтийского, Северного, Черноморского), отдельных частей ВВС³².

Главной задачей Комиссии был сбор и организация материалов, а не написание историй частей. Однако некоторые попытки создания истории предпринимались. Это относится к сводной истории обороны Москвы и некоторых воинских частей, главным образом первых гвардейских, отличившихся при защите столицы. Можно отметить лишь начало такой деятельности; ее материалы использовались при работе в частях как пример методики сбора и обработки документов. Бывало, что политорганы частей, работавших над созданием своей истории, предоставляли сотрудникам Комиссии страницы многотиражных газет, на которых последние публиковали инструкции, давали советы, печатали отрывки из написанных глав³³.

В течение 1942 г. Комиссия по истории Великой Отечественной войны подготовила сборник воспоминаний и документов, посвященных 6 и 7 ноября 1941 г.— двум дням, вошедшим в историю войны³⁴. Конечно, нельзя забывать, что в этом сборнике отразился характерный для тех лет культ личности: и название сборника, и логическое ударение его материалов имели ярко выраженную направленность. В издании сборника видно и продолжение известной традиции советской, а также зарубежной прогрессивной публицистики, еще до войны осуществившей горьковский замысел — «День Советского Союза» и «День мира». Замысел сборника заключался в том, чтобы через освещение двух памятных дней 24-й годовщины Великого Октября, встреченных советским народом в особых, экстремальных условиях, раскрыть моральный дух народа, готовность победить врага. Это был своеобразный «срез» истории через показ многообразия и единства чувств и мыслей советских людей.

Благодаря письмам, подписанным И. И. Минцем и направленным по множеству отобранных адресов, в редакцию стали стекаться ответы от красноармейцев, командиров и комиссаров, из партизанских отрядов, из блокадного Ленинграда, осажденного Севастополя, героической Тулы. Пехотинцы, летчики, танкисты, рабочие заводов и фабрик направляли свои воспоминания и документы о делах, мыслях, чувствах в дни 24-й годовщины Октября. Среди них были, например, воспоминания К. К. Рокоссовского, присланные по телеграфной ленте прямо с фронта; документы от партизан — присяга, дневники, протоколы собраний; заявления солдат Красной Армии о приеме в партию перед боем, странички из записных книжек, заполненных в эти незабываемые дни, письма, телеграммы из тыла на фронт и в Москву. На страницах сборника выступили писатели К. Симонов, Б. Полевой, Н. Тихонов, Б. Горбатов. Были помещены документальные фотографии и зарисовки советских художников Ф. Юона, С. Телингатора, Т. Гапоненко. На примере истории создания этого сборника можно особенно точно представить себе стиль руководства И. И. Минца — предоставление широкой инициативы сотрудникам, оказание им всемерной помощи. Минц даже организовал прием составителя сборника М. И. Калинин, который предоставил свою специально отредактированную статью в качестве предисловия к данному изданию.

³² Курносое А. А. Указ, соч. С. 119.

³³ Так было, например, у летчиков-гвардейцев, защитников Москвы. История 12-го Гвардейского истребительного полка (командир — полковник А. С. Писанко) был посвящен специальный разворот многотиражной газеты авиасоединения «За храбрость» за 15 июля 1942 г. В этой работе принимали участие политрук Л. Зак, ветеран антифашистской войны в Испании Е. Грицевская и научный сотрудник М. Д. Розанова. Несколько позже Розанова погибла на фронте в боях за Родину.

³⁴ Мы слышали Сталина, 6—7 ноября 1941 г.: Сб. воспоминаний и документов. М., 1942. Рецензии: *Карпинский В.* // Под знаменем марксизма. 1942. № 10; *Миров Я.* // Коммунистический Интернационал. 1942. № 10/11.

Среди немногих изданий Комиссии во время войны заслуживает особого внимания документальный сборник, посвященный освобождению от гитлеровских захватчиков Ясной Поляны и началу работ по ее восстановлению³⁵. Книга вышла под грифом Комиссии по истории Великой Отечественной войны, Академии наук СССР и Государственного музея Л. Н. Толстого. В документах, воспоминаниях и статьях сборника последовательно рассказывалось об истории Ясной Поляны и ее значении в жизни и творчестве Л. Н. Толстого, о заботе Советского правительства по сохранению драгоценного памятника русской и мировой культуры с первых дней Советской власти, а затем о разрушениях, причиненных Ясной Поляне фашистскими варварами. «Близкое знакомство читателя с историей Ясной Поляны, — говорилось в обращении „От составителей“, — возбудит еще большую жажду мщения, гнев, ненависть против гитлеровских варваров, посягнувших на этот драгоценный памятник, любовно охраняемый всем советским народом». В центре книги — акты Комиссии АН СССР, организованной для быстрого восстановления усадьбы Л. Н. Толстого сразу после изгнания гитлеровцев и освобождения Ясной Поляны. Председателем Комиссии был назначен член-корреспондент АН СССР И. И. Минц, членами Комиссии — академик А. В. Щусев, инженер И. И. Бодалев, профессор архитектуры Б. А. Кондрашов, кандидат исторических наук Е. Н. Городецкий, научный сотрудник музея Л. Н. Толстого Е. Н. Чеботаревская, редактор сочинений Л. Н. Толстого Н. С. Родионов. Пять актов Комиссии, составленные в присутствии научных сотрудников и хранителей музея и снабженные документальными фотографиями, ясно и четко формулировали ущерб, нанесенный современными вандалами Ясной Поляне, и перечисляли необходимые срочные меры для восстановления разрушенного. Разделы сборника «Фашисты в Ясной Поляне», содержавшие беседы с сотрудниками музея-усадьбы и преподавателями Яснополянской школы, а также обширная статья И. И. Минца «Фашистские вандалы-громилы в Ясной Поляне» ярко дополняли эти акты. В книге опубликовано и Постановление Президиума АН СССР от 15 января 1942 г., заслушавшего сообщение комиссии, выезжавшей в Ясную Поляну. В постановлении, подписанном вице-президентом АН СССР академиком О. Ю. Шмидтом, говорится о немедленном отпуске необходимых средств на проведение первоочередных мероприятий по восстановлению, а затем и на полное восстановление и реставрацию музея-усадьбы. Интересны отклики в СССР и за границей, помещенные в сборнике, а также раздел о восстановлении и открытии Дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне уже летом 1942 г.

Сборник этот давно стал библиографической редкостью. Он является прекрасным свидетельством того, как отстаивала Советская власть великое культурное наследие, памятники мировой культуры в борьбе с фашистами. Эта книга — ценный источник по истории советской культуры. Но ее роль шире и значительнее: данная книга стала документальным свидетельством, одним из значительных пунктов обвинительного акта против фашистских злодеяний на Нюрнбергском процессе.

Сегодня, с высоты минувшего сорокалетия, становится очевидным, что именно в деле сбора материалов комиссия внесла свой вклад в историю Отечественной войны. При этом не столько количеством собранного, сколько успешным применением и развитием метода создания новых видов источников — сбором воспоминаний, воплотившихся в беседах-интервью с участниками войны на фронте и в тылу и отложившихся в стенограммах. Таких стенограмм в фонде Комиссии насчитывается 3930.

В этой связи вспоминается следующий факт. На XIII Международ-

³⁵ Ясная Поляна: Статьи и документы/Сост.: С. А. Толстая-Есенина, Э. Е. Зайденшпур, Е. Н. Чеботаревская; Под ред. И. И. Минца, С. А. Толстой-Есениной. М., 1942.

ном конгрессе исторических наук³⁶ в Москве в 1970 г. в выступлениях английских историков отмечалась их «инициатива» в создании записей-интервью сотен участников высадки десанта союзников в Нормандии в 1944 г. Из ответных выступлений советских историков (В. Г. Трухановский, Э. Б. Генкина) делегаты конгресса (многие с удивлением) узнали, что подобные интервью с успехом применяли историки нашей страны еще до войны, и особенно в Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Конечно, представляют большой интерес как источник все стенограммы, имеющиеся в фонде. Но особое, исключительное значение для исторической науки имеет комплекс материалов «Герои Советского Союза», содержащий около полутора тысяч единиц хранения. Эти записи бесед трудно переоценить. Значительная, если не большая, часть этих стенограмм принадлежит героям, позже погибшим в боях за нашу победу. Их рассказы, зафиксированные зачастую сразу после боя, в частях или по приезде в Москву и посещении комиссии, обычно сразу после получения из рук М. И. Калинина золотой звезды Героя, уникальны, отличаются достоверностью и правдивостью.

Умение вести такую беседу, направить рассказ по определенному руслу, вызвать собеседника на доверительный, искренний разговор — настоящее искусство, которым владели сотрудники Комиссии. Пример и здесь подавал И. И. Минц, часто выезжавший в части, соединения, госпитали Красной Армии, в освобожденные районы и прифронтовые города, где не только читал лекции и выступал с докладами, но зачастую при помощи стенографистки А. И. Шамшиной организовывал записи рассказов героев войны. Широкая эрудиция ученого, его опыт комиссара гражданской войны, веселость и остроумие делали встречу с ним непринужденной и интересной для любого собеседника, от солдата или деревенского «деда» до Маршала Советского Союза. Как никто другой, он умел создать атмосферу глубокого уважения к собеседнику, проникновенную серьезностью и доброжелательностью. Его беседы всегда были школой для сотрудников Комиссии³⁷.

Именно этот опыт И. И. Минца и его сотрудников позволил руководимому им коллективу составить методические указания-рекомендации для берущих интервью. В них подчеркивалась прежде всего необходимость строгой исторической правдивости, тщательной проверки документов, дат, имен, фактов, примеров «перекрестных допросов» документов и людей. Особенно подчеркивалась задача «не замазывать трудности и недостатки, не лакировать действительность». В те годы такая задача знаменовала высокий уровень не только работы историка, но его совести и чувства долга. Проводящему беседу рекомендовалось «дать выговориться» собеседнику, а главное — с помощью записи «показать живого человека, его мысли, чувства, переживания, а в связи с этим и его место в бою».

Таким образом, выработанная комиссией методика бесед и записей отвечает высоким требованиям науки и человечности, а значит, имеет значение не только методическое, но и методологическое.

Работа Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством И. И. Минца в области формирования источников, их собирания и научного оформления имеет непреходящее значение. Стенограммы-интервью, собранные коллективом ее научного аппарата, отражают большой творческий опыт историков в создании огромного комплекса ценнейших источников. Этот труд практически служит не только необходимым материалом для изучения войны, но и руководством при

³⁶ Международный конгресс исторических наук. 13-й. Москва. 1970. Доклады конгресса. М., 1973—1974. Т. 1, ч. 1—6.

³⁷ Воспоминания И. И. Минца и других сотрудников см. в хронике «Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР» (АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 316—319); о заседании см. также: СА. 1985. № 1. С. 91—92.

формировании источников, проведении записей-интервью с участниками исторических событий нашей современности.

В послевоенный период публикаторская деятельность Минца сосредоточилась в руководимом им Научном совете АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Но это уже тема для другой статьи. Здесь только отметим, что издание документов приняло международный характер, проводится в рамках Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран «История Великого Октября и последующих социалистических революций», которую также возглавляет Минц.

Академик И. И. Минц — живое воплощение единства всех основных этапов и направлений развития советской археографии. Истпарт, редакция «Истории гражданской войны», Комиссия по истории Великой Отечественной войны, а затем Научный совет по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» — таковы вехи на этом прекрасном пути.

О. А. Князевская, Н. И. Толстой

ВОПРОСЫ ПАЛЕОГРАФИИ И КОДИКОЛОГИИ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

(К 80-летию со дня рождения)

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — крупнейший ученый нашего времени, исследователь редкого и разностороннего дарования. Его творчество поражает многосторонностью научных интересов: Д. С. Лихачев — филолог и историк одновременно, специалист в области истории и теории культуры в широком плане¹. Все его труды глубоко оригинальны и индивидуальны, и каждый из них (будь то специальная монография, статья, выступление в печати или устное сообщение на ученом заседании) заслуживает специального рассмотрения и изучения. Однако при всей разносторонности занятий все-таки основным направлением творчества исследователя (как неоднократно подчеркивал и сам Дмитрий Сергеевич) является древнерусская литература.

Причем проблематика и жанр исследований в этой области также чрезвычайно разнообразны. Благодаря углубленному изучению литературных произведений и культуры Древней Руси ученый по-новому освещает литературные процессы в древнерусской литературе, ее поэтике, место и значение в общелитературном развитии, ее взаимодействие с книжной культурой других славянских народов, с византийской культурой.

Выявление литературных произведений и учет их списков в сохранившихся рукописных источниках определили и постоянный интерес ученого к проблемам археографическим и собственно кодикологическим². Вопросы собирания, хранения, описания, изучения и издания памятников славянской (и в первую очередь древнерусской) письменности постоянно в поле зрения ученого. Ценные замечания по этим проблемам находим и в специальных публикациях, и в выступлениях на совещаниях и конференциях. Так, на конференции, посвященной проблемам научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности (Ленинград, 1979 г.), Д. С. Лихачев выступил с конкретными предложениями о составе справочного аппарата к факсимильному воспроизведению рукописных источников. Особенно полезной представляется его рекомендация о включении в состав факсимильного издания «научно воспроизведенного текста», переданного средствами современной графики: «Если текст не расшифровывается, не дается его печатное прочтение — это непрочитанный текст; он даже для лингвистов бывает очень сложен, потому что существует много толкований того или иного места»³.

Стремление приблизить древний текст к читателю, сделать его доступным для чтения и понимания тесно связано с интересом Д. С. Лихачева

¹ См.: Дмитрий Сергеевич Лихачев. 2-е изд., доп. М., 1977. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 14); см. также: Список печатных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1966—1975 гг. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 432—453; Список печатных трудов академика Д. С. Лихачева за 1977—1981 гг. // АЕ за 1981 год. М., 1982.

² Археографической деятельности Д. С. Лихачева посвящена статья: *Покровский Н. Н., Шмидт С. О.* Археографическая деятельность Д. С. Лихачева // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 121—128.

³ *Лихачев Д. С.* Выступление на конференции // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 252.

к вопросам перевода памятников древней письменности на современный русский язык. Прекрасный перевод на современный русский язык текста Повести временных лет (до 1016 г.) был выполнен ученым еще в издании 1950 г.⁴ Это требование — дать научно прочитанный текст вместе с переводом — успешно осуществляется в хронологически построенной серии «Памятники литературы Древней Руси», создающейся по инициативе и при активном участии Дмитрия Сергеевича. В вышедших семи томах он является автором вступительных статей к каждому тому; ему вместе с Л. А. Дмитриевым принадлежит составление и редактирование томов серии; кроме того, им же подготовлены ряд транслитерированных текстов и переводы некоторых из них⁵.

Разработка проблем текстологии древнерусской литературы X—XVII вв. — одно из наиболее значительных направлений научной деятельности Д. С. Лихачева. Опираясь на свой богатейший опыт по изучению и изданию конкретных памятников древнерусской литературы, он по-новому формулирует задачи и методы текстологических исследований. Текстологическая концепция Д. С. Лихачева получила всемирное признание. Основной труд по текстологии русской литературы X—XVII вв.⁶ был признан «не только самым блестящим из текстологических исследований, вышедших за последние годы, но вообще одним из значительнейших трудов в данной области»⁷.

Обоснованные Д. С. Лихачевым комплексные методы работы текстолога, начиная с разысканий всех списков, их отбора и классификации, представляют огромный интерес и имеют практическую ценность не только для литературоведов, но также и для историков-источниковедов, археографов и кодикологов. Всесторонним изучением литературных произведений на широком фоне культурной и общественной жизни Древней Руси создавалась надежная основа для дальнейших исследований: «Любой памятник культуры можно по-настоящему понять только на общем фоне исторических явлений его эпохи»⁸. Впервые было сформулировано заключение о необходимости изучения «конвоя» исследуемого текста, что особенно прочно смыкается с задачами кодикологического анализа рукописных книг: установлением состава источника. Д. С. Лихачев неоднократно отмечал: «Наука, изучающая историю текста отдельных произведений (текстология), требует в настоящее время изучать текст не сам по себе, а в окружении, в составе тех произведений, с которыми он вместе переписывался, изучать работу переписчика в ее целом. Это так называемый „принцип комплексности“»⁹.

В выступлениях, посвященных проблемам и задачам описания рукописных источников, академик Лихачев уделяет внимание и собственно палеографическим вопросам. В известной статье, посвященной рассмотрению задач специальных филологических дисциплин, Дмитрий Сергеевич останавливается на современном уровне палеографических исследований. Говоря об определенных успехах в области филиграноведения, он отмечает «отставание в изучении истории кириллических почерков». И здесь же предлагает точные и рациональные пути преодоления этого отставания. «Было бы желательно, чтобы в каждой из стран кириллического письма составлялись по крайней мере две основные фототеки: фототека почерков датированных рукописей и фототека почерков тех

⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц (Лит. памятники). М.; Л., 1950. С. 5—295.

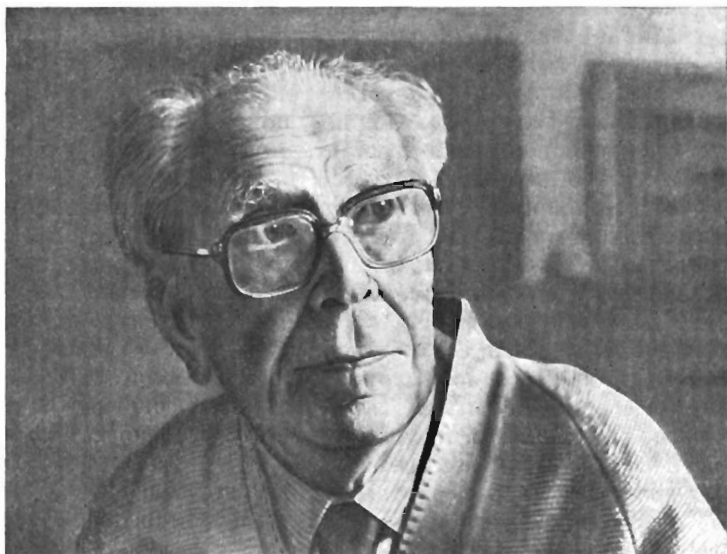
⁵ Памятники литературы Древней Руси. (Далее: ПЛДР). Начало русской литературы XI — начала XII века. М., 1978; ПЛДР. XII век. М., 1980; ПЛДР. XIII век. М., 1981; ПЛДР. XIV — середина XV века. М., 1981; ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982; ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984; ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985.

⁶ Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. 1-е изд. М.; Л., 1961; 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983.

⁷ Берков П. И. Проблемы современной текстологии // ВЛ. 1963. № 12. С. 81.

⁸ Лихачев Д. С. Великое наследие Древней Руси. М., 1979. С. 281.

⁹ Там же. С. 279—280.

АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ

рукописей, которые имеют точные указания на место своего написания». Далее говорится: «...Снимки с рукописей следует делать в натуральную величину рукописи и воспроизводить всю страницу целиком. Уменьшение или увеличение размеров рукописи, а также снимки части страницы недопустимы. Размеры букв, строк, полей, построение страницы — все это имеет существенное значение для определения времени и места написания рукописи, а также писца»¹⁰. Этой же теме посвящена статья «О составлении фототек кириллических почерков»¹¹. К сожалению, предложения Дмитрия Сергеевича о создании палеографических альбомов с образцами письма из кириллических точно датированных и локализованных рукописей до сих пор остались нерезализованными.

Следует также отметить, что направленность научной деятельности Д. С. Лихачева в значительной мере способствует освоению и изучению славянского рукописного наследия. Это проявляется не только в его собственных исследованиях, не только в трудах руководимого им вот уже свыше 30 лет сектора древнерусской литературы ИРЛИ, но и в его научно-педагогической и научно-организационной работе: вокруг Д. С. Лихачева объединяется неформальная большая группа талантливых молодых исследователей, которые выступают в редактируемых им сборниках, посвященных источниковедению древнерусской литературы¹², и анализируют конкретные древние тексты. «Что же объединяет все статьи данного сборника? — подчеркивает Д. С. Лихачев в предисловии к одному из них. — Дух филологии: науки, которая разносторонне интерпретирует все словесные памятники — от сухих документов до гениальных художественных произведений»¹³.

По инициативе и под руководством Дмитрия Сергеевича были выполнены значительные и новаторские труды по описанию славяно-русского рукописного наследия. Среди них прежде всего следует назвать Описание сборников Ефросина¹⁴ и Описание славянских рукописей Погодип-

¹⁰ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин // ВАН. 1976. № 4. С. 65, 66.

¹¹ Лихачев Д. С. О составлении фототек кириллических почерков // Сборник Владимира Мошина. Белград, 1977. С. 223—225.

¹² Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980; Древнерусская литература: Источниковедение: Сб. науч. трудов. Л., 1984.

¹³ Источниковедение литературы XV в. Древней Руси. С. 3.

¹⁴ Каган М. Д., Попирко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. кп-гописца Ефросина // ТОДРЛ. 1980. Т. XXXV. С. 3—300.

ского собрания ГПБ¹⁵, содержащих и полную информацию о составе рукописных книг и детальный их палеографический анализ.

Являясь членом Бюро Археографической комиссии АН СССР, Д. С. Лихачев постоянно интересуется вопросами археографии и палеографии. Так, еще в период подготовки Сводного каталога славяно-русских рукописных книг он принимал активное участие в выработке принципов описания рукописей и в обсуждении методических пособий по археографии¹⁶, а затем согласился стать членом редколлегии этого издания. Дмитрию Сергеевичу принадлежат ценные указания по методическим проблемам описания рукописей, с благодарностью принятые в качестве руководства всеми археографами Советского Союза¹⁷.

Суждения Дмитрия Сергеевича по общим и частным вопросам истории славянских литератур и собственно палеославистики пользуются неизменным вниманием во всем мире. Особенно велик авторитет академика Лихачева среди ученых в славяноязычных странах и в странах Балканского полуострова. В последнее время Д. С. Лихачев вместе с академиком Болгарской академии наук П. Н. Динековым возглавил редакционную коллегию нового факсимильного издания житий Константина-Кирилла и Мефодия, извлеченных из древнейших древнерусских рукописей. (Издание выполнено по плану международного сотрудничества СССР и НРБ.) Вступительная статья к изданию написана совместно П. Н. Динековым и Д. С. Лихачевым; в ней рассматривается история деятельности славянских первоучителей и убедительно проводится мысль о том, что значение деятельности Константина-Кирилла и Мефодия продолжает сказываться и до сих пор с неослабеваемой силой¹⁸.

Невозможно учесть влияние Д. С. Лихачева на развитие разных областей гуманитарных знаний. Оно огромно. Его доброжелательность и заинтересованное отношение к работе коллег не раз оказывали существенную помощь исследователям.

Мы коснулись кратко только одной, хотя и весьма важной, стороны научной деятельности академика Лихачева — его трудов, непосредственно связанных с изучением славяно-русского рукописного наследия. Однако в многогранном творчестве Д. С. Лихачева, в его жизненном пути и жизненном подвиге все стороны и грани оказываются одинаково важными и существенными, как бы равноправными, поддерживающими и дополняющими друг друга. Прямое продолжение археографической, текстологической и палеославистической (палеорусистской) работы нетрудно увидеть в самоотверженном труде Д. С. Лихачева по руководству изданием серии «Литературные памятники», труде, равном по своим масштабам и значению руководству целым институтом всемирной литературы. Эта серия дает читателям не только превосходную научную публикацию (или перевод) текста с комментарием, но, как правило, одновременно и в том же томе солидную монографию об авторе или о памятнике в целом. В качестве председателя редакционной коллегии «Литературных памятников» Д. С. Лихачев постоянно расширяет энциклопедические и научно-исследовательские возможности этого замечательного издания, удачно экспериментируя и прокладывая новые пути в науке о литературе. Другая, не менее популярная и оригинальная по своему замыслу и исполнению серия «Памятники культуры. Новые открытия», имеющая разделы «письменность, искусство, археология», устанавливает необходимую связь археографии, текстологии и филологии с искусст-

¹⁵ *Иванова Кл.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981; *Лихачев Д. С.* Описание рукописей Погодинского собрания // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 259—260.

¹⁶ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI—XIII вв. М., 1984.

¹⁷ *Лихачев Д. С.* Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 234—242.

¹⁸ *Жития Кирилла и Мефодия.* М., 1986.

воведением и наукой о древностях в широком смысле этого слова. Добавим к тому же, что в «Памятниках культуры» публикуются и анализируются не только одни древности. Наконец, вероятно, ни один филолог, историк и тем более археолог не обходится без «Трудов Отдела древнерусской литературы», многолетним вдохновенным редактором и автором которых является Д. С. Лихачев.

Одна из основных задач археологии — описание и охрана памятников письменности — представлена в деятельности Д. С. Лихачева в широком контексте охраны всей национальной культуры, включая и охрану родной природы, национального искусства, архитектуры и исторических памятников, ибо все это, по мысли Д. С. Лихачева, связывает прошлое с будущим и дает устойчивость нашему настоящему. Активное чувство патриотизма базируется на священной памяти истории, — на памяти, которая сама должна воспитываться и может ощущаться как определенное искусство, подобно искусству видения, музыкального слышания или восприятия красок и их передачи на полотно. Эти положения Д. С. Лихачев унаследовал от лучших представителей русской литературы, от многовекового опыта русской культуры в целом. Эти присущие ему качества он продолжает воспитывать в нас, обращаясь к будущим поколениям.

М. П. Мироненко, С. В. Мироненко

**С. С. ДМИТРИЕВ — ИСТОРИК, ИСТОЧНИКОВЕД, АРХЕОГРАФ
И ПЕДАГОГ**

(К 80-летию со дня рождения)

4 сентября 1986 г. исполнилось 80 лет профессору исторического факультета Московского университета Сергею Сергеевичу Дмитриеву. Уже более полувека ученый преподает в стенах университета и его блестящие лекции слушали и слушают тысячи студентов. Разнообразие и обширность интересов С. С. Дмитриева, высокий научный уровень его исследований давно принесли ему заслуженную известность. Перу С. С. Дмитриева принадлежат работы по истории русской общественной мысли и культуры XVIII—XX вв., истории церкви и социально-экономического развития России, истории рабочего и крестьянского движения, историографии и источниковедению, архивоведению и краеведению, музееведению и библиографии. Он один из авторов первых советских учебников по истории СССР и по источниковедению истории СССР для университетов, составитель ряда пользующихся большой популярностью хрестоматий и пособий для учителей¹. Нет, пожалуй, ни одной работы ученого, которая осталась бы незамеченной и не привлекла бы внимание его коллег. Это результат удивительной его способности в кратком объеме исследования не только поставить проблему, но и прийти к решению, обосновав его точным фактическим материалом. Педагогическая и научная деятельность С. С. Дмитриева высоко оценена в нашей исторической печати².

Родился С. С. Дмитриев в Ярославле в семье конторского служащего. В 20-х годах он студент историко-лингвистического факультета Ярославского педагогического института. Во время учебы и в первые годы после окончания института (1929) Сергей Сергеевич активно участвует в широко развернувшейся тогда краеведческой работе. Он был ученым секретарем Ярославского естественноисторического и краеведческого общества³, затем — членом Иваново-Вознесенского общества краеведения, заведовал отделом редких книг Ивановского областного музея. После переезда в Москву летом 1931 г. работал в Московском краеведческом музее и музее-усадьбе «Кусково». Именно в эти годы у ученого развился интерес к источнику как основе исторического знания, определилась и упрочилась склонность к научному исследованию. В аспирантуру МГУ С. С. Дмитриев пришел уже вполне сложившимся ученым (1934 г.), что позволило ему сразу же активно включиться в научную деятельность. Молодой историк наряду с работой над кандидатской диссертацией под руководством М. В. Нечкиной принял участие в создании университетского учебника по истории СССР⁴. Его кандидатская диссертация «Экономические воззрения славянофилов 1830—1850-х годов» приобрела широкую известность, а доклад о славянофилах, прочитанный в Инсти-

¹ Список печатных трудов С. С. Дмитриева см.: История СССР. 1986. № 4. С. 133—143.

² Дружинин Н. М., Ковальченко И. Д., Кошман Л. В. К 70-летию С. С. Дмитриева // История СССР. 1976. № 5; Ковальченко И. Д., Тартаковский А. Г. К 75-летию С. С. Дмитриева // История СССР. 1981. № 4; Кошман Л. В., Эймонтова Р. Г. С. С. Дмитриеву — 80 лет // История СССР. 1986. № 4.

³ Коровайников В. Ю. Историко-краеведческие материалы в фонде Ярославского естественноисторического и краеведческого общества // АЕ за 1982 год. М., 1983.

⁴ История СССР: Учебник для исторических факультетов ун-тов и пед. ин-тов. Т. 2. Россия в XIX веке. М., 1940.

туте истории АН СССР в 1940 г., и статья «Славянофилы и славянофильство», опубликованная в 1941 г.⁵, стали заметным событием научной жизни предвоенных лет. Понимание автором сущности славянофильства и его места в общественном развитии России XIX в., вызвавшее в то время массу споров и возражений, с честью выдержало испытание временем. Взгляд на славянофильство как идеологию буржуазно-помещичью по классовой природе и либерально-консервативную по политической направленности, казавшийся тогда противоречащим всем принятым канонам, прочно утвердился теперь в нашей науке. Не это ли лучшее признание заслуг ученого-новатора?

Учась в аспирантуре, С. С. Дмитриев зимой 1936/37 г. начал вести семинарские занятия на историческом факультете МГУ (лекции он начал читать несколько позднее, зимой 1943 г.) В 1939/40 учебном году он стал читать лекционный курс и вести занятия в МИФЛИ им. Чернышевского, Московском планово-экономическом и Московском областном педагогическом институтах. Он работал также в МГИАИ, ВПШ и АОН, в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, где в 1946–1953 гг. заведовал кафедрой истории СССР. Но все же главным в жизни Сергея Сергеевича всегда оставался Московский университет.

В литературе уже отмечалось, что по своему складу Сергей Сергеевич — ученый университетского типа, ученый, для которого теснейшая, нерасторжимая связь педагогического процесса с научным поиском, их взаимопроникновение и взаимообогащение определяют характер творчества. Продиктованное самой системой университетского образования стремление не просто сообщить студентам сумму знаний, но и дать им возможность овладеть современными научными методами извлечения этих знаний воплотилось во всей деятельности С. С. Дмитриева. Вот почему для всех, кому посчастливилось знать Сергея Сергеевича не только по его печатным трудам, но по личному общению в стенах университета или за его пределами, он прежде всего *профессор* университета.

Лекции С. С. Дмитриева — событие для каждого, кому доводилось их слушать. В чем их притягательная сила? Прежде всего в богатейшей эрудиции лектора, позволяющей ему сконцентрировать в своем рассказе огромный и разнообразный фактический материал. В ходе лекции не только подвергаются глубокому анализу факты, но одновременно слушатели приобщаются к самой методике исторического исследования, становясь как бы участниками движения исследовательской мысли от факта к выводу. И, что может быть важнее всего, мысли и наблюдения С. С. Дмитриева всегда оригинальны и свежи. Даже самый неискушенный студент довольно быстро понимает, что услышанного не сможет заменить ни учебник, ни иная монография. И наконец, блистательная форма — законченная и выверенная до мелочей композиция, логическая стройность изложения, внешняя неторопливость при непрерывном напряжении мысли и безупречный русский язык, какой теперь, к сожалению, не часто встретишь.

Естественным для ученого такого типа результатом преподавательской работы стали не только главы в учебниках, сами по себе являющиеся первопроходческими исследованиями, но и «Очерки истории русской культуры начала XX века» (М., 1985). Отличительная черта этой монографии — комплексный подход к изучаемым проблемам, охватывающий все стороны самого феномена культуры и культурно-исторического процесса. Сложное время первой русской революции, реакции, надвигавшегося крушения российской империи повлекло за собой столь же сложные явления в умственной жизни страны. В каждом очерке, вошедшем в эту книгу и посвященном одному из аспектов культуры, С. С. Дмитриев тонко анализирует тенденции, проявившиеся в эти годы: достижения буржуазной культуры и признаки ее разложения, рост демократи-

⁵ Историк-марксист. 1941. № 1.

ческих начал и возврат интеллигенции, особенно в годы реакции, к религии и мистике, укрепление материалистических идей в отечественном естествознании и возрастающие связи науки с демократической общественностью. В совокупности эти очерки создают ту достоверную общую картину культурно-исторических процессов кануна рождения новой, социалистической культуры, картину, какой не хватало нашей историографии. Безусловно, создание такого рода работы обогатило, в свою очередь, лекционные курсы автора.

Особое место в творчестве С. С. Дмитриева заняло изучение русской исторической журналистики. Им создан значительный цикл работ, заложивших основы научного исследования русских исторических журналов. Интересно, что первая его статья на эту тему была опубликована в 1929 г. Дальнейшие работы С. С. Дмитриева в этой области явились важным вкладом в источниковедение⁶. В них впервые были разработаны классификация и типология русских исторических журналов, предложена периодизация их истории и сформулированы методологические требования к их исследованию: необходимость рассмотрения исторического журнала в единстве двух аспектов — идейно-политического облика и источниковедческого значения публикаций. Особой заслугой автора явилась разработка приемов источниковедческого анализа исторических журналов, а введенное им понятие «текст-источник» обосновало возможность единого подхода к нему. Как было и с рядом других трудов С. С. Дмитриева, работы об исторической журналистике содержали в себе целую научную программу дальнейших исследований.

Серьезным шагом в развитии теоретического источниковедения явились и многолетние изыскания С. С. Дмитриева в области источников личного происхождения (мемуары, дневники, частная переписка XIX — начала XX в.), подытоженные затем в разделах вузовских учебников по источниковедению истории СССР (1970 и 1973 гг.). Здесь также им были выдвинуты основополагающие идеи о типологии и классификации этих видов источников и сформулированы принципы методики их изучения.

Интерес ученого к источниковедению теснейшим образом связан с сопутствующими всей его жизни в науке изучением архивных фондов и научной информацией о них. Первая его работа такого рода была опубликована еще в 1941 г. Уже ранняя эта статья обозначила собой новый этап в лишь начинавшем складываться тогда жанре обзора архивного фонда: описание документов архива редакции журнала «Сельское благоустройство» было поставлено в ней в неразрывную связь со сжатой, но емкой характеристикой самого журнала и его места в общественной борьбе его времени⁷. Аналогичный подход характерен и для принадлежащих перу С. С. Дмитриева рецензий на сборники документов, не только содержащих исторический и археографический анализ разбираемых изданий, но намечавших направления исследований опубликованных в сборниках документов и даже программу дальнейших публикаций в этой области⁸.

С конца 50-х годов и в течение многих лет С. С. Дмитриев являлся одним из научных руководителей крупного архивного научно-информа-

⁶ Сотрудничество Л. Н. Трефолева в исторических журналах // Ярославский край. Ярославль, 1929. Сб. 2; Русские исторические журналы по истории СССР // История СССР периода капитализма: Науч.-метод. пособие/Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1961; Историческая периодика в России // СИЭ. М., 1965. Т. 6; Именословие русских исторических журналов // Рус. лит. 1967. № 1; Проблемы источниковедения русской исторической периодики. М., 1972. 27 с. (Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения: Материалы к обсуждению. Таллин, 1972). Репрогр.; Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1975. М., 1976.

⁷ Архив редакции «Сельского благоустройства» // ЗОР ГБЛ. М., 1941. Вып. 10. С. 33—43.

⁸ Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов // ВИ. 1951. № 6; Об изучении документов по истории рабочего движения в России в XIX веке // Там же. 1953. № 7.

ционного начинания — подготовки и издания справочника «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1962—1980. Т.1—3). Отметим, что и в этом случае ученый сочетал практическую редакторскую работу с теоретическим осмыслением научного значения личных архивов как самостоятельной проблемы. В 1965 г. им была опубликована статья «Личные архивные фонды. Виды и значения их исторических источников»⁹. В ней было сформулировано само понятие личного архивного фонда, рассмотрены их исторически сложившиеся разновидности и все виды источников, характерные для архивов XIX—XX вв. Не ограничиваясь этим, С. С. Дмитриев высказал в статье ряд ценных соображений о сложных и далеко не решенных проблемах современного комплектования архивов, и в частности о том, какой объем источников личного происхождения должен быть сохранен в архивах для будущих исследований.

Внес свой вклад С. С. Дмитриев и в такую чрезвычайно нужную и полезную отрасль науки, как библиография. Под его редакцией и с его обстоятельными вступительными статьями были изданы первые полные указатели трудов выдающихся русских историков — профессоров Московского университета Т. Н. Грановского и С. М. Соловьева¹⁰. Эти издания синтезировали несколько жанров: и биографии ученых, и историографические наблюдения, и собственно библиографию. В 1986 г. под редакцией С. С. Дмитриева и с его вступительной статьей «Грановский и русская общественность» осуществлено издание лекций Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья¹¹.

Высокий научный авторитет С. С. Дмитриева, широта его воззрений, свойственные ему научная требовательность и доброжелательность делают его участником многих коллективных работ, редакционных коллегий и научных корпораций. На протяжении многих лет он является деятельнейшим членом редколлегии журнала «История СССР».

Поздравляя Сергея Сергеевича с юбилеем, хотим пожелать ему сохранить на долгие годы те же творческую энергию и неутомимую деятельность в науке и подготовке научной смены, тот же глубокий и неиссякаемый интерес к судьбам исторической науки и исторических источников.

⁹ ВА. 1965. № 3.

¹⁰ Грановский Тимофей Николаевич: Библиография (1828—1967)/Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1969; Соловьев С. М. Персональный указатель литературы (1838—1984)/Науч. руководство и ред. С. С. Дмитриева. М., 1984.

¹¹ Грановский Т. Н. Лекции по истории позднего средневековья/Под ред. Е. В. Гутновой и С. С. Дмитриева. М., 1986.

Б. Л. Фонкич

Е. Э. ГРАНСТРЕМ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ
СОВЕТСКИХ СОБРАНИЙ

(К 75-летию со дня рождения)

7 июля 1986 г. исполнилось 75 лет Евгении Эдуардовне Гранстрем, выдающемуся советскому филологу, специалисту по греческой и славяно-русской палеографии. Историкам византийской культуры, исследователям византино-славянских литературных связей хорошо известны ее многочисленные работы, посвященные различным сторонам жизни греческой и славянской рукописной книги, византийской и древнерусской образованности, проникновению с греческого Востока на славянскую почву и бытованию здесь памятников христианской литературы. Значителен вклад Гранстрем в изучение славянского и древнерусского материала: здесь — и обсуждение проблемы происхождения глаголицы, и заметки по истории древнерусской библиографии, и анализ развития письма русских рукописных книг и документов. Гранстрем — один из самых деятельных членов Археографической комиссии АН СССР: ее описания различных коллекций русских рукописей и грамот, многочисленные рекомендации и советы по методике обработки материала в значительной степени способствовали определению принципов каталогизации славяно-русских рукописей советских хранилищ. Активная и разнообразная научная деятельность Гранстрем известна всем, кто связан с изучением греческой и славяно-русской культуры эпохи средневековья, результаты ее работы отражены в многочисленных каталогах, статьях, заметках, рецензиях¹.

Однако мы, посвящая свою статью юбилею этого замечательного ученого, не ставим задачу дать обзор всех работ Гранстрем, проследить все пути, по которым она прошла в науке за 40 с лишним лет своей деятельности: с именем Евгении Эдуардовны в сознании каждого изучающего рукописную книжность специалиста ассоциируется прежде всего представление о ведущем исследователе *греческих* рукописей. Ее важнейший вклад в науку — в области изучения греческих средневековых манускриптов, в выявлении, учете, описании греческих рукописных фондов СССР, в разнообразном исследовании отдельных рукописей и целых коллекций, в издании неизвестных и всегда важных и интересных текстов. Именно поэтому нам кажется особенно существенным представить здесь — пусть в самых общих чертах — очерк деятельности Гранстрем как исследователя греческих рукописей советских хранилищ.

Более 35 лет Гранстрем проработала в ОР ГПБ. Ученица выдающихся русских эллинистов П. В. Ернштедта и В. Н. Бенешевича², она явилась продолжателем дела последнего на посту хранителя греческих рукописей ГПБ — самого крупного в количественном отношении собрания греческих манускриптов в Советском Союзе и одного из важнейших в мире с точки зрения палеографии, кодикологии, истории греческой сред-

¹ См.: Список трудов Е. Э. Гранстрем: (К 60-летию со дня рождения) // АЕ за 1971 год. М., 1971. С. 337—340, а также сноски 6, 9, 10 настоящей статьи.

² Памяти своих учителей Евгения Эдуардовна посвятила следующие статьи: Петр Викторович Ернштедт: (Некролог) // ИАН. Сер. лит. и яз. 1967. Т. 26. Вып. 3; Петр Викторович Ернштедт: (Некролог) // ВВ. 1968. Т. 28 (совместно с В. С. Шандровской); Владимир Николаевич Бенешевич: (К 100-летию со дня рождения) // ВВ. 1973. Т. 35.

невековой литературы и истории искусства. Греческий рукописный фонд ГПБ сложился на протяжении XIX — начала XX в. в результате постепенного присоединения к первоначальному ядру коллекций П. П. Дубровского, К. Тишендорфа, Порфирия Успенского, Антонина Капустина, А. И. Пападопуло-Керамевса, А. А. Дмитриевского и других собирателей. До Евгении Эдуардовны хранителями и каталогизаторами этого замечательного собрания были Э. Муральт, А. И. Пападопуло-Керамевс, Х. М. Лопарев, И. А. Бычков, В. Н. Бенешевич. Усилия этих знатоков и исследователей рукописей были, естественно, направлены на описание и изучение находившихся в их ведении греческих манускриптов. Однако, несмотря на многолетнюю работу в этом направлении, каталог греческих рукописей Публичной библиотеки вплоть до середины XX в. так и не появился: исследователям были доступны лишь включающие незначительное число рукописей каталоги Муральта (1840 и 1864 гг.) и М. А. Шангина (1936 г.), опубликованные в ежегодных отчетах Публичной библиотеки краткие описания греческих рукописей, поступавших в это учреждение на протяжении XIX — начала XX в., немногочисленные исследования отдельных кодексов, а также (для специалистов, работавших непосредственно в ОР ГПБ) так называемый «Красный инвентарь», куда в течение многих лет Пападопуло-Керамевсом, Лопаревым, Бычковым, Бенешевичем вносились самые необходимые сведения о греческих рукописях Публичной библиотеки.

Сделать решающий шаг в деле каталогизации и исследования греческих рукописей ГПБ было суждено Гранстрем. Начиная с конца 30-х годов она ведет изучение состава фонда греческих рукописей ГПБ, а также истории этого огромного и сложного книжного комплекса. Последнее обстоятельство отметит очень важно: без учета истории формирования греческого рукописного собрания ГПБ было бы невозможно представить специфику всей коллекции, понять ее особенности по сравнению с другими значительными собраниями как у нас, так и за рубежом, определить важные направления в изучении рукописей.

Постепенно, по мере обработки материала, создавались несколько комплексов ее работ. Необходимо сказать, что деятельность Гранстрем как исследователя греческих рукописей пришлось на период возникновения и первых — весьма значительных — успехов греческой кодпкологии³. Определение задач этой дисциплины относится к 40—50-м годам. Как известно, одним из основных направлений работы кодколога является учет и каталогизация рукописных книг. В силу сложившейся ситуации, когда наши собрания располагали значительным количеством греческих рукописей, не имевших не только научного, но и предварительного описания, указанное направление становится главным в работе Евгении Эдуардовны. При этом, будучи долгое время единственным у нас специалистом по греческой палеографии и, естественно, «отвечая» за греческие рукописи не только ГПБ, но и прочих собраний Ленинграда и других городов, Евгения Эдуардовна не ограничивалась изучением и описанием фонда, непосредственно находившегося в ее руках. В 50—60-х годах ею был создан огромный «Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ», куда вошли 600 греческих рукописей IV — середины XV в. ГПБ, БАН, Эрмитажа, ЛОИИ и других учреждений⁴. Многие в этом труде было сделано впервые: установлены наиболее точные датировки рукописей с помощью появившихся к середине нашего столетия многочисленных альбомов и специальных палеографических исследований, определен текст большого количества фрагментов, приведена во всех возможных случаях библиография рукописей, выявлены и изучены палимпсесты.

³ Гранстрем Е. Э. Современное состояние византийской палеографии // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 158—173.

⁴ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1—8 // ВВ. 1959—1971. Т. 16, 18, 19, 23—25, 27, 28, 31, 32.

О последнем нужно сказать особо. В 60-х годах в Ленинграде благодаря деятельности Д. П. Эрастова сложились исключительно благоприятные условия для изучения палимпсестов. Содружество двух прекрасных специалистов — фотографа и палеографа — привело к важному результату: Евгенией Эдуардовной впервые было проведено систематическое обследование греческих и славяно-русских палимпсестов ленинградских хранилищ и полученные данные включены в ее каталог, а также изучены и обобщены в следующих статьях: «Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X—XI вв.», «Палимпсесты Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», «Чернец Малахия Философ», «Палимпсесты в греческих рукописях Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде»⁵. Они сразу же привлекли внимание ученых у нас и за рубежом и до настоящего времени остаются одними из немногих и очень ценных исследований греческих палимпсестов. Каталог Гранстрем — та основа, на которой должно быть продолжено описание греческих рукописей середины XV — начала XX в. ГПБ и других хранилищ Ленинграда (кроме БАН, каталог всего греческого рукописного фонда которой издан в 1973 г. И. Н. Лебедевой, ученицей Евгении Эдуардовны). К сожалению, каталог Гранстрем существует лишь в виде отдельных выпусков, публиковавшихся на протяжении 1959—1971 гг. в «Византийском временнике». Думается, что его переиздание отдельной книгой значительно облегчило бы труд многочисленных специалистов, постоянно обращающихся к помощи этого ценнейшего справочника.

Одновременно с созданием каталога византийских рукописей Ленинграда Гранстрем вела изучение отдельных рукописей и целых комплексов, важных в том или ином отношении. Как правило, такие ее работы совпадали с нуждами бурно развивавшихся дисциплин — греческой кодикологии и палеографии, значительно обогащали наблюдения специалистов, не работавших систематически над нашими материалами. Помимо указанных уже статей, посвященных греческим палимпсестам, назовем здесь следующие ее работы: «О связи кирилловского устава с византийским унциалом», «Унциальный период византийской письменности», «К вопросу о византийском минускуле»⁶, «О некоторых приемах оформления византийских рукописей», «Два неопубликованных средневековых каталога», «Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде». Евгения Эдуардовна постоянно держала в поле зрения не только греческий рукописный фонд ГПБ, но и рукописи многих других ленинградских и иногородних хранилищ. Большое значение имеют ее обзоры греческих коллекций БАН, собраний некоторых других научных учреждений Ленинграда, Тбилиси, сведения о греческих рукописях — полных книгах и фрагментах, рассеянных по многим библиотекам, архивам и музеям ряда городов нашей страны. Очень важно, что эти работы вскоре после их выхода в свет были включены в «Репертуар библиотек и каталогов греческих рукописей» М. Ришара⁷ — тем самым содержащиеся в них данные о рукописях советских собраний сразу же стали достоянием специалистов всех стран.

Каждый, кому приходится изучать греческие рукописи в отделах рукописей ГПБ и БАН, неизбежно обращается к трудам Гранстрем. Но не только они служат путеводителями, помощниками исследователей. Пользуясь различными изданиями, нужными для работы и находящимися на полках читальных залов этих отделов, а также описями греческих и русских рукописей, исследователь нередко находит на их страницах каран-

⁵ Здесь и далее см. указанный ранее список трудов Е. Э. Гранстрем (АЕ за 1971 год).

⁶ Эта работа переиздана недавно в сборнике: *Griechische Kodikologie und Textüberlieferung*, herausgegeben von D. Harlfinger. Darmstadt, 1980. S. 76—119.

⁷ *Richard M. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs*. P., 1958; *Idem. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Supplément I* (1958—1963). P., 1964.

дашные пометы, справки, указания, сделанные характерным, круглящимся почерком Евгении Эдуардовны в те годы, когда она сама вела кропотливый поиск необходимых сведений, делала колляцию текста изучавшейся ею рукописи, определяла датировку или происхождение манускрипта, и всегда получают добрую и такую важную помощь в работе.

Пожалуй, основной идеей, определяющей характер творчества Гранстрем, является идея о необходимости изучения греческо-славянских и особенно греческо-русских культурных связей, отыскания тех следов, которые оставили на русской почве некогда находившиеся здесь греческие рукописные книги. Занимаясь рукописями, греческими и русскими, она всегда имеет в виду эту проблему, причем стремится не только решать ее собственными силами⁸, но и привлекать к такой работе других исследователей. Вот почему последние годы она так много сил отдает созданию справочников, которые позволили бы в дальнейшем изучать судьбы византийской литературы в России⁹.

Как всякий большой ученый, заботящийся о будущем своего дела, Е. Э. Гранстрем создала свою школу греческой кодикологии. Евгении Эдуардовне удалось не просто подготовить несколько учеников (при ее самоотверженной готовности всегда прийти на помощь, дать совет, библиографическую справку, поделиться и знаниями, и специальной литературой, постоянно помнить об интересах и темах своих подопечных это, казалось бы, не так трудно), но именно создать школу, объединив своих учеников в работе по каталогизации греческих рукописей советских хранилищ, изучению истории наших коллекций, истории греческо-русских связей на матерпале рукописей Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, Харькова и других городов — одним словом, в работе по научному освоению наших богатых и разнообразных собраний греческих манускриптов.

Евгения Эдуардовна Гранстрем продолжает свои исследования. Недавно она закончила работу «Александр Македонский и врачевальные молитвы», которая находится в печати. От всего сердца желаем ей здоровья и бодрости, продолжения интересной и такой важной и нужной для всех нас работы.

⁸ См. ее статьи: «Греческая палеография в России», «Византийское рукописное наследие и древняя славяно-русская литература», «Греческие параллели к гимнографическим текстам „Минеи Дубровского“», «Чернец Малахия Философ».

⁹ Гранстрем Е. Э. Иоани Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.) // ТОДРЛ. 1980. Т. XXXV.

Тихомировские чтения

Б. Г. Литвак, В. А. Черных, С. О. Шмидт

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ЗАДАЧАХ СОБИРАНИЯ И НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИЖНОСТИ

За десять лет, прошедших после Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии, работа по выявлению у населения и получению на государственное хранение памятников старинной письменности и книжности принесла новые значительные плоды. За эти годы значительно расширился фронт полевых археографических исследований. Вслед за давно уже успешно работающими археографическими центрами Ленинграда, Москвы, Новосибирска возникли и окрепли новые центры на Урале, в Горьком, Ярославле, Вологде, Пскове, Сыктывкаре. Наряду с собиранием памятников славяно-русской письменности и книжности весьма плодотворную работу по собиранию памятников восточной письменности развернули археографы Уфы и Казани, Махачкалы и Улан-Удэ, Азербайджана и Средней Азии. Настойчиво и весьма успешно продолжают работу по собиранию национальных памятников письменности археографы Армении и Грузии.

Настоящая конференция посвящена проблемам собирания и описания памятников кириллической книжности. Вопросы, связанные с собиранием памятников старинной письменности других народов СССР, а также памятников нового и новейшего времени, заслуживают отдельного рассмотрения. Важной отличительной особенностью полевых археографических исследований в нашей стране является постоянная тесная координация работ, осуществляемых научными коллективами Академии наук СССР и высших учебных заведений, архивными учреждениями, библиотеками и музеями.

В соответствии с Законом СССР об охране и использовании памятников истории и культуры основную ответственность за собирание, учет и хранение всех документальных памятников, и в их числе старинных рукописных книг, несут учреждения системы Главархива СССР и Главархивов союзных республик. На Археографическую комиссию АН СССР возложены научно-методическое руководство работой археографических экспедиций и координация их деятельности. Система совместного руководства археографическими экспедициями со стороны архивных учреждений и Археографической комиссии выдержала испытание временем, полностью оправдывает себя, охватывая также учреждения и организации, подведомственные министерствам культуры, высшего и среднего специального образования, просвещения. Постоянные плодотворные контакты поддерживаются также с Обществами охраны памятников истории и культуры и Обществами книголюбов. Важное значение для совершенствования организации археографических экспедиций имело совместное решение Коллегии Главархива РСФСР и Археографической комиссии АН СССР от 24 января 1985 г. «Об улучшении собирания и охраны старинных документальных памятников в РСФСР». Результаты археографических экспедиций за последние десять лет будут широко

представлены на выставке рукописных и старопечатных книг, организуемой Главархивом РСФСР и Археографической комиссией с участием всех учреждений, проводящих такие экспедиции.

Результаты работы археографических экспедиций, собиравших памятники кириллической письменности, по 1974 г. включительно были обобщены Д. И. Тверской¹. Сводные данные о количестве памятников славяно-русской (кириллической) письменности, полученные в результате археографических экспедиций 1975—1984 гг., приведены в «Археографическом ежегоднике за 1984 год»². В следующей таблице приведены данные о количественных результатах полевых исследований основных археографических центров за 1981—1985 годы:

	Рукописные книги		Старопечатные книги	
	Всего	В том числе XV—XVII вв.	Всего	В том числе XVI—XVII вв.
ИРЛИ	613 ³	28	—	—
ЛГУ	—	—	41	10
БАН	194	8	72	21
ГПБ	55	1	4	1
МГУ	525	40	341	187
ГБЛ	31	—	1	1
Сибирское отделение Археографической комиссии	130	12	128	54
Уральское отделение Археографической комиссии	596	10	286	104
Университеты:				
Горьковский	51	4	140	31
Сыктывкарский	71	—	25	2
Ярославский	86	4	172	51
Музеи:				
Вологодский	22	14	105	32
Пермский	37	2	19	5
Исковский	24	2	94	15

В дружной археографической работе учреждений различных ведомств встречаются еще отдельные случаи нарушения установленного порядка, самостоятельных действий, уклонения от государственного учета собранных памятников. Так было недавно с Томским областным краеведческим музеем и его филиалом в Коларове, которые, широко пропагандируя свои находки в печати и по телевидению, в то же время долго отказывались предоставить необходимые сведения о них Сибирскому отделению Археографической комиссии, поставить их на государственный учет.

Задачи спасения от гибели, собирания, привлечения на государственное хранение памятников старинной письменности и книжности все более тесно смыкаются с задачами их изучения, описания, введения в научный и культурный обиход. Не случайно поэтому мы решили обсудить на данной конференции обе эти важнейшие стороны археографической деятельности — собирательскую и описательную. В области изучения и описания старинных документальных памятников, как собранных археографическими экспедициями последних лет, так и давно уже хранящихся в центральных и местных архивах, библиотеках и музеях, достигнуты определенные успехи. Достаточно назвать продолжающуюся работу над Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг, научные описания рукописей Библиотеки АН СССР, образцовые описания рукописей и старопечатных книг Научной библиотеки Московского университета, описания, публикуемые на страницах своего ежегодника Сибирским отделением Археографической комиссии, и, наконец, полу-

¹ Тверская Д. И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. 1976. № 1. С. 106—124.

² АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 325.

³ В это число частично вошли полученные в экспедициях рукописные материалы крестьянских архивов XIX—XX вв.

чившую широкую известность «Вологодскую программу», опыту и урокам которой посвящен сегодня специальный доклад П. А. Колесникова и А. А. Амосова и которая находит подражателей и продолжателей на Урале, в Сибири и в ряде других регионов нашей страны.

Однако нельзя не отметить, что научное описание полученных книг и рукописей существенно отстает от их собирания. Основные и трудно преодолимые причины этого заключаются, во-первых, в недостатке квалифицированных кадров археографов в штатах центральных и особенно местных хранилищ и, во-вторых, в совершенно недопустимо низком, мизерном уровне издательских возможностей, которые не только не улучшаются, но продолжают сокращаться. Даже такие крупнейшие хранилища, как ГИМ или ГПБ, практически лишены возможности издавать научные описания своих собраний. Не лучше обстоит дело и с изданием необходимых справочных пособий по палеографии, кодикологии, филигранологии, без которых успешное издание рукописей невозможно. Такое положение недопустимо, и необходимо найти пути его коренного улучшения.

Деятельность археографов, собирающих и вводящих в научный и культурный обиход документальные памятники давнего и недавнего прошлого, является частью благородной работы по охране и пропаганде культурного наследия народов нашей страны, работы, к которой приковано в наши дни пристальное внимание советской общественности. В этих условиях Археографическая комиссия АН СССР видит смысл своей деятельности в постоянном совершенствовании методики проведения археографических исследований, в обеспечении высокого научного уровня работ по собиранию, изучению, научному описанию и публикации документальных памятников.

Н. Н. Покровский

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ

На первой конференции по полевой археографии в 1976 г. мне уже доводилось говорить о важности археографических поисков для исследования проблем истории народной культуры, народного общественного сознания. С тех пор было немало сделано и в плане экспедиционной работы, и в архивохранилищах, и в теоретическом осмыслении проблемы.

Обращаясь к теории, хочется упомянуть о попытках создания структурной модели народного общественного сознания периода феодализма. С подобной попыткой выступил, в частности, Л. Н. Коган, предложивший четкую схему такого сознания. В центре ее — народное мировоззрение, определяемое как «стихийный материализм». От центра зависят периферийные сегменты сознания: политические, юридические, этические, естественнонаучные взгляды народа, народная педагогика.

Эта интересная схема может, на наш взгляд, быть существенно изменена. Следует, в частности, учитывать сложное разностороннее взаимовлияние разных частей народного сознания. Можно наметить и внутреннюю структуру каждой из них.

Но главное, центральное, «философское» ядро всей схемы вряд ли закономерно определять как «стихийный материализм». Видимо, здесь удачнее термин «народное мирозерцание и миропонимание», включающий для периода позднего феодализма в России по крайней мере следующие три компонента: стихийный материализм на поведенческом уровне, уровне обыденного сознания, остатки классического языческого мировоззрения¹ и, главное, народное православие, по ряду существенных параметров значительно отличающееся от официального, казенного. Интересной отдельной проблемой для исследователя (и особенно для полевого археографа) является то, каким образом народное православие сочетается в массовом сознании с многочисленными вариантами старообрядческих учений, также подчас трансформирующихся в народной среде.

Отметим сразу, что каждый участник археографических экспедиций, изучающий как старообрядческую письменность, так и ее реальное бытование в районах экспедиционных работ, знает о существовании нескольких уровней влияния народного православия на старообрядческую догматику и ее интерпретацию. Это влияние хорошо заметно уже на стадии отбора авторитетных текстов Священного писания и предания в качестве основных блоков будущей догматической постройки; оно ощущается в процессе создания памятников старообрядческой письменности — системы авторитетных текстов главных идеологов старообрядчества²; оно еще заметнее как в толкованиях этой системы учениками и последователями первых идеологов раскола и его согласий, так и в широкой народной их интерпретации. В этом — один из секретов гибкости народного сознания при всем его традиционализме. И памятники старообрядческой письменности, и архивные делопроизводственные мате-

¹ В это время языческие по происхождению представления в огромном большинстве уже включены в христианство, официально-церковное («воцерковление») или народное.

² См., например, исследования Л. К. Куандыкова о подобном влиянии народных православных представлений на основные нормативные документы выговских киновиархов по теоретическим проблемам пустынножительства.

риалы, и полученные в экспедициях сведения не раз рисовали поразительные картины бурного, взрывного по характеру роста популярности в народной среде какого-либо идеологического центра, его руководителя; за таким авторитетным «лжеучителем» подчас шли в огонь (в самом прямом, страшном смысле этого слова) люди, исповедовавшие иные, старообрядческие догмы, а зачастую и «никониане», чье мировоззрение, однако, характеризуется категориями народного православия.

В этом плане особенно важно, что народное сознание (в отличие от официальной церковной догматики) вполне допускало и часто практиковало обращение к божеству минуя всю церковную организацию. Именно таков смысл всех «белых» заговорных формул, магии, представлявших и в период позднего феодализма важную составную часть народной жизни. И хотя заговоры подчас почти неотличимы от обычной православной молитвы (на Алтае мы фиксировали в экспедициях употребление православных молитв в качестве заговоров), церковь преследовала их жесточайшим образом именно потому, что они противоречили догмату спасения только через церковную организацию. К тому же это — обращение к божеству с вполне земными, непозволительно прагматическими целями.

Сделанный Аввакумом в Пустозерске смелый вывод о возможности бессвященнической религиозной жизни, столь невероятный для клирика, в какой-то мере был подготовлен упомянутой чертой народного религиозного сознания.

Подобным образом творчество Аввакума отразило и другую характерную черту народного православия — непозволительное для «высокого богословия» стремление к сугубо реалистическому и конкретному восприятию самых абстрактных догм из сферы «тайн непознаваемых» вроде тезиса о тричности и единстве божества, об одновременном пребывании второй ипостаси на небесном престоле, на Голгофе и в аду и т. д. Давно уже замечено, что и творчество Аввакума, и народное мировоззрение во многом питаются здесь из одного источника: апокрифической письменности. Апокрифы распространялись в верхах и низах русского общества и в виде рукописей, и в многочисленных печатных изданиях (важно отметить три слоя печатной продукции: украинско-белорусские издания конца XVI — начала XVII в., книги Московского печатного двора 40-х годов XVII в., старообрядческие книги, распространявшиеся подчас нелегально), и, наконец, в фольклорной форме. Археографические экспедиции помогают собрать богатый материал ценных источников буквально по каждому из этих путей распространения апокрифов. Ограничимся одним актуальным примером.

В одной из сибирских поморских общин был приобретен рукописный сборник XVII в., содержащий ряд сочинений украинских и белорусских полемистов демократического «первого поколения», в том числе основанных на апокрифических памятниках, связанных с именем Кирилла Иерусалимского. На первый взгляд казалось, что это просто копия известного издания Московского печатного двора 1644 г. — «Кирилловой книги». Детальная текстология и архивный поиск помогли Т. А. Опариной доказать, что перед нами созданный в России в начале 1620-х годов неизвестный ранее сборник постоянного состава «Просветитель Литовский», что украинско-белорусские памятники прошли в его составе несколько этапов лингвистической и идеологической обработки (связанной с именами таких известных деятелей, как Иван Хворостинин, Иван Наседка, Стефан Вонифатьев) и, главное, что эти этапы, сложная жизнь этих памятников на Руси явились одновременно и этапами выработки важнейшего для народного сознания XVII—XIX вв. комплекса эсхатологических взглядов, противопоставленных церковной догме и носящих бунтарскую политическую окраску.

Этот комплекс неизменно играл первостепенную роль и в ходе повседневной классовой борьбы, и в ходе таких массовых восстаний, как Соловецкое, Хованщина, Астраханское, Булавинское, Тарский бунт 1722 г.

Изучение документов этого последнего позволило вскрыть прямое влияние на лозунги движения рукописной и печатной литературы, конфискованной у восставших. Списки конфискованного поражают точным соответствием с тем кругом народного чтения периода позднего феодализма, который все полнее выявляется археографическими экспедициями, и в то же время прямым воздействием этих книжных текстов на идеологию классовой борьбы.

В частности, толкование всего комплекса книг, пользовавшихся огромным авторитетом у восставших, как подтвердило следствие, позволило восставшим прийти к крайне радикальным политическим выводам, наложившим заметный отпечаток на традиционный крестьянский монархизм. Это выводы, сделанные на основе апокрифических толкований Апокалипсиса и сочинений украинских полемистов: идеи «трех отступлений» в сложном сочетании с теорией «Москва — третий Рим», представления о начавшемся исполнении эсхатологических пророчеств, антихристовом характере государственной власти и государственной церкви, недействительности в «последнее время» традиционной церковной догмы об обязательном подчинении царской власти. Вопреки евангельским словам о динарии кесаря был сделан важный вывод о душепагубности подушной подати, рекрутчины и многих других реалий Российской империи XVIII—XIX вв. Отвергался (как признак «воцарения Антихриста») сам общий принцип подчинения церкви, веры нечестивой царской власти. Судебно-следственные источники по истории классовой борьбы XVII—XIX вв., сопоставленные с получаемыми в археографических экспедициях памятниками крестьянской письменности, показывают, что старообрядческая окраска всех этих политических взглядов и теорий не мешала тому, что их активно поддерживали представители самых широких социальных слоев, в конфессиональном плане старообрядцами отнюдь не являвшиеся. Это равно относится и к такой повседневной форме классовой борьбы, как антифеодальный побег. Крестьяне охотно использовали как созданную разными старообрядческими направлениями тайную организацию транспортировки и укрытия беглецов, так и обширную литературу, обосновывавшую необходимость бегства от слуг царя-антихриста. В моменты острых классовых столкновений (например, когда эти царские слуги настигали беглецов в их тайных укрытиях близ подпольных скрипториев) в XVII—XVIII вв. нередко происходили самосожжения; документы в ряде случаев помогают установить, что среди сгоревших лишь небольшая часть являлась убежденными старообрядцами. Созданные в ходе такой борьбы памятники письменности не были поэтому специфически старообрядческими, а отражали и более широкие политические взгляды. Тем интереснее поставить на материале создаваемых в ходе экспедиций территориальных собраний вопросы соотношения системы книжных авторитетов в подобных остро политических памятниках крестьянской письменности с книжным репертуаром территориальных собраний.

В ходе обширного розыска 1722—1725 гг. о Тарском бунте и крестьянских выступлениях в Западной Сибири следователи конфисковали у восставших 191 печатную книгу, 73 старые рукописи и 48 документов (раздел «документов» состоял в основном не из документальных, а из нарративных источников — из недавно созданных памятников крестьянской политической мысли: многочисленных «толкований» о царе-антихристе, податях, рекрутчине и т. д.).

В составе этой обширной библиотеки, оказавшей, судя по «пытошным речам», решающее влияние на формирование политических теорий движения, археограф легко обнаружит три хорошо известных ему историко-культурных пласта книжности: раннехристианскую и византийскую, святоотеческую литературу, сочинения украинско-белорусских полемистов конца XVI — начала XVII в. и новое общественно-литературное явление — писания русских старообрядцев.

К первой группе книг относятся новозаветные тексты Священного

писания, Евангелие, Апостол и особенно Апокалипсис, а также их толкования, связанные с именами Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Аввы Дорофея, Филиппа Пустынника. В этих книгах крестьян и казаков интересовали как эсхатологические, так и пустынножительные теории. Не случайно также наличие среди конфискованных печатных книг восьми экземпляров сочинений Ефрема Сирина, крупнейшего авторитета в области эсхатологии и анахоретства. Многие печатные и рукописные книги этой группы связаны именно с пустынножительной традицией. Они включали ряд служебных и нормативных текстов, регулировавших жизнь в многочисленных тайных пустынях, которые подверглись разгрому при подавлении движения. Особо отметим, что после 1652—1666 гг. изменилась функция старых изданий служебных книг (чаще всего привозимых сейчас археографическими экспедициями). Издания служебных текстов всегда выполняли не только религиозные, но и важные политические задачи. Недавно И. В. Поздеева интересно продемонстрировала это на примере богослужебных изданий московского Печатного двора первой половины XVII в., четко внедрявших официальный комплекс политических взглядов. После запрещения «дониконовских» изданий в ходе церковной реформы середины XVII в. наблюдается важнейший для археографа процесс, точно отмеченный А. И. Копаневым, связанный с переливом книжных фондов приходских библиотек официальной церкви в тайные, заботливо охраняемые от постороннего казенного глаза крестьянские библиотеки. Пользование старыми текстами после церковной реформы строжайше преследуется властями и становится важным признаком, позволяющим выявить оппозиционные официальной церкви и государству взгляды. Издания, в свое время способствовавшие утверждению официальной идеологии, начинают в народной среде играть противоположную роль: из них черпают аргументы в подтверждение теорий о «последнем времени», нечестивой церкви, «царствующем Антихристе»; активно развиваются народным сознанием заложенные в книгах всего этого пласта идеи раннехристианского социализма, лозунг Апостола: «Кто не работает, тот не ест».

В не меньшей мере это относится и ко второму пласту книжности — сочинениям украинско-белорусских полемистов конца XVI — начала XVII в.: Ивана Вишенского, Стефана Зизания, Захария Копыстенского, Мелетия Смотрицкого и др. Эти сочинения были восприняты народным сознанием второй половины XVII—XIX вв. преимущественно через посредство их официальных московских изданий 1640-х годов (особенно «Кириллову книгу» и «Книгу о вере»); эти издания, позднее осужденные «никоианскими соборами», и стали наиболее авторитетными текстами для последующих поколений крестьянских бунтарей. Тексты осужденных книг с удивительно высокой степенью точности цитировал на дыбе один из руководителей Тарского бунта — В. Исецкий, обосновывая отказ от присяги царю-антихристу.

Наконец, огромную роль в формировании народного политического сознания, лозунгов многих актов антифеодального протеста, восстаний и крестьянского побега сыграла ранняя старообрядческая литература — соловецкие челобитные, произведения Аввакума, Авраамия, Федора, Елифания и многих других, эсхатологические сочинения с их тезисом отказа от моления за государя и т. д. Именно в этом направлении шла дальнейшая разработка политических взглядов в многочисленных памятниках крестьянской письменности XVIII—XIX вв., и почти каждый экспедиционный сезон приносит все новые рукописные сборники с такими сочинениями. В недавнем исследовании Н. С. Гурьяновой анализируется 101 произведение подобной крестьянской эсхатологии за XVIII век. В 36-м т. Трудов Отдела древнерусской литературы недавно Н. С. Демковой и Н. Ю. Бубновым был опубликован один из неизвестных ранее памятников XVII в., находящихся у истоков огромной реки крестьянских сочинений XVIII—XIX вв., — «Возвещение от сына духовного ко отцу духовному». Памятник 1676 г., содержащий крайне

острые эсхатологические характеристики царя, царской власти, дающий сатирическое описание смерти Алексея Михайловича (ставшее вскоре благодаря трудам Аввакума и Федора широко известным), был впервые найден участниками археографической экспедиции ЛГУ Т. Ф. Волковой и Н. Н. Барминской.

Эсхатологические и прочие аспекты крестьянских политических взглядов нашли энциклопедическое отражение в огромном компендиуме крестьянской письменности XVII—XIX вв. — четырех колоссальных томах, созданных в последней четверти XIX в. в одном из центров литературной традиции в селах Зауралья. Издающаяся сейчас роспись содержания этих томов, полученных экспедициями Сибирского и Уральского отделений Археографической комиссии, занимает около 9 авт. л. В томах обильно цитируются произведения всех трех упомянутых выше историко-культурных пластов книжности, как и оригинальные сочинения XVIII—XIX вв.

Влияние идей этих трех пластов можно проследить даже в таких крестьянских сочинениях, которые вообще-то не обнаруживают прямой связи с литературной традицией тех или иных старообрядческих согласий. Так, в привезенном Дергачевой-Скоп и Алексеевым из Красноярского края большом оригинальном произведении — «Повесть дивной» беглого оренбургского казака Владимира Трегубова — видно (как текстологически, так и по прямому свидетельству автора) значительное влияние Апокалипсиса, Кирилловой книги и Соловецкой челобитной («пятой»).

Крестьянские сочинения, привозимые археографическими экспедициями или давно хранящиеся в государственных фондах, как и архивные документальные источники, свидетельствуют, что даже в самых острых выступлениях против власти царей-антихристов в крестьянском сознании обязательно присутствовал и наивный монархизм. Он проявлялся в разных формах — противопоставлении антихристовой сущности правящего монарха идеальной власти бывлых государей (или даже власти царя-ангела, как в проанализированной Е. К. Ромодановской «Повести о царе Аггее», популярной в крестьянской среде), ожидании появления «истинных царей», поддержке самозванцев, распространении подложных «милостивых указов», легендах о «царях-избавителях» и т. д. Участники Тарского бунта изъявляли желание присягнуть «истинному» царевичу и просили Петра I назначить такового. Трегубов был убежден, что наказание казаков шпицрутенами было определено не царем-антихристом Николаем I, а губернатором В. А. Перовским.

От наивного монархизма крестьян избавит лишь революция 1905 г. Однако важно подчеркнуть, что в период позднего феодализма крестьянский монархизм столь же существенно отличается от дворянского, как народное православие от синодального. Эти отличия вызваны в первую очередь оппозиционным характером народного сознания по отношению к классу хозяев феодальной собственности, к поддерживающей этот класс казенной церкви. «Истинный государь» обязан в союзе с народом бороться против притеснений бояр, воевод, губернаторов и церковников. Выполнение этой обязанности является проверкой его «истинности». Если он такую проверку не выдержал, народное сознание освящает борьбу против власти государя-антихриста и антихристовой церкви, борьбу, антифеодальную по характеру.

Указанные особенности народного политического и религиозного сознания ярко демонстрирует, например, небольшое крестьянское произведение, обнаруженное в 1985 г. в двух списках экспедициями ИРЛИ и ИИФФ СО АН. Это криминальнейший с точки зрения царских властей чин проклятия официальной синодальной церкви как антихристовой. Памятник требует изучения и скорейшего издания. Подобные требования могут быть применены и в целом ко всему обширному слою находимых в археографических экспедициях, включенных в территориальные собрания и иные фонды памятников крестьянской письменности.

А. А. Амосов, П. А. Колесников

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПИСАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В МЕСТНЫХ ХРАНИЛИЩАХ

(«Вологодская программа»: сущность, результаты и задачи)

В последние годы в археографическом обиходе нередко употребляется словосочетание «Вологодская программа», причем в разных контекстах. Мы полагаем нужным дать некоторые разъяснения применительно к данному понятию, кратко охарактеризовать его содержание, отметить позитивные стороны и сложности в реализации.

Необходимо оговориться, что понятие «Вологодская программа» завоевало права гражданства с начала 80-х годов, когда этими словами стала обозначаться совокупность действий и мероприятий, являющихся развитием и воплощением идей М. Н. Тихомирова и других советских археографов, направленных на соби́рание, охрану, публикацию и использование документальных памятников истории и культуры.

Учреждение в 1968 г. Северного отделения АЖ положило начало деятельности в этом направлении. Стали регулярно выходить в свет «Северные археографические сборники», на страницах которых публикуются уникальные по своему значению памятки письменности, отразившие социально-экономические и культурные аспекты истории, вклад народных масс Европейского Севера в материальную и духовную культуру края и страны. Организация в 1977 г. Вологодской областной секции документальных памятников ВООПИК дала новый импульс археографической эдиционной работе.

Полевая археографическая работа на территории области ведется достаточно давно. Вначале в ней принимали участие только центральные научные учреждения, а с первой половины 70-х годов к полевой работе подключились также студенты и преподаватели ВГПИ. С конца 70-х годов полевая археографическая работа проводится в тесной кооперации специалистов БАН, ВГПИ и ВОКМ. К работе по выявлению у населения памятников истории и культуры широко привлекаются учителя и краеведы. В основном усилиями преподавателей, студентов и краеведов собран огромный эпистолярный материал периода Великой Отечественной войны, позволивший издать два специальных сборника: «Письма с фронта» и «Письма с фронта и на фронт»; причем последний, вышедший в 1985 г., является пока единственным, в котором составителям удалось опубликовать синхронную во времени переписку воинов действующей армии и их родственников в тылу — невест, жен, братьев и сестер, родителей. Подготовка этой уникальной книги, продолжавшаяся более десяти лет, потребовала особых деликатно-доверительных отношений с владельцами этих писем.

Одним из направлений в работе археографов Вологды является создание новых источников, отражающих решение современных задач социально-экономического и культурного развития северной деревни. В печати уже освещался опыт проведения анкетирования сельских населенных пунктов Тарногского района, на основе которого была разработана целая система мероприятий, в том числе и по оптимальному претворению в жизнь решений партии по Нечерноземью. В настоящее время готовится предложение о сохранении тех деревень, которые в историко-культурном отношении представляют особую ценность.

Каково понимание «Вологодской программы» в широком смысле?

Это комплекс мероприятий, охватывающий многие направления в деятельности Северного отделения АН и тесно связанных с нею Вологодского проблемного объединения по истории сельского хозяйства и крестьянства, Вологодской секции документальных памятников ВООПИК, ВГПИ и музеев Вологодской области. Следует подчеркнуть, что с самого начала выполнения отмеченных задач работа ученых Вологды и других северных городов протекала в тесной кооперации с научными силами центральных учреждений. Совместные разработки представителей академической, вузовской и отраслевой наук производились в атмосфере заинтересованности со стороны партийных и советских органов, а также музеев, архивов, учреждений культуры. Это обеспечило материальную базу для осуществления намеченной и одобренной в центре и на местах программы.

Именно в этом контексте и следует понимать содержание «Вологодской программы» в узком смысле как проекта подготовки и издания Свода документальных памятников в хранилищах Вологодской области. В рамках этой программы проводятся выявление, обследование состояния и условий хранения, научное описание памятников письменности, готовятся рекомендации по их использованию в экспозиционных и научных целях, издаются тома Свода документальных памятников.

Работа в этом направлении была начата в середине 70-х годов, когда Бюро Северного отделения АН приняло решение о проведении рекогносцировочных экспедиций для общего изучения поставленных вопросов. Были привлечены преподаватели кафедры истории СССР ВГПИ, студенты, работники областного музея.

Уже первое знакомство дало неожиданные и довольно тревожные результаты. Было установлено, что а) в музеях хранится значительно большее, чем предполагалось, число редких, даже уникальных, памятников письменности как дооктябрьского, так и советского периода; б) в большей части хранилищ недостаточна квалификация работников (не владея даже начатками палеографии и других специальных исторических дисциплин, они не могут правильно атрибутировать памятники письменности и дать им историко-культурную оценку); в) следствием сказанного является неумение правильно использовать памятники в музейной экспозиции; г) неправильное хранение и повреждения памятников ведут к их скорой утрате, если своевременно не будут проведены консервационные работы.

Рекогносцировочные экспедиции дали богатый материал для выводов и для разработки той суммы мероприятий, которая и получила обиходное обозначение как «Вологодская программа».

Во-первых, необходимо было срочно принять меры для ликвидации «архивной неграмотности» музейных работников. Был проведен специальный семинар по ознакомлению их с азами специальных исторических дисциплин. Каждый музей получил разработанные кафедрой краткие пособия по ускоренному изучению палеографии, хронологии и метрологии. На общих музейских семинарах было усилено внимание к учебе хранителей документальных памятников. Проведен особый семинар с хранителями фондов государственных музеев и заведующими народными музеями.

Во-вторых, утвердилась мысль, высказанная С. О. Шмидтом на научной конференции в Вологде еще в 1968 г., о проведении каталогизации памятников письменности. Идея о сплошном обследовании всех письменных и книжных фондов музеев нашла поддержку в областном Управлении культуры. А проведение в июне 1983 г. в Вологде Всероссийского совещания по проблеме «Охрана и использование документальных памятников истории и культуры» способствовало принятию в апреле 1984 г. специального решения Вологодского облисполкома об издании Свода документальных памятников области, в котором были определены учреждения и лица, ответственные за выполнение этого решения.

В-третьих, стало очевидным, что для осуществления программы необходимо было привлечь археографов-профессионалов, которые могли бы обеспечить качественное атрибутирование, описание и составление в форме каталогов Свода памятников, передав при этом часть опыта сотрудникам местных учреждений. По инициативе сотрудников БАН была создана межведомственная группа, включавшая сотрудников АК и ЦМР СССР; местные силы вошли в состав группы как вспомогательные. Научным руководителем работ были составлены соответствующие методические разработки и общий план, согласованный и утвержденный Северным отделением Археографической комиссии¹.

Наш опыт подсказал, что в составе группы специалистов, проводящих основные работы по составлению каталогов для Свода документальных памятников, должны быть археограф-рукописник, книговед, источниковед-архивист, источниковед-музеевед. Этот мини-коллектив должен в совокупности обладать достаточно глубокими и серьезными знаниями как общеисторического профиля, так и в области отдельных направлений в исторической науке (социально-экономическая история, история культуры, история государственных учреждений и т. д.). Совершенно необходимы основательные знания в области специальных и вспомогательных исторических дисциплин (источниковедение, филология, палеография, хронология, метрология, история литературы и др.). Крайне желательно знакомство с историей религиозно-общественных движений и прикладными дисциплинами богословского цикла (догматика, литургика, герменевтика, гомилетика и пр.). Необходимы и некоторые познания из сферы истории техники (история полиграфического производства, технология книгопечатания и т. п.).

Мы позволили высказать это мнение для того, чтобы предостеречь начинания такого рода деятельности от возможной недооценки необходимости высокой квалификации членов рабочей группы, осуществляющей подготовку Свода документальных памятников. Непрофессиональный подход к такого рода работе может привести не только к неоправданному расходованию государственных средств (а общая стоимость подготовки Свода документальных памятников достаточно велика, главным образом из-за высокой стоимости полиграфических работ), но и к дискредитации из-за многочисленных, неизбежных при дилетантском подходе ошибок не только издания Свода, но и самой идеи такого рода региональных программ.

Необходимым условием успеха является четкая координация осуществления программы. В широком смысле в условиях Вологды координация осуществлялась Бюро Северного отделения АК и Секцией документальных памятников ВООПИК, регулярно заслушивавших членов рабочей группы, сообщавших о достигнутых результатах; на ежегодных заседаниях Бюро отделения и руководства Секции определялись и практические меры, необходимые для развертывания очередного этапа программы. Однако должен быть и персонально ответственный координатор программы в целом, на обязанностях которого лежат связи с соответствующими учреждениями культуры, партийными и советскими учреждениями, местными и центральными органами (АК, Центральный совет ВООПИК, ЦК ВЛКСМ, Министерство культуры, Главархив СССР и РСФСР и др.), а также общее редактирование и решение вопросов материального обеспечения изданий Свода (финансирование, бумага, картон и т. д.).

Свой координатор должен быть и в составе рабочей группы. В его обязанности (помимо прямого участия в работах) входит руководство научной стороной археографических работ, определение и согласование отдельных участков и этапов, разрешение всех вопросов научно-методического характера, разработка проектов программы в целом и отдельных

¹ Подробнее о задачах и структуре плана см.: Амосов А. А. «Вологодская программа»: Итоги и перспективы // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984.

ее разделов, поддержание связей между членами рабочей группы и другими участниками программы и др.

Выполнение названных выше условий обеспечит не только практическую осуществимость программы, но и достаточно высокий ее научный уровень.

«Вологодская программа» — в широком и узком смысле по своему характеру долговременная. Выполнение широкой программы не только подразумевает выполнение более узкой (издание Свода документальных памятников), но и обеспечивает ее, создавая благоприятный общий фон для специализированных разработок. В рамках той и другой программы достигнуты определенные результаты. Регулярно проводятся годовые собрания Северного отделения АН и Секции документальных памятников. Обеспечено было проведение в Вологде Всероссийского совещания по проблемам охраны и использования документальных памятников. Приняты постановления облисполкома о проведении анкетирования всех сельских поселений области и об издании Свода документальных памятников. Завершена первая серия Свода, ведется работа по изданию второй серии. Изданы два сборника эпистолярного наследия участников Великой Отечественной войны. Однако думается, что самое главное, достигнутое в ходе реализации «Вологодской программы» (равным образом как широкой, так и узкой), — это определенные сдвиги в сознании ответственных работников, с одной стороны, и сотрудников местных хранилищ — с другой. Документальные памятники приобрели в их глазах несомненную и значительную историческую ценность, а кооперирование местных сил с учеными центра в разработке памятников письменности стало рассматриваться как естественная форма работы.

«Вологодская программа» — эксперимент, поставленный в довольно благоприятных условиях, но имевший немалые сложности. Основным итогом этого эксперимента (напомним, что итог предварительный, ибо работа продолжается), как кажется, это доказанная возможность активизации человеческого фактора в тех сферах, где ранее не предполагалось возможным. Стратегия ускорения, выдвинутая партией перед всем советским народом, действительна и на ниве археографии (разумеется, в случае правильной научной организации). Нам думается, что опыт, накопленный в ходе реализации «Вологодской программы», может быть использован при постановке аналогичных программ в любом другом регионе: совокупность нормативных документов, выработанных и «обкатанных» в нашей практике, обеспечивает юридическую и материальную сторону работ; совокупность методических разработок, составленных в процессе атрибуции и научного описания памятников, гарантирует достаточный информативный уровень создаваемых каталогов; совокупность приемов редакционно-издательской работы и полиграфического производства, опробованная нами, позволит в перспективе оптимизировать и экономическую сторону аналогичных программ.

Состав документальных памятников, откладывающихся в местных хранилищах — областных, районных, ведомственных и общественных музеях, более или менее однороден и легко поддается систематизации и группировке по заранее заданным критериям. Это позволяет утверждать, что возможно составление Свода документальных памятников в масштабах всей страны (или, во всяком случае, РСФСР) по единой формализованной модели, отработанной в Вологодской области. По нашему мнению, в составе Свода достаточно выделять пять частей или разделов: а) рукописные книги, б) книги кириллической печати, в) книги гражданской печати, г) документы дореволюционного периода и д) документы советского периода. Все остальные категории документальных памятников в музейных собраниях, как правило, немногочисленны и могут присоединяться к одной из названных частей.

Свод документальных памятников Вологодской области подразделяется именно таким образом. Подобное подразделение обусловлено, помимо прочего, и потребностью в различной методике научной обработки каж-

дой из соответствующих категорий памятников. С 1982 по 1985 г. в составе Свода в серии «Памятники письменности в музеях Вологодской области» издано восемь выпусков и еще пять готовятся к печати. В их составе в научный оборот вводятся в абсолютном большинстве впервые свыше 950 рукописных книг и фрагментов в хронологических рамках с XIV по XX в., более 3800 книг кириллической печати, начиная с Апостола 1564 г., свыше 3650 книг гражданской печати 1709—1825 гг., несколько тысяч подлинных документов дореволюционного периода, самый ранний из которых датируется первой четвертью XV в., и многие десятки тысяч документов советского периода². Помимо серии «Памятники письменности», в состав Свода документальных памятников Вологодской области входят также два выпуска каталога книг гражданской печати из фондов Череповецкого краеведческого музея (изданные музеем самостоятельно вне общей программы) и каталог книг XIV—XVIII вв. из фондов Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина, изданный до развертывания работ по программе Свода; по документальным фондам государственного архива и его филиалов функции выпуска Свода выполняет Путеводитель, опубликованный еще в 1970 г. и включающий краткие аннотации на значительную часть архивных фондов.

Достигнутые в рамках «Вологодской программы» результаты отнюдь не исчерпывают поставленных перед ней задач. На ближайшее пятилетие планируется группа мероприятий, как продолжающих начатые работы, так и открывающих новые направления.

В ближайшие годы будет завершено издание серии «Памятники письменности в музеях Вологодской области». Кроме того, предполагается начать работу по научному описанию рукописных книг и старых печатных изданий в фондах областного архива и его филиалов, завершить каталогизацию фонда редких книг в областной библиотеке, составить каталоги рукописных и редких печатных книг по фондам других библиотек области. Думается, что специальный выпуск Свода могут составить памятники письменности, хранящиеся ныне в библиотеках церковных учреждений и в личных коллекциях. Кроме того, мы имеем в виду постоянное и активное пополнение музейных фондов документальными памятниками, требующее периодического издания дополнительных выпусков серии.

Значительная часть документальных памятников, находящихся в государственных и общественных хранилищах области, требует консервационных и реставрационных работ. Министерство культуры РСФСР поддержало наше предложение о создании в Вологде специальной реставрационной мастерской, задачей которой будет реставрация наиболее ценных памятников письменности из хранилищ Северной зоны. В ближайшее время мы планируем развернуть работы мастерской (при этом сохраняются и будут продолжать работу реставрационные мастерские, специализирующиеся на памятниках живописи). Мы надеемся, что ведущие реставрационные центры, какими являются ЛКРД, ОГРК БАН и другие, окажут нам необходимую консультационную помощь в налаживании нового для нас дела и примут участие в сохранении уникальных памятников музеев Севера.

Будет продолжена работа по сплошному анкетированию сельских поселений Вологодской области и формированию массива документации, отражающей состояние северной деревни в последней четверти XX столетия. На основе материалов, собранных при анкетировании, будут вноситься предложения по оптимизации плана социально-экономического и культурного преобразования села в свете решений XXVII съезда КПСС.

На Всероссийском совещании по проблемам охраны и использования

² Подробнее об итогах научного описания памятников письменности в рамках программы см.: Колесников П. А. Публикация документальных памятников Северного отделения Археографической комиссии АН СССР // АЕ за 1985 год. М., 1986.

документальных памятников была выдвинута идея организации при Кирилло-Белозерском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике специализированного музея истории книжной культуры Вологодской земли.

Будут продолжены поиск и сбор эпистолярного наследия участников Великой Отечественной войны и подготовка новых публикаций этих бесценных памятников, в чем участники «Вологодской программы» видят свой нравственный долг перед героями, вложившими свой вклад в дело уничтожения фашизма.

Идет поиск и новых форм введения в научный оборот документальных памятников. Так, сейчас рассматривается вопрос о подготовке издания специального каталога листовок по фондам ВОКМ. Большие и ценные коллекции этого вида документов в Вологде сделают каталог нужным и полезным всем музейным работникам и историкам. Мы рассчитываем на помощь и содействие в этом направлении со стороны ЦМР СССР. Возможно, что целесообразно было бы подготовить общий каталог листовок из фондов ВОКМ и ЦМР СССР.

Организационный, научный, методический опыт, полученный в ходе реализации «Вологодской программы», должен быть распространен. С 1986 г. работу по программе, близкой к нашей, начали археографы Сыктывкара. Некоторые направления работы ученых Сибири и Урала также имеют общие точки соприкосновения с «Вологодской программой». Нет нужды повторять пройденное и искать решения проблем, однажды уже решенных. Думается, что настало время издания специального методического руководства по организации региональных археографических программ. Подготовка такого сборника станет возможной при сотрудничестве Министерства культуры и Главархива РСФСР, Археографической комиссии АН СССР. Нормативные документы, разработанные в ходе «Вологодской программы», базируются в основном на существующих актах и распоряжениях Министерства культуры и Главархива РСФСР, методические руководства — на практике повседневной археографической работы ОР БАН и ЦМР СССР. Издание такого рода сборника существенно облегчило бы постановку региональных программ. Если вопрос о подготовке такого сборника нормативной и методической документации будет решен положительно, участники «Вологодской программы» смогут достаточно оперативно представить все необходимые материалы для согласования с ответственными руководящими организациями. Решения XXVII съезда КПСС настраивают всех нас на повышение активности и творческой инициативы. Распространение вологодского опыта было бы достойным ответом на призыв партии к интенсификации всех отраслей и сфер общественной жизни.

В заключение авторы данного сообщения желали бы высказать глубокую признательность руководству центральных научных учреждений, сотрудники которых принимают непосредственное участие в работах по «Вологодской программе». Научно-методическая сторона работ по составлению свода документальных памятников была гарантирована участием БАН, которая справедливо считается ведущим в СССР центром по научному описанию рукописей и редких печатных изданий. Огромный коллективный опыт, накопленный археографами БАН, стал решающим фактором в быстром завершении свода. Столь же благодарны участники программы ЦМР СССР, без участия которого были бы невозможны качественное атрибутирование и обработка огромных массивов документации советского периода. И наконец, нужно сказать, что участники программы постоянно ощущали заботу АК как центрального координационного органа всех археографических разработок. Мы полагаем, что участие АК в той или иной форме должно стать обязательным условием постановки программ, аналогичных «Вологодской».

Е. А. Агеева, Н. А. Кобяк, И. В. Поздеева, Е. Б. Смилянская

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МГУ

Успехи полевой археографии за последние десятилетия, расширение районов работ, появление новых научных центров, занимающихся полевой археографией, наконец, богатство собранного материала ставят немало как исследовательских проблем, так и вопросов научной организации археографического поиска. Значительную роль в оформлении полевой археографии как самостоятельной научной дисциплины, стоящей на стыке ряда гуманитарных наук, и в разработке методических вопросов организации археографических исследований сыграли традиционные научные конференции Археографической комиссии АН СССР — Тихомировские чтения. На конференциях прошлых лет археографы МГУ докладывали о комплексных исследованиях, проводящихся под руководством кафедры источниковедения и историографии истории СССР истфака МГУ¹. Цель настоящего доклада — и подведение некоторых итогов двадцатилетней полевой работы МГУ, и освещение проблем, имеющих важное значение в сегодняшней деятельности университетских археографов.

С первых лет работы в МГУ постепенно складывался ведущий принцип выбора направления поиска — изучение определенной традиции книжности в ее временном развитии и территориальных трансформациях. Этот принцип был положен и в основу при составлении плана археографических работ 70—80-х годов.

Особое место в археографической деятельности МГУ занимает изучение исторических судеб и своеобразия «ветковской» традиции. В 1970—1981 гг. проводились комплексные экспедиции в бывшие Ветковско-Стародубские слободы — исторический центр так называемого «беглопоповского» согласия, аккумулятор традиций древнерусской книжности, место создания оригинальной рукописной школы и собственной старообрядческой книгопечатни. Итогами археографического поиска стали Ветковско-Стародубское территориальное книжное собрание, насчитывающее 659 памятников (347 рукописей, из которых 107 датируются XV—XVIII вв., и 312 книг, из которых 192 датируются XVI—XVII вв.), и материалы, характеризующие изобразительное искусство, диалектные особенности говора местного старообрядческого населения, фольклор, крюковое пение. В последние годы С. Е. Никитина плодотворно исследует механизм и характер затухания и трансформации некогда яркой фольклорной традиции Ветковско-Стародубских слобод.

Понимание особенностей книжности и культуры Ветки и Стародубья привело к необходимости последовательного изучения их более поздних модификаций, связанных с распространением воззрений изучаемого согласия среди русских переселенцев на Украине и в Молдавии. Экспедиции 1973—1978, 1981—1985 гг. собрали материалы, подтверждающие тесные контакты молдавско-украинских старообрядцев с ветковскими, и выявили существенные особенности культурных традиций разных районов: Нижне-Дунайских слобод, Юго-Западной Украины и Молдавии, Центральной Украины и др. Характер молдавско-украинской коллекции

¹ Поздеева И. В. [Выступление на Тихомировских чтениях 1970 г.] // Тихомировские чтения 1970 г.: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 68—80. (Ротапр.); Она же. Задачи и методика комплексных археографических экспедиций // Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 46—63.

МГУ, состоящей из 286 рукописей (112—XIV—XVIII вв.) и из 163 книг (130—XVI—XVII вв.), показывает историческую зависимость местной белокриницкой книжности от ветковской. Своеобразие местной культуры и ценность находок обусловили необходимость проведения сплошного археографического обследования всех старообрядческих поселений Украины и поставили новую задачу полевых работ в Молдавии, где с 1986 г. совместно с молдавскими учеными планируются экспедиции для выяснения судеб некогда богатых библиотек молдавских монастырей.

Пути распространения ветковской традиции привели археографов МГУ в центр староверия конца XVIII—начала XX в.—Иргиз. Целесообразность работ в этих местах показали уже экспедиции МГУ 1968 и 1977 гг., но осуществить их удалось лишь в 1983—1985 гг. В 1983 г. археографы МГУ предприняли углубленное изучение г. Пугачева Саратовской области и его окрестностей—места расположения влиятельных старообрядческих монастырей, основанных переселенцами из Ветки и Стародубья. Эта экспедиция показала, что постепенно с момента закрытия иргизских монастырей здесь началось затухание ветковских традиций и перемещение «беглопоповского центра» на территорию современной Куйбышевской области². Одновременно в близких к Иргизу районах (ныне Вольский и Хвалынский районы Саратовской области) начинают доминировать новые старообрядческие духовные центры. Ведущей становится выговская традиция, а «Старым Иерусалимом»³—с. Самодуровка (ныне Белогорное), тесно связанное с Вольском, Хвалынском, Саратовом, Симбирском, Астраханью. Исключительную роль Самодуровки как центра полемической борьбы на протяжении XIX—начала XX в. подтвердили материалы старообрядческой библиотеки этого села, полученной археографами МГУ в Вольске в доме ее последнего хранителя Ермила Ивановича Погорелова. У истоков этой библиотеки стоял известный наставник самодуровской поморской «безбрачной» общины, яркий полемист и своеобразный писатель Я. Е. Ларин (около 1800—1886). Библиотека (79 рукописей и 11 книг) уникальна по сохранности, разнообразию памятников: выговские сочинения, «чительные» сборники, полемические сочинения и переписка Я. Е. Ларина, крюковые рукописи, постановления старообрядческих соборов Поволжья. К 1986 г. Иргизская территориальная коллекция составила 170 рукописей и 27 книг XVI—XX вв.

С 1976 г. внимание археографов МГУ было обращено также на исследование традиционной книжности старообрядцев-казаков, тяготевших к поповским направлениям—ветковскому, а затем и белокриницкому (при наличии и беспоповских течений, прежде всего часовенного, также связанного с ветковским). В результате экспедиций на Нижнюю Волгу и в бассейн Дона создана Волго-Донская коллекция (54 рукописи и 18 книг XVII—XX вв.), а итогом экспедиций к потомкам уральских казаков стала Оренбургско-Казахстанская коллекция (280 памятников: 186 рукописей и 94 книги). Завершением этого цикла работ должны стать археографические экспедиции в места поселения кубанских и уральских казаков—«уходцев» по Амударье.

С 1977 г. коллективом исследователей МГУ ведется изучение так называемой гуслицкой традиции, связанной прежде всего с белокриницким направлением старообрядчества. Знаменитые в прошлом веке старообрядческие книгописные промыслы, своеобразная певческая «школа», возникшие в Гуслицах⁴, были постоянно и тесно связаны с Рогожским центром в Москве, распространяли свою красочно оформленную книжную продукцию во все концы России. Археографы МГУ, изучая гуслицкую традицию, уточнили главные книгописные центры, имена писцов, установили круг распространения рукописной книжности этой школы,

² На территории Куйбышевской области работают археографы УГУ.

³ *Шалынский П.* Обозрение раскола в Саратовской епархии. Саратов, 1892. С. 11.

⁴ Район на стыке Егорьевского, Орехово-Зуевского и Павлово-Посадского районов Московской области.

выявили старообрядческие центры, непосредственно возникшие под ее влиянием в Пензенской и Калужской областях.

В Пензенской области большое промысловое с. Поим было экономически и идейно связано с Гуслицами уже во второй половине XIX в., когда Поим превращается в своеобразный местный старообрядческий центр, где идет острая полемическая борьба между согласиями, устраиваются широкие диспуты. Следует отметить, что именно в Поиме жил известный наставник и полемист Л. Ф. Пичугин. Археографический поиск в Подмоскovie значительно пополнил Московскую коллекцию Научной библиотеки МГУ, насчитывающую на 1985 г. 89 рукописей и 28 книг XVI—XX вв., дал новые материалы о своеобразии фольклора и музыкального искусства местного старообрядческого населения.

Важнейшим объектом изучения материальной и духовной культуры крестьян-старообрядцев на многие годы стал для археографов МГУ район Верхокамья⁵, открытый в результате археографической разведки Пермской области в 1972 г. Комплексное археографическое исследование исторически сложившегося района с живой традицией, ориентированной в XVIII—XX вв. преимущественно на поморские центры Выга и Сибири, но развивающейся рядом с традицией белокриницкой, с одной стороны, и с иноязычной, коми и удмуртской, с другой, дало возможность по-новому осмыслить характер местной крестьянской культуры. Противоречия пореформенной деревни и расслоение крестьянства привело в этих местах к расколу старообрядческих общин и возникновению двух враждующих направлений, появлению оригинальной местной исторической и полемической литературы, оживлению широкой устной полемики, нарочитой даже для старообрядчества приверженности старине. Экспедицией зафиксировано более тысячи номеров богатейшего местного фольклора⁶; донные излюбленным чтением в Верхокамье остаются «Цветники» со значительно более широким, чем на той же Ветке, репертуаром учительной и полемической литературы. К 1986 г. Верхокамское (Верещагинское) собрание МГУ составило 256 рукописей и 159 книг XV—XX вв., которые исследуются всегда в неразрывной связи с почти 1000 памятников, поставленных на учет и описанных в поле.

В результате археографических экспедиций в Научной библиотеке МГУ сложились 2 территориальных собрания и 12 коллекций (2792 памятника)⁷, достаточно полно отражающих или «живую» книжную традицию, что, как правило, подтверждается исследованиями других аспектов народной культуры, или же ее затухание. Недавно было высказано мнение, что «сохранение старообрядчества отнюдь не является фактом, способствующим появлению репрезентативного книжного собрания. Полнота книжных собраний нередко обратно пропорциональна сохранности старообрядчества»⁸. Несомненно, создание репрезентативного книжного собрания в условиях живой старообрядческой традиции требует от археографа напряженности и длительности исследований, особой психологической тонкости при работе с главным структурообразующим элементом традиции — книгой, в первую очередь погибающей при нарушении исторически сложившихся связей. Поэтому намеренное ожидание угасания традиции может привести к трагическим последствиям в судьбах книжности. С другой стороны, продолжительное изучение «живой» традиции, включающее фиксацию всех книжных памятников в среде

⁵ Подробнее об этом см.: *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // *Русские письменные и устные традиции и духовная культура*. М., 1982. С. 40—71.

⁶ См. статьи С. Е. Никитиной и М. Б. Чернышевой в кн.: *Русские письменные и устные традиции...* С. 91—150.

⁷ В 1966 г. в НБ МГУ было 293 рукописи и около 600 книг: часть полевых находок передана в другие организации.

⁸ *Амосов А. А., Бударгин В. П., Морозов В. В., Пилоя Р. Г.* О некоторых проблемах полевой археографии // *Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала*. Свердловск, 1983. С. 18.

бытования, сопоставление и местной книжной традиции с картиной книжности ближайших районов, представляющих единый регион, и исследуемого старообрядческого направления в целом в сочетании с комплексными исследованиями народной культуры позволяет не только собрать памятники, но и понять конкретные особенности и общие черты исторического развития.

Примером всестороннего изучения книжности исследуемой традиции может служить сопоставление Верхокамского книжного собрания, Пермско-Удмуртской коллекции и фондов местных хранилищ, проведенное археографами МГУ. Аналогичные исследования возможны и на материале других коллекций, но полноценность их результатов будет прямо связана со степенью сохранности и активности бытующей традиции. Осмыслить внутренние взаимосвязи комплекса памятников книжности, находящихся в государственных хранилищах и бытующих у населения региона, помогает параллельное исследование устного народного творчества. Для археографа и историка оно является социально-художественным контекстом и прямым продолжением письменной культуры, что помогает изучать древние письменные источники в их реальном окружении, доказывать существование в исследуемом регионе произведений, ныне уже утраченных. Все это, вместе взятое, позволяет полнее представить духовную культуру и исторические судьбы тех, кто создавал и хранил памятники на протяжении столетий. Материалы, характеризующие среду создания или бытования памятников, являются результатом комплексных археографических экспедиций Московского университета, в рамках которых с 1972 г. проводятся лингвистические исследования (руководитель Е. М. Сморгунова), с 1973 г. — фольклорные (руководитель С. Е. Никитина), с 1976 г. — музыковедческие (руководитель Л. А. Игошев), до 1977 г. — искусствоведческие (руководитель Э. К. Гусева) полевые работы. В последние годы начаты широкое изучение материальной культуры Верхокамья (руководители Г. Н. Чагин — ПГУ — и С. А. Димухаметова — ПОКМ) и социологические исследования (руководитель К. Г. Мяло). Результаты комплексных работ отражены в сборнике «Русские устные и письменные традиции и духовная культура» (М., 1982). Материалы о комплексных исследованиях содержатся в 203 дневниках участников экспедиций за 1971—1985 гг., фоно- и фотодокументах, наконец в созданных по всем районам экспедиционных работ картотеках: именных, учета находок с кратким описанием всех увиденных участниками экспедиций кириллических памятников (включая изложение записей, описание орнаментики и истории книги и пр.), фиксацией фольклорного репертуара, найденных этнографических памятников, характеристиками людей.

Исследование традиционной народной культуры с различных точек зрения, методами различных областей гуманитарного знания для понимания исторического, социального и художественного контекста книжности представляется перспективным и в будущем, но требующим уже сегодня более глубокого осмысления собранного материала, выработки новых задач и методов их решения. Например, в годы начала комплексных работ одной из основных задач изучения древнерусской музыки было решение вопроса об адекватной расшифровке крюковой нотации. Одним из перспективных путей ее решения было использование старообрядческой «живой» традиции пения по крюкам. Поэтому тогда в центр музыковедческих исследований в рамках комплекса была поставлена проблема объективной оценки традиции, выработки критериев этой оценки. Работа проводилась в основном применительно к ветковской и гуслицкой певческим традициям. Для этого предварительно были изучены певческие рукописи в Ветковско-Стародубском территориальном собрании, гуслицких коллекциях МГУ и ГБЛ, и сформулированы основные цели полевых работ, система вопросов, репертуар необходимых записей. Параллельный анализ полученных материалов и рукописных памятников позволил определить уровень и характер сохранности этих певческих

традиций, особенности как «живого» пения, так и записи, четко описать их сильные и слабые стороны как источника для современного прочтения древней музыки. Дальнейшее изменение, уточнение или расширение научной задачи обязательно приводило к поиску новых методов и решений. Выявление и анализ школ традиционного пения потребовали значительного расширения источников, использования музыкально-теоретических трудов старообрядцев начала XX в., зачастую в полной мере не оцененных, материалов, свидетельствующих о связях со старообрядцами музыковедов XIX — начала XX в. Обобщая полученные данные, руководитель этих исследований Л. А. Игошев разработал специальную методику их математического анализа. Важным вкладом в исследование представляется выявление и фиксация теоретического уровня бытующей старообрядческой певческой традиции, т. е. приемов обучения древнему пению, понимания старообрядцами музыкального строя, местных певческих терминов. В условиях затухания традиционности (в ряде городов Среднего Поволжья) Л. А. Игошев предпринял изучение народного пения нестарообрядческого населения и установил несомненное влияние на него древнего музыкального строя, сохраняемого старообрядчеством, которое в XIX — начале XX в. духовно и культурно доминировало во многих районах Поволжья.

С. Е. Никитина, продолжая многолетние исследования устной традиции Верхокамья, Ветковско-Стародубских слобод и ряда других регионов, установила общие закономерности функциональной значимости и связей устной традиции с иными сторонами народной культуры, а также конкретные пути складывания определенных ее модификаций.

Принципиально новый характер с 1984 г. приобрели исследования духовной культуры старообрядческого крестьянства Верхокамья, дополненные изучением истории его хозяйства и быта. Систематические полевые работы в этом районе были начаты по согласованию и совместно с МГУ кафедрой истории СССР досоветского периода ПГУ, ПОКМ, ПХФ, архитектурно-этнографическим музеем «Хохловка». В последнем предполагается экспонировать полный комплекс народной культуры русского населения Прикамья. Руководители этих работ — Г. Н. Чагин и С. А. Димухаметова, оценивая результаты двух полевых сезонов, определяют район Верхокамья как «уникальный для изучения культуры русского населения Прикамья с XVIII века» и отмечают, что только там они еще «могут получить сведения об архаических явлениях русского старожильческого населения Урала». Уникальность района и его значение для изучения крестьянского хозяйства и быта, по оценке исследователей, заключаются в сохранении «целых комплексов предметов с полной их легендой». За 20 дней работ получено только в 1985 г. 222 предмета музейного значения, в основном в составе комплексов. Например, собран почти полный комплект орудий по обработке льна и конопля (33 ед.) с датировкой и именами мастеров, изготовивших инструменты; богатейшая коллекция (79 предметов) собрана из орудий и вещей, рассказывающих о местном ткачестве. В течение многих лет музей искал по всей области древний вид местной сохи — курошимки, в Верхокамье уже найдено две такие сохи.

Население Верхокамья, 15 лет искренно и заинтересованно участвующее в археографических исследованиях МГУ, проявило поразившую этнографов необычную «подготовленность», понимание задач и целей их работ, стремление внести вклад в изучение и сбережение истории родных мест. Найденные в экспедициях книги поступают в собрание ИБ МГУ, все без исключения вещи — в Пермский областной краеведческий музей. Результаты работы в Верхокамье уже вошли в экспозицию музея — стали существенной частью выставки, открытой к 95-летию ПОКМ в декабре 1985 г.; значительная часть экспонатов отправляется летом 1986 г. с передвижной выставкой народного искусства.

В 1985 г. началось комплексное исследование одновременно и духовной и материальной культуры русского старообрядческого населения

Верхней и Нижней Обвы. Эти работы также организованы ПОКМ, куда и поступают все находки экспедиций. Возглавляет их О. Л. Кутьев, научное руководство осуществляют археографы МГУ. Полевые исследования проводились специалистами различного профиля: историками, археографами, фольклористами, лингвистами, этнографами, реставраторами, художником-прикладником — сотрудником пермского производственного художественного объединения «Парма». В результате только за десять рабочих дней в 1985 г. получено 60 книг XVI—XX вв., 120 памятников материальной культуры XVII—XX вв. (в том числе богатые комплексы ткачества, росписи по дереву, керамики), записано более 200 номеров различных фольклорных произведений. Памятники материальной культуры поступили также и в филиал ПОКМ — Ильинский краеведческий музей, где в последний день экспедиции была открыта выставка 100 новых находок.

13—15 мая 1986 г. в Перми состоялась конференция «Крестьянство и традиционная народная культура Прикамья (полевые исследования последних лет)», на которой 8 докладов из 14 были посвящены комплексным археографическим экспедициям. Сегодня, таким образом, мы можем говорить о новом этапе археографических работ в Пермской области и о создании на их базе уникальных комплексов памятников, включающих как сами источники по истории духовной и материальной жизни населения двух исторически сложившихся замкнутых регионов, так и различные материалы по истории их бытования. Также важно, что достигнута вполне рациональная форма объединения сил местных и центральных учреждений, учитывающая их научные интересы и возможности хранилищ, их максимально полного участия в общем деле.

В рамках полевых исследований МГУ рассматривались также и проблемы, связанные с особенностями народного традиционного мировоззрения. В последнее время археографы МГУ особо выделили это направление и расширили часть вопросника⁹, в которой акцентируется внимание на характере осмысления событий истории и современности, особенностях народного религиозного сознания. Опыт прошлых лет показал необходимость более подробно и последовательно выяснять понимание старообрядческим крестьянским населением православных догматов: о боге и сатане, святых, таинствах, иконопочитании; важно также учитывать демонологические представления, легенды о конце света, выявлять остатки дохристианских, прежде всего магических, верований. Работы эти только начаты, и сложность их осуществления мы в полной мере осознаем.

Итоги археографических исследований привели археографов МГУ к убеждению, что в настоящее время создание репрезентативных собраний невозможно без проведения комплексных работ. При проведении полевых исследований археограф имеет дело не только (и даже не столько) с книгой: с каждой находкой связана судьба, миропонимание, культурная традиция ее владельцев, и, не зафиксировав этого, исследователи, подобно археологам XIX в., забрав ценный памятник, могут разрушить и среду и связи памятника с ней. Но в литературе высказывалась и иная точка зрения, в частности о замене комплексных работ специализированными экспедициями. На наш взгляд, разобщенные специализированные экспедиции в районах сохранения традиционной культуры неизбежно приводят к произвольному вырыванию памятников региональной традиции из характерной для них среды¹⁰. Задачи подготовки системных исследований в некоторой степени могут решить обязательный для всех типов археографических экспедиций (начиная с разведки) вопросник и подробная фиксация в полевых дневниках всей полученной информации. При разработке вопросника каждой экспедиции, в которой

⁹ Работа над вопросником проводилась с учетом достижений смежных наук. Особенно плодотворным стало использование этнолингвистического опросника Полеской экспедиции Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹⁰ Амосов А. А. и др. Указ. соч. С. 17.

участвуют специалисты разных направлений, должны учитываться своеобразие исторического развития данного района, уровень сохранности традиционной культуры и ее элементов, степень их изученности и, наконец, главные научные задачи данной экспедиции. Обязательное использование в каждом доме каждым отрядом подробного «вопросника» значительно расширит возможности комплексной экспедиции, подготовит почву для специальных исследований.

В практической работе археографов МГУ существуют три типа вопросника: 1) *краткий* — общий вариант для опроса в районах 3-й и отчасти 2-й категории при археографической разведке; 2) *полный «вопросник»* — для систематических археографических исследований района, проводимых без участия специалистов отдельных направлений; 3) *специализированный вариант*, учитывающий все требования специалистов одного направления.

Используемый в археографических экспедициях МГУ «вопросник» обычно состоит из следующих разделов, учтенных с той или иной степенью полноты:

1. История старообрядчества в данном районе (включает вопросы о знании общей истории старообрядчества, о деятельности местных общин в прошлом, о взаимоотношениях между согласиями).

2. Современное состояние старообрядчества.

3. История данной семьи (занятия, социальное положение, географические и межнациональные связи в прошлом и настоящем).

4. Грамотность и книжность в прошлом и настоящем (вопросы о старообрядческом и светском обучении, источниках приобретения книг и составе библиотек, системе интересов и широте чтения, книгописании и переплетном деле).

5. Певческое искусство, система обучения крюковому пению и современное состояние крюковой грамотности.

6. Особенности народного религиозного сознания.

7. Система существующих жанров устного творчества.

8. Духовный стих в устной и письменной традиции, характер его бытования.

9. Изобразительное и прикладное искусство: сохранность традиции и особенности местных школ.

10. Этнография и материальная культура.

Постановка даже самого широкого опроса отнюдь не решит всех проблем исследования традиционной культуры в рамках археографических экспедиций. Однако включение через вопросник каждого отряда в решение комплексных задач — один из реальных путей выявления всего объема информации, необходимой для правильной организации комплексных экспедиций, которые гораздо труднее подготовить и, главное, довести до конца, чем любые иные, в том числе и собственно археографические. Это связано с необходимостью создания высококвалифицированного коллектива и затратами значительного времени на своевременную обработку полевых материалов. Проблема участия в комплексных работах высококвалифицированных кадров, представляющих различные гуманитарные дисциплины, но владеющих основными методами археографических работ, до сих пор не решена. Именно недостатком научных сил объясняется отсутствие комплексных работ даже в самых богатых и традиционных для археографического изучения районах. Не повторяя рассказа о путях решения этих проблем в МГУ, мы можем сегодня сослаться на опыт организации пермских работ. С помощью МГУ в результате целенаправленной подготовки в Пермской области создан коллектив местных исследователей, представляющих все необходимые для полного комплекса специальности. Несомненно, создать аналогичные коллективы можно и в иных областях страны, где сохранилась традиционная культура.

Комплексные работы, как никакие иные, требуют своевременного, осуществляемого параллельно их развертыванию научного осмысления полученных результатов. Это и заставляет находить возможности для

своевременных публикаций собранных памятников как в виде научных описаний разных типов книг (каталоги рукописей и старонечатных изданий), отдельных коллекций, так и в виде обзоров разных типов источников — изобразительных, фольклорных и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что именно комплексные работы привлекают максимальное число студентов, учащихся на разных факультетах. И хотя археографическая практика, несмотря на многолетние просьбы и обращения в Минвуз СССР, до сих пор в расписании университета отсутствует, в составе комплексных археографических экспедиций МГУ подготовлены уже десятки археографов — историков, филологов, искусствоведов, архивистов, музыковедов — студентов разных вузов Москвы. Это чрезвычайно важный аспект комплексных археографических работ, так как именно такие кадры смогут возглавить, правильно и научно организовать собирание и использование документальных памятников и далекого прошлого, и героических лет нашей современной истории.

В. П. Бударагин, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина

**ИСТОЧНИКИ И ПУТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ РУКОПИСНЫМИ
И СТАРОПЕЧАТНЫМИ КНИГАМИ**

Работа ленинградских научных учреждений по археографическому обследованию преимущественно районов Севера показала, что до сих пор у населения имеется значительное число ценных рукописей и книг, которые остаются неизвестны ученым. Конечно, в настоящее время того обилия рукописей, которое встречал археограф в 50—60-е годы, уже нет, но все же и сейчас при тщательном поиске и обследовании северных районов страны (как показывают отчеты археографических экспедиций на ежегодных заседаниях Ленинградского отделения АН) возможны находки целых комплексов рукописей и даже целых крестьянских библиотек.

Мы, археографы, можем с благодарностью сознавать, что такие выдающиеся исследователи русской культуры, как академик Д. С. Лихачев, говоря о спасении памятников истории, архитектуры, природы, всегда на одно из первых мест ставят спасение русских рукописных богатств, еще хранящихся у населения, справедливо видят в древней книжной письменности громадный клад сведений о развитии духовной культуры, духовной жизни народа.

Ленинградские научные учреждения продолжают археографическое обследование районов, ставших традиционным местом поисков, а именно районов Севера и Северо-Запада. Работа ленинградских учреждений — развитие традиции, начатой еще в XIX в. крупными русскими учеными-археографами П. М. Строевым и Н. И. Березниковым, продолженной в XX в. В. И. Срезневским и позднее выдающимся советским археографом В. И. Малышевым. Ленинградские археографы с полным основанием считают себя учениками В. И. Малышева. Они восприняли главное — его методику собирания древнерусской письменности, суть которой состоит прежде всего в бережном отношении к психологической стороне работы с населением.

Основной район поисков ленинградских археографов — это Север. На Северную Двину, на Мезень и Пинегу отправлял экспедиции Пушкинский Дом. В составе его экспедиций или самостоятельно в этих же районах вели поиски сотрудники фундаментальной библиотеки и студенты филологического факультета ЛГУ. Туда же, на Север, отправлялись экспедиции БАН, расширяя регион поисков на Каргопольский район Архангельской области, обследуя районы Вологодской и Кировской областей, Карельской АССР.

Второе направление экспедиций ленинградских научных учреждений — Псковская область и Прибалтика. Здесь работали сотрудники Пушкинского Дома (Псковская область, Латвия), БАН (Литва, Латвия), ГПБ (Псковская область). Эпизодически обследовались районы Витебской, Горьковской и Новгородской областей (Пушкинский Дом), Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (экспедиции ГПБ и БАН). Общие итоги о полученных в результате археографических экспедиций материалах мы даем по отдельным учреждениям.

За минувшее десятилетие Древлехранилище Пушкинского Дома пополнилось 1761 рукописью XV—XX вв. (1244 рукописи пополнили территориальные собрания, 290 — личные коллекции, 227 — фонд «Отдельные поступления»), причем собственно археографическими экспедиция-

ми привезено 1158 рукописей, а еще 86 поступили в территориальные собрания от коллекционеров и держателей старины. За эти годы проведена 31 археографическая экспедиция.

Если сравнить эти цифры с 1956—1965 гг., то окажется, что 23 экспедиции собрали тогда 961 рукопись, т. е. интенсивность пополнения территориальных собраний не остается стабильной на протяжении всей истории существования в Пушкинском Доме собрания древнерусских рукописей. Мы видим, что некоторое увеличение количества находок за последнее десятилетие связано с количественным ростом экспедиционной поисковой работы. В то же время результативность поездок снизилась по сравнению с 1956—1965 гг. в среднем на десять рукописей за экспедицию. И если общее количество находок экспедиций возросло с 961 до 1158 рукописей, то можно утвердительно сказать, что достаются эти находки труднее, требуют больших затрат времени на поиски.

Изменился и хронологический состав привозимых из экспедиций рукописей. Если в 1956—1965 гг. рукописи XV—XVII вв. составляли $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ от общего числа экспедиционных поступлений, то в минувшем десятилетии — $\frac{1}{22}$. Короче говоря, если когда-то 23 экспедиции привезли 147 рукописей, то теперь 32 экспедиции привезли только 53 рукописи XV—XVII вв. В то же время рукописей XIX—XX вв. экспедиции привозят теперь значительно больше.

В хранилища БАН за эти годы поступили 381 рукописная книга и отдельные рукописные фрагменты, пополнившие 11 коллекций. По хронологии рукописи можно распределить следующим образом: XIV в. — 1, XV в. — 8, XVI в. — 16, XVII в. — 13, XVIII в. — 70, XIX — начало XX в. — 273. За этот же период были созданы два новых собрания рукописных книг: одно в 1977 г. — Собрание Рижской Гребенщицкой старообрядческой общины, второе — Кубенское — существует и пополняется с 1982 г.

В ОР ГПБ в результате трех экспедиций в Псковскую область была привезена 51 рукопись, составившая новое Псковское собрание. Археографические выезды сотрудников ГПБ в Поволжье и Дагестанскую АССР дополнили коллекции рукописных книг на восточных языках (11 рукописей XVIII—XIX вв. разделились следующим образом: 7 на арабском, 2 на древнееврейском, 1 на таджикском и 1 на азербайджанском языках).

Вместе с тем рукописные хранилища ленинградских научных учреждений пополняются за счет покупок рукописей, получения в дар, обмена и т. д. Этот аспект поисковой археографической работы также постоянно находится в поле зрения ленинградских археографов. Большое значение для пополнения фондов имеет, в частности, связь хранилищ с ленинградскими букинистическими магазинами.

В Пушкинском Доме продолжали пополняться, таким образом, как фонд «Отдельные поступления», так и личные коллекции Древлехранилища. Это прежде всего коллекции В. В. Величко, К. П. Гемп, И. Н. Заволоко, В. В. Лукьянова. Так, например, коллекция В. В. Величко пополнилась 13 рукописями XVII—XX вв., в числе которых Евангелиетер 30—50-х годов XVII в., украшенное миниатюрами и заставками старопечатного стиля; Повесть об отцах и страдальцах соловецких, переписанная и проиллюстрированная, вероятно, Ф. А. Каликиным в конце XIX в.; печатное издание начала XX в. Жития Василия Нового, дополненное 90 миниатюрами, вклеенными в книгу. В. В. Лукьянов передал в свою коллекцию 18 рукописей XVII—XX вв. Среди них сборник конца XVII — начала XVIII в., содержащий фрагмент Жития митрополита Филиппа и «Венец веры кафолической» Симеона Полоцкого, редкий по своему составу список Жития Макария Желтоводского и Унженского второй четверти XVIII в. Ценный материал по истории скрытничества представляют бумаги XIX в. из архива пошехонских старообрядцев и сборник последней трети XIX в., содержащий полемические сочинения скрытников. Появились новые коллекции: Н. Н. Губанкова, Е. А. Бобкова, М. Ф. Першина.

За десять лет БАН удалось приобрести несколько собраний у частных коллекционеров. Так, в 1977–1978 гг. у внучки Н. В. Тимофеева Е. А. Савельевой было приобретено шесть рукописей, пополнивших собрание Тимофеева, хранящееся в БАН. Среди новых поступлений этого собрания — Поучение аввы Дорофея болгарского извода в списке XV в., Евангелие XVI в., список XVII в. о посольстве Ф. А. Головина в Китай и Монголию в 1689 г. В 1978 г. были приобретены архив и библиотека С. А. Клепикова. 34 рукописные единицы, представляющие собой по содержанию статьи разных авторов по филигранологии, включены в собрание авторских материалов. В собрании С. А. Клепикова находится также 800 образцов бумаги с водяными знаками XV–XX вв. Ценное собрание рукописных и старопечатных книг было куплено Библиотекой в конце 1985 г. у наследников бывшего наставника ленинградской старообрядческой общины А. М. Епифанова. В составе коллекции — 26 рукописных книг и 75 кириллических изданий. Среди рукописных книг — преимущественно нотированные богослужебные книги XVIII–XX вв., но есть и светские памятники. Однако самой ценной книгой является Острожская Библия 1581 г. с ранними владельческими записями с маргиналиями и глоссами на полях. Кроме того, в блок Библии вплетен список XVI в. с издания «Собрание вещей нужнейших». Научное значение рукописных помет на полях Библии и вплетенного текста таково, что печатная книга была включена в собрание рукописей Епифанова.

ГПБ приобретены различные частные архивы, в основном деятелей науки и культуры (например, ленинградского историка Г. М. Дейча и др.).

В результате всех способов комплектования хранилищ созданы, как уже отмечалось, новые собрания, а также пополнились созданные ранее. В Пушкинском Доме появилось новое Белорусское собрание, насчитывающее 94 рукописи XVII–XX вв., но основные поступления сделаны в созданные уже ранее территориальные собрания Древлехранилища. Так, на 266 рукописей XV–XX вв. возросло Латгальское собрание, на 80 — Пинжское, на 312 — Северодвинское; 39 рукописных книг XV–XX вв. вошло в Керженское собрание. Новые находки значительно расширили наши представления о круге чтения и жанровом составе памятников в известных уже нам центрах крестьянской книжности.

В БАН чрезвычайно обогатилось Каргопольское собрание, насчитывающее в настоящее время 387 ед. хр., отражающих местную рукописную традицию, развивавшуюся в скрытнических скитах и убежищах. Так, в 1976 г. археографы получили от сестры умершего в 1975 г. М. И. Залесского Фамаиды, жившей рядом с ним в д. Чертовицы, 11 рукописей XIX–XX вв. и его личный архив. Человек недюжинного дарования, М. И. Залесский понимал важность сохранения рукописной книжности «не в подражание, а для знания» истории скрытнической общины. В архиве были дневниковые записи, в том числе и по вопросам скрытничества. Эти материалы дополнили переданные самим Залесским еще в 60-е годы его труды по истории Каргополя и другим сюжетам. Нельзя не упомянуть также рукописи профессиональной переписчицы из с. Волосова Настасьи Дмитриевны, переписавшей красивым уставным письмом не один десяток нотных рукописей, украшенных яркими заставками и инициалами. Пополнились также Вятское, Двинское, Неманское собрания БАН, в Тарногском районе Вологодской области получено небольшое собрание рукописей и старопечатных книг, ценных в этнографическом и историческом отношении.

Книги кирилловской печати поступают традиционно в отделы редкой книги ленинградских научных библиотек и учреждений. При наличии достаточной документации это раздельное хранение печатных и рукописных книг, найденных археографами, ни в коей мере не препятствует изучению книжно-рукописной традиции обследуемых районов. За минувшее десятилетие пополнение фондов старопечатной книги было также значительным. Приоритет здесь, несомненно, принадлежит Отделу редких

книг НБ ЛГУ, собрание которого возросло на 327 ед. хр. XVI—XX вв., причем 229 книг кирилловской печати были найдены археографическими экспедициями. В их числе такие редкие издания, как Новый завет с Псалтырью (Острог, 1580), московское Евангелие 1619 г., Псалтырь 1663/64 г., почаяевская перепечатка около 1795 г. старообрядческого Сборника, изданного в Супрасле около 1789 г., Евангелие 1619 г. с записью того же года, косвенно подтверждающее датировку А. С. Зерновой этого безвыходного издания. 143 старопечатные книги были привезены из экспедиций археографами БАН, 10 ценных старопечатных изданий, найденных археографами ГПБ, поступили в ГПБ и Древлехранилище Псковского музея-заповедника.

Важной стороной деятельности археографических экспедиций научных учреждений Ленинграда является оказание методической помощи местным музеям и библиотекам, составление реестров рукописных книг, краткие описания коллекций, рекомендации по охране и реставрации рукописных материалов. Огромное значение деятельности археографов — специалистов по оказанию помощи другим научным учреждениям показывают итоги так называемой «Вологодской программы», результатом которой явилось описание рукописной и печатной книжности вологодских районных музеев.

Отчеты археографических экспедиций научных учреждений Ленинграда ежегодно заслушиваются на заседаниях Ленинградского отделения Археографической комиссии. Эти заседания активно посещаются научной общественностью Ленинграда, особенно студенческой молодежью. Обычно в отчетах сообщается о месте работы той или иной экспедиции, ее составе, общем количестве найденного материала, наиболее интересных по содержанию и художественному оформлению находках. В отчетах раскрывается многообразная методика поисков, указываются районы, где сделаны и где еще возможны находки, высказываются пожелания и выносятся предложения по улучшению организации работы и юридического обоснования действий экспедиций на местах. Отчеты об этих заседаниях регулярно печатаются в «Археографическом ежегоднике». Эту форму освещения деятельности археографических экспедиций мы считаем очень полезной в деле сохранения памятников письменности и старопечатной книжности, ибо публикация результатов экспедиций становится, таким образом, достоянием как тех, кто работает в этой области, так и тех, кто хранит рукописи. Не менее важна в этом отношении информация по итогам археографических экспедиций в центральной и местной печати. Ежегодные отчеты по итогам археографической поисковой работы проводятся также на филологическом факультете ЛГУ и в Пушкинском Доме на ежегодных Малышевских чтениях. В Древлехранилище имени В. И. Малышева по итогам каждого археографического года организуются выставки новых поступлений, о чем также сообщается на страницах ленинградских газет.

Подробные отчеты о новых поступлениях в то или иное хранилище печатаются в ведомственных изданиях, в каталогах библиотек, сборниках, материалах и сообщениях, описаниях фондов и др.

Подводя итоги краткому обзору источников и путей комплектования ленинградских хранилищ, должно отметить, что вклад ленинградских археографов в дело собирания и изучения рукописной и старопечатной книги за последнее десятилетие весьма значителен. И мы надеемся, что нам удастся продолжить эту работу в ближайшие годы.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

19 мая 1986 г. Археографическая комиссия провела традиционные Тихомировские чтения. В этом году они были посвящены теме «Проблемы собирания и описания памятников кириллической письменности». Вступительное слово, согласованное с отсутствовавшим по болезни председателем Археографической комиссии С. О. Шмидтом, произнес зам. председателя Археографической комиссии Б. Г. Литвак. Доклад «Итоги работы археографических экспедиций 1981—1985 гг. и проблемы изучения народного сознания» представили Н. Н. Покровский (зам. председателя Археографической комиссии, ИИФФ СО АН) и В. А. Черных (ученый секретарь Археографической комиссии). Доклад П. А. Колесникова (Вологда) и А. А. Амосова (БАН) был посвящен опыту и перспективам описания старинных документальных памятников в местных хранилищах («Вологодская программа»). Е. А. Агеева (МГУ), Н. А. Кобыляк (МГУ), Е. Б. Смилянская (МГУ) в своем докладе осветили опыт и перспективы организации комплексных археографических экспедиций и публикации их результатов. Источникам и путям комплектования ленинградских хранилищ рукописными и старопечатными книгами был посвящен совместный доклад В. П. Бударagina (ИРЛИ), А. И. Копанева (ЛОИИ) и М. В. Кукушкиной (БАН)¹.

После докладов развернулись прения. *О. А. Князевская* (Археографическая комиссия) отметила, что были прослушаны интересные доклады о собирании рукописных коллекций. Особо она отметила ценный вологодский эксперимент, охватывающий источники, хранящиеся на Вологодской земле от древнейшей поры до нашего времени, и высказала сожаление, что такая программа не осуществляется в Архангельске, Рязани, Иванове и других местах. Подобный опыт необходимо расширять. В связи с этим встает вопрос о подготовке кадров для выполнения такой работы. По мнению *О. А. Князевской*, месячный семинар, проведенный для местных музейных работников, явно недостаточен. Гораздо эффективнее длительная (полугодовая) стажировка с работой в хранилищах под руководством опытного руководителя. Плохо решается вопрос и с использованием молодых специалистов, обученных работе с рукописями: очень часто они не имеют возможности работать по специальности. *О. А. Князевская* подняла вопрос о сложности описательной работы, ведущейся в хранилищах. Она подчеркнула, что каждое серьезное описание рукописи или рукописной книги — это научно-исследовательская задача. Атрибуция содержания, выявление состава рукописи и ее внешних признаков, определение состава тетрадей, установление лакун, атрибуция почерка, датировка требуют предварительной исследовательской работы, иначе возможны серьезные ошибки. А руководство хранилищ часто подходит формально к определению норм описания рукописей, время, отведенное для этой работы, занижается.

Е. И. Индова (Институт истории СССР АН СССР) остановилась на важности применения исторического подхода к сбору и анализу собираемого в археографических экспедициях материала. Четко поставленные еще до начала экспедиции вопросы позволят правильно определить район исследования, получить важнейшие данные о категориях крестьян, их движении, культуре, взаимовлиянии и взаимопроникновении крестьянской и дворянской культур и т. д. При обработке письменных находок необходимо ставить их в связь с решением следующих проблем: со-

¹ На основе упомянутых докладов написаны статьи, помещенные в настоящем издании.

циально-экономическое развитие и создание письменных памятников, политика правительства и возникновение памятников культуры, церковь и культура, правовые особенности групп крестьян, причины образования старообрядческих центров и др. В противном случае сборы материалов рискуют стать основой формального описания, подобного проводившемуся при Александре III.

А. И. Просвирнин (Издательский отдел Московской патриархии) отметил успех Афонской экспедиции, проведенной в 1983 г. нашими отечественными исследователями². В результате подготовки ко второй экспедиции на Афон (пока несостоявшейся) Московской патриархией были проведены съемка Лицевого летописного свода на цветной негатив пленки «Кодак» и предварительная проба перевода на позитив пленки «Свема». Получены три комплекта по десяти томов цветного диапозитива, которые возвращены в соответствующие собрания, где хранятся отдельные части свода. Таким образом, этот уникальный памятник истории и искусства становится теперь доступным для исследователей в БАН, ГПБ и ГИМ. А. И. Просвирнин также предложил использовать современные средства обработки научной информации, в том числе микропроцессорные средства и системы. В связи с этим он предложил составить такую программу обеспечения ЭВМ, которая учла бы достижения в области славистики русских ученых XIX в. А. И. Просвирнин также внес предложение использовать съемку рукописей в археографических экспедициях фотоаппаратом или 16-миллиметровой кинокамерой, что даст возможность привезти микрофильм рукописи даже в том случае, если ее не удастся приобрести. Это один из новых видов хранения и использования рукописей.

А. А. Севастьянова (ЯГУ) заметила, что в сводных таблицах результатов археографических экспедиций Ярославский государственный университет занимает довольно скромное место: полевые исследования в Ярославской области возобновились лишь в 1981 г. В то же время для центральных областей, таких, как Ярославская, показания для полевых исследований резко снижаются из года в год. В этой связи следует направить усилия на создание перспективных программ описания памятников и издания каталогов, подобных «Вологодской программе». «Вологодская программа» должна стать началом и образцом аналогичной работы в центральных областях России. Местную рукописную традицию можно будет проследить именно при составлении каталогов рукописей в местных хранилищах.

А. А. Амосов (БАН) выразил большую признательность А. И. Просвирнину за важную работу по цветному микрофильмированию Лицевого свода. Хотя микрофильм не дает полноценной замены подлинника, искажает цвет изображения, он позволяет реже обращаться к рукописи, лишней раз не беспокоить ее. Эта работа — важнейший вклад в дело сохранности и дальнейшего изучения данного памятника.

Далее А. А. Амосов как один из участников «Вологодской программы» отметил трудности организации такой описательной и публикаторской работы в местных хранилищах даже при наличии специалистов, готовых заняться этим. Тут нужны организаторы-энтузиасты, подобные П. А. Колесникову (Вологда). Однако внушает надежду то, что аналогичная работа уже начата в Сыктывкаре и, очевидно, будет завершена в ближайшую пятилетку. А. А. Амосов выдвинул предложение до проведения полной каталогизации всех местных хранилищ подготовить более краткие

² Афиани В. Ю. Деятельность Археографической комиссии в 1983 г. // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 333—336. См. также: Морозов Б. Н. Деятельность Археографической комиссии в 1985 г. // АЕ за 1985 год. М., 1986; Шмидт С. О. Деятельность Археографической комиссии АН СССР и задачи развития археографии // ВАН. 1984. № 10. С. 65; Вибиков М. В. Конференция балканистов-археографов // ВИ. 1985. № 8. С. 151—152; Турилов А. А. Сообщение о международной конференции СИБАЛ «Система описания памятников средневековой книжности. Нарративные памятники по истории и культуре балканских народов и методика их описания: Конференция, совещания, семинары // СА. 1985. № 5. С. 90—91.

справочники, которые учитывали бы такие основные сведения, как название хранилища, количество единиц хранения, имеющуюся литературу. Подготовка таких справочников не потребует длительной работы на местах и может быть осуществлена силами региональных отделений Археографической комиссии и других центров археографии. В заключение А. А. Амосов высказался о том, что одной из причин недостаточного количества издающихся справочных пособий является нехватка бумаги. Так, например, в настоящее время из-за отсутствия бумаги невозможно выпустить альбом из филиграней из коллекции рижского филиграноведа Г. А. Енша, поступившей недавно в БАН. По предварительной оценке важность этих филиграней для локализации и датировки рукописей северного и северо-западного происхождения неопределима.

Т. В. Дианова (ГИМ) обратила внимание присутствующих на судьбу старинных, в том числе старообрядческих, рукописей, находящихся в частных руках на Северном Кавказе. Эти рукописи, многие из которых имеют миниатюры, хранятся в неподобающих условиях и могут погибнуть. Т. В. Дианова поделилась соображениями о трудностях работы музейных сотрудников, в частности сотрудников ГИМ, с рукописями и рукописными книгами. Известно, как велико (30 000 ед. хр) собрание рукописных книг ГИМ. Штат сотрудников же весьма незначителен, особенно по сравнению с такими хранилищами, как Матенадаран. Очень низок уровень технической оснащенности (имеется всего один микростат), практически ничтожны возможности реставрации. В музее реставрируется восемь рукописей в году, а нуждается в реставрации каждая третья рукописная книга. Существующие нормы описания рукописных книг (одна рукописная книга в три дня) слишком жесткие. На описание же рукописных отрывков отводится еще меньше времени, оно измеряется часами. А ведь определить, из какого текста этот отрывок, установить его хронологию нередко бывает сложнее, чем описать целую рукописную книгу. В то же время в каждом хранилище установлены разные нормы времени и разные требования к описанию рукописей. Высокие требования предъявляет к описанию Археографическая комиссия, по заданию которой сотрудники ГИМ описывают рукописи для Сводного каталога славяно-русских рукописных книг. Выполнение этих требований приводит к тому, что сотрудники не укладываются в установленные нормы и могут не выполнить план по описаниям. Вызывает недоумение и другое. Описательная работа является лишь одним из многих видов других работ, которые проводят музейные сотрудники (лекционная, экспозиционная, хранительская), и именуется научно-фондовой работой. А следовательно, увеличив объем описательной работы, сотрудник музея не выдает должного количества листов собственно научных работ. Очевидно, назрела необходимость, во-первых, пересмотреть сам статус описательной работы в музее и, безусловно, признать ее научной, а во-вторых, изменить существующие нормы описания.

Т. В. Дианову поддержала Н. Б. Шеламанова (Археографическая комиссия), сказавшая, что описание рукописей непременно должно быть признано научной работой. На том этапе, когда даже полевая археографическая деятельность во многом свелась к работе в местных хранилищах, проблема уровня описания и соответственно его количественных норм стоит очень остро. Эти нормы различны даже в таких крупнейших хранилищах, как ЦГАДА, ГПБ, ГИМ, и в то же время все они явно занижены. Необходимо выработать научные нормы для их корректирования, и Археографической комиссии, как научно-координационному совету, следует принять в этом активное участие.

В заключение Черных поддержал предложение Амосова об издании серии кратких справочников по составу местных хранилищ. Такая работа, которая ни в малой степени не противоречит предпринимаемым более подробным описаниям, была бы очень полезна, потому что позволила бы в реальные сроки выявить всю полноту рукописной и старопечатной книги, находящейся в хранилищах СССР.

М. П. Мироненко

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А. Б. Каменский, Л. И. Шолин

ОБ УЧАСТИИ Н. А. ПОПОВА В ПОДГОТОВКЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. Н. ТАТИЩЕВА

Научная и археографическая деятельность Н. А. Попова в последнее время привлекает все большее внимание специалистов¹. Историк-славист, издатель «Актов Московского государства», профессор Московского университета и директор МАМЮ Н. А. Попов хорошо известен и как один из первых биографов В. Н. Татищева. Книга «Татищев и его время» «и поныне является единственным монографическим опытом биографии В. Н. Татищева в отечественной историографии». К этому следует добавить, что, хотя в книге Попова «не освещены и даже не поставлены многие важнейшие проблемы»², она, по сути, положила начало научному татищеведению. В приложении к книге осуществлена публикация и ряда документов, относящихся к государственной деятельности Татищева, найденных Поповым главным образом в МГАМИД. Не случайно поэтому именно Попов в 80-е годы прошлого столетия был привлечен Н. В. Калачовым к готовившемуся изданию сочинений Татищева.

Калачов сделал Попова своим помощником, а затем и преемником на посту управляющего МАМЮ. Попов был одним из тех, кто поддерживал выступление Калачова на I археологическом съезде о необходимости улучшить положение архивов в России³. И в дальнейшем Калачов рассчитывал на его поддержку не только декларативную, но и практическую. Так, в августе 1882 г. он пригласил Попова приехать в МАМЮ для обсуждения вопроса о хранении документов и о выделении к уничтожению материалов, не имеющих научного значения, для более точного определения объема строящегося нового архивохранилища на Девичьем Поле. «Голос специалистов будет в данном случае очень полезен,— писал Калачов,— и мы, конечно, в настоящем случае чрезвычайно дорожим Вашим мнением, т. к. министр юстиции не может не принять во внимание отзыв таких специалистов, как Вы»⁴. Калачов предложил Попову возглавить намеченный к открытию при МАМЮ Археологический институт и ученое отделение самого архива; после издания нового университетского устава в 1884 г. эти планы Калачова относительно Попова стали осуществимыми⁵. В рапорте министру юстиции Калачов указывал, что по недостатку времени из-за многочисленных занятий по должности сенатора и ординарного академика он хотел бы переложить заведование научными работами в архиве на человека, «не только благонадежного в политическом отношении, но и обладающего теми специальными сведениями, какие требуются для современных занятий по части отечественной истории, в особенности в архивах... На сем основании я давно между известными мне учеными и педагогами останавливал вни-

¹ *Лангева Л. П.* Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н. А. Попова с А. Патерой // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 290—298.

² *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 10, 11.

³ См.: Труды I археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. XV.

⁴ ОР ГБЛ. Ф. 239 (Н. А. Попов). П. 10. Д. 3. Л. 3—4.

⁵ Там же. Л. 19, 21, 29 (Письма Калачова Попову).

мание па весьма немногих лицах... По моему глубокому убеждению, таким кандидатом может быть лишь известный в Москве ученый Н. А. Попов»⁶.

Издание сочинений Татищева не было тогда осуществлено; но подготовительные материалы к нему, хранящиеся в фонде А. А. Куника в ЛО ААН (Ф. 95. Оп. 5), нередко использовались исследователями Татищева. Куник же опубликовал перечень документов, выявленных им в архиве Академической конференции, в Библиотеке Академии наук и в Архиве Министерства финансов⁷. Вклад Н. А. Попова в подготовку издания менее известен. Написавшие биографический очерк о нем И. И. Шимко и А. А. Гоздаво-Голомбиевский упустили этот момент из виду⁸. Об участии Попова в этом предприятии мы узнаем из неопубликованной переписки, помогающей в совокупности с недавно обнаруженными в ЦГАДА подготовительными материалами уточнить некоторые вопросы научного татищеведения и истории архивного дела, связанные с проектом этого интересного издания.

Издание сочинений Татищева было задумано Академией наук к 200-летию юбилею со дня его рождения 19 апреля 1886 г. В финансировании подготовительных работ оказал содействие праправнук историка — А. Н. Татищев. Рассчитывали также на помощь общественности. А. Н. Татищев хорошо знал Калачова, которому вместе с Куником Академия поручила подготовку издания. По замыслу Калачова в первую очередь намечалось напечатать неизданные служебные записки Татищева. По-видимому, по инициативе А. Н. Татищева к этому делу привлекли Попова⁹. Попов ответил, что может «принять на себя извлечение при помощи опытного переписчика из московских архивов тех писем, записок, докладов, донесений, дневников В. Н. Татищева», которые ему известны¹⁰. Но А. Н. Татищев намеревался провести выявление не только в московских архивах, но и в Петербурге. Для этого было решено привлечь кого-нибудь из слушателей Петербургского археологического института. На Попова же возложили функции ведущего научного консультанта издания, решив не обращаться к К. Н. Бестужеву-Рюмину, незадолго до того издавшему очерк государственной и научной деятельности В. Н. Татищева¹¹.

Куник и Калачов начали выявление материалов о Татищеве: первый в Петербурге, второй в Москве, в делопроизводстве Сената, где он лично просматривал книги с протоколами и другими бумагами следственных комиссий о Татищеве. В проведении этой работы он настойчиво добивался участия Попова, предложившего высылать ему эти книги по частям в университетскую библиотеку¹². В конце 1883 г. работа над изданием шла полным ходом; Калачов и Попов совместно просмотрели 14 книг с материалами следственных комиссий о Татищеве, а затем после отъезда Калачова в Петербург Попов продолжал эти занятия самостоятельно.

Получив от А. Н. Татищева тысячу рублей для платы переписчикам, Калачов писал Попову, что «в деньгах для переписки недостатка нет, лишь бы она осуществлялась качественно. Деньги и проч. в МАМЮ через В. И. Холмогорова»¹³ (начальник Поместно-вотчинного отделения МАМЮ Холмогоров обычно играл роль доверенного лица Калачова при

⁶ ЦГИА. Ф. 950 (Н. В. Калачов). Оп. 1. Д. 295. Л. 20—21.

⁷ ЗАН. 1883. Т. 47, кн. 1. С. 78—87.

⁸ Шимко И. И., *Голомбиевский А. А. Памяти Н. А. Попова* // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Разд. 3. С. 1—72.

⁹ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 2—3; ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 19. Д. 37. Л. 1 об.— 2.

¹⁰ ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 19. Д. 37. Л. 10, 6—9. (Письма А. Н. Татищева Калачову и Попову).

¹¹ Там же. Л. 3 об., 5—6 (Письма А. Н. Татищева Попову).

¹² Там же. П. 10. Д. 3. Л. 5—7 об.; ЦГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 1897. Л. 73 (Книга выдачи дел).

¹³ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 21, 21 об.; ОР ГПБ. Ф. 141 (К. С. Веселовский). Д. 12. Л. 1—1 об.; ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 10. Д. 3. Л. 10, 16.

передаче заказов на копирование документов чиновникам архива, которые этим подрабатывали в свободное время; в данном случае перепиской занимались И. А. Малиновский и некоторые другие)¹⁴. Документы о Татищеве из Архива Академии наук копировала известная переписчица М. Н. Шуйская; она же вместе с другими занималась этим и в МГАМИД¹⁵. В апреле 1885 г. А. Н. Татищев писал Попову, что им получено разрешение на снятие копий с отобранных Поповым в МГАМИД документов и один из чиновников архива уже приступил к этой работе¹⁶; ранее, в феврале, Попов сообщал А. Ф. Бычкову, что закончил выявление материалов в МАМЮ и МГАМИД и перерабатывает свою книгу о Татищеве¹⁷.

Калачов координировал работу по собиранию материалов в Москве и Петербурге, возложил на Попова функции научного редактора. Об этом свидетельствует письмо Калачова непреременному секретарю Академии наук К. С. Веселовскому 11 июля 1884 г. с просьбой выслать в МАМЮ для него с Поповым «списки разных бумаг В. Н. Татищева, доставленные в Академию наук Куником для отбора и издания». Но со смертью Калачова Академия осталась в неведении относительно состояния порученных ему работ¹⁸. А. Н. Татищев писал Попову: «Известие о кончине Н. В. Калачова меня поразило и глубоко опечалило. Решительно не знаю, что мы теперь будем делать»¹⁹.

В связи с тем что после смерти Калачова комиссия по изучению деятельности В. Н. Татищева распалась, А. Н. Татищев предложил Попову возглавить ее и привлечь нового члена²⁰. Но в руках Попова пахотились не все готовившиеся для издания материалы, и он сам не мог их найти. В ответ на его запрос вдова Калачова и секретарь Археологического института А. П. Ясенский писали, что они не знают местонахождения архивных выписок о Татищеве, которые Калачов собирал в МГАМИД и начал собирать по Горному департаменту (архив Берг-коллегии). Тем не менее Попов продолжал подготовку издания, отослав некоторые татищевские документы для сверки в Петербург, в Археологический институт²¹.

13 декабря 1885 г. Веселовский предложил Попову прочитать речь на торжественном заседании памяти Татищева, по издание сочинений, как следует из его сообщения Попову 23 декабря того же года, поручили Кунику (при содействии Попова: «это предприятие,— писал ему Веселовский,— не может быть успешно выполнено без Вашего деятельного участия в нем»²²). Попов согласился прочитать речь²³, но свое «деятельное участие» в издании обещал лишь через год, после переезда МАМЮ, который он возглавил со времени смерти Калачова, в новое здание на Девичьем Поле. По словам Попова, почти все документы для 1-го выпуска издания сочинений Татищева Калачов еще в 1883 г. отослал в Петербург, в Археологический институт, для сверки с подлинниками и все эти документы (до поездки Татищева в Швецию в 1724 г.) должны были находиться в Петербурге. «Таким образом,— писал Попов,— уже по самому содержанию выпуска издание его следует возложить на Куника». Последнему Попов отослал пять недостающих первых документов этого выпуска (копии с хранившихся в МАМЮ)²⁴.

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1897. Л. 60; ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 10. Д. 3. Л. 11—13.

¹⁵ ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.

¹⁶ ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 19. Д. 37. Л. 9—9 об.

¹⁷ ОР ГПБ. Ф. 120 (А. Ф. Бычков). Д. 1139. Л. 34.

¹⁸ Там же. Ф. 124 (Собрание П. Л. Вакселя). Д. 1891. Л. 12 об.

¹⁹ ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 6. Д. 25. Л. 6; П. 19. Д. 37. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Там же. П. 10. Д. 4. Л. 3—5; П. 22. Д. 24. Л. 1.

²² Там же. П. 6. Д. 25. Л. 9, 11—11 об.

²³ ОР ГПБ. Ф. 124. Д. 3451. Л. 6. Речь Попова «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева», прочитанная на торжественном заседании Академии наук 19 апреля 1886 г., опубликована в ЖМНП (1886. № 6) и в Приложении к ЗАН (1887. Т. 55).

²⁴ ОР ГПБ. Ф. 124. Д. 3451. Л. 9—9 об.

Однако Куник намеревался осуществить совершенно другой план издания, начав его с «литературных» трудов Татищева, а для определения объема такого издания он хотел ознакомиться со всеми материалами, находившимися у Попова, которые просил также выслать в Петербург, за исключением необходимых для составления юбилейной речи. Поэтому к 19 апреля 1886 г. за недостатком времени ничего издать не представлялось возможным. А. Н. Татищев выразил недовольство этим, так как деньги им были пожертвованы для того, чтобы напечатать что-то именно к юбилею. «Если бы был жив Калачов, то это, вероятно, так бы и было,— писал Веселовский Попову,— но при том направлении, которое дал этому делу Куник, это оказалось, конечно, невозможным»²⁵. По словам Веселовского, Куник не передал в Академию для издания никаких материалов и не поставил вопрос о подготовке нового издания биографии Татищева. Следовательно, Попов получил полное право самостоятельно издать новую книгу о Татищеве или исследование об отдельных его произведениях. Позднее Попов опубликовал «Разговор двух друзей о пользе науки и училищах», издание которого он начал готовить с 1885 г., но до поры откладывал²⁶.

Из писем к нему А. Ф. Бычкова узнаем о подготовке этого издания, для которого Бычков предоставил копию списка «Разговора» из Публичной библиотеки, оказавшегося наиболее полным. Сличив его с выписками, приведенными Поповым по московским спискам, Бычков пришел к выводу, что в Москве представлена другая редакция этого произведения. Для комментариев к изданию использовались материалы, извлеченные из архивов Москвы, Петербурга, а также Перми и Екатеринбурга. Бычков указал, что статьи о Татищеве, изданные Н. К. Чушиным, свидетельствуют о богатстве любопытных материалов, хранящихся на севере. Для ускорения изготовления копии «Разговора» Бычков предложил Попову придерживаться при переписке более или менее современного правописания, так как при копировании первых 28 глав строгое соблюдение правописания подлинника значительно затрудняло и замедляло дело. «Я полагаю,— писал Бычков,— что рукопись, переписанная в XVIII ст. не с подлинника, а со списка, прошедшего, может быть, через несколько рук, не представляет относительно правописания особенной важности для исследователя языка. Притом и сам переписчик стоит не на твердой почве и не является последовательным: нередко одно и то же слово он пишет различно». Одновременно Бычков жаловался, что «чрезвычайно трудно добыть порядочных переписчиков, это Вы усмотрите из моих поправок». Несмотря на эти трудности, в 1887 г. «Разговор» Татищева — одно из наиболее ярких произведений русской общественно-философской мысли первой половины XVIII в.— увидел свет²⁷.

Таковы некоторые факты, связанные с участием Попова в подготовке издания сочинений Татищева. В 1985 г. в ЦГАДА в ходе описания неопубликованных документов был обнаружен комплекс подготовительных материалов к этому изданию. Их объем составляет более 700 л., заполненных различными почерками XIX в.; отдельные документы написаны рукой самого Попова. В настоящее время из этих материалов сформирована 1 ед. хр., которая подключена к фонду «Канцелярия МАМЮ», где хранятся творческие материалы сотрудников архива. Весьма вероятно, что обнаруженные документы — именно те, которые Попов оставил себе для работы над юбилейной речью, на многие из них в ней имеются ссылки. При этом следует иметь в виду, что данные материалы составляют, видимо, лишь часть большого комплекса, поскольку у ряда документов отсутствует начало или конец; копии ряда документов имеются также в составе материалов, хранящихся в фонде А. А. Куника в ЛО ААН.

²⁵ ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 19. Д. 37. Л. 29 об.— 30; П. 6. Д. 25. Л. 13 об.

²⁶ Там же. Л. 3; ЧОИДР. 1887. Кн. 1. Отдельной книгой. М., 1887. 171 с.

²⁷ ОР ГБЛ. Ф. 239. П. 5. Д. 50. Л. 23. 25—25 об., 27—27 об., 30.

В целом обнаруженные материалы можно условно разделить на три группы.

К первой относятся реестры, или перечни, в том числе аннотированные, татищевских документов из различных фондов МАМЮ и МГАМИД. Это в первую очередь «Описи бумаг В. Н. Татищева, извлеченные из Персидских дел» за 1742–1745 гг. (л. 30–30 об., 533–552, 488–493), насчитывающие 384 документа; «Первая опись бумаг В. Н. Татищева, касающихся киргизских, калмыцких и татарских дел и взятых из архива МИД, за 1737–1745 гг.» (л. 37–47) — 296 документов; «Опись бумаг за 1737–1739 гг., извлеченных из дел и приговоров правительствующего Сената, хранящихся в МАМЮ» (л. 496–498), — 49 документов. Здесь же аннотированные перечни документов о служебной деятельности Татищева из IX («Кабинет Петра I») и XVI («Внутреннее управление») разрядов Госархива (л. 109–134) — всего 60 документов, а также аналогичный перечень документов по переписке Татищева с Академией наук (л. 99–108 об.) — 50 документов. Данные перечни, безусловно, могут быть весьма полезны будущим исследователям биографии Татищева.

Ко второй группе документов можно отнести копииные материалы. Это сочинения Татищева, его письма, документы служебной деятельности. Среди них — «Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны» — копия осуществленной в 1859 г. М. П. Погодиным публикации «Произвольного и согласного рассуждения и мнения собравшегося шляхетства русского о правлении государственным» и «Напомнения на присланное расписание высших и нижних государственных и земских правительств»²⁸. Как известно, в основу публикации Погодина была положена рукопись из его собственного собрания, но при издании текст рукописи подвергся некоторой редакторской правке. Копия, обнаруженная в бумагах Попова, в точности повторяет публикацию 1859 г.; по затем, видимо, была проведена сверка с Погодинской рукописью и красными чернилами внесена соответствующая правка. Исправленный текст этой копии, таким образом, совпадает с текстом, известным по новейшей публикации, также осуществленной по рукописи из собрания Погодина²⁹.

Среди других крупных исторических и историко-географических трудов Татищева, копии которых находятся в материалах Попова, следует назвать извлеченные из различных документальных собраний, в том числе из «Портфелей Г.-Ф. Миллера», сочинения «Царство царя Михаила Федоровича» (л. 248–245) и «Царство царя Федора Алексеевича» (л. 246–261), примечания на книги Страленберга и Миллера (л. 331–360, 529–532), работу о мамонтовой кости (л. 575–580), оставшуюся и поныне не переведенной на русский язык, первую редакцию историко-географической анкеты Татищева 1734 г., опубликованную лишь недавно (л. 651–655 об.)³⁰ и др. Здесь же копия «Проекта Аральской экспедиции П. И. Рычкова с замечаниями В. Н. Татищева», «Проекта», о котором Попов упоминает в своей юбилейной речи³¹. Имеются также копии ряда писем Татищева, в том числе четыре письма к дочери, В. К. Тредиаковскому, И.-Д. Шумахеру, Г. Н. Теплову и др.

Важное место в бумагах Попова занимают материалы о служебной деятельности Татищева из фондов Госархива, МАМЮ и МГАМИД, в том числе документы различных следственных комиссий, доношения, доклады, ведомости и т. д. По-видимому, Попова интересовало и имущественное положение Татищева, так как для него были скопированы отдельно документы Вотчинной коллегии за 1751–1761 гг., касающиеся земельных владений наследников историка.

²⁸ Утро: Литературный сб. М., 1859. С. 369–388.

²⁹ *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 146–152.

³⁰ Историко-географическая анкета В. Н. Татищева (Публикацию подготовил А. Б. Каменский) // С.А. 1985. № 5. С. 38–41.

³¹ Приложение к ЗАН. Т. 55. С. 41.

К последней, третьей группе материалов следует отнести черновики, конспекты, заметки самого Попова по биографии Татищева (на ряде документов имеются пометы, правка или заголовки, выполненные рукой Попова). Здесь в первую очередь привлекают внимание «программа» юбилейной речи Попова (л. 724—728), значительно отличающаяся от окончательного варианта, и материалы к биобиблиографии Татищева — сделанные рукой Попова списки публикаций трудов Татищева и литературы о нем.

Приведенный обзор подготовительных материалов Н. А. Попова к изданию сочинений В. Н. Татищева, несмотря на свою краткость, дает представление о ценности этих материалов как для татищеведов, так и для историков отечественной археографии второй половины XIX в.

Л. А. Котлярская

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. РОВИНСКОГО

Творческий путь и общественная деятельность Павла Аполлоновича Ровинского (1831—1916)¹ — известного русского ученого, путешественника и публициста второй половины XIX в. — рассматриваются обычно в двух планах: в нем видят либо участника «Земли и воли», соратника и единомышленника Н. Г. Чернышевского², либо исследователя этнографии, фольклора, истории, языка сербского и черногорского народов. Задача настоящего обзора заключается в том, чтобы дополнить по архивным материалам характеристику творческого и общественного облика Ровинского.

Ровинский родился в с. Гусевка Саратовской губернии в семье мелкопоместного дворянина. В саратовской гимназии он подружился с А. Н. Пыпиным, в Казанском университете учился у В. И. Григоровича и под его влиянием занялся славяноведением. Был оставлен при университете, но в 1856 г. покинул его, по официальной версии, «из-за горячей преданности практическому славяноведению», по другим данным, под влиянием Н. Г. Чернышевского. В 1861—1863 гг. был активным деятелем «Земли и воли» в Поволжье и Петербурге, благодаря чему остался в памяти современников и потомков как революционер-демократ. В 1860—1861 гг. приступил к изучению чешских земель в составе Австрийской империи, написал серию статей и очерков³. В 1868—1869 гг. продолжил эту деятельность в Сербии, познакомившись с политической и общественной жизнью страны, бытом народа, библиотеками и архивами⁴. С 1870 г. в течение трех лет Ровинский исследовал Сибирь, приобретая известность как географ и этнограф, изучал Монголию и Китай, посетил Италию и США. С 1874 по 1878 г. он директор колонии для малолетних преступников под Петербургом, создавший оригинальную педагогическую систему. После работы в колонии переехал в Черногорию, где про-

¹ Энцикл. словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 26-а. С. 873—874; БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 36. С. 577; СИЭ. М., 1969. Т. 12. Стб. 101; БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 151—152.

² *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973. С. 318—324.

³ *Ровда К. И.* П. А. Ровинский и русско-чешские и русско-словацкие литературные связи // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения конца XIX — начала XX в. М., 1968. С. 276—299; *Он же.* П. А. Ровинский и чехи: (По архивным материалам) // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Л., 1983. С. 242—261.

⁴ *Хитрова Н. И.* П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы // Балканика. II. Београд, 1971. С. 147—174.

жил с перерывами более четверти века. Это самый известный период в его биографии: для нескольких поколений славистов Ровинский прежде всего — знаток Черногории, ее истории и археологии, языка, литературы и народной жизни (он приобрел и некоторый официальный статус, числясь при русской миссии в Цетинье). И работа, которую он провел здесь, и собранные им материалы огромны. С 1888 по 1915 г. в свет вышли три больших тома (в шести книгах) его капитального труда «Черногория в ее прошлом и настоящем», изданного Российской Академией наук⁵. Скончался Ровинский в самый разгар мировой войны, в январе 1916 г.

Печатное наследство Ровинского велико; его изучают историки, этнографы, литературоведы. Однако оценка творчества Ровинского во всем многообразии отсутствует, как и связный очерк его жизни и деятельности. Краткий обзор рукописного наследия Ровинского является первым шагом к устранению этих пробелов⁶.

Материалы о Ровинском хранятся во многих библиотеках и архивах (и к настоящему времени едва ли все они выявлены). Это прежде всего личный фонд Ровинского в ЛО ААН (Ф. 123), поступивший туда, по видимому, в 1930-х годах из БАН. Бумаги были в свое время подобраны Ровинским по трем связкам с надписью на каждой. Фонд переработан, имеет две описи на 260 дел. В ЦГИА СССР хранятся биографические материалы: родословная Ровинских, копии метрических свидетельств о рождении Павла и Александра; документы об утверждении в дворянском достоинстве А. И. Ровинского с сыновьями Павлом и Александром, о награждении П. А. Ровинского черногорским орденом кн. Даниила I 4-й степени, об избрании его адъютантом⁷. В РО ИРЛИ, в фонде родственника А. Н. Пыпина С. А. Ляцкого хранятся машинописные копии воспоминаний о Ровинском А. Ф. Пантелеева, Г. Н. Потанина, В. А. Ляцкой (урожд. Пыпиной)⁸.

Материалов о революционной деятельности Ровинского в архивах не обнаружено. В свое время Е. В. Михайлов опубликовал письмо А. А. Слепцова с вопросами к П. А. Ровинскому, связанными с деятельностью последнего в «Земле и воле»⁹; ответом исследователи, к сожалению, не располагают. В ЦГАЛИ в фонде Л. Ф. Пантелеева, известного деятеля революционного движения 60-х годов, хранятся семь писем Ровинского, адресованных Пантелееву в 1896—1908 гг.¹⁰ Письма эти приобретают особый интерес, так как именно из воспоминаний Пантелеева известно о деятельности Ровинского как члена «Земли и воли»¹¹. В одном из них содержится важное свидетельство: только что познакомившись с присланными ему в рукописи воспоминаниями Пантелеева, ничего не опровергая, в свойственной ему манере Ровинский пишет: «Ведь общество „Земля и воля“ охватывало горсточку молодежи в Петербурге, [а] в провинции только весьма и весьма немногие могли назваться его членами [...] Но было много людей, которые были его единомышленниками [...] Читая разоблачения Ваши и других, я думаю: какой это богатый материал [...] для будущих Шуваловых, Потаповых,

⁵ Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888. Т. 1; 1897. Т. 2, ч. 1; 1901. Т. 2, ч. 2; 1905. Т. 2, ч. 3; 1909. Т. 2, ч. 4; 1915. Т. 3 (Сб. ОРЯС. Т. 45. 63, 69, 80, 86, 91).

⁶ Попытка оценить его рукописное наследие предпринята в коротком сообщении В. Базанова (см.: Базанов В. Рукописное наследие П. А. Ровинского // Рад XIII Конгресса Савеза фолклориста Југославије. Скопје, 1968. С. 391—397). Библиография трудов Ровинского, к сожалению, до сих пор не опубликована полностью. Сведения о ней см.: Хитрова Н. И. П. А. Ровинский // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 294—295; Мартинович Д. Портреты: Био-библиографски преглед. Цетинье, 1983. С. 127—141.

⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 1756; Ф. 733. Оп. 45. Д. 152; Оп. 52. Д. 239.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 20—25, 83; Оп. 5. Д. 74.

⁹ Михайлов Е. В. Письмо Слепцова П. А. Ровинскому от 3 (16) апреля 1905 г. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965. С. 426—431.

¹⁰ ЦГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 497. Л. 1—10.

¹¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 322, 327—328, 557—559.

Мезенцевых, Дубельтов и им подобных [...] Одно только успокаивает, что эти реакционеры [...] не отличаются способностью провиденья или прудусмотрения; жизнь их опережает, и они всегда остаются позади»¹².

Личный фонд Ровинского в ЛО ААН сохранил черновики и готовые к публикации рукописи очерков и статей, относящихся к отдельным проблемам сербской и черногорской общественной жизни, истории, литературы. Это «Черногорская колония в Истрии», «Значение правления владык в истории Черногории», «Петр II Петрович Негош владыка Черногории», «Бокка и Черногория», «Русское посольство в Рагузе» и др.— всего 21 работа. Дневниковые записи путешествия по Черногории в 1879 г. невелики и являются набросками. Но сохранился и результат работы над дневниками — рукопись «Попытка описания путешествия по Черногории», как она была названа автором (1879 г., 132 л., скопирована почерком библиотекаря славянского отделения БАН П. П. Смердынского)¹³. Так начиналась подготовка многотомного труда о Черногории. Ровинский описывал все, что наблюдал в ходе путешествия: природу, пути сообщения, села и города, гостиницы и крестьянские дома, одежду и рацион местных жителей, обряды, обычаи, праздники; причем не с позиции мимоезжего путешественника, а «пзипутри», с глубоким знанием дела. Оценка местным населением его деятельности была восторженной. «Везде на дороге меня останавливали, что было в Цетинье не могу описать. Удивительно! Не сделал я этому народу ничего, да и не в состоянии, а между тем встречают меня с такою радостью»¹⁴, — писал он Пышину в феврале 1902 г. Сохранившиеся записи освещают историю русского консульства в Дубровнике. Ровинский воссоздает картину жизни города и излагает принципы его взаимоотношений с Россией, характеризует отдельных консулов независимо от их конфессиональной принадлежности как защитников славян в Боснии и Герцеговине. Интересны история приморского города Ульциня, описание его климата (в связи с этим дан план осушения болота близ города). Любопытно и описание действовавшей в Цетинье школы («института») для девочек, содержавшейся на средства русского правительства. Учебное заведение было переполнено; в нем учились не только черногорки, но и девушки из Сербии, Боснии, Далмации, Герцеговины (Оп. 1. Д. 90—91, 53)¹⁵.

В фонде имеются словари и заметки о языке славянских народов, черногорском диалекте, наблюдения по поводу сербско-русского словаря, специальные исследования об ударениях. Библиографический указатель литературы по Черногории на восьми языках занимает два дела (405 л.). В одном сосредоточена литература, написанная кириллицей, — русская и сербская, в другом — литература, написанная латиницей, — английская, французская, немецкая, чешская, польская, хорватская. Учены работы до 1914 г. (Оп. 1. Д. 4—5, 66—67). Сохранилось большое число вырезок из газет и журналов, относящихся главным образом к 900-м годам. Они касаются острых вопросов общественной жизни: событий в югославянских землях, развития передовой общественной мысли, свободы совести, народного образования, особенно сельских школ, положения женщин (Оп. 1. Д. 55, 56, 162).

Главный интерес представляет переписка, в которой прослеживается вся многогранная деятельность Ровинского. В личном фонде она включена во вторую опись, в которой значится 110 дел — 174 письма. Письма различных корреспондентов относятся к тому периоду жизни Ровинского, когда он стал уже признанным славистом, т. е. к периоду с 80-х годов XIX в. до конца его жизни. Среди корреспондентов ученые: специалист по русской истории Д. А. Корсаков, историки, филологи, этнографы В. И. Ламанский, Л. Н. Майков, И. С. Пальмов, П. К. Симоли,

¹² ЦГАЛИ. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 497. Л. 8—9.

¹³ ЛО ААН. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9, 10, 13, 14, 20, 32—36, 65, 69, 70—75, 77—85, 87—89, 106, 107.

¹⁴ ЦГАЛИ. Ф. 395. Д. 341. Л. 368—369.

¹⁵ Здесь и далее в скобках приведены ссылки на ф. 123 ЛО ААН.

А. Н. Харузин, академик А. А. Шахматов, дипломаты И. Э. Аргиропуло, К. А. Губастов, Н. Л. Данилов, А. Н. Щеглов. В письмах обсуждаются различные аспекты югославянских исследований Ровинского, положение славянских стран, политическая ситуация в Европе. Майков 30 декабря 1880 г. сообщил об интересе, проявленном к работам Ровинского Н. В. Калачовым, который лестно отзывался о них и предлагал сотрудничество в руководимых им изданиях. Интересно письмо от 19 февраля 1877 г. спутника Ровинского по восточносибирскому путешествию педагога П. П. Бельцова; он пишет из Киева, из земледельческой колонии, где заведующим был С. Д. Ушинский, брат К. Д. Ушинского. Обобщая накопленные в петербургской колонии педагогические наблюдения, Ровинский выработал свои принципы воспитания, которые, судя по письму, совпадали с принципами С. Д. Ушинского (Оп. 2. Д. 36. Л. 1—6; Д. 5. Л. 1—2).

Письма родных и близких содержат характеристики Ровинского и членов его семьи, освещают их биографии. Старший сын ученого Аполлон, топограф, по приглашению адмирала Макарова принимал участие в экспедиции на ледоколе «Ермак» к устью Енисея и Шпицбергену в 1901 г. Младший сын Александр учительствовал в провинции. Регулярной была корреспонденция дочери Екатерины (в замужестве Митропольской) и близкой родственницы О. П. Грековой, сохранившаяся за 900-е годы. В ней имеются сведения о друзьях, в число которых входили семьи Чернышевских («была Ольга Сократовна, взяла несколько фотографий») и Пыпиных (Оп. 2. Д. 62. Л. 1; Д. 13. Л. 35; Д. 62. Л. 45—47).

Письма Ровинского выявлены в нескольких хранилищах. 102 письма к А. Н. Пыпину за 1868—1904 гг. находятся в ОР ГПБ в личном фонде Пыпина (Ф. 621). Копии этих писем, снятые, видимо, вскоре после смерти Ровинского, хранятся в ЦГАЛИ в ф. 395. Ими мы главным образом и пользовались, ибо почерк Ровинского необычайно труден для чтения. Их, как и ряд записей, хранящихся в ЛО ААН, снял Смердынский, набросавший также первую биографию Ровинского. Впрочем, даже Смердынский не всегда разбирал почерк — в некоторых местах встречаются пропуски, заполненные сыном Ровинского Аполлоном Павловичем либо незаполненные. Письма являются уникальным комплексом. Они содержат свежую информацию о путешествиях Ровинского, характеризуют умонастроения этого исследователя, просветителя, демократа. Значительное место занимают письма из югославянских земель, где он пылливо изучал жизнь народа, напряженно работал: «Хожу каждый день в музей, перебираю рукописи». Содержательны исторические суждения и оценки: «цари и державные пастыри [...] смотрели на народ, как на рабочую скотину, какой он остается и доныне»; «сербы никогда не жили в городах [...] Только с Карагеоргием они вступают в города». О современном ему образованном сербском обществе: «лучшие люди погибли, а они спрятались в кусты и теперь наслаждаются жизнью»; «для науки здесь приюта совершенно нет». Тяготеет он к сопоставлениям с Россией: «Абсолютно изучить что-нибудь я не смею, у меня постоянно идет сравнение и по преимуществу со своей родиной» (Л. 5, 42, 41, 48, 37, 90)¹⁶. Особенности натуры Ровинского хорошо раскрываются в письмах. Его основная черта — «затронуть какой-нибудь животрепещущий вопрос или расширить связь, смысл и интерес в массе ежедневных политических событий». Способность к аналитическому мышлению сочеталась у Ровинского с бесспорным литературным дарованием, которое он, по его вынужденному признанию, «не мог до сих пор утилизировать». К тому же «масса наблюдений и собранных материалов лежит без употребления». Были и другие причины: «необеспеченность и экстраординарные условия, среди которых складывалась моя жизнь и которые преследовали меня с раннего детства!» (Л. 86, 218).

¹⁶ Здесь и далее в скобках приведены ссылки на ф. 395 ЦГАЛИ СССР (Оп. 1. Д. 341).

Первые же письма Пыпину из Швейцарии 1869 г. очень важны для характеристики социальной позиции Ровинского. «Читал все, что относится к истории Швейцарии [...] больше всего меня интересовало положение рабочих и существующее между ними движение». Эти слова легко объяснимы: Ровинский направлялся в Базель на конгресс I Интернационала. Он очень интересовался также постановкой народного образования: «Я хотел бы пробыть [здесь] месяца два для педагогических штудий, именно для народных школ, чтобы быть в состоянии помочь чем-нибудь для устройства наших земских школ» (Л. 106, 66). Швейцарские наблюдения впоследствии очень пригодились ему для работы в колонии. Письма Пыпину 1875—1876 гг. свидетельствуют о трудностях деятельности директора колонии и его отношении к своим обязанностям. Дел масса, экономя только «гомоздится» (суетится), но толку мало и все приходится делать самому; отмечаются и успехи: «дела в колонии идут ладно» (Л. 158, 177).

Привлекают внимание письма из бывшей отцовской усадьбы в с. Гусевка. Они ярко рисуют картину жизни русского села. В письме Пыпину от 9 марта 1900 г. подробно описаны «заброс народа», питание в неурожайный год: из проса делают блины, в каждом доме самовар — «парят животы». Болезни, отсутствие медицинской помощи, а «доктору и земскому начальству нет до этого никакого дела». Однако Ровинский отмечал, что «свобода изменила крестьян и на людей они больше похожи», что велик интерес народа к книгам, которые он привез с собой и роздал. «Есть тут один мужичок [...] понимающий наше русское дело, где и откуда зло — главным образом невежество массы, о чем так ревниво заботятся власть имеющие» (Л. 217, 294, 333, 354).

Письма Ровинского к А. Ф. Бычкову (от 20 июля 1894 г., 28 октября и 27 ноября 1897 г.) отразили изменение его отношения к Черногории. Она «стала мало-помалу сбрасывать старое, но еще вполне крепкое народное одеяние» и ридиться в новое, будто бы крестьянское, а по существу то, «которое европейцами бросается как негодное». И далее: «чего я так боялся, то теперь совершается на моих глазах»¹⁷ (Ровинский имеет в виду утрату здорового народного начала, свойственного черногорскому обществу, и создание в стране бюрократическо-полицейского государства.) Ровинский просил Бычкова о месте в библиотеке Академии наук на каталогах или выдаче книг.

Письма издателям и литературным деятелям — А. А. Краевскому (1869, 1874 гг.), Ф. Д. Нефедову (1897 г.), С. Н. Шубинскому (1875—1899 гг.) — связаны с вопросами публикации статей и очерков Ровинского¹⁸. В письме к редактору газеты «Голос» Краевскому от 28 марта 1874 г. он предлагал статью «По поводу чтений О. Миллера», где обращалось внимание «на ту реальную, имеющую практическое значение сторону сочинений Ф. М. Достоевского, которая лучше всего выражается в «Записках из Мертвого дома» и которая профессором совершенно игнорирована»¹⁹. Эта статья напечатана не была. Но внимание Достоевского привлек опубликованный в газете «Голос» 9 ноября 1875 г. отчет о работе колонии за октябрь 1875 г. (27 декабря 1875 г. он провел в колонии весь день). Показательно письмо к издателю журнала «Древняя и новая Россия» Шубинскому от 8 марта 1875 г. по поводу публикации в 1875 г. очерков о путешествии по Восточной Сибири²⁰. В очерке «Иркутск» были опущены существенные, по мнению Ровинского, части, рассказывающие о положении бедноты, о так называемых «зобатых»²¹, о беззаботности по отношению к ним местной администрации.

¹⁷ ЛО ААН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 651. Л. 1, 2.

¹⁸ ОР ГПБ. Ф. 621. Д. 591; Ф. 391. Д. 2, 6, 9, 12, 78.

¹⁹ Письмо опубликовано: Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 437.

²⁰ Ровинский Л. А. Иркутск, его настоящее и прошлое // Древняя и новая Россия. 1875. № 2. С. 201—219.

²¹ Пораженных болезнью щитовидной железы; эта болезнь была бичом населения Восточной Сибири.

о том, что все злоупотребления сибирской буржуазии совершались под покровительством чиновничества. Купюры возмутили Ровинского. Он писал, что изучение истории, а это и есть задача журнала, «не может не коснуться иногда живого предмета: наше прошлое крепко связано с настоящим, а этнография и подавно имеет значение чисто современное»²². Обостренно реагировал он на неуважительное отношение к себе в редакции «Петербургских ведомостей»: «Мне позволительно было считать свои корреспонденции небезытересными для общества [...] Я все же смею думать, что они содержали кое-что любопытное»²³. Письма к издателям и к друзьям полны просьб о получении и пересылке гонорара. О тяжелом материальном положении ученого говорится в письме от 22 октября 1884 г. вице-консула в Дубровнике В. Б. Пассека к А. Н. Пышину с просьбой организовать подписку в Петербурге для сбора денег в пользу Ровинского²⁴. Подписка Пышиным была осуществлена, о чем свидетельствует его письмо от 20 декабря 1884 г.

В РО ИРЛИ выявлены письма Ровинского Н. Н. Вакуловскому (1888 г., два письма), П. А. Кулаковскому (1878—1910 гг., четыре письма), О. Ф. Миллеру (1879 г., одно письмо), Е. П. Митропольской (1904 г., два письма), М. М. Стасюлевичу (1875—1877 г., шесть писем), С. Н. Шубинскому (1874 г., одно письмо)²⁵.

Оценку своему творчеству Ровинский давал в письме к Шахматову от 27 июня 1906 г.: «Я не считаю себя ученым, но я и не дилетант, а труженик, рабочий, который работает не по одной любви для своего довольствия, а по долгу. Я, собственно, собиратель материала»²⁶. Русская общественность оценила научные заслуги Ровинского. Он был избран в состав юбилейной комиссии по празднованию 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина и даже получил Пушкинскую медаль. «Говоря по совести,— писал он Пышину,— такой награды не ожидал! Громадная! Просто совестно [...]»²⁷. Эти последние слова являлись выражением присущей ему скромности, высокой требовательности к себе.

Изучение опубликованного и рукописного наследия Ровинского — важная задача, решение которой будет способствовать более углубленному рассмотрению многих вопросов историографии и истории общественной мысли России на рубеже XIX—XX в.

Л. И. Шохин

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ В. В. ШЕРЕМЕТЕВСКОГО «ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОПИСАНИЮ РАЗРЯДА»

«Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции» (далее: «Описание»), особенно 12 книг «Описания Разряда» до сих пор продолжают верно служить исследователям; но для того, чтобы наиболее эффективно использовать это и подобные ему пособия (описи, обзоры, указатели и другие справочники) при работе с документами, а также для того, чтобы находить пути совершенствования научно-справочного аппарата, необходимо изучить опыт работы архивистов прошлого, в том числе тех, кто составлял «Описание» Разряда.

²² ОР ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 2. Л. 134. 136.

²³ ЦГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 17.

²⁴ ОР ГПБ. Ф. 621. Д. 642. Л. 1—2; Д. 643. Л. 1—4.

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 372. Д. 259. Л. 5—15; Ф. 572. Д. 212; Ф. 156. Оп. 1. Д. 21; Ф. 163. Оп. 5. Д. 74; Ф. 293. Д. 1; Ф. 343. Д. 83.

²⁶ ЛО ААН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1286. Л. 43—43 об.

²⁷ ЦГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 394—395.

Владимир Владимирович Шереметевский¹ был одним из наиболее деятельных участников этого труда, которым он вместе со всем Описательным отделением МАМЮ занимался около 20 лет — с конца 1880-х до начала 1910-х годов. В 1894 г. управляющий МАМЮ Д. Я. Самоквасов поручил В. В. Шереметевскому, тогда старшему помощнику редактора описей и изданий архива, составить проект «Правил описания столбцов Разряда»². По документам канцелярии МАМЮ видно, что Шереметевский с самого начала не только вел методическую разработку описания столбцов, но и осуществлял практическое руководство этой работой, так как Д. Я. Самоквасов фактически отстранил от этого редактора описей и изданий А. С. Пестова и его преемника И. И. Шимко³. С 1898 г. В. В. Шереметевский сам стал редактором описей и изданий архива.

Об основном труде своей жизни Шереметевский рассказывает в статье «Археографические работы по документам Разряда, хранящимся в б. Московском архиве Министерства юстиции»⁴. В литературе отмечена практическая направленность этой статьи: целью ее было передать опыт архивистов старшего поколения создающему советскому архивоведению⁵. Позднее В. В. Шереметевский опубликовал еще две небольшие статьи, отчасти основанные на опыте работы над описанием Разряда⁶, но его научное наследие этим не исчерпывается.

В фонде канцелярии МАМЮ, хранящемся в ЦГАДА (Ф. 337), отложились неопубликованные материалы Шереметевского об описании разрядных столбцов, до сих пор мало привлекавшие внимание исследователей, может быть, вследствие того, что документы 1918—1920 гг. попали туда случайно. Эти материалы (в особенности черновик статьи «Послесловие к описанию Разряда») представляют интерес как для истории архива, так и для практического использования. Рукопись «Послесловия» датирована автором 9 апреля 1918 г. Это почти готовый для печати текст с редкими исправлениями, написанный на 76 листах с обеих сторон⁷. По содержанию эта статья должна стоять в одном ряду с известной работой Шереметевского об «Описании» Разряда, опубликованной в 1919 г.

О том, что управляющий МАМЮ Д. В. Цветаев поручил Шереметевскому написать для готовившейся 20-й книги «Описания» «Послесловие» с обобщением опыта работы над столбцами Разрядного приказа. Шереметевский упомянул в своей опубликованной статье⁸; но примечательно, что в статье Д. В. Цветаева «Новые издания МАМЮ», вышедшей в начале 1917 г., об этом ничего не говорится⁹, на основании чего можно сделать вывод: «Послесловие» было задумано после Октябрьской революции и имело актуальное практическое предназначение. В двух докладных записках, написанных в 1920 г., Шереметевский отметил, что в 1918 г., одновременно с «внеслужебным трудом» — статьей «Археографические работы по документам Разряда» — им составлено «Послесловие к описанию Разряда...», которое должно войти в печатаемую

¹ О В. В. Шереметевском, в том числе о его работе после 1917 г. см.: *Ткачева Н. К.* Старейший архивист В. В. Шереметевский // СА. 1978. № 2. С. 37—38.

² ЦГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ) Оп. 1. Д. 658. Л. 63 (Отчет МАМЮ).

³ Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1145. Л. 44 (письмо Самоквасова Шереметевскому от 15 февраля 1895 г.); Д. 630. Л. 15 об. (приказ Самоквасова от 15 февраля 1895 г. по Описательному отделению).

⁴ ИА. Пг., 1919. Кн. 1. С. 65—100. Статья датирована автором при издании 7 ноября 1918 г.

⁵ *Бельчиков Н. Ф.* Археография в годы революции // АД. 1926. Вып. 5/6. С. 198.

⁶ *Шереметевский В. В.* Архивная терминология // АД. 1925. Вып. 2. С. 50—59; *Он же.* Указатели к описям // АД. 1928. Вып. 3 (16). С. 40—51.

⁷ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8384. Л. 1—76 об. (Старый номер: Ф. 337. Оп. 8. Д. 77).

⁸ *Шереметевский В. В.* Археографические работы по документам Разряда, хранящимся в б. Московском архиве Министерства юстиции // ИА. Пг., 1918. № 1. С. 80.

⁹ *Цветаев Д. В.* Новые издания Московского архива Министерства юстиции // РИЖ. 1917. Кн. 1/2. С. 151—161.

20-ю книгу «Описания»¹⁰. Однако, как сказано в предисловии к 1-й части 20-й книги, изданной в 1920 г. под редакцией Шереметевского, по техническим причинам пришлось отложить публикацию подготовленного труда полностью. 2-я часть вышла позднее, но без «Послесловия»¹¹.

Приступая к анализу статьи, следует иметь в виду, что в МАМЮ еще в 1912 г. предполагалось завершить публикацию разрядных описей изданием «обозрения» всех документов Разряда, составить которое поручили И. М. Катаеву¹². Но через шесть лет он ушел из архива, не доведя дело до конца. 20 октября 1918 г. Шереметевский подал записку об оставленных им материалах «О результатах работы И. М. Катаева по составлению „Обозрения материалов для истории Разряда“», в которой эти итоги оцениваются весьма скептически¹³. Обращает на себя внимание тот факт, что в опубликованной статье по «Описанию Разряда» Шереметевский не называет имени Катаева. В рукописи «Послесловия» упоминается о том, что Катаев должен написать «обозрение», но этот абзац зачеркнут автором¹⁴. Вероятно, Шереметевский начал писать «Послесловие» заранее, оформив его в 1918 г. в виде статьи для 20-й книги «Описания».

Считая неисполнимым обширный план Катаева, Шереметевский не отрицал необходимости написания «обозрения» Разряда, чтобы заменить устаревшее «обозрение» в «Памятной книжке МАМЮ», составленное А. А. Гоздаво-Голомбиевским еще до начала описания столбцов по программе, утвержденной Самоквасовым. Шереметевский указал на это в записке от 24 февраля 1920 г. о перспективах описательной работы в архиве. В числе других неотложных задач он называл также опубликование «Бапмаковской» описи 1668 г. (открытой Голомбиевским, положившим ее в основу своего «обозрения»), так как она непосредственно продолжает опись 1626 г. (последпожарную), изданную Н. П. Лихачевым¹⁵, составление и издание списка воевод XVII в. и списка служилых людей¹⁶.

В отчете о своей работе, написанном в 1920 г., Шереметевский отмечает, что в 1918 г. наряду с составлением «Послесловия» на него была возложена работа над кратким «обозрением документов Разряда» с указанием их видов, содержания и литературы. Осуществление своей задачи он связывал с привлечением к этой работе слушателей Архивных курсов, практикой которых в архиве ему поручили руководить¹⁷. Это краткое «обозрение», по мысли Шереметевского, должно было стать образцом для будущего подробного «обозрения» Разряда. В отличие от Катаева Шереметевский хотел написать не историю Разрядного приказа, а обзор фонда, основанный на группировке документов по содержанию¹⁸.

«Послесловие» состоит из двух основных частей: обзора литературы, в которой использованы документы Разряда, и методической части, связанной с программой занятий на архивных курсах и написанной Шереметевским на основании анализа рукописных описей разных отделов раз-

¹⁰ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 867. Л. 3 об.; Д. 8389. Л. 2.

¹¹ Разрядный приказ. Опись столбцов дополнительного отдела/Под ред. А. А. Новосельского. М., 1950.

¹² План «обозрения», составленный Катаевым 4 апреля 1912 г., с многочисленными пометками Шереметевского вместе с подготовительными материалами, собранными Катаевым в 1912—1918 гг., см.: ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6287. Л. 1—26. Машинопись.

¹³ Там же. Д. 8311. Л. 1—12 об.

¹⁴ Там же. Д. 8384. Л. 11.

¹⁵ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888 (Прил.).

¹⁶ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8372. Л. 2 об.—3.

¹⁷ Там же. Д. 867. Л. 3 об.—4. См. записку Шереметевского от 16 сентября 1918 г. об организации занятий для слушателей архивных курсов в форме «обозрения деятельности Разряда по подлинным документам этого приказа с демонстрацией видов документов и указанием приемов их описания» (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8316. Л. 53—54 об.).

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1005. Л. 1—4 (план Шереметевского по составлению «обозрения» 19 октября 1918 г.).

рядных столбцов с многочисленными примерами исправления замеченных им ошибок. Он стремился не только поделиться опытом, но и объяснить причины некоторых недочетов в описании.

В опубликованной статье Шереметевский показал, как первоначальная программа описания постепенно расширялась, становилась более основательной. Но качество описания зависит не только от «стратегических» установок, но и от «тактики» сотрудников, методики их работы. В статье «Археографические работы по документам Разряда» Шереметевский лишь повторил старый тезис, что отдельные ошибки в именах и названиях не умаляют достоинства «Описания Разряда». Но для нас изучение этих ошибок представляет большой интерес. В современной литературе этот вопрос разрабатывается недостаточно. Хотя методика описательной работы уже стала предметом диссертации М. Н. Шобухова¹⁹, его интересовали общие принципы описания документов в русских архивах, а не конкретные особенности описания дел XVII в., большинство которых хранилось в МАМЮ. К тому же он использовал только опубликованные источники. Позднее начали изучать фонд канцелярии МАМЮ, но также в плане общих направлений научно-издательской деятельности в сопоставлении с практикой других архивов²⁰.

Изучение «Послесловия» подтверждает устойчивую заинтересованность Шереметевского, как и многих других сотрудников МАМЮ, в использовании старых описей XVII в. При редактировании заголовков он также всегда стремился заменять современные термины терминами XVII в., придерживаясь текста документов. Исключения допускались им в тех случаях, когда сохранение старого термина могло привести к недоразумению: например, слово «поручик» заменялось словом «поручитель» и т. д. Но Шереметевский всегда избегал терминов иностранных, по его мнению совершенно неуместных и не подходящих для обозначения фактов и предметов XVII в.: «конфискация», «экономия», «фураж», «репрессии», «агитация против властей» и др.

В «Послесловии» Шереметевский признает, что ошибки в именах и фамилиях в значительной мере обесценивают результаты описания. Чтобы не загромождать опись, старались свести к минимуму количество упоминаемых в ней личных имен. Однако в ряде случаев это существенно обедняло опись, лишая ее данных, освещавших все содержание документов, особенно когда речь шла о значительных исторических личностях.

Было принято за правило не называть фамилии без имен, а по отношению к служилым людям по возможности указывать и отчество для удобства восстановления их генеалогии. Имена вводились в русской календарной форме (кроме имен монахов и монахинь), но не искаженной местным говором (вроде «Микита» вместо «Никита»), календарного Илариона заменяли в описи Ларионом и т. д. Уменьшительные имена, обычные в делопроизводстве XVII в., вводились в описи в их полной форме. Шереметевский указывает, что уменьшительная форма имен часто являлась источником недоразумений и ошибок в описях. Например, путали Андреяна с Андреем по сходству уменьшительных форм имен: «Андрешка» и «Андрюшка»; особенно путали имена «Микита», «Мишка», «Митька»; сокращенная форма «Ник.» могла означать Никита или Никифор, а читатель мог принять ее за не встречающееся в XVII в. имя Николай. Уменьшительное имя нередко могло толковаться неоднозначно: «Алешка» мог быть Алексеем или Александром, «Савка» — Саввой, Савелием, Савиным и т. д. Если речь шла не об известных исторических личностях, то Шереметевский в таких случаях проверял имена по подлиннику. Княжеские фамилии Шаховские и Ше-

¹⁹ Шобухов М. Н. Системы и методы описания документальных материалов в России XIX — начала XX в.: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1951. С. 254—270.

²⁰ Самошенко В. И. Деятельность архивов дореволюционной России по изданию документов и справочников // С.А. 1975. № 2. С. 57—64.

хонские имели такое сходство, что было принято за правило их тоже проверять по подлиннику. Особого внимания требовали имена и фамилии иноземцев и инородцев. Характерно, что работу над «Обозрением Разряда» Шереметевский предполагал поручить шести слушателям архивных курсов, но оставлял за собой материалы о «служилых иноземцах» и людях «иноземного строя»²¹.

Важное значение Шереметевский придавал точности передачи географических названий, ибо иначе искажается представление о месте действия. По его мнению, география должна быть в полном смысле слова «артерией» археографии. Ошибки в названиях непростительны, потому что количество этих названий ограничено по сравнению с бесконечным разнообразием имен. К тому же географические названия можно проверить по справочникам и картам. Однако обеспечение точности передачи названий городов и уездов, не говоря уж о других пунктах, требовало от составителей описей немалой исторической эрудиции, знания фактов. Например, северские города Чернигов, Почеп, Стародуб, Новгород-Северский по Деулинскому перемирию отошли к Польше. Многие служилые люди этих городов были испомещены в соседних уездах по Путивлю и Рылъску, но сохранили свои прежние наименования: черниговцы, стародубцы и т. д. Также часто путали «белян» (г. Белая) и «рославцов» (г. Рославль), испомещенных по замосковным уездам поблизости от захваченной Польшей Смоленщины. Шереметевский приводит два десятка (!) типичных примеров, когда допускались ошибки в названиях, производимых от одного корня или вообще похожих: например, Белая на Смоленщине, Белев под Тулой и Бельский городок (пригород Козлова); город Орел и городок Орел, построенный в конце XVII в. на р. Орели, притоке Днепра, довольно часто упоминавшийся в документах о войнах того времени с Турцией. По наблюдению Шереметевского, большая часть таких опасных для составителей описей городов принадлежит к Белгородскому полку. Он встречал ошибки такого рода во всех изданиях, кроме «Обозрения историко-географических материалов Разряда», опубликованного Н. Н. Оглоблиным в 4-й книге «Описания» (М., 1884), которое Шереметевский называет безупречным в этом отношении.

Во избежание ошибок он составил инструкцию — список городов, способных стать камнем преткновения для менее опытных архивистов. Но все равно в описях встречались ошибки, особенно по Болхову и Орлу, хотя можно было заметить, что по Болхову служили «болховичи», а по Болховому — «болховцы» или «болховчане», по Орлу — «орляне» и т. д.

Шереметевский не называет имена составителей описей, которые допускали ошибки, а говорит только о своей редакционной работе по их исправлению. По-видимому, он сам учился на этих ошибках. По книгам выдачи документов видно, что он просматривал очень многие из разрядных столбцов вслед за другими сотрудниками²². Едва ли вызывает сомнение его вывод, что работа по описанию разрядных столбцов была «прежде всего нелегкая, требовавшая от составителей описей усидчивых и кропотливых занятий, а от редакции — сверх того, и наметавшегося в известном направлении глаза и некоторых специальных навыков»²³.

Не все методические приемы Шереметевского представляются бесспорными. Например, другой видный архивист, С. А. Шумаков, выступал против сохранения в описях древней терминологии актов, поскольку она крайне неопределенна²⁴. В настоящее время от этого отказа-

²¹ ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1005. Л. 4 об.

²² ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 7092, 7094—7099.

²³ Там же. Д. 8384. Л. 74.

²⁴ Шумаков С. А. К вопросу об архивном инвентаре // Журнал Юридического о-ва при Петербургском ун-те. 1897. Дек. Отд. 2. С. 79 (Письмо в редакцию под псевдонимом X.).

лись; изменились и некоторые другие описательные приемы. Тем не менее изучение методики составления инвентарных описей Разряда важно для их практического использования и для работы с подлинными документами XVII в.

И. Г. Арефьева

ПИСЬМА И ВОСПОМИНАНИЯ А. М. РЕМИЗОВА В ЦГАЛИ СССР

Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957), видный русский писатель начала XX в., был близок к символистам. Но его своеобразное творчество и круг общения не ограничиваются рамками одного этого художественного направления. В последнее время выявился интерес исследователей к жизни и творчеству писателя¹, к его документальному наследию². Фонд А. М. Ремизова в ЦГАЛИ еще не был предметом обзора и анализа, хотя именно здесь хранится основной корпус неопубликованных воспоминаний этого крупного деятеля русской культуры, а также разнообразные документы личного происхождения. Поэтому целью настоящей статьи является обзор и оценка информативности этого значительного комплекса историко-культурных источников.

А. М. Ремизов родился в Москве в купеческой семье. Его отец, Михаил Алексеевич Ремизов, был владельцем крупных галантерейных лавок в Москве и Нижнем Новгороде. Мать, Мария Александровна, урожденная Найденова, также происходила из известной в Москве купеческой фамилии. Она получила хорошее образование, рисовала, увлекалась литературой и музыкой. В молодости была участницей Богородского кружка и испытала сильнейшее влияние идеологии «шестидесятников», что сказалось на ее дальнейшей жизни: уже будучи матерью пятерых детей, она ушла от нелюбимого мужа. Детство Ремизова прошло в семье Найденовых. Дед писателя с материнской стороны, Александр Егорович Найденов, был владельцем бумагопрядильной фабрики и страстным книголюбом. Им было положено начало богатейшей найденовской библиотеке, в которой имелись и старинные рукописи. Брат матери, Николай Александрович Найденов, в доме которого жила Мария Александровна с детьми, был известным торгово-промышленным деятелем, председателем Московского биржевого комитета, а также ближайшим сотрудником историка И. Е. Забелина, автором описания старинных московских церквей, инициатором издания «Истории города Москвы».

Начальное образование Ремизов получил у дьячка, затем учился в 4-й Московской классической гимназии (до четвертого класса) и в Александровском коммерческом училище. После окончания училища он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Будучи студентом, Ремизов не участвовал в студенческом движении и землячествах, но интересовался марксистской литературой и сам себя причислял к социал-демократам. В ноябре 1896 г. во время студенческой демонстрации Ремизов был арестован, а затем исключен из университета и выслан на два года в Пензенскую губернию. Там он вошел в кружок прогрессивной интеллигенции и передовых рабочих, работал агитатором, участвовал в организации пензенского рабочего союза. В 1898 г. будущий писатель был снова арестован, несколько месяцев провел в одиночном заключении и в 1900 г. по приговору суда был выслан на три года в Усть-Сысольск

¹ *Андреев Ю.* Пути и перепутья Алексея Ремизова // ВЛ. 1977. № 5; *Келдыш В. А.* Русский реализм начала XX в. М., 1975; *Козьменко М. В.* Мир и герой Алексея Ремизова // Науч. докл. высш. школы. Филологические науки. 1982. № 1.

² *Гречишкин С. С.* Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977.

Вологодской губернии. С 1901 г. он поселился в Вологде, где находилась тогда большая колония политических ссыльных. Ко времени вологодской ссылки относится вступление Ремизова в литературу: 8 сентября 1902 г. в газете «Курьер» был опубликован его рассказ «Эпиталама», одобренный Леонидом Андреевым.

Только через два года после окончания ссылки Ремизову разрешается жить в Петербурге, где он становится заведующим конторой журнала «Вопросы жизни». Среда его общения — поэты, писатели, художники, актеры, режиссеры. Он переводит пьесы с разных языков, участвует в театральных постановках, сотрудничает в журналах и газетах. За несколько лет создает десятки рассказов, повести, романы, пьесы, сказки; имя его делается известным широкой читательской аудитории. В 1910—1912 гг. выходит собрание сочинений Ремизова в восьми томах. Ремизов серьезно изучает древнерусскую культуру и язык, увлекается расшифровкой старинных рукописей, собирает старинные книги и документы.

После Октябрьской революции в 1917—1921 гг. он работает в театральном отделе Наркомпроса Петрограда, читает лекции по теории прозы и истории новой литературы начинающим писателям, сотрудничает в журналах. 7 августа 1921 г. вместе с женой, С. П. Ремизовой-Довгелло, выезжает в Берлин, а с 1923 г. поселяется в Париже, где остается до конца жизни. Издавали Ремизова за рубежом мало и небольшими тиражами, часто на пожертвования друзей. Писатель терпел постоянную нужду. Особенно тяжелыми были годы нацистской оккупации Парижа, когда он потерял жену, почти ослеп. В 1946 г. А. М. Ремизов восстановил советское гражданство. В последние годы усилились его никогда не прекращавшиеся контакты с родиной: он следил за развитием советской литературы, вел переписку с работниками Института русской литературы АН СССР, присылал свои книги. Логическим продолжением связей писателя с родиной явилось и то, что после его смерти друзья передали его архив в ЦГАЛИ и в РО ИРЛИ.

В ЦГАЛИ имеется около 400 писем Ремизова к разным лицам (адресатов более 65). Часть писем (102) входит в фонд писателя (№ 420). Так, в 1-ю опись фонда входят письма, относящиеся к периоду до 1921 г. и поступившие вместе с другими документами из Государственного литературного музея в 1941 г. В их числе — письма С. А. Абрамову (1919—1920 гг., 6 писем), Н. Г. Виноградову (1920—1923 г., 3 письма), А. Г. Вишняку (б/д, 1 письмо), А. А. Громову (1914 г., 1 письмо), Д. Н. Кагану (1918 г., 1 письмо), Н. Р. Кугелю (1918 г., 1 письмо), Е. С. Мендельсон (1916 г., 1 письмо), В. К. Лавровскому (1916 г., 4 письма), М. В. Матюшину (1911 г., 2 письма), В. Г. Тугайской (1902—1917 гг., 12 писем). В 4- и 5-ю описи включены письма Ремизова, поступившие в ЦГАЛИ СССР в последние годы, в основном из-за рубежа. Среди них — письма Ю. П. Иваску (1951—1957 гг., 35 писем), Б. А. и А. М. Лазаревым (1931—1941 гг., 31 письмо), С. Ю. Прегель (1945—1948 гг., 4 письма), А. Ф. Рязановской (1951—1954 гг., 3 письма). Значительное число писем (263) хранится в фондах корреспондентов писателя или их близких. Среди них — такие деятели культуры начала XX в., как С. М. Алянский (1919—1921 гг., 18 писем), А. Белый (1 письмо начала 20-х годов), А. А. Блок (1905—1920 гг., 57 писем), А. Л. Волынский (1907 и 1917 гг., 2 письма), А. Г. Горнфельд (1916—1919 гг., 4 письма), Н. Н. Евреинов (1930—1940 гг., 8 писем), В. В. Каменский (1909 г., 3 письма), Ф. Ф. Комиссаржевский (1907—1910 гг., 8 писем), В. Л. Львов-Рогачевский (1919 г., 1 письмо), В. Ф. Нувель (1907—1908 гг., 4 письма), В. А. Пяст (1906—1916 гг., 5 писем), В. В. Розанов (1906—1918 гг., 7 писем), Б. А. Садовский (1911—1919 гг., 21 письмо), И. Северянин (1931—1933 гг., 3 письма), А. К. Сомов (1912 г., 2 письма), В. Ф. Ходасевич (1907—1909 гг., 4 открытки), Г. И. Чулков (1904 и 1905 гг., 2 письма), И. И. Ясинский (1916 г., 1 письмо) и др. Кроме того, ряд писем (47) поступил в ЦГАЛИ СССР

вместе с коллекциями. Так, в фонде Я. Е. Тарнопольского (№ 2571) находятся письма Ремизова А. Л. Вольтскому (1 письмо), К. И. Чуковскому (2 письма), А. П. Зонову (1 письмо), А. А. Измайлову (2 письма) и др.; в фонде Ю. Г. Оксмана (№ 2567) — С. Ю. Копельману (1 письмо), Н. С. Гумилеву (4 письма), В. Э. Мейерхольду (1 письмо), Ф. К. Сологубу (5 писем) и др. В фонде В. Э. Мейерхольда (№ 998), кроме писем Ремизова к нему (1906—1920 гг., 37 писем), есть письмо Ремизова А. В. Луначарскому (1920 г.). Почти все письма — подлинные рукописи. И только письма к Ю. П. Иваску имеются в фотокопиях, а письма к А. Ф. Рязановской — в ксерокопиях. Из имеющегося в ЦГАЛИ эпистолярного наследия писателя опубликованы были только письма к А. А. Блоку³.

Большинство писем кратки и носят деловой характер: содержат просьбы похлопотать о присылке гонорара, об издании того или иного произведения писателя, приглашение прийти в гости, благодарность за книги и т. д. В письмах к близким друзьям писатель иногда сетует на житейские и издательские трудности, которые сопровождали его всю жизнь. Так, например, в письме к А. Ф. Рязановской от 7 января 1954 г. Ремизов в связи с затруднениями в издании его воспоминаний «Иверень» (так и оставшихся неопубликованными), замечает: «Мои книги не самокупаемы, и потому все может быть» (Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 23. Л. 5). А в письме к Ю. П. Иваску от 27 февраля 1954 г. — та же неутешительная мысль: «Меня печатают из вынужденного милосердия» (Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 34. Л. 33).

Среди имеющегося в ЦГАЛИ эпистолярного наследия писателя есть ряд писем, позволяющих понять отношение Ремизова к своему отъезду из России. Становится, например, очевидным, что первоначально планировалась поездка на время для лечения. В письме к секретарю народного комиссара иностранных дел А. Г. Котельникову Ремизов спрашивал, какое нужно составить прошение о выезде за границу «с правом вернуться» (Ф. 2503. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 6). Здесь же писатель указывает причину своего решения: пошатнувшееся здоровье, сильные головные боли. В письме к С. М. Алянскому от 18 ноября 1921 г., т. е. через полгода после отъезда из России, Ремизов писал: «Я себя за эмигранта не считаю, а лишь за временно живущего вне России, как в санатории. Для восстановления потерянных сил» (Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 15 об.). А 5 декабря 1923 г. уже из Парижа писатель сообщил Н. Г. Виноградову: «В Петербург мы собираемся. Надо подумать тогда, как квартиру достать» (Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 16).

Уже самые первые письма Ремизова из-за границы полны сознания трагичности своей оторванности от родины. Он забрасывает оставшихся в России друзей и знакомых просьбами о присылке новых книг и журналов. В письме к Ф. В. Гладкову от 12 сентября 1923 г. Ремизов пишет: «Буду Вам очень благодарен, если и впредь не забудете и пришлете мне книгу. Всякая вещь из России для меня драгоценна. Редко получаю книги. А уж два года будет, как, вынужденный болезнью, уехал из России». И далее: «Хотелось бы мне знать, как все вы пишете, что можно присылайте» (Ф. 1052. Оп. 5. Ед. хр. 437. Л. 1). Горькое чувство от неспособности своей вынести все выпавшие на его долю в России трудности проявились и в первых публикациях за рубежом. Вышедшей в 1922 г. в Берлине книге воспоминаний Ремизов предпослал в качестве эпиграфа свой призыв: «У кого есть силы и голова крепка, пусть не покидает России. Так и скажите»⁴. С первых же дней на Западе он ощутил, что «русскому писателю, да еще в такую пору столпотворенную — без России никак невозможно»⁵. Тем более, что от

³ Наиболее полную публикацию писем Ремизова к Блоку см.: Лит. наследство. М., 1981. Т. 92, кн. 2.

⁴ Ремизов А. М. Ахру. Повесть петербургская. Берлиц, 1922. С. 3.

⁵ Там же. С. 31.

страданий духовных и материальных этот шаг его не избавил. Напротив, они усугубились самой сильной болью — тоской по России. В той же книге воспоминаний есть слова о том, что «только в России и совершается что-то, а тут для русского-то пустыня»⁶. С самого начала писатель оказался в трагическом противоречии: с одной стороны, ему хотелось верить, что он уехал не навсегда, но плохое здоровье, материальные затруднения и непонимание сути происходивших в России перемен заставляли откладывать возвращение; с другой стороны, он, как и многие русские эмигранты, воспринимал европейский мир как чужой, равнодушный ко всему русскому, бездуховный, не интересовавшийся теми проблемами, которые волновали российскую интеллигенцию. В «Петербургской повести» писатель восклицает: «Это такое проклятье — вот уж подлинное несчастье — оставить родную всколыхнутую землю, Россию, где в бедующем Злосчастье, наперекор рваной бедnote нашей, нищете и голи выбивается изумрудная молодая поросль»⁷. Надежда на возвращение в Россию не осуществилась. Ремизов никогда не выступал с нападками на СССР в печати. Письма его к разным людям, хранящиеся в ЦГАЛИ, в свою очередь, свидетельствуют о том, что писатель не высказывал ненависти или злобы к революционным преобразованиям в России; письма демонстрируют также, что интересы его на протяжении всего зарубежного периода были сосредоточены вокруг вопросов, касающихся так или иначе русской культуры, ее деятелей и т. д.

Из автобиографических документов Ремизова в ЦГАЛИ имеются автобиография писателя, автобиографическая статья, завещание. Машинописная автобиография Ремизова хранится в фонде Е. Ф. Никитиной (Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 4—10), в папке с автобиографиями и биографиями других русских писателей, фамилии которых начинаются на «Р». Автобиография Ремизова не датирована. Но некоторые другие документы датированы 1929 г. Можно предположить, что Ремизов прислал свою автобиографию во второй половине 20-х годов. Своеобразие этого документа заключается в том, что писатель попытался здесь объяснить происхождение и язык своих произведений теми или иными биографическими моментами. Интересно, например рассуждение о несответствии происхождения писателя и реальных условий, в которых протекало его детство: «Происхождение мое самое буржуазное: из богатой купеческой семьи и по отцу, и по матери. Оба московские. Но благами богатой буржуазной семьи не суждено мне было пользоваться. По всяким семейным обстоятельствам — и отец умер рано, и семья была большая — жизнь поддерживалась на благотворительность, и с ранних лет самостоятельно я начал свою жизнь. Раннее детство мое прошло около фабрики, в кругу мальчишек и просто бродячих, к которым я принадлежал [...] Меня оберегла книга. На улице загорелись первые мои думы с мечтой о спасении человечества и мировом взрыве [...] Московский фабричный и уличный быт дал материал для моего романа „Пруд“» (Л. 5—6). Важным нам кажется замечание писателя о революции, сделанное в автобиографии, написанной за рубежом: «Великая русская революция 1917 г., революция как пробуждение человека в жестоком зле жизни. Революция как семянной весенний вихрь, революция как суд человека над человеком, революция как пожелание человека человеку» (Л. 5). К автобиографии приложены листки с кратким изложением ее от третьего лица и перечень произведений писателя, где в заключение отмечено, что в 1921 г. по состоянию здоровья Ремизов временно выехал в Германию и там продолжает работать в области литературы (Л. 7). Это замечание свидетельствует о том, что в 20-х годах писателя и на родине не считали эмигрантом.

В хранящейся в фонде Ремизова рукописи автобиографической

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 9.

статьи «Россия в письменах... Откуда и как пошло письмо начальное»⁸ (Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 37) писатель рассказывает о происхождении своего пристрастия ко всему старинному: «старой бумаге и буквам, непонятным для нынешнего глаза». В статье показано, на каких эстетических впечатлениях формировались художественные вкусы писателя. «А все дело в Москве, должно быть,— писал Ремизов,— родился я на Москве, в Замоскворецких Толмачах, а из Толмачей шаг шагни — и весь Кремль, как на блюдечке. И вот первое, что услышало мое ухо, был старинный кремлевский красный звон, большой реут колокол, и первое, что увидел мой глаз, были древние кремлевские башни с Иванов Великим» (Л. 1). Описание детских впечатлений показывает истоки будущего своеобразия Ремизова-писателя, его языка, стиля, тем⁹. С детства в будущем писателе зародилась любовь к русской истории; в доме дяди он слышал имена М. П. Погодина и И. Е. Забелина, «произносимые с особенным почитанием». «А потом слушал я лекции самого Василия Осиповича Ключевского» (Л. 1). В Вологде на художественные интересы молодого писателя большое влияние оказало общение с высланным туда же П. Е. Щеголевым, историком и литературоведом. От жены, С. П. Довгелло, которая была действительным членом Санкт-Петербургского археологического института, ученицей профессора И. А. Шляпкина, Ремизов научился «премудростям палеографии и глаголическому письму» (Л. 3). В заключении статьи Ремизов перечислил всех, кто дарил ему что-либо из русской старины. Этот перечень, так же, как и круг корреспондентов Ремизова, показывает, насколько разнообразна была среда общения писателя, не ограниченная каким-либо художественным направлением или профессиональной группой.

В фонде писателя имеется ксерокопия его завещания в переводе на французский язык, датированная 7 октября 1957 г. (Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 25), а также вырезка из газеты «Русские новости» (1962 г.) с заметкой об этом завещании (Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 44). Распорядиться своими книгами и рукописями Ремизов завещал опекунам и близким друзьям, много помогавшим ему в трудные годы,— Наталии Викторовне и Даниилу Георгиевичу Резниковым, Тиллет и Александру Семеновичу Лурье, Наталии Владимировне и Исааку Вениаминовичу Кудрянским. Автор статьи в «Русских новостях» ставит вопрос: что случилось с рукописями, рисунками и обширным архивом писателя? Большое количество документов Ремизова было передано его душеприказчиками и друзьями, в том числе и не упомянутыми в завещании (В. Б. Сосинским, Б. А. Лазаревой и С. Ю. Прегель), в ЦГАЛИ. Они составили 4-ю и 5-ю описи фонда писателя. В числе этих материалов — и все неопубликованные воспоминания писателя.

За 1921—1957 гг. Ремизовым было создано пять крупных произведений мемуарного характера. Две книги опубликованы полностью при жизни писателя. Это уже упоминавшаяся здесь «Петербургская повесть» и воспоминания «Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти» (Париж. 1951). В последней рассказывается о детских и юношеских годах писателя, его духовном развитии, истоках его мировоззрения, семье, в которой он вырос. Изложение здесь доведено до середины 90-х годов XIX в. Ряд глав этой книги вошел в сборник избранных произведений Ремизова, изданный в Москве в 1978 г.

Книгу «Подстриженными глазами» продолжают воспоминания «Иверень. Загогулины моей памяти» (Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 16, 17)¹⁰, охватывающая погодно 1896—1905 гг., над которыми писатель работал более 20 лет (1920-е годы — 1946 г.). Отдельные главы ее печатались в

⁸ Там, где нет специального обозначения в виде квадратных скобок, отточие источника.

⁹ См. вступительную статью З. Г. Минц к публикации переписки А. М. Ремизова с А. А. Блоком (Лит. наследство. Т. 92, кн. 2. С. 72).

¹⁰ Еще один экземпляр книги воспоминаний «Иверень» находится в РО ИРЛИ. См. об этом: *Гречишкин С. С.* Указ. соч.

зарубежных газетах и журналах («Возрождение», «Новое русское слово», «Новоселы», «Советский патриот», «Современные записки» и др.). Некоторые части никогда не публиковались. Имеющийся в ЦГАЛИ экземпляр «Иверня» состоит из машинописного текста с правкой В. Б. Социнского, вырезок из газет и журналов, ксерокопий с пометами В. Б. Социнского — всего около 300 л.

В первом разделе «Начало слов. (Запев)», включающем семь глав, писатель подробно рассказывает о том, как начался у него процесс творчества, о своей писательской судьбе, о своеобразном понимании им своего дела, о литературных и философских влияниях, испытанных им в ранней юности, о поступлении в университет и первом аресте.

Среди первых впечатлений писатель называет «события 1-го марта, смерть отца и судьбу матери — гибель, пропад, непоправимое — это и будет душой моего рассказа» (Л. 17). Мемуарист далее рассказывает о том страстном стремлении к знаниям, которое охватило его в университете: «занимаясь всем естественным и математическим», он слушал лекции по истории В. О. Ключевского и по истории литературы Н. И. Стороженко, по политической экономии А. И. Чупрова и по финансовому праву И. И. Янжула (Л. 29—30). «Все меня занимало, — вспоминает писатель, — я пропадал в университете с утра до вечера, а с вечера до глубокой ночи долбил ученые руководства, лекции и свои записки. Я представить себе не мог, как это люди могут праздно проводить время, когда есть столько, чего человеку непременно нужно знать» (Л. 29). Воспоминания показывают, что Ремизова не миновало в ранней юности общее для значительной части русской интеллигенции увлечение философией Шопенгауэра и Ницше, интерес к Вл. Соловьеву. Но самое большое влияние оказала на него русская и зарубежная художественная литература, в первую очередь Достоевский и Гоголь, а также Толстой, Гаршин, Лесков, Гете, Гофман, Бодлер.

Во втором разделе — «Иверень. (Родословие)» — так же, как и в книге «Подстриженными глазами», Ремизов описывает окружавших его в детстве людей, в основном родственников матери, у которых он жил. Третий и четвертый разделы посвящены годам ссылки. Они содержат богатый фактический материал, и, кроме того, позволяют лучше понять многие вопросы мировоззрения и поведения писателя, например мотивы его участия в революционном движении (стремление к «краю на земле без эксплуататоров» — Л. 151, следствие испытанной им боли «за весь мир» — Л. 80). Вовлеченность в революционное движение для Ремизова, как и для многих его современников, была обусловлена больше неприятием существовавшей действительности, чем какой-либо партийной убежденностью, «жгучей жаждой переустроить мир на справедливых началах»¹¹. Эти чувства лежали в основе как творчества, так и поведения писателя. Так, упоминая о шуточном обществе «Обезвельволпал», созданном им в Петербурге в 1908 г. (подробнее см. в кн. воспоминаний «Ахру. Повесть петербургская») в «Иверне», он так характеризует его достоинства: «полная свобода и никаких обязательств»; и далее: «адское (обезьянье)» противопоставляется «изолгавшемуся человечеству с его прописной моралью, лицемерием, лавочной религией» (Л. 112).

Ценную информацию содержит раздел «Родовые лягушки. (Мое вступление в литературу)», где мемуарист рассказывает о жизни на поселении в Вологде. Там вместе с ним отбывали ссылку О. В. Аптекман, Н. А. Бердяев, А. А. Богданов, А. В. Луначарский, Л. Мартов, Б. В. Савинков, П. Е. Щеголев и др. Некоторым из них в последнем разделе книги («Северные Афины») писатель посвятил специальные мемуарные очерки-портреты. В разделе «Москва» подробно описано знакомство Ремизова с Л. Н. Андреевым и В. Я. Брюсовым.

В заключении «Судьба без судьбы» размышления мемуариста многое объясняют в жизненной и общественной позиции Ремизова. Так, он, на-

¹¹ Андреев Ю. Указ. соч. С. 222.

пример, считал, что революция не может избавить человека от страдания, безнадежности и обреченности. Здесь — позднейшее подтверждение мысли филолога М. В. Козьменко о связи мировоззрения писателя с философией экзистенциализма, высказанной на основе анализа его дореволюционных произведений¹². Воспоминания «Иверень» отличает бóльшая по сравнению с другими мемуарными произведениями Ремизова последовательность и детальность изложения.

В ЦГАЛИ СССР имеется еще одно большое мемуарное произведение (291 л.) Ремизова — «Петербургский буерак. Шурум-бурум» (Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 18, 19). Она охватывает в основном годы с 1905-го по 1917-й, но иногда повествование выходит за эти рамки. Отдельные главы книги также печатались в зарубежных изданиях, а три фрагмента, посвященные Блоку, были опубликованы в т. 92 (Кн. 2) «Литературного наследства». В «Петербургском буераке» уже нет хронологически последовательного рассказа, как в рассмотренных выше воспоминаниях. В конце 40-х годов Ремизов составил книгу из отдельных мемуарных очерков (некоторые были созданы еще в довоенные годы), посвященных таким известным деятелям русской культуры начала XX в., как А. А. Блок, М. Горький, С. П. Дягилев, Н. Н. Евреинов, Е. И. Замятин, В. Ф. Комиссаржевская, М. А. Кузмин, В. В. Розанов, К. А. Сомов, Ф. И. Шаляпин, Л. Шестов и многие другие. Дата создания того или иного очерка, как правило, совпадает с датой или годовщиной смерти современников писателя. Мотив прощания с уже ушедшими из жизни близкими по духу или просто знакомыми людьми часто возникает на страницах этих мемуаров. Так, обращаясь к В. В. Розанову, Ремизов говорит: «...я пишу не „некрологи“, а память пишу усопшим. Крестов-то, крестов понаставили! И все теснее, теснее — и Брюсов „приказал долго жить“, и Герцензон „обманул“: прошлым году в Москве похоронили! и этот, помните, кудрявый мальчик [...] Есенин. Я, Василий Васильевич, памятью за каждое доброе слово держусь — и это мне как свечи горят по дороге [...] когда-нибудь соберу книгу — „Мое поминанье“, в лиловом или в вишнем бархатном переплете и золотой крест посередке; там соберу всех, все, что доброе запало, и „о упокой“, и „о здравии“»¹³ (Ед. хр. 19. Л. 176). Нельзя не согласиться с Н. Кайдаловой и Н. Примочкиной, которые считают, что «Петербургский буерак» во многом и есть такая «поминальная книга»¹⁴. Ремизов прожил долгую жизнь; ему довелось пережить уход из жизни многих дорогих ему людей, видных представителей русского искусства, литературы, философии начала XX в., близких друзей. Кроме того, долгие годы на чужбине способствовали соединению в его внутреннем мире памяти об этих людях с мыслью о России, о творцах ее культуры, ее гордости.

Как и все другие воспоминания Ремизова, книга «Петербургский буерак» пронизана горечью и болью утраты родины. В Предисловии, помеченном 1950-м годом, мемуарист, обращаясь к нам, своим соотечественникам, в надежде, что его воспоминания будут читать в СССР, писал: «Моя жизнь раскололась. С августа 1921 г. в Европе, прошел через Германию и зажековал в Париже. Никогда, а только за границей я почувствовал, что русский: я не чужой вам, но я по-своему. А моя память о русском ярче будь была бы, живи на родной земле, среди своих, в России» (Ед. хр. 18. Л. 6). В книге много подобных признаний. Обращаясь к Блоку, Ремизов восклицает: «...русский, с годами все руше» (Ед. хр. 19. Л. 32). Говоря о значении деятельности Дягилева, писатель видит ее в том, что Дягилев показал «всему миру из русской сокровищницы русские драгоценности» (Ед. хр. 18. Л. 109). И далее, описывая свои впечатления от послереволюционных «русских сезонов» в Париже, Ремизов признается: «После Дягилевских вечеров громко хочу говорить по-рус-

¹² Козьменко М. В. Указ. соч.

¹³ Многие главы книги созданы в эпистолярной форме, как бы имитирующей «живое» общение с друзьями. Подробнее см.: Лит. наследство. Т. 92, кн. 2. С. 129.

¹⁴ Там же.

ски [...] вдруг становится чего-то гордо, и я иду крепко [...] не горбясь, человеком по роду и кости — русский» (Л. 114). Рассуждения Ремизова о России, о его отношении к оставленной им родине представляются нам очень ценными не только для понимания его судьбы, но и для характеристики мироотношения части русской интеллигенции, оказавшейся за рубежом; они помогают ощутить всю ту трагическую противоречивость, через которую многим из них пришлось пройти на пути к возвращению на родину, пусть даже символическому, как в случае с Ремизовым (имеется в виду восстановление им советского гражданства в 1946 г.).

Книга «Петербургский буерак» ценна сведениями о различных эпизодах и явлениях русской культуры и художественной жизни начала XX в.: издательствах, кружках, обществах, художественных салонах, с которыми был связан писатель.

Еще одна хранящаяся в ЦГАЛИ СССР рукопись Ремизова — «Учитель музыки. Каторжная идиллия» (Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 7—9) — посвящена годам эмиграции и озаглавлена «Воспоминания». Но в отличие от других описанных нами выше ее нельзя назвать мемуарами в строгом смысле. Здесь присутствует большая доля художественного обобщения и вымысла, вымышленными являются многие персонажи. Видимо поэтому автор озаглавил публиковавшиеся в зарубежных газетах и журналах отрывки «повесть». Но в полном экземпляре архива слово «повесть» им зачеркнуто. Правя цельный экземпляр, Ремизов в некоторых случаях исправлял и вымышленные фамилии на подлинные (так, восстановлены были имена Бердяева, Милюкова и некоторых других). Но ряд персонажей книги все-таки остался под вымышленными фамилиями, а также присутствуют герои, не существовавшие в действительности. И в том числе главный герой — Ал. Ал. Корнетов. По признанию автора, этими персонажами он хотел отразить различные стороны своей личности и линии развития своей судьбы. Вот что он писал в послесловии: «Прошу не путать никого с Ал. Ал. Корнетовым, ни его знакомых и приятелей, это я сам... Я и Корнетов, и Полетаев, и Балдахал-Тирбушон, и Судок, и Козлок, и Куковников, и Птицин, и Петушков, и Пытко-Пытковский, и, наконец, авантюристический африканский доктор. Всё я сам, и без меня никого нет ... Корнетов и его знакомые — мои эманации, расщепление моей личности на несколько отражений моего духа» (Ед. хр. 9. Л. 212). Все же в «Учителе музыки», несмотря на присутствие многих вымышленных деталей и подробностей, сильно автобиографическое начало в воссоздании атмосферы жизни русского человека в Париже.

Мемуарист точно, на наш взгляд, определил эту книгу, назвав ее «моя бытовая автобиография» (Ед. хр. 7. Л. 1). В ней нашли отражение такие бытовые реалии, как стиль отношений Ремизова с людьми, материальные затруднения, поиски работы, издательские сложности, сложности с квартирой, неустроенность писателя, его неприспособленность к борьбе за существование. Он, например, пишет о Корнетове: «Мир Ал. Ал. — книга. События жизни — хроника — для него, как улица, куда он выходит всякий день и не может не выходить. Призраки его мысли и призраки чужой мысли, его собственная мысль и мысли о мыслях, чувства, слова, мелодия, без слов и мысли — это то, что всегда окружает его, движется с ним в живой жизни. А эта живая жизнь может окриком и колесом распугнуть все призраки, заставить как проснуться и посмотреть в глаза — и какие жестокие. И тогда Ал. Ал. особенно плохо приходится: трудно ему сообразиться, как быть и что делать в этой обнаженной жестокой живой жизни с расчетом, находчивостью и ладом; где лаской, а где в зубы» (Ед. хр. 8. Л. 10). Это, безусловно, полностью относится к самому писателю.

Кроме того, в книгу включены в виде снов, рассказов героев реальные воспоминания о детстве. Два таких фрагмента были включены позже в распространенной редакции в книгу «Подстриженными глазами» («ТЛЮ» и «Аэр»). Большой интерес представляет и мемуарный фрагмент «Письмо к Достоевскому» (Ед. хр. 8). Он носит характер испове-

ди перед самым близким по духу писателем. Ремизов говорит об истоках своей трагедии — разлуки с родиной, о детстве, о своеобразии своей писательской манеры и личной судьбы, о духовных и материальных страданиях, переживаемых им на чужбине. Отрывки из книги «Учитель музыки» печатались в зарубежных газетах и журналах в начале 30-х годов. Предисловие, послесловие и правка — 1949 г.

В фонде Ремизова в ЦГАЛИ имеется несколько коротких мемуарных фрагментов.

В «Автобиографии» Ремизов сообщает, что революционный период 1917—1921 г. отразился в его «летописной повести» «Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова. 1917—1921», которая печаталась в журнале «Эпопея» (Берлин, изд-во «Геликон») в 1922 г.¹⁵ В архиве имеются в рукописи VII—XII части этого произведения, озаглавленные автором «Воспоминания» (Ф. 420. Оп. 3. Ед. хр. 2). Они охватывают период конца 1916 — начала 1917 г. и позволяют проследить отношение Ремизова к революционной эпохе в самом ее начале. Отношение это было сложным и противоречивым. С одной стороны, начало Февральской революции, демонстрация 23—24 февраля в Петербурге воспринимались с надеждой: «...показалось тогда, так вот и распахнется дверь и выпустит всех на волю». «А мечталось о воле, как о хлебе» (Ф. 420. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 11). С другой стороны, у Ремизова, связывавшего надежды на лучшую жизнь с идеалами надклассового гуманизма, преобладало настроение неприятия кровопролития, нежелание принять необходимость жертв. Остро чувствовавший народное горе, он писал тогда: «...обидя выходила со своей горечью творить суд свой непосужаемый» (Л. 11)¹⁶.

В фонде писателя есть рукопись очерка «Памяти Э. Т. А. Гофмана. К 150-й годовщине со дня рождения» (Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 3), датированная 1926 г. Гофман был одним из первых писателей, с сочинениями которого познакомился Ремизов в раннем детстве, и, говоря о нем, мемуарист вспоминает свое детство. Здесь, как и в других воспоминаниях, он подчеркивает проявившуюся в детские годы свою обособленность от других людей: «...непохожая жизнь моя шла по карнизам — путям обыкновенным для лунатика и головокружительным для «нормального» человека» (Л. 1). Приводится много эпизодов из детской жизни.

Машинописный фрагмент с правкой автора, датированный 30 декабря 1948 г., «Воспоминания Горлина» (Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 19) посвящен началу зарубежного периода жизни писателя. В нем содержатся интересные сведения о времени, проведенном в Берлине, о двух волнах эмиграции (1923 г. и 1933 г.), перемещавшихся из Берлина в Париж, а также о рукописном сборнике, издававшемся русскими любителями книги под редакцией Михаила Горлина. Здесь мемуарист тоже не избегал горьких размышлений о своей судьбе. «Я боюсь за всякую привязанность к себе. Я знаю только равнодушие и ненависть... а близкие мне всегда — под знаком грозной случайности, отсюда и моя тревога и беспокойство», — писал Ремизов, переживший множество потерь и утрат, в том числе смерть жены (1943 г.) и дочери (1944 г.).

Необходимо также отметить мемуарный очерк Ремизова о М. А. Кузmine «Послушный самокей. (Михаил Алексеевич Кузмин). Литературный портрет» (Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 23). В очерке Ремизов попутно говорит и о вечерах современной музыки, и о различных сборниках и объединениях, и о художественных салонах, в частности «средах» Вячеслава Иванова. Давая яркую и образную характеристику своего талантливого современника, он отказывается от традиционно хвалебной манеры и не только четко определяет свои разногласия с художественной системой Кузмина, но и воздает должное его вкладу в русскую литературу и искусство. Главное же, что, по мнению Ремизова, роднит его с Кузминым — это «вера в искусство», самоотверженное служение ему.

¹⁵ ЦГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 7.

¹⁶ На то, что разлад с революционной действительностью обнаружился у Ремизова уже в самом начале революционной эпохи, указывают Ю. Андреев и З. Г. Минц.

Рассматривая эпистолярное и мемуарное наследие Ремизова, мы коснулись далеко не всех его сторон. Но и этот обзор, как мы надеемся, показывает большую ценность документов писателя не только для историков литературы (которыми они до сих пор использовались), но и для исследователей истории русской культуры и интеллигенции, ее психологии. Они не только позволяют углубить представление о личности, судьбе и мировоззрении одного из крупных русских писателей, но и содержат богатый материал по истории русской художественной жизни начала XX в., дают портреты многих видных деятелей русской культуры этого периода.

В. Ф. Козлов

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОПИ ГИМ О МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ И ОХРАНЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Вопросы сохранения культурно-исторического наследия на местах в первые годы Советской власти заслуживают внимания, поскольку без их освещения нельзя с достаточной полнотой представить историю музейного строительства и охраны памятников. В нашей стране была создана стройная система охраны памятников, во главе которой стоял Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейный отдел, 1918—1930 гг.) Наркомпроса РСФСР. Отдел осуществлял руководство образованными в 1918—1920 гг. при губернских и уездных органах народного образования комитетами (комиссиями, отделами, подотделами, секциями) по делам музеев и охране памятников искусства и старины¹. Местные органы охраны памятников, просуществовавшие до середины — второй половины 1920-х годов, проделали огромную работу по спасению архитектурных памятников и художественных ценностей и организации местных музеев.

Обширные материалы о деятельности Музейного отдела хранятся в ЦГА РСФСР в фондах Наркомпроса РСФСР (Ф. 2306), Главнауки Наркомпроса РСФСР (Ф. 2307)² и в ОПИ ГИМ — «Коллекция по музейному строительству в РСФСР» (Ф. 54). Документы этой коллекции имеют особое значение для изучения истории музейного дела и охраны памятников, так как включают материалы более чем по 50 губерниям. Документы образовались в основном в ходе переписки Музейного отдела с местными органами охраны памятников и музеями. Объем каждого регионального комплекса этих документов — от 5 до 18 ед. хр.

Большой интерес вызывает комплекс документов о сохранении исторических памятников и организации музеев в Рязанской губернии. На ее территории, где в дореволюционные годы существовало много дворянских имений, уже весной — летом 1918 г. были образованы одни из первых в Советской России губернские и уездные музейные органы. В десяти единицах хранения этого комплекса содержится около тысячи листов документов 1918—1927 гг. Материалы, как правило, не прошиты, рукописные документы преобладают над машинописными. Подавляющее боль-

¹ *Закс А. Б.* Источники по истории музейного дела в СССР (1917—1941) // *Очерки истории музейного дела в СССР*. М., 1968. Вып. 6; *Равикович Д. А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР, 1917—1967 // *Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры*. М., 1970. Вып. 22.

² *Печерский М. Д., Шаронов Ф. И.* Обзор документов Центрального государственного архива РСФСР по истории охраны памятников истории и культуры в РСФСР // *Памятники Отечества*. М., 1983. № 1. С. 148—152.

шинство документов было прислано в Музейный отдел в порядке отчетности губернскими и уездными органами по делам музеев и охране памятников, отдельными музеями. Среди них — подлинники планов работы, отчетов о работе местных музеев, отчеты о проверке их деятельности представителями Музейного отдела, копии описей частных коллекций, вывезенных из имений, докладные записки заведующих местными музейными учреждениями, сметы на охрану художественных ценностей, фотографии и др. Почти все эти документы никогда не публиковались и практически не известны исследователям³.

В трех из десяти «рязанских» единиц хранения представлены документы губернского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины — губмузея⁴. Остальные объединяют документы отдельных музеев: Гиблицкого, Зарайского, Касимовского, Михайловского, Пронского, Рязанского, Сапожковского, Скопинского, Спасского.

Документы Рязанского губмузея являются наиболее значимыми среди других материалов, так как именно в Рязани 3 марта 1918 г. был создан этот отдел по охране памятников искусства и библиотек⁵. Ядро его составляли бывшие члены Рязанской ученой архивной комиссии Н. И. Виноградов, Н. А. Дорогутиц, Н. П. Сидоров, Д. Д. Солодовников, А. И. Фесенко, С. Д. Яхонтов. Первоначально главная задача губмузея заключалась в том, чтобы «спасти от разгрома и собрать в Рязани наиболее ценное в художественном смысле, а равно библиотеки, находящиеся в бывших помещичьих усадьбах Рязанской губернии» (Ед. хр. 889. Л. 77)⁶.

Материалы губмузея содержат 107 документов. Из них 75 присланы в Москву из Рязани, остальные являются отпусками документов отдела, отправленными в Рязань. Подавляющая часть их относится к 1918—1923 гг., более поздние годы (1924—1927) представлены слабее. В основном это отчеты сотрудников Музейного отдела о состоянии музеев губернии, копии описей художественно-исторического имущества, поступившего в музей, переписка по финансовым и кадровым вопросам. Сохранился лишь один годовой отчет губмузея за 1923/24 г. (Ед. хр. 889. Л. 4—7), и нет ни одного протокола его заседаний⁷.

Отчеты сотрудников Музейного отдела и других учреждений освещают первые годы деятельности местных музейных органов: из девяти сохранившихся отчетов шесть написано в 1918—1921 гг. (все документы рукописные). В них содержится ценная информация о состоянии музейного дела в губернии, о формах руководства Наркомпросом РСФСР охраной местных памятников, о спасении художественных ценностей. Самыми ранними являются отчеты сотрудника Музейного отдела художни-

³ Немногочисленные сведения из них содержатся в книгах «Вопросы областного музейного дела по данным I конференции музейных работников ЦПО» (Рязань, 1925), «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии, 1917—1920 гг.» (Рязань, 1957), а также в статье М. И. Воронкова «У колыбели советского ОНО» (Народное просвещение. 1927. № 10. С. 159—160), информационных статьях в «Вестнике рязанских краеведов» за 1923—1927 гг. и др.

⁴ Рязанский губернский отдел по делам музеев и охране памятников, как и подобные органы в других губерниях, в 1918—1921 гг. по решениям Наркомпроса РСФСР не раз менял свое название и степень подчиненности губернским органам народного образования. В дальнейшем для единообразия губернский музейный орган мы будем называть губмузеем, так как это название принято в литературе 20-х годов.

⁵ Воронков М. И. Указ. соч. С. 159.

⁶ Из пояснительной записки к смете по отделу охраны памятников искусства и библиотек на апрель — июнь 1918 г. Здесь и далее в тексте в скобках приводятся ссылки на номера единиц хранения и листов ф. 54.

⁷ Для сравнения отметим, что основная информация о деятельности, например, Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины содержится в хранящихся там же обширных годовых и полугодовых отчетах (см.: Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры Крыма в 1917—1928 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1984. С. 17—18). В материалах же Владимирского губмузея наряду с годовыми отчетами значительное место занимают протоколы его заседаний (Ед. хр. 680. Л. 7, 15, 87, 88, 93, 113—114, 136, 151, 155).

ка Л. М. Весельчакова, знакомившегося с деятельностью рязанских музейных учреждений в декабре 1918 г. Он описывает структуру Рязанского музея, указывает трудности музейного строительства (Ед. хр. 889. Л. 69—70). Важные сведения о возникновении и деятельности музея до 1920 г. содержатся в отчете П. П. Ефименко — известного археолога, сотрудника Российского исторического музея (Ед. хр. 890. Л. 47—50). В отчете 1920 г. сотрудника Музейного отдела Н. И. Тарабукина дается критическая оценка деятельности губмузея Рязани, где ряд памятников подверглись искажениям и перестройкам (Ед. хр. 889. Л. 28—29). О вывозе художественных ценностей и архива из имения князей Голицыных в с. Дубровки Касимовского уезда говорится в отчете сотрудника Пушкинского дома М. Л. Гофмана. Он сообщил и о поисках архивов лиц, связанных с А. С. Пушкиным, в имениях Тамбовской, Тверской губерний (Там же. Л. 30—33). Отчет сотрудника Музейного отдела Н. С. Моргунова содержит сведения о проходившей в мае 1921 г. губернской конференции по охране памятников искусства и старины. Моргунов выступал на конференции с докладом о взаимоотношениях Главмузея Наркомпроса РСФСР с губмузеями. В его отчете указывается на слабую работу по охране памятников в уездах (Ед. хр. 889. Л. 34—35)⁸.

Особенно интересен годовой отчет губмузея за 1923/24 г. В нем имеются данные о частичном ремонте «дворца Олега» в Рязани и зарайского кремля, о контактах с обществом по изучению Рязанского края, архивными учреждениями. В ведении губмузея находились восемь уездных музеев, регулярно обследуемых музейными работниками Рязани. Однако, как видно из отчета, ввиду острой нехватки средств и недостаточно прочного правового положения губмузеев не мог эффективно осуществлять охрану памятников. Во многие бывшие дворянские усадьбы представители музеев не допускались, так как эти памятники находились в ведении различных учреждений. Лучше обстояло дело с охраной культовых памятников. Из большинства монастырей были вывезены художественно-исторические ценности, но сооружения Богословского, Ольговского, Троицкого, Солотчинского монастырей, Успенского собора в Рязани находились в неудовлетворительном состоянии (Ед. хр. 889. Л. 4—7).

Своеобразным отчетом губмузея о работе в 1918—1925 гг. являются «Материалы», подготовленные для Главнауки (подлинник, восемь рукописных листов). В разделе «Охрана и учет памятников старины, искусства и быта» дан список 15 дворянских усадеб, из которых музейными органами были вывезены в музей Рязанской губернии и в Москву художественные ценности. Особо отмечаются усадьбы Волконских, Гагариных, Келлера, Колендо, Кутайсовых, Луниных, Олениных, Преображенских, Скобелевых, Толстых. Важно указание на количество вывезенных из каждого имения ценностей. Всего, как видно из документа, к октябрю 1925 г. под охраной музейных учреждений состояло 20 усадеб, 194 церкви, 13 монастырей, 28 гражданских зданий (Ед. хр. 890. Л. 42).

Значительный комплекс материалов о деятельности губмузея составляют рукописные описи художественно-исторического имущества, изъятые из дворянских имений, частных коллекций Рязани (Ед. хр. 891. Л. 1—145). Объем каждой из 29 описей различен — от 1—2 до 10—15 л. Имеются подробные описи художественных предметов, поступивших в Рязанский музей с октября 1918 г. по июль 1919 г. из имений Барятинских, Дубовицких, Голицыных, Мерхелевичей, Нецаева-Мальцева и других, а также из различных упраздненных учреждений и общественных организаций: губернской ученой архивной комиссии, музея Нежинского полка и др. Интересна «Краткая опись рукописям, взятым в январе 1919 г. на библиотеки духовной семинарии». В нее включено 236 рукописей XVI — начала XVIII в. (Ед. хр. 891. Л. 99—113). Судя

⁸ В материалах губмузея хранятся отдельные документы и другой Рязанский конференции музейных работников ЦПО (Ед. хр. 890. Л. 1—8 об.), проходившей в Рязани в сентябре — октябре 1924 г. Большинство этих документов отражено в изданных в 1925 г. тезисах этой конференции (см. сноску 3).

по другой описи, значительная по объему частная коллекция И. А. Аптонова поступила в музей в ноябре 1918 г. и состояла из 173 рукописей XVIII—XIX вв., 192 произведений живописи, 190 предметов из фарфора и хрусталя, 67 икон и т. п. (Там же. Л. 44—59). Сравнительно небольшая по объему, но исключительно ценная коллекция, включавшая 45 картин, акварелей и гравюр зарубежных мастеров, была принята в Рязанский музей в декабре 1918 г. из имения Барятинских (с. Шереметево-Песочная) (Там же. Л. 40—43). Судя по описям, губмузей проявлял активное внимание не только к предметам живописи, ваяния, мебели, книгам, но и к рукописным документам личного происхождения.

В «рязанских» единицах хранения имеется также документация отдельных уездных музейных органов. Они сыграли значительную роль в организации местных музеев в самые первые годы Советской власти и, фактически просуществовав два — четыре года, по мере укрепления местных музеев постепенно прекратили свою работу. Документы этих органов, как правило, имеются в материалах местных музеев. Но сохранились и отдельные комплексы материалов по Спасскому, Зарайскому, Скопинскому уездам.

Наиболее полно представлен комплекс из 35 документов за 1918—1920 гг. о деятельности Спасской комиссии. Они собраны в отдельной единице хранения, что вообще не характерно для материалов ф. 54. Такое исключительное положение объясняется тем, что в уездном Спасске по инициативе местного отдела народного просвещения еще весной 1918 г. был организован сбор художественных ценностей для создаваемого музея. 26 августа с помощью приехавших в Спасск сотрудника Московского Румянцевского музея С. О. Долгова и архивиста Г. В. Сергиевского была образована комиссия по охране памятников старины и художественных сокровищ. Сохранилась справка-отчет о ее деятельности за 1918 г. (Ед. хр. 897. Л. 2). Спасская комиссия была, по утверждению Музейного отдела, первым уездным органом по охране памятников в Советской России. В состав комиссии входило более 30 человек — в основном школьные работники. Председателем комиссии был С. А. Сальхин. Из документов выделяются пять протоколов (глухих) заседаний музейной секции при комиссии за 1918—1919 гг. с информацией о работе комиссии, об организации местного музея. Большой интерес представляет «Устав комиссии по охране памятников старины и художественных ценностей в г. Спасске (1918 г.)», в котором подробно регламентирована деятельность комиссии по охране памятников «архитектуры, письма и печати, живописи, ваяния». Выделено более десяти направлений этих работ, важнейшими из которых были выявление, реставрация, покупка художественных ценностей, охрана и реставрация памятников архитектуры, фотографирование и зарисовка памятников, организация музеев, архивов и библиотек (Ед. хр. 897. Л. 16—20). Как свидетельствует обширный отчет комиссии за 1918 г., не все поставленные задачи были выполнены. Члены комиссии сосредоточили свои усилия в основном на спасении художественных ценностей, библиотек из бывших дворянских имений, устройстве музея, экскурсионной работе. История возникновения и деятельности комиссии, ее взаимоотношения с губмузеем отражены в докладной записке в Музейный отдел члена комиссии П. С. Воскресенского, написанной в 1919 г. (Ед. хр. 897. Л. 8—14, подлинник). Интересные сведения о мерах комиссии по спасению художественных ценностей содержит справка о деятельности комиссии за 1918 г. Так, в августе 1918 г. ею было разослано волостным и сельским Советам воззвание к населению о необходимости беречь культурные ценности. В справке отмечалось, что «в тех имениях, которые случайно не подверглись разграблению и владельцы продолжали жить в них до последнего времени, коллекции разного рода сохранились в неприкосновенности» (Ед. хр. 897. Л. 2). Нередко владельцы усадеб передавали комиссии свои библиотеки и коллекции: Кожин передал библиотеку в 4 тыс. книг, естественнo-историческую коллекцию; Смольянинов — обширную библиоте-

ку. Огромная библиотека Стерлигова подверглась почти полному уничтожению, но тем не менее ее владелец заявил об оставшихся у него рукописных и старопечатных книгах. Несмотря на разгром имения Граббе, ранее принадлежавшего декабристу М. С. Лунину, комиссии удалось спасти часть архива и обстановки, которые были вывезены в Спасск и в Москву. В Спасский музей попали письма родственников Лунина; 46 художественных предметов (Ед. хр. 890. Л. 42). В 1918 г. местными музейными работниками только из с. Старая Рязань было вывезено три подводы, из имения Никольское — шесть подвод художественных ценностей (Там же).

О деятельности Зарайского уездного подотдела по охране памятников искусства и старины можно судить лишь по четырем машинописным копиям годовых и полугодовых отчетов, содержащих сведения об основных направлениях работы в 1919—1923 гг. Уездный подотдел был образован в Зарайске в апреле — мае 1919 г. В первый же год работы им было обследовано 10 церквей, 15 имений, причем из 6 имений было вывезено значительное число предметов живописи, фарфора, старинной мебели, книг, рукописей (Ед. хр. 894. Л. 1, 5). Крупные партии художественных ценностей были вывезены из имений Кутайсовых, Комаровских, Гончаровых, причем из последнего, принадлежавшего родственнице Н. Н. Пушкиной, вывезено 50 старинных портретов и картин, фарфор, архив, в котором находились ценные дневники (Там же. Л. 5). Силами подотдела был проведен ремонт сооружений зарайского кремля, торговых рядов.

Комплекс документов о деятельности местных музеев Рязанской губернии в первое десятилетие Советской власти самый обширный: в шести папках хранятся материалы десяти музеев. Наиболее полно представлены Рязанский государственный областной, Зарайский (по 160—180 л.) и Спасский (70 л.) музеи. По Гиблицкому, Касимовскому, Михайловскому, Пронскому, Ряжскому, Сапожковскому, Скопинскому музеям сохранились небольшие группы документов: планы работы, анкеты музеев, описи экспонатов. Основное значение имеют годовые отчеты с различными приложениями, всего их более 30. В отчетах отразилась деятельность Рязанского (девять отчетов), Сапожковского (семь), Зарайского (шесть), Спасского (три), Скопинского (три) музеев. Имеющиеся отчеты относятся к 1921—1927 гг.; за 1918—1920 гг. отчетные материалы отсутствуют. Структура и объем годовых отчетов различны: от одного-двух листов в более ранних отчетах до десяти и более листов — к середине 20-х годов. Как правило, пункты 3 и 22 и отчетов содержат сведения по истории музеев, их участия в деле охраны памятников. Отчеты — наиболее ценные и информативные документы для изучения организации и работы музеев, их роли в культурной жизни края. Они важны и для исследования жизни и деятельности местных работников культуры, связанных, как правило, с музейными, архивными и краеведческими учреждениями. В них можно найти ценные данные и для выяснения истории того или иного экспоната, попавшего в музей из различных имений, церквей, монастырей. Из приложений к отчетам в первую очередь обращают на себя внимание 16 фотографий интерьера Ряжского музея и 22 фотографии архитектурных памятников Зарайска (Ед. хр. 898. Л. 82—98; Ед. хр. 894. Л. 28—57).

Интересна небольшая группа печатных материалов: две вырезки из местных газет о выставке Рязанского музея (1927 г.), плакат о Скопинском музее (1927 г.), плакат Общества изучения Рязанского края, две листовки его отделений в Сапожковском уезде (1925 г.) и, главное, две ранние статьи, напечатанные в специальном выпуске-листочке «Неделя просвещения» (июнь 1919 г.). Обе статьи имеют одинаковый заголовок: «Берегите памятники старины и искусства!»; автором одной из них является С. Д. Яхонтов — бывший председатель губернской ученой архивной комиссии, возглавлявший после Октябрьской революции Рязанский музей. В статьях разъясняется значение художественных памятников и содержится призыв к населению губернии собирать и сдавать их в музеи.

Одна заканчивалась словами: «Если будем мы так блюсти книги, картины, строения старинные, образа и всякую старину, много пользы принесем мы родной стране и большое спасибо скажет нам русский народ» (Ед. хр. 891. Л. 147).

Документы коллекции содержат уникальную информацию о деятельности известных историков и музейеведов: В. А. Городцова, С. Д. Яхонтова, А. И. Фесенко, А. А. Мансурова и других, с именами которых связано создание сети музеев и становление охраны памятников. Несмотря на известную неполноту⁹, материалы ф. 54 ОПИ ГИМ обладают сведениями, ценными для изучения истории музейного, архивного и библиотечного дела. Данные об отдельных памятниках, архитектурных ансамблях могут быть полезны при их реставрации, составлении «Свода памятников истории и культуры СССР», подготовке музейных экспозиций.

⁹ В ЦГА РСФСР в фонде Главнауки (Ф. 2307) среди переписки Музейного отдела с провинциальными музейными учреждениями есть 10 ед. хр. с документами по Рязанской губернии. Большинство документов освещают административно-хозяйственные вопросы. В РКМ и ГАРО хранятся материалы о деятельности музеев губернии в 20-е годы, личные фонды (в частности, С. Д. Яхонтова).

В. В. Крылов, В. Г. Маркина

ДАННЫЕ ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Н. ТИХОМИРОВА

(в Государственном архиве Куйбышевской области)

После победы Великого Октября в стране стали создаваться научные общества, объединившие работников творческого труда, которые внесли определенный вклад в дело сохранения документов выдающихся деятелей литературы и искусства. Среди тех, кто принимал активное участие в работе таких обществ, в частности вновь созданного в 1919 г. Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете (ОАИЭ), был и молодой ученый М. Н. Тихомиров. Он начал работу в Самаре в феврале 1919 г. в уездном отделе Народного образования, а с ноября 1920 г. — библиотекарем ОАИЭ. По поручению Самарского уезда Тихомиров в 1920 г. выезжал в Заволжье для выявления и сохранения памятников древнерусской письменности, хранившихся в Кривоуцком Воскресенском монастыре, а в июле 1921 г. — в Бузулукский уезд для спасения архива и семейных реликвий Аксаковых, о чем Тихомиров составил подробный отчет, сохранившийся в личном фонде видного историка-архивиста М. С. Вишневого¹.

Отчет дополняет выступление Тихомирова на конференции ОАИЭ, а также другие документы, выявленные в Госархиве Куйбышевской области в фонде Самарского научно-краеведческого общества и характеризующие участие Тихомирова в сохранении архивов выдающихся писателей. В феврале 1921 г. ОАИЭ выступило с предложением о перевозке в Самару архивов Аксаковых и Державиных, так как «они имеют общегосударственное значение»². 2 марта 1921 г. на заседании Совета ОАИЭ библиотекарь М. Н. Тихомирову было предложено выехать в с. Языково Могутовской волости Бузулукского уезда и обратиться к О. Т. Аксаковой с предложением передать обществу «все вещи, относящиеся к памяти С. Т. Аксакова»³.

¹ См.: Крылов В. В. Отчет М. Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 215—218. В настоящее время фонд М. С. Вишневого передан на государственное хранение в ЦГАОР г. Москвы.

² ГАКуО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 50. № 16—16 об.

³ Там же. Д. 48. Л. 27 об.

Особый интерес представляет рукопись выступления Тихомирова на конференции ОАИЭ, датированная 18 декабря 1921 г., в которой охарактеризовано содержание архива-музея Аксаковской комнаты, являвшейся филиалом Самарского музея. «Аксаковский архив, послуживший основным материалом для комнаты имени Аксаковых, состоит из бумаг и вещей, находившихся ранее в с. Языкове Бузулукского уезда во владении внучки писателя С. Т. Аксакова Ольги Григорьевны Аксаковой. Весной 1921 г., после смерти О. Г. Аксаковой, возник вопрос о необходимости перевозки архива Аксаковых в Самару, так как были серьезные опасения за его целостность. В июле 1921 г. архив был перевезен в Самару и устроен в помещении Общественного археологического музея. В настоящее время в комнате Аксаковых находится ряд вещей, относящихся к жизни Аксаковых. Всего числится 59 №№; из них следует указать бюро красного дерева с бронзой, принадлежавшие, по преданию, деду С. Т. Аксакова кресло и диван Аксаковых, фарфоровая лампа и ножик Ивана Сергеевича, фамильная икона Аксаковых с надписью „Благословение дедушки“. Большое число фотографий и рисунков, относящихся к Аксаковым, в том числе семейный портрет Тимофея Степановича Аксакова и его маленьких детей: Сергея Тимофеевича и Николая Тимофеевича; портрет Гоголя масляными красками; акварельный портрет Сергеевича Тимофеевича в молодости и т. д. Но главным богатством архива являются письма и другие бумаги, относящиеся к деятельности главным образом Ивана Сергеевича Аксакова. Здесь прежде всего встречается переписка Ивана Сергеевича со многими видными деятелями XIX в. (Ю. Ф. Самариним, Кошелевым, Раевским, Милутиным, Кавелиным и т. д.); затем архив газет „Шарус“, „Пароход“, „Москва“, „Русь“; огромное количество семейных писем Аксаковых, переписка молодых Аксаковых с родителями; ряд писем К. С. и С. Т. Аксаковых и т. д. Наконец, черновые рукописи Ивана Сергеевича и Константина Сергеевича Аксаковых („Опыт русской грамматики“, стихотворения Ивана Сергеевича) и т. д. В настоящее время весь этот материал помещается в комнате имени Аксаковых при Общественном археологическом музее, где составляется описание архива. В настоящее время описано 140 папок с письмами»⁴.

Тихомиров, будучи хранителем архива-музея, разбирал и описывал архив Аксаковых. «Описание,— отмечалось в отчете ОАИЭ за 1921—1922 гг.,— проводилось по пакетам, для того чтобы устранить при разборке произвольную сортировку материала и сохранить прежнюю физиономию архива, тем более что большинство пакетов с письмами и бумагами снабжены объяснительными подписями, сделанными самими Аксаковыми»⁵. Тихомировым была подготовлена первая часть описания, в которой отражена половина архива⁶. В этой работе Тихомирову оказали помощь заведующий Самарским губернским архивным бюро С. А. Хованский, профессора С. Д. Балухатый и В. С. Спиридонов. С 1 сентября 1923 г. Аксаковскую комнату возглавил профессор С. А. Зыбин (1923—1926), продолживший описание архива по установленному Тихомировым способу⁷. Составленный им II выпуск описания архива Аксаковых, так же как и III выпуск, подготовленный В. В. Зинкевичем, ныне находятся в ИРЛИ⁸, куда они поступили вместе со всем Аксаковским собранием после переговоров ученого хранителя ИРЛИ Б. Коплана с Самарским научно-краеведческим обществом (б. ОАИЭ)⁹.

Обнаруженные документы расширяют наши представления об археографической деятельности Тихомирова и служат источником для исследования первых шагов отечественной полевой археографии в советские годы.

⁴ Там же. Д. 46. Л. 13—13 об. Автограф.

⁵ Там же. Д. 49. Л. 4 об.

⁶ См.: ААН. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 1. Д. 68; ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 20. Д. 161.

⁷ ГАКУО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 75. Л. 4 об.

⁸ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 162 (вып. II); 163 (вып. III).

⁹ ГАКУО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 203. Л. 35.

МАТЕРИАЛЫ О М. Н. ТИХОМИРОВЕ В ЖУРНАЛЕ «КРАЕВЕДЕНИЕ»

Творческий путь академика Михаила Николаевича Тихомирова, как и многих талантливейших представителей научной интеллигенции, в первые годы Советской власти начинался с краеведения. В 1917—1918 гг. молодой выпускник историко-филологического факультета Московского университета организовал один из первых уездных краеведческих музеев страны — Музей Дмитровского края¹, в 1920—1923 гг. Тихомиров активно сотрудничал в Обществе археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете, в 1925—1930 гг. работал в Обществе изучения Московской губернии (области). Его более чем десятилетняя деятельность в краеведческих организациях нашла отражение в весьма немногочисленных материалах научного, делопроизводственного и личного характера, меньшая часть которых публиковалась в изданиях этих организаций, а большая часть отложилась в их архивных фондах, в личном фонде Тихомирова и фондах других ученых, связанных с краеведческим движением 20-х годов. Постепенное выявление, приведение в известность и использование новых источников позволили исследователям охарактеризовать деятельность Тихомирова в 1917—1920-е годы и обнаружить в ней истоки тех начинаний, которые прославили его имя и определили его роль в становлении и развитии советской исторической науки². Однако ранний период его творческой биографии все еще остается наименее изученным.

Важнейшим источником по истории становления и начального этапа советского исторического краеведения является периодика Центрального бюро краеведения (ЦБК, 1922—1936), в том числе журнал «Краеведение», выходивший в 1923—1929 гг. В нем удалось обнаружить малоизвестные материалы о Тихомирове: информационную заметку о деятельности Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете в тот период, когда членом Общества состоял Тихомиров; упоминание о его работе в Обществе изучения Московской губернии, а также отзывы на его ранние печатные труды. Эти отзывы дают уникальную возможность взглянуть на работы вступавшего в науку молодого историка глазами С. В. Бахрушина, А. А. Гераклитова, И. М. Гревса и др.

Поскольку журнал «Краеведение» стал библиографической редкостью, предлагаем читателям подробный обзор выявленных в нем материалов, дополненный в примечаниях новыми сведениями из исторической справки о самарском Обществе и первой рецензии на книгу Тихомирова «Город Дмитров», напечатанных в малоизвестных краеведческих изданиях³.

Информационная заметка о самарском Обществе⁴, как и большинство аналогичных хроникальных заметок в периодике ЦБК, не имеет даты и подписи. Но из ее содержания видно, что она написана в тот период, когда членом Общества являлся Тихомиров⁵, а быть может, и при его

¹ Хозлов Р. Ф. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 315—318.

² Об изучении и издании наследия Тихомирова и библиографию работ об ученом, напечатанных после 1962 г., см.: Шмидт С. О. О наследии академика М. Н. Тихомирова // ВИ. 1983. № 12. С. 115—123; Тамм И. Е. Литература 1963—1983 гг. о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 250—255.

³ См.: Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. Самара, 1925. № 1. С. 2—9. (Далее: Бюллетень); Листок краеведа (орган Бюро краеведения при культотделе Московского губпроса). 1925. № 1.

⁴ Краеведение. 1923. № 2. С. 169—173.

⁵ Тихомиров, как явствует из заполненной им анкеты краеведа, состоял членом Общества с ноября 1920 по сентябрь 1923 г. (см.: Материалы о деятельности

участии⁶. В заметке сообщалось, что Общество «возникло из группы членов местного Археологического об[щест]ва, профессоров и преподавателей историко-филологического факультета университета и членов Комитета губернского Центрального музея в ноябре 1919 г.»⁷. Общество, согласно принятому уставу, ставило целью «научное обследование и изучение Среднего, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья вообще и Самарского края в частности в историко-археологическом, этнографическом и естественноведном отношении. Основными органами руководства и управления Об[щест]ва являются Конференция и Совет; Конференция — руководящий научный орган, Совет — административный и финансово-хозяйственный, ответственный за всю деятельность Об[щест]ва»⁸. Об[щест]во разделяется на 5 комиссий: археологическую с художественной секцией, историческую, этнографическую со статистической секцией, естественноведную и библиографическую; из них естественноведная — самая молодая — начала работать с весны 1922 г.⁹, остальные — с момента возникновения Об[щест]ва и имеют часть серьезно выполненных работ по изучению края. Об[щест]во ведет совместную работу с подотделом по делам музеев и охране памятников искусства, народного быта и природы и с губернским Центральным музеем. В губернии Об[щест]во открыло ряд своих отделений: в Пугачеве (Николаевск), Бузулуке и Бугуруслане).

Далее в заметке перечислялись некоторые доклады, сделанные на «собраниях» Общества¹⁰, и приводились подробные сведения о работе

М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии/Подгот. С. Б. Филимонов // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 299). Точнее определить время написания заметки можно следующим образом: в ней сведения о составе президиума Общества (председатель — А. С. Башкиров, товарищи председателя — П. А. Преображенский и В. В. Гольмстен, ученый секретарь — П. Н. Ефимов) приведены по данным на 1 сентября 1922 г., а номер журнала подписан к печати 15 октября 1923 г. (Краеведение. 1923. № 2. С. 173, 215); следовательно, заметка написана в период между двумя этими датами.

⁶ В пользу такого предположения свидетельствует детальное знакомство автора заметки с проводившимися Тихомировым работами.

⁷ Из исторической справки следует, что первоначально оно называлось «Обществом археологии, истории и этнографии». «Инициаторами учреждения Общества была группа профессоров Самарского государственного университета, в среде которых назрела необходимость в организации центра своих научных работ. В состав нового Общества вошло также ранее существовавшее в Самаре Самарское археологическое общество. Члены-учредители вначале ставили себе задачи широкой разработки вопросов, связанных с дисциплинами, названия которых входят в наименование Общества. Позднее в зависимости от разного рода обстоятельств задачи эти сузились, и Общество сосредоточило главное внимание на красноведческой работе» (Бюллетень. С. 2).

⁸ В исторической справке отмечено: «Деятельность Общества складывается из трех основных элементов: 1 — научно-исследовательской работы членов его, 2 — обслуживания его вспомогательных учреждений и 3 — участия в работах других учреждений. Научно-исследовательские работы ведутся как кабинетные, так и полевые, причем результаты их оглашаются на конференциях Общества, которые собираются один-два раза в месяц» (Бюллетень. С. 3).

⁹ С этого времени Общество «прибавляет к своему первоначальному названию: „и естественноведная“» (Бюллетень. С. 3).

¹⁰ Сведения о докладах Тихомирова здесь отсутствуют. Но в исторической справке, где приведен список всех 48 докладов, заслушанных на «конференциях» Общества за 5-летие его существования (Бюллетень. С. 4—6), без указаний на даты перечислены три доклада Тихомирова: «К истории колонизации Самарского края», «Аксаковский архив», «Рукописи Иргизских монастырей», а также пять докладов одного из его учителей в те годы — академика В. Н. Перетца: «Жизнь и научная деятельность академика А. А. Шахматова», «К вопросу о датировке меднолитых предметов культа», «Лицевой подлинник середины XVIII в.», «Проект введения латинского алфавита, предложенный Н[ародным] К[омиссариатом] П[росвещения]», «Исторические песни Самарского края». Поскольку одни и те же доклады других лиц названы и в заметке, и в исторической справке, думаем, что слова «собрания» и «конференции» (Общества) — синонимы. Возможно, в фондах Общества или его руководителей сохранились протоколы этих научных заседаний. В них могло отразиться обсуждение докладов Тихомирова, а также его участие в обсуждении докладов других членов Общества, в числе которых были Н. А. Архангельский, А. С. Башкиров, Д. Ф. Богданов, В. В. Гольмстен, П. Н. Ефимов, В. Н. Перетц, П. А. Преображенский и др.

его структурных частей и подразделений. В частности, «Историческая комиссия»¹¹ приступила к историческому обследованию Самарского края по плану чл[ена] Об[щест]ва Г. А. Лучинского, связанному со взятием на учет всего архивного материала в губернии. Разработала и привела в исполнение план охраны „архива Аксаковых“ сначала в с. Языкове, Бузулукск[ого] у[езда], с поручением охраны и составлением мемуаров внучке писателя Серг[ея] Тим[офеевича] Аксакова — Ольге Григорьевне Аксаковой, а за ее смертью Историческая комиссия по ходатайству Об[щест]ва на средства губисполкома и трудами члена Об[щест]ва М. Н. Тихомирова вывезла аксаковский архив и реликвии в Самару, где устроила в Об[щест]ве в честь Аксаковых комнату архив-музей (подробнее ниже)¹². Далее Ист[орическая] ком[иссия] обратилась по губернии с обращением к местным культурным работникам с просьбой о принятии всех возможных мер к охране исторических памятников, мест, архивов, библиотек и др[угих] ценностей и о сообщении исторического материала в комиссию; предметом особого суждения был вопрос об устройстве в Самаре областного съезда историков и [специалистов] архивного дела. Работы членов комиссии проявились в следующих трудах, отпечатанных и приготовленных к печати [...]»¹³ В заключение нужно сказать, что комиссия имеет постоянное наблюдение и заботу за одним из самых любопытных уголков Самарской губ., бытом старообрядчества на Иргизе. Иргизские монастыри сильно пострадали за время революции, волны гражданской войны прокатывались по Иргизу несколько раз. Несмотря на тяжелые условия, отделение Об[щест]ва в Пугачеве спасло крупные культурные ценности, особенно книжные богатства. Из нескольких сотен рукописей, из которых некоторые восходят к XIV в., удалось наиболее ценное вывезти в Самару. На Иргизе и до сих пор хранятся чрезвычайно ценные памятники историко-худож[ественного] характера. Комиссия через своего члена М. Н. Тихомирова взяла на учет все то, что представляет наиболее ценное на Иргизе [...]»¹⁴.

Библиографическая комиссия вела работу по составлению библиографического указателя по Среднему, Нижнему Поволжью и Южному Приуралью, в частности по археологии, истории, этнографии, по сельскохозяйственным достижениям и по заказу Самарск[ого] губоно по народному образованию. Библиогр[афическая] ком[иссия] обладает специальным „Библиографическим кабинетом“, переданным Об[щест]ву Самарским унив[ерситет]ом, в котором [сосредоточен] чрезвычайно ценный материал, собранный специально для Самарского края. Во главе комиссии — М. Н. Тихомиров.

*Высшие этнолого-археологические курсы*¹⁵ основаны 28 марта 1920 г.

¹¹ Здесь и далее сохранены выделения курсивом, сделанные в журнале.

¹² См.: Крылов В. В. Отчет М. Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 215—218.

¹³ Здесь без указаний на авторство перечислены десять работ, в том числе рукописи «Колонизация Самарского края», «Помещичий архив с. Державино», «Пугачевское движение в пределах нынешней Самарской губ.», «Генеалогия рода Аксаковых». В обобщенном виде тематика и характер работ комиссии представлены в исторической справке: «По истории края разработан ряд вопросов, связанных главным образом с колонизацией и историей возникновения и развития некоторых населенных пунктов, в частности г. Самары. Также собран и разработан материал по вопросам крепостного быта, бапкирского землевладения, истории религиозных движений и др. Для этих работ использованы архивы: межевой, удельного ведомства, городского управления и некоторые помещичьи» (Бюллетень. С. 3).

¹⁴ Подробно об этом по другим источникам см.: Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 247—248; Беляевский М. Т., Сукаев А. Г. Новые материалы о М. Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 129—133.

¹⁵ Сведения о курсах (которые иногда не совсем точно именуются «археологическими») тем более интересны, что Тихомиров был слушателем на них, а затем и преподавал (см.: Беляевский М. Т., Сукаев А. Г. Указ. соч. С. 133—134). Учебный план курсов подробнее изложен в исторической справке, где отмечено: «В результате

На курсы принимаются лица с высшим образованием и со средним — по коллоквиуму на знания не ниже средней школы. План годовых занятий разделяется на 3 зоны: 2 триместра теоретических и 1 триместр летний *исключительно-практический* (в поле, деревне, музеях, архивах; на археологических раскопках и разведках, в изучении народного быта, предметов искусства и историч[еских] документов). Курсы имеют целью подготовить кадры *работников по изучению местного края* — археологов, историков, этнографов, архивистов и музееведов. Согласно целям курсов, предлагаются слушателям и соответствующие дисциплины. Краеведческий характер курсов делает их особо ценными для края. Курсы работают чрезвычайно интенсивно, но испытывают финансовые затруднения. Но Об[щест]во курсы не закрое и примет все меры к тому, чтобы средства были. Директор курсов П. А. Преображенский [...].

Библиотека Об[щест]ва развилась из различных собраний. Общее количество томов превысило 10 тысяч. В библиотеке есть отдел рукописных и старопечатных книг XV—XIX вв.¹⁶ Библиотекарь Об[щест]ва — М. Н. Тихомиров.

Аксаковская комната архив-музей. Основной фонд комнаты *семьи Аксаковых* составил из бумаг и вещей, находившихся в имении с. Языково, Бузулукск[ого] у[езда], у Ольги Григ[орьевны] Аксаковой, внучки Серг[ея] Тим[офеевича] Аксакова, умершей весной 1921 г. О. Г. Аксакова последние годы своей жизни состояла членом Об[щест]ва и, как научный сотрудник его, хранила архив и реликвии семьи Аксаковых. Перед смертью она просила Об[щест]во принять под охрану ее богатства и в случае ее смерти сделать их общественным достоянием, вывезя в Самару. По смерти О[льги] Г[ригорьевны], Об[щест]во немедленно приняло меры к охране имущества Аксаковых и на основании особого представления губисполкому воли покойной исходатайствовало субсидию на перевоз архива и вещей. Трудом чл[ена] Об[щест]ва М. Н. Тихомирова все доставлено в Самару. Главным богатством архива является ряд черновых рукописей К. С. Аксакова — черновые экземпляры опыта русской грамматики, заметки по русской истории, тетрадки стихов. Большое собрание рукописей И. С. Аксакова — наброски публицистич[еских] статей, ряд докладных записок (о расколе, ревизия Астрах[анского] суда и пр.). Большое количество документов И. С. Аксакова служебной и публицистической деятельности; архивы издававшихся им газет; громадное количество писем семейной переписки Аксаковых. В комнате сохраняется до 56 аксаковских реликвий. Подробное описание составлено и готовится к печати хранителем архива-музея М. Н. Тихомировым¹⁷.

Заключительная часть заметки во многих отношениях характерна для музейного строительства и охраны памятников в первые годы Советской власти: «Об[щест]во с удовлетворением приняло на себя предложение губоно научного руководства *Самарским губ[ернским] музеем* и его организацией. Таким образом, музейное дело и охрана памятников связаны с Об[щест]вом. Персонально работники губмузея были членами Об[щест]ва. От совместной работы изучение местного края и дела

прохождения курсов получают практики-краеведы, знакомые с методами исследовательской работы, которые они могут использовать как в культурно-просветительном, так и в хозяйственно-экономическом деле [...] Курсы обслуживаются кадром лучших краеведческих сил из состава членов Общества [...]» (Бюллетень. С. 7).

¹⁶ В исторической справке уточнено, что в отделе Старой книги хранятся: «книг гражданской печати — 286, старопечатных церковных — 126 и рукописей — 31. Библиотека имеет полные алфавитный и систематический каталоги» (Бюллетень. С. 7).

¹⁷ Об этой самой ранней из находящихся в фонде Тихомирова научных работ см.: Староверова И. П. Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 306; Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание/Сост. И. П. Староверова. М., 1974. С. 17. См. также: *Зенкевич В. В.* Аксаковская комната // *Материалы по изучению Самарского края.* 1928. Вып. 5. С. 8—10.

музейные выиграла чрезвычайно. Так, Центральный музей был описан, инвентаризован, классифицирован, и быстро начали открываться отделы музея. В настоящее время открыты все отделы: художественный, историко-археологический, естественно-научный, рукописно-библиотечный и в последнее время новый, несуществовавший этнографический отдел, экспонаты которого были приобретены путем обмена их у голодающего населения на муку, отпущенную в количестве 40 пудов Сам[арским] губкомпозолом, который, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия в губ[ернии], принял во внимание необходимость сбережения культурных наследий национальных меньшинств края. Завед[ующим] губмузеем и директором Центр[ального] музея состоял А. С. Башкиров».

Подробная информация о деятельности Общества изучения Московской губернии (области) и об участии в ней Тихомирова печаталась в изданиях Общества¹⁸. В журнале «Краеведение» имеется упоминание о работе Тихомирова: в статье, посвященной опыту организации краеведческой работы в Московской губернии, сообщается о его докладе о росте населения г. Дмитрова в XVII—XVIII вв. на заседании культурно-исторической секции Общества. Здесь же отмечается: «Докладчик выезжал в уездные города для методического инструктирования местных работников. Историю городов предполагается изучать в теснейшей связи с их современным состоянием»¹⁹.

Среди выявленных в журнале «Краеведение» отзывов на печатные труды М. Н. Тихомирова самый ранний — отзыв А. А. Гераклитова на отдельный оттиск статьи «К истории колонизации Самарского края» (Самара, 1923). Отзыв содержится в общей рецензии на четыре изданные в Самаре историко-краеведческие работы²⁰. Гераклитов писал: «Заглавие книжечки М. Н. Тихомирова не вполне отвечает ее содержанию. Написанная гл[авным] обр[азом] на основании некоторых документов из церковных архивов сел Алексеевского, Богдановки и Зубовки, Самарского у[езда], она содержит почти исключительно, небезынтересные правда, подробности о сооружении храмов в этих селах. Приложенные к книжечке рисунки представляют виды церквей названных сел [...]»²¹ М. Н. Тихомирову можно бы указать на богатейший материал по интересующему его Аистовску, праздно лежащий в б[ывшем] Московском архиве [Министерства] юстиции, и на основании которого можно было бы действительно восстановить колонизацию этого пригорода». Теперь, когда мы все полнее можем представить себе многообразие деятельности Тихомирова в начале его творческого пути и истоки формирования его

¹⁸ О деятельности Тихомирова в обществе см.: Шмидт С. О. Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края: (Новые материалы) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 167—172; Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии/Подгот. С. Б. Филимонов // Там же. С. 298—310; Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения/Сост. и авт. статьи С. Б. Филимонов; Под ред. С. О. Шмидта. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. С. 11—12, 44—74, 124.

¹⁹ Феноменов М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы: (Из опыта работ Общества изучения Московской губернии) // Краеведение. 1926. № 2. С. 161.

²⁰ Гераклитов А. // Краеведение. 1924. № 4. С. 487—489/Рец. на книги: Преображенский П. А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. 94 с.; Он же. Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в. // Изв. Самар. гос. ун-та. 1922. Вып. 3. Отд. отг. 11 с.; Тихомиров М. Н. К истории колонизации Самарского края. Самара, 1923. 12 с., 4 табл. рис.; Архангельский Н. А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара, 1923. 52 с. Возможно, что об этой рецензии Тихомиров не знал, так как, заполняя анкету краеведа (между 20 окт. 1926 г. и 10 февр. 1928 г.), в графе «Список известных Вам рецензий и обзоров с упоминанием о Вашей работе...» он написал: «Не знаю» (см.: Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии. С. 300).

²¹ В подписи к одному из рисунков, выполненных художником, указано: «по наброску М. Н. Тихомирова» (Изв. Самар. гос. ун-та. 1923. Вып. 5. Отд. 2. С. 15 без п. г. и п.). Ряд рисунков Тихомирова, в том числе сделанных в Самарской губернии в начале 20-х годов, хранится в его фонде (Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание. С. 55).

научной методики, подобный отзыв представляется односторонним. Рассмотрев все четыре работы, Гераклитов заключал: «Как видим, местная самарская историческая наука (если позволительно такое выражение) находится еще в стадии любительства. До сих пор перед нами пока нет самостоятельных исследований: читателю предлагаются или популярные компиляции, или публикации сырых и полусырых материалов. В этих словах не заключается никакого осуждения — подобная любительская стадия должна неизбежно быть изжита и изживалась каждым провинциальным культурным центром... Будем поэтому надеяться, что „любительская“ стадия для Самары быстро минует и из-под пера местных историков появятся труды по истории края, удовлетворяющие не только интересы момента, но являющиеся и вкладом в русскую историческую науку, процветание и рост которой в значительной степени зависят и от работ местных историков».

Другие отзывы относятся к работам Тихомирова «Город Дмитров. От основания города до половины XIX в.» (Дмитров, 1925)²² и «Население Дмитрова в XVII и начале XVIII в.» (Московский краевед. 1927. Вып. 1. С. 20—39). О первой из них И. М. Гревс, выдвигая в статье «История в краеведении» программу работ историков-краеведов и указывая, что «если восстановление истории великих городов требует работы специалистов высокой компетенции, то многочисленные малые в различных областях лежат прямо на ответственности местных краеведов-историков», отозвался так: «Недавно вышла скромная, но почтенная книжечка М. Н. Тихомирова „Город Дмитров“ (1925 г.), приглашающая к дальнейшему следованию по этому пути»²³. Председатель Библиографической комиссии ЦБК Н. Н. Павлов-Сильванский в рецензии на книгу К. В. Сивкова «Культурно-историческое изучение небольшого района» (Л., 1926) с недоумением отмечал: «Почему в главу третью („Проработка отдельных тем“) не попала столь интересная и поучительная с методической точки зрения книжка, как работа М. Н. Тихомирова „Город Дмитров“ 1925 г. ...»²⁴. Н. П. Анциферов в статье «Литература по городоведению» упомянул эту книгу Тихомирова в числе других «интересных опытов описания уездных городов Московской губернии»²⁵.

В рецензии на выпуск «Московского краеведа» со статьей Тихомирова Гревс писал: «В характеризуемом томе помещена также обстоятельная работа М. Н. Тихомирова „Население Дмитрова в XVII и нач[але] XVIII в.“»²⁶. Нельзя не приветствовать появления ее на страницах руководящего органа [краеведов Московской губернии] в то время, когда исторические задачи оттесняются другими, которые кажутся более нужными для современности, а на самом деле являются необходимыми для понимания последней»²⁷. С. В. Бахрушин, считавший, что «в первую очередь перед краеведом стоит изучение истории населения края, его движения, социального состава и хода его расселения», в докладе «Задачи исторического изучения края» на III краеведческой конференции РСФСР (1927 г.) указал на статью Тихомирова как на «образец» такого

²² Первый печатный отзыв на эту книгу, вышедшую в качестве 2-го выпуска «Трудов Музея Дмитровского края», появился в год ее издания. В нем Н. А. Гейнике писал: «История города рассматривается автором в экономическом разрезе, что придает изложению большую логическую стройность и четкость, с одной стороны, ибо нащупан основной нерв жизни и развития города, с другой — делает книжку увлекательной для современного читателя, живо интересующегося вопросами экономики. Так, например, чрезвычайно выпукло рисуется роль путей сообщения в экономическом развитии Дмитрова, а ведь это вопрос, который играет такое громадное значение в деле районирования края, вскрывая линии основных экономических связей. Для школьного работника книга М. Н. Тихомирова является превосходным пособием» (Листок краеведа. 1925. № 1. С. 25).

²³ Краеведение. 1926. № 4. С. 499.

²⁴ Там же. 1927. № 2. С. 272.

²⁵ Там же. 1929. № 7. С. 415.

²⁶ Здесь в подстрочном примечании рецензент напоминал: «Он (М. Н. Тихомиров. С. Ф.) уже раньше выпустил удачно составленную монографию „Город Дмитров“».

²⁷ Краеведение. 1927. № 3. С. 425.

исследования и обратил внимание на использованные автором источники²⁸.

Таким образом, новые материалы, существенно дополняя наши представления о раннем периоде творческой биографии Тихомирова, подтверждают, что его работа в различных краеведческих организациях, подвигническая в условиях разрухи и голода, была связана главным образом со спасением, сохранением и разносторонним использованием документальных памятников. Этому делу придавалось важнейшее значение в советском историческом краеведении 1917 г.—1920-х годов. Подробная информация о деятельности Тихомирова, неоднократные указания авторитетных ученых на его труды как на образцы, которым должно следовать, помещались в журнале руководящего органа советских краеведов²⁹. Правомерна постановка вопросов о месте исторического краеведения в творческой биографии Тихомирова и о роли Тихомирова в становлении и развитии советского исторического краеведения³⁰. Дальнейшее изучение обширной источниковой базы истории советского исторического краеведения позволит обстоятельно ответить на эти вопросы (не исключено, выявятся новые документы Тихомирова и материалы о нем) и будет иметь широкое историографическое значение: такое основательное изучение, несомненно, пополнит наши представления о развитии советской исторической науки.

²⁸ Там же. 1928. № 3. С. 133—134.

²⁹ Характерен восторженный отзыв о номере журнала «Краеведение», в котором содержалась и информация о деятельности Тихомирова. 13 ноября 1923 г. председатель Солигаличского отделения Костромского научного общества по изучению местного края И. В. Шумский сообщал председателю Общества В. И. Смирнову: «Получили № 2 „Краеведения“, вздыбивший наши чувства. Читаем и перечитываем. Чаше бы он выходил». О письмах Шумского см.: *Филимонов С. Б.* Эпистолярный архив В. И. Смирнова // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 319, 320.

³⁰ С. О. Шмидт справедливо выдвигает в качестве самостоятельной, требующей разработки тему «М. Н. Тихомиров и историческое краеведение» (ВИ. 1983. № 12. С. 122).

Е. Н. Егорова

ЛИЧНЫЙ ФОНД ИСТОРИКА И ПЕДАГОГА С. П. МОРАВСКОГО

Сергей Павлович Моравский (1866—1942) — видный историк-медиевист и выдающийся педагог-новатор¹ — родился 29 (17) ноября 1866 г. в Киеве в семье врача. В 1881 г., окончив четыре класса 2-й Киевской гимназии, был принят стипендиатом в коллегию П. Галагана, предварительно выдержав большой конкурс. Из стен этого учебного заведения вышло немало известных впоследствии деятелей науки. Среди них — Д. М. Петрушевский и В. Э. Грабарь, с которыми Моравского всю жизнь связывала большая дружба. Еще юношей Моравский обнаружил большие способности к языкам (он знал десять иностранных языков); у него рано проявился дар исследователя, склонность к изучению исторических наук.

¹ О нем см.: *Степович А. И.* 25-летие коллегии П. Галагана в Киеве. Киев, 1896. С. 42, 154; *Исторический вестник.* 1902. Т. 87. С. 750; Имп. Академия наук, 1889—1914; *Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук.* Пг., 1917. Т. 3, ч. 2. С. 296; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей и ученых. 2-е изд. Пг., 1918. Т. 2. С. 129; *Гершензон М. О.* Письма к брату. М., 1927. С. 79, 83, 84, 90, 92, 93, 100, 107, 120, 122, 137; *Научные работники Москвы.* (Справочник). Л., 1930. С. 191. Так как указанные работы содержат отрывочные и неполные данные биографии ученого, основные биографические сведения для обзора были почерпнуты из автобиографического очерка С. П. Моравского «Curriculum Vitae» («Жизненный путь»), сохранившегося в его фонде.

В 1885 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где занимался в семинариях П. Г. Виноградова, разрабатывая ряд тем по источникам (Гомеру, Геродоту, Фукидиду, Тациту и Цезарю). В других семинариях Моравский изучал Великую французскую революцию по наказам крестьян Парижского округа депутатам в Генеральные Штаты 1789 г., а также темы об Ульрихе фон Гуттене и германском императоре Карле V.

По окончании учебного курса в 1890 г. он был оставлен П. Г. Виноградовым и В. И. Герье при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. Несколько лет продолжал работать под руководством Виноградова, участвовал в организованном им кружке молодых ученых — историков, юристов, экономистов, философов. В исследованиях кружковцев главное внимание обращалось на изучение социально-экономических явлений и процессов. В своей автобиографии Виноградов называл Моравского одним из наиболее активных членов кружка (вместе с А. А. Кизеветтером, А. А. Мануйловым, Д. М. Петрушевским и др.)². К этому времени относится первая печатная научная работа молодого ученого «Федор Лисовский. 1709—1722. (Очерк из внутренней истории Малороссии в 1-й половине XVIII столетия)»³.

Большое признание получила преподавательская и общественная деятельность Моравского. В 1897—1907 гг. он стал одним из организаторов исторической группы комиссии по организации домашнего чтения при учебном отделе Общества распространения технических знаний (ОРТЗ) и активнейшим ее сотрудником, затем и руководителем, сменив на этом посту Виноградова, а с 1900 г. был избран председателем учебного отдела. Будучи сотрудником комиссии, Моравский принял участие в издании задуманной Виноградовым «Книги для чтения по истории средних веков» (М., 1896. Вып. 1; 1897. Вып. 2; 1899. Вып. 3, 4) и написал для нее две статьи⁴. Им были также разработаны программа университетского курса по истории средних веков и часть программы курса средней школы по всеобщей истории для «подготовительного курса». Спустя многие годы Н. М. Дружинин отметил неоценимую помощь, которую оказали программы комиссии домашнего чтения в его самостоятельных занятиях на историко-филологическом факультете Московского университета: «При этом я широко пользовался „Программами домашнего чтения“ — этой своеобразной попыткой прогрессивных деятелей Русского технического общества создать новую форму демократического заочного университета. Рекомендации и проверочные вопросы этого издания очень помогали моим самостоятельным занятиям и до и во время университетского курса»⁵.

В 1900 г. Моравский был избран председателем исторического отделения Педагогического общества при Московском университете (на этом посту ранее состояли П. Г. Виноградов и Р. Ю. Виппер), но в 1904 г. обстоятельства заставили его отказаться от непосредственного руководства делами отделения (председателем стал М. Н. Покровский).

Первая русская революция 1905—1907 гг. очень остро поставила вопрос о школьной реформе на демократических началах, о всеобщем образовании. В 1905 г. Моравский организовал комиссию по выработке проекта организации нового типа средней школы при Московской городской думе. Целью комиссии было пробить тот тупик, который создавался наличием в системе школьного образования так называемых «городских училищ». В комиссию он привлек около 80 лучших специалистов по всем предметам, преподававшимся в средней школе. Среди них — А. А. Бор-

² Имп. Академия наук, 1889—1914: Материалы для биографического словаря... С. 296.

³ Киевская старина. 1891. № 9. С. 427—454; № 10. С. 22—57.

⁴ Моравский С. П. Древние германцы до великого переселения народов; *Он же*. Французские города в средние века // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. М., 1896. Вып. 1. С. 1—37; 1897. Вып. 2. С. 92—132.

⁵ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979. С. 10—11.

зов, Н. А. Иванцов, А. Н. Реформатский, П. Н. Сакулин и др. Под непосредственным руководством Моравского выработали устав новой средней «школы 2-й ступени» и подробные программы отдельных предметов. Новая школа была доступна детям рабочих, давая им возможность получить законченное среднее образование⁶. В 1907 г. Моравский согласился принять пост директора мужской гимназии в Ростове Великом, открывавшейся на средства, завещанные городу одним из его уроженцев. Как директор, он получил право самому подбирать преподавателей. Им были приглашены высококвалифицированные, талантливые и прогрессивные педагоги; в гимназии создалась обстановка, не имевшая себе равных ни в одном из учебных заведений. Революционно настроенные педагоги могли вести среди учащихся старших классов пропаганду марксизма. Кружок по изучению марксизма вел Е. А. Мороховец.

После Великой Октябрьской социалистической революции преподавательская деятельность Моравского значительно расширилась. С 1918 по 1923 г. он заведовал ростовской единой трудовой школой 2-й ступени № 2 (бывшая мужская гимназия), преподавал всеобщую историю и конституцию в школах, в педагогическом техникуме, на пролеткурсах, на рабфаке, в Ростовском отделении Московского археологического института. В этот период он вел и большую общественную работу, был членом коллегии уездного отдела народного образования, председателем комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей и по ликвидации неграмотности, а также членом Ростовского горсовета. В конце 1923 г. из-за болезни Моравский вынужден был оставить педагогическую деятельность и переехать в Москву. Здесь с 1923 по 1939 г. он сотрудничал в журналах «Вестник НКПС», «Международная летопись», «Экономическое обозрение» и других, работал экономистом в Госплане СССР и Госторге РСФСР, старшим научным сотрудником Международного аграрного института, Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии (ВАСХБ). В 1939—1941 гг. занимался в ФБОН АН СССР аннотированием книг исторической проблематики на русском и иностранных языках. В эти же годы Моравский продолжал вести и научно-исследовательскую работу. Им в сотрудничестве с А. И. Неусыхиним был составлен отдел о древних германцах для вузовского пособия «История в источниках. Социальная история средневековья» (под ред. А. Д. Удальцова, М., 1927), подготовленного РАНИОН. Моравский участвовал также в подготовке исторических документов для сборника «Древние германцы» (в серии «Документы и материалы по всеобщей истории») в сотрудничестве с Б. Н. Граковым и А. И. Неусыхиним, под редакцией А. Д. Удальцова (М., 1937). Совместно с А. И. Неусыхиним подготовил раздел «Древние германцы» в «Хрестоматии по истории средних веков», под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина (М., 1939. Т. 1). В 1939 г. он был приглашен Институтом истории АН СССР для работы над изданием «Всемирной истории».

С. П. Моравский скончался 22 февраля 1942 г. в эвакуации в Ярославской области. Некрологов о нем не было опубликовано. Своего рода некрологами стали письма, присланные его семье. Вот несколько выдержек: «Глубоко потрясен смертью любимого Сергея Павловича; с тех пор как я лишился отца, Сергей Павлович как бы заменил мне его, да и сам он любил меня как отец родной» (А. И. Неусыхин, 12 марта 1942). «Я от всей души любил Сергея Павловича. Это был человек самый чудесный душевно и исключительно талантливый интеллектуально» (К. Р. Симон, 19 июня 1942 г.). «Умер редкий умнейший человек с большим сердцем» (Б. П. Ильин, 21 июля 1942 г.). «Всегда высоко ценил его доброжелательность, такт и готовность помочь человеку» (В. В. Казанцев, 28 августа 1942 г.).

⁶ Кроме того, в 1906 г. по инициативе учебного отдела ОРТЗ был организован Московский отдел «Лиги образования», который вел борьбу за широкую и радикальную реформу и в котором Моравский возглавил секцию средней школы; но через год отдел, признанный «неблагонадежным», был закрыт.

Личный архив С. П. Моравского поступил в ААН в сентябре 1985 г. (Ф. № 1830). Он включает около 300 ед. хр. за период с 1866 по 1980 г.⁷ Материалы фонда не только полно освещают творческий путь ученого и педагога, но и содержат ценные сведения по истории исторической науки и преподавания исторических дисциплин в конце XIX—начале XX в., о деятельности тогдашней профессуры, о состоянии и развитии общественных наук в этот сложный и длительный период. Фонд включает научные труды и материалы к ним, биографические документы, переписку, фотодокументы, отзывы о Моравском и его работах.

Из научного наследия Моравского сохранились рукописи как неопубликованных, так и опубликованных работ. Среди неопубликованных в фонде имеется курс его лекций по всеобщей истории (28 лекций и тезисы к ним), переписанных женой — О. П. Моравской (начало 90-х годов XIX в., 55 л.). Статьи об историках П. Г. Виноградове (начало 90-х годов XIX в. Автограф. 4 л.) и В. О. Ключевском (не позднее 1900 г. Автограф. 4 л.), видимо, предназначались для энциклопедических словарей. В находящемся в фонде списке научных трудов, составленном самим ученым, значатся 47 опубликованных работ. Материалы фонда показывают, что ему принадлежало их свыше 100. Часть из них представлена в архиве рукописными и машинописными вариантами работ, которые публиковались не полностью. Многие исследования упоминаются в письмах многочисленных корреспондентов Моравского, в его редакционно-издательской переписке. Сохранились рукописные фрагменты первой печатной работы ученого о Ф. Лисовском, а также выписки из неизданных документов бывшей Малороссийской коллегии, хранившихся в МГАМИД и положенных в основу статьи (1891 г. Автограф. 245 л.). Другие исследования посвящены истории возникновения и развития западноевропейского феодализма. По этой теме есть автографы опубликованных статей «Карл V. Германский император», «Коммуны (средневековые французские города)»⁸, лекции «Средневековый идеалист (Людовик IX Святой)»⁹, прочитанной в Историческом музее в 1899 г., а также рецензии на учебник всеобщей истории под редакцией П. Г. Виноградова¹⁰.

Привлекают внимание автографы неопубликованных работ научно-педагогического характера: неоконченной статьи «История как предмет преподавания» (начало 900-х годов, 3 л.), двух докладов без авторских заголовков о преподавании истории в младших классах средней школы (1903 г., 15 л.) и в старших классах средних учебных заведений (начало 900-х годов, 21 л.). В них Моравский выступает как талантливый педагог-исследователь, подвергает резкой критике официальную точку зрения на преподавание истории в школах царской России: в учебниках и программах она излагалась как история войн, царей, как собрание преданий и исторических анекдотов с часто тенденциозным освещением многих фактов и событий. Для Моравского, как видно из его работ, главная задача заключалась в развитии исторического мышления учащихся. Важнейшее место он отводил учебникам и учебным пособиям, которые должны быть яркими и доступными по изложению, свободными от второстепенных фактов, понятий, от не в меру усложненного материала, написанного на основе последних данных исторической науки. В этих работах он впервые ввел в научный оборот понятие «обществоведение». Большой интерес представляют разработанные им в 900-е годы программы курсов отечественной истории, всеобщей истории, истории средних веков с объяснительными записками и обзорами источников ли-

⁷ Первичная обработка материалов была проведена дочерью ученого Александрой Сергеевной Моравской, что оказало большую помощь в составлении данного обзора.

⁸ Энцикл. словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз, А. И. Ефрон. СПб., 1895. Т. 28. С. 527—530; Т. 30. С. 887—889.

⁹ Журнал для всех. 1899. № 10. С. 1237—1248; № 11. С. 1327—1340; № 12. С. 1471—1488; *Моравский С. П. Средневековый идеалист (Людовик IX)*. М., 1902. 56 с.

¹⁰ Рус. ведомости. 1894. № 138. С. 4.

тературы. Сохранились автографы: «Программы комиссии домашнего чтения» (39 л.), «Древняя история» (15 л.), «Средние века. V класс» (30 л.), «Русская история» (9 л.), «Объяснительная записка к программам курсов истории в VIII классе для учениц, выбравших себе этот предмет как специальность» (3 л.).

Документы фонда отражают еще одну важную сторону деятельности Моравского — переводчика научных трудов и научно-популярной литературы. Сохранились подготовленные в конце 1930-х — начале 1940-х годов, но так и не изданные переводы монографий Л. Альфана «Барвары» из серии «Народы и цивилизации» (*Halphen L. Les barbares. Des grandes invasions aux conquêtes turques du XI-e siècle. 2-me éd. P., 1930. 435 p. Автограф. 5 тетр. 131 л. и корректура. 322 с.*), Ж. Вейля «Пробуждение национальностей и либеральное движение (1815—1848)» из той же серии (*Weill G. L'Éveil des nationalités et le mouvement libéral (1815—1848). P., 1930. 592 p. Машинопись. 891 л.*). Имеется также перевод первой части монографии А. Допша «Развитие хозяйства в эпоху Каролингов, преимущественно в Германии» (*Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland. Weimar, 1912—1913. Bd. 1, 2. Автограф. 1 тетр. 18 л.*) и предисловие к ней, написанное неустановленным лицом, с многочисленными добавлениями и правками Моравского (Автограф. 3 л.).

Сохранились перевод трех частей мемуаров М. Ж. Ролан де ла Платьер (*M-me Roland. Mémoires. P., 1905. Vol. 1, 2. Автограф. 175 л.*) и примечания к ним, составленные Моравским. Обширны материалы перевода монографии Г. Кунова «Всеобщая история хозяйства» (*Cunow G. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte. B., 1926—1929. Bd. 1—3. Гл. V—IX из 2-го т. Автограф. 62 л. Машинопись. 25 л. Гл. XII—XIV из 3-го т. Автограф. 64 л. и авторизованная машинопись. 72 л.*). Особого внимания заслуживает перевод труда Ш. Сеньбоса «Политическая история современной Европы» (*Seignobos Ch. Histoire politique de l'Europe contemporaine. Evolution des partis et des formes politiques. Nouv. ed. P., 1924—1926. Vol. 1—2. Гл. XIII—XIV из 1-го т. Автограф. 23 тетр. 667 л. и авторизованная машинопись. 629 л.*).

Сохранились автографы опубликованных переводов монографий Ш. Пти-Дютайи «Феодальная монархия во Франции и Англии X—XIII вв.» (М., 1938) (в фонде имеется экземпляр этой книги с пометами Моравского), М. М. Ковалевского «Происхождение семьи и собственности» (М., 1939).

Особую группу составляют 25 статей библиографического характера (автографы и машинописные варианты). Они представляют собой обзоры книг и брошюр, вышедших в СССР с 1924 по 1931 г. и освещают экономическую политику страны на мировом рынке. Статьи и обзоры литературы были опубликованы в журнале «Советская торговля» и «Ежегоднике аграрной литературы СССР».

Из биографических документов интересны три варианта автобиографии «*Curriculum vitae*» и списков трудов (автографы), составленные Моравским в 1934—1935 гг. в связи с оформлением академической пенсии. В фонде хранятся подлинники извещений об избрании его действительным членом Исторического общества при Петербургском университете (1891 г.), Археографической комиссии Московского археологического общества (1896 г.), Московского юридического общества (1897 г.), Педагогического общества при Московском университете (1898 г.), Общества распространения технических знаний в России (1900 г.).

Среди документов о научно-организационной и общественной деятельности внимание историков могут привлечь извещения и программы заседаний отделения преподавателей истории Педагогического общества, исторической группы и ряда комиссий учебного отдела ОРТЗ (1903—1904), две записные книжки с записями о деятельности Педагогического общества и учебного отдела (1900—1907 гг.), а также выписки из протоколов заседаний отделения преподавателей истории Педагогического об-

щества об изменении устава отделения (1902—1904 гг.). Из этих документов видно, что одной из форм участия историков в просветительской деятельности обществ было выступление с публичными лекциями по вопросам отечественной и всеобщей истории. Так, в 1903—1904 гг. на заседаниях были прочитаны лекции А. К. Дживелеговым «Братья Гракхи», А. А. Кизеветтером «Протопоп Аввакум» и «Посадская община в России XVIII в.», М. К. Любавским «Изложение истории Литвы и Западной Руси с 1337 по 1492 гг.». Темы многих лекций затрагивали и вопросы исторического образования: «„Чтения по русской истории для народа“ В. Назаревского» (Н. А. Гейнике); «Доклад об учебнике г-жи Щепкиной „Краткий очерк русской истории“» (М. М. Ковалевский); «История русской духовной культуры в преподавании средней школы» (М. К. Любавский); «Доклад о программе „История Англии в средние века“» (Д. М. Петрушевский) и др.

В материалах о научной и научно-организационной деятельности Моравского интересны письма заведующего кафедрой средних веков МГУ Е. А. Косминского с просьбой дать отзывы о переводе гуситских хроник, выполненных, вероятно, З. Неядлы (1940 г.); бюро Главной редакционной комиссии «Всемирной истории» о подготовке библиографии, составлении хронологических и синхронистических таблиц, подборе рисунков для I и V т. «Всемирной истории» (1941 г.).

Важные сведения о педагогической деятельности содержат отчет Моравского о работе Ростовской гимназии за 1907—1908 гг. (Автограф. 1909 г.), объяснительная записка к «Городской смете по содержанию гимназии в 1916 г.» (Автограф. 1916 г.), доклад на съезде народного образования об организации Трудовой школы в Ростове (Автограф. 1919 г.), проект устава товарищеского суда 2-й советской школы 2-й ступени (Автограф. Машинопись. Не позднее 1922 г.).

Самый крупный комплекс материалов в фонде составляет переписка. Среди корреспондентов Моравского — многие видные ученые, известные общественные деятели, литераторы конца XIX — первой половины XX в.: А. А. Борзов (1918 г., 2 письма), П. Г. Виноградов (1889—1904 гг., 28 писем), Р. Ю. Вишпер (1882—1900 гг., 14 писем), М. О. Гершензон (1898—1920 гг., 9 писем), В. И. Герве (1901—1903 гг., 8 писем), Ю. В. Готье (1902—1904 гг., 5 писем), В. Э. Грабарь (1933—1956 гг., 5 писем), А. К. Дживелегов (1900 г., 3 письма), В. В. Каллаш (1890—1916 гг., 10 писем), Н. И. Кареев (1893 г., 2 письма), А. А. Кизеветтер (1895—1903 гг., 13 писем), М. Н. Коваленский (1899—1913 гг., 8 писем), М. К. Любавский (1895—1902 гг., 3 письма), Г. А. Мачтет (1872—1890 гг., 2 письма), С. П. Мельгунов (1899—1900 гг., 9 писем), В. Ф. Миллер (1883 г., 1 письмо), Е. А. Мороховец (1918—1935 гг., 16 писем), А. И. Неусыхин (1919—1942 гг., 27 писем), Д. М. Петрушевский (1889—1942 гг., 49 писем), В. И. Пичета (1921 г., 1 письмо), М. Н. Покровский (1894 г.—1920-е годы, 34 письма), В. П. Потемкин (1899—1903 гг., 4 письма), А. Н. Сперанский (1918—1930 гг., 5 писем), Б. Е. Сыроечковский (1942 г., 4 письма), В. Е. Сыроечковский (1909—1934 гг., 2 письма), Н. Г. Тарасов (1898—1913 гг., 12 писем), А. А. Титов (1907 г., 12 писем), Д. Н. Ушаков (1904—1923 гг., 4 письма), М. М. Хвостов (1897—1907 гг., 9 писем), и др. Фонд включает также и письма В. Э. Грабаря (1942—1956 гг., 20 писем), М. Е. Грабарь-Пассек (1953—1957 гг., 6 писем), Д. Д. Иванова (1942—1943 гг., 4 письма), А. И. Неусыхина (1942—1962 гг., 18 писем), адресованные членам семьи: жене Е. И. Моравской и дочерям Софье и Александре. Эти письма дополняют наши представления о жизни и творчестве как самого Моравского, так и их авторов. Значительное число корреспондентов — выпускники Ростовской мужской гимназии, московских гимназий и училищ.

Большая часть писем носит характер деловой переписки, касающейся подготовки заседаний многочисленных комиссий и обществ, организации лекций, докладов, разработки программ и т. п. Письма свидетельству-

ют об участии в научно-просветительской деятельности широкого круга известных ученых-историков; рассказывают об обществах, явившихся коллективной формой работы историков, любителей истории и педагогов над учебной литературой, наглядными пособиями, программами по отечественной и всеобщей истории. Как видно из многочисленных писем преподавателей воскресных школ, начальных училищ, гимназий, все это содействовало подъему общей культуры и просвещения. Письма Р. Ю. Виппера, А. К. Дживелегова, М. Н. Коваленского, Е. А. Багровой и других активных членов обществ существенно дополняют данные о просветительской деятельности в России. Так, в 1900 г., после 30 лет очень плодотворной деятельности, учебный отдел ОРТЗ переживал кризис, работа находилась в полном застое. Моравскому удалось снова превратить эту организацию в одно из крупнейших просветительских обществ в России, направив деятельность учебного отдела в русло внешкольного просвещения. Был создан целый ряд новых комиссий: наглядных пособий (с музеем наглядных пособий и фондом теневых картин); по вопросам народного образования; по организации средних и низших школ, по техническому и профессиональному образованию; по законоведению и др. Комиссии создавали и обслуживали рабочие курсы, воскресные школы, начальные городские училища, организовывали публичные лекции. Письма А. А. Кизеветтера, М. К. Любавского, Н. Г. Тарасова за 1903—1904 гг. отразили работу в комиссии по изданию популярных учебных пособий «Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы в IV—XVIII вв.» (М., 1903) и «Русская история в картинах» (М., 1904).

Особого внимания заслуживают письма Д. М. Петрушевского. Они содержат развернутую характеристику научной, общественной и педагогической деятельности Моравского, подробно рассказывают о ходе работы Петрушевского над диссертацией «Восстание Уота Тайлера»; «А хотелось бы написать хорошую книгу,— пишет Петрушевский Моравскому 21.XII. 1889 г. из Лондона.— Может быть я ставлю себе очень уж широкую задачу, имея в виду *философски* (подчеркнуто автором.— Е. Е.) осветить восстание 1381-го г., представить его как проявление (вспомните [неразборчиво 1 слово.— Е. Е.] действия всех элементов разлагающегося феодального строя». Письма также дают интересные сведения о профессорско-преподавательской и студенческой среде исторических факультетов Московского, Киевского и Варшавского университетов. Письма Петрушевского к самому Моравскому и его семье, как и письма Е. А. Мороховца, А. И. Неусыхина, Б. Е. Сыроечковского, В. Е. Сыроечковского и других,— ценные документы о научной и педагогической деятельности советских историков в 1920—1940-х годах. В них нашли отражение и многие интересные факты о работе в один из самых сложных и тяжелых периодов — в период эвакуации в Казань, Томск, Алматы во время Великой Отечественной войны. Многие письма посвящены музыке. Моравский играл на скрипке, принимал участие как в домашнем музицировании, так и в концертах, о чем свидетельствуют письма Э. Г. и Е. Г. Беккер (1903 г., 4 письма), семьи Гольденвейзер (1893—1904 гг., 8 писем) и др.

В фонде имеются фотографии за 1867—1940-е годы, индивидуальные и групповые. Интересны фотографии выпускников коллегии П. Галагана (1884 и 1885 гг.) и университетских семинаров П. Г. Виноградова и В. И. Герье (1889—1900 гг.), альбом Ростовской гимназии (1912—1913). Из материалов других лиц сохранился текст лекции П. Г. Виноградова «Ив. Вас. Киреевский и начало московского славянофильства», записанной Моравским на публичном ее прочтении в Историческом музее (Б. д. Автограф. 11 л.).

Значительное место в фонде занимают отзывы о научной и педагогической деятельности Моравского, принадлежащие перу Р. Ю. Виппера, В. П. Волгина, В. Э. Грабаря, И. Э. Грабаря, Б. Д. Грекова, Н. М. Дружинина, Е. М. Жукова, Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина.

Д. М. Петрушевского, С. Д. Сказкина, А. Н. Сперанского, Н. Г. Тарасова и др. (1934—1980 гг.). Написанные по разным поводам, они отдавали должное трудам «известного деятеля русского просвещения, крупного историка и педагога Сергея Павловича Моравского — инициатора ряда прогрессивных мероприятий в области народного просвещения».

Советская наука имела в лице С. П. Моравского выдающегося ученого и воспитателя научных кадров советских историков, многие из которых ведут и в настоящее время большую научно-исследовательскую и педагогическую работу» (Е. М. Жуков, 1979 г.).

В целом документы фонда содержат богатый материал по проблемам исторической науки, организации исторического образования, а также по истории русского общественного движения и общественной мысли конца XIX — начала XX в.

Е. И. Самгина

ФОНД И. А. ГОЛУБЦОВА В ОТДЕЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Иван Александрович Голубцов (1887—1966) — известный советский историк, архивист и картограф, доктор исторических наук, действительный член Географического общества СССР. В статьях о нем и некрологах изложена его биография, охарактеризована научная и творческая деятельность; напечатан список его опубликованных и частично неопубликованных работ¹.

Материалы Голубцова были переданы в ОПИ ГИМ его вдовой Т. А. Голубцовой в 1968 г. Они поступили в два отдела: письменных источников и научной картографии (последние в данном обзоре не рассматриваются). Будучи архивным работником, Голубцов скрупулезно собирал и тщательно хранил документы своей служебной, научной деятельности, в том числе и переписку. В ОПИ ГИМ фонд Голубцова (№ 504) насчитывает 387 ед. хр. (36 400 л.). Фонд содержит материалы трех столетий: от коллекции документов XVII в. до писем 1966 г. Его опись состоит из девяти разделов и включает биографические материалы (в том числе мемориальные), творческие рукописи (неопубликованные и опубликованные) и материалы к ним, документы общественной и служебной деятельности, научную переписку, коллекцию, документы родственников и других лиц.

Среди личных документов Голубцова сохранились свидетельства о рождении (1887), окончании гимназии (1905), Московского университета (1910), диплом о присуждении ученой степени доктора исторических наук (1963). Интересны охранный грамота на домашнюю библиотеку (1918) с подписью В. Я. Брюсова, трудовые и расчетные книжки (1920—1965), мандат на покупку книг для нужд сотрудников архивов (1919), извещение ОИДР об избрании действительным членом общества (1922), билет на I Всероссийскую конференцию архивных деятелей (1921), мандаты на I и II съезды архивных деятелей РСФСР (1925—1927), рекомендация Исторического музея о содействии в сборе документов для музея в государственных архивохранилищах, в частности в бывшем МАМЮ (1922), читательские билеты и пропуска в ГБЛ, ЦГАДА и дру-

¹ Черепнин Л. В. И. А. Голубцов — ученый и человек // АЕ за 1969 год. М., 1971; Валж С. Н. Иван Александрович Голубцов (1887—1966) // ВИД. Л., 1968. Вып. 1; Шаскольский И. П. Ценный вклад в нашу историческую картографию // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1956. № 1; 1967. № 99; Терехов Н. М. Картографические работы И. А. Голубцова // Материалы Моск. геогр. о-ва. 1970. Вып. 4; [Щапов Я. И.] Иван Александрович Голубцов (1887—1966) // АЕ за 1966 год. М., 1968.

гие учреждения (1926—1965), постановления Президиума АН СССР о присуждении премии коллективу авторов за работу «История Москвы» (1954). Сохранились документы, связанные с подготовкой защиты диссертации, ее автореферат и отзывы М. Н. Тихомирова, С. Н. Валка, Н. В. Устюгова, Н. М. Дружинина и И. И. Смирнова (1963).

Из мемориальных документов имеются тексты некрологов, отклики на смерть Голубцова, тексты выступлений на заседании Географического общества, посвященном его памяти и 90-летию со дня рождения (1977).

Ряд документов освещают общественную работу ученого. Так, в годы Великой Отечественной войны он возглавлял пожарную команду от 42-го отделения милиции г. Москвы. Сохранились списки жильцов домов № 13, 15 по Zubовскому бульвару за 1942—1944 г. Одновременно он занимался распределением индивидуальных земельных участков под огороды сотрудникам Института истории, был председателем огородной комиссии с 1942 по 1953 г. В фонде находим списки пайщиков, сведения о сборе картофеля.

Собственно исторические труды представлены в первую очередь студенческими работами (Ед. хр. 8. Д. 14, 16), в том числе выпускным сочинением «Повинности крепостного населения в помещичьих великороссийских имениях за первую половину XIX в.» (Автограф и 2 экз. машинописи 1909—1910 гг. 93 л.) с одобрительными оценками М. К. Любавского и М. М. Богословского, автографами курсовых работ «Сравнение известий начальной летописи и Киево-Печерского патерика» (1906. 5 л.), «Заметки при чтении Ипатьевской летописи» (1906. 69 л.), «К вопросу происхождения Русской Правды» (1912. 51 л.).

Сохранились автографы докладов, сделанных Голубцовым в ГИМ (Ед. хр. 9, 10, 12, 16): «Описи имущества Строгановых в их Сольвычегодских дворах 1627 и 1686 гг. как исторический источник» (1922. 12 л.), «О путях поездов в Данию Петра Марселиса в 1641—1642 гг.» (1925. 30 л.), а также прочитанных в ОИДР: «К вопросу о колыбях» (1925. 30 л.) и «Опись архива Посольского приказа 1626 г. как исторический источник» — этот доклад читался к 300-летию создания «Описи» (1927. 48 л.). С. О. Шмидт, ссылаясь на работу Голубцова, отмечает его как одного из первых ученых, работавших над «Описью»². В виде автографов в фонде имеются также неопубликованные статьи (Ед. хр. 12, 52): «Путеводитель по II отделу Древлехранилища» (1925. 53 л.) и «Возникновение архива Красной Армии», написанная к 10-летию РККА (1928. 28 л.).

Заслуживают внимания подготовленные, но неопубликованные работы (Ед. хр. 35—44): «Книга для чтения по истории СССР для VIII класса средней школы» (Машинопись с правой автор. 1939. 674 л.), а также «Аннотированный указатель литературы и источников по истории, этнографии, археологии и антропологии народов среднего и нижнего Поволжья (волжских булгар, татар, башкир, мари, мордвы, удмуртов, бесермен и калмыков с древнейших времен до 1700 г.» (1938—1941. Автограф. 1000 л.). Здесь же хранятся отзывы на указатель С. К. Богоявленского и Е. А. Мороховца. Этот труд, положительно оцененный Л. В. Черепнинным³, по-видимому, не утратил значения до сих пор.

В годы войны в тяжелых условиях Голубцов подготовил по своей схеме «Хрестоматию по дипломатике. Формы актов Московского государства в XIV—XVII вв.» (Ед. хр. 45—47. Автограф. 1943—1944. 717 л.). Копировали акты дочери О. и Е. Голубцовы под его руководством из печатных изданий: «Грамоты Коллегии экономии», «Акты Археографической экспедиции» и др. Эти книги были в его личной библиотеке⁴.

Долгие годы он занимался подготовкой к изданию хранящейся в его коллекции «Разрядной книги за 1339—1569 гг.», составленной, судя по скорописи, в XVII в. (из собрания Е. Е. Голубинского). Он скопировал

² Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984.

³ Черепнин Л. В. Предисловие // Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Саранск. 1941. С. 4.

⁴ Научная библиотека Голубцова поступила в 1968 г. в ГПНТБ СО АН.

книгу, определил водяные знаки бумаги (Автограф. 1955—1963. 66 л.).

Материалы фонда отражают многообразие и широту исторических интересов ученого. Работая в Центрархиве РСФСР, Голубцов задумал большую работу «История зеркального завода в Москве при Петре Великом 1703—1710 гг.». Сохранились лишь библиография, картотека и выписи из документов (Ед. хр. 13. Автограф. 1926—1927). В предвоенные годы он начал собирать материал о Москве к ее 800-летию. Имеются выписи из разных источников, в том числе летописных, с первым упоминанием о Москве. Были подготовлены отдельные статьи: «Кремль в Москве», «Москва в 1812 г.», «Москва Пушкинской эпохи», «Москва в борьбе русского народа против иноземных интервентов», список предполагаемых иллюстраций, сделанный П. Н. Киселевым (Автографы и машинопись. 1939—1946. 87 л.). К материалам о Москве Голубцов возвращался в связи с подготовкой им карт и планов к многотомной «Истории Москвы» (М., 1954. Т. 1). Хранятся в фонде не вошедшие в это издание «План Москвы XVI в.» (Автограф. 1951), выполненный на кальке, замечания к плану, описания Кремля и Белого города (Ед. хр. 28—30).

Об интересе ученого к русскому народному творчеству, связанному с историей Российского государства, свидетельствуют подготовленная им библиография и копия рукописи «Былины о семи богатырях» (из собрания Барсова, ОР ГИМ), сделанная в 1938—1939 гг. Историко-географическим сюжетам посвящены работа по топонимике «О происхождении названия «Тверь» (Выписи, автограф неоконченной статьи. 1940. 306 л.), многочисленные копии документов, сделанные в ЦГАДА для предполагавшегося сборника документов «Материалы по истории Камчатки в первой половине XVIII в.» (Автограф. 1942—1944. 110 л.). В 1963 г. на заседании Археографической комиссии Голубцовым был прочитан доклад «Древнейший план Ладogi и Приладожья конца XVI—XVIII вв.». Сохранились автограф плана на кальке, картотека географических названий, библиография, выписи из документов (Ед. хр. 31—32).

Архивоведческой тематике посвящены сделанные Голубцовым переводы с французского языка следующих работ: «Положение о Главном государственном архиве Бельгии», «Реорганизация архивов Франции» И. Кювелье, «Закон, декреты, постановления, положения и инструкции о департаментских архивах Франции» (Les Archives Générales du Royaume. Organisation. Reuglement. Bruxelles, 1922; *Cuvelier I. La réorganisation des archives en France // Revue des Bibliothèques et Archives en Belgique, 1922; Loi, decrets, arrêtés, règlements et instructions concernant la service dans les archives departmentales. Melun, 1922.*— Ед. хр. 48, машинопись, 1927, 183 л.).

О тщательности, глубине и кропотливости работы Голубцова свидетельствует большое число выписок, сделанных им в 1923—1927 гг. из документов, хранившихся в бывших МГАМИД и МАМЮ: почтовых и монастырских дел, копийных книг фонда Грамот Коллегии экономии и приходо-расходных книг Чудова монастыря, из разных документов по Новгороду, Устюгу и др. Общий объем этого автографического материала более 1000 л.

В фонде выделен раздел документов, характеризующих служебную деятельность Голубцова. Они отражают работу в архивных учреждениях с 1914 по 1930 г., преподавательскую деятельность по русской истории и вспомогательным историческим дисциплинам в 1912—1929 гг., работу в качестве составителя карт, впоследствии редактора и консультанта в 1934—1966 гг., работу в качестве научного сотрудника в секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР в 1946—1965 гг.

Архивная деятельность Голубцова началась в 1914 г. в МГАМИД с разбора документов XVII в. Прерванная службой в армии, она возобновилась в начале 1918 г. в том же архиве. Затем Голубцов непосредственно участвовал в создании Архива Красной Армии, работал в Архиве народного хозяйства, культуры и быта, а с 1927 до 1930 г. был архивистом-консультантом в Управлении Центрархива РСФСР. Документы

фонда в определенной мере отражают ту большую работу, которая велась молодой Советской Республикой по упорядочению архивного дела, перестройке архивов, их концентрации, особенно после ленинского декрета от 1 июня 1918 г. Вопросы описания документов, составления указателей, приема материалов в архивы, порядок их инвентаризации обсуждались в Управлении Центрархива РСФСР и нашли отражение в материалах фонда. Сохранились детально разработанные Голубцовым планы работ центральных архивохранилищ за 1926—1933 гг. с подробным изложением всего объема работ, информационно-статистическими сведениями к планам (Ед. хр. 154—159), формы отчетов, таблицы распределения времени по видам работ, а также отчеты о проделанной работе, в том числе по 1-му отделению Госархива РСФСР за 1923—1924 гг., центральным архивохранилищам, а также личные отчеты Голубцова о работе в Центрархиве РСФСР за 1927—1930 гг. (Ед. хр. 161—165. Автографы). В фонде представлены автографы различных инструкций (1923—1930), касающихся ведения и учета работ в центральных архивохранилищах, научно-технической обработки фондов, правил описания документов, порядка хранения и уничтожения оконченных дел в подведомственных учреждениях (Ед. хр. 132—143).

Внимания заслуживают докладные и служебные записки Голубцова (1927—1930) о составлении тематических каталогов или указателей к делам и документам, «практически полезным в хозяйственном строительстве страны» (Ед. хр. 153. Л. 47), о выделении дел по истории пролетариата и составлении картотеки на их материалы (Ед. хр. 168), о состоянии Архива народного хозяйства, культуры и быта, его разгрузки и ликвидации (Ед. хр. 141), о схеме организации аппарата Управления Центрархива РСФСР (Ед. хр. 132), а также об условиях работы архивного сотрудника и заботе о них (1923. Ед. хр. 143).

В 1925—1927 гг. Голубцов принимал участие в работе терминологической комиссии Центрархива РСФСР. Сохранились протокол ее заседания от 28 августа 1925 г., проекты определения Голубцовым архивных терминов «дело», «архивный разряд», «архив» и замечания на термин «отход» (Ед. хр. 166. Автографы). Подготовку к переизданию «Руководства по приему, разработке и перемещению и описанию архивных материалов» (М., 1922) освещают выписка из протокола решения коллегии Центрархива РСФСР от 17 марта 1928 г. и договор его редакционно-издательского отдела с Голубцовым от 9 апреля 1928 г. (Ед. хр. 176).

Материалы фонда отражают активное участие Голубцова в работе I Всесоюзной конференции (1921) и I и II съездов архивных деятелей РСФСР (1925, 1929. Ед. хр. 169). Имеется письмо Центрархива РСФСР с предложением выступить с докладом на I съезде на тему «Центральные архивы и архивы действующих учреждений». Доклад был заслушан в числе основных по вопросам архивного строительства, сохранилась резолюция по нему от 9 марта 1925 г. Представляют интерес выпущенные Центрархивом в дни работы съездов бюллетени с подробной информацией о заседаниях и сделанных докладах (Стеклограф).

В 1927 г. в связи с празднованием 10-летнего юбилея Октябрьской революции Центрархивом была организована документальная выставка. Сохранились составленный Голубцовым проект инструкции по выставке «История делопроизводства XVII—XIX вв.» (Автограф), подробный перечень необходимых документов и экспонатов с упоминанием их местонахождения (большинство экспонатов из Исторического музея). В этом же году Голубцов получил приглашение от Центральных российских реставрационных мастерских принять участие в совещании научно-консультативного музейного отдела Главнауки по охране, реставрации памятников искусства. В фонде находится протокол совещания от 29 декабря 1927 г. с автографом И. Э. Грабаря.

В состав фонда входит обширный материал по созданию и организации Архива Красной Армии, куда Голубцов был переведен в 1925 г. Его служебные докладные записки говорят о разбросанности архивохра-

нилищ Красной Армии, об их составе и возможных путях их концентрации, о содержании документов бывшего военного ведомства, сборе документов бывших фронтов первой мировой и гражданской войн, приведении в порядок материалов архива. Представляют интерес ведомость ориентировочных расходов, формы справок по архивным фондам, справка о Лефортовском архиве, докладная записка по поводу предварительного проекта нового здания Архива Красной Армии (Автографы. 1925—1928. Ед. хр. 178—181).

В первые послереволюционные годы в стране развернулась работа по обучению архивному делу молодых кадров. В 1918—1929 гг. при Центральном архиве РСФСР действовали краткосрочные и годичные курсы, где Голубцов был не только преподавателем вспомогательных исторических дисциплин, но и секретарем. Сохранились: его записка о создании в Москве краткосрочных архивных курсов, протоколы заседаний приемных комиссий, зафиксировавшие число и состав принятых слушателей, их списки и анкеты, расписания занятий, экзаменов, учебные планы и программы, инструкция по проведению производственной практики, ведомости посещаемости, отчеты о деятельности курсов и о работе Голубцова (Автографы. Машинопись. Ед. хр. 116—121). Имеются две фотографии слушателей курсов 1929—1930 гг., среди преподавателей — В. Д. Вишневецкий, И. А. Голубцов, М. К. Любавский, В. В. Максакон и др.

Преподавательская деятельность Голубцова в 1912—1918 гг. (с перерывом в связи со службой в армии) отразилась и в небольшом комплексе документов Высших женских курсов, учрежденных Полторацкой. Это записи тематики рефератов и их оценок, списки слушательниц, их письма, различные объявления, названия семинаров по русской истории.

Обширна деловая переписка Голубцова с Главным управлением геодезии и картографии, Издательством Академии наук СССР, Учпедгизом, Госполитиздатом, редакциями БСЭ и «Морского атласа». Она посвящена его работе по составлению исторических карт и атласов к школьным учебникам по истории СССР под редакцией А. М. Панкратовой (М., 1938—1940. 1, 2-е изд.), к вузовским учебникам — под редакцией М. В. Нечкиной (М., 1938—1956. 1—3-е изд.), под редакцией В. И. Лебедева и М. Н. Тихомирова (М., 1939—1949. 1—3-е изд.), к многотомным изданиям «Очерков по истории СССР» (М., 1953—1956. Т. 3, 4, 6, 7), «Истории Москвы» (М., 1952. Т. 1), «Всемирной истории» (М., 1953—1955. Т. 1—4). Голубцов разработал свой метод составления исторических карт. Подготовленные им карты стали неотъемлемой частью многих монографических трудов, в том числе К. В. Базилевича, В. Т. Пашуто, Е. И. Индовой.

С 1946 г., работая в секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР, Голубцов входил в состав группы по изданию актового материала, возглавляемой академиком С. Б. Веселовским. Материалы, отражающие подготовку издания трех томов АСЭИ, составляют значительную часть фонда по объему и охватывают почти двадцатилетний период (1946—1964). Это составленные С. Н. Валком и И. А. Голубцовым проекты общих правил издания документов, рабочая инструкция о пунктуации в текстах, а также черновые заметки Веселовского, его предисловие и примечания к 1-му тому, не вошедшие в него (Автографы и машинопись. 118 л.). Сохранились автографы и машинописные оригиналы всех трех томов АСЭИ, учетные списки к ним, подготовительные материалы, пояснительные примечания и фотографии актов, которые не вошли в издание (Ед. хр. 85—106).

Большую ценность представляет раздел научной переписки Голубцова с историками, географами, архивистами. Переписка насчитывает около 800 писем от 140 корреспондентов (Ед. хр. 212—234). Значительная часть ее касается вопросов издания актов. Так, ленинградские ученые («ленинградцы», как называл их Голубцов) были частыми корреспондентами: С. Н. Валк, Ю. Г. Алексеев, И. И. Смирнов, А. И. Копанев сообщали сведения о выявлении актов в архивах Ленинграда, давали советы

по уточнению датировки актов. Писем московских историков меньше, так как со многими из них Голубцов, связанный большой дружбой, часто встречался: с М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниним, В. К. Яцунским. Ученые высоко оценили работу Голубцова по изданию актов. В. Г. Гейман писал в 1964 г.: «Издаваемые акты мне хорошо известны, и я ценю их как образцовое в наше время археографическое издание» (Ед. хр. 216. Л. 16). В письме Валка (январь 1966 г.) говорилось: «Завершив издание А[ктов социально-экономической истории] С[еверо-] В[осточной] Р[уси] конца XIV — начала XVI в.), Вы создали труд, за который Вам будут признательны в течение многих десятилетий (а то и века) все историки. Это редкий подвиг, который можно было совершить только путем самоотверженной преданности делу» (Ед. хр. 214. Л. 10 об.). Копанев отмечал: «С Вашим превосходным по точности трудом за каждым актом видно кропотливое источниковедческое исследование» (Ед. хр. 220. Л. 20). Такие оценки содержатся во многих письмах.

Из более ранних необходимо отметить письма 1922—1928 гг. А. А. Введенского о печатании курса по дипломатике и местонахождении архива Строгановых, И. Э. Грабаря (1950) об оказании помощи в прочтении трудного почерка Петра I, Б. Т. Горянова из эвакуации (Ташкент, 1942) с просьбой сообщить о жизни военной Москвы и о делах московской группы Института истории. Горянов уехал из Москвы осенью 1941 г. с последним эшеленом. Среди бумаг Голубцова сохранилась черновая записка с описанием сборов и проводов сотрудников Института истории, отъезжавших с Казанского вокзала с этим эшеленом в эвакуацию 28 октября 1941 г. (Ед. хр. 210. Л. 2—4. По-видимому, записка написана была Голубцовым по памяти в 1943 г., так как в ней о П. Н. Миллере говорится как о «покойном»). Письма А. И. Андреева 1922—1954 гг. касаются вопросов археографии и издания актов. Наличие большого числа писем-записок от М. М. Зайцевой объясняется тем, что она работала долгое время секретарем сектора истории СССР периода феодализма и осуществляла связь Голубцова (работавшего дома, где не было телефона) с другими сотрудниками сектора и с издательствами. Голубцов очень бережно относился к письмам, часто на конвертах ставил дату их получения, иногда помечал дату ответа и кратко свое отношение к письму.

Корреспондентами И. А. Голубцова были: Ю. Г. Алексеев (35 писем, 1960—1966), А. И. Андреев (9 писем, 1922—1954), С. А. Белокуров (15 писем, 1912—1916), Н. Ф. Бельчиков (1 письмо, 1926), И. У. Будовниц (4 письма, 1949—1952), С. Н. Валк (7 писем, 1959—1966), А. А. Введенский (3 письма, 1922—1928), С. Б. Веселовский (2 письма, 1951—1953), В. Г. Гейман (1 письмо, 1964), П. И. Гольденберг (2 письма, 1963), Б. Т. Горянов (6 писем, 1942, 1963), В. Э. Грабарь (5 писем, 1947—1954), И. Э. Грабарь (4 письма, 1950), Н. М. Дружинин (1 письмо, 1964), М. М. Зайцева (60 писем, 1938—1965), А. И. Копанев (12 писем, 1962—1964), Е. Н. Кушева (31 письмо, 1946—1965), М. К. Любавский (3 письма, 1936), А. Г. Маньков (2 письма, 1963—1964), И. Л. Маяковский (1 письмо, 1946), А. Н. Насонов (3 письма, 1949—1954), М. В. Нечкина (5 писем, 1946—1964), Н. Е. Носов (22 письма, 1957—1966), В. Н. Панеях (2 письма, 1963), А. М. Панкратова (2 письма, 1938—1939), В. Т. Пашуто (10 писем, 1955—1965), Е. П. Подъяпольская (4 письма, 1946—1966), В. В. Покровский (2 письма, 1929, 1943), В. В. Покшишевский (1 письмо, 1963), В. Ф. Ржига (5 писем, 1942—1951), Т. И. Сабина (1 письмо, 1951), К. Н. Сербина (10 писем, 1950—1964), К. В. Сивков (15 писем, 1939—1951), И. И. Смирнов (58 писем, 1950—1965), А. В. Соколов (12 писем, 1953—1966), П. Н. Степанов (17 писем, 1952—1965), М. Н. Тихомиров (2 письма, 1949, 1964), Н. В. Устюгов (5 писем, 1928—1966), Л. В. Черепнин (4 письма, 1952—1963), И. П. Шаскольский (12 писем, 1954—1965), А. И. Яковлев (3 письма, 1936—1941), В. К. Яцунский (76 писем, 1940—1966) и др.

Уйдя на пенсию летом 1965 г., ученый составил записку о том, что ему предстоит сделать (Ед. хр. 210. Л. 7). В ней значится 16 наимено-

ваний работ: 7 статей, 4 публикации, 5 исследований. Из намеченного плана он успел подготовить одну статью «К истории слова „авось“», которая была опубликована в 1967 г.⁵ уже после его смерти.

Особый раздел в фонде составляет коллекция подлинных документов, собранная главным образом за время преподавания Голубцовым вспомогательных исторических дисциплин на архивных курсах. Многие слушатели дарили ему документы, на некоторых из них сохранились пометы, например: «подарено студентом Пылаевым». В коллекцию входят небольшие помещичьи архивы: Башмаковых — по владениям в Казанской губернии (документы за 1802—1818 гг.), Арсеньевых — по владениям в Тульской губернии (за 1714—1860 гг.), князей Репниных, владевших с. Матвеевским в Галицком уезде Костромской губернии (за 1727—1818 гг.), а также 130 писем за 1873—1875 гг. Тимофея Морозова к М. И. Дианову и многие другие документы (Ед. хр. 280—387).

В отдельную группу выделены материалы, связанные с видными историками: документы о чествовании С. К. Богоявленского 23 февраля 1929 г. в ГИМ в связи с 25-летием его деятельности в Архиве, докладная записка И. А. Голубцова в дирекцию Института истории об издании посмертного сборника работ Богоявленского, материалы академика Е. Е. Голубинского по переизданию его книги «История русской церкви» (верстка, 1918), а также предисловие и послесловие к ней, написанные С. А. Белокуровым. Здесь же — переписка Голубинского с С. А. Белокуровым, П. И. Горским, В. О. Ключевским, К. П. Победоносцевым (9 писем, 1881—1908).

Из материалов родственников имеют несомненную ценность документы отца Ивана Александровича — Александра Петровича Голубцова, профессора Московской духовной академии, в которой он преподавал в одно время с В. О. Ключевским. Особенно интересна переписка преподавателей с ректором академии по поводу отставки Ключевского, заявление пяти профессоров: А. П. Голубцова, И. В. Попова, И. Д. Андреева, Н. Г. Городенского, С. И. Смирнова — с выражением особого мнения по поводу ухода Ключевского, заявление студентов в Совет академии о подготовке общестуденческой сходки в знак протеста против отставки Ключевского и письма к редактору журнала «Богословский вестник» И. В. Попову по этому же поводу. В этом разделе фонда — формулярные и послужные списки А. П. Голубцова, отношения и другие документы из разных научных обществ (1887—1911) и автограф его статьи «О времени начала церковных богослужений на Руси в XVII—XVIII вв.» Среди документов дочери И. А. Голубцова Елены Ивановны Самгиной сохранились конспекты лекций Л. В. Черепнина по спецкурсу «Феодальная война второй четверти XV в.», прочитанных им на истфаке в МГУ в 1945—1946 гг., наброски плана ее дипломной работы «Чернский уезд в XVII в.»⁶, сделанные М. Н. Тихомировым (в карандаше) в 1947 г., и отзывы Тихомирова и Черепнина на эту работу (1948). К истории первой мировой войны относятся документы тестя Голубцова — Алексея Константиновича Смысловского, офицера, попавшего в плен с армией Самсонова и находившегося в г. Оснабрюк в Германии. Это четыре тома подготовленных военнопленными в 1915 г. рукописных и иллюстрированных журналов, в которых Смысловский был редактором и автором многих статей, стихотворений и рассказов.

Архивный фонд Голубцова содержит богатый материал для специалистов различного профиля: историков, источниковедов, археографов, архивистов и картографов. Они найдут здесь документы об истории архивного дела в нашей стране в первые годы Советской власти и о подготовке новых кадров архивных работников, о создании учебных пособий по истории СССР для школ и вузов и составлении исторических карт,

⁵ Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей. Л., 1967.

⁶ Самгина Е. И. Служилое землевладение и землепользование в Чернском уезде в первой половине XVII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967.

о трудах по дипломатике и актовому источниковедению, а также обильный материал, отражающий сложный процесс подготовки к изданию АСЭИ.

О. Б. Враская, *Е. Э. Гранстрем*, *В. С. Каганович*

ИСТОРИК КНИГИ И ПАЛЕОГРАФ В. С. ЛЮБЛИНСКИЙ И ЕГО ЛИЧНЫЙ АРХИВ¹

Владимир Сергеевич Люблинский (1903—1968)², окончивший в 1922 г. Петроградский университет по специальности «история средних веков», получил прекрасную подготовку в семинарах И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественской³. В том же году он начал работу в ГПБ с дежурства в читальном зале и систематизации иностранных книжных фондов по истории. Новые культурные задачи в стране требовали перестройки деятельности ГПБ, крупнейшего в 20-х годах отечественного книгохранилища. Читальный зал был именно тем участком, где, по мысли директора библиотеки академика Н. Я. Марра, библиотекарь и читатель встречались лицом к лицу. Отмирали старые методы формального обслуживания; читателям требовалась оперативная библиотечная и библиографическая помощь. В поисках новых организационных форм создавалось бюро (впоследствии отдел) внешнего обслуживания, в работе которого Люблинский принял самое активное участие. Он занимался также разбором книг и ведением систематического каталога так называемого исторического отделения, фонды которого объединяли более 350 тыс. экз. иностранных книг по истории. В их числе были и ценнейшие книги — современники Крестьянской войны в Германии, Английской революции и Фронды. Именно эта часть фонда привлекала внимание молодого ученого. Он участвовал в подготовке многих крупных выставок по истории книги, завершившихся устройством стабильной экспозиции по истории письма в Отделе рукописей ГПБ в 1928—1930 гг. В многочисленных экскурсиях разного типа для групп посетителей различной квалификации он передавал живым увлекательным языком блестящие знания, согретые подлинным энтузиазмом. Заведующий историческим отделением

¹ В основе статьи — доклад О. Б. Враской и Е. Э. Гранстрем на заседании памяти В. С. Люблинского в ЛОИИ 25 февраля 1983 г. Незадолго до сдачи в печать настоящей статьи, 20 сентября 1985 г., в Ленинграде скончалась Ольга Борисовна Враская, один из старейших сотрудников ГПБ. О. Б. Враская родилась 4 сентября (22 августа) 1905 г., в Петроградском университете она слушала лекции О. А. Добиаш-Рожественской, И. М. Гревса, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Е. В. Тарле. Позднее окончила Институт истории искусств, специализировавшись по истории гравюры. В 1925 г. начала работу в ГПБ, в читальном зале (в одной смене с В. С. Люблинским), в течение многих лет заведовала там Отделом эстампов и вложила много сил в описание и изучение его коллекций. Во время Великой Отечественной войны она была в составе небольшой группы сотрудников ГПБ, обеспечивших в трудных условиях сохранность наиболее ценных фондов, эвакуированных в г. Мелекес. Кандидату педагогических наук О. Б. Враской принадлежат печатные работы по истории русской гравюры и художественной иллюстрации, по вопросам библиотековедения и истории ГПБ. Она была благородным энтузиастом и пропагандистом культуры, горячим патриотом библиотеки, в стенах которой прошла вся ее трудовая жизнь. Незадолго до кончины она подготовила к печати сборник работ о Петербурге XVIII — начала XX в. своего учителя, известного литературоведа и историка-краеведа Н. П. Анциферова; надо надеяться, сборник скоро увидит свет.

² См. о нем: *Рутенбург В. И.* Выдающийся знаток рукописей и книг: (Памяти В. С. Люблинского) // ВИД. Л., 1969. Вып. 2. С. 304—308 (здесь же — список научных трудов В. С. Люблинского, сост. И. С. Шаркова); *Сидоров А. А.* В. С. Люблинский как книговед // Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972. С. 3—13.

³ См. яркое и образное описание этих семинаров в ст.: *Юдина М. В.* Немного о людях Ленинграда // Мария Вениаминовна Юдина. М., 1978. С. 218—220.

В. Э. Банк, будучи также ученым секретарем ГПБ, еще в 1925 г. привлек Люблинского к работе в качестве помощника. По предложению Люблинского, сделанному в 30-е годы, уже после Великой Отечественной войны была осуществлена реконструкция внутреннего устройства старого здания ГПБ.

Деятельность в бюро внешнего обслуживания и другие занятия и обязанности сопутствовали большой научной работе Люблинского. Еще в конце 20-х годов сотрудники ГПБ по инициативе Н. Я. Марра обратились к описанию знаменитой личной библиотеки Вольтера. Своеобразное состояние ее книг побудило начать выявление следов чтения Вольтера, к чему Люблинский приступил в 30-е годы⁴. Для издания каталога библиотеки, осуществленного лишь в 1961 г., он был привлечен в качестве консультанта. Блестяще написанный им вводный исторический очерк в это издание не вошел и был опубликован позднее⁵.

Постоянно и плодотворно ученый исследовал период возникновения книгопечатания, инкунабулы — книги, напечатанные не позднее декабря 1500 г. Выявление, отождествление, специальное описание, изучение и публикации отдельных находок, популярные статьи, курсы лекций для историков, искусствоведов и полиграфистов — круг его занятий на протяжении многих десятилетий. Он последовательно анализировал специфику инкунабулов, методы работы с ними, в частности — шрифтоведение, изучение бумаги и филиграней, форматов, типографской краски, возможное обоснование того или иного расположения текста на странице, изучал всю техническую сторону раннего книгопечатания: словолитное дело, наборный процесс, верстку и спуск форм. Ему помогали большой опыт палеографа, тонкое знание национальных, местных, исторических изменений письма.

Знакомство с ранней печатью переросло в увлечение трактатом вдохновенного гуманиста, графика, полиграфиста и лингвиста Жоффруа Тори. Его произведение «Луг цветущий» (*Geofroy Tory. Champ fleury. Paris, 1529*) Люблинский в 1936 г. полностью перевел и снабдил интереснейшими комментариями. Работа эта получила высокую оценку академика В. Ф. Шишмарева. Однако она осталась неопубликованной, а местонахождение рукописи в настоящее время неизвестным.

С 1935 г. ученый заведовал фондом инкунабулов, альдов и эльзевиров, подготавливал каталог собрания инкунабулов ГПБ. Каталог был задуман на новом для описания инкунабулов принципе — систематическом. В связи с Великой Отечественной войной первый раздел каталога был закончен лишь в 1948 г. В него вошли издания XV в. античных авторов, что по объему составляло примерно 0,1 всего собрания инкунабулов ГПБ⁶. Попутно была проделана огромная методическая работа, составлена детальная инструкция по описанию изданий с учетом продолжающегося «Сводного каталога» мировых собраний инкунабулов («Gesamtkataloge der Wiegendrucke. Berlin») и современной научной литературы.

1940-й год — год гугенберговского юбилея — был отмечен чрезвычайно интересной выставкой по истории книгопечатания, устроенной Люблинским в ГПБ.

Кроме собрания инкунабулов ГПБ, в круг его исследований входили инкунабулы и других Ленинградских собраний; он описывал эти издания в библиотеке Военно-медицинской академии, консультировал описания старопечатных и редких изданий в библиотеке Ленинградского универси-

⁴ См.: Люблинский В. С. Наследие Вольтера в СССР: Вольтеровские материалы в советских собраниях // Лит. наследство. М., 1937. Т. 29/30. С. 1—200 и др.

⁵ Люблинский В. С. Библиотека Вольтера: (Исторический очерк) // Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. С. 265—321.

⁶ Эта любимейшая работа Люблинского, стоящая на первом месте среди его инкунабуловедческих работ, до настоящего времени не опубликована. Рукопись, законченная в 1948 г., была поновлена соавтором Н. В. Варбанец. Вводную статью к этому выпуску каталога см.: Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. С. 226—256.

тета, в научной библиотеке Академии художеств, редактировал каталог инкунабулов Библиотеки Академии наук⁷.

Великая Отечественная война застала Люблинского в разгар научной работы. 22 июня 1941 г. он был мобилизован Куйбышевским районным штабом МПВО, с 16 июля 1943 г. стал начальником штаба МПВО библиотеки, 15 апреля 1944 г. был мобилизован в действующую армию. В первую страшную военную зиму 1941/42 г. он следил за состоянием здания ГПБ, проводил занятия по противовоздушной обороне. Весной и летом 1942 г. по решению Ленсовета в ГПБ при отделе комплектования организовалась бригада для собирания и охраны книг в опустевших квартирах. Как боец МПВО, Люблинский хорошо знал такие квартиры. Началось приобретение книг и архивных материалов через Лавку писателей и прямо у населения. Для консультации и оценки в трудных случаях приглашали Люблинского. Так, например, было куплено знаменитое письмо Наполеона к Кутузову, написанное из Москвы, которое напечатано Л. Н. Толстым в «Воине и мире», но долгие годы находилось в неизвестных частных руках. Когда же предложили купить автограф Бетховена (один листок плохой сохранности), Люблинский определил, что это старая литография, и покупка не состоялась. В начале ноября 1942 г. ГПБ провела конференцию, посвященную 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Было сделано девять докладов, доклад Люблинского назывался «Источники славянской культуры».

После демобилизации ему удалось сделать несколько находок. В конце 1945 г. при разборе бумаг А. Ф. и И. А. Бычковых он обнаружил пергаменный листок из издания «Братьев общей жизни» в Мариентале (XV в.). В определении этого листка ему помогло знание шрифтов ранних типографий. Среди тех же бумаг он нашел «Зеркала Доната» с изображением аллегорий частей речи в виде гравюры, с поясняющим стихотворным текстом и комментарием в прозе — редчайший образец наглядного пособия XV в. Люблинский был убежден, что каждую книгу надо рассматривать целиком как продукт материальной культуры своего времени; обращал внимание библиотекарей на то, что нередко пометы на полях, обложке или переплете значительно печатного текста книги. Еще одну находку мирового значения он сделал в 1947 г.: переплетом учебной брошюры, выпущенной для иезуитских школ в Мюнхене в 1612 г., послужил пергаменный листок из знаменитой 36-строчной «Библии» Гутенберга⁸. Ни одного не только экземпляра, но и фрагмента этой книги ранее в СССР не было известно; несмотря на тщательные розыски, начиная с 1799 г. нигде в мире не удавалось найти ни одной строки этого издания.

С 1946 г. Люблинский заведовал Отделом редкой книги ГПБ (образованным из бывшего Отдела инкунабулов, альдов и эльзевиров), с 1948 г. — также Отделом реставрации. По различным обстоятельствам в следующем году он вынужден был прекратить штатную деятельность в ГПБ, но свою работу по изучению рукописной и старопечатной книги блестяще продолжил с 1957 г. в качестве заведующего Лабораторией консервации и реставрации документов АН СССР. Здесь, в частности, он поставил вопрос о необходимости реставрации (собственно — воскрешении) французского легендария XIII в. и осуществил это трудное дело. Составленное им введение («от составителя»), обширная статья «Предваритель-

⁷ Академия наук СССР. Библиотека. Каталог инкунабулов/Сост. Е. И. Боброва; Вступ. статья В. С. Люблинского и Е. И. Бобровой; Отв. ред. В. С. Люблинский. М.; Л., 1963. Каталог получил, кроме отечественной, четыре положительные зарубежные рецензии; в них особо подчеркивалась ценность вступительной статьи.

⁸ Люблинский В. С. Грамматика в лицах // Книга: Исследования и материалы. М., 1961. Сб. 5. С. 194—212. Публикация об этом открытии была неправомерно краткой (одна страница), объединенной со сведениями о листах инкунабулов, найденных ранее. Отсутствовала также сделанная Люблинским развернутая аргументация атрибуции найденного листка, как и тщательное обычное в таких случаях описание находки. В заглавии статьи не отражено название издания Гутенберга.

ные итоги изучения рукописи» и редакция всего издания заслуживают самой высокой оценки⁹.

Архив Люблинского в 1984 г. поступил в ОР ГПБ и составил фонд № 1268, который насчитывает 1578 ед. хр. Важную часть фонда составляют научные труды и подготовительные материалы к ним. Это автографы и авторизованные машинописные документы, касающиеся изучения библиотеки Вольтера и составления ее каталога (Д. 147–159, 1930–1950-е годы), издания переписки Вольтера (Д. 160–164, 1960-е годы), легшие в основу серии печатных монографических работ и публикаций Люблинского. В фонде находятся текст монографии «Мучная война 1775 г. (Из истории классовой борьбы во Франции перед Великой французской революцией)» (Д. 205–208, 1950–1960-е годы. Автограф. Машинопись. 365, 226, 280, 73 листов), изданной посмертно во Франции¹⁰, черновые материалы к ней и тексты ряда статей на эту тему, опубликованных в советской печати.

Большой интерес представляют статья «Фавориты фортуны (Из этюдов об авантюристах XVIII в.)» (Д. 235. 1965 г. Автограф и машинопись. 99 л.), написанная для альманаха «Прометей» и оставшаяся неопубликованной, и текст доклада в Галле на конференции по эпохе Просвещения «Идея прогресса и восприятие действительности у Тюрго и Кондорсе» (Д. 228. 1967 г. Машинопись. 16 л.).

Сохранились также автографы студенческих работ: «Антиохийский эпизод в истории I Крестового похода. Источники. А. Раймунд Агилерский» (Д. 224. 1921 г. 130 л.), «Об источниках сведений о жизни апостола и евангелиста Иоанна» (Д. 233. 1922 г. 57 л.), «Якобинцы и Конституция» (Д. 238. 1921 г. 77 л.). Первые две работы были доложены в семинаре О. А. Добиаш-Рождественской, последняя — в семинаре Н. И. Кареева. К раннему периоду относится также неопубликованная статья «О праздничном шествии венецианских цехов в 1268 г.» (Д. 231. 1924 г. Автограф. 61 л.) с посвящением И. М. Гревсу, предназначавшаяся, вероятно, для сборника в его честь¹¹. Отметим также стенограммы курса истории средних веков, прочитанного Люблинским в Ленинградской государственной консерватории в 1937/38 учебном году (Д. 240–254. 538 л.).

Особого внимания заслуживают представленные в фонде неопубликованные работы по истории письменности и книгопечатания: вариант текста работы об инкунабулах «Инкунабулы в СССР и их изучение» (Д. 263. 1941–1942 гг. Машинопись. 74 л.); материалы по каталогу инкунабулов ГПБ (Д. 269–273. 1940-е гг. 329 л.); статья «О питательных свойствах гречихи. Неучтенная разновидность бесцензурной пропаганды 1870-х гг.» (Д. 350. 1963 г. Автограф. 47 л.); Стенограмма курса лекций в Московском заочном полиграфическом институте «История письменности и книгопечатания» (Д. 300. 1953 г. 105 л.). Изучению и описанию рукописей различной тематики посвящены неопубликованные работы: «Нотариальные архивы как источник по истории венецианской торговли и хартии 1188 г. из музея Н. П. Лихачева» (Д. 317. 1923 г. Автограф. 48 л.); материалы по изданию трактата Катона Сакко «Semideus» (Д. 319–324. 1930-е гг. Автограф. Машинопись); статья «О рукописях фундаментальной библиотеки Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова» (Д. 325, 1954 г. Автограф. Машинопись. 62 л.).

Интерес вызывают неизданные отзывы и рецензии Люблинского: «Великое открытие Гутенберга и великие открытия И. Баса» (Рец. на кн.

⁹ Неизвестный памятник книжного искусства. Опыт восстановления французского легендария XIII в./Под ред. В. С. Люблинского. М.; Л., 1963. См. также отзыв М. М. Бахтина в кн.: *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 1965. С. 107.

¹⁰ *Ljublinski V. S. La guerre des farines. Contribution à l'histoire de la Révolution*. Trad. du russe par F. Adiba et J. Radiguet. Grenoble, 1979. 372 p.

¹¹ Средневековый быт: Сб. статей, посвящаемый И. М. Гревсу в 40-летие его научно-педагогической деятельности. Л., 1925. 280 с.

И. Баса «Великое открытие. 500 лет книгопечатания» (Л., 1940) (Д. 359. 1940 г. 82 л.); «Рецензия на „Инventарь пикунabuлов ГЕЛ. Сост. Н. П. Киселев“ (М., 1939)» (Д. 367. 1940 г. 29 л.); «Предварительное заключение по рукописи романа Шодерло де Лакло „Опасные связи“ в переводе Н. Я. Рыковой» (Д. 376. Начало 1960-х годов. 13 л.); «Отзыв о биографии Вольтера, предложенной С. Д. Артамоновым для издания в серии ЖЗЛ» (Д. 358. 1966 г. 105 л.); «Отзыв о статье Б. Г. Реизова о военных повестях Альфреда де Виньи» (Д. 375. 1967 г. 17 л.) и др.

Весьма полно представлены в фонде документы о жизни и деятельности Люблинского: его «Автобиографии» (Д. 1. 1935—1968 г. 29 л.); характеристики (Д. 9. 1943—1965 г. 12 л.); материалы о присвоении Люблинскому степени доктора honoris causa Лилльского университета в 1965 г. (Д. 7. 29 л.); списки печатных трудов (Д. 19. 1938—1968 г. 70 л.). Сохранились документы времени обучения в гимназии К. Мая (Д. 24—29. 1910-е годы) и Петроградском университете (Д. 32—33. Начало 1920-х годов).

Большую группу составляют документы о работе Люблинского в ГПБ (Д. 37—57. 1920—1940-е годы), юбилейные и некрологические заметки о ее сотрудниках: В. Э. Банке, И. А. Бычкове, О. А. Добиаш-Рождественской, Н. Я. Марре и др. (Д. 65. 20 л.), текст доклада «И. И. Яковкин в Публичной библиотеке» (Д. 66. Б/д. 27 л.), материалы по истории ГПБ (Д. 67—70). В фонде представлены также материалы, связанные с педагогической деятельностью Люблинского в Московском заочном полиграфическом институте (Д. 77. 1949—1953 г. 361 л.), Ленинградском полиграфическом техникуме (Д. 80. 1953—1956 г. 42 л.), в ЛГПИ им. Герцена (Д. 81. 1957 г. 31 л.), с работой в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР (Д. 82. 1958—1968 г. 179 л.).

Очень широко отражена в фонде переписка Люблинского. Черновики и копии его писем к разным лицам составляют содержание д. 406—731. Не менее интересны письма к Люблинскому (Д. 732—1444). В числе его корреспондентов были многие выдающиеся деятели советской науки и культуры, крупные зарубежные ученые: М. П. Алексеев (1961—1965 гг., 8 писем), В. С. Алексеев-Попов (1958—1968 гг., 40 писем), Н. А. Бенуа (1964—1965 гг., 4 письма), П. Н. Берков (1960—1966 гг., 10 писем), Т. А. Быкова (1942—1966 гг., 21 письмо), В. П. Волгин (1958 г., 2 письма), Л. С. Гордон (1956—1958 гг., 9 писем), И. С. Зильберштейн (1932—1943 гг., 15 писем), Н. П. Киселев (1941—1965 гг., 11 писем), М. Л. Лозинский (1933—1947 гг., 2 письма), С. А. Макашин (1934—1940 гг., 50 писем), С. Н. Рерих (б/д, 4 письма), Ю. Н. Рерих (1958—1959 гг., 4 письма), А. А. Сидоров (1964—1967 гг., 28 писем), Е. Ч. Скржинская (1943—1969 гг., 4 письма), Е. В. Тарле (1950 г., 1 письмо), М. А. Цявловский (1941 г., 1 письмо), И. Г. Эренбург (1955 г., 1 письмо), М. В. Юдина (1940—1963 гг., 3 письма), Th. Besterman (1955—1967 гг., 41 письмо), R. Cobb (1956—1958 гг., 3 письма), E. Hobsbaum (1955—1958 гг., 2 письма), W. Krauss (1955—1968 гг., 24 письма), R. O. Kristeller (1958—1967 гг., 17 писем), E. A. Lowe (1961—1964 гг., 7 писем), J. Proust (1958—1967 гг., 33 письма), G. Rude (1955—1967 гг., 20 писем), J. Simmons (1957—1967 гг., 96 писем), A. Soboul (1958—1968 гг., 11 писем), Fr. Venturi (1957—1967 гг., 7 писем).

Фонд содержит также отзывы о научной деятельности Люблинского выдающихся советских ученых: О. А. Добиаш-Рождественской (1938) в связи с присвоением ему звания старшего научного сотрудника; А. И. Доватура о подготовленном им издании переписки Вольтера; М. П. Алексеева, О. Л. Вайнштейна, П. Н. Беркова, Д. С. Лихачева, написанные в 1961 г. о работах Люблинского по изучению Вольтера, истории средних веков, западноевропейской книги, древнерусского книгопечатания, в связи с присвоением ему звания старшего научного сотрудника АН СССР (Д. 105—107, 113—115, 119). Имеются некрологи и другие мемориальные документы, фотографии.

Люблинский был ученым большого таланта, эрудиции и разносторон-

ности, обогатившим советскую и мировую науку многими ценными трудами. Архив его представляет значительный интерес для истории науки и культуры.

И. Л. Беленький

И. Н. КОБЛЕНЦ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ¹

5 мая 1983 г. скончался известный советский ученый-историк, книговед Иоэль Нафталевич Кобленц. Большая часть его богатейшего научно-литературного наследия передана в ААН, где основан фонд Кобленца под № 1816. Библиографические материалы, собранные Кобленцем, войдут в состав справочного аппарата архива. Ряд материалов находится в Институте истории СССР АН СССР и в ИНИОН АН СССР, в ЦГАОР СССР, а также, видимо, могут быть обнаружены в фондах других учреждений, с которыми ученый был связан служебными и деловыми отношениями. Документация, хранящаяся во Всесоюзной книжной палате, где он трудился многие годы, погибла в годы Великой Отечественной войны. Уникальность собрания Кобленца как органической целостности, единства созданного и написанного им самим и собранного огромного «депо документации» по истории книжного дела и книговедения в нашей стране и в области персоналии деятелей отечественной истории и культуры выдвигает несколько специфические требования к принципам систематизации и описания этого собрания. Настоящая статья основана на предварительном ознакомлении с наследием Кобленца, в частности с его научным архивом, и ни в коей мере не является путеводителем. В ее задачу входит характеристика основных этапов научного пути исследователя. Материалы его личного архива (хранящиеся в семье, в частности, обширная переписка), за исключением автобиографий 1959 и 1965 гг., нами не просматривались.

Родился Кобленц 31 (19) марта 1900 г. в Якобштадте Курляндской губернии (ныне — Екабпилс Латвийской ССР). Репрессии, развернувшиеся после подавления рижского восстания 1905 г. (активное участие в котором принимали старшие сестры и брат Кобленца), заставили его мать вместе с младшими детьми (отец умер в 1903 г.) уехать в 1906 г. в Москву, а оттуда — за границу. В 1909 г. после пребывания в Лейпциге и Лондоне семья вернулась в Якобштадт, а в 1915 г. переехала в Ростов Великий, где в 1918 г. Кобленц закончил классическую гимназию им. А. Л. Кекина — одну из лучших частных гимназий в России. Во главе ее стоял историк и педагог, ученик П. Г. Виноградова С. П. Моравский. Среди преподавателей был будущий профессор МГУ Е. А. Морозов, в числе учеников — А. И. Неусыхин и Д. Д. Иванов, дружескими отношениями с которыми Кобленц был связан всю жизнь. В гимназические годы он занимался разнообразной общественной деятельностью (кружки, библиотечная работа, самоуправление учащихся). В 1918 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета, закончил учебу в 1924 г., уже после преобразования факультета в факультет общественных наук. Перерыв в занятиях с сентября 1919 по октябрь 1921 г. был связан со службой в Красной Армии; Кобленц возглавлял библиотечную секцию Политотдела 10-й армии, одновременно в марте — октябре 1921 г. работал в Политпросвете Терской республики. С ноября 1921 г. началась его многопрофильная научная и практическая работа в библиографических учреждениях

¹ В основу статьи положено выступление автора на заседании секции книги Московского дома ученых 26 декабря 1984 г., посвященном памяти ученого.

Москвы. Учебу в университете он совмещал с исполнением обязанностей заместителя (помощника) заведующего библиотекой Коммунистической академии.

В университетские годы Кобленц специализировался в области книговедения (в своей «Автобиографии» 1965 г. он писал, что прослушал «энциклопедически построенный курс проф. Н. М. Лисовского, обнимавший все стороны книгопроизводства, книгораспространения и книгоиспользования»); можно предположить, что научные интересы и характер текстового поведения учителя — важный фактор формирования библиографического мышления Кобленца, его стилистики) и истории аграрных отношений в России (дипломная работа: «История аграрно-коллективистической политики Советской власти. 1917—1923 гг.»). В формировании его интереса к аграрной истории значительную роль сыграл Н. А. Дубровский.

Во времени службы в библиотеке Коммунистической академии относится первая его значительная библиографическая работа, оставшаяся, как и большинство других, неопубликованной: «А. А. Богданов (Малиновский). Библиография его трудов (М., 1923. 82 с.)». Так она значится в составленном самим Кобленцем автобиблиографическом «Списке работ» (1965 г., хранится в личном архиве), включающем «опубликованные работы, находящиеся в печати, и рукописи, верстки и гранки». В аннотациях к библиографическим описаниям содержатся сведения по текстологии изданных трудов Богданова. Некоторые из них были сообщены составителю непосредственно Богдановым. В научном архиве ученого имеются различные материалы к этой работе, ее черновые варианты и позднейшие добавления².

С середины 1924 г. по март 1926 г. Кобленц работал редактором отдела социально-экономической литературы Госиздата. В апреле 1926 г. он был приглашен на работу в Международный аграрный институт, где заведовал библиографическим отделом, занимался организацией изданий по текущей советской и международной библиографии аграрной литературы и вел библиографический раздел в журнале «Аграрные проблемы». В 1931 г. отдел был преобразован во Всесоюзную ассоциацию сельскохозяйственной библиографии (ВАСХБ), существовавшую по начало 1936 г.³ Кобленц — заместитель председателя ее правления по научной части. Председателем правления был В. И. Невский, членами — М. И. Бурский, Н. И. Вавилов, С. М. Дубровский, А. Н. Асаткин (директор Сельскохозяйственного банка) и др. Значительную помощь всем начинаниям ассоциации оказывал Н. Л. Мещеряков. В основной коллектив отдела и ассоциации входили С. Я. Войтинская, Н. В. Здобнов, П. Х. Кананов, И. И. Полосин, К. Р. Симон, Е. В. Соколова, В. И. Шунков.

Активное участие в работах (опубликованных, неизданных, запланированных) отдела и особенно ВАСХБ принимали Н. Н. Аблов, С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Е. А. Дояренко, О. А. Добиаш-Рождественская, В. Н. Дурденевский, Д. Д. Иванов, Б. П. Козьмин, Е. А. Косминский, Е. Н. Кушева, И. С. Макаров, А. А. Мансуров, О. П. Маркова, С. П. Моравский, А. И. Неусыхин, Е. Д. Никитин, А. А. Никишкин, А. К. Покровская, Е. П. Подъяпольская, Т. И. Райнов, М. К. Рожкова, С. И. Протасова, М. Е. Сергеенко, К. В. Сивков, А. Н. Сперанский, В. В. Хижняков, Н. В. Чехов, В. К. Яцунский и др. Именно Кобленц привлек этих ученых-историков, статистиков, аграрников, библиографов к широко планируемым работам, проводимым по единой программе во всесоюзном масштабе. Многотомные библиографические своды по аграрным проблемам: «Ежегодник аграрной литературы СССР» за 1926—

² Несколько копий рукописи — в личных архивах ряда лиц (в отдельных случаях с позднейшими добавлениями Кобленца и других библиографов, работавших над библиографией Богданова).

³ *Кобленц И. Н.* Всесоюзная ассоциация сельскохозяйственной библиографии // Сов. библиография. М., 1933. № 1/3. С. 215—243.

1928 г.⁴, «Аграрная литература СССР» за 1929—1931 гг., «Сельскохозяйственная литература СССР» за 1931—1934 гг., «Index bibliographique de la question agraire et agricole» за 1927—1928 гг. — по полноте учета, принципам систематизации и аннотирования относятся к классике советской библиографии, к ее лучшим, непревзойденным и сегодня достижениям. В связи с прекращением деятельности ассоциации в 1936 г. осталось неоконченным издание «Сельскохозяйственная литература СССР». Подготовленные к печати тома хранятся в научном архиве Кобленца⁵.

Значение деятельности отдела и ассоциации выходит, однако, за пределы отраслевой библиографии. Принципиальное единство библиографических, источниковедческих и археографических⁶ работ, планируемое Кобленцем и его коллегами (особенно в период существования ассоциации) и частично реализованное на практике, чрезвычайно важно и в плане общебиблиографической теории. Предполагалось издание «Энциклопедии сельскохозяйственного источниковедения» в 11 томах, суммирующей библиографические и справочные материалы по всем отраслям сельского хозяйства. Особое внимание уделялось составлению указателей к печатным изданиям XIX—XX вв. различных сельскохозяйственных учреждений. Планировалось экспедиционное обследование документации местных опытных станций. Вышла в свет лишь 3-я книга 2-го тома («Материалы по библиографии растениеводства в изданиях ВИРА». М., 1935).

В научном архиве Кобленца находятся исследовательские (статистические, описательные, библиографические, археографические) труды многих ученых, связанные с работой над «Энциклопедией», в частности машинопись труда Ф. А. Петровского «Национальная и государственная библиография и библиография изданий ученых обществ, диссертаций и официальных изданий как источник документации по сельскому хозяйству», картотека к нему и внутренние рецензии на него (1933 г.). Сохранились также рукописи труда С. В. Бахрушина «Источники сельскохозяйственной и аграрной истории СССР. До 1871 г.» (начало 1930-х годов) и неопубликованного источниковедческого курса Н. И. Вавилова, заслуживающего особого самостоятельного обзора.

Ассоциация начала подготовку первого опыта реферативной библиографии истории земского кредита в России и за рубежом (С. Б. Веселовский, В. Н. Дурденевский), а также исследовательскую разработку тем по истории деревни, женского вопроса и быта (С. Б. Веселовский). Частично эти материалы сохранились.

Безусловно, Кобленц учитывал опыт своих предшественников в области сельскохозяйственной библиографии: А. П. Педашенко, Г. П. Замыцкого, П. А. Столыпина, В. И. Филиппева. Но еще большую роль сыграло сложившееся еще в университетские годы понимание взаимосвязи, а во многом и единства библиографической эвристики и источниковедческого анализа. Может быть, как никто другой из библиографов его поколения, Кобленц воспринял от своего учителя Лисовского понимание невозможности написания больших библиографических работ без создания документационной базы и источниковедческого изучения кумулируемых материалов. Чрезвычайно интересна его рецензия на «Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х и по 1917 гг.». В. Н. Григорьева (М., 1926. Вып. 1). Высоко оценивая это новаторское исследование, он писал: «Работа Григорьева многими

⁴ Т. 1. «Ежегодника...» за 1926 г. (М., 1929) составлен самим И. Н. Кобленцем совместно с А. Н. Сперанским.

⁵ Позднее, в 1947—1951 гг., он совместно с А. Е. Врублевской принимал участие в редактировании текущих указателей, выпускаемых Центральной сельскохозяйственной библиотекой, что также отражено в материалах архива.

⁶ Ряд источников по истории античного и средневекового земледелия, подготовленных к изданию М. И. Бурским, М. Е. Сергеенко, С. П. Протасовой, О. А. Добиаш-Рожественской в рамках археографической секции ВАСХБ, были позднее опубликованы секцией агрокультуры Института истории науки и техники АН СССР. См., например: Агрокультура в памятниках западного средневековья/Пер. и коммент. под ред. О. А. Добиаш-Рожественской и М. И. Бурского. М.; Л., 1936; и др.

своими особенностями отличается от обычного библиографического указателя. Описание и систематизация материалов в ней дается в форме, наиболее соответствующей самой технике исследовательской работы». В указателе «описаны и систематизированы не самые книги, а все заключающиеся в них данные соответственно тем потребностям, которые могут возникнуть при исследовании множества проблем и вопросов». Рецензент вместе с тем отмечал, что отсутствие алфавитного расположения анализируемых источников лишает книгу Григорьева справочного значения в тех случаях, «когда критерий предметный, топографический или хронологический не может быть применен в процессе наведения справок»⁷. В этих высказываниях отчетливо проступают контуры складывающегося у ученого пока еще на материале сельскохозяйственной библиографии понимания единства библиографических, источниковедческих и археографических методов представления знаний в ретроспективных сводах исторической документации.

Статус ВАСХБ как межведомственной организации при Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина способствовал установлению тесных контактов Кобленца с библиотекой. Можно даже говорить об определяющем влиянии ученого на одно из направлений ее работы — создание центральной справочной библиотеки (ЦСБ). ЦСБ для Кобленца была попыткой воссоздать реальный корпус источников отечественной библиографии, представленный в определенной системе. Еще с 1932 г. Кобленц — доцент, а с 1935 г. — и. о. профессора Московского государственного библиотечного института (МГБИ), где преподавал общую библиографию, теорию библиографии. Занятия часто проводились в стенах библиотеки. Главным образом он работал над проблемами истории отечественной библиографии и ее источниковедческого обоснования. Все большее внимание уделял разработке методологических, теоретических основ истории русской библиографии, созданию репертуара библиографических источников. К воплощению идеи представления корпуса источников в реальности он возвратился несколько позже, в 1938 г., когда был назначен заведующим научно-исследовательским кабинетом Всесоюзной книжной палаты (ВКП)⁸. В 30-е годы кристаллизуются два замысла, две большие исследовательские программы, тесно связанные между собой: создание истории русской библиографии и воссоздание корпуса библиографических источников (реально представляемого в целенаправленно комплектуемых фондах ЦСБ и научно-исследовательского кабинета ВКП), подвергнутого исследованию методами источниковедческой критики и моделируемого в форме печатного репертуара библиографических источников. Репертуар предполагался как отраслевой, а именно многотомное издание «Источники библиографии... (Материалы для источниковедения и истории... печати в России XVIII—XX вв.)» (отточия здесь — названия отраслей).

С максимальной полнотой должны были быть охвачены существующие библиографические источники по всем отраслям знания и областям социальной практики. К печати были подготовлены только один том по праву, два — по сельскому хозяйству, девять — по промышленности и технике. В свет же вышел только том, посвященный строительству и архитектуре⁹. Том входил в серию «Источники библиографии для истории промышленности и техники в России — СССР XVIII—XX вв.» Сохранились рукопись 1-й книги этой серии, содержащей кумуляцию библиографии по истории фабрик и заводов, и частично рукописи 3-й книги (в четырех частях), посвященной библиографии второй степе-

⁷ Кобленц И. Н. Новый тип научной библиографии // Аграрные проблемы. 1927. Июль. С. 207.

⁸ [Кобленц И. Н.] Научно-исследовательский кабинет библиографического источниковедения и истории библиографии // Сов. библиография. 1940. № 1 (18). С. 165—170. Среди сотрудников кабинета были П. Ф. Коногоров, Г. Г. Кричевский, А. А. Мансуров, Е. П. Подъяпольская, С. А. Римский-Корсаков, А. Н. Турунов.

⁹ Источники библиографии строительной промышленности и архитектуры/Сост. И. Н. Кобленц, С. А. Римский-Корсаков. М., 1941. 215 с.

ни по геологии и горному делу¹⁰. Кн. 4—9 погибли во время пожара от бомбардировки ВКП в июле 1941 г.

В послевоенные годы Кобленц работал по программе репертуара в двух направлениях: 1) дополнения к рукописи юридической библиографии второй степени, 2) создание совместно с А. Д. Кушнеренко фундаментального труда по истории исторической библиографии. Сохранились подготовительные материалы, наброски, статистические подсчеты к этому труду (пять папок) и машинопись «Источники русской исторической библиографии за 1800—1944 гг.» (М., 1956 г. 356 с.). Некоторое представление о работе дает фрагментарный материал из нее, извлеченный Кобленцем и опубликованный в сокращенном виде во 2-м и 3-м томах «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1960, 1963), хотя, конечно, он не отражает реального масштаба и научной ценности исследования в целом. Наряду с источниковедческим анализом библиографических пособий по историческим наукам и кумуляцией репертуара в исследовании дана панорама развития исторической библиографии как научно-практической дисциплины.

В 30-е — начале 40-х годов Кобленц особенно много занимается теоретическими проблемами библиографического источниковедения. Вслед за своим учителем Лисовским и другими корифеями русского книговедения начала XX в. он, понимая библиографию как вспомогательную дисциплину историко-филологического цикла наук, устанавливает общность важнейших понятий теории исторического источниковедения и оснований историко-библиографических штудий, предлагает трактовку библиографического источниковедения как методологии и методики науки истории библиографии. В ряде научных трудов, тезисов докладов, курсов лекций он разрабатывает понятийный аппарат библиографического источниковедения, дает его историографию, последовательно описывает основные стадии и процедуры источниковедческого анализа в истории библиографии и, что самое важное, излагает в конспективной, но очень емкой форме всю историю отечественной библиографии именно на основе источниковедческого ее обследования.

Многие его лекции и неопубликованные работы ставят и другие проблемы общей теории библиографии и пограничные вопросы теории книговедения. Это «Введение в историко-библиографическое источниковедение» — курс лекций, читанный в МГБИ начиная с 1932 г., в 1938—1941 гг. — на Высших библиографических курсах, в 1941—1943 гг. — в Томском и Свердловском университетах, в 1943—1945 гг. — вновь в МГБИ. Авторизованные машинописные тексты лекций, подготовительные материалы к ним, конспекты литературы по источниковедению и книговедению сохранились в научном архиве Кобленца как единое целое. Здесь же — более поздние (1947—1950 гг.) планы «Энциклопедии исторического источниковедения». Эти материалы составляют 10 объемистых папок. Вместе же с неопубликованными материалами по другим проблемам теории библиографии и книговедения (классификация в библиографии и библиотековедении, проблемы репертуара, формы, типы и виды библиографических указателей, каталогизация и систематизация, теоретические проблемы отраслевой, национальной и региональной библиографии и др.) весь комплекс штудий ученого в области теории библиографии и библиографического источниковедения составляет 43 папки. Наиболее полный вариант курса лекций по библиографии состоит из 40 разделов-лекций. Некоторые из них развивались в самостоятельные направления исследований, соответственно менялась топография их расположения в архиве.

Организационная и координационная работа ученого в области истории библиографии, планирования репертуара и других форм библиографии второй степени нашли отражение в его научном архиве. Сохранились доклады, выступления на различных совещаниях, докладные

¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 7952. Оп. 2. Д. 5.

записки Кобленца по этим вопросам, начиная с 1923 г. Он собирал и хранил также доклады и тексты выступлений своих коллег.

Характеристика личности Кобленца более отчетливо проступает сквозь призму созданного им научного архива. Архив — явление уникальное. Кобленц начал его собирать в 1916 г., а с 1926 г. уже вместе с женой Зинаидой Вячеславовной Кобленц-Мишке систематически, буквально изо дня в день, занимался его пополнением. В «Автобиографии» 1959 г. он писал, что в архиве «скомплектовано и систематизировано свыше 400 тысяч единиц хранения, состоящих более чем из 340 тысяч библиографических записей (карточек) и приблизительно около 60 000 архивных выкопировок, литературных выписок, вырезок, гранок и версток, не увидевших света книг... и персональных досье государственных, политических, научных деятелей, а также деятелей литературы и искусства». К началу же 1983 г. только биографическая (и биобиблиографическая) часть архива составляла 500 папок и 400 картотечных ящиков. Подобно живому организму, архив рос, менял свое местопребывание (комната на ул. Маркса — Энгельса в Москве, Свердловск и Томск в годы эвакуации, опять ул. Маркса — Энгельса, отдельная квартира на ул. Удальцова и новая, обмененная квартира рядом на ул. Коштыянца; всюду картотеки, папки, книжные полки, теснота; более свободно документы, книги и люди располагались на даче на Николиной горе).

Архив жил одной жизнью с хозяином, с максимальной полнотой отразив его научную деятельность, связи и отношения с библиографической наукой и практикой, ее учреждениями и деятелями. Архив не только представлял продуманное собрание материалов по истории и современному состоянию книги и книжного дела, библиографии, науки, культуры (его создателя с полным правом можно считать историком самого широкого профиля, в частности историком современности), но и сам он стал значимым историко-культурным явлением¹¹.

В то же время архив — исторический источник, требующий от своих будущих исследователей не только профессиональных (источниковедческих, исторических, книговедческих, библиографических) знаний, но и понимания его замысла и смысла.

Кобленц формировал архив, но архив в каком-то смысле постоянно стремился к внутренней самостоятельности и, обретая импульсы саморазвития, ставил перед своим хозяином и создателем новые исследовательские и собирательские задачи¹². Архив структурно видоизменялся — логика развития научных интересов Кобленца и импульсы саморазвития архива диктовали неоднократные изменения его топографии (перемещения материалов) и взаимоотношений отдельных разделов. Неизменной оставалась его природа — как единство библиографических, источниковедческих и архивно-археографических начал. Неизменной оставалась слитность с рабочей библиотекой ученого, что выражалось, в частности, и топографически.

Архив — лаборатория Кобленца, его база, подспорье в разносторонних изысканиях. Но он же — вершинное его творение, главный библиографический и историко-библиографический труд. Понимая его в идеале как свод-корпус научной документации по истории всех сторон книжного дела и книговедения, ученый стремился к тому, чтобы в архиве соединились и реально были представлены: библиографические источники — основа репертуара отечественной библиографии, собственные труды по истории библиографии, рукописи и корректуры неопубликованных трудов других лиц по этим проблемам, копии материалов из государственных и личных, семейных архивов, другие результаты собственной архивно-собирательской деятельности (зримое единство всего этого комплекса,

¹¹ Недаром в среде архивистов, библиографов и историков 1930—1980-х годов вокруг архива сложились своеобразные легенды.

¹² Эти черты были присущи и другим подобным собраниям: архивам-библиотекам Н. М. Лисовского, С. А. Венгерова, Н. А. Рубакина, П. Отле.

подчиненное логике и истории развития отечественной библиографии, выражалось в топографии расположения материалов), печатные и рукописные источники, неопубликованные исследования по истории книгопроизводства и книгораспространения.

Благодаря тем же принципам персоналогический отдел архива превратился из собрания документации о деятелях книжного дела и книговедения в «Биобиблиографический архив деятелей отечественной истории и культуры»¹³.

Архив вбирал в себя все тексты, которые попадали в орбиту его притяжения. Именно этой его особенности обязаны мы тем, что сохранились неопубликованные труды многих ученых (и даже их переписка), материалы учреждений, в которых работал исследователь, в том числе рукописи научных трудов сектора сельскохозяйственного источниковедения ВАСХБ, научно-исследовательского кабинета ВКП и ряда других ее подразделений. В 1938—1941 и 1945—1947 гг. Кобленц возглавлял научный отдел ВКП, в 1945—1947 гг. являлся председателем ее научно-методического совета. Сохранились неизданный том «Библиографии советской библиографии» за 1938 г., подготовленный ВКП под руководством и редакцией Кобленца (машинопись и гранки), а также материалы, связанные с изданием сборника «Советская библиография» (М., 1938—1947), с планами издания серии «Деятели книги» и свода «Периодическая печать СССР. 1917—1949 гг.».

Уникально собрание рукописных трудов, издательских гранок и корректур, книг, выпедших минимальным тиражом: Поляков А. С. Справочник указателей к русским повременным изданиям (М., 1925) — один из нескольких сохранившихся экземпляров; рукопись М. Н. Куфаева «Литература по истории за годы Революции 1917—1920 гг.» (Пг., 1923); Яницкий Н. Ф. Выставка советской книги в Праге (М., 1925; корректура, книга в свет не вышла); неопубликованные библиографические работы Н. Я. Виткинд, А. Ф. Шидловского, И. А. Стеллецкого, К. Р. Симона, А. Г. Фомина, М. Ф. Достоевского, Д. Д. Иванова, П. Х. Кананова, А. П. Примаковского и др. Хранятся и материалы неизданных томов «Библиографии Дальневосточного края» — главного детища Н. В. Здобнова. Составление полного списка всех этих материалов — задача специальной работы.

Кобленцу помогали многие: прежде всего жена, родные; помогали ученики, сотрудники, друзья. Но многое ему мешало. Те или иные жизненные обстоятельства, ограниченность материальных возможностей (ведь программа архива требовала приобретения каждой книги в нескольких экземплярах: для основной библиотеки, для хранения в персональных досье, для разрезки — два экземпляра; для собраний обложек, титульных листов и портретов); ограниченность, сжатость самого пространства, в котором он пытался рельефно представить свой свод документации¹⁴; издательские затруднения и т. п. Ощутимо мешали естественный ход времени, само ежедневное превращение современности в ее историю, рост документации (источниковой базы и научной литературы).

В послевоенный период Кобленцу несколько раз пришлось отказываться от продолжения ряда ранее начатых работ, чтобы в других областях сосредоточить свои силы и возможности. Все чаще вместо установленного им с самого начала принципа многократного дублирования —

¹³ В разные годы Кобленц давал отделу и другие именованья: «Архив деятелей отечественной истории и культуры», «Биобиблиографический архив деятелей отечественной науки и культуры», «Материалы для биобиблиографического словаря деятелей русской науки и культуры», «Деятели России — СССР (Материалы для биобиблиографического словаря)» и др. Представляется все же, что свое персоналогическое собрание документации он понимал именно как биобиблиографический архив, а идею словаря связывал с возможностью публикации-тиражирования собранной им документации.

¹⁴ Собрание подобного рода могло быть развернуто по-настоящему только в пространстве, обладающем «топологическими» свойствами, отнюдь не присущими современному жилищу.

копирования отдельных документов и даже их комплексов — он прибегал к топографическим отсылкам, а в отдельных случаях и к временным (как он предполагал) перемещениям групп документации. Но на старое место они уже не возвращались. Он не успевал выполнить задуманное. Отметим, что категории времени как категории библиографической он посвятил одну из лекций хранящегося в архиве курса по библиографическому источниковедению. Но если физическое время, его естественный ход мешали Кобленцу, то время как переживаемая жизнестроительная связь с уходящим и реальность сегодняшнего дня активно помогало ему. Становление его как ученого относится к тем годам, в которые еще не был изжит «героический период русской библиографии, когда крупные труды создавали одиночки»¹⁵. Он был воспитан на традициях этого периода, но отдавал себе отчет и в том, что слишком часто совокупный результат всеобъемлющей, подвижнической деятельности одиночек мог быть охарактеризован как «мартиролог первых томов», неоконченных трудов¹⁶. Поэтому он с такой страстью отдался в конце 1920-х годов — 1930-е годы организаторской работе, планируя крупные библиографические начинания и формируя исследовательские коллективы.

Почти вплотную подошел ученый к достижению поставленной цели в области истории государственной библиографии и регистрации произведений печати. Здесь он сумел соединить корпус библиографических источников со своими историко-источниковедческо-библиографическими исследованиями, послужившими комментариями-дополнениями к имеющимся лакунам корпуса. Соположенными оказались фрагменты библиографической реальности и модели отсутствующих звеньев, создавшие в совокупности уникальный опыт представления историко-библиографических знаний. Ряд доминантных черт стилистики научно-библиографической деятельности Кобленца — энциклопедичность, стремление к строгости, законченности формы, систематичность и логика изложения, документированность построений, прохождение каждым новым замыслом при реализации тех же этапов идейной и текстовой истории, что и предыдущие и параллельные работы, единство организации текстового поведения в каждом из задуманных и начатых ведущихся исследований — позволяют характеризовать его как ученого библиографа, книговеда, историка-классика.

Архив Кобленца в том виде, в котором он существует, является реализацией его источниковедческого подхода, а в области истории библиографии — и воплощением на практике его концепции библиографического источниковедения.

Один из существеннейших элементов этой концепции — разработанное ученым понятие типологического анализа. Каждый библиографический источник подвергался анализу по следующей программе: хронологические границы, учетный период регистрации, полнота источника в основных книгохранилищах и условия обеспечения максимальной полноты представления, объекты регистрации, элементы ограничения тематики, отступления от территориальных границ государственной библиографии, наличие в источнике описаний литературы, издаваемой за границей на русском языке, и литературы, издаваемой в стране на языках национальных меньшинств, наличие и характер аннотаций, рефератов, критических обзоров, полнота элементов описания, последовательность расположения элементов и их эволюция, способ расположения материала, наличие вспомогательных указателей. Результаты анализа кумулировались в погодных и сводных хронологических таблицах: для государственной библиографии, краевой библиографии, библиографии рецензий и периодики, библиографии официальных изданий, библиографии, отраслевой

¹⁵ Азадовский М. К. Наука по учету книги в РСФСР // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 245.

¹⁶ Срезневский В. И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1918) // РИЖ. 1918. № 5. С. 327.

библиографии (по различным ее отделам). Статистически подсчитывалось количество изданий, зарегистрированных в источниках¹⁷.

В сентябре 1939 г.— первой половине 1940 г. при научно-исследовательском кабинете ВКП функционировал семинарий по библиографическому источниковедению и истории библиографии¹⁸. Сейчас еще трудно сказать, когда в отечественной литературе впервые появилось понятие «библиографический источник (источник библиографических разысканий)» и кем оно было введено. Напомним, что один из важнейших трудов С. А. Венгерова именовался «Источники словаря русских писателей» (СПб., 1900—1917. Т. 1—4). В проекте «Библиографии русской библиографии по математике и естествознанию» А. Е. Плотникова (1914 г.) говорилось о необходимости «разыскать все... библиографические источники». В 1925 г. М. И. Ахун выступил на заседании Ленинградского общества библиофилов с докладом «Новые труды по книговедению как источник для путеводаителя по книгохранилищам»¹⁹.

Несомненно, однако, что появление в библиографии и книговедении понятий и терминов источниковедческого языка связано со специфической ситуацией в Петроградском университете 1910-х годов, когда методология источниковедения (прежде всего школа А. С. Лапшо-Данилевского) оказалась в непосредственном соприкосновении с книговедением в стенах университета, и последующей рецепцией этих взаимоотношений в кругах теоретиков книговедения и исторического источниковедения Ленинграда и Москвы²⁰.

В 1930-е годы проблемы библиографического источниковедения разрабатывали крупные ученые, библиографы и книговеды Б. С. Боднарский, Н. В. Здобнов, А. Г. Фомин²¹. Ряд работ Здобнова, в том числе его доклад 1940 г. на совете Высших библиографических курсов ВКП «О взаимоотношении библиографического источниковедения и истории библиографии», вошли в его «Избранное» (М., 1980). Здобнов утверждал необходимость размежевания и отдельного существования библиографического источниковедения и истории библиографии в системе преподавания библиографических дисциплин. Из комментариев к книге его трудов известно, что в дискуссии по докладу приняли участие Н. П. Киселев, А. Д. Эйхенгольц, И. Н. Кобленц²². Это единственное упоминание его имени в специальной научной и учебной литературе 1940—1980-х годов по проблемам библиографического источниковедения. Ситуацию может изменить издание избранных трудов Кобленца — важнейших неопубликованных и опубликованных его работ по теоретическим вопросам библиографического источниковедения и общим проблемам теории библиографии.

Именно достигнутые Кобленцем результаты в области источниковедческого обоснования истории русской библиографии и типологического анализа ее источников и позволили ему в конце 1930-х годов приступить к созданию целостной истории государственной библиографии в России. Она мыслилась им как социально-деятельностный процесс, как история деятелей, памятников, учреждений, ведущих идей, книжного дела и

¹⁷ Характеристика результатов этих работ дана в статье Кобленца 1940 г. (см. сноску 8).

¹⁸ Список заслушанных докладов см. в статье: *Кобленц И. Н.* Научно-исследовательский кабинет... С. 168. Материалы семинария сохранились как в архиве Кобленца, так и в личных архивах других лиц. См., в частности, краткое описание архива П. Х. Кананова (ЗОР ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 204).

¹⁹ *Лебедев Д. В.* Неосуществленный проект А. Е. Плотникова // *Сов. библиография*. 1981. № 2. С. 52; *Рагнер А. В.* Историк, библиограф, книговед: (К 90-летию М. И. Ахуна) // Там же.

²⁰ См.: Инструкция для описания журналов (НИИ сравнительного изучения лит. и яз. Запада и Востока при ЛГУ). Л., 1926.

²¹ См., в частности: *Боднарский Б. С.* Александр Григорьевич Фомин (1887—1939) // *Сов. библиография*. 1940. Вып. 1(18). С. 217; *Здобнов Н. В.* Библиографическое источниковедение: Общая часть. Конспект лекций. М., 1933. 102 с. (стеклограф) (эти лекции много раз переиздавались).

²² *Машкова М. В.* [Комментарии] // *Здобнов Н. В.* Избранное. М., 1980. С. 231.

книжной культуры. Основные усилия он сосредоточил на воссоздании истории государственной библиографии до 1837 г., т. е. до начала обязательной регистрации произведений печати. Первоначальный замысел постепенно разрастался, отдельные вопросы и темы превращались в самостоятельные исследования. Над сочинениями этого цикла ученый трудился параллельно с работой над другими планами и замыслами вплоть до последних лет жизни. Некоторые исследования были им фактически закончены (по его словам, были близки к завершению на 90%), а несколько из них напечатаны; большинство же осталось в различной степени незавершенными.

Каждую тему Кобленц стремился раскрыть как трехаспектное единство источниковедческих изысканий (в первую очередь типологического анализа библиографических источников), архивно-археографического и библиографического свода документации, целостного исторического повествования.

Постепенно вырисовывались несколько основных узлов всеобъемлющей программы. Прежде всего монография «Сильвестр Медведев и его время (Из истории общественного движения и общественной мысли в 3-й четверти XVII в.)». Сохранился ряд ее вариантов. Окончательный (1963, машинопись) состоит из четырех глав («Введение», «Историографическое обозрение источников и литературы о деятельности С. Медведева в сфере умственного движения и общественной борьбы в конце XVII в.», «Оглавление книг...», «Историография и библиография С. Медведева»). Текст монографии и материалов к ней в научном архиве составил пять папок-связок; отдельно — исчерпывающая картотека.

Предшествующему периоду развития библиографии и книжной культуры (XI—XVI вв.) посвящены исследования «Книжные собрания Древней Руси по данным инвентарной каталогизации (Материалы к исследованию по библиографии рукописной книги XI—XVI вв.)», «Книжная культура Древней Руси», «Возникновение книгопечатания в России», «Библиотека Ивана Грозного». Они остались незаконченными или еще в подготовительной стадии. Имеются рукописные и машинописные авторские тексты, копии источников, архивные и библиографические материалы.

Итогом многолетнего труда была книга «Андрей Иванович Богданов. 1692—1776: Из прошлого русской исторической науки и книговедения» (М., 1958. 214 с.). В архиве — все связанные с ней материалы, дополнения и уточнения к планировавшемуся второму изданию книги.

Значительный комплекс материалов (рукописные и машинописные тексты отдельных глав, архивные данные, своды документации и библиография) отражает работу Кобленца о жизни и научно-библиографическом творчестве Н. Н. Бантыш-Каменского, судьбе его наследия в русской книжной и библиографической культуре. Она была задумана как монография «Н. Н. Бантыш-Каменский (1737—1814) и его материалы для исторического книговедения в России». При жизни автора свет увидела лишь одна статья на эту тему²³.

Ядром всей серии исследований по истории библиографии и книжной культуры XI—XVIII вв. являлась монография Кобленца «Предыстория государственной библиографии в России XV—XVIII в.», создававшаяся им в 1940—1950-е годы, а в 1940-е предполагавшаяся как диссертация. Сохранились различные варианты работы; последний, наиболее законченный составляет 754 с. машинописи²⁴. Сохранился автореферат, подготов-

²³ Кобленц И. Н. Н. Н. Бантыш-Каменский (1737—1814) и его материалы по русской библиографии // Теория и история библиографии: Сб. статей в память К. Р. Симона. М., 1969. С. 177—190. Разрабатывая историю библиографии в XVIII в., Кобленц занимался и изучением жизни и деятельности Дамаскина (1737—1795). Считая, что Дамаскин мог принимать активное участие в библиографическом проекте 1775 г., он посвятил обоснованию этого предположения статью в «Археографическом ежегоднике за 1962 г.» (М., 1963. С. 296—303).

²⁴ Необходимо сделать оговорку, что принцип *finis* — концептуальная установка (в некотором смысле прагматическая) на признание автором своего сочинения и

ленный к так и не состоявшейся защите. На протяжении многих лет менялись названия книги: «Начало русской библиографии (ее источники и деятели в XV—XVIII вв.)», «Русские библиографические памятники XV—XVIII вв. (Материалы для изучения русской культуры)», «Источники и деятели русской библиографии XV—XVIII вв. (Предыстория государственной библиографии в России)», «Источниковедение русской библиографии в связи с ее историей в XV—XVIII вв.». В большинстве вариантов труд состоит из семи глав. В более поздних исключены главы, посвященные С. Медведеву и А. Богданову, выросшие в самостоятельные монографии. В сокращенном виде книга готовится к печати.

Столь же целеустремленно ученый занимался историей государственной библиографии первой трети XIX в. Ей посвящены исследования «Смирдинский период государственной библиографии и регистрации» и «Периодика смирдинского периода». Наряду с готовыми разделами этих работ, статистическими и типологическими таблицами в архиве имеются выписки из литературы, библиография, документация (совокупность выверенных источниковых и исследовательских данных по истории книги).

Поражает объем материалов, связанных с двумя персологическими сюжетами — изучением жизни и деятельности А. Ф. Смирдина и Б. Г. Анастасевича. Только «Смирдин» занимал в научном архиве два стеллажа (23 папки-связки). Это рукописные и машинописные тексты работ Кобленца о Смирдине — монографических статей и разделов самостоятельной книги. Некоторые из них существуют в десяти вариантах. Имеются подготовительные материалы и наброски к каждому из разделов будущей книги: «Книжная держава», «Нравственная концепция. Нравственный облик», «Социальный облик», «Смирдин и Пушкин», «Биографические материалы», «Банкротство или социальная фикция», «Методологические разыскания и выводы о конечной судьбе Смирдина», «Генеалогия. Потомки». Уже одно перечисление разделов показывает исключительный интерес этой работы. Здесь же — «Материалы для библиографии издательской продукции А. Ф. Смирдина», материалы к теме «А. Ф. Смирдин в глазах современников и потомства», «Документация (Свод высказываний, упоминаний, литературы о А. Ф. Смирдине)», «Журналистика смирдинского времени», «Книжное дело А. Ф. Смирдина», иконография, иллюстрации, копии архивных документов. В отдельных подборках — переписка Кобленца, связанная с этим исследованием, заметки, отразившие самоконтроль хода работы. Увидела свет лишь незначительная часть исследования²⁵.

Над монографией «Александр Филиппович Смирдин (1795—1857) (Из истории русской книжной культуры)» ученый работал до самого последнего времени. Кобленца чрезвычайно интересовали судьба Смирдина как человека и социального типа; споры вокруг его имени, ведущиеся более 100 лет в связи с его текстологическо-издательской и библиографической деятельностью, его отношения с современниками, персонификация в фигуре Смирдина переломной эпохи сложных взаимодействий литературы, книжного дела, литературной культуры и быта в их социальной и социально-психологической обусловленности. Исследование пронизано и глубинным личностным смыслом. Не исключено, что Кобленц видел нечто общее в судьбе А. Ф. Смирдина и своей собственной. В этой работе полностью раскрылся талант Кобленца-биографа, мастера портретных характеристик, историка социально-психологических и социологических аспектов книжной культуры, его полеми-

---

определенный момент его текстологической и творческой истории законченным — вообще не был присущ научному творчеству Кобленца. Ни один свой труд он не считал завершенным в полном смысле этого слова. Подобное представление, выразительно характеризует черты его личности и стиль библиографического мышления, видимо, сыграло не последнюю роль в том, что большинство его исследований так и не увидело свет при жизни ученого. Эти проблемы предстоит решать исследователям и публикаторам его наследия.

²⁵ Кобленц И. Н. «Роспись» библиотеки А. Ф. Смирдина: (Ее значение в истории и статистике печати пушкинской поры) // Книга. М., 1973. Сб. 26. С. 80—93.

ский дар. Представляется чрезвычайно важным издать законченные разделы монографии, документационные своды, а также подробное описание всех этих материалов.

Столь же фундаментален комплекс материалов, посвященных Б. Г. Анастасевичу. Несколько меньший по объему, но близкий по составу, он включает фактически завершенную монографию, документальные, источниковедческие, библиографические приложения.

С июля 1947 по 1959 г. Кобленц — ученый консультант ФБОН АН СССР, а с июля 1957 по 1962 г. — заведующий группой Комиссии по истории исторической науки Института истории АН СССР. В этот период окончательно формируется его новая исследовательская программа: создание «Биобиблиографического архива деятелей России — СССР», т. е. свода биографической, архивной и биобиблиографической документации, и подготовка печатного словаря как возможной формы тиражирования этой документации. Биобиблиографический отдел научного архива Кобленца, формировавшийся главным образом как документальная база исследований по истории и современному состоянию библиографии и как инструмент контроля полноты и точности собираемой библиографической информации, трансформируется в самостоятельное собрание. Сюда переводятся крупные биобиблиографические комплексы из других отделов научного архива, в котором устанавливается система отсылок.

«Биобиблиографический архив...» включает (в форме сигнальной библиографической и биобиблиографической картотеки и персональных папок-связок) документацию и справочные данные о многих тысячах деятелей отечественной истории (всех ее сфер — общественной, экономической, политической, культурной). Картотека и папки частично содержат дублирующие друг друга материалы, но составляют единое целое и только так могут использоваться в справочных целях. Следует иметь в виду, что ряд картотечных шкафов и папок хранится в Институте истории СССР АН СССР и ИНИОН АН СССР (ранее — ФБОН). Необходимо установить степень их дублетности по отношению к основной картотеке, находящейся ныне в ААН. Картотека систематизирована по алфавиту, папки — по тематическим сериям (внутри — по алфавиту). В научном архиве хранятся материалы по истории формирования этого собрания и справочные ключи-словники к нему (13 папок-связок).

Одновременно Кобленц вел активную подготовку к изданию «Биобиблиографического словаря»²⁶, возглавлял группу сотрудников ФБОН и других научных и библиографических учреждений (в ее составе особенно надо назвать М. Л. Хацкелис, работавшую в ФБОН с 1954 г.). На разных этапах планировался то единый, универсальный «Словарь», то серия «Словарей» по отдельным отраслям знания. Кобленц приложил много усилий к практическому осуществлению замысла «Словаря историков» и «Словаря юристов». Сохранились анкеты, рассылавшиеся историкам и членам их семей, с ответами на вопросы.

Наряду с максимальной программой, предусматривавшей поэтапное издание словника «Словаря деятелей России — СССР» (10 томов); «Материалов к словарю» (35—40 томов) и «Хрестоматийной энциклопедии» (средствами оперативной полиграфии и в виде микрофиш — 450—500 томов)²⁷ намечалась и минимальная программа: опубликование кратких «Источников словаря русских историков», «Источников словаря юристов», «Словаря востоковедов».

Однако эти проекты осуществлены не были. Машинописные экземпляры

²⁶ В научном архиве сохранилась частично переписка с рядом организаций по проблемам словаря, в которой редакция словаря упоминается официально (имеются ее бланки).

²⁷ Последний, совершенно фантастический этап (с точки зрения издательских возможностей сегодняшнего дня) именно потому рассматривался Кобленцем как осуществимый, что начиная с 1962 г. он очень много трудился над проблемами оптимизации форм оперативной печати, внедрения микрофиш и других средств. Эти занятия также отразились в его архиве. Но оценка его работ в этой области — дело специалистов.

ры словарей и контрольно-справочный аппарат к ним хранятся в научном архиве (25 папок-связок). Здесь же — ответы ученых-гуманитариев на анкету библиотеки Комакадемии 1928 г.

Идея создания универсального «Биографического словаря» владела в XX в. умами многих крупнейших ученых и библиографов. Но такой словарь не может быть создан усилиями одиночек. Почти непреодолимые трудности вставали перед реализацией этого титанического замысла. Известно, что С. А. Венгеров в конце жизни писал: «Есть задачи, которые исполнимы только тогда, когда приступаешь к делу, не имея точного понятия о трудности его. С картотекой моей было именно так. Только потом, когда уже дело стало близиться к завершению, выяснилось, что вначале я не имел и приблизительного представления о том, сколько времени и каких затрат это потребует»²⁸. Преодолевая неоднократно возникавшие кризисные моменты, Венгеров продолжал работу, меняя ее общий план, и в конце концов на уровне картотеки почти завершил ее. Кобленц с неизменным постоянством и упорством трудился над «Биобиблиографическим архивом» и «Словарем», повторив, хотя и в иной последовательности, все этапы и формы работы Венгерова. Осознание реально неосуществимого завершения труда наложило отпечаток на структуру личности и весь его жизненный путь²⁹.

Среди тематических серий «Биобиблиографического архива» наиболее замечательна посвященная деятелям книговедения. Свод документации включает следующие данные об отдельном лице: антропомимическая формула, даты жизни, место рождения и смерти, служебное и общественное положение, ученая степень и звание, тематика работ, название диссертаций, сведения о существующих биобиблиографических указателях и описаниях архива, при их отсутствии — списки трудов и литературы, судьба архива и библиотеки, иконография. В ряде случаев имеются также и собрания архивных материалов того или иного лица (неопубликованные труды, материалы к ним, переписка, мемуары, биографические документы, собранные коллекции и др.).

Примечателен комплекс материалов по Н. М. Лисовскому. Это картотеки «Словника к материалам для словаря русских книговедов» Н. М. Лисовского, дневник Лисовского 1918—1920 гг. (автограф и машинописная перепечатка 1940-х годов), переписка с Э. Ф. Лисовской, воспоминания Э. Ф. Лисовской, биографические документы, иконография, конволюты и папки отписок трудов Лисовского, машинописные копии работ о нем и рецензий на его труды. Здесь же работа Кобленца «Расхождения Лисовского и Срезневского, Таблицы и заключения» (рукопись, посвященная сопоставлению на основе типологического анализа указателей русской периодики, составленных Н. М. Лисовским и Вс. И. Срезневским).

Ценнейшие материалы собраны по В. И. Межову, В. С. Сопикову, А. А. Титову, И. И. Полосину (в том числе рукопись его «Конспекта лекций по библиографическому источниковедению» 1933 г.). Н. В. Здобнову, Д. Д. Иванову (один из нескольких существующих машинописных переплетных экземпляров его капитального труда «Наука, книга, библиотека», 1975 г.).

В последние годы жизни Кобленц работал по своей обычной программе над биографией В. Н. Татищева. Собрав обширный свод документации, он, по словам дочери (О. И. Кобленц-Мишке), считал, что задуманное им исследование выполнено на 30%. Сохранился свод литературы о В. Н. Татищеве (четыре папки).

Даже простое перечисление имен, по которым документация выходит за пределы необходимо достаточного справочного минимума, заняло бы

²⁸ Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список. Пг., 1915. Т. 1. С. LIV.

²⁹ Поиски более значимых, выразительных формул подобных ситуаций заставляют вспомнить стихи Б. Л. Пастернака: «О знал бы я, что так бывает, когда пускался на дебют...».

многие десятки страниц. Описание «Биобиблиографического архива», паспортизация материалов, находящихся в нем, установление их соотношения с соответствующими личными фондами в ААН, других архивах и в частных руках, перевод в «Биобиблиографический архив» материалов из научного архива Кобленца, наконец, разработка принципов систематизации материала — задачи необходимые.

Важное место в научном архиве ученого принадлежит монографии «Очерки книговедения (Из прошлого и будущего книжной цивилизации в СССР)» (1965 г. Машинопись. 854 с.). Это сборник статей, готовившийся к защите диссертации (защита не состоялась). В нем обобщены результаты исследований по предыстории государственной библиографии XV—XVIII вв., но в связи с темой оптимизации форм книги будущего, все более занимающей автора. Над философско-научоведческим сочинением по этой проблеме он трудился с конца 1960-х по начало 1980-х годов.

Самостоятельное место занимают исследования и подготовительные материалы по проблемам книговедения («Журналы и журналисты», «Материалы по истории русских энциклопедий», «Повременная печать в России»), библиографические материалы о распространении марксизма в России (две папки), подборки исторической документации по вопросам школы, науки и искусства в России (одна папка).

В 1982 г. Кобленц закончил работу над капитальным трудом «Отечественная война 1812 г. (Корпус источников в свете историографического обзора)» (ч. 1—4)³⁰. Занимался он также библиографией русского раскола.

Еще очень мало сделано в плане изучения и осмысления научного наследия Кобленца. Необходимо опубликовать список его печатных работ, приступить к изданию законченных трудов, составить обзор научного архива и дать подробное описание «Биобиблиографического архива», записать и собрать воспоминания лиц, хорошо его знавших. Наследие ученого надо изучать с позиций той же историко-библиографической и источниковедческой методологии, с которой он подходил к изучению жизни и деятельности своих предшественников и современников. Важно понять логику его творческого пути, развития научных интересов, диалектику его небывалой творческой активности и «печатного молчания», ее психологическую и ситуативную обусловленность.

Научное творчество Кобленца — значительное явление историко-культурного порядка. Его более чем 60-летняя деятельность дает нам, его младшим современникам, научные и нравственные уроки, актуализирует вопросы, периодически поднимаемые на страницах научной печати, но до сих пор практически не решаемые. Прежде всего, это проблема «Биографического словаря», его организационной и источниковой базы. Одним из путей ее решения представляется концентрация в одном месте важнейших неопубликованных биографических, библиографических и генеалогических картотек и словарей. Биобиблиографический архив Кобленца мог бы явиться организационным ядром подобного справочно-документационного «биографического депо». Что же касается уроков нравственных, то пример Кобленца убедительно доказывает, что «героический период русской библиографии» не ушел полностью в небытие, что сохранение его традиций может дать науке такие же плодотворные результаты, как и целенаправленная деятельность больших библиографических коллективов.

³⁰ После его смерти труд поступил в музей «Бородинская панорама», куда попало и ценное собрание книг о Наполеоне и Французской революции.

**ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ
И КНИГ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМЕНИ Н. А. НЕКРАСОВА**

В фонде редких книг Ярославской областной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова (далее: РФ ЯОБ) за последние несколько лет образовалась интересная коллекция рукописей и старопечатных книг кириллического шрифта, насчитывающая более 200 ед. хр. XVI—XX вв.¹ Коллекция сложилась в основном в результате совместных полевых археографических экспедиций и разведок Ярославского государственного университета и ЯОБ, проведенных на территории области в 1981—1984 гг.² и принесших 234 ед. хр. Кроме этого, в коллекции объединились разовые поступления от частных лиц в РФ ЯОБ (21 ед. хр.) и несколько рукописей, хранившихся в фондах ЯОБ до 1981 г. (3 ед. хр.).

Настоящий обзор имеет целью дать информацию о коллекции РФ ЯОБ и ввести в научный оборот данные о некоторых наиболее интересных ее памятниках.

Коллекция разновременна по составу. Ее рукописную часть составляют книги и фрагменты, из которых 2 датируются XVII в., 10 — XVIII в., 67 — XIX—XX вв. Памятники кириллической печати представлены в РФ ЯОБ единственным изданием XVI в., 44 — XVII в., 52 — XVIII в., 42 — XIX в. По содержанию подавляющее большинство памятников, составляющих коллекцию, — это церковно-литературные произведения самых разных жанров в рукописных списках и печатных изданиях. Другая, небольшая по количеству, группа представлена литературными и историческими памятниками, в основном XVIII—XIX вв., как рукописными, так и печатными.

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Самыми ранними в коллекции являются две рукописи XVII в., представляющие так называемую «четью» церковно-литературную традицию. Это, во-первых, небольшая «Повесть Макария Египтянина», писанная полууставом, в бумажном переплете (Последняя треть XVII в. 8°. 26 л. № 384303)³. Вторая рукопись XVII в. объединила выписки из «Страстей Христовых» со «Сказанием о явлении иконы Толгския богоматери» (Рубеж XVII—XVIII вв. 1°. 59 л. Полуустав двух почерков. Заставки. Конецовки. Инициалы. Литографированная рамка. № 362160Б). Последний сюжет имеет в нашей коллекции более полную аналогию в рукописи конца XIX в. (№ 384318 «Сказание о явлении чудотворных и мироточивых икон пресвятыя богородицы нарицаемья Толгския, за шесть поприщ от града Ярославля иже в велицей России». Чудеса 1—28) и подтверждает наблюдения исследователей о популярности его в ярославской рукописной традиции⁴.

Наиболее интересными церковно-литературными рукописями коллекции можно считать разновременные списки старообрядческой литерату-

¹ В настоящем обзоре учтен количественный состав коллекции РФ ЯОБ на конец 1984 г.; памятники гражданской печати XVIII—XX вв., выявленные в экспедициях 1981—1984 гг., составляют 40 ед. хр. и учтены в общем количестве (234), хотя в настоящем обзоре мы их не рассматриваем.

² См.: Севастьянова А. А. Археографические экспедиции в Ярославской области в 1981—1982 гг. // Краеведческие записки. Ярославль, 1984. Вып. V/VI. С. 88—93; АЕ за 1982 год: Хроника. М., 1983. С. 286—287, 293.

³ Здесь и далее в скобках указывается инвентарный номер рукописи.

⁴ См.: Турилов А. А. Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV — начала XVIII в.: (Сказания о ярославских иконах) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 169—171.

ры, собранной в основном в полевых экспедициях последних лет ЯГУ и ЯОБ. Здесь прежде всего стоит упомянуть две лицевые рукописи: «Страсти Христовы» первой четверти XVIII в. с 24 миниатюрами, писанные полууставом двух почерков с владельческой записью XVIII в. «мастоваго дела подмастерья Леонтия Евтидеева» (4°. 97 л. № 275953), а также старообрядческий сборник 1910–20-х годов (4°. 335 л. Цветные акварельные заставки. Инициалы. Миниатюры. Таблицы. № 384313). Большинство статей сборника составляют яркие полемические чтения, основной пафос которых направлен на «богоотступника Никона». В составе сборника: «Краткая история о бывшем богоотступнике патриархе Никоне, искоренителе и попутеле древнего благочестия и насадителе богомерзских еретических преданий», «Достопримечательныя события богоотступника Никона патриарха, списанныя с показания очевидцев...», «О надругательстве Никона над святыми иконами»⁵; проложные чтения⁶; выписки из «Великого Зеркала», Цветника, Евангелия, Патерика алфавитного и Патерика скитского, Псалтири. Сборник выполнен двумя писцами и, видимо, одним художником и содержит 194 миниатюры, 16 таблиц, иллюстрирующих различные символы «старой» и «новой» веры.

Сборник интересен также тем, что дает возможность проследить процесс создания рукописи. В нем встречаются готовые, но не подписанные рисунки, нераскрашенные миниатюры или даже пустые рамки для них. Рукопись бытовала в Даниловском районе области у старообрядцев поморского согласия. Другой пример старообрядческого полемического сочинения — полный список «Поморских ответов» братьев Денисовых последней четверти XVIII в., рукопись выполнена характерным поморским полууставом с цветными заставками и инициалами поморского стиля (4°. 534 л. № 340961Б).

Несколько «четьих» рукописей в коллекции являются списками популярных литературных произведений. Среди них выделим «Книгу драгоценный бисер...» расколоучителя М. Вышатины (филигрань «1806». 4°. 271 л. № 384296) в списке, совпадающем с указанным у Дружинина⁷, а также памятник переводной славянской литературы «Звезда пресветлая» (филигрань «1820». 4°. 196 л. Киноварные с серебром заставка и инициалы; Л. 172 об. — 176 — «Мучения святой Прасковьи». № 384301), список которой имеет отличия от описанного у Соболевского⁸. К этой же группе рукописей популярного литературно-наставительного направления относятся несколько сборников, содержащих в основном выписки из патристической и агиографической литературы, Пролога, Миней и т. д. Среди них отметим наиболее интересные по составу сборники XVIII в. № 384315М, № 384310М, № 384312М, № 45687 и сборники последней четверти XIX в. № 384316М, № 410814. В составе одного из них находится довольно известная «Повесть о презвитере Тимофее» (№ 384315. Конец XVIII в. 8°. 359 л., л. 49–67 — «Повесть зело дивна и душеполезна о некоем презвитере, иже злохитрством и наветом диволом в блудодеяние впаде и христианская веры отвержеся, и како милостивым предстательством владычицы нашей пресвятыя богородицы спасен бысть и милость получил». Начало: «Благ господь всяческим и щедроты его на всех делех его, наипаче же на грешники...»). Редакция нашего списка значительно отличается от опубликованных⁹ и сходна при незначитель-

⁵ См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы: Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. СПб., 1900. Т. 2. С. 21, 47–51; *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описям рукописей. СПб., 1912. С. 215, 219.

⁶ Ср.: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. С. 237.

⁷ *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев... С. 79.

⁸ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 222–224.

⁹ Ср.: Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С. 195–197; *Скрипиль М. О.* Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРЛ. 1951. Т. VIII. С. 287–307.

ных расхождений с «каргопольским»¹⁰. В том же самом сборнике имеется оригинальное «Сказание о некоем купце во Иверском царстве и о сыне его» (Л. 85 об.—94. Начало: «Бысть некий купец главный во Иверском царстве богат вельми и имяше у себе единого сына, млада суща...») ¹¹ и некоторые другие чтения. В позднем, плохой сохранности старообрядческом сборнике среди различных выписок встречаем сочинение Семена Денисова «Изъявление. Чего ради сомневаемся о нынешнем новодействуемом крещении...», отрывок из «Книги о соловецких отцах Петре и Евдокиме», «Сказание о Макарии Египтянине» ¹².

Агиографические сочинения представлены в рукописной части нашей коллекции как статьями в сборниках, так и отдельными рукописями, из которых укажем «Житие Василия Нового и видение Григория» (XVIII в. 80-е гг. 4°. 99 л. № 384297М), еще одно «Видение Григория» (серия XVIII в. 4°. 113 л. Начало: «Во едину же ночь святому Григорию, почивающую на одре своем и видехся убо на некоем поле злачне зело...», № 384298М) ¹³, «Службу и житие Авраамия Ростовского» (XVIII в. 90-е годы. 4°. 65 л. № 362159) ¹⁴. Особо отметим среди житийных текстов одну из наиболее ранних в коллекции «Службу, житие и похвалу Кириллу Белозерскому», украшенную киноварными заголовками, инициалами и наклеенным инициалом плетеного орнамента (рубеж XVII—XVIII вв. 4°. 127 л. № 456874).

Группу литературно-церковных памятников существенно дополняют рукописные сборники духовных стихов № 384314М, 384309М, 301274, 384310М, 384299М и рукописный фрагмент «Стихи падшего монаха» с упоминанием о Толгской «обители». Наиболее ранним и интересным из них является конволют рубежа XVIII и XIX вв., содержащий духовные стихи, каноны и службы; тексты некоторых стихов и канонов имеют аналогии, а также разночтения в опубликованных вариантах (8°. 94 л. Полуустав девяти почерков. Киноварные инициалы. Заголовки. Двухцветная заставка. № 301274) ¹⁵. Текст «Канона Ангелу Грозному Воеводе» из этого конволюта (Л. 81—94) близок к опубликованному ¹⁶.

Светские литературные памятники представлены в коллекции скупо; из них укажем, во-первых, на интересный местным происхождением и бытованием сборник светских стихов, романсов и песен («Альбом Вареньки Садовской». 1890—1892 гг. 1°. 109 л. Скоропись разных почерков без переплета. № 384300). Характер записей и содержание красноречиво указывают на то, что перед нами — альбом уездной барышни: записывавшиеся туда стихи известных авторов XIX в. дополняются самостоятельными произведениями, посвященными владелице — В. Садовской. Альбом вели с 1890 по 1892 г., судя по датам первых и последних записей, на «станции Пречистое» (ныне районный центр Первомайского района Ярославской области). Отметим в этой подборке еще одну рукопись, список антимасонского сочинения «Масон без маски» (середина XVIII в. 1°. 45 л. Скоропись; на л. 1 помета: «печатано в Лондоне»).

¹⁰ См.: Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Археографические экспедиции БАН в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975—1976 гг.) // Материалы и сообщения по фондам ОРРК БАН СССР. Л., 1978. С. 286—297.

¹¹ «О Святогорском монастыре, зовомом Иверским...» см.: Описание ОР БАН СССР. Л., 1984. Т. VII, вып. I. С. 223.

¹² Ср.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев... С. 133; Описание ОР БАН СССР. Т. VII, вып. I. С. 152, 162, 166, 170.

¹³ Ср.: Описание ОР БАН СССР. Т. VII, вып. I. С. 13.

¹⁴ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1971. С. 26—38; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 154—155.

¹⁵ См.: Безсонов П. А. Калеки переходные: Сборники стихов и исследование. М., 1864—1864. Вып. 1. С. 240—251; Вып. 4. С. 158. Вып. 5. С. 65—71; Вып. 6. С. 8; Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т. IV. С. 106—107, 119, 141; Описание ОР БАН СССР. Л., 1980. Т. IV, вып. 2. С. 115.

¹⁶ Лизачев Д. С. Канон и молитва Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 10—27.

№ 319030)¹⁷. Список сделан, скорее всего, с лондонского издания, поскольку рукопись датируется 50-ми годами XVIII в., а издание на русском языке вышло в 1784 г.¹⁸

Рукописные *исторические* памятники в коллекции также немногочисленны. Среди них есть несколько копий с документов и деловых бумаг XVIII в., интересных лишь как остатки местных архивов: копия с дела по челобитью о владении вотчиной, заказанная сержантом Семеновского полка Иваном Хомутовым (1735 г., № 11874Р); копия с купчей и других документов на вотчинное владение Головина и Кисловского (XVIII в. 40–50-е годы, № 937388); а также конволют копий с указов 1781–1782 гг., сделанных, видимо, в Ярославском губернском магистрате, переплетенный с Уставом благочиния, изданным в 1782 г. (№ 86228А). Более интересен сборник исторического содержания, хранившийся издавна в фондах ЯОБ и упоминавшийся в одном из обзоров В. В. Лукьянова¹⁹ (середина XVIII в. № 10202Р); он содержит хронографическую «Александрию», фрагмент «Журнала Петра I», «Поучение младым отрокам». Несколько владельческих записей рассказывают о бытовании книги в Романовском уезде в крестьянской семье XVIII в. («Сия история рамановского уезду Спасакого стану деревни Селезнева крестьянина Григорья Тимофеева 1762 году генваря 27 дня», л. 220). Другой упоминавшейся в литературе рукописью исторического содержания является небольшой по размеру, писанный мелкой, четкой каллиграфической скорописью список «Топографических описаний Ярославской губернии вообще», датируемый исследователем ярославских топографических описаний А. Д. Дитмаром 1797 г.²⁰ (8°. 44 л. № 336190). Среди рукописей исторического содержания укажем еще на список последней трети XVIII в., озаглавленный «О свадьбах древних...», сделанный, видимо, с печатного издания 1775 г., текст которого идентичен нашей рукописи (1°. 228 л. № 319031В)²¹.

Самой многочисленной в рукописной части коллекции является группа служебных рукописей. Это псалтири, канонники, часословы, богородичники, служебные сборники, а также певческие книги на крюковых нотах и ненотированные. Несколько небольших по формату рукописных сборников, основным содержанием которых являются молитвы, каноны, выписки из Евангелия, собраны в Пошехонском и соседнем Первомайском районах области. Такие рукописи, как № 384310М, 384311М, а также сходный по оформлению № 410814, имеющий в составе еще и поучительные тексты, отличаются единым стилем украшений. Происхождение этих рукописей местные жители связывают со скитами, существовавшими на рубеже XIX–XX вв. Разнообразны по оформлению найденные в тех же районах рукописные псалтири (№ 384304, 384305, 384306, 384307, 410813, 171811). Две из них имеют миниатюры рисованных Давидов, владельческие записи. Укажем здесь же на любопытный конволют, первая часть которого является печатным изданием Часослова конца XVII в., а вторая — рукописная — продолжением Часослова на бумаге не ранее 70-х годов XVIII в. и поучением Илариона (4°. Л. 1–18 — печатные. Л. 19–47 — рукописные. № 421152М). Поучение

¹⁷ См.: *Адарюков В. Я.* Книга гражданской печати в XVIII в. // Книга в России. М., 1924. Ч. 1. С. 230.

¹⁸ *Уилсон Т.* Масон без маски, или Подлинный таинства масонския, изданныя многими подробностями точно и безпристрастно. СПб., 1784. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. III. № 7444.

¹⁹ *Лукьянов В. В.* Рукописные собрания Ярославского областного архива и педагогического института им. К. Д. Ушинского: (Краткий обзор) // ТОДРЛ. 1965. Т. XI. С. 470.

²⁰ Рукопись тесно связана своим происхождением с историко-географическими описаниями Ярославской губернии, составлявшимися в конце XVIII в., и является вариантом ответа на так называемую академическую анкету 1787 г. См.: *Дитмар А. Б.* Над старинными рукописями: («Топографические описания» Ярославского края конца XVIII в.). Ярославль, 1972. С. 95, 108, 120, примеч. 26.

²¹ О свадьбах древних, как были чиновныя с 7008 года — 1500 // ДРВ. СПб., 1775. Т. 7. С. 1–216.

Илариона в рукописной части конволюта писано иным почерком на бумаге XVIII в.

Среди богослужебных рукописей много канонников в сборниках, отдельных тетрадах или даже на отдельных листах, чаще всего это каноны богородице Казанской, Корсунской, Тихвинской, «за творящих милостыню», «в смертоносную язву» и др. (например, № 384302М, 386505М, 410815). Среди служебных рукописей отметим миниатюрный сборничек в 16°, бытовавший и, видимо, писавшийся в Тутаевском районе области. Его основное содержание составляет «Устав о христианском житии» (последняя треть XIX в. 437 л. Инициалы. Рамки. Вязь. № 421800). В состав сборника входит Чин панихиды, канон за умерших, лунное течение. На рукописи сохранилась запись писца: «...поспеши начати се благо дело и скончати, еже есть написали сию малую книгу» (Л. 1 об.).

По-своему интересны три рукописи поминального предназначения. Это Вселенский синодик поморского письма и украшений, бытовавший у поморцев Даниловского района (начало XIX в. 4°. 48 л. Заставка тушью в поморском стиле. № 384317); литографированный синодик с поминальными записями нескольких ярославских сел и деревень (последняя четверть XVIII в. 1°. 58 л. 40 гравированных, раскрашенных акварелью. На л. 11 об. запись: «Сей синодик церкви святого пророка Илии села Бедарева», № 412609Б). Интересен фрагмент тутаевского помянника, зафиксировавший для нас имя художника и переписчика книг XX в. Павла Звездина. В сложный рисунок цветка, выполненного пером и чернилами, включены записи: «Помянник Александры Сергеевны Глушаковой», «Пав. Звезд.» (1922 г. 2 л.).

В заключение обзора рукописной части коллекции остановимся на певческих рукописях. Две из них нотно-крюковые: Обиход полный 1820-х годов (4°. 174 л. Полуустав. Нотация знаменная, пометная, призначная. Имеются указания: «ин роспев», «тихвинского роспеву», «единородным большим роспевом», «ин роспев греческой». № 334964) и Ирмологий с розниками на крюковых нотах начала XX в. (4°, 261 л. Полуустав. Нотация знаменная, пометная, призначная. № 378736). Обе нотно-крюковые рукописи примечательны высокохудожественным исполнением украшений поморского стиля: большими киноварными инициалами, цветными заставками (№ 378736), рисунками. Еще три певческие рукописи являются сборниками церковных песнопений второй половины XIX в. (№ 410811 — нотированный; № 494415, 494416 — нотация линейная). Если в № 410811 содержатся традиционные стихиры и каноны, любимые в старообрядческой среде, то две другие рукописи — это теноровая и альтовая партии самых разных песнопений, включая сочинения Бортнянского, Веделя. К началу XX в. относится последняя рукопись этой группы — «Тетрадь по гармонии и церковному пению», служившая, судя по записи, первоначально учащемуся капеллы.

СТАРОПЕЧАТНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Самой ранней из 139 книг кирилловской печати в коллекции является Октоих, ч. II (М., 31.I.1594 г. — № 180902БР) печатника Андроника Тимофеева Невежи. Этот экземпляр второго набора²², л. 1, 478 и колонтитулы на нескольких листах рукописные, книга реставрирована бумагой XVIII в. Наиболее ранними экземплярами XVII в. являются две книги печати Ивана Андроникова Невежина. Одна из них — Апостол — вышла в Москве при Лжедмитрии I (18.III.1606 г. № 386517Б). На первых 17 листах читается вкладная запись об отдаче ее в 1607 г. слугою Костромского Богоявленского монастыря И. Г. Хрисанфовым в церковь с. Грудево. Другая книга — это Триодь постная (М., 28.II.1607 г. — № 386507Б). Она интересна как пример профессиональной реставрации

²² См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. № 12.

(Ф. А. Каликин — ?), листы с текстом «вмонтированы» в новые, XX в., утраченный текст восстановлен от руки полууставом на бумаге XVII в., аналогичной бумаге печатного текста, переплет выполнен в начале XX в.

Среди старопечатных памятников значительная группа книг, относящихся к «четьей», а также поучительной литературе. Отметим прежде всего издания XVII в. Это восемь экземпляров московских изданий Миной, служебных и общих (1622 г.— № 386514Б; 1625 г.— № 386509Б, имеются рукописные восстановления текста; 1626 г.— № 386513БР, имеются рукописные восстановления текста; 1635 г.— № 387681Б; 1645 г.— № 334962Б, 376778; 1646 г.— 386524БР, имеется владельческая запись XVII в. Ф. Ф. Волконского; 1650 г.— № 386516БР)²³. Древнерусский Пролог представлен четырьмя экземплярами московских изданий 40-х и 60-х годов (№ 391562Б, 412597Б, 412595Б, 386548Б)²⁴. К той же «четьей» группе книг можно отнести экземпляр Шестоднева (М., 1625 г.— № 386526Б, реставрация XVIII в.)²⁵ и два экземпляра поучений Ефрема Сирина одного и того же издания 1647 г. (№ 386525, 412601БР)²⁶. К той же поучительной литературе относится более позднее «Собрание разных поучительных слов» Гедеона (Криновского) (М., Синод. тип. 1760 г. Ч. I).

Из «четьих» книг XVIII в. наиболее интересны издания местных типографий: Маргарит, вышедший в Клинцах (1785 г. № 317075Б), Цветник из виленской типографии (1794 г.— № 481413) и Цветник инока Досифея из Гродно (1790 г.— № 412590). Несколько книг в коллекции представляют Супрасльские старообрядческие издания. Среди них отметим перепечатку 1787 г. «Азбуки Бурцова» (№ 338758), «Жития и страдания соловецких чудотворцев» 1789 г. № 480433М) и сборник конца XVIII в., содержащий несколько историко-литературных памятников: Историю о чудотворцах соловецких, Послание к брату... о сложении перстов, Повесть о белом клобуке, Прения диакона Федора с митрополитом Афанасием (Супрасль, 1796 — ?г.— № 412594). Из той же Супрасльской типографии происходят два издания «Страстей Христовых» (1767 г.— № 412591; 1795 г.— № 391561).

Наиболее значительной по количеству частью коллекции являются старопечатные книги служебные XVII — начала XIX в., к которым относятся разные издания Псалтирей, Евангелий, Триодей, Часовников, Уставов, Служб. Их дополняют издания певческих книг — нескольких Октоихов и Ирмологиев. Самыми ранними будут четыре экземпляра Октоиха 1618 г. печатников Фофанова и Федыгина, причем в нашей коллекции один экземпляр I части три экземпляра II части Октоиха (№ 386511Б, 386518БР, 427806, 412615)²⁷. Из других изданий служебных книг первой половины XVII в. отметим книги с рукописными вставками и восстановлениями текста: Часовники 1631 и 1633 гг. (М., 1631 г.— № 426073МР; М., печ. В. Бурцев, 1633 г.— № 431411М)²⁸, Октоих 1649 г. (М., 1649 г., ч. I—II — № 334961В, 386510БР, многочисленные рукописные восстановления текста и записи)²⁹, две Псалтири (1649 г.— № 406343Р, л. 351—360 рукописные) (рубеж XIX—XX вв.); М., 1634 г.— № 351030)³⁰.

Среди служебных книг второй половины XVII в. выделим экземпляры с интересными записями: Псалтирь с вкладной записью с указанием заплаченной цены последовательно двумя покупателями в разное время (М., 1680 г.— № 388307, л. 32—68 — вкладная запись); Евангелие с полустной записью о вкладе книги «думным дворянином и печатником» Дементьем (Евстигнеем) Миничем Башмаковым в Вологодский мона-

²³ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 43, 57, 62, 123, 174, 181, 185, 221.

²⁴ Там же. № 167, 290, 296.

²⁵ Там же. № 54.

²⁶ Там же. № 198.

²⁷ Там же. № 33.

²⁸ Там же. № 87, 102.

²⁹ Там же. № 214.

³⁰ Там же. № 219, 119.

стырь (М., 1677 г.— № 198771, л. 3—23 — вкладная запись XVIII в.); Часовник и Евангелие с записями и рукописными восстановлениями текста (М., 1652 г.— № 421150; 1677 г.— № 425574, переплет: доски в лиловом бархате). Редкое издание Евангелия учительского Кирилла Транквилиона датируется концом XVII в. (Унев, монастырская типография, 1696 г.— № 181173Б)³¹.

В коллекции достаточно много служебных изданий XVIII в. Из них отметим экземпляр достаточно редкого Могилевского издания Часовника (1701 г.— № 362165М) с обширными рукописными вставками XIX в. (каноны и пасхалия), а также Акафист св. Варваре, изданный в Киево-Печерской лавре в 1739 г. (№ 395607МР). В коллекции есть несколько старообрядческих Почаевских изданий XVIII и XIX вв., из которых упомянем Псалтирь 1786 г. (№ 315473) и Триодь постную, изданную «повелением и благословением его преосвященства... Сильвестра Люблинецкого Рудницкого», с записью XIX в. о бытовании книги в Попехонской Севастьяновской пустыни (Почаев, 1767 г., тит. л.— гравюра Иозефа Гонземского — № 338773В).

Таким образом, состав коллекции рукописных и старопечатных памятников РФ ЯОБ, собранных в основном в археографических экспедициях последних лет, может представлять интерес для исследователей книжной культуры и археографов, работающих в центральных районах страны.

³¹ См.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1983. Ч. II. Ч-75. С. 306.

А. С. Мыльников

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В СЛАВЯНСКУЮ ГЛАГОЛИЧЕСКУЮ АРХЕОГРАФИЮ

В настоящее время как в Советском Союзе, так и за рубежом заметно усилился интерес к памятникам славянской глаголической письменности как печатным, так и рукописным. Это не могло не найти отражения и в археографической деятельности, примером чему служит цикл работ научного сотрудника Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина С. О. Вяловой. Ее работы посвящены описанию и каталогизации коллекции И. Берчича. Они были опубликованы в 1980—1984 гг. в разных изданиях, отчасти региональных и потому, возможно, не всегда достаточно известных исследователям.

Первыми по времени публикациями были две статьи — одна на русском, другая на украинском языках, посвященные ранее не известным в науке глаголическим материалам, выявленным и описанным автором в процессе обработки рукописей ГПБ¹. Как удалось установить С. О. Вяловой, эти материалы восходят к собранию известного далматинского филолога и археографа Ивана Берчича (1824—1870), которое уже после смерти ученого было приобретено библиотекой у его отца (в 1874 г.).

Коллекция И. Берчича, состоявшая из старопечатных глаголических книг и пергаменных глаголических рукописей, давно уже стала предме-

¹ Вялова С. О. Неизвестные глаголические и кириллические памятники собрания И. Берчича в Отделе рукописей и редких книг ГПБ // Сов. славяноведение. 1980. № 2. С. 63—74; Она же. Коллекция Ивана Берчича у Державній Публічній бібліотеці ім. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Проблеми слов'язознавства. Львів, 1980. Вып. 21. С. 139—146. См. также: Гранстрем Е. Э. Новые материалы из собрания И. Берчича в ГПБ // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 356.

том занятий исследователей². Поразительно, однако, то, что в полном объеме ее состав известен не был. Заслуга обнаружения новых материалов принадлежит С. О. Вяловой, которая предварительно сделала доклад о своих находках³. Это был хранившийся в неразобранных частях фонда комплекс глаголических и кириллических рукописей XV—XIX вв., написанных на бумаге. Они перемешаны с листками записей исследовательского характера. Дальнейшее изучение обнаруженных материалов показало, что эти ранее не описанные рукописи составляли часть коллекции И. Берчича, которую ни сам владелец, ни последующие археографы не привели в должный порядок.

Подробное описание рукописей собрания Берчича дано в каталоге, лишь первый выпуск которого к настоящему времени увидел свет⁴. В каталоге впервые описаны документальные и эпистолярные материалы, а также тексты традиционного содержания (преимущественно проповеди) XV—XIX вв.

Следует напомнить, что собрание Берчича глаголическими рукописями не ограничивается. Самостоятельный отдел его «составляют рукописи, являющиеся памятником другого вида славянской письменности — босанчицы. Это особая разновидность кириллицы, которая отличается написанием некоторых букв, а также их комбинациями. Употреблялись они главным образом католическим и мусульманским населением Боснии, хотя имели распространение и в ряде соседних областей»⁵. Эти материалы, сами по себе очень редкие, в литературе вообще прежде учтены не были. Наконец, часть рукописей далматинского происхождения, представленная у Берчича, написана латиницей. Своеобразный состав его собрания отражен в структуре каталога, который, помимо вспомогательных указателей (сокращений, именного, предметного, географического и сюжетов филиграней), состоит из трех разделов: «Рукописи глаголического курсивного письма», «Рукописи кириллического курсивного письма (босанчица)» и «Рукописи латинского письма». Всего в первый выпуск вошло описание 81 ед. Оно выполнено на основе методических рекомендаций Археографической комиссии АН СССР с учетом инструкций, действующих в ОР ГПБ, а также практики Архива Югославянской академии наук и искусств. Последнее, как поясняет составитель, вызвано фактическим отсутствием опыта описания материалов такого рода в советской археографии.

Описание коллекции Берчича представляет интерес по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, оно позволяет уточнить данные об общем числе глаголических рукописей, представленных в ГПБ (их около 250 ед. хр.). Это ставит Библиотеку по размеру ее глаголического собрания на первое место среди советских хранилищ (учтено восемь рукописей) и на второе место в мире (после Югославии). Во-вторых, глаголические рукописи весьма разнообразны по содержанию и, как указывает С. О. Вялова, могут представить интерес не только для лингвистов и палеографов, но также для историков и этнографов. Этот аспект глаголических материалов из коллекции Берчича и других рукописных фондов ГПБ, отмечаемый в уже названных выше статьях С. О. Вяловой, более развернутую характеристику получил в статье, специально посвященной этому вопросу⁶.

Предоставляя читателям возможность подробнее ознакомиться с ним по работам С. О. Вяловой, отметим лишь, что достаточно полно здесь представлен актовый материал, писанный глаголицей. Он мало сохранился и в настоящее время редок. Таковы, скажем, описанные в каталоге

² Трофимкина О. И. Иван Берчич и его собрание глаголических рукописей и редких книг // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 130—135.

³ Гранстрем Е. Э. Новые материалы из собрания И. Берчича в ГПБ. С. 356.

⁴ Вялова С. О. Рукописи собрания Ивана Берчича: Каталог. Л., 1982. Вып. 1. (Далее: Каталог).

⁵ Каталог. С. 7.

⁶ Вялова С. О. Глаголические материалы Отдела рукописей и редких книг ГПБ // ВИД. Л., 1983. Т. 14. С. 271—285.

завещание от 12 мая 1472 г. некоего Брайко, который отказывает настоятелю францисканского монастыря Ивану и ряду других лиц «черную шапку суконную», «плащ и берет», «синий плащ» и прочие вещи (№ 1); запись от 25 ноября 1635 г. о передаче на определенных условиях Матии Вуконичу в вечно-наследственное владение участка земли монастыря св. Екатерины (№ 2); распоряжение от 15 ноября 1762 г., касательно соблюдения жителями Задара и окрестностей правил юрисдикции и других требований (№ 4) и ряд других актов. Даже краткое перечисление показывает их ценность как историко-культурных источников.

Отмечая это, нельзя не подчеркнуть некоторые обстоятельства комплектования Берчичем своей коллекции. Он собирал ее на протяжении многих лет начиная с 1848 г., когда возвратился из Вены в Задар, имея сан священника. В поисках рукописей совершал настоящие археографические экспедиции, выезжая не только на далматинское приморье, но и на прилегающие острова. Его трофеями были памятники не только седой старины, но и недавнего прошлого; они отличались и диалектными особенностями и типами письма. Одним словом, рукописи собрания Берчича являются незаурядными источниками истории, культуры и быта далматинского населения и отчасти других югославянских областей. И С. О. Вялова с полным основанием подчеркивает в своих работах эту весьма существенную сторону обнаруженных ею материалов, воспроизведя несколько образцов (Завещание Петра Кршавича от 12 января 1460 г., упоминавшиеся выше завещание Брайко и запись о передаче монастырской земли в вечно-наследственное владение и др.)⁷.

Заслугой автора является широкий историко-сопоставительный подход, при котором она не только отмечает археографическую и палеографическую ценность источников, но и раскрывает историю их поступления как факт русско-славянских культурных контактов XIX в. С этой точки зрения самостоятельный интерес имеет публикация переписки по поводу приобретения Публичной библиотекой коллекции Берчича. Инициатором этого был известный славист А. С. Будилович, который, сославшись на информацию М. Гатталы, сообщил А. Ф. Бычкову, в то время помощнику директора Библиотеки, о возможности покупки коллекции за 600 гульденов. Письмо это датировано февралем 1873 г., а уже месяц спустя А. Ф. Бычков писал А. С. Будиловичу о том, что вступил в контакт с М. Гатталой. В августе того же года вопрос о приобретении был решен, вскоре коллекция была послана в Петербург, а в начале следующего года отец покойного собирателя получил деньги. Столь быстрая положительная реакция, которую нельзя не назвать поистине образцовой, свидетельствовала о прекрасном понимании А. Ф. Бычковым ценности коллекции и ее значения в изучении славянской культуры.

Сообщая об истории покупки коллекции, С. О. Вялова со ссылкой на письмо А. С. Будиловича пишет: «Публичная библиотека в Петербурге являлась одной из крупнейших библиотек России, и, по убеждению русских ученых-славистов, именно ей и было уготовано будущее „центрального древлехранилища славянства“»⁸. В этой связи следует особо подчеркнуть, что почти с самого начала существования Публичная библиотека (представленная такими сотрудниками, как А. Х. Востоков, А. И. Ермолаев, И. А. Крылов, В. В. Стасов и др.) рассматривалась как хранилище не только русское, но и общеславянское. Этот аспект важно учитывать для правильной оценки содержания и информационных ресурсов фондов Библиотеки, собранных в тот период⁹.

Роль Публичной библиотеки в развитии межславянских культурных контактов в XIX в. охарактеризована правильно, с привлечением некоторых новых источников, касающихся не только И. Берчича, но, напри-

⁷ Там же. С. 277, 278, 280, 282—283.

⁸ Вялова С. О. Известные глаголические и кириллические памятники собрания И. Берчича. С. 64.

⁹ История Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 19, 30, 33 и др.

мер, и Вука Караджича. Хотя его собрание (в котором имеется и глаголическая рукопись) было приобретено в 1877 г. Библиотекой Академии наук, где хранится и в настоящее время¹⁰, контакты реформатора сербского языка с Публичной библиотекой являлись давними и прочными. Сюда от Караджича поступили его собственные рукописи с записями сербского фольклора, ряд старопечатных книг и другие материалы. История их приобретения и перечень освещены в специально посвященных этому трудах С. О. Вяловой¹¹.

Ценность проделанной ею работы не подлежит сомнению. Однако хотелось бы надеяться, чтобы рассмотренные публикации были не завершением, а удачным стартом дальнейшего исследования. В частности, хочется пожелать скорейшего выхода второго выпуска каталога коллекции И. Берчича. Вместе с тем возникает вопрос о желательности подготовки к печати каталога всех глаголических рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке. При этом, разумеется, должен быть обеспечен хороший полиграфический уровень и достаточный тираж такого каталога, чего, к сожалению, нельзя сказать относительно рассмотренного выпуска. Введение в научный оборот новых материалов глаголической письменности будет способствовать более полному исследованию истории письменности и культуры славянских народов.

¹⁰ *Киселева Л. П.* Книжное собрание Вука Караджича в Библиотеке Академии наук СССР // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков: Сб. науч. тр. Л., 1979. С. 59—78.

¹¹ *Вялова С. О.* Из истории русско-славянских культурных связей XIX в. // Узловые вопросы советского славяноведения: Тез. докладов и сообщений IX Всес. конф. историков-славистов. Ужгород, 1982. С. 278—279; *Она же.* Вук Караджич и Публичная библиотека // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1984. С. 49—71.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. И. КОРЕЦКОГО *

1955

Подгот. публ.: Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю // ИА. № 5. С. 204—207.

Рец. на кн.: Бундик Л. П. История СССР в средней школе. М., 1954. 456 с. // ПИШ. № 6. С. 94—98 (совм. с К. Н. Тарновским).

1956

К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого (XVI в.) // Вестн. МГУ. Ист.-филол. сер. № 2. С. 105—124.

Подгот. публ.: К истории восстания И. И. Болотникова // ИА. № 2. С. 126—145.

1957

Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 16 с.

Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.: (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня) // История СССР. № 1. С. 161—191.

Известие о неповиновении крестьян в

вотчине Антониева-Сийского монастыря во второй половине XVI в. // ИА. № 4. С. 231—232.

1958

Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в. // ВИРА. Т. 6. С. 169—215.

Подгот. публ.: Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 год. М. С. 437—450.

1959

Голод 1601—1603 гг. в России и церковь // ВИРА. Т. 7. С. 218—256.

Из истории крестьянской войны в России начала XVII в. // ВИ. № 3. С. 118—137.

Опричнина и роман А. К. Толстого «Князь Серебряный»: [Послесловие]; *примеч.* // Толстой А. К. Князь Серебряный. М. С. 328—350.

Подгот. публ.: Земский собор 1575 г. и постановление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // ИА. № 2. С. 148—156.

Подгот. публ.: Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю // ЗОР ГБЛ. Вып. 21. С. 173—219.

* Составила Л. Е. Морозова по материалам справочно-библиографического отдела Института истории СССР АН СССР. О В. И. Корецком см.: *Горский А. Д.* Вадим Иванович Корецкий (1927—1985) // АЕ за 1985 год. М., 1986 (указана литература).

1960

Коммент. // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М. Кн. 4. Т. 7/8. С. 711—736.

1961

К вопросу о закрепощении крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. // Тез. докл. и сообщ. 4 (Рижской) сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. Рига. С. 54—57.

Очерк истории религиозного сектантства на Тамбовщине (вторая половина XVIII — начало XX в.) // ВИРА. Т. 9. С. 35—76.

Подгот. публ.: Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 17. С. 201—224 (совм. с А. И. Клибановым).

Рец.: Описи древнерусских архивов: (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г./Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. 195 с.) // ИА. № 1. С. 161—165.

Рец. на кн.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. 412 с. // Наука и религия. № 5. С. 92—94.

1962

Восстановление Юрьева дня в России Лжедмитрием I // ЕАИ. 1960 г., Киев, С. 118—130.

Подгот. публ.: О земельных владениях Адашевых в XVI в. // ИА. № 6. С. 119—132.

Сост.: Хрестоматия по истории СССР, XVI—XVII вв. М. Гл. 1—8. С. 13—296; Гл. 9. С. 297—354 (совм. с В. А. Александровым).

1963

Об одной «ошибке» архивистов XVIII в. // АЕ за 1962 год. М. С. 234—243. Христологические споры в России (середина XVI в.) // ВИРА. Т. 11. С. 334—361.

1964

Вольнодумец XVIII в. Дмитрий Тверитинов // ВИРА. Т. 12. С. 244—266.

Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.: (О практической реализации указов 1601—1602 гг.) // История СССР. № 3. С. 67—88.

К истории формирования крепостного права в России // ВИ. № 6. С. 77—95. Хозяйственное разорение второй половины XVI в. и крестьянская колонизация южных районов России // Тез. докл. и сообщ. 7 (Кишиневской) сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964). Кишинев. С. 43—45.

1965

Хозяйственное разорение русской деревни во второй половине XVI в. и правительственная политика // Тез. докл. и сообщ. 8 (Московской) сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965). М. С. 23—24.

Подгот. публ.: Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 21. С. 166—182.

Подгот. публ.: Новый документ по исто-

рии русского города времени Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // АЕ за 1964 год. М. С. 316—332. *Рец.:* Важное научное издание Археологической комиссии (АЕ за 1957—1962 гг. М., 1958—1963. 520 с., 460 с., 486 с., 503 с., 480 с., 499 с.) // ВИ. № 1. С. 120—129 (совм. с В. И. Бугановым и В. И. Шунковым).

1966

История СССР с древнейших времен до наших дней. М. Т. 2. Борьба народов нашей страны за независимость в XII—XVII вв. Образование единого Русского государства. Гл. 6. Развитие феодально-крепостнических отношений в России во второй половине XVI в. С. 182—226 (совм. с А. А. Зиминным); Гл. 7. Крестьянская война в России в начале XVII в. С. 227—268 (совм. с А. А. Зиминным); Гл. 11. Культура русского народа в XIII — первой половине XVII в. С. 353—407 (совм. с А. А. Зиминным, Ю. А. Тихоновым, А. Л. Хорошкевич, Л. В. Черепнинным).

Крестьянская колонизация и особенности процесса закрепощения на юге России в конце XVI в. // ЕАИ, 1964 г. Кишинев. С. 90—103.

Сельское хозяйство в России и процесс закрепощения // Тез. докл. и сообщ. 9 (Таллинской) сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1966). Таллин. С. 71—72.

1967

К истории восстания Хлопка: (Новые материалы) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л. С. 209—222.

К истории политики Василия Шуйского по крестьянскому вопросу // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л. С. 110—126.

Стоглавый собор; Борьба за подчинение церкви государству. Учреждение патриаршества; Крестьянская война начала XVII в. и церковь // Церковь в истории России (IX в.—1917); Критические очерки. М. С. 92—109, 110—125 (совм. с А. А. Зиминным), 126—144.

Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // ВИ. № 5. С. 32—50.

К семидесятилетию Николая Александровича Смирнова // ВИ. № 5. С. 170—171.

Новый документ о Великом Новгороде // СА. № 1. С. 109—111.

Подгот. публ.: Новое об И. И. Болотникове // СА. № 4. С. 100—103.

Рец.: Новые псковские грамоты (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. 211 с.) // История СССР. № 4. С. 153—154.

1968

Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М. С. 282—290.

Развитие барщинного хозяйства в XVI в. и процесс закрепощения // Тез. докл. и сообщ. 10 сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (январь 1968). Л. Вып. 1. С. 37—41.

Подгот. публ.: Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. № 4. С. 120—130.

Подгот. публ.: Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах // АЕ за 1966 год. М. С. 306—330.

Подгот. публ.: Новые документы по истории восстания И. И. Болотникова // СА. № 6. С. 66—83.

Подгот. публ.: Мазуринский летописец // ПСРЛ. М. Т. 31. С. 11—179 (совм. с Ф. А. Грекулом); *указ. имен; указ. геогр. названий.* С. 234—262 (совм. с Ф. А. Грекулом, Л. Р. Кузьминой, Л. З. Мильготиной, Н. Т. Савич).

1969

Новые рукописные сборники с летописными материалами о «смутном времени» // Конференция по вопросам археологии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 3—5 ноября 1969 г. Тбилиси. С. 23—24.

Последствия восстания Болотникова на юге России // Тез. докл. и сообщ. 11 сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. Одесса, ноябрь 1969. М. С. 36—40.

Юрьев день // Прометей: Ист.-биограф. альманах. М. Т. 7. С. 340—345 (ЖЗЛ).

Подгот. публ.: Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1967 год. М. С. 275—290.

Рец.: Американский историк о Лжедмитрии I (Barbur Ph. L. Dimitri Called the Pretender Tsar and Great Prince of all Russia. 1605—1606. London, Melbourne, 1967. XVII + 387 p.) // История СССР. № 2. С. 238—244 (совм. с А. Л. Станиславским).

Таинственный XVII век: (Из истории России) // Знание — сила. № 11. С. 35—37.

1970

Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 368 с.

Закрепостительное законодательство накануне первой крестьянской войны в России // Тез. докл. и сообщ. 12 сессии межреспубл. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (Рига — Сигулда, октябрь 1970 г.). М. С. 62—65.

Хозяйственное разорение русской деревни во второй половине XVI в. и правительственная политика // ЕАИ, 1965 г. М. С. 62—70.

Подвиг русского народа в начале XVII столетия // ВИ. № 5. С. 146—159; № 6. С. 90—107.

Подгот. публ.: Новые послания Зиновия Отенского // ТОДРЛ. Л. Т. 25. С. 119—134.

Рец.: Новое исследование о «Хованщине» (Буганов В. И. Московское восстание конца XVII в. М., 1968. 438 с.) // Новый мир. № 10. С. 273—279.

Рец.: Ценное исследование по истории западноевропейского крестьянства и проблема аграрных отношений на Востоке Европы. (Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

376 с.) // История СССР. № 1. С. 162—167 (совм. с Ю. В. Бромлеем и В. И. Бугановым).

1971

Некоторые социально-политические вопросы восстания Болотникова // Тез. докл. и сообщ. 13 сессии межреспубл. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс—Каунас, сентябрь 1971). М. С. 49—52.

Сельское хозяйство в России и процесс закрепощения // ЕАИ, 1966 г. Таллин. С. 53—65.

Работа В. Н. Татищева над источниками по истории крестьянского закрепощения // ВИ. № 9. С. 26—42.

Подгот. публ.: Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // АЕ за 1969 год. М. С. 296—304.

Подгот. публ.: Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ // ЗОР ГБЛ. Вып. 32. С. 127—167 (совм. с В. И. Бугановым).

Подгот. публ.: Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // ВИ. № 5. С. 130—152.

1972

К истории хозяйства новгородских помещиков в конце XVI в. // ЕАИ, 1968 г. Л. С. 46—55.

Борьба за укрепление Российского государства в XVI в. // ПИШ. № 6. С. 14—21.

1973

Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты», конец XVI — начало XVII в. // Русское население Поморья и Сибири: (период феодализма). М. С. 37—59.

«История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л. Вып. 5. С. 251—285.

Рец.: Описание древних актов, хранящихся в ЦГАДА (Государственное древлехранительное хартий и рукописей. Описание документальных материалов фонда № 135. М., 1971. 204 с.) // СА. № 5. С. 103—110.

1974

К вопросу об источниках Латухинской степенной // Летописи и хроники, 1973. М. С. 328—337.

О формировании И. И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М. С. 122—147.

Иван Исаевич Болотников // ВИ. № 5. С. 123—136.

Подгот. публ.: «Повесть како отмсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л. Т. 28. С. 231—254 (совм. с В. И. Бугановым и А. Л. Станиславским).

1975

Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. 391 с.

Новые материалы о дьяке Иване Тимо-

Фееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 год. М. С. 145—167.

1976

Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники, 1976. М. С. 113—141.

Подгот. публ.: Актювы и летописные материалы о восстании И. И. Болотникова // СА. № 5. С. 45—58.

Подгот. публ.: Послание патриарха Гермогена // ПКНО, 1975 г. М. С. 22—26.

1977

К вопросу о русском летописании конца XVI — первой половины XVII в. // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван, 25—27 окт. 1977 г. Ереван. С. 44.

Подгот. публ.: Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // ЗОР ГБЛ. Вып. 38. С. 191—208.

1978

Развитие феодальной земельной собственности в XVI в. // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: 17 сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. Ростов н/Д. 21—25 сент. 1978 г. М. С. 199—203.

Подгот. публ.: Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской» // Древняя Русь и славяне. М. С. 438—444.

Ред., сост.: ПСРЛ. Т. 34. 303 с. (совм. с В. И. Бугановым); *подгот. текста:* Пискаревский летописец. С. 11—220 (совм. с Н. Г. Савич); Московский летописец. С. 221—237 (совм. с В. И. Бугановым); Бельский летописец. С. 238—274; *имен. и геогр. указ.* С. 272—303.

1979

О приемах выявления и описания кратких летописцев в рукописных хранилищах страны // Всесоюзная научная конференция по проблемам научного описания рукописей и факсимильных изданий памятников письменности. Тез. докл. Ленинград, 14—16 февр. 1979 г. Л. С. 23—25.

Основные проблемы изучения русского летописания // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. 3 Всесоюз. конф. Новороссийск, 1979 г. М. Ч. 2. С. 234—240 (совм. с В. И. Бугановым, Б. М. Клоссом, В. А. Кучкиным, Л. Л. Муравьевой).

Смерть грозного царя // ВИ. № 9. С. 93—103.

Подгот. публ.: К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // АЕ за 1978 год. М. С. 238—253 (совм. с Б. А. Градовой и Б. М. Клоссом).

1980

Закрепостительное законодательство после первой крестьянской войны в России // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. М. С. 249—252.

Опричина и сословные учреждения // Русское централизованное государство:

Образование и эволюция, XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ. (26—27 ноября 1980 г.). М. С. 57—59.

Развитие феодальной земельной собственности в России в XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: Материалы 17 сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д, 1978. Ростов н/Д. С. 37—54.

Рец. на кн.: Опись архива Посольского приказа за 1626 г. // Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. 416 с.; Ч. 2. 104 с. // История СССР. № 1. С. 222—224.

Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. 418 с. // ВИ. № 3. С. 136—142 (совм. с И. Д. Ковальченко и Б. Н. Флорей).

Одна из загадок XVI в. (о двух версиях смерти Ивана Грозного) // Знание — сила. № 12. С. 39—41.

1981

Из истории русского города XVI — начала XVII в. (Серпухов, Серпуховской край). Саратов. 80 с. (совм. с В. И. Бугановым и Г. Д. Бурдеем).

В. Н. Татищев и начало русского летописания // Летописи и хроники, 1980 г. М. С. 5—13 (совм. с Б. М. Клоссом).

О рукописной библиотеке Д. М. Голицына в Архангельском // АЕ за 1980 год. М. С. 179—190 (совм. с Б. А. Градовой и Б. М. Клоссом).

Подгот. публ.: Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники, 1980 г. М. С. 223—243.

Рец. на кн.: Памятники отечественной истории. Вып. 2. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа/Сост.: С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 1. 340 с.; Ч. 2. 184 с. // СА. № 3. С. 85—87.

1982

Подготовка публикации «Документы первой крестьянской войны в России» // СА. № 1. С. 34—41 (совм. с Т. Б. Соловьевой и А. Л. Станиславским).

Überführung der russischen Bauern in die Leibeigenschaft // Historiografische Forschungen zur Geschichte Russlands. Halle (Saale). 1982. S. 166—196.

1983

Введение [к публикации лекций В. О. Ключевского] // Стояти заодно. М. С. 389—402.

Крепостническая норма и действительность в России конца XVI — первой половины XVII в. // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм. М. С. 24—28.

Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI—XVII вв. // Актуальные проблемы источниковедения и

- специальных исторических дисциплин: Тез. докл. 4 Всесоюз. конф. Днепропетровск, 31 окт.—2 нояб. 1983 г. М. С. 155—161.
- Положение в русской деревне и закрепостительное законодательство в начале XVII в. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в до-революционной России. Воронеж. С. 50—65.
- Рукописи из библиотеки князей Голицыных в собрании ГБЛ // ЗОР ГБЛ. Вып. 44. С. 159—168 (совм. с Б. М. Клоссом).
- Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. 280 с. // История СССР. № 2. С. 179—183 (совм. с А. М. Самсоновым).
- Talopoikaisten liikehdintä Venäjällä 1500 —luvulla ja 1600 —luvun alussa // Suomalais-Neuvostoliittolaiset Historiantutkijoiden Symposiumit. Helsinki 22.—24.10.1979. Petroskoi 21.—23.10.1981. Helsinki. S. 109—128.
- 1984**
- Москва: Иллюстрированная история в двух томах. Т. I. С древнейших времен до 1917 г. М. 482 с. (совм. с В. Т. Пашуто, С. С. Дмитриевым, Ю. И. Кирьяновым, А. А. Пресображенским).
- Из истории классовой борьбы в России
- во время опричнины // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М. С. 225—235.
- К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники, 1984. М. С. 88—112.
- Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. М. С. 6—16 (совм. с В. И. Бугановым, Б. М. Клоссом, В. А. Кучкиным, Л. Л. Муравьевой).
- Томская разрядная книга с ранними известиями об опричнине // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. С. 5—117.
- Подгот. публ.: Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники, 1984 г. М. С. 187—218 (совм. с Б. Н. Морозовым).
- Иван Грозный и его сын Иван // Неделя. № 43. С. 16.
- Последний день Ивана Грозного // Неделя. № 27. С. 22.
- 1985**
- Конец династии Калиты // Неделя. № 13. С. 16—17.
- 1986**
- История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. 272 с.

Статьи в энциклопедиях

- БСЭ. 2-е изд. 1955—1957. Т. 38, 43, 46, 47, 49: «Сборник грамот коллегии экономии»; Свод летописный; Сводные книги; Тягло; Тяглые крестьяне; Хилкова сборник актов; Черносошные крестьяне; Черные земли; Черные люди; Юрьев день.
- СИЭ. 1963—1974. Т. 3—5, 9—11, 13, 15: «Великие Четьи-Минеи»: Выход крестьянский; Горсей Дж.; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»; Даниил Принц; Дворовая тетрадь; Домострой; «Дополнения к актам историческим»; Ереси (в России); Заповедные лета; Земщина; Маржерет; Мир; Миссионерство в России; Монастыри в России; Монастырские крестьяне; Монастырский приказ; Монголо-татарское иго; Оброк в России; Опричнина; Петр I; Поместная система; Поместье; Посадник; Посошков; Посошное; Православная церковь в России (совм. с В. И. Бугановым); Соловьев С. М.; Страдники; Сябры; Феодосий Кой; Филипп.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А. И. КОПАНЕВА *

12 сентября 1985 г. исполнилось 70 лет видному советскому историку, источниковеду и археографу, председателю Ленинградского отделения и члену Бюро Археографической комиссии, старшему научному сотруднику ЛОИИ СССР АН СССР, доктору исторических наук Александру Ильичу Копаневу (о юбилее ученого см. подробнее: АЕ за 1985 год. М., 1986).

* Составитель А. П. Павлов. В списке не указана работа А. И. Копанева в составе редколлегий сборников и коллективных трудов: ТБАН и ФБОН АН СССР (1958—1962. Т. 3—6); Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. (М.; Л., 1966); Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И. И. Смирнова (ТЛОИИ. 1967. Вып. 9); Аграрная история Европейского Севера СССР (Вологда, 1970); Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению (Л., 1970. Сб. 2; Л., 1973. Сб. 3); МИЕС. [Вологда], 1972. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежные XVI в.; МИЕС. Вологда, 1973. Вып. 3; ВИД (1976—1985. Вып. 8—16); История северного крестьянства: Период феодализма. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма (Архангельск; Вологда, 1984); Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. 1701—1800. Т. 3. (Л., 1986).

1941

История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. Тез. к дис. ...канд. ист. наук. Отв. ред. И. И. Смирнов. Л. 2 с. Без тит. л. и обл.

1946

«О «куплях» Ивана Калиты // ИЗ. Т. 20. С. 24—37.

1947

«Сост. (участие): Указатели (предметно-терминов., именной, геогр.) // Правда Русская. М.; Л. Т. 2. Комментар. С. 754—818.

1949

Подгот. к печ.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. С. Н. Валка. М.; Л. 408 с. (совм. с В. Г. Гейманом, Н. А. Казаковой, Г. Е. Кочиным, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыдазевской); сост.: указатели (личных имен и геогр. назв.). С. 345—389.

1951

История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л. 254 с.

1952

Куростровская волость во второй половине XVI в.: (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М. С. 146—156. Комментар. (к Судебнику 1589 г.): Судебники XV—XVI вв. М.; Л. С. 415—562; сост.: указатели к судебникам (имен, слов, геогр., предметный), табл. соотношения статей судебных (совм. с З. Н. Савельевой). С. 565—617.

1953

Подгот. публ., вступ. статья: Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // ИА. Т. 8. С. 7—20.

1954

Научное описание рукописей, как основной метод раскрытия рукописных фондов БАН // Научная конференция, посвященная 240-летию Библиотеки. 1714—1954 (24—25 ноября 1954 г.): Тез. докл. Л. С. 10—13.

Рец.: Новый труд по истории феодализма (Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв./Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. М. 1953. Ч. 1 (IX—XIII вв.). Древняя Русь. Феодальная раздробленность. 984 с.; Ч. 2 (XIV—XV вв.). Объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства. 812 с. // ВИ. 1954. № 8. С. 122—128.

1955

Население Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. М.; Л. Т. 1. Период феодализма (1703—1861 гг.). Гл. 16. С. 506—549.

Просвещение и наука в Петербурге от конца XVIII в. до 1861 г. // Там же. Гл. 22. С. 787—850 (совм. с С. С. Волком, А. А. Елисеевым, Г. Е. Павловой). Об одной рукописи, принадлежавшей

В. Н. Татищеву // ТБАН и ФБОН АН СССР. М.; Л. Т. 2. С. 233—240.

Рец. на кн.: Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. 288 с.; 1953. Вып. 2. 442 с.; 1955. Вып. 3. 528 с. // ИА. Вып. 6. С. 213—218.

1956

Подгот. текста, коммент.: Судебник 1589 г. // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. М. С. 409—476.

Рец. на кн.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. 440 с. // ВИ. № 10. С. 135—141.

Рец. на кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. // Под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. М., 1902 с. // ВИ. № 11. С. 165—169. (совм. с К. Н. Сербиной, А. Г. Маньковым).

1957

Население Петербурга в первой половине XIX в. М.; Л. 155 с.

Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. Гл. 1. Разд. «Культура»; Гл. 2. Укрепление и расширение Русского централизованного государства. Л. С. 88—102; 105—184 (совм. с А. Г. Маньковым, Н. Е. Носовым).

То же. На укр. яз. Киев, 1959.

Рец.: Книга о строительстве Петербурга (Лупшов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1957. 190 с.) // Нева. № 10. С. 209—210.

1958

Исторический очерк Рукописного отделения Библиотеки Академии наук; Обзоры собраний рукописей. Основное собрание; Собрание текущих поступлений // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX—XX вв. М.; Л., С. 5—76 (совм. с В. А. Петровым), 77—108, 196—204.

Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки Академии наук СССР // ТБАН и ФБОН АН СССР. М.: Л. Т. 3. С. 129—141.

Предисловие // Лупшов П. Н. История города Вятки. Киров. С. 7—25.

1959

Летописи; Разрядные книги // Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., Т. 3. Вып. 1: Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги. С. 293—444, 534—597 (совм. с М. В. Кукушкиной).

Население Русского государства в XVI в. // ИЗ. Т. 64. С. 233—254.

Подгот. к печ.: Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М. 455 с. (совм. с А. Г. Маньковым).

Подгот. текста, введ., коммент.: Указная книга Поместного приказа; Указная книга Ямского приказа // Памятники русского права. М. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представитель-

ной монархии, Первая половина XVII в. С. 427—554.

1960

Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовному» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 16. С. 477—480.

1961

Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 17. С. 531—544 (совм. с Л. А. Дмитриевым).

Письмо Сильвестра Медведева к Симоону Полоцкому // Вопросы социально-экономической истории и источниковедение периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М. С. 281—283.

Подгот. текста: Конрад Буссов. Московская хроника, 1584—1613. М.; Л. 400 с.; коммент. (совм. с М. В. Кукушкиной). С. 335—388.

Подгот. к печ.: М. М. Сперанский. Проекты и записки. М.; Л. 244 с. (совм. с М. В. Кукушкиной).

1962

Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 18. С. 412—419.

Находка библиографа: (Неизвестные материалы о крестьянской войне под руководством Степана Разина) // ТБАН и ФБОН АН СССР. М.; Л., Т. 6. С. 240—246.

Рец. на кн.: Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.; Л. 1962. 354 с. // ИА. № 3. С. 203—204.

Рец. на кн.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л. 1960. 552 с. // История СССР. № 4. С. 181—184.

1963

Восстание в Холмогорах в 1608 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. С. 213—218.

Имущественная дифференциация крестьян Поморской волости в XVII в. // Тез. докл. и сообщ. VI сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе (сент. 1963 г.). Вильнюс. С. 71—72.

Подгот. текста, коммент.: Законодательство и акты феодального землевладения; Законодательство о центральном и местном управлении // Памятники русского права. М. Вып. 7. С. 35—178, 381—389.

Отв. ред.: Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.; Л. 364 с.

1964

Библиотека Академии наук в первой половине XIX в.; Библиотека Академии наук во второй половине XIX в.; Библиотека Академии наук в 1900—1917 гг. // История Библиотеки Академии наук СССР, 1714—1964. М.; Л. Гл. 5—7. С. 162—298.

Оценная книга Кемской волости с во-

лостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию С. Н. Валка. М.; Л. С. 344—354 (ТЛЮИИ; Вып. 7).

Печатные каталоги рукописного собрания Библиотеки Академии наук СССР // Советская библиография: Сб. статей и материалов. М. Вып. 5. С. 82—90.

Советская литература по истории русского феодализма (до XIX в.) в 1963 г. // История СССР. № 3. С. 150—169 (совм. с Н. Е. Носовым).

Крупнейшее научное книгохранилище страны // Нева. № 12. С. 212—213.

Рец.: Юность великого помора (Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, 1711—1741. М.; Л., 1962. 487 с.) // Нева. № 4. С. 187—188.

1965

Сборники исторические; Сборники исторических материалов // Исторические сборники XV—XVII вв. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л. Т. 3. Вып. 2. С. 107—329 (совм. с М. В. Кукушкиной).

Собрание старопечатных книг Библиотеки Академии наук СССР // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. К 400-летию русского книгопечатания. Л. С. 275—291 (совм. с М. М. Гуревич).

Крестьянское восстание под предводительством И. И. Волотникова 1606—07 // СИЭ. М. Т. 8. Стб. 119—122 (совм. с А. Г. Маньковым).

Библиотеке Академии наук СССР 250 лет // Книга. М. Сб. 10. С. 272—281.

Зарождение сети филиальных библиотек Академии наук СССР // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: Сб. докл. юбилейной научной конференции, 25—26 нояб. 1964. М.; Л. С. 285—298.

250 лет Библиотеке Академии наук СССР // История СССР. № 5. С. 210—213.

Рец.: Академическое издание «История Российской» (Татищев В. Н. История Российской/Подгот. к печ. М. П. Ирошников и З. Н. Савельева; Под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова. М.; Л. 1962—1964. Т. 1—4. 500 с.; 352 с.; 338 с.; 555 с.) // ВИ. № 10. С. 149—152.

1966

Археографическая экспедиция Библиотеки Академии наук СССР в 1965 г. // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и Академий наук союзных республик. М., № 2 (60). С. 16—24 (ротапр.).

Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. А. Записная книга старых крепостей 1598 г. Б. Оценная книга Кемской волости с волостками 30-х годов XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л. С. 143—198.

Отчет об археографической экспедиции:

Библиотеки АН СССР 1965 г. // Там же. С. 199—205 (совм. с Н. Ю. Бубновым).
Отв. ред.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л. 205 с. От редактора. С. 3—4.

1967

Краткий очерк истории русской культуры. С древнейших времен до 1917 г. Л. Гл. 3. Конец XV—XVI в.; Гл. 4. XVII век, с. 98—174 (совм. с М. К. Каргером).

Библиотечная деятельность академика К.-Э. М. Бэра // Материалы научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения академика К.-Э. М. Бэра. Тарту, 3—4 марта 1967 г. Тарту. С. 22—24 (ротапр.).

Неземледельческая волесть в XVI—XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей, посвященный памяти И. И. Смирнова. Л. С. 176—194 (ТЛЮИИ; Вып. 9).
Отв. ред.: Петриксов Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л. 229 с.

1968

Советская дипломатика // ВИД. Вып. 1. С. 56—73.

Археографические экспедиции как один из источников комплектования фондов рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР // Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти: (Труды 1-го совещ. архивистов Академии наук СССР и академий наук союзных республик, 17—23 мая 1967 г.). М. С. 290—294.

Библиотечная деятельность академика К. М. Бэра // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. М. № 67. С. 115—129 (ротапр.).

К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. // Вопросы аграрной истории: Материалы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15—17 июня 1967 г. Вологда. С. 442—462.

1969

Новые записи на древнерусских книгах // Литература и общественная мысль Древней Руси: Сб. статей. Л. С. 387—391 (ТОДРЛ. М.; Л. Т. 24).

Платежная книга Двинского уезда 1560 г. как источник по социально-экономической истории Севера // ВИД. Л. Вып. 2. С. 240—262.

1970

Археографические экспедиции в 1966 и 1967 гг. в Медвежьегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и в Архангельскую область // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л. Вып. 2. С. 327—336 (совм. с Н. Ю. Бубновым).

Э. А. Вольтер — библиотекарь Библиоте-

ки Академии наук // Там же. С. 225—240.

В рукописном собрании Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР // АЕ за 1968 год. М. С. 453—454.

Куростровские столбцы XVI в. // МИЕС; (Тр. Вологодской науч. конф. по историографии и источниковедению). Вологда. Вып. 1. С. 398—431.

Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Там же. С. 432—486 (совм. с А. А. Зиминым).

Фонды Отдела рукописной и редкой книги за 50 лет Советской власти // Материалы X науч. конф. Библиотеки Академии наук СССР. 18—20 окт. 1967 г. Л. С. 132—144.

Подгот. публ.: Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда. С. 514—536.

Рец. на кн.: Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968. 231 с. // История СССР. № 6. С. 152—153.

1971

Новгородские таможенные целовальники 70—80-х годов XVI в. // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Романова. Л. С. 142—151 (ТЛЮИИ. Вып. 12).

О государственных налогах черносошных крестьян середины XVI в. // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л. С. 127—134.

Происхождение мелкой земельной вотчины: Двина в конце XV — начале XVI в. // Аграрная история Северо-Запада России, Вторая половина XV — начало XVI в. Л. Гл. 1. § 5. С. 71—74 (совм. с А. Л. Шапиро); Гл. 8. С. 279—297 (совм. с Ю. С. Васильевым).

Крестьянское землевладение Подвинья до 60-х годов XVI в. // Тез. докл. и сообщ. XIII сессии межресп. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс—Каунас. сент. 1971 г.). М. С. 60—62 (ротапр.).

Сост. (совм. с Н. Ю. Бубновым, М. В. Кукучкиной, О. П. Лихачевой), *отв. ред.:* Исторические сборники XVIII—XIX вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л. Т. 3. Вып. 3. 420 с.

1972

Древнерусское государство // Краткая история СССР. 2-е изд., перераб. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Л. Гл. 2. С. 26—58 (совм. с И. И. Смирновым).

Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л. С. 103—137 (ТЛЮИИ. Вып. 13).

О соотношении государственных и волостных платежей черносошных крестьян 40-х годов XVI в. // ЕАИ, 1968. Л. С. 40—46.

Пинежский летописец XVII в.; Список

- покаянного стиха XV в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л. С. 57—91; 249—253.
- Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. // Материалы к советско-финскому науч. симпозию по истории ремесла и возникновения мануфактурной промышленности (XIV—XIX вв.), 11—15 дек. 1972 г. Л. С. 64—83 (ротапр.).
- Подгот. к печ.:* Сотная на владения Михайловского Архангельского монастыря 1552—1554 гг.; Сотная 1587—1588 гг. на владения Корельского монастыря; Сотная на вотчину Я. А. Емецкого 1587 г.; *представлена к публ.:* Сотная на Каргополь 1561—1564 гг. // МИЕС. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежные XVI в. Вологда. С. 205—206, 237—241, 244, 291—299.

1973

- Археографическая экспедиция Библиотеки АН СССР 1968 г. в Вологодскую и Архангельскую области // Сб. статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л. Вып. 3. С. 445—456 (совм. с Н. Ю. Бубновым).
- Всеволод Измайлович Срезневский — библиотечарь Библиотеки Академии наук // Там же. С. 214—248.
- Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социальные преобразования северной деревни. Вологда. С. 319—351 (Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР; Вып. 4).
- Подгот. публ., вступ. статья:* Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // МИЕС. Вып. 3. Вологда. С. 380—401.

1974

- История крестьян Русского Севера в XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л. 34 с.
- Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Л. Вып. 6. С. 142—160.
- К вопросу о категориях двинских крестьян // Тез. докл. и сообщ. XV сессии межресп. симпозию по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 7—17 сент. 1974 г. М. Вып. 1. С. 56—58.
- Подгот. к печ.* (совм. с В. Х. Бодиско): Журнал или записка жизни и приключений купца Ивана Алексеича Толченова. М. 471 с.; *археогр. введение.* С. 19—28.

1975

- Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сб. статей, посвященных памяти А. А. Новосельского. М. С. 57—69 (совм. с Ю. Г. Алексеевым).
- Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике: Материалы II советско-финского симпозию по соц.-экон. истории, 13—14 дек. 1972 г. Л. С. 78—89.
- Научн. ред.:* Морозов А. Родина Ломоносова. Архангельск. 479 с.

- Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М. С. 191—209.
- Из истории бытования книги в Северных деревнях (XVI в.) // ПКНО, 1975. М. С. 98—100.
- Книжность северной волости XVI—XVII вв. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М. С. 394—399.

1977

- Публикация и изучение источников до-советского периода по аграрной истории Европейского Севера за последнее десятилетие и их перспективы // Археография и источниковедение. Северный археографический сборник. Сыктывкар. Вып. 4. С. 64—72.
- Книга в Северной крестьянской волости XVI—XVII вв. // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван. С. 43.
- Подгот. к печ.:* Веревные книги конца XVII в. // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв. М.; Л. Вып. 4. С. 349—434 (ротапр.).
- Рец. на кн.:* Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII—начале XVIII в. М. 1974. 335 с. // История СССР. № 1. С. 201—204.

1978

- Крестьянство русского Севера в XVI в. Л. 245 с.
- Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // ВИД. Л. Вып. 9. С. 81—89.
- Древнерусское государство // Краткая история СССР. 3-е изд. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Л. Гл. 2. С. 26—58 (совм. с И. И. Смирновым).
- Законодательство о черном крестьянском землевлании XVI—XVII вв. // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения В. В. Мавродина. Л. С. 125—132.
- Крестьяне вотчины Архангельского монастыря по веревной книге 1690 г. // Материалы и сообщения по фондам рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л. Вып. 2. С. 138—153.
- О сокращенных изданиях массовых источников XVII в. // АЕ за 1977 год. М. С. 221—225.
- Северная Двина // Аграрная история северо-запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л. Гл. 1. С. 5—36.
- Советская литература по истории русской книги эпохи феодализма за последние десять лет (1966—1976) // Книга в России до середины XIX в. Л. С. 24—36.
- Мелкокрестьянская собственность при развитом феодализме // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозию по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Ростов н/Д, 21—25 сент. 1978 г. М.

С. 193—196 (совм. с Ю. Г. Алексеевым, Н. Е. Носовым) (ротапр.).
Рец. на кн.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публикаций в журналах. М. 1976. Т. 1. XV—XVIII вв. 301 с. // ВИ. № 4. С. 138—140 (совм. с А. Г. Маньковым).

Отв. ред.: Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в. Л. 192 с.

1979

Неизвестный чертеж Городского острова петровского времени // ПКНО, 1978. Л. С. 500—503.

О серии монографических исследований «Книга в России» // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв. Л. С. 141—149.

О теории долевой деревни А. Я. Ефименко // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей. Киров. С. 5—13.

Секция кириллической книжной традиции // Проблемы полевой археографии. М. С. 128—129 (ротапр.).

Правотворчество и правосознание северного крестьянства в XVI—XVII вв. // Экспонат северного крестьянства в развитии материальной и духовной культуры: Тез. годичного собрания проблемного объединения и Северного отделения Археографической комиссии. Вологда, 2—3 марта 1981 г. Вологда. С. 53—55.

[Выступление на VI советско-финляндском симпозиуме историков. Ленинград, нояб. 1977 г.] // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия. Л. С. 166.

1981

Промыслы Подвinya в XVI в. // Россия и Финляндия. Торговля, промыслы, крупная промышленность: Материалы V советско-финляндского симпозиума по соц.-экон. истории, 9—11 окт. 1978 г. Л. С. 47—50.

Волостные крестьянские библиотеки XVI—XVII вв. // 2-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в. Библиотеки. Читатель». Ленинград, 23—25 апр. 1981 г.: Тез. докл. Л. С. 16—17.

1982

Волость XVII в. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): Межвуз. сб. науч. статей. Пермь. С. 65—83.

Ленинградское отделение Археографической комиссии АН СССР // ВИД. Л. Вып. 13. С. 332—335.

Russland unter Peter I in der sowjetischen Historiographie // Historiographische Forschungen zur Geschichte Russlands.

Halle — Wittenberg. S. 197—219 (совм. с И. П. Шаскольским).

Подгот. к печ.: Хозяйство крепостного крестьянина XVII в. Переписная книга 1672 г. по селу Лыскову с приселками и деревнями. М.; Л. Вып. 1—2. 293 с. (совм. с Д. И. Петрикевым) (ротапр.).

1983

Волостные крестьянские библиотеки XVI—XVII вв. // Русские библиотеки и их читатель: Из истории русской культуры эпохи феодализма. Л. С. 59—70. Древнерусское государство // Краткая история СССР. 4-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Л. Гл. 2. С. 26—58 (совм. с И. И. Смирновым).

Рец. на кн.: Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Л. 1982. 313 с. // СА. № 5. С. 83—85.

Отв. ред.: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Публикация документов и исследование С. П. Луппова. Л. 1983. 167 с.; *От редактора*. С. 3—4.

1984

Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л. 243 с.

Изменения в положении крестьянства в XVI — начале XVII в. // История северного крестьянства: Период феодализма. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск. Гл. 4. С. 94—142.

Отв. ред.: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР/Сост. Н. Ю. Бубнов. Л. Т. 7, вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII в. 316 с.

Отв. ред.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. 1701—1800. Л. Т. 1. 370 с.

1985

К 150-летию Археографической комиссии // ВИД. Л. Вып. 16. С. 329—340.

Социальная и классовая борьба в Поморье в XVII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л. С. 200—216 (Проблемы отечественной и всеобщей истории; Вып. 9).

Отв. ред.: Документы по истории народа Коми. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII в. Сыктывкар. 387 с.

Отв. ред.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. 1701—1800. Л. Т. 2. 390 с.

1986

Рец. на кн.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель // СА. № 3. С. 75—77.

Рец. на кн.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI—XIII вв. // ВИ. № 12. С. 131—135.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С. В. ЖИТОМИРСКОЙ *

10 января 1986 г. исполнилось 70 лет члену Археографической комиссии, кандидату исторических наук, заслуженному работнику культуры РСФСР Сарре Владимировне Житомирской. В 1952—1976 гг. С. В. Житомирская была заведующей Отделом рукописей ГБЛ, с 1979 г. она — заместитель председателя секции документальных памятников Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

1946	1958
Коллекция иностранных автографов Библиотеки имени В. И. Ленина // ВИ. № 10. С. 108—111.	Архив И. И. Пуцина // ЗОР ГБЛ. Вып. 20. С. 64—89.
1951	<i>Подгот. публ.:</i> Письмо И. Д. Якушкина И. И. Пуцину // Там же. С. 313—314.
<i>Подгот. текста, вступ. статья, примеч.:</i> Рассказ очевидца о событиях 14 декабря 1825 г. // ИА. № 7. С. 3—45.	<i>Сост.:</i> Инструкция по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М. 51 с. (совм. с Р. Я. Брусс-Бейгер, Е. Ф. Желоховцевой, З. Е. Калишевич, Ю. А. Красовским, И. А. Станкевич, И. В. Фирсовой).
<i>Сост.:</i> Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (из фондов Отдела рукописей). М. 224 с. (совм. с К. Р. Каменецкой, И. В. Козьменко и Е. Н. Коншиной).	1960
1952	Выставка древнерусских рукописей в Праге // ЗОР ГБЛ. Вып. 23. С. 271—277.
Архив Фонвизиных // ЗОР ГБЛ. Вып. 14. С. 18—34.	1961
1954	<i>Ред.:</i> Описание писем В. Г. Короленко. М. 658 с.
О правильном использовании материалов советских архивов // ВИ. № 9. С. 120—121 (совм. с И. М. Кудрявцевым и Б. А. Шлихтером).	1962
1955	Архив В. Д. Бонч-Бруевича // ЗОР ГБЛ. Вып. 25. С. 7—79 (совм. с Л. В. Гапачко и Б. А. Шлихтером).
<i>Подгот. текста, вступ. статья и примеч.:</i> Толстой В. С. Воспоминания // Декабристы: Новые материалы. М. С. 6—136.	Собирание и использование рукописного наследия в Отделе рукописей ГБЛ в свете задач, стоящих перед общественными науками // ТГБЛ. Т. 6. С. 177—199.
<i>Примеч. к публ.:</i> Из переписки декабристов // Там же. С. 302—321 (совм. с Л. М. Ивановой).	1963
<i>Сост.:</i> Сборник инструкций Отдела рукописей. М. 244 с. (совм. с Е. Н. Коншиной, И. М. Кудрявцевым, Р. П. Маториной, Е. И. Самгиной, В. М. Федоровой и Т. Б. Уховой).	Новая публикация источников по истории Франции XVI в. // Средние века. Вып. 24. С. 269—271.
1956	<i>Сост. чл. редкол.:</i> Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М. Т. 1. 478 с.; Т. 2. 502 с. (<i>сост.</i> совм. с Э. В. Колосовой, А. А. Ходак, В. В. Цаплинным, Ю. И. Герасимовой, М. Н. Кузьминской, Е. П. Маматовой, Н. Е. Новиковой, И. Ф. Петровской).
Встречи декабристов с петрашевцами // Лит. наследство. М. Т. 60. С. 616—628.	1964
<i>Ред.:</i> Революционное движение в Черноморском флоте 1905—1907 гг.: Сб. документов. М. 313 с.	<i>Подгот. публ.:</i> М. А. Рейснер. Первая советская конституция // Неделя. 25 нояб.—5 дек.
1957	1965
Западное средневековье в рукописях Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина // Средние века. Вып. 10. С. 285—305.	Архив Л. М. Рейснер // ЗОР ГБЛ. Вып. 27. С. 43—92.

* Составитель Ю. П. Благоволина. В списке не указана работа С. В. Житомирской как редактора издания ЗОР ГБЛ (Вып. 15—20, 1953—1958), ответственного редактора ЗОР ГБЛ (1959—1975. Вып. 21—36), заместителя главного редактора серии «Полярная звезда», выходящей в Иркутске (с 1979 г.), в качестве которого она работала над томами: Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. 1980; Т. 2. 1983; Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. 1983; Лорер Н. И. Записки декабриста. 1984; Розен А. Е. Записки декабриста. 1984; члена редколлегии изданий: ТГБЛ (Т. 1—8. 1957—1965), История Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (1962), ЗОР ГБЛ (Вып. 37—39, 1976—1978).

Подгот. публ.: Бонч-Бруевич В. Д. Первый номер газеты «Известия» // Неделя. 12—18 сент.

Подгот. публ.: Рихтер Д. И. Люди и встречи // Неделя. 23—29 мая.

1967

Подгот. публ.: Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич: Краткая автобиография члена партии Р.К.П. Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (билет № 111489). Моя литературная и научно-исследовательская деятельность // История СССР. № 2. С. 96—104.

Вступ. заметка к публ.: Два письма Ларисы Рейснер // Дружба народов. № 4. С. 243—244.

1969

Печатная информация об архивных документах // СА. № 2. С. 39—43.

Подгот. текста, пер., примеч.: Письмо Р. М. Рильке к кн. С. И. Шаховскому // ЗОР ГБЛ. Вып. 31. С. 240—248.

1971

К истории писем Н. Н. Пушкиной // Прометей. М. Т. 8. С. 148—165.

Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников // АЕ за 1970 год. М. С. 28—42.

Сост.: Методические рекомендации по научно-технической обработке архивных фондов личного происхождения. М. 112 с. (совм. с Э. И. Бакстом, М. Г. Ватолной, М. Я. Ржезниковой, В. А. Роговой, И. А. Станкевич).

1972

Новые пушкинские автографы // Наука и жизнь. № 8. С. 80—85.

Женевский дневник Анны Григорьевны Достоевской // Лит. газ. 16 авг.

Искать и быть оптимистом: [О поисках автографов Пушкина] // Неделя. 10—16 апр.

Storage and use of documents in libraries and museums. М. 22 p. (ротапр.).

1973

Подгот. текста, вступ. статья, примеч.: Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Лит. наследство. М. Т. 86. С. 155—290.

1975

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина // СА. № 3. С. 36—41.

Подгот. текста, пер.: «Memoirs pour servir à l'histoire de l'opposition en Russie» (из дневника С. Ф. Уварова) // ЗОР ГБЛ. Вып. 36. С. 114—160.

Музыка революции: [О Ларисе Рейснер] // Лит. газ. 21 мая.

Сотри случайные черты... [О декабристских материалах в Сибири] // Комс. правда. 24 дек.

1976

Первый музей русского освободительного движения // Федоровские чтения, 1974. С. 26—50.

Рукописные фонды Библиотеки имени В. И. Ленина: формирование, современные проблемы, перспективы // ТГБЛ. Т. 13. С. 141—158.

Новые исследования по истории движения декабристов // Наука сегодня. М. Вып. 4. С. 141—145.

То же // Наука и человечество. 1977. М. С. 474.

Репертуар отечественного слова. Архивы библиографов и книговедов // В мире книг. № 12. С. 84—85.

Что мы оставим в наследство?: [О собирании архивов «рядовых» людей] // Лит. газ. 15 сент.

Сост., ред., предисл.: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей: [По фондам ОР ГБЛ]. М. 621 с. (сост. совм. с Л. П. Балашовой, К. И. Бутиной, Л. В. Гапченко, Г. И. Довгалло, Н. В. Зейфман, Л. М. Ивановой, Г. Ф. Сафроновой, А. Б. Сидоровой, М. О. Чудаковой).

1977

Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // АЕ за 1976 год. М. С. 41—59.

1978

Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Иркутск. Вып. 1. С. 28—40.

1979

Дневник дочери декабриста // ПКНО, 1978. М.; Л. С. 68—75.

К истории мемуарного наследия А. О. Смирновой-Россет // Пушкин: Исследования и материалы. Л. Т. 9. С. 329—344.

Личные архивные фонды как объект собирания // Проблемы полевой археографии. М. С. 82—92 (ротапр.).

Подгот. текста, пер., вступ. статья, коммент.: Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма. Иркутск. 480 с. Совм. с С. В. Мироенко. (Полярная звезда).

1981

Еще о слове «декабристы» // Сибирь и декабристы. Иркутск. Вып. 2. С. 181.

Вступ. статья к публ.: Из архива И. И. Пущина // Там же. С. 187—193. «Обзорные проявления политической жизни в России» М. А. Фонвизина в русской заграничной печати конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. (Проверка одной версии) // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. С. 76—88.

1982

Общественные музеи и архивы «рядовых» людей // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи. М. С. 28—33 (ротапр.).

Подгот. текста, вступ. статья, коммент.: Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Иркутск. 430 с. Совм. с С. В. Мироенко (Полярная звезда). *Сост.* (совм. с А. А. Курносвым), *чл. редкол.:* Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и куль-

туры. Ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи. М. 186 с.

1983

Вступ. статья к публ.: Из архива И. И. Пущина. Письма Н. В. Басаргина // Сибирь и декабристы. Иркутск. Вып. 3. С. 159—164.

На стороне воли. [О М. А. Фонвизине] // Знание — сила. № 1. С. 37—39.

1985

Из истории утопического социализма в России. Декабрист М. А. Фонвизин и «русский социализм» Герцена // Герцен — мыслитель, писатель, борец. М. С. 109—118.

Судьба архива А. И. Герцена и Н. П. Ога-

рева // Лит. наследство. М. Т. 96. С. 549—640.

Подгот. текста, вступ. статья, коммент.: Воспоминания А. О. Смирновой-Россет // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М. Т. 2. С. 158—176.

Подгот. текста, вступ. статья, коммент.: Огарев, Бакунин и Н. А. Герцен-дочь в «нечаевской истории» (1870 г.) // Лит. наследство. М. Т. 96. С. 413—546 (совм. с Н. М. Пирумовой).

«Судила здраво и светло...»: Из Автобиографических записок А. О. Смирновой-Россет // Лит. газ. 13 февр.

Отв. ред.: Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск. 607 с. (Полярная звезда).

III. ПУБЛИКАЦИИ

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО ИВАНУ ГРОЗНОМУ В СБОРНИКЕ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII В.

До настоящего времени самые ранние списки текстов, относящиеся к знаменитой переписке князя Андрея Курбского с царем Иваном Грозным, датировались 20–30-ми годами XVII столетия, что дало возможность американскому ученому Э. Кинану выдвинуть в 1971 г. гипотезу о позднем происхождении этих литературных памятников и о подложности ряда других сочинений Курбского и Грозного¹. В развернувшейся после выхода в свет книги Кинана обширной полемике, в которую включились многие зарубежные и советские исследователи, доказана ошибочность концепции американского ученого². Полемика шла в основном вокруг текстологических проблем. Введенные в научный оборот новые ранние списки посланий Курбского и Грозного (в работе Кинана, в ходе полемики А. А. Зиминым, при подготовке Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыковым нового издания переписки в серии «Литературные памятники») также не выходили за рамки второй четверти XVII в. В то же время в источниках XVI в. имеются определенные указания на факт переписки, существуют списки других сочинений этих авторов, относящиеся к этому столетию³.

Обнаруженный нами список Первого послания Курбского Грозному никогда не был использован при издании и изучении переписки. Он находится в сборнике, хранящемся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Основном собрании рукописных книг под шифром Q. XVII.67 (ранее входил в собрание Ф. А. Толстого, № 195⁴) на л. 16 об.—17. Этот сборник хорошо известен и неоднократно

¹ Keenan E. L. The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. The Seventeenth Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971.

² Краткий обзор литературы, вышедшей в ходе дискуссии, см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л., 1979 (2-е изд.— М., 1981). С. 251—253. Общую библиографию работ о творчестве Курбского и о переписке см.: Гладкий А. И., Цезанович А. А. Курбский Андрей Михайлович: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Летописцы и историки // ТОДРЛ. 1985. Т. XXXIX. С. 78—80. Наиболее развернутая критика построений Э. Кинана содержится в книге Р. Г. Скрынникова «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана» (Л., 1973). Из последних работ, подводящих итоги дискуссии и опровергающих концепцию Кинана, следует отметить вышедшую в 1980 г. в Копенгагене книгу: Rossing N., Rønne V. Apocrypha — not Apocriphal. A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980.

³ В последнее время были введены в научный оборот новые документы XVI в., свидетельствующие о переписке Грозного и Курбского (Флора Б. Н. Новое о Грозном и Курбском // История СССР, 1972, № 3. С. 144—145; Юзефович Л. А. Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 143—144; Грехем Х. Ф. Вновь о переписке Грозного и Курбского // ВИ, 1984, № 5. С. 174—178). Об обнаруженном А. Н. Коротковым в Научной библиотеке Гартуского государственного университета списке 1560—1570-х годов послания Курбского старцу Псковского — Печерского монастыря Вассиану см.: Скрынников Р. Г. Грозный и Курбский // Studia Slavica. Budapest, 1985. Т. 31. Р. 288.

⁴ См.: Калайдович К., Строев П. обстоятельное описание славяно-российских рукописей... Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 343—354. Рукопись датирована по почерку началом XVII в. Толстой получил рукопись от К. Ф. Калайдовича, который отде-

большим исключением), по определению Калайдовича и Строева, «мельчайшим почерком» (высота букв на некоторых листах не превышает 1 мм)⁶. Таким образом, при небольшом объеме сборника (234 л. в 4°) его составителю удалось поместить огромное количество текстов (по предварительным подсчетам свыше 400), зачастую не выделенных заголовками и не отделенных друг от друга, что чрезвычайно затрудняет их восприятие. Калайдович и Строев, стремясь достичь подробного описания состава рукописи и выделив 117 статей, не могли обойтись без глухих указаний на целый ряд листов: «Отрывки духовного содержания», «Отрывки разного содержания». Первое из этих определений и было дано текстам на л. 11–17, где на л. 16 об.–17 находится список Первого послания Курбского Грозному в окружении ряда других памятников и выписок.

Данный сборник состоит из нескольких комплексов отдельных тетрадей, писанных его составителем в разное время, очевидно в разных местах. Он требует тщательного кодикологического анализа и детального описания состава, чему предполагается посвятить специальную работу (планируется для публикации в одном из последующих томов „Археографического ежегодника“); поэтому настоящие наблюдения носят предварительный характер. Сборник имеет ряд специфических особенностей, которые, с одной стороны, расширяют возможность для исследования его происхождения, но с другой, требуют осторожности в окончательных выводах.

В начале рукописи на л. 1 помещена уникальная автобиография его составителя и писца (имя его пока остается неизвестным). Она замечательна не бытовыми подробностями, а строгой документальностью и точностью в датах. Очевидно, в ее основе лежали ежедневные дневниковые записи. Указана точная дата рождения — 4 ноября 1561 г. Отмечено начало «учения книжного» в семь лет. Далее идут не совсем понятные из-за дефектов рукописи (края листов, особенно в начале, повреждены и подклеены другой бумагой) и особой формы сокращенных написаний итоговые записи о поступлении его в 12-летнем возрасте секретарем-нотариусом к какому-то иерарху. Важной представляется следующая фраза: «во иноческий образ ввел кин[овиарх] Сол[овецкий] от создания миру в лето 7088 (1580 г.) апреля 20». На эту фразу не обратили внимания даже те немногие исследователи, которые изучали рукопись и охарактеризовали биографические заметки в ее начале (П. К. Симоны, А. С. Орлов). Между тем этот факт имеет большое значение для изучения сборника и входящих в него текстов. Дальнейшая биография молодого постриженника Соловецкого монастыря необычна. С 1587 г. его жизнь состоит, как отмечали первые описатели сборника, «в беспрестанных переходах из одного монастыря в другой, наиболее Северной России»⁷. С пунктуальной точностью отмечена каждая дата прихода и выхода из того или иного монастыря вплоть до 1 марта 1621 г., когда автор записей вернулся «по зову в Нилов скит». Всего за 35 лет указано на 67 переходов (круг северных монастырей весьма широк, но посещение некоторых из них было регулярным). Краткие сведения автобиографии на л. 1 дополняются содержанием ряда посланий, писем и челобитных, вероятно составлявшихся владельцем сборника в разное время (в основном в конце XVI в.), а затем скопированных на л. 211–216 в качестве образцов (имена заме-

⁶ Воспроизведение трех листов рукописи с некоторым увеличением см.: *Симоны П. К. История обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и пикетном строении*. СПб., 1906 (ПДПИ; Вып. CLXI). Табл. VI–VIII. П. К. Симоны отметил, что сборник писался одним лицом в разное время — в конце XVI, в начале и в первой половине XVII в. (С. X, 31–33). Факсимильное гравированное воспроизведение части листа 1 об. отделенной тетради со списком Судебника 1550 г. приложено к его изданию 1819 г. Уменьшенную фотокопию этого листа см.: *Автокротова М. И., Буганов В. И. Сокровищница документов прошлого*. М., 1986. С. 141.

⁷ *Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей...* Ф. А. Толстого. С. 343.

нены на имярек) ⁸. Кроме того, на л. 145 имеется запись, неясная по содержанию, указывающая наиболее позднюю дату для данной части сборника — 7130 (1621/1622) г.⁹ (текст записи написан одновременно с текстом данной тетради).

Сборник сложился в результате приведения в порядок владельцем своей библиотеки-архива в начале 1620-х годов. В собрание Ф. А. Толстого (и, вероятно, к Калайдовичу) он поступил с утратой ряда составных частей, возможно в виде переплетенных тетрадей (современный картонный переплет сделан в XIX в. в Публичной библиотеке). В первый комплекс входят две тетради — л. 2—3 и 4—6, которые снабжены оглавлением, написанным на л. 1 об. в то же время, что и автобиография, т. е. около 1621 г. (это оглавление воспроизведено и опубликовано П. К. Симони — табл. VI, с. 33—37). Первая тетрадь, входящая в этот комплекс, содержит список Кормовой книги Тихвинского Успенского монастыря (сделан на двух листах!) и имеет важнейший датирующий признак — запись: «Писан на Тихвине в 7098 (1589/1590) году» (Л. 2). До 19 мая 1591 г., согласно автобиографии, составитель сборника был в Тихвине.

Следующий комплекс, составляющий основной объем всего сборника (Л. 7—198), включает 25 нумерованных тетрадей — с 4 по 27 (первые три тетради утрачены, две тетради носят номер 14). На л. 199—204 помещено оглавление этого комплекса тетрадей. Необходимо отметить, что данное оглавление продолжается (Л. 204—208) детальным описанием других рукописей и документов — вероятно, всей большой библиотеки-архива неизвестного монаха (в ее состав наряду с рядом больших кодексов входило множество отдельных тетрадей и столбцов). В связи с этим можно предположить, что данный комплекс тетрадей почитался главным среди его рукописей. Описание всей библиотеки-архива происходило после 1621/1622 г. — тетрадь 21 с этой датой в записи отмечена в оглавлении, но, вероятно, не намного позже (об этом говорит сходство почерка и филиграней оглавления и ряда описанных в нем тетрадей ¹⁰).

Третий комплекс, помещенный после оглавления — л. 209—234, состоит из неполных тетрадей, представленных в основном только двумя листами, относящимися к разному времени и, очевидно, произвольно расположенными при позднейшем переплетении. Возможно, их удастся отождествить со статьями второй части оглавления (в ней отмечена тетрадь со списками Судебника 1550 г.). В этих тетрадях наряду с литературными текстами помещен ряд записей, носящих личный, памятный характер.

Важнейший вопрос о датировке нового списка Первого послания Журбского Грозному можно решить при комплексном палеографическом,

⁸ А. С. Демян, исследовавший эти тексты, вместе составляющие оригинальный письмовник, расшифровал имя автора одного из посланий — «Исихиа» (Демян А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. 1964. Т. XX. С. 94—95, 99). Однако, данное послание, адресованное монахине, вместе с двумя другими «любовными» (по определению А. С. Демяна) посланиями, выделяются среди остальных скопированных текстов общей формой. Большинство же посланий и писем имеют точное указание на место написания — различные монастыри, состав которых соответствует автобиографии писца — составителя сборника. Идентифицировать писца сборника с автором послания — Исихией — возможно только при находке упоминаний этого имени в источниках, согласуя их с автобиографией. Необходимы также поиски других его рукописей.

⁹ В описании Калайдовича и Строева (С. 350) запись воспроизведена не совсем точно. По нашему мнению, в ней упоминается игумен Переяславского Федоровского монастыря Рафаил.

¹⁰ Оглавление и описание библиотеки архива (Л. 199—208) написаны на бумаге с филигранью — двуручный кувшинчик с навершием в виде грозди винограда и неясной фигурой на тулове (розетка?, деформированные литеры?). Знаки сходного вида см.: *Healwood E. Watermarks, mainly of the 17-th and 18-th centuries. Amsterdam, 1950, N 3640 (1611 г.), N 3645 (1620 г.)*. На бумаге с филигранью этого вида написаны тетради 14-вторая (Л. 85—92), 24 (Л. 164—171), 26 (Л. 180—187).

кодикологическом и текстологическом анализе сборника Q.XVII.67. Послание Курбского помещено в тетради 5 основного комплекса нумерованных тетрадей. Эта тетрадь (Л. 12, 14–18), как и первая из сохранившихся в этом комплексе — тетрадь 4 (Л. 7–11, 13.), написана на бумаге с одной филигранью, которая и должна бы была решить вопрос о датировке. Однако эта филигрань из-за дефектов обеих тетрадей (они неполны, и их отдельные листы перекутаны при переплетении) просматривается очень неясно: литеры (видны лишь их фрагменты, напоминающие полумесяцы) под довольно большой короной. Прямых аналогий в альбомах Ш. Брике и Н. П. Лихачева обнаружить не удалось, хотя подобный тип знаков известен — он широко использовался французскими бумажными фабриками во второй половине XVI в.¹¹

Датировать тексты, написанные в тетради 5, позволяют филигранные следующих тетрадей — 6–12, непосредственно связанных с ней, но написанных на другой бумаге. В конце тетради 5 помещены грамматические статьи, оканчивающиеся в тетради 6. Тетрадь 6 (Л. 19–20) объединяется с тетрадью 7 (Л. 21–28) единым текстом (продолжаются патериковые повести) и, в свою очередь, связана со следующей парой тетрадей: 8–9 (Л. 29–36, 37–44). С конца тетради 9 начинаются выписки из собрания сочинений Максима Грека, продолжающиеся в тетрадях 10–12 (Л. 45–52, 53–60, 61–68). Хотя не все филигранные в этих тетрадях удалось пока точно идентифицировать, в целом они определенно указывают на бытование данной бумаги в конце XVI в.: тетрадь 6 — одноручный кувшинчик с короной и розеткой и литерами на тулове PD (повернуты в разные стороны относительно друг друга) — вида: Лихачев¹², № 1949, 1950 — 1594 г., Гераклитов¹³, № 405 — 1594 г.; тетрадь 7 — аналогичный кувшинчик с литерами на тулове IN — вида: Лихачев, № 1953, 1954 — 1594 г. (эта филигрань, но уже в деформированном виде, отмечена и в более позднее время — Гераклитов, № 410 — 1597 г., № 411, 412 — 1607 г.; Лихачев, № 1965, 1966 — 1611 г.); тетрадь 8 — гербовой щит с неясным изображением — не идентифицирован; тетрадь 9 — кувшинчик, аналогичный вышеописанному, литеры не просматриваются — не идентифицирован; тетрадь 10 — аналогичный кувшинчик с литерой на тулове M(?) — Брике¹⁴, № 12766 — 1596 г.; тетради 11 и 12 — двуручный кувшинчик с литерами на тулове MF — сходные Тромонин¹⁵, № 491, 966 — около 1595 г.

Датирующим признаком тетради 5 может служить и тип письма, которым написано Первое послание Курбского Грозному. Это каллиграфическая скоропись второй половины XVI в., содержащая полууставные написания отдельных букв. Именно этим типом письма написаны в 1590 г. список Кормовой книги Тихвинского монастыря и следующая тетрадь в первом комплексе (из нее л. 4 об. воспроизведен П. К. Симоном в табл. VII), а также тексты в тетради 4. Характеризуя один из них (известие о землетрясении в Константинополе), А. И. Соболевский отметил, что «по письму он мог быть отнесен к концу XVI в.», и указал в связи с этим на наличие здесь же краткого летописца, последнее известие которого относится к 1591/1592 г.¹⁶ Следует отметить, что тот же писец — составитель сборника — обладал и другими вариантами письма. Уже в конце той же тетради 5 он начал писать несколько иной скорописью. Заметно отличается его письмо в тетрадях, написанных в начале — пер-

¹¹ В изучении филиграней сборника существенную помощь оказал А. А. Амосов, за что искренне его благодарим.

¹² Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. (Далее: Лихачев).

¹³ Гераклитов А. А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. (Далее: Гераклитов).

¹⁴ Briquet C. M. Les filigranes. P., 1907.

¹⁵ Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844.

¹⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси в XIV—XVII вв. СПб., 1903, С. 386.

вой четверти XVII в. (см. тетради 14 — вторая, 21, 24—26, автобиография, оглавления первого и второго комплексов), становясь еще более индивидуальным и изысканным; особенно характерны выносные буквы, связанные со строчными (см. у П. К. Симони табл. VI — оглавление первого комплекса, VIII — л. 164 в тетради 24).

Таким образом, внешние палеографические признаки нового списка Первого послания Курбского Грозному в сборнике Q.XVII.67 указывают на конец XVI в. Аргументы для обоснования этого возникли и при изучении состава сборника. Так, в указанной группе связанных между собой тетрадью 4—12, содержащих ряд исторических текстов, в том числе летописных заметок, никак не отразились события начала XVII в., тогда как в других тетрадях филигрانی и почерк которых указывают на более позднее время, имеются списки памятников, относящихся к публицистике Смутного времени — «Повести о видении некоему мужу духовному» протопопа Терентия 1606 г. (Тетрадь 24. Л. 166 об.— 167 об.), Послеловия печатной Минеи служебной 1607 г., носящего ярко выраженный панегирический характер по отношению к царю Василию Шуйскому (Тетрадь 25. Л. 177—178). Возможно, последний текст был переписан вскоре после его появления. В тетради 25 помещена статья «О великих князьях русских» (Л. 176); последним в ней назван царь Михаил Федорович. Однако не исключено разновременное написание как и всей статьи по отношению к другим текстам тетради, так и последних имен в перечне правителей (вариант скорописи один, но разные чернила, высота букв и т. д.).

Детальное изучение состава сборника Q.XVII.67 в связи с происхождением данного списка Первого послания Курбского Грозному — задача специальной работы. На формировании сборника, безусловно, отразились индивидуальные вкусы писца-составителя, его необычная биография, давшая повод сделать предположение о связи ряда текстов, помещенных в рукописи (в том числе в группе тетрадью 4—12, содержащих список Послания Курбского), с соловецкой книжной традицией. Но, исходя из того, что неизвестный монах находился в Соловецком монастыре после пострижения в 1580—1587 гг. и впоследствии вернулся и жил в нем только в 1606—1609 гг., вопрос о месте написания тетрадью 4—12, начатых не ранее 1591/1592 (летописец в тетради 4), филигрانی которых указывают на конец XVI в., требует тщательного текстологического исследования.

В сборнике Q.XVII.67 прослеживается и традиционный конвой Первого послания Курбского Грозному. Это помещенные в той же тетради 5 на л. 14 об.— 15 тексты, связанные с популярным в XVII в. сложным легендарно-политическим произведением, известным в современной литературе как Повесть о двух посольствах¹⁷. Вначале на л. 14 об. идут полные тексты послания Ивана Грозного к турецкому султану и ответа турецкого султана, обычно замыкающие цикл рассказов о посольствах Андрея Ищеина к турецкому султану в 1570 г. и князя Захария Сугорского и Ждана Квашнина к императору Максимилиану в 1576 и 1578 гг. (но не связанные с ними по содержанию и имеющиеся далеко не во всех списках). Далее помещены два фрагмента из этих пространных рассказов: 1) начало грамоты царя Ивана Васильевича, посланной с Андреем Ищеиным, содержащее титул турецкого султана, и продолжающий ее текст первой речи посла, содержащий титул русского царя (Л. 14 об.; окончание, очевидно, помещенное на л. 15, утрачено); 2) титул императора Максимилиана и титул русского царя из грамоты, посланной с князем Захарием Сугорским (Л. 15; начало утрачено).

В настоящее время существовавшая ранее точка зрения на датировку Повести о двух посольствах первой четвертью XVII в. (после 1613 г.)

¹⁷ Исследование и публикация текстов первой редакции см.: Каган М. Д. Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. 1955. Т. XI. С. 218—253.

пересмотрена. М. Д. Каган считает теперь, что повесть могла быть написана в какой-то переломный период в истории России конца XVI — начала XVII в., возможно во время наибольших успехов в правлении Бориса Годунова (1590-е годы), но не отказывается от предположения о связи повести с преодолением «смуты» (тогда как верхняя граница времени появления текста повести определяется записью на одном из ее списков — 1608 г.)¹⁸. Американский исследователь «турецкой темы» в древнерусской литературе Д. К. Уо также полагает возможным появление ее в самом конце XVI в., но более вероятным считает отнести повесть к первым годам XVII в.¹⁹ Не останавливаясь специально на особенностях этих текстов, следует отметить одну характерную деталь данного списка переписки царя Ивана Грозного с турецким султаном, в целом соответствующего тексту, следующему за рассказом о посольствах. Титул турецкого султана содержит определение: «Черноморский», отсутствующее во всех привлеченных М. Д. Каган для издания списках, но имеющееся в открытом и опубликованном Д. К. Уо другом варианте переписки царя с султаном и, в свою очередь, соответствующее титулу турецкого султана в подлинных посольских документах²⁰.

Текстологическое изучение Первого послания Курбского Грозному в последнее время сильно продвинулось вперед. Определенные достижения в этом направлении сделаны в книге Э. Кинана, окончательно установившего деление списков памятника на две редакции. В полемической статье А. А. Зимина было обосновано деление списков первой редакции на две группы, а внутри групп — на виды и подвиды²¹. Выводы А. А. Зимина были в основном использованы Ю. Д. Рыковым в археографическом обзоре списков Послания при его издании²².

Новый, на нынешний день, вероятно, самый ранний список Первого послания Курбского Грозному в сборнике Q.XVII.67, не имеет принципиальных отличий от уже известных текстов. Заглавие списка перед текстом: «Послание Курбского», в оглавлении сборника текст назван с номером статьи в комплексе нумерованных тетрадей: «121. Послание Курбского к царю Ивану» (Л. 199 об.). Текст относится к первой редакции Послания и содержит все ее отличительные черты от второй редакции. Но два чтения выделяют его среди других списков первой редакции и находят аналогии во второй: 1) «и подручны во всем тебе их сотворили» (в большинстве списков первой редакции: «и подручны тебе их во всем сотворили»); 2) «разсеченья тобою» (вторая редакция: «избиенные тобою», другие списки первой редакции: «разсеченные от тебя») (см.: Переписка. С. 254—255).

В новом списке прослеживаются все отмеченные особенности, характерные для первой группы списков первой редакции, отличающие ее от второй группы: «И больши сего о сем глаголати», «изрещи ти». «Про что царю», «до влас прегрешения», «одесную силы ве[личест]виа» [«таким по]такати». Последнее чтение в других списках первой группы имеет аналогию «таким почитати» (в отличие от второй группы: «быти таковым потоковником»). Но только в новом списке оно полностью соответствует чтению этих слов во второй редакции Послания (см.: Переписка. С. 268).

Первая группа первой редакции Послания была разделена на два вида, а второй вид, в свою очередь, — на два подвида. Из-за утрат текста (повреждены края листов) невозможно проследить те особенности, по-

¹⁸ Каган М. Д. Посольские повести: (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII века). Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. Л., 1978. С. 3.

¹⁹ Waugh D. K. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio), 1978, P. 175.

²⁰ Ibid. P. 176—177, 220—221.

²¹ Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI. С. 176—201.

²² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 251—292. (Далее: Переписка)..

которым ряд списков первой группы был отнесен ко второму виду: особый заголовок перед постскриптумом, чтение «дальних и окольных». Не отражено в тексте и чтение «труды и поты». Однако о принадлежности нового списка ко второму виду можно заключить из связи его рядом общих чтений со списками второго подвида, выделенного в нем (списки О, Ов, Ар и Хл см.: Переписка. С. 251—263, 271). В первую очередь, необходимо отметить, что с ними список в сборнике Q.XVII.67 связан близостью заголовка. Только в них и в занимающем особое место списке Пн в отличие от всех других списков первой и второй редакции в заголовке употреблен термин «послание» (эта общая черта для списков О, Ов, Ар и Хл ранее не отмечалась. Ср.: Переписка. С. 268, 271). Связывает новый список со списками второго подвида общее чтение: «седей» и сходное: «разторгнул». Однако вместо общего, очевидно вторичного, чтения списков О, Ар, Хл и Пн «кровных жерцов» и искаженных чтений в других списках первой редакции в новом списке, так же, как и в наиболее исправном списке, положенном в основу издания, и в списках второй редакции читается; «Кроновых жерцов» (характерно, что в списках второй редакции в этих словах искажений не отмечено (см.: Переписка. С. 355—356).

Дальнейшее текстологическое изучение показало близость нового списка Первого послания Курбского Грозному к одному из списков данного подвида — списку О (ГБЛ, ОИДР, № 197), игравшему важную роль в построениях Э. Кинана, считавшего его наиболее близким к архетипу памятника²³. В то же время новый список обладает одним существенным отличием текста от списка О. Э. Кинан придавал особое значение отсутствию в списке О постскриптума Послания Курбского после слова «Аминь» и считал его позднейшим дополнением²⁴. В сборнике Q.XVII.67 (что особенно важно подчеркнуть) эта концовка имеется.

Перечислим общие чтения списка в сборнике Q.XVII.67 и списка О, выделяющие их в числе списков второго подвида и в большинстве случаев в числе всех остальных списков I редакции: 1) сопоставимые с отмеченными чтениями списка О среди групповых различий при издании Переписки: «сопротивнѣ», «Про что», «Или безсмертен», «Прельщен еси», «и надежде», «подвигнул», «не свем», «виновата и согрешивша», «войском», «не мудрствуй» «аки хваляся» «[предстоят] владычня» (над строкой «господня») «умышляеши», «сие писание» (ср.: Переписка. С. 353—355); 2) сопоставимые с отмеченными Э. Кинаном чтениями списка № 197 (О) при издании сводного текста Первого послания Курбского и не отмеченными при издании Переписки: «сведетеля представлях», «полков твоих чужим [полком хреп]том обратих», «во многих летех», «Царю не помышляй», «разсеченныя тобою» («тобою» соответствует второй редакции)²⁵; 3) сопоставимые с неотмеченными в литературе чтениями списка О, выделяющими его среди списков второго подвида (ср. списки Ов и Хл): «поущаюся» (в О исправлено), «И коего зла», «туне тобою», «вопиют на тя день и ночь».

Одно общее чтение нового списка со списком О имеет особое значение. Э. Кинан отметил, что в списке О читались фраза «за благая моя воздал ми еси злая», близкая к тексту «Жалобы» каменецподольского монаха Исайи («за благая моя воздал ми злая») в отличие от всех других списков Послания Курбского, где в том же пассаже слова стоят в другом порядке, и считал это одним из главных доказательств близости списка О к архетипу²⁶. Этот тезис был подвергнут критике А. А. Зиминым, считавшим совпадение списка О с текстом Исайи в данном месте

²³ Критический разбор аргументации Э. Кинана о близости списка О к архетипу см.: Зимин А. А. Первое послание Курбского Грозному. С. 186—187.

²⁴ Keenan E. L. The Kurbskii — Groznyĭ Aposcrypha. P. 128—129.

²⁵ Ibid. P. 167—169.

²⁶ Ibid. P. 28—29, 154.

случайным²⁷. В списке Послания Курбского в сборнике Q.XVII.67 эта фраза порядком слов точно соответствует списку О.

На другую важную особенность текста списка О, характерную и для нового списка Послания Курбского, исследователи не обратили достаточно внимания. Только в этих списках окончание первой фразы, обвинявшей царя, имеет следующий вид: «свет во тьму предложити и тму в свет и сладкое горько прозвати и горькое сладко» (выделенные курсивом слова отсутствуют в других списках)²⁸. Ю. Д. Рыков установил источник этого текста — библейскую книгу пророка Исаи, в которой эта фраза строилась именно на приеме риторического противопоставления: «полагающим тму свет и свет тму, полагающим горькое сладкое и сладкое горькое», но порядок этих повторов был обратный тексту Послания Курбского Грозному. Но еще более важным теперь представляется наблюдение Ю. Д. Рыкова об употреблении Курбским данного текста в другом послании 1575 г. польскому шляхтичу К. Чапличу точно в том порядке повторов и противопоставлений, в котором они читаются в списках Послания Грозному Q.XVII.67 и О²⁹.

Список Первого послания Курбского Грозному в сборнике Q.XVII.67 обладает и рядом чтений, не находящихся соответствия в других списках. Наибольшее их количество связано с особенностью правописания составителя сборника. Он придерживался не характерной уже для конца XVI в. книжной славянизированной орфографии (она ясно прослеживается и в других текстах сборника Q.XVII.67), отразившейся в основном на окончаниях слов. Отсюда чтения: «разумеваа», «имуца», «пролиал», «церковняя», «облыгаа» и т. д. В связи с этой индивидуальной особенностью писца, вероятно, произошли чтения: «христианстии» (вместо «критьянский»; ср. О и Ов «християнстии», Хл «христианския»), «христианстей» (вместо «христианской») и др. Встречаются пропуски союзов и предлогов.

Имеются и более существенные разночтения. В одном случае употреблено иное слово — «соглагольник» (вместо «согласник»); в другом смысл слова изменился с употреблением предлога и исчезновением приставки: «пред без[начальной]» (вместо «пребезначальной»). В двух случаях слова стоят в ином порядке: «вопити на тя со слезами (вместо «со слезами вопити на тя»); «царю ложнаа» (вместо «ложная царю»).

Подводя итоги первым наблюдениям над новым списком Первого послания Курбского Грозному, следует сказать, что для гипотезы об отнесении начала Переписки к 20-м годам XVII в. не остается оснований. Та часть сборника Q.XVII.67, в которой был переписан текст Послания, безусловно, относится к более раннему времени — вероятно, к концу XVI в.³⁰

Наиболее ранний список Первого послания Курбского позволяет по-новому взглянуть на его рукописную традицию. Близость нового списка к списку О наряду с большей исправностью заставляет более внимательно отнестись к предположению Э. Кинана о близости списка О к архетипу Послания, отбросив окончательно его неверные выводы о возмож-

²⁷ Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному. С. 187. В работе А. А. Зимина цитирование данного фрагмента текста списка О произведено неточно — отсутствует слово «моя» (в рукописи оно написано над строкой тем же почерком и чернилами). Ошибка повторена и в археографическом обзоре списков Первого послания Курбского Грозному при издании Переписки; также этот вариант не отмечен и в разночтениях, хотя относится к типу групповых разночтений (Переписка. С. 275, 353).

²⁸ В книге Э. Кинана данный текст приведен в вариантах в виде, не совсем удобном для понимания (р. 166, п. 36). При издании Переписки это чтение списка О не отмечено.

²⁹ Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Т. XXXI. С. 238—239.

³⁰ Даже если и окажется, что эта часть сборника составлена в Соловецком монастыре в 1606—1609 гг. (хотя одновременная залежность разной бумаги, бытовавшей в конце XVI в., маловероятна), уже более поздняя датировка будет исключена.

ном позднем происхождении этого архетипа. Соответственно подтверждается и точка зрения Я. С. Лурье о первичности всей первой группы списков. Заслуживают внимания новые примеры, подтверждающие близость отдельных чтений списков первой группы ко второй редакции Послания, близость, которую уже отмечали исследователи.

Наличие списка Послания более ранней традиции, чем сборники 20-х годов XVII в., требует еще раз обратиться к вопросу о проникновении в книжность переписки Курбского и Грозного. С одной стороны, новый список, как и некоторые другие списки первой группы, не содержит следов «печерского сборника», что соотносится с выводом о самостоятельном бытовании списков Послания в русской рукописной традиции³¹. Можно отметить, что регион странствий писца сборника Q.XVII.67 включал в себя и Вологду, и Спасо-Каменный монастырь, где находился в 1560-х годах в заточении инок Исайя, возможно, имевший в своем распоряжении текст Послания Курбского³². С другой стороны, наличие в ближайшем окружении нового списка фрагментов Повести о двух посольствах указывает на раннюю связь «конвоя» Послания с Посольским приказом³³. Таким образом, уточняется гипотеза А. А. Зимина о проникновении в рукописную традицию Первого послания Курбского Грозному наряду с другими памятниками из архива Посольского приказа (очевидно это не связано с пожаром 1626 г.)³⁴.

При публикации текста Послания его дефекты восполняются с учетом чтений наиболее близкого к нему списка О (ГБЛ. ОИДР. № 197); все исправления по другим спискам оговариваются. Дефекты текста в заключительной части, отсутствующей в списке О, восполняются по исправному в этой части списку второго вида первой подгруппы Д (ЦГАДА. Собр. МГАМИД (ф. 181). № 461/929).

Б. Н. Морозов

³¹ См.: Лурье Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Т. XXXI. С. 216; Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. С. 245—246.

³² См.: Лурье Я. С. О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским // ТОДРЛ. 1979. Т. XXXIII. С. 211—212.

³³ В этом плане следует обратить внимание на упомянутую выше малоисследованную статью сборника Q.XVII.67, расположенную в одном комплексе тетрадей с Посланием и повествующую о землетрясении в Константинополе (Л. 8 об.). Известие относится к типу «вестей» о событиях за рубежом; возможно, было записано в XVI в. в Посольском приказе и пришло из Польши (в тексте указано: «сее первее поведано... Жикгимонту»).

³⁴ См.: Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному. С. 182, 198—201.

ПОСЛАНИЕ КУРБСКАГО

л. 16 об.

Царю от бога препрославленому, паче же [во правос]лавин * пресветлу явльшуся, ныне же грех ради наших сопротивне обретеса. Разумеваа да разумеет, совесть пр[окаженну]^{2*} имуща, якова же ни в безбожных языхх обретаеся. И больши сего о сем глаголати вся по ряду не попустих языку моем[у, но гонени]я ради прегорчайшаго от державы твоея и ото многиа горести сердца поущаюся мало изрещи ти.

Про что, царю, сильных в[о Израили побил] еси и воевод, от бога данных ти на враги твоя, различными смертми разторгнул еси и победоносную святую кровь их во церкв[а]х [божиях пр]олиал еси и мученическими кровьями праги церковныя обагрил еси и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих, неслых[ованные от] века муки и смерти и гонения умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными облыгаа православных и тцаса [со усердием] свет во тьму преложити и тму в свет, и сладкое горько прозвати и горькое сладко? А что провинили пред тобою и чем про[гневаша] ты христианстии предстатели? Не прегордыя ли царства разорили и подручны во всем тебе их сотвори-

* Испр. по Ов, Хл; О православию.

2* Испр. по Ов, Хл; О прокажению.

ли, у них же прежде [в работе] были праотцы наши? Не претвердыя ли грады германския тщанием разума их от бога тебе даны быша? Сия ли нам, бедным, [воздал еси] всеродно погубляя нас. Или безсмертен, царю, мнишия, и в небытную ересь прельщен еси, аки не хотя уже предстати неумытному [судии и] надежде христианстей, богочасному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду, паче же не обинуяся прегордым гонителем [...]я^{3*} истязати до влас прегрешения их, яко же словеса глаголют? Он есть — Христос мой, седяй на престоле херувимсте одесную силы ве[личест]вия в превысоких, — судитель между тобою и мною.

И коего зла и^{4*} гонения^{4*} от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигнул еси! [Кох лж]ей и измен на мя не возвел еси! А вся приключившаа ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, [понеже гор]естию еще душа моя объята бысть. Но вкупе вся реку конечно: всего лишен бых и от земля божия туне тобою отгнан [бых. И за] благаа моя воздал ми еси злаа и за возлюбление мое — непримирительную ненависть. Кровь моя, яко вода пролита за тя, [вопиет на] тя богу моему. Бог — сердцам зритель — во уме моем прилежне смышлях и совесть мою свидетеля представлях, и исках, и зрех [смышленно] обращаая, и не свем себе, и не найдох в чем пред тобою виновата и согрешивша. Пред войском твоим хождях и исхождях и никоего [ж тебе беще]стия не приведох, но разве победы пресветлы помощью аггела господня въ славу твою поставлях, и никогда же полков твоих чюжим [полком хреб]том обратих, но паче одоления преславнаа на похвалу тебе сотворях. И сие не во едином лете, ни во двою, но во многих летех [потрудих]ся многими поты и терпением, яко мало и рожшеа мя зрех, и жены моея не познах, и отечества своего остах, но всегда [в дальних и окольн]ых градех твоих против врагов твоих ополчася и претерпевах естественныя болезни, им же господь мой Иисус Христос свидетель, паче же [учащаем б]ых ранами от варварских рук в различных битвах. Сокрушенно же ранами все тело мое имею. И тебе, царю, вся сия ни во что же бысть.

[Но хотех ре]щи вся по ряду ратныя дела моя, их же сотворих на похвалу твою, но сего ради не изрекох, зане^{5*} же лутче бог весть. Он бо есть всем [сим мздо]воздаатель и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды. Еще, царю, сказую ти к тому: уже не узриши лица моего до дни [Страшнаг]о суда. И не мни мене молчаща ти о сем: до дни скончания живота моего буду непрестанно вопити на тя со слезами пред без[начальной] троицею, в нея же верую, и призываю в помощь херувимскаго владыки матерь, надежду мою и заступницу, владычицу богородицу и всех [святых, изб]ранных божиих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Царю, не помышляй и не мудрствуй мыслями, аки уже погибших [и избивенных] от тебя неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды. Не радуйся о сем, аки хваляся сим: расчеченыя тобою у престола [предстоят] владычня^{6*} отомщения на тя просят, заточенныя же и прогнанныя тобою^{7*} без правды от земля богу вопиют на тя день и ночь! Аще и тмамы [хвалишися в го]рдости своей и при временном сем скеротекущем веце умышляеши на христианский род мучительныя сосуды, па[че же наругаешия] попираючи аггельский образ, согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы, бесогласным твоим бояром и гу[бителем души твоей и] телу, и детьми своими паче ж Кроновых жерцов . 17 действуют. О сем даже до зде. А сие писание, слезами из//[моченно, во гроб велю с собою положити, грядущими на суд с тобою бога моего Иисуса. Аминь].

^{3*} В рукописи в начале строки после обрыва стоит юс малый, перед ним неясная буква (фрагмент?), а над ним, возможно, выносная. О и хотяще; Ов и хотящему; Хл и хотящем. Ср. во второй редакции: и не обинуяся истязати (Переписка. С. 9).

^{4*-4*} Написано над строкой.

^{5*} В рукописи зае.

^{6*} Над строкой написано господня.

^{7*} Написано над строкой.

[Писано во граде Волмере государя моего Августа Жигимонта короля, от него же надеюся много пожалован быти и утешен ото всех скорбей м[оих, милостию его государско]ю, паче же ми богу помогающу.

И слышах от священных писаний, хотяща от диавола пущена быти на род христианск[ий погубителя от блуда зач]атого богоборнаго Антихриста, видех же ныне синглита всем ведома, яко от преблужения рожен есть, иже д[несь шепчет во уши] царю ложнаа и льет кровь христианску, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили, аки соглагольник делом Антихристу: не пр[игоже таким по]такати^{8*}, о царю! В законе господни первом писано: «Моавитин и аманитин, и выbledок до десяти родов во церков божию н[е входит] и проч]аа.

ГПБ. Q.XVII.67. Л. 16об.— 17.

^{8*} Восстановлено по смыслу (соответствует чтению второй редакции); Д таких почитати.

К БИОГРАФИИ АВТОРА «СКИФСКОЙ ИСТОРИИ» А. И. ЛЫЗЛОВА

Прошло 25 лет с тех пор, как в нашей историографии возобновился интерес к одной из первых русских монографий «Скифская история» и ее автору Андрею Ивановичу Лызлову¹.

В 1692 г. в России появилась рукописная книга «Скифская история», написанная служилым дворянином стольником Лызловым. Скифами автор называл монголов, татар и турок. Основной задачей этого произведения было освещение многовековой борьбы России, а также западных и южных славян, молдаван, венгров с татаро-турецкой агрессией (с XII по XVI в. включительно).

В книге, состоящей из трех частей, изданной типографским путем еще Н. И. Новиковым², говорится о происхождении народов, даются сведения о татаро-монголах, их завоеваниях, обычаях, верованиях и борьбе с ними России и ее соседей. Самая большая, третья часть книги посвящена истории турок и захватам Османской империи. Впервые в русской историографии подробно прослеживается борьба южных и западных славян против турецких завоеваний, названы герои этой многовековой эпопеи. Объединяет все это многостраничное повествование идея о славянской общности и необходимости совместной борьбы славян во главе с Россией с татаро-турецкой агрессией. Эта идея была весьма актуальной в конце XVII в. Лызлов обвинял правителей европейских стран в попустительстве османским завоеваниям. В то же время он красочно и страстно описывал многовековую борьбу поработанных народов Европы, прежде всего Балкан, против Османской империи. Автор подмечает начало, распад и упадок государственных структур; рассматривает как внутренние, так и внешнее положение отдельных стран. Он противник междоусобиц и бунтов, сторонник легитимной монархии, но при всем том сознает, что процветание государства зависит от положения «всенародства»³. Лызлов — поборник мирного сосуществования христианских и мусульманских государств; он порицает несоблюдение договоров и предательства в международных отношениях. В этом отношении его мысли созвучны деятельности известного русского дипломата середины XVII в. А. Л. Ордина-Нащокина — сторонника идеи международного сотрудни-

¹ Чистякова Е. В. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история» // Вестн. истории мировой культуры. 1961. № 1. С. 117—127; Она же. Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 284—289.

² Лызлов А. И. Скифская история. М., 1787.

³ Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Т. VI. С. 65—67.

чества. Только совместные действия европейских народов могут, по убеждению автора, преградить путь османским завоеваниям. Много внимания он отводит анализу военных сил противника и приходит к выводу о том, что боеспособность янычарского войска неуклонно падает. Приводя случаи его поражения, он срывает с Османской империи ореол непобедимости и высказывает твердое убеждение о возможности победы «во дни наша». Это был патриотический призыв к освобождению под руководством России Причерноморья и соседних Балканских стран от чужеземного ига.

«Скифская история», известная почти в 30 списках, основана на множестве источников: археологических, этнографических, фольклорных, но главным образом письменных. Среди них: — русские летописи, сказания, хронографы. Большое место занимают польские хроники Длугоша, Бельского, Меховского и др. Особенно внимательно Лызлов отнесся к хронике М. Стрыйковского; фрагменты ее он сам перевел на русский язык. Он полностью перевел книгу польского писателя середины XVII в. Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого» и приложил ее к «Скифской истории»⁴.

Кем же был автор «Скифской истории», как складывался его жизненный путь? В настоящее время имеется возможность относительно полностью восстановить его биографию. В дополнение к тому, что было сообщено в статье «Об авторе „Скифской истории“», удалось выявить документы среди материалов Разрядного приказа, хранящихся в ЦГАДА⁵. Это челобитные А. И. Лызлова, его «скаска» о материальном положении и готовности к военной службе, указы о назначениях, запись в смотренном списке. На некоторых документах (2, 5, 9—11, 13) имеются автографы историка. «Скаска» за сентябрь 1677 г. (док. 7) целиком написана его рукой. Таким образом, нам известен теперь почерк этого незаурядного деятеля отечественной культуры. При подготовке публикации привлекались и использовались в предисловии материалы того же архивного комплекса, касающиеся служебной деятельности отца Андрея Ивановича — Ивана Федоровича Лызлова. Они помогают уточнить отдельные факты биографического характера, относящиеся к самому А. И. Лызлову. Что же нового сообщают документы?

Появилась, например, возможность установить приблизительную дату рождения А. И. Лызлова. Свой первый придворный чин жильца он получил 16 июня 1670 г. Служебная карьера начиналась в те времена рано — в 15 лет. Причем к моменту назначения будущий автор «Скифской истории», видимо, еще не достиг этого возраста, что специально отмечено в указе (Док. 1). Но в октябре 1670 г. он уже готов нести военную службу (Док. 3). Можно предположить поэтому, что А. И. Лызлов родился около 1655 г. В середине 70-х годов XVII в. он удостоивается чина стряпчего (Док. 9, 13)⁶. Следующее пожалование не заставляет себя долго ждать: в декабре 1676 г. А. И. Лызлов становится государевым стольником (Док. 4). Почти через год (в феврале 1678 г.) ему назначают первый поместно-денежный оклад в 600 четвертей и 30 руб. (Док. 8). Тогда же (1677—1678 гг.) он служит в полку князя В. В. Голыцына и принимает участие в походе под Чигирин (Док. 13). Таким образом, служебная карьера А. И. Лызлова складывалась успешно.

Этому, быть может, в немалой степени способствовало положение при дворе его отца — Ивана Федоровича Лызлова. Разрядные документы фиксируют его службу (в чине жильца) начиная с 1636/37 г.⁷ В январе 1649 г. И. Ф. Лызлов по именной челобитной переводится в стряпчие. Свою просьбу он обосновывал тем, что его многочисленные родственники служили и служат «при... царской светлости в передней и в

⁴ Там же. С. 31—32.

⁵ ЦГАДА. Ф. 210. Док. 1—13 извлечены из комплекса столбцов Московского стола Разрядного приказа (Оп. 9), док. 14 — из комплекса боярских списков (Оп. 2).

⁶ В этих документах фигурируют две различные даты: 7183 и 7184 гг.

⁷ ЦГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. Д. 609. Столбик 3. Л. 69.

житие»⁸. Немало разнообразных служебных поручений довелось исполнять И. Ф. Лызлову. Наиболее подробно они перечислены в его сказке от 3 января 1681 г.⁹ Из них особенно следует выделить те, которые осуществлялись через Приказ тайных дел. Как известно, это учреждение занимало своеобразное положение в системе центрального аппарата страны, играя роль канцелярии царя Алексея Михайловича. Естественно; для выполнения заданий этого ведомства подбирались вполне доверенные лица. К ним, видимо, относился и И. Ф. Лызлов. Показательно, что еще в 1645 г. он был включен в свиту боярина В. П. Шереметева, провозжавшую из Москвы датского королевича Вольдемара после неудавшегося из-за религиозных разногласий сватовства его к царевне Ирине Михайловне. В 1657/58 г. И. Ф. Лызлов отправляется по распоряжению из Приказа тайных дел в Вятку для сыска беглых солдат; в 1658/59 и 1660/61 гг. его командируют в Смоленск, Дорогобуж, Брянск «для хлебных зборов и отпусков и для стругового дела». С аналогичным заданием он направляется в Смоленск, Дорогобуж и Вязьму в 1662/63 и 1663/64 гг. Одно из главнейших дворцовых ведомств — Приказ Большого дворца — поручает ему в 1663/64 г. быть «в Стародубских селах для розыску мужичья воровства, как хотели убить приказного человека Ивана Веревкина».

С другой стороны, не вызывает сомнений близость И. Ф. Лызлова к патриаршим кругам. Достаточно сказать, что одновременно с чином государева стряпчего он имел в начале 1670-х годов чин патриаршего боярина¹⁰, а в июле 1674 г. был назначен главой Патриаршего разрядного приказа¹¹. 17 августа 1684 г. его отпевал патриарх в церкви Введения на Хлынове¹².

Возможно, тесные связи И. Ф. Лызлова с патриаршим домом, являвшимся одним из центров книжной культуры, способствовали развитию у его сына Андрея интересов к гуманитарным наукам и языкам. Он мог знакомиться с богатейшим собранием печатных и рукописных книг. В свою очередь, в церковных верхах с интересом относились к его творчеству. Известны факты нахождения экземпляров «Скифской истории» (в том числе с дарственным автографом) в составе Патриаршей библиотеки¹³. Можно сослаться также и на запись в расходной книге Патриаршего казенного приказа, сделанную в марте 1701 г. и сообщающую о выплате денег за переплет книг, среди которых указан «летописец в десть... который писан в домовую казну с переводного летописца Андрея Лызлова»¹⁴.

Не исключено, что какие-то польские источники могли оказаться в руках Лызлова во время его поездок на Украину. В 1687—1689 гг. он четырежды отправлялся по наказам к гетману И. С. Мазепе (Док. 13), а в октябре 1687 г. ездил в Киев к воеводе И. В. Бутурлину для вручения ему царской награды¹⁵. До этого он успел в течение 35 недель (по другим сведениям — 30 недель, см. док. 13) побывать в 1677/78 г. на воеводстве вместе с отцом в Нижнем и Верхнем Ломовых (док. 9)¹⁶, принять участие в Троицком походе Ивана V и Петра I (1682/83 г.) и в Крымском походе князя В. В. Голицына «в ротмистрах у стряпчих» (Док. 13).

Материальное положение семьи Лызловых на протяжении их служеб-

⁸ Там же. Д. 223. Л. 105.

⁹ Там же. Д. 609. Столпик 3. Л. 69—70.

¹⁰ Чистякова Е. В. Об авторе... С. 287.

¹¹ ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 440. Л. 506.

¹² Московский некрополь. СПб., 1908. Т. II. С. 195.

¹³ Чистякова Е. В. Об авторе... С. 285.

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 235. Патриарший казенный приказ. Оп. 2. Кн. 179. Л. 168. Вероятно, имеется в виду хроника М. Стрыйковского.

¹⁵ Чистякова Е. В. Об авторе... С. 288.

¹⁶ Сведения о 35 неделях следует признать более точными; они совпадают с показаниями отца А. И. Лызлова — Ивана Федоровича, изложенными в его «сказке» от 3 января 1681 г. (ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 609. Столпик 3. Л. 70).

ной деятельности постепенно укреплялось. Если в 1648/49 г. И. Ф. Лызлов не имел еще в своем распоряжении ни вотчин, ни поместий¹⁷, то в 1658 г. он уже владеет в Вологодском и Перемышльском уездах 42 дворами¹⁸. Встречается также глухое упоминание за 1656 г. о наличии у него деревни в Можайском уезде¹⁹. В 1681 г. он «сказал» за собой 48 дворов²⁰. Андрей Лызлов в это же время нес военную службу лишь «с отцова поместья и вотчин» (Док. 9). Но к концу жизни он становится владельцем 70 дворов. Поместья и вотчины его находились также в Вологодском и Перемышльском уездах (Док. 13). Правда, по смотренному списку, в марте 1697 г. за ним числилось 39 дворов (Док. 14). Однако в списке учитывались владения лишь по переписным книгам.

17 июля 1696 г. А. И. Лызлов тяжело заболел (Док. 13, 14). Скончался он, по всей видимости, в 1697 г. Позднее марта этого года никаких сведений о нем обнаружить не удалось.

Так восстанавливается служебная биография и недолгий (чуть более сорока лет) жизненный путь автора «Скифской истории» дворянина Андрея Ивановича Лызлова.

М. П. Лукичев, Е. В. Чистякова

№ 1. 1670 г. июнь 16. Указ о пожаловании А. И. Лызлова чином жильца и об отсрочке его назначения на службу

178-го июня в 16 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец пожаловал из недорослей Андрея Иванова сына Лызлова, велел ево написать по жилецкому списку, а на свою государеву службу для ево молодых лет посылать не велел, покаместь он в полковую службу поспеет в указные лета.

Учинить по сему великого государя указу и к вере ево привести.

ЦГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 423. Л. 39. Подлинник.

№ 2. 1670 г. сентябрь 24. Сказка А. И. Лызлова о его земельных владениях и окладе

179-го сентября в 24 день сказал жилец Андрей Иванов сын Лызлов: государева жалованья, поместья и вотчины, за мною нет нигде ни единые чети и поместным окладом не верстан.

А скаску писал Иванов человек Федоровича Лызлова Гурка Софонов. На листе и обороте рукоприкладство: К сей скаске Андрей Лызлов руку при//ложил.

На обороте помета: 179-го сентября в 27 день взять к списку и в списке над ево именем отметить.

Оп. 9. Д. 428. Л. 429. Подлинник.

№ 3. 1670 г. октябрь *. Сказка А. И. Лызлова о его готовности к полковой службе и материальном положении

На твоей великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца службе будучи, холоп твой Андрюшка Иванов сын Лызлов, на коне с саблею в саадаке, да конь прост, да три человека з боем.

А твоего царскаго жалованья за отцом моим в розных городах, поместья и вотчины, сорок дворов. А за мною, холопом твоим, поместья и вотчины нет нигде ни одной четверти.

Оп. 9. Д. 434. Л. 103. Подлинник.

¹⁷ ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 823. Л. 48.

¹⁸ Там же. Д. 254. Л. 327.

¹⁹ Там же. Д. 270. Л. 138.

²⁰ Там же. Д. 609. Столпик 3. Л. 7 (см. также док. 9).

* Датируется по содержанию документов, входящих в состав данного столбца.

№ 4. 1676 г. декабря 27. Указ о приведении к присяге А. И. Лызлова по случаю пожалования его чином стольника

185-го декабря в 27 день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу Успенского Большого собору протопопу Кондрату з братьею привести к вере Андрея Иванова сына Лызлова для того: великий государь пожаловал, велел ево написать из стряпчих в стольники.

Справил Иван Максимов.

Оп. 9. Д. 484. Л. 67. Подлинник.

№ 5. 1676 г. декабря 30. Сказка А. И. Лызлова о его земельных владениях

185-го декабря в 30 день сказал стольник Андрей Иванов сын Лызлов: государева жалованья, поместья и вотчин, за мною нет нигде ни единой четверти.

А скаску писал человек ево Гурка Софонов сын Третьяков. На обороте рукоприкладство: Андрей Лызлов руку приложил.

Оп. 9. Д. 484. Л. 66. Подлинник.

№ 6. Не позднее 5 июня 1677 г.^{2*} Челобитная А. И. Лызлова о назначении его на службу в полк князя В. В. Голицына

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой Андрюшка Лызлов.

Написан я, холоп твой, на твою, великого государя, службу в полк боярина и воеводы князю Григорью Григорьевичу Рамодановскому, а сродичи мои написаны на твою, великого государя, службу в полк боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына.

Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня переписать в полк боярину и воеводе ко князю Василью Васильевичу Голицыну. Царь, государь, смилуйся! На обороте помета: 185-го июня в 5 день государь пожаловал, велел ево написать в полк.

Оп. 9. Д. 526. Л. 352. Подлинник.

№ 7. 1677 г. сентября 10. Сказка А. И. Лызлова о земельных владениях

186-го сентября в 10 день на службе великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в полку боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына сказал стольник Андрей Иванов сын Лызлов по святой непорочной евангельской заповеди господни еже есть: государева жалованья за мною, поместья и вотчин, нет нигде ни единой чети, то моя и скаска.

А скаску писал я, Андрей, своею рукою.

Оп. 9. Д. 551. Л. 78. Подлинник.

№ 8. Не позднее 22 февраля 1678 г.^{3*} Челобитная А. И. Лызлова о назначении ему поместного и денежного окладов

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой Андрюшка Иванов сын Лызлов.

Служил я, холоп твой, отцу твоему, государеву, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа

^{2*} Датируется по помете на л. 352 об.

^{3*} Датируется по помете на л. 392 об. документа.

да два человека людей з боем, да в обозе человек з длинною пищалью да з бердышем.

А за отцом моим Иваном Федоровичем в поместья и в вотчинах крестьянских и бобыльских дворов и задворных людей по переписным книгам 186-го году в Вологодском уезде двадцать два двора оброчных, да в Перемышском уезде адиннадцать дворов, задворных людей четыре двора, да пахотная^{5*} новая дача, что дано отцу же моему в нынешнем во 189-м году в Вологодском уезде, адиннадцать дворов оброчная. А сверх переписных книг 186-го году в тех деревнях никаких пришлых крестьянских и бобыльских дворов и задворных людей нет, то моя и скаска.

На листе и обороте рукоприкладство: К сей скаске Андрей Лызлов руку // приложил.

На обороте помета: 189-го генваря в 3 день.

Оп. 9. Д. 596. Л. 179. Подлинник.

№ 10. 1681 г. январь 10. Сказка А. И. Лызлова о его готовности к полковой службе

189-го генваря в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца стольник Андрей Иванов сын Лызлов сказал, что на службе великого государя будет со мною людей з боем и ружья. И то писано у меня в прежней скаске, а больша того прибавить мне нечего. Поместья и вотчин за мною нет ни единой чети.

К сей скаске Андрей Лызлов руку // приложил.

Оп. 9. Д. 609. Л. 111. Подлинник.

№ 11. Не позднее 5 марта 1683 г. * Челобитная А. И. Лызлова и А. М. Таузакова с просьбой оставить на службе в Москве Лызлова вместо Таузакова

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьют челом холопи ваши Андрюшка Иванов сын Лызлов, Офонька Михайлов сын Таузаков.

Служим вам, великим государем, мы, холопи ваши, в стольниках, и написан я, холоп ваш Офонька, жить на Москве в нынешней четверти, а я, холоп ваш Ондрюшка, отпущен.

Милосердные государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы! Пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, мне, Ондрюшке, жить на Москве в нынешней четверти вместо ево, Афонасья, а меня, холопа вашего Афоньку, велити государи написать в иную четверть. Цари, государи, смилуйте!

К сей челобитной Андрюшка Лызлов руку приложил.

Бьет челом Афонька Таузаков и руку приложил.

Помета: 191-го марта в 5 день государи пожаловали, велели их росписать.

Оп. 9. Д. 649. Л. 235. Подлинник.

№ 12. Не позднее 27 августа 1686 г. * Челобитная А. И. Лызлова о назначении прибавки к окладу

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет челом холоп ваш Андрюшка Лызлов.

^{5*} Слово написано над строкой.

^{6*} Датируется по помете на л. 235 об. документа.

^{7*} Датируется по помете на л. 352 об. документа.

В прошлых, государи, в 185-м и во 186-м году был я, холоп ваш, на вашей, великих государей, службе в полку боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына в походе до Днепра с приезде, июня со второго на десять числа, до отпуску. А вашего, великих государей, жалованье, придача, за эту службу мне, холопу вашему, не справлена.

Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержкцы! Пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, ту придачу мне, холопу своему, справити. Великие государи, смилуйте, пожалуйте!

На обороте помета: 194-го августа в 27 день справить по указу.

От. 9. Д. 697. Л. 352. Подлинник.

№ 13. Не позднее 12 января 1967 г.^{8*} Сказка А. И. Лызлова о его служебных назначениях и материальном положении

205-го году генваря в ...^{9*} день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца стольник Андрей Иванов сын Лызлов по святей непорочней евангельской заповеди господни сказал: в службу великого государя пожалован я в житье во 178-м году, в стряпчие — во 184-м году, в стольники — во 185-м году.

А на службах великого государя был я в полках во 185-м и 186-м годах в походе ис Путивля к Днепру под Чигирин в полку князя Василья Голицына. Во 186-м году был воеводою в Нижнем и Верхнем Ламовых тридцать недель. Во 191-м году был в походе за великими государи в Троицком Сергиеве монастыре. Во 195-м, и во 196-м, и во 197-м годах — в полку князя Василья Голицына в обеих Крымских службах в ротмистрах у стряпчих. Во 196-м и во 197-м годах посылан был войска Запорожского к гетману Ивану Степановичю Мазепе по четырем наказом. Да в том же во 186-м^{10*} году посылан был в Киев з золотыми к боярину и воеводе Ивану Васильевичу Бутурлину. В 203-м году был посылан для приему хлебных запасов с розных городов на Коротояк. Да в прошлом 204-м году был посылан для приему таких же хлебных запасов на Воронеж.

А великого государя жалованья за мною, в поместье и вотчине, крестьянских, и бобыльских, и деловых людей дворов по переписным книгам 186-го году в Перемышльском уезде в Озерском и Тамбеевском стане пятнадцать дворов, в Вологоцком уезде в розных волостях в селе Дитятеве з деревнями двадцать четыре двора. А те деревни в переписных вышеписанных книгах написаны за отцом моим думным дворянином Иваном Федоровичем. Да за мною же в поместье по поступке вдовы Пелагеи Ивановской жены Дементьянова сына Бунакова 201-го году в Вологоцком уезде в Тошенской волости один двор крестьянской. Да за мною же по мене 204-го году, что выменял я у Дарьи Моисеевы жены Овцына, в поместье и в вотчине в Вологоцком уезде в розных волостях крестьянских и бобыльских тридцать дворов. Да в том же Вологоцком уезде отдаю я в оброк пустошь Чопурово, оброку беру по девяти рублей на год. А сверх вышеписанного за мною, Андреем, по переписным книгам 186-го году и ни по каким крепостям крестьянских, и бобыльских, и задворных, и деловых людей дворов и никаких отдаточных оброшных статей ни в котором городе нет.

А в прошлом в 204-м году июля в 17 день волею божиею заболел я паралижною болезнью, и с того числа и до ныне лежу болен, левою рукою и левою ногою не владею и языком говорю косно.

^{8*} Датируется по помете на л. 122 об. документа.

^{9*} В тексте оставлено место для даты.

^{10*} Видимо, описка; следует читать — 196-м.

Скаску сказал в правде безо всякия утайки.
К сей скаске Андрей Лызлов руку приложил.
На обороте помета: 205-го генваря в 12 день принято по указу.
Оп. 9. Д. 1031. Л. 122. Подлинник.

№ 14. 1697 г. март 3. Из смотренного списка столичных дворян, освобожденных от полковой службы по состоянию здоровья^{11*}

Андрей Иванов сын Лызлов. По паряду велено ему быть на службе под Азовом.

А по смотру дьяка Степана Ступина он, Андрей, в лице худ и блед и языком говорит косо, да у него ж левая рука тонка, а левая ж нога опухла. А сказал, что он болен параличною болезнью, и от той де болезни языком говорит он косо, и левая де рука у него сохнет, и тою же рукою и левою ж погою он не владеет. А учинилась де ему та болезнь в прошлом в 204-м году июля в 17-м числе. И за тою де болезнью ныне ему на службе быть некоторым делом не мочно. В поместье и вотчине за ним в Перемышлском да в Вологодцком уездах крестьянских и бобыльских 39 [дворов].

Ныне на службу не посылать, а ...^{12*} взять деньги по указу.

Оп. 2. Кн. 39. Л. 225. Подлинник.

^{11*} Год составления списка указан в его заголовке (Л. 1); точная дата (число и месяц) записи о А. И. Лызлове отмечена рядом с его именем на полях документа (Л. 225).

^{12*} Утрачено одно-два слова.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА В. Н. ТАТИЩЕВА К ДОЧЕРИ

Эпистолярное наследие Василия Никитича Татищева, выдающегося русского историка, чье 300-летие со дня рождения отмечалось в 1986 г., давно привлекает внимание исследователей. Первые публикации В. Н. Берха в «Горном журнале» в 1828 г. были продолжены во второй половине прошлого столетия Н. А. Поповым, П. П. Пекарским, М. И. Сухомлиновым и другими, а затем и советскими учеными, прежде всего А. И. Андреевым и А. И. Юхтом. Таким образом, в настоящее время в научный оборот введено более 150 писем Татищева за 1721–1750 гг., составляющих основную часть из вообще известных. Однако все эти письма касаются научной или служебной деятельности Татищева, а его корреспондентами выступают главным образом государственные деятели. Переписка же историка с родными до настоящего времени оставалась неизвестной. Необходимо отметить, что личная переписка первой половины XVIII в. вообще не часто встречается в наших хранилищах¹. Тем ценнее публикуемые здесь письма, принадлежащие перу одного из наиболее ярких представителей этой эпохи.

Знакомство с письмами Татищева к дочери невозможно без обращения к обстоятельствам его семейной жизни. Брак Василия Никитича с Анной Васильевной Андреевской был неудачным, и в 1728 г. Татищев обратился в Синод с просьбой о его расторжении, обвиняя жену в расточительстве, неверности и даже попытке отравить его. Как бы то ни было, Андреевская родила Татищеву двоих детей: в 1715 г. дочь Евпраксию, а в 1717 г. сына Евграфа. В 1730 г. Евпраксия Васильевна вышла замуж за поручика лейб-гвардии Семеновского полка Михаила Андреевича Римского-Корсакова, незадолго до этого вернувшегося

¹ См.: Катков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник // Катков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М. 1964. 296 с.

из-за границы, куда он был послан учиться еще при Петре I. Согласно семейному преданию, родственница Римских-Корсаковых, Елизавета Ивановна Зимкова, была придворной дамой Анны Иоановны, вследствие чего императрица приняла живое участие в судьбе молодого человека. Она определила его на службу, а затем подыскала невесту, сосватала и «благословила иконой, пожаловала бриллиантовый цветок с красным яхонтом, жемчужную нить и глазетовое платье со своего плеча»². Как известно, сам Татищев, принявший активное участие в событиях, связанных с воцарением Анны Иоановны, был в это время близок ко двору и пользовался расположением императрицы, о чем, безусловно, свидетельствует и история замужества его дочери. О свадебных торжествах, длившихся целую неделю, и о собравшихся в его доме знатных гостях Татищев писал в письме к И.-Д. Шумахеру³. Позднее, при расследовании деятельности Компании И. В. Корыхалова, выяснилось, что Татищев получил от компанейщиков в качестве «подарка» к свадьбе дочери «сукна, штофы, дюжину стульев немецкой работы, серебро на посуду... да различных напитков, хлебных припасов и закусок на 1200 рублей», и это помимо 6 тыс. рублей, полученных наличными⁴. Все это, видимо, позволило Татищеву дать за дочь неплохое приданое, о чем он сам писал впоследствии в своей «Духовной», обращенной к сыну: «А хотя дочь, а твою сестру, Евпраксию, имею, но она при замужестве по возможности награждена и ничего требовать не может, кроме что с нею жить любовно»⁵. Именно полученное приданое, по всей видимости, дало возможность молодым супругам приобрести имение в с. Боброве Калужского уезда, где они и поселились, основав тем самым калужскую ветвь рода Римских-Корсаковых. В 1731 г. у них родился сын Петр, а затем — дочь Мария. Вскоре, однако, Евпраксия овдовела, вышла замуж вторично за С. А. Шепелева, но жила с ним недолго: очень быстро они разъехались, договорившись не претендовать на наследство друг друга. Евпраксия Васильевна продолжала жить в Боброве, где за год до ее смерти (1769 г.) у нее родилась внучка Елизавета, рассказы которой о бабушке рисуют живописные картины помещичьего быта середины XVIII в.⁶

Первое из публикуемых писем написано Татищевым в Уктусе в 1722 г. во время его первого пребывания в Сибири и на Урале. В этом письме обращает на себя внимание забота Василия Никитича об образовании дочери, которой было в ту пору лишь семь лет. Интересно также сообщение Татищева о посылке дочери своего портрета, написанного, по-видимому, кем-то из пленных шведов, с которыми он познакомился. Вероятно, именно этот портрет принадлежал впоследствии внуку Василия Никитича Петру Михайловичу Римскому-Корсакову и был подарен им другому внуку историка — Ростиславу Евграфовичу Татищеву. Внучке последнего, Варваре Сергеевне Ершовой, принадлежал этот портрет в середине XIX в.⁷

Три других письма датированы 1731 г., написаны в Москве и адресованы уже Евпраксии и ее мужу. В одном из них Татищев пишет об обучении сына. Евграфу Васильевичу было в это время 14 лет, и он готовился к первому дворянскому смотру, на который явился спустя три месяца. На смотре Татищев-младший объявил, что знает «российскую грамматику», латинский и немецкий языки, арифметику и геомет-

² Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений. М., 1878. С. 16—17.

³ ЛО ААН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 130. Л. 6—6 об. За возможность использовать этот документ, включенный в подготовленный к печати Институтом истории СССР и ЦГАДА сборник записок и писем Татищева, благодарю А. И. Юхта.

⁴ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х годах — начале 30-х годов XVIII века. М., 1985. С. 256.

⁵ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 136.

⁶ Рассказы бабушки. С. 1—25.

⁷ Там же. С. 47—48.

рию и желает поступить кадетом в шляхетский корпус. Просьба была удовлетворена ⁸.

Публикуемые письма обнаружены в ЦГАДА среди собранных Н. А. Поповым материалов к готовившемуся в 80-е годы прошлого столетия изданию сочинений В. Н. Татищева ⁹. Письма Татищева имеются здесь в двух копиях: писарским почерком и рукой самого Попова. Тексты обеих копий идентичны. К сожалению, они не имеют отсылок на источник; однако содержание писем и характерные для Татищева стилистические обороты не вызывают сомнения в том, что копии сняты с подлинника. На два из публикуемых писем Н. А. Попов ссылался в своей юбилейной речи на заседании Академии наук 19 апреля 1886 г.

А. Б. Каменский.

1

Любезная моя Евпраксия Васильевна, здравствуй.

л. 1.

Посылаю тебе на платье косяк лазеровой камки, а коричневой надлежит впредь поберечь; персона моя хотя не очень схожа, в чем вина не моя, однакож узнать чаю можно и оную имею для памяти не потеряй и не испорти. Я о тебе доднесь известия не имею, где ты и что делаешь, учишься ли прилежно. Ежели б знал, что охоту имеешь, то б более тебя подарил. За сим пребывай в милости божией, чего желаю. В. Татищев.

Уктус, дня 18 дек. 1722.

Вместо камки, понеже она была с пятнами, а оной вскоре сыскать не мог, посылаю тебе два конца, да брату один китайки.

На обороте подписано: Госпоже Евпракsee Васильевне Татищевой.

2

Государь мой Михаил Андреевич и Евпраксия Васильевна, доношу, что я сей день приехал из Дмитровской деревни ¹, где ночевал одну ночь; оттуда едучи встретились со мною Воин и Александр Яковлевичи, поехали в Петербург и велели вам // поклон отдать, а Петр Яковлевич ² л. 1 об едет в Путивль и чаю будет к вам.

Прошу Вас, чтоб прислали лошадей 6 для меня, и когда оных получу, буду у ея величества к вам проситься, а не получа лошадей, проситься нельзя, ибо по отпуске тотчас надобно ехать, дабы не просрочиться. Ежели оное не умедлится, то надеюсь, что с Петром Яковлевичем буду вместе. Сим сократя, желаю вам благополучнаго здравия и пребываю с должным почтением и любовью. Ваш моего государя покорный слуга В. Татищев.

Москва, 19 июля 1731 г.

На обороте подписано: Моему государю Михаилу Андреевичу Корсакову-Римскому.

3

Государь мой Михаил Андреевич, здравствуй с Евпракseeю Васильевною. Я до вас ныне ничего писать не имея, но не хотя случай пропустить и вас безизвестных оставить, сим поздравляю ³ и доношу, что я по трех днях поеду в деревню мою.

Наталья Ивановна ⁴ велела вам поклон отдать и поздравить, пеняя при том, что вы к ней ни о чем не писали, я же думал, что ты к ней // писал. л. 2. Прошу вас, ежели случатца ездоки, меня без уведомления не оставить. Евграфа за тем до вас не послал, что он чему учился все иззабыл и ныне принял учителя, которому плачу по 8 руб. на месяц и для того отпустить невозможно. Затем, желая вам добраго здравия и всякаго уве-

⁸ Татищев С. С. Род Татищевых. СПб., 1900, С. 97.

⁹ См. нашу с Л. И. Шохиним статью в настоящем издании.

селения, пребывая с почтением и любовью верный слуга В. Татищев.
Москва 17 августа 1731.

На обороте подписано: Моему государю Михаилу Андреевичу Римскому-Корсакову.

4

Любезная моя дочь Евпраксея Васильевна, благодарен, мой друг, за письмо и присылку, посылаю шелк из лимона. Более писать не имею времени, понеже слышу царицы Евдокеи Федоровны не стало, а зовут меня сейчас во дворец⁵. Медведев⁶, как вижу, не весьма порядочен, ко мне не ходит и что делает не знаю. Слышу, что конюху не велел идти к Марье Федоровне⁷, за что она может осердиться. Також сказывают, что письма от Дмитрия⁸ посланные взял и к Вам не послал, о чем сама конюха спроси. Затем желаю тебе здравия и пребываю с любовью, верный отец В. Татищев.

27 августа 1731 г.

На обороте подписано: Моей любезной дочери Евпракsee Васильевне Корсаковой в Бобров.

ЦГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 10034. Л. 1—2. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду имение Татищева в Дмитровском уезде.
- ² Воин, Александр и Петр Яковлевичи Римские-Корсаковы, дальние родственники М. А. Римского-Корсакова, сыновья сподвижника Петра I Якова Никитича. Вице-адмирал Петр Яковлевич Римский-Корсаков приходился также родственником и В. Н. Татищеву, так как был женат на Марии Ивановне Неплюевой, дочери троюродной сестры Татищева Федосьи Федоровны и известного дипломата первой половины XVIII в. И. И. Неплюева.
- ³ Татищев, по-видимому, поздравляет дочь и зятя с праздником Успения, отмечавшимся 15 августа.
- ⁴ Среди родственников Татищевых и Римских-Корсаковых, по нашим сведениям, это имя носила только жена троюродного брата Татищева Василия Ивановича, Наталья Ивановна Татищева, урожденная Беклемишева.
- ⁵ Царица Евдокия Федоровна (Лопухина) — первая жена Петра I.
- ⁶ Вероятно, приказчик Римских-Корсаковых.
- ⁷ Мария Федоровна Римская-Корсакова — мать Михаила Андреевича.
- ⁸ Личность не установлена.

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ РОГОЖСКОГО РАЙОНА Г. МОСКВЫ В 1917 Г.

Публикуемый документ — рукописный подлинник протокола № 4 от 15 сентября 1917 г. конференции фабрично-заводских комитетов, созванной Рогожским районным Советом рабочих депутатов. Хранится в ЦГАОР г. Москвы, в фонде Рогожско-Симоновского районного СРД. В документе подробно отражены характер обсуждения вопросов повестки дня, результаты голосования, записаны доклады представителей фабрично-заводских комитетов с мест, принятые решения.

Несколько слов об истории создания документа.

Работа, проводимая Рогожским РК РСДРП(б) по разоблачению политики мелкобуржуазных, соглашательских партий в районном Совете рабочих депутатов с первого же дня его образования, привела к тому, что перевыборы 28 августа 1917 г. дали большевикам большую часть депутатских мандатов¹. Тогда же был избран новый Исполком Совета, на 90% состоящий из членов РСДРП(б), возглавленный профессиональ-

¹ ЦГАОР г. Москвы. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 1. Л. 223.

ным революционером, большевиком-ленинцем Н. Н. Прямыковым². 12 сентября 1917 г. Исполнительный комитет Рогожского СРД разослал в редакции газет «Известия СРД», «Социал-демократ», «Вперед», «Труд», «Солдат-гражданин», «Земля и воля» текст объявления о созыве в пятницу 15 сентября 1917 г. в 6 час. вечера конференции фабрично-заводских комитетов с изложением повестки дня³, которое было помещено в указанных газетах. На заседании присутствовали 350 представителей от 50 предприятий (менее одной трети от общего числа заводов, фабрик и мастерских, расположенных в районе), объединяющих 26 691 рабочего⁴.

23 октября 1917 г. в газете московских большевиков «Социал-демократ» было опубликовано краткое сообщение об итогах работы конференции⁵.

Наибольший интерес в протоколе представляют доклады с мест делегатов фабрично-заводских комитетов предприятий района. Как видно из состава вопросов докладов, ответы на них должны были подвести итоги работы Рогожского РК РСДРП(б) к середине сентября 1917 г. в Совете, фабзавкомах, профсоюзах, показать степень организованности рабочих масс, указать большевикам района слабые и сильные стороны их деятельности в период подготовки социалистической революции.

Доклады с мест свидетельствуют о том, что на 38 предприятиях из 50 опрошенных действовали профессиональные союзы, в которые было вовлечено 18 488 рабочих. Ответы представителей фабзавкомов дают нам возможность подсчитать, что к середине сентября 1917 г. отряды Красной гвардии существовали на 17 предприятиях района, на 3 заводах боевые дружины формировались. Численность красногвардейцев составляла 656 человек. Успешно выполнялось постановление Московского штаба Красной гвардии от 6 сентября 1917 г. об организации фонда Красной гвардии⁶. Так, отчисления в этот фонд составляли 10 585 руб.

Вместе с тем на конференции были вскрыты существенные недостатки в организации вооружения рабочих. На 656 человек приходилось 23 винтовки, несколько наганов, не было боеприпасов. Слабы были связи рабочих с солдатами, расквартированными в Астраханских и Крутицких казармах, расположенных на территории района.

Ответы представителей фабзавкомов — красноречивое свидетельство того перелома, который произошел в сознании рабочих в августе — сентябре 1917 г., неуклонного их освобождения от влияния мелкобуржуазных партий. Рабочие 25 предприятий из 50 опрошенных численностью 19 628 человек были настроены по-большевистски. Причем это относится не только к крупным металлообрабатывающим предприятиям, но и к мелким фабрикам и заводам.

Наконец, доклады с мест позволяют уточнить сведения о большевистских организациях района, их численности накануне Октябрьского вооруженного восстания в Москве⁷.

Историки московского Октября располагают незначительным количеством подобных документальных источников периода подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания (март — ноябрь 1917 г.);

² Социал-демократ. 1917, 17 авг. С. 3.

³ ЦГАОР г. Москвы. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 5. Л. 213.

⁴ В архивных источниках указываются различные сведения о количестве предприятий и рабочих в районе. Так, в письме Рогожского СРД Московскому от 31 июля 1917 г. сообщается: «...Совет рабочих депутатов Рогожского района объединяет 185 предприятий, насчитывающих около 60 000 организованных рабочих» (ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 57. Л. 75—76 об.). В документе же от 19 сентября 1917 г. сообщаются следующие цифры: 196 предприятий, насчитывающие 45 868 рабочих (ЦГАОР г. Москвы. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 5. Л. 235). На основании имеющихся у нас данных можно сделать вывод о том, что эта цифра близка к действительности.

⁵ Сообщение газеты опубликовано в сборнике документов «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве» (М., 1957. С. 307).

⁶ См.: Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. С. 302.

⁷ См.: Анижеев В. В. Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 г. // Вопр. истории КПСС. 1958. № 2. С. 148—153.

поэтому выявление и публикация протоколов районных конференций фабрично-заводских комитетов является важной задачей.

А. А. Федунин

ПРОТОКОЛ № 4 КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ, СОЗВАННОЙ РОГОЖСКИМ СОВЕТОМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

15 сентября 1917 г.

Порядок дня:

1. Доклад по продовольственному вопросу.
2. Доклады с мест.
3. Доклад военно-технической комиссии.
4. Текущие дела *.

1. Доклад по продовольственному вопросу делает тов. Пискарев¹.

Рисуя картину продовольственной разрухи, он указывает на те причины, которые создали эту разруху. Война является основной причиной всех бедствий страны. Все производство straps, весь транспорт, все живые силы — все принесено в жертву войне. Крестьяне оторваны от земли, скот реквизирован. Неравное распределение продуктов, финансовая политика, чрезмерный выпуск бумажных денег — все это, вместе взятое, создало ту дороговизну, тот продовольственный кризис, который сейчас наблюдается.

Буржуазия не может, да и не хочет урегулировать производство, боясь, что оно перейдет в руки пролетариата.

И у пролетариата остается единственный выход из продовольственного кризиса — взять в свои руки все производство, с оружием в руках взять власть у буржуазии, чтобы с ее стороны не могло уже быть никаких препятствий к деятельности пролетариата.

Тов. Минский², поддерживая взгляд Пискарева на значение войны, указывает, что Россия, как страна экономически слабая, безусловно, не могла предотвратить продовольственной разрухи.

Буржуазия парализована страхом перед возможностью реквизиции производства пролетариатом.

Ошибки же демократии в том, что она занялась не урегулированием производства, а партийной враждой и критикой партий.

Возражая тов. Минскому, тов. Самойлова³ говорит, что только диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства может спасти революцию и страну от голода.

Первое, что нужно сделать для улучшения продовольствия, это передать всю землю крестьянам. Установить контроль над производством и распределением продуктов, и только таким образом установится правильный обмен между городом и деревней. Только та власть, которая заинтересована в благосостоянии страны, которая заинтересована в том, чтобы в стране был хлеб, сможет установить правильное производство.

Тов. Грановский⁴ предлагает передать все продовольствие в руки Сов[ета] раб[очих] деп[утатов], произвести учет хлеба и муниципализировать все булочные.

Дальше выступает еще несколько ораторов, и общим собранием в 350 человек при 38 человеках против и 22 воздержавшихся^{2*} принимается следующая резолюция:

Принимая во внимание,

1. что продовольственная разруха тесно связана с финансовой, транспортной разрухой и в первую очередь с безземельем крестьянства,

2. что продовольственная разруха усиленно поддерживается классом землевладельцев и иными торгово-промышленными слоями в целях спекуляции и в конечном счете, для удушения революции,

* Пункты 3—4 отсутствуют.

^{2*} Так в тексте.

3. что продовольственную разруху и ее последствия не сможет уничтожить Временное правительство, явно потворствующее всем контрреволюционным силам и проискам буржуазии,

конференция считает, что продовольственную разруху может ликвидировать лишь диктатура пролетариата и беднейшей части крестьянства, которая неизбежно должна явиться в ходе гражданской войны.

2. Заслушаны доклады с мест от 50 предприятий по следующим вопросам:

1. Сколько человек работает на предприятии?

2. Сколько записано в профессиональный союз?

3. Входят ли представители в Совет и как ими делаются доклады на местах?

4. Есть ли партийные организации и сколько человек в каждой?

5. Каково настроение масс?

6. Как происходит отчисление в Совет⁵, профессиональный союз, стачечный фонд кожевников⁶?

7. Существует ли Красная гвардия, сколько в ней членов и сколько оружия?

8. Имеется ли связь с солдат[ами]?

Получены следующие ответы:

1. Золоторожский [трамвайный] парк — 1300 чел. В союз городских служащих входят все. В Центральный Совет входят двое. Доклады делаются аккуратно после каждого заседания Совета. Партийные организации — большевики и соци[алисты]-рев[олюционеры]. Настроение большевистское. Отчисления идут правильно. В Красную гвардию входит 130 чел. Оружие имеется, но мало. Отчислено на Красную гвардию 6000 руб. В стачечный фонд отчислено 3,5 тыс. [руб]. Поддерживается связь с Астраханскими казармами.

2. «Гужон» — 4000 чел. В профсоюз записано 3000 чел. Доклады представителями делаются аккуратно. Партийные организации: большевики и соц[иал]-рев[олюционеры], объединенцев мало. Взносы производятся аккуратно. Кожевникам отчислен однодневный заработок. Красная гвардия организуется, входят в нее 150 чел. Оружия мало.

3. «Марс» — 5500 чел. В союз входят все. Представителей в р[айонный] Совет входит 8 больш[евиков] и 2 объедин[енца]. Доклады делаются. Настроение большевистское. Отчисления идут правильно. Кожевникам отчислено 14 000 руб. Красная гвардия организуется. С солдатами связей нет.

4. Русский металлопрокатный завод: 640 чел. Записаны в союз все, кроме 40 чел. В Цент[ральный] Сов[ет] входят 2 представителя, в районный — 6. Доклады делаются аккуратно. Настроение большевистское. Красная гвардия организуется. В нее входит 70 чел. Оружия — 4 револьвера. Отчисления происходят правильно. Кожевникам отчислен однодневный заработок.

5. Мастерская колючей проволоки: 385 чел. В союзе записано 290 чел. Представители в Совет не входят. Доклады делаются аккуратно. Партии — большевики и беспартийные. Взносы идут правильно. Кожевникам отчислен однодневный заработок. В Красную гвардию входит 20 чел. Оружие — 5 револьверов и 3 ружья. С солдатами поддерживаются письменные сношения.

6. [Завод] «Перенуд» — 280 чел. В профессиональный союз записано 200 чел. Отчисления идут правильно. Представители доклады делают аккуратно. Настроение склоняется к большевистскому. Красная гвардия организуется, оружия нет; связей с солдатами нет.

7. [Фирма] «Губкин и Кузнецов» — 760 чел. В Центральный Совет входит объединенец и в районный Совет — большевик. Отчисления идут правильно; кожевникам отчислено 4585 руб. 91 коп. Течение объединенческое, настроение плохое. В Красную гвардию входят 30 чел.; оружия нет, связей с солдатами нет.

8. «Эрманс» — 280 чел. В профсоюз входят все. В районный Совет

входит меньшевик, большевиков нет. Отчисления идут аккуратно, кожевникам не отчисляли. Красной гвардии нет.

9. Фабрика Бр. Зайцевых — 150 чел. В профессион[альный] союз входят все, настроение большевистское. Представители в Совет входят, /доклады делаются аккуратно. В Красную гвардию входят 15 чел., оружие — 1 револьвер, связей с солдатами нет.

10. Фабрика Носенкова — 400 чел. В профессиональный союз входят все. Настроение большевистское. Кожевникам отчисления не было. Красной гвардии нет.

11. Центр[альный] склад отд[ела] снабж[ения] арт[иллерии] — 400 чел. Представители в Совет входят и доклады делают аккуратно. Кожевникам отчислен однодневный заработок. Красной гвардии нет.

12. Фабрика Осипова — 56 человек. В профессиональный союз входят все. Организация поставлена очень слабо. Отчисления идут плохо. Кожевникам еще не отчислено. Красной гвардии нет.

13. Фабрика «Оптовик» — 180 чел. В профессион[альный] союз входят 150 чел. Отчисления идут аккуратно. Настроение неустойчивое. Красной гвардии нет.

14. Фабрика Эстрова — 300 чел. В профессиональный союз входят все. Отчисления происходят аккуратно. Кожевникам отчислений не производилось. Красной гвардии нет.

15. Отделение Т-т-1200 чел. В союз входят все. Отчисления производятся аккуратно. Представители доклады делают аккуратно, кожевникам не отчисляли. Красной гвардии нет.

16. Завод «Блеш» — 120 чел. Представители в Совет входят и доклады делают аккуратно. Отчисления производятся аккуратно, но кожевникам еще не отчисляли. Партий нет. Красной гвардии нет.

17. Фабрика Бодрова — 120 чел. В проф[ессиональный] союз входят все. Взносы происходят аккуратно^{3*}. Кожевникам еще не отчисляли. Партий нет. Красной гвардии нет.

18. Фабрика Александрийского — 60 чел. В профессиональный союз входят все. Взносы производятся аккуратно. Кожевникам еще не отчисляли. Красной гвардии нет.

19. Фабрика Чепелевецкого — 280 чел. В профессиональный союз входят все. Организация плохая. Партии нет. Отчисления идут аккуратно. Кожевникам еще не отчисляли. Красной гвардии нет.

20. Фабрика «Меттик» — 180 чел. В партию входят только меньшевики, но настроение большевистское^{4*}. Отчисления производятся аккуратно. Кожевникам еще не отчисляли. Красной гвардии нет.

21. Фабрика «Круже» — 75 чел. В союз входят все. Представители доклады делают аккуратно. Отчисления происходят правильно. Настроение боевое.

22. Таганск[ие] Центр[альные] мастерские — 4400 чел. Организация — 150 большевиков, 3 объединенца, 1 социалист-революционер, 1 анархист. В профессиональный союз записаны все. Отчисления происходят нормально. Кожевникам отчислений не было. В Красную гвардию входят 50 чел., оружия мало. С солдатами связей нет.

23. Союз портных — 11 чел. В союз входят все. Отчисления происходят нормально. Кожевникам отчислен однодневный заработок. Красной гвардии в районном союзе нет, в Центральн[ом] есть.

24. [Завод] Военно-промышленного ком[итета] — 185 чел. В союз входят почти все, большевистское настроение растет. Отчисления происходят аккуратно. Красной гвардии нет.

25. Покровский городской союз — 200 чел. Организация плохая. Доклады делаются аккуратно. Отчисления происходят аккуратно. Кожевникам отчислен полдневный заработок. Красной гвардии нет.

26. Фабрика Константинова — 190 чел. В союз входят все. Настроение

^{3*} Так в тексте.

^{4*} Так в тексте.

ние большевистское. Отчислений кожевникам не было. Красной гвардии нет.

27. Фабрика «Бежо» — 150 чел. В профессиональный союз входят все. Настроение неустановившееся. Кожевникам постановлено отчислить однодневный заработок, но отчисляют не все.

28. Фабрика Вильденберг — 50 чел. В профессиональный союз входят все. Представители делают доклады аккуратно. Красной гвардии нет (фабрика бастует).

29. Фабрика Синицына — 60 чел. В профессиональный союз входят все. Отчисления происходят аккуратно. Красной гвардии нет.

30. Завод «Земгор» — 170 чел. Отчисления происходят аккуратно. Кожевникам отчислен однодневный заработок. В Красную гвардию входят 2 чел., оружия — 1 револьвер, настроение большевистское.

31. Моск[овский] зав[од] подъем[ных] сооружений — 200 чел. В профессиональный союз входят все. Кожевникам отчислений не производилось, оружия — 2 револьвера. В Красную гвардию входят 27 чел.

32. Фабрика Бирюкова — 140 чел. В профессиональный союз входят все. Партийн[ых] орган[изаций] нет. Отчисления произв[одятся] правильно. Кожевн[икам] отчислено 300 руб. Красной гвардии нет.

33. М[осковские] городск[ие] бойни — 650 чел. В профес[сиональ-ный] союз входят все. Отчисления идут нормально. Красной гвардии нет, но организуется.

34. Фабрика Остроумова — 600 чел. В профес[сиональный] союз входят все. Организация хорошая. Преобладают объединенцы. Доклады представителями делаются аккуратно. Кожевникам отчислен однодневный заработок. Красной гвардии нет.

35. Фабрика Келлер — 820 чел. В профес[сиональный] союз входит 730 чел. Настроение плохое. Отчисления происходят правильно. Кожевникам отчислен однопдн[евный] заработок. Красной гвардии нет.

36. Фабрика Коркиша — 125 чел. В профес[сиональный] союз записаны все. Кожевникам отчислений не было. В Красную гвардию входят 14 чел. Оружия нет. Связи с солдатами нет.

37. Фабрика «Перун» — 33 чел. В профес[сиональный] союз входят 27 чел. Настроение большевистское. Отчисления производятся аккуратно. Кожевникам отчислен однодневный заработок половиной рабочих и полдневный другой половиной.

38. Зав[од] «Нов[ый] Подобедов» — 1400 чел. В профес[сиональ-ный] союз входят 1000 чел. Настроение большевистское. Отчисления производятся правильно. Кожевникам отчислений еще не производилось. Красной гвардии нет, оружия нет.

39. Центр[альная] унив[ерситетская] библиотека — 170 чел. Партия — большевики. Отчисления происходят правильно. Доклады представителями делаются аккуратно. Красной гвардии нет. Кожевникам не отчислено.

40. Фабрика Власова — 254 чел. В профессиональный союз входят все. В партию входят немногие. Настроение плохое. Отчисления в Совет производятся правильно. В стачечный фонд очень плохо. Кожевникам не отчислено. Красной гвардии нет. Оружия нет.

41. «Караван» — 750 чел. В профес[сиональный] союз входят все. Настроение большевистское. В партию входят 40 чел., остальные сочувствуют^{5*}. Отчисления происходят правильно. В Красную гвардию входят 33 чел. Оружия наличного нет, у рабочих имеется. Связей с солдатами нет.

42. Фабрика Алексея Шамшина — 2400 чел. Настроение склоняется к большевистскому. Доклады представителями делаются аккуратно. Кожевникам отчислен однодневный заработок. В Красную гвардию входят 23 чел. Оружия — 2 револьвера.

^{5*} Так в тексте.

43. Сахарный рафинадный завод — 800 чел. Профессионального союза нет. Настроение неустойчивое. Кожевникам отчислен однодневный заработок. В Красную гвардию входят 30 чел. Оружия — 5 револьверов и 2 ружья.

44. [Фабрика] Сумина — 147 чел. Кожевникам отчислен однодневный заработок. Настроение плохое. Доклады делаются аккуратно.

45. Фабрика Якоби — 70 чел. Профессионального союза нет. Рабочие неорганизованы. Красной гвардии нет. Оружие — 1 револьвер.

46. Фабрика Жукова — 100 чел. Организация плохая. Кожевникам отчислен однодневный заработок. В Красную гвардию входят 4 чел. Оружия нет. Связей с солдат[ами] нет.

47. Фабрика «Русь» — 125 чел. В союз входят все. Отчисления происходят правильно. В Красную гвардию входят 11 чел. Оружия нет.

48. [Завод] «Дангауэр и Кайзер» — 450 чел. В проф[ессиональный] союз входит 350 чел. Доклады представителей и отчисления в Совет производятся аккуратно. Отчисления кожевникам не производилось. В Красную гвардию входят 75 чел. Оружия мало, связь с солдатами поддерживается.

49. Фабрика Косткова — 250 чел. В проф[ессиональный] союз входят все. Настроение большевистское. Отчисления происходят правильно. В Красную гвардию входят 2 чел. Оружия налицо нет, связей с солдатами нет.

50. Фабрика Овчинникова — 125 чел. В проф[ессиональный] союз входят все. Кожевн[икам] отчислен полдневный заработок. Красной гвардии нет, но в фонд Красной гвардии отчислен полдневный заработок.

Резюмируя все сказанное, тов. Самойлова отмечает [что имеет место] организационный рост профессиональных организаций, преобладание женского труда над мужским, рост большевизма в связи с корниловским заговором и крайне слабая организация Красной гвардии, несмотря на то что в настоящий момент это является одной из главных задач пролетариата.

Дальше Самойлова говорит об организации Совета молодежи и призывает товарищей помочь организации на местах.

Председатель
Секретарь

Прямыков⁷
Циновец⁸

ЦГАОР г. Москвы. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—9 об.
Подлинник, рукописный, чернилами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пискарев Георгий Андреевич — член РСДРП(б), член Рогожского СРД.
- ² Минский Лев Михайлович — объединенец, член Исполнительного комитета Рогожского СРД.
- ³ Самойлова Розалия Самойловна (Землячка), член РСДРП(б), член Исполнительного комитета Рогожского СРД с 1 июня 1917 г., член ВРК Рогожского района.
- ⁴ Грановский Исай Иосифович — объединенец, член Исполнительного комитета Рогожского СРД с 4 марта, председатель Совета с 4 по 16 марта.
- ⁵ Рабочие отчислили 1% от всего заработка в пользу Совета, из них 1/2 вносилась в райсовет, 1/4 — в Моссовет и 1/4 оставалась в рабочем комитете завода (ЦГАОР г. Москвы. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 5. Л. 306).
- ⁶ С 16 августа по 22 октября 1917 г. проходила забастовка рабочих кожевенной промышленности г. Москвы, поводом к ней явился отказ предпринимателей увольнять рабочих лишь с ведома заводских рабочих комитетов. Рабочие требовали участия заводских комитетов в найме и увольнении рабочих, введения двухнедельных отпусков, установления границ минимума заработной платы для рабочих и др. По призыву Моссовета для поддержки бастующих рабочих был создан фонд кожевников (ИА. 1957. № 6. С. 61—62).
- ⁷ Прямыков Николай Николаевич (1888—1918) — профессиональный революционер, член РСДРП(б) с 1903 г., председатель Рогожского Совета с 28 августа 1917 г. по 4 марта 1918 г., член Рогожского ВРК, погиб на фронте в гражданскую войну, похоронен у Кремлевской стены.
- ⁸ Циновец Зелиг Айзигович, эсер, член ИК Рогожского СРД с 15 марта, член культурно-просветительной комиссии, секретарь Совета.

АВТОБИОГРАФИЯ М. Н. ТИХОМИРОВА

(В Научном архиве Института истории СССР АН СССР)

В НАИИ хранится личное дело старшего научного сотрудника Института истории АН СССР (первоначально Историко-археографического института) с 1 апреля 1935 г. Михаила Николаевича Тихомирова. В составе дела, помимо личного листка по учету кадров, выписок из протоколов Высшей аттестационной комиссии об утверждении в ученой степени доктора исторических наук (1939 г.) и в ученом звании профессора (1940 г.), характеристики, справки о представлении к награде орденом Трудового Красного Знамени (1950 г.), списков трудов за разные годы, находится рукописный текст «автобиографии», написанной в 1943 г. в эвакуации в Свердловске. Собственно, это скорее биография, так как изложение в ней ведется от третьего лица. Публикуя этот документ, отметим его важную особенность: он касается преимущественно раннего периода научной деятельности М. Н. Тихомирова, отражая те факты его биографии и ученые занятия, которым он сам придавал наибольшее значение.

И. Е. Тамм

Автобиография *

Михаила Николаевича Тихомирова

Михаил Николаевич Тихомиров родился 19 мая 1893 г. по ст. стилю в городе Москве в семье московского мещанина Николая Константиновича Тихомирова, служившего конторщиком в Никольской мануфактуре Саввы Морозова. В 1902 г. поступил в подготовительный класс С[анкт]петербургского Коммерческого училища, которое окончил в 1911 г. с золотой медалью и званием кандидата коммерции. После сдачи дополнительного экзамена по латинскому языку поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1917 г. окончил университет и сдал государственные экзамены, представив в качестве выпускной работы сочинение на тему «Псковский мятеж 1650 г.», основанное на архивных данных и напечатанное в 1919 г. издательством «Современные проблемы»^{2*}. С 1918 г. начал службу районным библиотекарем Богородского (Ногинского) отдела народного образования. В феврале 1919 г. переехал в Самару (Куйбышев) и до конца 1920 г. служил в должности инструктора библиотек Самарского уездного отдела народного образования. В 1921 г. начал работать преподавателем Самарского государственного университета (палеография и русская история), а также научным работником Общества археологии, истории и этнографии при Самарском гос[ударственном] университете. За время пребывания в Самаре работал по охране и вывозу рукописных собраний (Иргизские рукописи, архив Аксаковых и т. д.). По возвращении в Москву осенью 1923 г. вел работу в ряде учебных заведений города Москвы (Единый художественный рабфак, Химический техникум, школа № 48 Краснопресненского роно, Книжный политехникум и др.). Одновременно был сверхштатным сотрудником рукописного отдела Исторического музея и напечатал ряд ученых статей в разных изданиях («Новый памятник московской политической литературы», «Села и деревни Дмитровского края XVI—XVII вв.», «Феодальный порядок на Руси» и т. д.). В сентябре 1934 г. был приглашен на должность

* Подчеркнуто М. Н. Тихомировым.

^{2*} Издательство названо ошибочно, книга «Псковский мятеж» опубликована издательством «Практические знания». Она была напечатана, видимо, по рекомендации научного руководителя М. Н. Тихомирова в Московском университете С. В. Бахрушина, о чем М. Н. Тихомиров сначала не знал. (См.: Шмидт С. О. С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров: (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: (К 100-летию со дня рождения С. В. Бахрушина). М., 1984. С. 64.

и. о. профессора исторического факультета Московского государственного университета, а с 1 апреля 1935 г. стал работать старшим научным сотрудником Института истории Академии наук СССР. В 1935 г. получил ученую степень кандидата исторических наук и напечатал книгу «Псковское восстание 1650 года». В 1939 г. защитил докторскую диссертацию (23 июня) на тему «Исследование о Русской Правде (происхождение текстов)», напечатанную Издательством Академии наук СССР в 1941 г. Весною 1940 г. был утвержден в ученом звании профессора. В этом же году напечатал «Курс источниковедения истории СССР». В октябре 1941 г. был эвакуирован вместе с университетом в Ашхабад, а оттуда в Свердловск. В Свердловске работает в МГУ и исторической группе Академии наук в Свердловске. Имеет свыше 40 научных работ в виде отдельных книг и статей, не считая рецензий и мелких заметок.

Профессор — доктор М. Тихомиров
12 января 1943 г.

НАИИ. Личные дела. Д. 44. Л. 4-4 об. Автограф.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1986 Г.

14 января состоялось пленарное заседание Археографической комиссии, на котором выступил начальник Главархива РСФСР *Е. Ф. Солин* с докладом «Архивные учреждения РСФСР к 40-летию Победы»¹. Доклад вызвал оживленные прения. *А. В. Елпатьевский* (Главархив СССР) отметил, что в докладе собран поистине колоссальный материал о деятельности архивистов, связанной с собиранием, хранением, описанием и, главное, многообразным использованием документов Великой Отечественной войны. Доклад осветил практически все аспекты архивной работы. В то же время это не только анализ архивной деятельности, посвященной 40-летию Победы, но и программа работ на будущее. Это тот опыт, чрезвычайно ценный для архивистов СССР и других социалистических стран, который должен быть использован и впредь, а информацию о нем следует распространять, как можно шире.

Ю. К. Стрижков (Институт истории СССР АН СССР) сказал, что сотрудники сектора Великой Отечественной войны в своей работе широко пользуются сборниками документов, изданными Главархивом РСФСР к 40-летию Победы. Положительно оценил сборники, изданные в Коми и Якутской АССР, он отметил, что не во всех областях Российской Федерации эта работа ведется на одинаково высоком уровне. В связи с этим он высказал пожелание о проведении сравнительного анализа этой деятельности архивистов во всех областях республики.

Е. В. Старостин (МГИАИ) дал высокую оценку деятельности архивистов РСФСР и подчеркнул, что ее нужно широко пропагандировать среди студентов, чтобы показать все многообразие и интерес, а также богатые возможности архивной работы. Материалы доклада будут использованы в учебном курсе МГИАИ. *Е. В. Старостин* также отметил необходимость подготовки специалистов по реставрации документов и внес предложение об организации соответствующего отделения в МГИАИ.

Э. Л. Кашкина (Архивное управление Мосгорисполкома) рассказала о вкладе московских архивистов в подготовку юбилея Победы. Была проведена большая работа по выявлению архивных материалов периода Великой Отечествен-

ной войны. Свыше 600 ценных документов было выявлено в фондах ЦГАОР г. Москвы и ЦГА КФФД г. Москвы. Совместно с Институтом истории партии при МК и МГК КПСС, Московским партийным архивом подготовлена хроника событий «Москва и Московская область в Великой Отечественной войне», сборник документов «Во главе культурного строительства в Москве» (июнь 1941 г.—1980 гг.) (Т. 2. М., 1986). Проводились лекции, встречи с общественностью, устные журналы, уроки Мира, в ходе которых использовались подборки фотокопий архивных документов и фотографий. Особое место занимает работа по комплектованию документов ветеранов войны. Активизировались выявление и передача на государственное хранение их писем, автобиографий, дневников, воспоминаний, записок и фотографий, чему способствовала публикация обращения о сборе документов периода Великой Отечественной войны, напечатанного в газете «Вечерняя Москва» 1 апреля 1985 г. По документам горвоенкомата составлена картотека на 1500 Героев Советского Союза. Объединенный архив Главмосавтотранса собирает сведения о работниках отрасли, погибших в годы Великой Отечественной войны. Ведется поиск документов о деятельности в 1941–1942 гг. 6-й автоторы, обслуживавшей фронт, который проходил вблизи столицы. Архив Моссовета проводит последовательный поиск сведений о депутатах Моссовета, погибших на фронте. Большая работа проведена ЦГАОР г. Москвы по исполнению заявлений граждан о награждении их медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Следует отметить роль исполняемых запросов как исторических источников, содержащих немаловажные подробности о различных периодах войны. Архивным управлением Мосгорисполкома осуществляется постоянная связь с Московским государственным музеем обороны Москвы, школьными музеями, выясняются их тематическая направленность, сохранность документов при экспонировании, вопросы их пополнения и дальнейшей пропаганды.

Ряд практических предложений внес *А. А. Курносов* (АК). Он высказал по-

¹ См. наст. изд.

желание об издании сборника воспоминаний архивистов, работавших в годы Великой Отечественной войны, а также предложил поручить ВНИИДАД и МГИАИ проанализировать способы, которые применялись в архивах в те годы для упрощения и сокращения делопроизводства. Было бы полезно подготовить сборник статей, обобщающих различные методы собирания документов личного происхождения и выявляющих их специфику. В преддверии 40-летия Победы внимание архивистов было сконцентрировано, естественно, на собирании материалов о Великой Отечественной войне. Однако значительную ценность представляют собой и материалы других периодов нашей истории. А. А. Курпосов предложил рассматривать опыт собирания документов военного времени как широкомасштабный эксперимент и распространить его на материалы других периодов. Эта работа должна вестись в тесной связи с краеведами и книголюбями. Выставка «Книга сражается», организованная Госкомиздатом СССР, ВОК СССР, ДОК РСФСР и заводом им. Лихачева, показала, что книголюбями накоплены колоссальные документальные богатства, в том числе книги с автографами, с вклеенными между страниц письмами, листовки, рукописные стенгазеты и др. В этой связи могут оказаться полезны и контакты с филателистами, собирающими в свои коллекции письма, посланные с фронта в первые недели войны, и другие документы. Особую проблему составляет введение в научный оборот полученного путем сбора у населения эпистолярного материала. Поскольку полная их публикация ввиду большого объема невозможна, могут быть применены методы регест-или контент-анализа.

Б. Г. Литвак (Институт истории СССР АН СССР) отметил большую важность активного вовлечения архивов в собирательскую деятельность. Эту линию нужно всемерно развивать. Однако в ходе собирательской работы нередко упускается возможность получить наряду с документами пояснения их авторов, комментарии участников описываемых событий. Тем самым теряется инфраструктура документа, его среда. Нужно активнее привлекать к комментированию групп документов военачальников, ветеранов войны. Для этого может быть применена техника магнитофонной записи.

О. М. Медушевская (МГИАИ) остановилась на методе собирания воспоминаний о войне с помощью краткой анкеты, вопросника. Она высказала предложение обобщить конкретный опыт применения этого метода. Он может быть использован для расширения источниковой базы и по другим темам.

В заключение председатель Археографической комиссии **С. О. Шмидт** подержал мысль о распространении методики собирания документов военного времени на другие исторические периоды. На примере того, что сделали архивы РСФСР к 40-летию Победы, доклад

Е. Ф. Сопина показал в сжатой форме, какую важную научную и общественно-культурную функцию несут наши архивы.

20 февраля состоялось совместное заседание Археографической комиссии и сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР, посвященное памяти доктора исторических наук **Вадима Ивановича Корецкого**.

Вступительное слово произнес **С. О. Шмидт**. Немногом более года назад не стало **В. И. Корецкого**. Ученый ушел из жизни внезапно, непредсказуемо, в расцвете творчества, полный научных планов. Вся деятельность **В. И. Корецкого** неотделима от архивов, от исторических источников. Это был человек, одержимый наукой, целиком поглощенный творчеством, далекий от венаучной суеты. Наиболее живо, остро реагировал он на судьбы памятников культуры.

В. И. Корецкий рано раскрылся как ученый. Когда зимой 1956—1957 гг. начал издаваться журнал «История СССР», предоставивший свои страницы проблемным статьям и маститых и молодых исследователей, первым из молодежи со статьей, позволившей по-новому взглянуть на процесс закрепощения крестьян, выступил в нем и **Корецкий**. Подводя сейчас итоги его научным исследованиям, нельзя не поразиться их объему и значению. Вряд ли можно назвать историка, прожившего не столь уж долгую жизнь в науке и обогатившего ее столькими замечательными открытиями. Этим **В. И. Корецкий** был обязан своему таланту подлинного архивного искателя и источниковеда. Способность обнаруживать неизвестные документы была одной из доминирующих его черт как исследователя. Достаточно напомнить, как оказавшись в Томске всего на несколько дней, **Вадим Иванович** открыл неизвестную разрядную книгу с ранними известиями об опричнине. Другой важнейшей чертой **В. И. Корецкого** как исследователя была широта научной проблематики. Историю России XVI—XVII вв. он изучал и в плане конкретно-исторических проблем, и как источниковед-археограф, и с точки зрения методики и состояния архивного дела. Во всех его трудах неизменно пульсировала живая и острая творческая мысль.

В. И. Корецкий был человеком общей высокой культуры и большого литературного дарования. Это позволяло ему легко, темпераментно, доступно и вместе с тем строго научно популяризировать исторические знания. Таковы его очерки о деятелях прошлого, предисловия к изданию литературных произведений, статьи в научно-популярных журналах, устные выступления.

Человек безупречной научной этики, очень живой и близкий, **Вадим Иванович** продолжает жить в нашей памяти, в наших душах. Его научное наследие будет не раз еще анализироваться. Сегодняшнее заседание — первый шаг к этому. **С. О. Шмидт** сообщил также, что в «Археографическом ежегоднике» за

1986 год печатается список трудов Вадима Ивановича. Он передат для хранения в архив ученого корректурный экземпляр книги В. И. Корецкого «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России».

С докладом «История феодальной России в трудах В. И. Корецкого» выступил В. И. Буганов² (Институт истории СССР АН СССР). А. Д. Горский (МГУ) посвятил свое выступление теме «В. И. Корецкий — источниковед»³.

С сообщением «В. И. Корецкий — читатель ЦГАДА» выступил С. Е. Князков (ЦГАДА). Пожалуй, ни с одним архивохранилищем страны В. И. Корецкий не был связан так тесно, как с ЦГАДА. В читальный зал архива он пришел впервые первокурсником исторического факультета МГУ для сбора материалов по теме «Классовая борьба крестьянства Юга России во второй половине XVIII в.»; здесь же им был обнаружен позднее целый ряд ценнейших источников по отечественной истории XII—XVII вв. В личном деле В. И. Корецкого, хранящемся в читальном зале архива, имеется план его будущей кандидатской диссертации о закреплении крестьян во второй половине XVI в., где перечислены архивные фонды, над которыми он предполагал работать. С этого времени начались разыскания Вадима Ивановича по фондам «Разрядный приказ», «Оружейная палата», «Приказные дела старых лет», «Поместный приказ». Его занятия в архиве сразу дали ценные результаты: им были найдены и опубликованы грамота XII в. (в списке XVI в.) князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю, переписка участников восстания Болотникова и др.

Особенно плодотворной явилась разработка В. И. Корецким столбцов фонда «Поместный приказ», к которым он обращался на протяжении тридцати лет своей научной деятельности. Если вначале им выборочно просматривались наиболее древние столбцы этого фонда, то затем поиск материалов стал более широким. В. И. Корецкий активно использовал старый научно-справочный аппарат, составленный архивистами XVIII в. (описи, реестры), что в значительной степени облегчило выявление документов. Результаты своей многолетней работы над столбцами Поместного приказа он изложил в докладе «Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI—XVII вв.», прочитанном на конференции в Днепропетровске⁴.

Нельзя не сказать об участии В. И. Корецкого в научной жизни ЦГАДА. С начала 1970-х годов он был неперменным

членом научного совета архива, причем все его выступления на заседаниях отличались новаторством и неординарностью. В. И. Корецкий не раз выступал как автор рецензий на издания, подготовленные ЦГАДА совместно с другими учреждениями, в том числе на «Описи древних актов, хранящихся в ЦГАДА (Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Описание документальных материалов фонда № 135», «Опись архива Посольского приказа 1626 года», «Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.». В памяти сотрудников ЦГАДА В. И. Корецкий останется как неутомимый энтузиаст архивных разысканий.

Сообщение «Научный архив В. И. Корецкого» было сделано А. В. Лаврентьевым (ГИМ). Он рассказал о предварительных результатах работы комиссии по научному наследию В. И. Корецкого, составе архива ученого, хранящегося пока в его семье. Завершен первичный просмотр хранящихся в архиве рукописей, документов, подготовительных материалов к осуществленным и задуманным работам (последние — самая значительная часть архива); начато аннотированное описание с целью дальнейшей систематизации материалов и формирования личного фонда. Работа еще только начата, но уже определены группы материалов, представляющие интерес. О раннем формировании интересов В. И. Корецкого к актуальным проблемам отечественной истории свидетельствуют сохранившиеся в архиве труды студенческих лет — курсовые работы по истории СССР (в 1949 и 1950 гг. удостоенные первого места на факультетском конкурсе студенческих работ), выполненная под руководством Л. В. Черепнина дипломная работа «Классовая борьба в XVI в. и учреждение опричнины» (1952 г.).

Основные работы В. И. Корецкий смог опубликовать при жизни. В архиве хранятся только небольшого объема статьи, сообщения, фрагменты уже изданных трудов, по разным причинам не попавшие в печать. Их тематика — аграрная история и история крепостного права, опричнина, политическая история XVI—XVII вв., история общественной мысли. В. И. Корецким подготовлены к изданию тематически и хронологически скомпонованные группы документов (ЦГАДА, ГАКО). Среди них — подготовленное для монографии «Закрепление крестьян и классовая борьба в России во 2-й половине XVI в.» приложение, из которого увидел свет только один документ. Высокую оценку трудам В. И. Корецкого дают сохранившиеся в архиве отзывы о монографиях и статьях, рекомендации их к печати, подписанные Б. А. Рыбаковым, А. А. Зиминным, Л. В. Черепниным, Н. В. Устюговым, А. И. Клибановым, А. М. Сахаровым. Глубокий знаток истории России XVI—XVII вв., В. И. Корецкий пользовался репутацией строгого, но доброжелательного критика, щедро делившегося

² История СССР. 1986. № 2. С. 113—128.

³ АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 338—340.

⁴ Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тез. док. на 4 Всес. конф. по источниковедению. Днепропетровск. 31 окт.— 2 нояб. 1983 г. С. 155—161.

собственными мыслями и наблюдениями. И поэтому его рецензии на труды коллег-историков всегда носили неформальный характер. Таковы отзывы на научные труды В. Б. Кобрина, С. П. Мордовиной, Р. Г. Скрынникова, А. В. Чернова и др., выделенные в архиве.

Всем памятен В. И. Корецкий-расказчик. Дар преподавателя, популяризатора, к сожалению, далеко не в полной мере воплотился в трудах Вадима Ивановича. О том, с какой тщательностью готовился университетский спецкурс, говорит обилие архивных материалов к нему, причем в большинстве своем — это собственные труды и наблюдения. В архиве хранятся планы-проспекты нескольких неосуществленных научно-популярных книг, написание которых планировалось на протяжении всей творческой биографии В. И. Корецкого начиная с 1960-х годов, подготовительные материалы к задуманной работе о Пушкине-историке, в последние годы занимавшей значительное место среди интересов историка. Архив В. И. Корецкого — материализованная память о «трудах и днях» видного советского ученого.

20 ноября состоялось совместное заседание Архива АН СССР и Археографической комиссии, посвященное научной, педагогической и общественной деятельности С. П. Моравского. Заседание открыл директор Архива *Б. В. Левшин*. Во вступительном слове *С. О. Шмидт* (АК) кратко осветил жизненный путь и творческий облик Сергея Павловича Моравского (1866—1942), видного историка-медиевиста и выдающегося педагога-поватора, одного из тех, кто закладывал основы демократизации высшей и средней школы, народного самообразования и пропаганды исторического знания. Продолжая традиции С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, С. П. Моравский не замыкался в «чистой» науке; его внутренней потребностью было нести культуру и просвещение в народ. Выпускник Московского университета, ученик П. Г. Виноградова и В. И. Герье, он сосредоточил свои силы на общественно-педагогическом поприще. Его активнейшая деятельность в Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе Московского общества распространения технических знаний, ставшей по сути первым народным заочным университетом, имела своим результатом выработку не только университетских программ, но и программ и пособий для самообразования, выпуск таких ценных и в то же время доступных широкой массе изданий, как «Книга для чтения по истории средних веков» (М., 1896—1899), «Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XVIII вв.» (М., 1903), «Русская история в картинах» М., 1904, 2-е доп. изд. 1908—1909). Возглавив в 1907 г. мужскую гимназию в г. Ростове, С. П. Моравскому удалось вскоре превратить ее в передовую по тем временам демократическую школу, сплотившую прогрессивно мыслящих, творческих педагогов, среди которых были члены РСДРП

и другие «неблагонадежные». В советское время С. П. Моравский продолжал заниматься педагогической и научной деятельностью, особенно плодотворно — научным переводом исторических трудов зарубежных авторов. С. О. Шмидт выразил признательность сотрудникам Архива АН СССР, принявшим на хранение архив этого выдающегося деятеля культуры и народного образования. Его фонд — важный сегмент русской и советской культуры и просвещения.

С сообщением «С. П. Моравский — историк-медиевист» выступил *Ю. Л. Бесмертный* (ИВИ). Он отметил, что заседание памяти С. П. Моравского — дань тем светлым научным и нравственным традициям, которые были заложены в отечественной науке в конце XIX — начале XX в. Хотя число научных трудов С. П. Моравского невелико, но их содержание придало им особый — классический и потому в известном смысле хрестоматийный — характер. Переводы сочинения Цезаря и Тацита о древних германцах, С. П. Моравский дал такие истолкования древних авторов, которые вошли в золотой фонд науки. Сделанные им трактовки переводов Тацита, касающиеся древних германцев, предпочтительнее других трактовок советских и зарубежных медиевистов и соответствуют современному уровню развития науки. Не менее существен вклад С. П. Моравского в разработку историко-культурного подхода в медиевистике, а также в традицию отлично сделанных переводов научных трудов западных историков. Необыкновенно важны также и нравственные традиции отстаивания научной истины, которым С. П. Моравский никогда не изменял. Их сохранение и развитие — залог жизни нашей науки.

М. В. Михайлова (Институт общей педагогики АПН СССР) посвятила свое выступление общественно-педагогической деятельности С. П. Моравского⁵. О библиографических работах С. П. Моравского рассказал *П. Л. Бельский* (ИНИОН). С. П. Моравский обращался к библиографии неоднократно. В первой половине 1920-х годов сферой его деятельности была рекомендательная библиография, а также критическая (рецензии на вышедшие книги, обзоры, учет литературы по широкому кругу вопросов). Им выпущено большое количество библиографических обзоров по экономике и праву, статистике и учету. Во второй половине 1920-х годов он активно участвовал в подготовке библиографического справочника по сельскому хозяйству, его библиографические справки появлялись в каждом томе «Ежегодника аграрной литературы СССР». С 1939 г. С. П. Моравский был сотрудником ФБОН (ныне ИНИОН), где он работал в области комплектования и аннотирования. Занимаясь библиографической разработкой нередко неблизких ему тем, он выполнял их на необычайно высоком научном уровне. Здесь проявлялось при-

⁵ Сов. педагогика. 1987. № 7.

сущее ему чувство преклонения перед книжной культурой и обостренное сознание своего человеческого долга.

С обзором фонда С. П. Моравского в Архиве АН СССР выступила *Е. Н. Егорова* (ААН) ⁶.

18 декабря на заседании Археографической комиссии выступил *К. Н. Тарновский* (Ин-т ист. СССР АН СССР) с докладом «Ленинские „Тетради по империализму“. К истории их создания и публи-

кации» ⁷. В обсуждении приняли участие Ю. В. Андрушайтите и А. А. Курпосов (АК), В. В. Шелохаев (Институт истории СССР АН СССР), О. М. Медушевская (МГИАИ), А. А. Севастьянова (ЯГУ), Р. М. Савицкая (ИМЛ).

23 декабря состоялся отчет доцента кафедры истории СССР ЯГУ А. А. Севастьяновой о стажировке в Археографической комиссии. Она рассказала также о своей практике преподавания курса археографии в ЯГУ.

М. П. Мироненко

⁶ См. наст. изд.

⁷ Доклад и хроника заседания будут опубликованы в АЕ за 1987 год.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В 1986 году вышли в свет: Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. 35 уч.-изд. л.; Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. 35 уч.-изд. л. Отв. редактор С. О. Шмидт. В подготовке обоих томов к изданию приняли участие сотрудники Археографической комиссии: Ю. В. Андрушайтите, Н. А. Долдобанова, В. В. Мо-

розов, И. Е. Тамм, С. В. Чирков.

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986. Отв. редактор С. О. Шмидт. Составитель А. А. Турилов. Составители указателей — Б. Н. Морозов, А. А. Турилов. 18,8 уч.-изд. л. (ротационно).

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

4 декабря состоялось пленарное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1986 года. Г. В. Маркелов (ИРЛИ) рассказал об экспедиции в Латгалию. Помимо сбора у населения рукописных книг (см. наст. изд.), участвующие в экспедиции студенты Ленинградской консерватории произвели записи ряда произведений старообрядческого пения. В. П. Бударгани (ИРЛИ) сообщил о работах на Северной Двине. Двинское собрание Древлехранилища ИРЛИ насчитывает сейчас 693 рукописи. М. В. Рождественская (ЛГУ) рассказала об экспедиции студентов филологического факультета на Пинегу. Н. И. Николаев (ЛГУ) познакомил собравшихся с работами по пополнению НБ ЛГУ старопечатными изданиями. Библиотека поставила перед собой задачу собрать полный комплект старопечатных кириллических изданий; она пополняется в результате экспедиций ИРЛИ и филфака ЛГУ путем дарения и приобретения книг через букинистические магазины. П. А. Медведев (ГНБ) сообщил о результатах совместной с ПОКМ экспедиции в Псковскую обл. Н. Ю. Бубнов (БАН) рассказал об экспедиции в южные районы Кировской обл.; Л. А. Петрова (БАН) — о поездке в Прибалтику. Помимо рукописных и старопечатных книг, в Риге приобретена библиотека старейшего латышского архивиста Г. Енша, в которой особо интересна коллекция образцов бумаги XV—XIX вв. А. А. Амосов (БАН) поделился наблюдениями о распространении опыта описания хранилищ Вологодской обл. на

другие области РСФСР. Выполнение Вологодской программы показало, что во многих краеведческих музеях и областных библиотеках нет достаточно квалифицированных кадров для научного описания старинных документальных памятников. Поэтому археографы в ходе экспедиций должны оказывать помощь местным хранилищам, брать на учет фонды и коллекции рукописей, документов и редких книг. БАН уже осуществляет такую работу в хранилищах северо-западного региона. Важно, чтобы эта работа координировалась Археографической комиссией и ее Ленинградским отделением.

Северное

Вышел в свет очередной выпуск каталога-путеводителя «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (Ч. 2. Вып. 2), содержащий описание книг кириллической печати 1575—1825 гг. из собрания Вологодского областного краеведческого музея. Отв. редактор — П. А. Колесников, отв. составитель — В. В. Морозов, составители А. А. Амосов, М. Ю. Гордеева, Н. Д. Лабичева.

Уральское

В ноябре 1986 г. в Свердловске состоялись III Уральские археографические чтения (см. наст. изд.).

Лаборатория археографических исследований УГУ проводит систематическую работу по описанию собраний старопечатных книг и рукописей в местных хранилищах Урала. К настоящему времени описаны собрания Удмуртских республиканских краеведческого музея и

публичной библиотеки, Челябинской картинной галереи и библиотеки Челябинского государственного университета, Березниковского районного краеведческого музея Пермской области, Курганского областного краеведческого музея, Исетского районного краеведческого музея Тюменской области, Шадринского филиала Государственного архива Курганской области.

По археографической тематике защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: Н. П. Парфентьева «Древнерусское печеческое искусство и его традиции в духовной культуре населения Урала (XVI—XX вв.)»; А. Т. Шапкова «Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идейная борьба в России во II половине XVII—I половине XVIII вв.»; В. И. Байдина «Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII в.—1860 г.)»; А. Г. Мосина «Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII—середина XIX в.)».

Сибирское

Вышел в свет десятый выпуск серийного издания «Археография и источниковедение Сибири» — «Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма». Новосибирск, 1986. 16 п. л. Отв. редактор — Н. Н. Покровский. В сборнике дана роспись содержания всех десяти выпусков. Издано Описание рукописей собрания Черт-

кова (ГИМ). Отв. редакторы: Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Составители: М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986. 134 с. (Сибирское отделение АН СССР; ИИФФ; Сибирское отделение Археографической комиссии; Министерство культуры РСФСР; ГИМ). Сданы в производство каталог «Филигрань „Голова шута“» старопечатным изданиям XVII века» (составитель — Т. В. Дианова, ГИМ) и сборник «Древнерусская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование» (отв. редактор Е. И. Дергачева-Скоп, отв. за выпуск В. Н. Алексеев). Завершена работа над корректурой XXXVI т. ПСРЛ, содержащего тексты сибирских летописей группы Есиповской летописи (50 авт. л.). Археографические проблемы обсуждались на ряде научных конференций в Новосибирске и Красноярске; проведены выставки древнерусских рукописей и книг.

* * *

Археографическая лаборатория ЯГУ осуществила полное научное описание 59 рукописных книг XVI—XVIII вв. и 91 столбца XVII в., хранящихся в Ростовском музее-заповеднике.

* * *

При кафедре истории СССР досоветского периода КГУ начала функционировать археографическая группа, задачей которой является дальнейшее развитие полевых и камеральных археографических исследований в Среднем Поволжье.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1986 Г.

I. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Древлехрапилище ИРЛИ организовало экспедиции в Латвийской ССР (с участием студентов филфака ЛГУ и Ленинградской консерватории; руководитель — Г. В. Маркелов), в Архангельской обл. на р. Пинега (с участием студентов филфака ЛГУ, сотрудников НБ ЛГУ и ААН; руководитель — М. В. Рождественская) и на Северной Двине (руководитель В. П. Бударагин). Археографы БАН работали в южной части Кировской обл. (руководитель Н. Ю. Бубнов). ГПБ совместно с НИХМ в Псковской обл. (руководитель А. Г. Бобров). Археографы МГУ продолжали комплексные археографические и историко-культурные исследования в Пермской обл. и Удмуртской АССР (совместно с ПГУ и ПОКМ; научный руководитель — И. В. Поздеева, руководители отрядов — О. Л. Кутъев и Г. Н. Чагин), а также в Молдавской ССР и Одесской обл. УССР (с участием ИЯ АН МССР и РБ МССР; руководитель — И. В. Поздеева), в Московской обл. (руководители отрядов Е. А. Агеева и Л. А. Игошев), Саратовской обл. (С. Е. Никитина); осуществили археографические разведки в Тульской

обл. (Н. А. Кобяк), Краснодарском и Ставропольском краях (Е. А. Агеева).

Сибирское отделение Археографической комиссии, объединяющее работу археографов ИИФФ СО АН, ГПНТБ СО АН, НГУ и ТГУ, провело экспедиции в Хабаровском, Приморском краях, Амурской и Сахалинской обл. (руководители — В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, О. Д. Горелкина), Красноярском крае (Л. А. Ситников), Алтайском крае и Кемеровской обл. (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Д. Зольникова), Киргизской ССР (Н. С. Гурьянова).

В экспедициях Уральского отделения Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняли участие сотрудники Отдела истории ИЭ УНЦ АН, Удмуртского республиканского краеведческого музея, Удмуртской республиканской, Пермской и Челябинской областных библиотек, НБ ЧГУ, преподаватели и студенты УГУ, СГПИ, Уральской консерватории. Их работы проходили на территории Свердловской, Тюменской, Курганской, Челябинской, Пермской, Кировской, Куйбышевской обл., Башкир-

ской и Удмуртской АССР. Руководитель экспедиции В. И. Байдин, руководители отрядов: Н. Н. Барминская, О. К. Беляева, А. Т. Шашков.

Археографы ГГУ работали на территории Коми АССР и Ненецкого автономного округа Архангельской обл. (с участием ИРЛИ, БАН, ГПБ, ГРМ, ЛГУ; руководители Т. Ф. Волкова и А. Н. Власов). Экспедиции ГГУ (с участием областной библиотеки и облгосархива; руководитель Т. В. Черторицкая), ЯГУ (А. А. Севастьянова), ПИХМ (Н. П. Осипова) работали в пределах соответствующих областей.

В ходе названных экспедиций получены 541 рукопись (XVI в.—6, XVII в.—20) и 352 старопечатные книги (XVI в.—17, XVII в.—97) кириллической традиции.

Пинежское собрание Древлехранилища ИРЛИ пополнилось 18 рукописями (XVI в.—2, XVII в.—1). Среди них: Триодь постная с житием Марии Египетской первой четверти XVI в., Месяцеслов с тропарями и кондаками середины XVI в., житие Георгия и служба ему в списке 1650-х годов, книга обмера сенокосных земель деревень Гаврилов Остров и Зайцево 3-й четверти XVIII в., стих о Голубиной книге в списке начала XX в. С Северной Двины привезено 25 рукописей (XVII в.—2), в том числе два певческих крюковых сборника 1630-х — 1650-х годов; сборник литературно-учительного содержания 1710-х — 1720-х годов, содержащий Сказание Ивана Пересветова о царе турском Махмете и Прение живота и смерти; сборник апокрифов XIX в.; орнаментированный Трефолой местного письма; образцы письма и переплета северодвинского книжника И. С. Точилова. Из восточных районов Латвийской ССР получены 67 рукописей (XVII в.—2). В числе находок — Стоглав и Сказание о Мамаевом побоище в списках XVIII в., редкие старообрядческие сочинения, певческие орнаментированные рукописи, прориси икон, сборники литературно-исторического содержания и др. Всего в ИРЛИ поступило 110 рукописей.

Вятское собрание БАН пополнилось 22 рукописями XVIII—XX вв. и 6 старопечатными книгами (XVI в.—1, XVII в.—2). Среди рукописей — кофволют XIX в., содержащий жития Трифона Вятского, св. Екатерины, слова и поучения на праздники, полемические сочинения и переписку жителей с. Ст. Тушка; это — своеобразный литературно-публицистический архив местной старообрядческой общины почти за сто лет ее существования. Получены также сборники духовных стихов, крюковые рукописи XVIII—XIX вв. местного письма и состава, отрывок Лечебника XVIII в., несколько красиво оформленных рукописей, написанных местным княжником С. А. Сумцовым в начале XX в. Многие рукописи имеют владельческие записи и пометы. Среди печатных книг — Острожская библия 1580 г., Триодь цветная (М., 1620), Служебник, ч. 2-я (М., 1656), Поучения аввы Дорофея (Супрасль, 1786).

В ГПБ поступили 10 рукописей XIX—XX вв. и 2 старопечатные книги (XVI в.—1, XVII в.—1). Среди рукописей — Сборник духовных стихов, составленный О. А. Маслובоевой из д. Б. Гривы в 1935 г.; книги: Псалтырь с Новым Заветом (Острог, Иван Федоров, 1580) с рукописными дополнениями и Минея общая (М., Н. Ф. Фофанов, 1609).

Экспедициями МГУ собрано 206 памятников XVI—XX вв., из них НБ МГУ пополнилась 70 рукописями (XVI в.—3, XVII в.—4) и 31 старопечатными книгами (XVI в.—2, XVII в.—19). Остальные находки передаются в местные хранилища. Из Верхокамья получены 3 рукописи и 6 старопечатных книг (XVII в.—6). Среди рукописей — лицевой Апокалипсис начала XVIII в. с 72 миниатюрами и цветными заставками и выписки из Устава XVII в. От Молдавско-Украинской экспедиции в МГУ поступили 49 рукописей (XVI в.—2, XVII в.—2) и 26 старопечатных книг (XVI в.—2, XVII в.—13). В числе рукописей — Евангелие середины XVI в. молдавского происхождения со своеобразным многокрасочным «плетением» и многочисленными вкладными и владельческими записями XVII—XIX вв.; Кормчая начала XVI в. с записями и маргиналиями; Трезвонь 1680-х годов, Праздники певчие на крюковых нотах (XIX в.) с 24 цветными заставками и 12 миниатюрами из библиотеки Белокриницкой митрополии; два рукописных сборника XVIII в., содержащие эсхатологические, апокрифические и собственно старообрядческие сочинения. Среди книг — Псалтырь «с красными точками» (Вильно, тип. Мамоничей, 1576), Евангелие (Вильно, 1600) с вкладной записью И. И. Годунова в Николаевский Федоров монастырь (1603), Маргарит (М., 1641), Минея, сентябрь (М., 1607), Октоих, ч. 2-я (М., 1618), Триодь цветная (М., 1640) с обширными вкладными записями. 3 рукописи XIX в. и 40 печатных книг (XVI в.—2, XVII в.—8) экспедиция передала в Республиканскую библиотеку МССР и Библиотеку АН МССР. Экспедицией также просмотрены, датированы и взяты на учет свыше тысячи рукописных и старопечатных книг, хранящихся в молдавских православных церквях. Подмосковным отрядом получены 8 рукописей XVIII—XX вв. (в том числе крюковые рукописи с гуслицким орнаментом) и 8 старопечатных книг (в том числе Часовник. М., 1635, с многочисленными рукописными добавлениями). Тульским отрядом приобретены 3 рукописи XIX в. и 4 книги (из них 3 — XVII в.). В ходе комплексных археографических, фольклорных, искусствоведческих и этнографических полевых исследований в бассейне р. Обва (Пермская обл.) сотрудниками МГУ, ПГУ и ПОКМ получены 18 рукописей (XVI или XVII в.—1) и 14 кириллических книг (XVII в.—2), а также свыше 100 предметов материальной культуры. Среди рукописей — Пролог конца XVI или начала XVII в. с запродажными и владельческими записями жителей г. Вязники

XVIII в. и старообрядческий сборник XVIII в. с 23 миниатюрами в красках к «Слову Паллады мниха о втором пришествии». Все эти памятники поступили на хранение в ПОКМ.

В ИИФФ СО АН в результате экспедиций поступили 8 рукописей (XVII в.—1) и 2 старопечатные книги (XVII в.—1). Среди рукописей — Стенная книга 1680-х годов особой редакцией с продолжениями; в одном из рукописных сборников XIX в. содержатся памятники оригинальной крестьянской литературы, включая «Увещевание Мартина в консистории». Кроме того, от Куйбышевского райисполкома г. Новокузнецка Кемеровской обл. получено по акту собрание, состоящее из 244 рукописей XIX—XX вв. (главным образом — поздних списков памятников древнерусской литературы и исторических сочинений бегунов) и 16 печатных изданий (в их числе Евангелие широкошрифтное анонимной московской типографии — около 1564 г. — и Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648). В итоговые данные о количестве экспедиционных находок материалы этого собрания не включены. В ГПНТБ СО АН поступили 25 рукописей (XVII в.—2) и 85 старопечатных книг (XVII в.—11). Среди рукописей — старообрядческие сборники литературно-полемического характера; в числе книг — Минея общая (М., 1600), Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостолов (Киев, 1624) с многочисленными записями.

Уральской объединенной археографической экспедицией получены 163 рукописи (XVII в.—2) и 51 старопечатная книга (XVI в.—8, XVII в.—16). Среди рукописей — старообрядческие сборники XVIII—XIX вв., житие Кирика и Улиты лицевое XIX в.; среди печатных книг 4 издания Ивана Федорова, в том числе Евангелие учительное (Заблудов, 1569) и Библия (Острог, 1581) с записями XVII—XVIII вв.; Евангелие (Москва, Печатный двор, 1637), Псалтырь следованная (Могилев, 1705), Собрание

словес и деяний преподобных отец скитских (Супрасль, 1791). НБ ГГУ пополнилась 5 рукописями XVIII — начала XX в. и 10 старопечатными книгами (XVII в.—2). В числе рукописей — Цветник 2-й половины XVIII в. со статьями из Пролога, Патерика скятского, Евангелия учительного; старообрядческий сборник догматического содержания (стеклограф); среди печатных книг — издания Московского Печатного двора: Апостол (1623) и Минея служебная за ноябрь (1645).

В НБ ЯГУ поступили 16 рукописей XVIII — начала XX в. и 23 старопечатные книги (XVII в.—12). Среди рукописей — старообрядческие сборники, Октоих с дополнительными статьями, с украшениями в гуслицком стиле; в числе книг — Минея служебная за октябрь (Москва, 1609); Минеи служебные за март (1624) и апрель (1625) — конволют; Часовник (Львов, 1670).

Экспедициями СГУ получено 77 рукописей (XVII в.—5) и 17 старопечатных книг (XVII в.—6). Среди рукописей — фрагмент Жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVII в.), богослужебные сборники XVII—XIX вв., Синодик Усть-Цилемских родов (конец XIX в.), сборники духовных стихов. В числе книг — Минея общая (XVII в.) с рукописными дополнениями, фрагменты Пролога и Триоди постной (XVII в.), Диоптра (1651).

В ПИХМ поступили 14 рукописных книг XIX — начала XX в., 51 печатное издание (XVI в.—2, XVII в.—8), а также архивные материалы Владимирской церкви погоста Лисье с 1830-х годов по 1950-е, Георгиевской церкви погоста Сенно, Ильинской церкви погоста Кулье, а также личный архив Т. В. Демина — организатора и руководителя Изборского народного хора. Среди печатных изданий — Псалтырь (Вильно, 1575—1576), Триодь цветная (М., 1604), Минея служебная за апрель (М., 1645).

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

ИЯЛИ КФ АН (руководитель экспедиции М. И. Ахметзянов) на территории Татарской АССР получены 80 рукописей XVIII — начала XX в. и 60 арабографических изданий XIX—XX вв. Среди рукописей — списки стихотворений татарского поэта XV в. Умми Камала, поэмы турецкого поэта XV в. Челеби «Мухаммадия» (1825), поэмы Кул Гали «Киссаи Юсуф» (1840); среди печатных изданий — труды по арабскому языковедению, медицине, логике, исторические сочинения, словари, художественные произведения татарской литературы.

Экспедиции КГУ (руководители: М. А. Усманов, И. А. Гилязов, Р. А. Шайхиев) работали в Горьковской и Ульяновской областях и собрали 124 рукописи и старопечатных изданий конца XVII — начала XX в. на татарском, арабском и персидском языках. Исключительную цен-

ность составляет автограф трактата выдающегося татарского просветителя, ученого-востоковеда Хусайна Фаизханова «Исляхи мадарис» («Школьная реформа») с замечаниями и добавлениями Шигабутдина Марджани. Получены также «История аула Сабачай» Ситдика Якупова, списки произведений Кул Гали, Габдрахима Утыз-Имяни, Акмуллы, материалы по истории, этнографии, фольклору, литературе татарского народа и других восточных народов.

Экспедициями ИИЯЛ БФАН (Р. З. Шакуров, Р. М. Булгаков, И. Г. Гаялутдинов, С. М. Хусанов) получены на территории Башкирской АССР 156 рукописей XVIII—XX вв. и 125 печатных изданий XIX—XX вв., исполненных арабским шрифтом на языках татарском, арабском и персидском. Получены, в частности, рукописные сборники мунажатов,

байтов и стихотворений, тетради шакирдов, списки религиозных, грамматических, юридических трактатов.

Экспедиция ИИЯЛ ДФАН (руководитель Х. А. Омаров) на территории Дагестана взяла на учет и описала ряд личных и мечетских рукописных и книжных собраний; учтены и скопированы эпиграфические надписи, в том числе куфические надписи XIII—XIV вв. в с. Верхний Каранай. Получены 30 книг и рукописей, в том числе рукопись «Таварих», содержащая памятные записи о 110 исторических датах; список стихотворений ранее неизвестной дагестанской поэтессы Патимат Гусейновой; исторические

песни, кумыкские казак-йыры. Получена также часть архива аварских феодальных владетелей (262 документа XIX — начала XX в. на арабском языке).

Сектор рукописей и ксилографов Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР пополнился рукописями, полученными в дар: сборником индийских сказок в переводе на бурятский яз. (конец XIX — начало XX в.); 38 рукописями XIX в. на монгольском языке, включающими историю происхождения 11 хоринских родов; астрономической книгой на тибетском языке.

В. А. Черныш

КОМИССИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ ИСТОРИИ ГРУЗИИ

За свою многовековую историю грузинский народ создал высокую письменную культуру, которая обогатила мировую цивилизацию. Составной частью этой культуры является грузинская историография.

Изучение и издание грузинских исторических памятников имеет давнишнюю историю и прочные традиции. Зачинателями этого дела были такие выдающиеся деятели науки, как Теймураз Багратиони, Мари Броссе, Н. Я. Марр, Д. З. Баградзе, А. С. Хаханавили, А. А. Цагарели, Ф. Д. Жордания, М. Г. Джанашивили, Е. С. Такайшвили. Большая заслуга в деле изучения грузинской исторической литературы принадлежит И. А. Джавахишвили¹.

Выявление, изучение и публикация письменных источников более интенсивно продолжалось после установления Советской власти в Грузии. Большой вклад в это дело внесли К. С. Кекелидзе, С. Н. Какабадзе, П. И. Ингорюк, Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа, И. В. Абуладзе, С. Т. Каухчишвили и др. Подготовленные ими публикации, хотя и осуществленные на разном научном уровне, позволили шире развернуть историческое исследование, и сыграли большую роль в развитии грузинского источниковедения, археологии и текстологии.

В 1958 г. Президиум АН ГССР обсудил вопрос об издании иностранных источников по истории Грузии. Была создана Комиссия по публикации иностранных источников, которая опубликовала ряд важных восточных и западноевропейских источников по истории Грузии². Однако в результате деятельности этой Комиссии создалась некоторая диспро-

порция в издании источников. В частности, издание собственно грузинских источников стало отставать. В связи с этим, Президиум АН ГССР в декабре 1974 года рассмотрел вопрос об изучении и издании грузинских письменных исторических памятников. С целью повышения научного уровня публикации и координации работ в масштабе всей республики при Президиуме АН ГССР была создана Комиссия по источникам истории Грузии. Председателем Комиссии и главным редактором — академик АН ГССР Ш. В. Дзидзигури. В состав Комиссии вошли известные специалисты — историки и филологи³. Комиссия возглавила работу по выявлению, изучению и критическому изданию письменных источников по истории Грузии.

В настоящее время работа в области источниковедения истории Грузии ведется в основном в институтах АН ГССР, а именно, в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили (где изучаются грузинские и иностранные источники по истории Грузии, разрабатываются общие вопросы источниковедения), в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе (изучение и подготовка к публикации древнегрузинских рукописей), в Институте востоковедения им. Г. В. Церетели (выявление и комментирование сведений ближневосточных средневековых авторов о Закавказье и Грузии). Вопросами конкретного источниковедения занимаются в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, в Тбилиском и Абхазском государственных университетах, а также в государственных архивах и историко-этнографических музеях ГССР.

Большое внимание Комиссия уделяет составлению Правил публикаций различных видов письменных источников, обобщению опыта ученых, работающих

¹ *Кикнадзе Р. К.* И. Джавахишвили и источниковедение истории Грузии. Тбилиси, 1976; *Он же.* Очерки по источниковедению истории Грузии. Тбилиси, 1980. С. 26.

² *Абашидзе М. Д.* Публикации иностранных источников о Грузии // *Мацне.* Сер. яз. и лит. 1977. № 4 (на груз. яз.).

³ *Абашидзе М. Д.* Комиссия по источникам истории Грузии // *Мацне.* Сер. ист., арх., этн. и ист. искусств. 1975. № 5 (на груз. яз.).

в этой области, разработке принципов научных документальных публикаций. В частности, Комиссия по источникам истории Грузии уже опубликовала «Правила перевода на русский язык памятников грузинской исторической литературы»⁴. Разработаны или находятся в процессе разработки «Правила издания Корпуса грузинских исторических документов» (Н. Ф. Шошиашвили), «Правила издания эпиграфических памятников» (З. Н. Алексидзе и Н. Ф. Шошиашвили), «Правила издания иностранных источников по истории Грузии» (Р. К. Кикнадзе) и «Правила издания памятников права» (Г. А. Надарешвили). Памятники письменности готовятся к печати в соответствии с этими правилами.

Комиссией уже опубликовано более 45 книг. Эти публикации снабжены введением, описанием списков, положенных в основу издания, текстологическими комментариями, указателями терминов, личных имен и географических названий, резюме на русском и английском языках.

Публикация осуществляется в шести сериях: «Грузинские исторические памятники — грузинские тексты» (опубликовано 6 книг), «Грузинские исторические памятники — русские переводы» (5 томов, среди них: «Мученичество Шушаник» Якова Цуртавели (V в.)⁵, «Памятник Эрставов» (пач. XV в.)⁶, «Летопись Картли»⁷, «Жизнь царицы цариц Тамар»⁸), «Эпиграфические памятники и приписки рукописей» (7 томов), среди которых особо следует выделить два тома Корпуса грузинских лапидарных надписей⁹, куда вошли 234 надписи из Восточной и Южной Грузии (V—X вв.) и 210 надписей (IX—XIII вв.) из Западной Грузии. В серии «Иностранные источники по истории Грузии» издано 17 книг, содержащих сведения о Грузии: персидских (4 книги), турецких (3 книги), армянских (5 книг), древнегреческих (2 книги) и западноевропейских нарративных и документальных источников. В серии «Памятники грузинского права» в русском переводе опубликова-

ны «Законы Вахтанга VI»¹⁰; в серии «Корпус грузинских исторических документов» вышел первый том Корпуса¹¹. Это — первое академическое издание выполнено с учетом современных требований археологии и дипломатики. Изданные Комиссией книги заслужили Государственную премию СССР¹², премию комсомола Грузии¹³, премию акад. Н. Бердзенишвили¹⁴, премию Тбилисского государственного университета¹⁵, премию Академии наук СССР¹⁶ и медаль с премией Академии наук СССР для молодых ученых¹⁷. Комиссия уделяет большое внимание составлению симфонии-словаря (полного словоуказателя) летописного свода «Картлис Цховреба». Скоро выйдет из печати симфония-словарь первой части этого сборника, приписываемая Леонтию Мровели (XI в.), сдан в набор следующий том. Перспективные планы Комиссии довольно обширны. Планируется издание многих важных первоисточников по истории Грузии и сопредельных стран, часть из которых уже находится в процессе производства.

С 1975 года Комиссия осуществляет ежегодные специальные экспедиции с целью выявления, фиксации и изучения эпиграфических надписей. Экспедиция в Горийском районе изучает надписи, выполненные красками (руководитель З. Н. Алексидзе); ею завершена расшивка фресковых надписей в Атенском Сионе и церквях Бобневи и Церо, обнаружен неизвестный доселе культовый комплекс с фресками и надписями в ущелье Бнелети, внесены значительные коррективы в

¹⁰ Перевод, введение, примеч., глоссарий и указатели Д. Л. Пурцеладзе. Тбилиси, 1980.

¹¹ Корпус грузинских документов/Сост. и подгот. к изданию М. М. Бердзенишвили, Т. С. Енукидзе, В. С. Силогава, Н. Ф. Шошиашвили. Тбилиси, 1984. Т. I (на груз. яз.).

¹² Георгиевский трактат/Текст подгот. к изданию, введением и примеч. снабдил Г. Г. Пайчадзе. Тбилиси, 1984.

¹³ Сведения Кятиба Челеби о Грузии и Закавказье/Пер. с турецкого, введением и примеч. снабдила Г. Г. Аласания. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

¹⁴ Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах/Пер., введение и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); Законы Вахтанга VI/Пер., введение, примеч., глоссарий и указатели Д. Л. Пурцеладзе. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

¹⁵ Джаба Давтари Чилдирского вилайета/Турецкий текст и грузинский перевод подготовили Ц. И. Абуладзе, М. Х. Сванидзе, введение М. Х. Сванидзе. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

¹⁶ Корпус эпиграфических надписей (V—X вв.)/Сост. и подг. к печати Н. Ф. Шошиашвили. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

¹⁷ Теймураз Багратиони. Новая история/Текст подг. к изд., исслед. и примеч. снабдила Л. В. Микиашвили. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).

⁴ Кикнадзе Р. К. Правила перевода на русский язык и издание грузинских исторических памятников. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).

⁵ Перевод В. Д. Дондуа, введение и примеч. З. Н. Алексидзе, Тбилиси, 1978.

⁶ Перевод, исследование и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.

⁷ Перевод, введение и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.

⁸ Перевод и введение В. Д. Дондуа, исслед. и примеч. М. М. Бердзенишвили. Тбилиси, 1985.

⁹ Корпус грузинских надписей (лапидарные надписи), Восточная и Южная Грузия, V—X вв./Подг. к изд. Н. Ф. Шошиашвили. Тбилиси, 1980. Т. I (на груз. яз.); Корпус грузинских надписей (лапидарные надписи), Западная Грузия, IX—XIII вв. Подг. к изд. В. С. Силогава, Тбилиси, 1980, Т. II.

прочтение ранее известных памятников, обнаружено и расписфровано более двухсот надписей. Наиболее важный результат работы экспедиции — обнаружение древнейших образцов письменности «мхедрули», что позволило датировать время возникновения грузинской письменности более ранним периодом, чем это было известно до сих пор. Выявленный материал войдет в Корпус грузинских надписей.

В июне 1981 г. начала работать экспедиция, изучающая греческие надписи на территории Грузии (руководитель чл.-корр. АН СССР Т. С. Каухчишвили). Выявлены новые надписи, уточнены и дополнены ранее известные, обнаружена фресковая историческая надпись XVI в. в храме Богородицы в Гелати, надпись XII в. из Вардзиса, ктиторская надпись из Шуамты и из Некриси (XVI в.), надпись XVII в. из Хоби; восстановлен весь текст Бобневской надписи (роспись 1683 года) с упоминанием живописца — перомонаха Даниила; впервые изучены греческая надпись на мраморной колонне в Цаишском храме, надписи на шале из Эшеры и бляхе из Цебелды (V—VI вв.), надписи из Сванети на иконах (Адиши и Лапсхалди) и др. В числе находок надписи XVI—XVII вв., содержащие тексты из св. писания. Выявленный материал войдет в «Корпус греческих надписей».

Широкая научно-популяризаторская деятельность Комиссии выражается в проведении выездных научных сессий. С 1979 года Комиссия проводит в разных городах республики научные сессии вместе с сотрудниками ведущих научных институтов Академии наук республики, представителями университетов, педагогических институтов, а также исторических и краеведческих музеев республики. Уже были проведены сессии, посвященные изучению письменных исторических источников, в Телави¹⁸ — 1980 г., Гори¹⁹ — 1981 г., в Пасанаури²⁰ — 1983 г., Зугдиди²¹ — 1984 г. В работе этих сессий активное участие принимали специалисты тех городов республики, где проводились сессии, что позволяет координировать историко-исследовательские исследования непосредственно на местах.

Для укрепления деловых и дружеских контактов между учеными большое зна-

чение имеют также научные сессии с участием специалистов, работающих в крупных научных центрах нашей страны, устраиваемые Комиссией раз в три года. Первую такую научную сессию Комиссия провела в 1979 году в Кутаиси²². Доклады, прочитанные на этой сессии, вошли в сборник «Источниковедческие разыскания. 1979»²³. «Выход в свет «Источниковедческих разысканий» на русском языке, — пишет Л. Н. Пушкарев, — служит укреплению научных контактов не только внутри нашей страны, но и за рубежом, давая возможность включить достижения грузинского источниковедения в рамки мировой исторической науки»²⁴.

В связи с 60-летием образования СССР Комиссия провела в Сухуми научную сессию по вопросам изучения и издания письменных исторических источников²⁵. Опубликованы доклады, зачитанные на сессии²⁶.

В октябре 1985 года Комиссия провела в Батуми научную сессию: «Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников»²⁷. В работе сессии приняли участие специалисты научных учреждений и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Ташкента, Алма-Аты, Ростова-на-Дону, Днепрпетровска, Казани, Махачкалы, Сухуми и Батуми²⁸. На пленарных заседаниях были обсуждены темы: «Актуальные проблемы современного источниковедения» и «Источниковедческие проблемы истории Первой русской революции и Великой Отечественной войны Советского Союза». Около 70 докладов и сообщений было заслушано и обсуждено на заседаниях секций.

*М. Д. Абашидзе,
Ш. В. Дзидзигури*

¹⁸ Аласания Г. Г. Республиканская сессия источниковедов в Телави // Мацне. Сер. ист., арх., этн. и ист. искусств. Тбилиси. 1980. № 3 (на груз. яз.).

¹⁹ Дзидзигури Ш. В., Кикнадзе Р. К. Республиканская научная сессия // Гамарджвеба. 1982. 14 мая (на груз. яз.).

²⁰ Абашидзе М. Д. Научная сессия. Тбилиси. 1983 г. 5 июня (на груз. яз.).

²¹ Выездная сессия Академии наук СССР в Зугдиди // Мебрдзоли. 1984. 20 окт. (на груз. яз.).

²² Абашидзе М. Д. Научная сессия об источниках истории Грузии // ВИ. 1980. № 4; Черных В. А., Чунакова О. М. Всесоюзная научная сессия «Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии» // АЕ за 1980 год. М., 1981.

²³ Источниковедческие разыскания. 1979. Тбилиси, 1984.

²⁴ См. рецензию Л. Н. Пушкарева «Нужное, полезное издание» // Мацне. Сер. ист., арх., этн. и ист. искусств. Тбилиси, 1984. № 3.

²⁵ Марсагашвили М. Научная сессия источниковедов // Вечерний Тбилиси. 1982. 29 дек.

²⁶ Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси. 1985.

²⁷ Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников, Батуми. 1985. Тезисы докладов, Тбилиси, 1985.

²⁸ СА. 1986. № 3. С. 87.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИОННОЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

27—28 мая 1986 г. состоялось второе¹ заседание Центральной координационной комиссии при Научном совете по координации восточковедных исследований, рассмотревшее результаты работы за пять лет и наметившее ее направление в 1986—1990 гг.

Председатель комиссии *Г. Ф. Гирс* (ИВАН) в своем докладе сообщил, что Сводный план исследований 1984—1985 гг., который учитывает деятельность 27 научных центров, в основном выполнен. Сейчас готовится план на 1986—1990 гг. При его составлении учитывается работа значительно большего количества учреждений, а также исследования памятников на армянском, грузинском и греческом языках. Комиссия установила прочные контакты с Археологической комиссией АН СССР, а также с Комиссией по источникам истории Грузии АН ГССР.

Главным видом работ Комиссии на протяжении этих лет явились основанные на координации и кооперации коллективные труды и научные конференции. В Бартольдовских чтениях, проведенных за эти годы три раза, приняли участие 164 докладчика более чем из 25 научных учреждений страны. Определенную координационную роль играют такие издания, как «Письменные памятники Востока» и «Эпиграфика Востока». На основе межакадемической и межинститутской кооперации выполнялись чрезвычайно трудоемкие работы по составлению «Ономастикона» (Энциклопедического словаря персидской поэзии), авторских словарей Фирдоуси (к поэме «Шах-наме») и арабского поэта ал-Мутанабби. Об этом специально говорил *М.-Н. О. Османов* (ИВАН), отметивший, что такие крупные предприятия могут быть выполнены только в кооперации, а все их участники должны вовремя выполнять свою часть работы. Начата подготовка к осуществлению выдвинутых в 1981 г. Комиссией проектов Сводного каталога рукописей арабской графики в СССР, Сводного каталога документов арабской графики, корпусов эпиграфических и нумизматических источников и Сводного каталога монетных кладов.

Докладчик отметил недостаточную работанность теоретических и методических аспектов восточной текстологии и источниковедения (особенно в филологическом отношении) по сравнению с их состоянием в области классической, русской и западной. Возросший уровень квалификации специалистов в Москве, Ленинграде и в республиках требует обобщения их опыта, для чего следует приступить к формированию в течение ближайших трех-четырёх лет сборников, посвященных этим вопросам.

Необходимо провести специальное со-

вещание по вопросу отбора памятников для изучения и публикации и выработать четкую систему критериев отбора, установив приблизительный список памятников, наиболее желательных для исследования. Такой список для ленинградских учреждений был разработан более 20 лет назад, что отметили в выступлениях *О. Ф. Акимужкин* и *Л. Н. Меньшиков* (ЛО ИВАН), однако он явно недостаточен для научных центров всей страны. Список должен иметь рекомендательный, но не обязательный характер, чтобы не задержать изучение вновь открытых памятников (об этом шла речь в выступлениях *Л. Н. Меньшикова* и *А. Б. Халидова* (ЛО ИВАН), однако он, безусловно, придает целенаправленность работе.

Трудность в работе над памятниками создают недостатки в подготовке кадров (этому было посвящено развернутое выступление *К. Мирсаидова* (СамГУ), отмечались также *Д. Каграмановым* (РРФ АН АзССР) и другими слабость полиграфической базы, недостаточная работанность системы транскрипций и транслитераций, что обстоятельно рассмотрелось *Ц. А. Дугар-Нимаевым* (БИОН).

Е. А. Давидович (ИВАН) развила положение доклада Гирса о необходимости разработки проблем теории и методики восточного источниковедения, указав, что Бартольдовские чтения будут посвящены именно этим вопросам. Она подчеркнула важность изучения массовых источников, в первую очередь документальных. Проект создания Сводных регистров документов арабской графики встретил значительные трудности. Пока нет возможности установить наличие материала во многих хранилищах, с одной стороны, а с другой — отдельных собрания содержат огромное количество документов, объединение единичных экземпляров в некоторых музеях и сотен тысяч документов из собраний (например, Узбекистана) бессмысленно. Лучше начать издание в значительной мере уже обработанных актов из ташкентских хранилищ, параллельно выявляя документы в других собраниях.

Если работа над нумизматическими материалами идет успешно (готовится Сводный каталог кладов восточных монет), то гораздо хуже обстоит дело с изучением эпиграфики. Эпиграфические памятники почти не изучаются, хотя они чрезвычайно многочисленны; более того, они исчезают на глазах. Это подтвердил в своем выступлении *М. А. Усманов* (КГУ), отметивший, например, что из изданных Вельяминовым-Зерновым надгробий в Касимове более трети уже не существует. *И. А. Абдуллин* (ИИЯЛ БФАН) считает это характерным для всего Поволжья и Северного Кавказа. Он подчеркнул, что подготовленные публикации эпиграфических

¹ О первом заседании Комиссии см.: АЕ за 1981 год. М., 1982, С. 359—361.

памятников долгие годы лежат в издательствах. *С. Б. Певзнер* (ИВАН) обратил внимание на то, что при составлении свода памятников археологии, истории, культуры и искусства, которое проводится по всей стране, во многих областях РСФСР (например, Тульской, Московской) ведется учет и надписей, и Комиссии, видимо следует связаться с учреждениями, которые занимаются этой работой в соответствующих республиках.

Ряд выступлений был посвящен вопросам археологии. *А. Б. Халидов* подчеркнул необходимость скорейшего выявления хранящихся в собраниях библиотек и музеев рукописей. В настоящее время большинство даже крупных собраний рукописей плохо известно, поскольку почти нигде не только не издали, но даже не составлены каталоги. Необходимо возможно быстрее составить и издать хотя бы краткие каталоги (по образцу кратких каталогов персидских и арабских рукописей ЛО ИВАН). Обследование библиотек и музеев позволит подготовить обзорный том — «Восточные рукописи в СССР», где будет дана приблизительная количественная характеристика материала.

Следует обратить серьезное внимание на хранение рукописей. Пока во многих даже крупных хранилищах нет условий не только для реставрации, но даже для первичной обработки и консервации, многие хранилища расположены в неподходящих помещениях. Недостает кадров для обеспечения сохранности рукописей, их описания и составления каталогов. Все это должно быть внимательно обсуждено на конференции по восточной археографии, намеченной на 1988 год. Вопросы хранения и обработки рукописей привлекли большое внимание. О недостатке приспособленных помещений, отсутствии или малой мощности соответствующих мастерских говорили *А. М. Мухтаров* (ИИАН ТаджССР), *М. А. Усманов* и *И. А. Абдуллин*.

Л. Н. Меньшиков привлек внимание к

положению с фондами дальневосточных рукописей и ксилографических изданий. Если регулярная работа над ними идет в Ленинграде и Улан-Удэ, то в других местах они находятся в полном небрежении. Активно пополняемая коллекция в Кызыле недоступна для изучения, поскольку рукописи в штабелях заполняют помещение полностью. Недостаточны и кадры специалистов-востоковедов даже в Ленинграде, во многих местах их просто нет. *О. Ф. Акимущкин* отметил, что наряду с рукописями необходимо ввести в научный обиход большие фонды литографированных и ксилографированных арабографических книг. Он считает, что Сводный каталог следует готовить по регионам, придав ему сперва форму краткого каталога.

В. А. Черныш (АК) говорил о трудностях, возникших при подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, близких к тем, о которых говорилось в связи с восточными. Он сообщил также о «Вологодской программе» учета русских рукописей в ряде северных областей РСФСР, отметив, что в ходе ее выполнения в некоторых музеях обнаружены и восточные. Необходимо более прочный контакт с Археографической комиссией в целях обмена информацией, обсуждения методических и практических вопросов.

Наконец, ряд выступавших говорил о сложностях с изданием из-за недостатков полиграфической базы и о совершенно недостаточных тиражах; о том, что республиканские издательства не сообщают о предполагаемых изданиях в Москву, Ленинград и другие республики, что еще более снижает тираж.

Закljučая заседание, *Г. Ф. Гирс* отметил необходимость расширения информации между всеми заинтересованными учреждениями через Комиссию, а также необходимость увеличения числа научных центров, вовлеченных в ее работу (ИЯЛ АН ТуркмССР, АзГУ, АрмГУ, ТаджГУ и др.).

С. Б. Певзнер

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

25 января 1986 г. состоялась археографическая конференция, организованная кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ. Она подвела итоги 20 сезона полевых и научно-практических археографических работ МГУ¹.

Открывая конференцию, *Т. А. Круглова* (МГУ) отметила большой вклад в дело собирания документальных памятников истории и культуры сотрудников кафедры: *И. В. Поздеевой* — руководите-

ля и организатора археографического поиска и работ по описанию памятников книжности, *Е. А. Агеевой* и *Е. Б. Смилянковой*, которые уже много лет непосредственно руководят полевыми исследованиями.

Археографами МГУ проведено 50 экспедиций, собрано и исследовано более 3 тыс. памятников (40% из них — памятники XV—XVII вв.), изданы подробные научные описания — каталоги книг кириллической печати (942 номера) и рукописей (144 номера) НБ МГУ и других собраний. Основные публикации, посвященные проблемам археографии и

¹ См. также *Леренман М. М.* 15 лет археографическим экспедициям МГУ // АЕ за 1981 год. М., 1982.

научного описания памятников, учтены в книге «Русские письменные и устные традиции и духовная культура» (М., 1982) ².

С. О. Шмидт (АК) отметил уникальность методики и особую результативность экспедиций МГУ, высоко оценил работу археографов университета по описанию памятников книжной письменности и печати, подчеркнул ее огромную трудоемкость и вместе с тем важность для археографического развития исторического знания в целом. Он предложил впредь проводить археографические конференции МГУ совместно с Археографической комиссией АН СССР.

В экспедициях МГУ сложился факультативный коллектив археографов, объединивший специалистов разных отраслей знания, выработаны и продолжают развиваться методические принципы комплексных археографических исследований, о чем убедительно свидетельствуют итоги 20-го полевого сезона, подведенные на конференции зам. начальника археографической экспедиции МГУ Е. В. Смилянской ³.

Доклад Е. М. Сморгуновой (ИГП АН) был посвящен анализу говора Обвенского поречья. Диалектологические наблюдения исследователя подтверждают северное происхождение говора, что убедительно дополняет имеющиеся сведения о заселении этих мест в XVII в. беглыми крестьянами Поморья.

С. Е. Никитина (ИЯ), изучавшая устную культуру ветковско-стародубских слобод, отметила ее известную бедность по сравнению с другими старообрядческими регионами, объясняемому затуханием и трансформацией некогда богатой ветковской традиции под влиянием окружения — более яркой культуры восточного Полесья. Никитина отметила, что чем больше культура связана с книгой, т. е. со старообрядческой доктриной и соответствующим миропониманием, тем меньше она в условиях внешнего давления подвергается разрушению.

Л. А. Иешев (МГУ) в своем докладе предпринял сопоставление хомовых напевов — древнего и более нового старообрядческого с наречным (за основу была взята рукопись XVIII в. из Ветковско-Стародубского собрания МГУ), которое показало, что в ряде фрагментов наречный ближе к древним, чем хомовой. Это позволяет сделать вывод о необходимости привлечения для реконструкции как хомовых, так и наречных песнопений.

² См. также: Поздеева И. В., Троицкий А. Н. Русская рукописная и печатная книга в личных собраниях Москвы и Подмосковья. М., 1983; Кобяк Н. А., Поздеева И. В. Славяно-русские рукописи XV—XVI вв. Научной библиотеки МГУ. Поступления 1979—1985 гг. М., 1986; Поздеева И. В. Полевая археография: некоторые проблемы практики и теории // ВИ. 1986. № 7.

³ Подробно эти материалы отражены в докладе археографов МГУ на Тихомирских чтениях 1986 года.

Доклад М. Н. Эпштейна «Эсхатологические представления украинских старообрядцев» был подготовлен по материалам комплексной археографической экспедиции в Житомирскую и Хмельницкую области Украины в 1985 г. Автор собрал, записал и классифицировал 182 устных высказывания от 24 собеседников, разработал понятие «эсхатемы» как структурно-тематической единицы эсхатологического мышления, выделил и проанализировал 82 «эсхатемы» по четырем темам.

Вопросам мировоззренческих представлений и типологических особенностей русского старообрядческого населения с. Кунича (МССР) посвятила свои исследования и обобщение К. Г. Мяло (ИСИ). Автор избрал в качестве основной проблемы исследование типа личности старообрядца, которой, с точки зрения исследователя, принадлежит исключительная роль в сохранении и передаче фундаментального ядра старообрядческой традиции. В качестве определяющих черт этого типа Мяло выделяет: социально-экономическую крепость, полемичность и публицистичность в изложении устоев веры, ярко выраженную самостоятельность богословского мышления, соседствующую с «начетническим» характером его форм.

Паскаль (Ин-т ист. СССР АН СССР) подвел итоги своих изысканий по изучению деятельности первых легальных старообрядческих типографий в Клинцах (ныне г. Клинцы Брянской области). Им были рассмотрены причины их возникновения, легальная (1785—1787) и тайная деятельность после закрытия властями, а также их роль в возникновении новых центров книгопечатания. На основании выполненного впервые полного научного описания всех выявленных клинцовских изданий, автором подготовлен альбом орнаментики, имеющий большое значение для изучения старообрядческого книгопечатания.

Доклад Е. А. Агеевой (МГУ) отразил начальный этап исследования уникального памятника — старообрядческой библиотеки с. Самодуровка (ныне с. Белогорное Саратовской области). До начала XX в. эта библиотека принадлежала всему самодуровскому обществу, которое было ее реальным создателем и хранителем. Этот комплекс памятников позволяет проследить духовную жизнь местного крестьянства, структуру старообрядческих согласий, их главных деятелей и основные направления полемики. Агеева особо остановилась на истории заселения этих мест, поскольку материалы самодуровской библиотеки содержат ряд версий этого события, отражающих воззрения разных старообрядческих согласий. Сведения местных рукописей были дополнены изысканиями П. Шалкинского — миссионера, в прошлом старообрядца, изучавшего быт села в начале XX в., и данными бытующей поныне богатой устной традиции.

Е. А. Агеева

В ноябре 1986 г. в Свердловске состоялись третьи Уральские археографические чтения, организованные Уральским отделением Археографической комиссии, Уральским государственным университетом и Голольным советом по комплексной программе Минвуза РСФСР «Духовная культура Урала». В обсуждении проблемы «Археография и изучение духовной культуры» приняли участие ученые Свердловска, Москвы, Ленинграда, Перми, Челябинска, Новосибирска, Ярославля, Сыктывкара, Куйбышева, Пензы, Магнитогорска, Томска. Заслушано 93 доклада, в прениях выступили свыше 40 человек. В рекомендациях, принятых конференцией, с удовлетворением отмечается расширение активного собирания документальных памятников истории и культуры, усиление практической помощи археографических центров местным государственным и общественным хранилищам по взятию на учет и первичной научной обработке их фондов и коллекций. Вместе с тем участники конференции отметили, что современное состояние дела охраны, изучения и публикации документальных памятников не отвечает требованиям законов СССР и РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и не обеспечивает всестороннего исполь-

зования этих памятников для воспитания историей, формирования чувства советского патриотизма. Работа по выявлению, поиску, приобретению на государственное хранение старинных рукописей и книг продолжает оставаться инициативной тематикой отдельных специалистов. Функции архивных учреждений в осуществлении этих важнейших работ ограничиваются в основном выдачей и регистрацией разрешений на их проведение. В ряде университетов, в том числе и в Московском, где сложились высококвалифицированные неформальные коллективы археографов, отсутствуют специальные лаборатории и работа ведется в основном на общественных началах. Подготовка специалистов по работе с рукописными и старопечатными книгами не удовлетворяет потребностям архивов, музеев и библиотек, а немногочисленные выпускники вузов, специализировавшиеся по археографии, как правило, не получают соответствующего распределения. Продолжают сокращаться и без того небольшие лимиты на издание описаний документальных памятников. В рекомендациях конференции сформулированы конкретные предложения по преодолению отмеченных трудностей и недостатков.

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

11 декабря 1986 г. в ЛОИИ состоялось заседание западноевропейской группы АК и Ленинградской группы по изучению истории Франции при ЛОИИ, посвященное памяти члена-корреспондента АН СССР Ольги Антоновны Добиаш-Рожественской. Все доклады были объединены одной темой: «Культура европейского средневековья и ее памятники в рукописных и книжных собраниях СССР».

В докладе *А. С. Мыльникова* (ИЭ) «Новонайденный памятник чешско-моравской латинской литературы XIV в.» была дана археографическая и культурно-историческая характеристика повести «О происхождении девяти мальчиков». Список ее находится в рукописном сборнике ГПБ второй половины XV в. До сих пор были известны польская и чешская прозаические версии повести, напечатанные в конце XVI в. польским писателем Б. Папроцким. Ленинградский список, на который первым обратил внимание В. И. Мажуга, приобретает особый интерес, поскольку не только подтверждает чешское (моравское) происхождение повести, но и время ее создания. По мнению Мыльникова, повесть имела культурно-политический подтекст, относящийся к международным связям чешского королевства в XIV в. Повесть подготовлена им совместно с Ю. Е. Капилевич к печати.

А. Б. Черняк (ИЯ) говорил о матери-

алах, дополняющих публикацию, осуществленную в 1925 г. О. А. Добиаш-Рожественской, поэмы «Стих о скудости клириков», рукописи XIV в. чешского происхождения, хранящейся в ГПБ. Сличение ее текста с текстом пражской рукописи XV в., неизвестной О. А. Добиаш-Рожественской, показало, что ряд восстановлений, предложенных Добиаш-Рожественской и ее учениками, подтвердился пражским списком. Наличие двух ценнейших списков позволяет осуществить полное издание чешской поэмы. В докладе *М. Г. Логутовой* (ГПБ) сообщены результаты анализа двух рукописей (ГПБ, БАН) сочинения Герарда Зербольта «О духовном восхождении». Автор трактата был одним из лидеров нового религиозного движения «братьев общей жизни» и стремился доказать, что благочестивая жизнь возможна без принятия монашеских обетов, прокладывая тем самым дорогу христианскому гуманизму и сосредоточивая внимание на проблеме человеческой личности, хотя благочестивые братья рассматривали только одну сторону духовной жизни, ведущую к спасению души. *П. А. Конаков* (ВМА) в докладе «Предварительные замечания о культурной роли часовников в XV в.» дал характеристику состава и содержания часовников, хранящихся в Ленинградских собраниях и подтвердил высказанное О. А. Добиаш-Рожественской

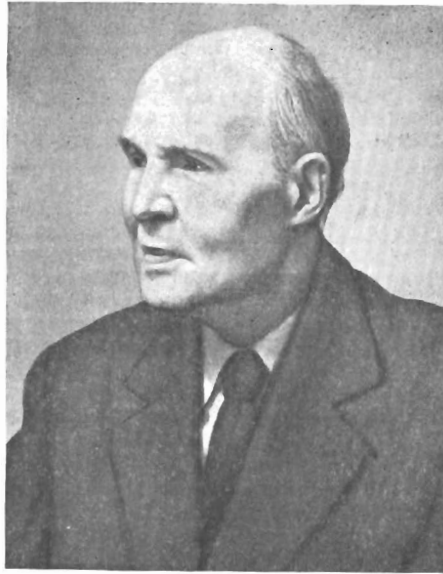
мнение о том, что этот тип книги был обязан своим появлением крупным идейным сдвигам, произошедшим в то время. В докладе *Т. М. Котельниковой* (ВГБИЛ) «Пластика и семантика оформления немецкой раннепечатной книги» на примере рукописной и раннепечатной традиции («Библии бедных») прослеживается, как появление печатной книги способствовало эволюции книжной иллюстрации в сторону большей изобразительности, реалистической передачи пространственных отношений, большей повествовательности и большей свободы индивидуального творчества.

Коллективный доклад «Неизвестные беневентанские невменные фрагменты в собрании ЛОИИ» посвящен двум впервые вводимым в научный оборот памятникам латинской гимнографии XI в., выполненным беневентанским письмом и снабженным нотными знаками (№ 15622, 30626). *Е. А. Глинка* (ЗМП) провела кодикологическую реконструкцию фрагментов; установила, что оба пергамена являются частями одного листа из Миссала. *В. Г. Карцовник* (ЛГИТМК) остановился на музы-

кально-нотационных особенностях Миссала. Среди трех песнопений рукописи одно — неопубликованный памятник латинской хоровой лирики, другое отличается от известных вариантов существенным разночтением. Палеографические данные и нотация фрагментов позволили сделать вывод о том, что рукопись могла быть создана в Далмации. В докладе *Л. Г. Гуревича* (ЛОИИ) изложены результаты изучения двух сиенских переплетов, предназначенных (согласно надписи) для счетов-отчетов налогового ведомства коммуны Сиены и для описи ризницы Сиенского собора и датированных соответственно 1475 и 1459 гг. Анализ показал, что оба переплета являются искусными подделками под старину, изготовленными в 1890—1900-е годы Ичилио Федерико Йони сиенским мастером-реставратором.

Е. В. Кухтина (ИВАН) посвятила свое выступление рукописи английского Бестиария XII в., хранящейся в ГПБ. Комплексное изучение ее привело автора к выводу, что рукопись ГПБ соответствует александрийской алхимико-астрологической традиции.

Л. И. Киселева

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ДРУЖИНИН (1886—1986)

Не может не поражать редкостный факт долголетия научного творчества Николая Михайловича Дружинина. Когда ученому было 92 года, вышла из печати последняя из его монографий «Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг.», увенчанная вскоре Ленинской премией. Эта книга — результат целенаправленных изысканий, начатых академиком на восьмом десятке жизни. Выходящее сейчас собрание избранных трудов Дружинина готовилось при его участии.

Всемирно известный историк, член Археологической комиссии АН СССР — автор сотен научных трудов; литература о его жизни и творчестве насчитывает много названий; не только в научной, но и в широкой прессе было отмечено столетие ученого. Основная сфера исследовательских интересов Дружинина — история России периода капитализма. С наибольшей источниковедческой основательностью, опираясь на общеметодологические положения трудов классиков марксизма и огромный и многообразный фактический материал, он обосновал принципы периодизации истории нашей страны в XVIII — начале XX в., показал конкретные особенности взаимосвязей социально-политических и культурных изменений с экономическими. Дружинин писал исследования и по истории революционного движения (особенно о декабристах), и по важнейшим вопросам социально-экономической истории, и о деятельности государственных

учреждений и проектов преобразований, о Москве XIX в., о войне 1812 г. и Крымской войне, и по истории культуры, и о людях науки. Некоторые положения, развивавшиеся в трудах Дружинина, утверждались в столкновении мнений, вызвали дискуссии, но сейчас основные его выводы и наблюдения настолько прочно закрепились в науке, столько раз повторены в учебниках и вузовских и школьных, что представляются как бы само собой разумеющимися. Не вынес ли это признание широкого восприятия результатов труда ученого?!

Книги и обобщающе-выставочного характера статьи позволяют назвать академика Дружинина одним из классиков советской исторической науки.

Вскоре после 80-летия ученого издала его небольшую книгу «Воспоминания и мысли историка», которая затем была в дополненном виде переиздана у нас и за рубежом. Это — и воспоминания, причем на широком фоне общественной и научной жизни, и размышления ученого о путях творчества, о культуре труда, о лаборатории исследования и преподавания, о формах распространения знаний, это — и советы молодежи. Книга написана не занимательно, скорее деловито, но это мысли, глубоко продуманные, проверенные многолетним личным опытом и наблюдениями, советы человека, не только испытывающего радость от самого процесса труда, но и считающего важным добиваться совершенной орга-

низации этого процесса и наиболее эффективных его результатов.

В год Великого Октября Дружинину было уже более 30 лет, однако печатные работы его все относятся к советскому времени. А до этого были трудные «университеты» — годы интенсивного и на редкость целенаправленного студенческого бытия и революционной деятельности. В гимназии он познакомился с «Коммунистическим манифестом» и некоторыми нелегальными сочинениями Ленина. Уже тогда, пишет Дружинин, закладывались основы его взгляда на историческое прошлое и на его связь с настоящим и будущим. Поступив на историко-филологический факультет Московского университета, он слушал лекции прославленного Ключевского и сразу же стал деятельно участвовать в семинарских занятиях. По юноша-студент втягивается и в революционное движение, становится по предложению Инессы Арманд библиотекарем Московского комитета партии, а после ареста и тюремного заключения его высылают в Саратов, где он также включается в революционную работу. Призванный в армию в годы Первой мировой войны и избранный после февральской революции председателем полкового комитета, Дружинин сумел закончить университет только после демобилизации, в 1918 г., и был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. Дружинин — у истоков становления советского архивного дела, советского музейного дела, советского краеведения¹. Причем он всегда был убежден, что популяризация должна опираться на предварительное научное исследование. Дружинин рано осознал воспитательное значение истории и не раз тогда и позднее писал об этом. Он читает лекции в массовых аудиториях, разрабатывает методику экскурсионной работы и научной экспозиции в музеях. Сохранился трогательный документ — «адрес» с неприятными выметками (написанный от руки, с грамматическими ошибками), которым был награжден Николай Михайлович в 1922 г. рабочими завода имени Владимира Ильича (бывшего завода Михельсона). В «адресе» написано: «Простым изложением речи, нередко в течение двух с половиной часов, Вы сумели подействовать на слушателей так, что аудитория в конце концов не имела места, чтобы принять нового и нового слушателя, жаждущего получить некоторое знание из области истории России...». В канун 10-летия Октября был издан первый специализированный путеводитель на историко-революционную тему «По революционной Москве», подготовленный под руководством ученого секретаря Музея революции СССР Н. М. Дружинина. И позднее, когда Дружинин с середины 1930-х годов стал профессором университета и работал в Институте истории Академии

наук СССР и действительно участвовал в подготовке и учебника для вузов, и серийной документальной публикации о крестьянском движении в XIX в. (а это ценнейшее многотомное издание готовили не только под его руководством, но и согласно детально разработанным им указаниям)² и многотомных изданий по истории СССР, всемирной истории, истории Москвы и других, он полагал необходимым отдавать силы и распространению исторических знаний в самых широких массах. В военные годы Дружинин выступал и как лектор и как составитель пособия для учителей «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны», а полученную им вскоре после войны Государственную премию отдал на улучшение детского дома, где жили сироты, потерявшие в войну родителей.

Изучение методов работы Дружинина — это школа овладения исследовательским мастерством, это и школа нравственности. Он воплощает в себе бесценные качества той совестливости интеллигенции нашей страны, которая и придала этому термину чисто русское звучание и содержание. Эта совестливость обладает огромной силой притягательности и всеочищающего влияния на окружающих. Во всяком случае мы знаем многих своих коллег, для которых пример Н. М. Дружинина — образец, к которому они стремятся, и при каждом неизбежном в жизни моменте, когда нужно выбрать между «добром» и «злом», «советуются» с Николаем Михайловичем.

Стоит напомнить, что молодой, только входивший в науку Николай Михайлович, отважно отстаивал свои взгляды ученого в неравной в тех условиях борьбе с М. Н. Покровским. Этот пример мужества молодого ученого, убежденности в своей правоте, отказа от компромиссов, которые на деле означают нарушение этики ученого — какой великолепный материал для воспитания молодежи, выработки характера настоящего ученого. Вряд ли правда должна «быть с кулаками»; если она прибегает к «кулакам», то можно уже усомниться в истинности этой научной правды, но убежденность в своей правде должна быть такой, о которую разбивались бы все попытки ее не признавать.

Академик Дружинин — убежденный противник поспешных работ, и особенно построения (или принятия) сначала какой-то концепции, а потом уже —вольно или невольно — подгона фактов в соответствии с этим построением. Лишь с постепенным углублением первоначальной характеристики явлений отдельные выводы по частным вопросам могут, по его мнению, стать основой единой и

¹ См. об этом текст выступления Н. М. Дружинина на заседании Археографической комиссии // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 330—331.

² Паина Э. С. Дружинин — археограф // АЕ за 1971 год. М., 1972; Литвак В. Г. Археографическое и историографическое значение серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.» // Социально-экономическое развитие России. М., 1986.

цельной концепции. Его всегда настораживало, когда молодой ученый торопился поскорее, фактически не завершив исследования, опубликовать свою работу. Н. М. Дружинин был настойчив и тверд в проведении своей линии, в обосновании положений, которые представляются ему правильными. Но он не считал возможным навязывать свое мнение, и тем более хоть в какой-то мере подавлять авторитетом своего имени и положения. Он сторонник и мастер научных дискуссий; более того, он полагал своим долгом выступать в связи с особо волнующими или кажущимися ему особенно важными для развития науки вопросами; но его дискуссионные выступления (и среди них и такая форма, как открытые письма зарубежным ученым), даже самые острые по форме, неизменно корректны, а научные разногласия никогда не переходили в личную неприязнь. Столетие со дня рождения Николая Михайловича было широко отмечено

но как знаменательное событие отечественной науки и культуры³.

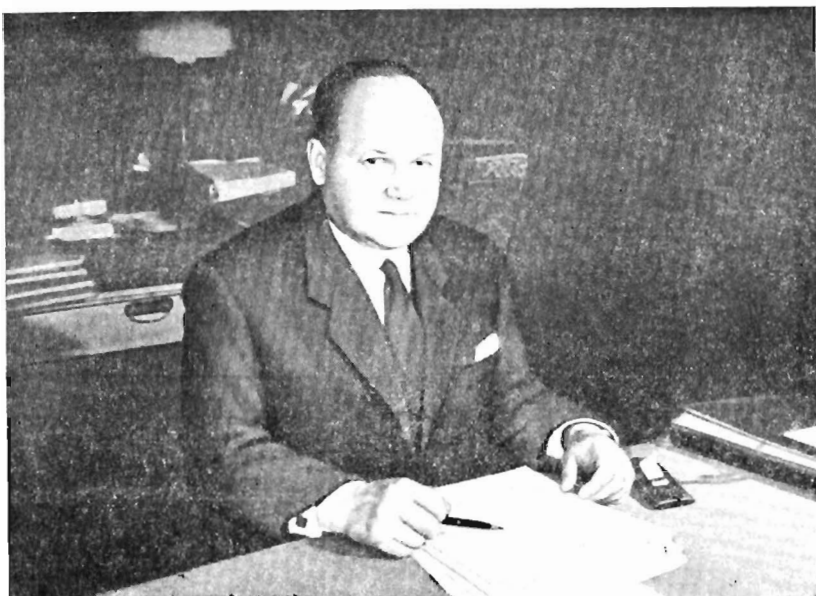
В наши дни, когда идет борьба за очищение общества от всего наносного, враждебного социалистической нравственности, нравственная энергия Николая Михайловича помогает нам, зовет к оздоровлению и нашей среды, к достижению того идеала, когда историк-исследователь будет болеть за всю историческую науку в целом, а не только за свои успехи в ней, будет стремиться к тому, чтобы каждая новая книга или статья его стала явлением, а не только новым номером в списке трудов.

В. Г. Литвак, С. О. Шмидт

---

³ Литературу об этом см.: Николай Михайлович Дружинин (1886—1986) / Сост. Р. И. Горячева, Н. М. Ансорова (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории. М. 1987. Вып. 16).

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОНОНОВ (1906 — 1986)

Одной из важнейших традиций отечественного востоковедения является постоянное стремление ученых к познанию исторического и культурного прошлого народов Востока на основе всестороннего историко-филологического анализа исторических и литературных памятников этих народов, в рукописях дошедших до наших дней. Востоковедная текстология и археография в нашей стране создавались успешными несколькими поколениями ученых. В формировании этой области науки участвовали такие блестящие ученые, как В. Р. Розин и В. В. Бартольд, Н. К. Кокошцев и С. Ф. Ольденбург, П. Ю. Крачковский и П. А. Орбели, многие их талантливые ученики и коллеги.

Андрей Николаевич Кононов — ученый с мировым именем, признанный глава тюркологов нашей страны, выдающийся исследователь истории и грамматики тюркских языков¹, обладал совершенно удивительными знаниями об истории нашего востоковедения, его традициях. И все, кому приходилось беседовать с Андреем Николаевичем о путях развития советского востоковедения, помнит, с какой убежденностью и страстностью говорил он всегда о том, что всякое серьезное востоковедное исследование начинается с анализа текста, что значительные научные результаты возникают лишь в ходе углубленного исследо-

вания письменных памятников, дающих ученому уникальную возможность проникнуть в духовный мир прошлого народов Востока, познать их историю, оценить характер их исторических и культурных традиций.

В наши дни А. Н. Кононов был одним из самых крупных знатоков восточной рукописной книги, наиболее авторитетным востоковедом-текстологом страны. Уже на рубеже 30-х — 40-х годов, когда он создавал свои первые грамматики тюркского языка, у него возник настоятельный интерес ко всему, что имело отношение к истории тюркских языков. Этот интерес естественным образом привел исследователя к изучению ряда исторических и литературных памятников, которые стали для ученого и страницами истории языка, на котором они были созданы. Специальные знания и навыки, столь необходимые в работе с восточными рукописями, ученый приобрел в 40-х годах в процессе сложной и важной работы коллектива текстологов, созданного многотомный каталог «Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР», который начал издаваться в Ташкенте под руководством известного ученого-текстолога и историка А. А. Семёнова в 50-х — 60-х годах. А вскоре появилась и первая крупная самостоятельная текстологическая работа А. Н. Кононова — издание критического текста

¹ О научной деятельности А. Н. Кононова см.: *Иванов С. И.* О научной и педагогической деятельности Андрея Николаевича Кононова — «Turcologica» (К 70-летию академика А. Н. Кононова). М., 1976; Андрей Николаевич Кононов (Материалы к библиографии ученых СССР). Сер. лит. и яз. М., 1980. Вып. 13.

произведения великого узбекского поэта и прозаика Алишера Навои «Махбуб-ул-клубу» («Возлюбленный сердце»). Эта работа, начатая автором еще в 1940 г., была опубликована в 1948 г. Она обогатила науку публикацией, имевшей большое значение для анализа литературного наследия классика узбекской литературы, его мировоззрения. Примечательно, что в том же 1948 году была опубликована «Грамматика узбекского языка», созданная А. Н. Кононовым и вскоре ставшая настольной книгой тюркологов-филологов и учебником для узбекских студентов. Одновременное издание этих двух работ — текстологической и лингвистической — наглядно свидетельствует о том, что уже в 40-х годах А. Н. Конопов сочетал в себе талант исследователя древних рукописей и тонкого знатока грамматического строя тюркских языков в его историческом развитии. Вся его дальнейшая научная деятельность показала, что этому сочетанию знаний и интересов ученый был верен до конца своей жизни.

В 1956 г. увидела свет его «Грамматика современного турецкого литературного языка», признанная лучшей научной грамматикой этого языка учеными-лингвистами в самой Турции. Глубокому проникновению в особенности грамматики турецкого языка в немалой степени содействовали продолжавшиеся текстологические изыскания А. Н. Кононова на материале различных тюркоязычных письменных памятников. В 1958 г. появляется его книга «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского». Эта фундаментальная текстологическая работа включала в себя публикацию ценнейшего исторического текста сочинения XVII в., подготовленную по семи рукописям. Она ввела в науку памятник первостепенного значения, открывший историкам, в частности туркменским исследователям, новые горизонты для исследования средневековой истории Средней Азии. В этой книге А. Н. Кононова неразрывность его интересов как лингвиста и текстолога продемонстрировала особенно наглядно, ибо публикация была снабжена грамматическим очерком языка памятника, ставшим для многих ученых образцом исследования этапов исторического развития тюркских языков. Издание текста было снабжено весьма обстоятельными историческими комментариями.

При самом деятельном участии А. Н. Кононова увидели свет многие значительные исследования его коллег и учеников. Он был ответственным редактором широко известной книги одного из своих учителей, С. Е. Малова, «Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования» (1951 г.), изданий текста памятника тюркоязычной художественной литературы XIV в. «Мухаббатнаме» Хорезми (публикация Э. Н. Наджиба, 1961 г.), текста «Дивана» Алишера Навои (публикация Л. В. Дмитриевой), текста памятника узбекской литературы конца XIV — первой половины XV в. «Латафат-наме» Ходжаджи (публи-

кация Э. И. Фазылова, 1976 г.). А. Н. Кононов вложил свои знания востоковеда-текстолога и в книгу Э. Р. Тенишева «Саларские тексты» (1964 г.); он редактировал первый выпуск «Описания тюркских рукописей института народов Азии» (1965 г.), подготовленный Л. В. Дмитриевой, А. М. Мугиновым, С. Н. Муратовым. В числе последних редакторских работ А. Н. Кононова в области восточной текстологии — составленный Д. Д. Васильевым «Корпус рунических памятников бассейна Енисея» — во многом вдохновленный идеями А. Н. Кононова в области изучения памятников рунического письма, а также подготовленный И. Е. Петросяп перевод (с публикацией текста) рукописи турецкого сочинения анонимного автора XVII в. о янычарском корпусе.

И опять невозможно удержаться от напоминания об устойчивости сочетания научных интересов А. Н. Кононова — текстолога и лингвиста. Более четверти века он всячески стимулировал работу своих учеников в области изучения и публикации памятников древнетюркской письменности. Глубокий интерес А. Н. Кононова к этим изысканиям привел его к созданию «Грамматики языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» (1980 г.), ставшей крупным событием в мировой тюркологии.

Можно было бы продолжить перечень трудов А. Н. Кононова в области восточной филологии, текстологии и археографии, но не хотелось бы в небольшой статье, посвященной этой стороне многогранной деятельности ученого отвлекать читателя от общей картины научной деятельности исследователя, для которого памятники письменности всегда были инструментом познания творений человеческого гения, путеводителем в сложном мире духовной жизни прошлых поколений, средством изучения языков наших дней, являющихся инструментом культурного взаимодействия людей нашей эпохи.

Среди многих коллекций восточных рукописей нашей страны есть одна, с которой особенно была связана научная деятельность А. Н. Кононова, более того, его биография. Это — коллекция рукописных книг Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. А. Н. Конопов — до недавнего времени старейший сотрудник Института, обладавший особым авторитетом. Вместе с И. А. Орбели он начал в конце 50-х годов широкомасштабную работу по созданию полных каталогов коллекции. В качестве заведующего ЛЮ ИВАН и председателя его Ученого совета он сделал в 60-х годах необычайно много для изучения и издания письменных памятников из этой ценнейшей коллекции. По его инициативе были созданы первые перспективные планы публикаций. Многие годы А. Н. Кононов руководил в ЛЮ ИВАН работой Методического бюро по описанию рукописей, ставшей отличной школой для молодых текстологов-востоковедов. В этой творческой лаборатории была разработана, в частности, единая схема описания рукописей

коллекции. Многие крупные знатоки восточной рукописной книги, работающие сегодня в ЛО ИВАН, прошли в процессе работы Методического бюро под руководством А. Н. Кононова своеобразный курс восточной текстологии.

Когда в 1957 г. была организована всесоюзная серия «Памятники письменности народов Востока», А. Н. Кононов вошел в ее состав в качестве заместителя председателя редколлегии серии. С 1977 г. он возглавил редколлегию серии, в которой издано уже более 150 томов памятников письменности народов Востока. Отбор памятников для публикации, определение характера издания, консультации многочисленных авторов, организация работы самой редколлегии, состоящей из крупнейших востоковедов-текстологов — дело весьма хлопотливое и трудоемкое. Но у него всегда находилось для этого дела время, ибо он почитал работу по изданию памятников важнейшей задачей советской востоковедной науки.

Вообще, зная Андрея Николаевича многие годы, имея возможность работать вместе с ним, нельзя было не воспринять у него удивительно бережное отношение к рукописной книге — этому аккумулятору и распространителю знаний в веках минувших, неиссякаемому источнику наших знаний о жизни и творчестве ушедших поколений. Нельзя было не подивиться его увлеченности всем, что имеет отношение к собиранию восточных рукописных книг, их сохранению и изучению.

Много раз принимал А. Н. Кононов советских и зарубежных коллег в рукописном отделе ЛО ИВАН. Одна из последних подобных встреч произошла мартовским днем 1984 г., когда в Институт пришла группа гостей Ленинграда — известных советских и зарубежных ученых-текстологов, принимавших участие в научной конференции, организованной комиссией рукописей СИБАЛ, «Система описания памятников средневековой книжности. Нарративные памятники по истории и культуре балканских народов и методика их описания». Открывая встречу, Андрей Николаевич рассказал гостям об истории рукописной коллекции ИВАН. И речь его была исполнена гордости за отечественных ученых, собравших на берегах Невы эту удивительную коллекцию памятников письменности

народов Востока, заставивших заговорить даже рукописи на неизвестных ранее языках, сумевших обогатить науку изданиями текстов первостепенного научного значения. А потом Андрей Николаевич и его ученики показывали гостям эту коллекцию. И, быть может, подобные дни были для него днями особенной творческой радости.

Весьма широк был круг научных интересов А. Н. Кононова. Среди них на первом месте и история востоковедения, в частности многочисленные труды по истории отечественной тюркологии. В числе этих работ книга «История изучения тюркских языков в России» (1972 г.; 1982 г. 2-е изд.), созданный А. Н. Кононовым с группой учеников «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» (1974 г.). В соавторстве с И. И. Юришем им была написана книга о лепинградском Восточном институте (1977 г.). Перу А. Н. Кононова принадлежат интереснейшие статьи и очерки о крупнейших советских востоковедах. Он был одним из вдохновителей и организаторов издания собрания сочинений академика В. В. Бартольда.

Труды А. Н. Кононова по истории отечественного востоковедения опирались на непрестанные изыскания в архивах нашей страны. Одному из них — архиву востоковедов ЛО ИВАН — он уделял всегда особое внимание.

В октябре 1986 г. А. Н. Кононову — академику, почетному члену многих зарубежных академий и научных обществ, председателю Советского комитета тюркологов, руководителю Восточной секции Археографической комиссии АН СССР — должно было исполниться 80 лет. Многочисленные ученики и коллеги Андрея Николаевича ожидали новых творческих встреч с исследователем, талант, знания и увлеченность которого более полувека были посвящены изучению языка письменности и культуры народов Востока. Но 30 октября жизнь выдающегося востоковеда нашей страны прервалась. Он ушел от нас полный новых творческих планов, оставив своим ученикам непоколебимую веру в безграничные возможности исследователя, отдающего свою жизнь без остатка любимому делу.

Ю. А. Петросян

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ УЛАШЧИК (1906—1986)

14 ноября 1986 г. скончался член Археографической комиссии АН СССР, видный советский историк Николай Николаевич Улащик. Николай Николаевич был специалистом по истории феодализма на литовских и белорусских землях, мастером-источниковедом, знатоком истории археографии и видным археографом-практиком. Он родился в Белоруссии и всю жизнь был подлинным патриотом своей земли, своего народа. Последней написанной им книгой (она готовится к изданию) стал очерк истории деревни, где жили его родители. Когда в феврале 1986 г. отмечалось восьмидесятилетие Николая Николаевича, юбиляр говорил об удивительной природе родных мест, о пении жаворонков, о чистом звучании белорусской речи. Жизнь его не была легкой, и не только потому, что до края наполнена огромным трудом. Он вынужден был оставить родные места; лишь в зрелом возрасте смог, наконец, посвятить себя желанному делу — науке. Два последних десятилетия, в расцвете творческих сил, он прожил в Москве.

Николай Николаевич родился в Мивске 1 февраля 1906 г. В 1924 г. закончил среднюю школу и поступил в Белорусский университет на социально-историческое отделение педагогического факультета. Жизнь было трудно, приходилось учиться и работать. И место работы он выбрал так, чтобы быть ближе к книгам: стал библиотекарем Белорусской государственной библиотеки. Окончив университет в 1929 г., он опубликовал первую свою статью. В течение полуто-

ра-двух лет местом его работы оставалась библиотека, а с 1931 г. в течение десяти лет Николай Николаевич преподавал в средних школах и техникумах, часто переезжая с места на место (г. Полесье Кировской области, Иваново, Ульяновск, Дергачи Саратовской области, Череновец, Ленинград). В декабре 1943 г., в возрасте 37 лет Николай Николаевич был зачислен в аспирантуру Института истории АН СССР. Темой его занятий стала подготовка крестьянской реформы 1861 г. в трех губерниях — Виленской, Гродненской и Ковенской. Диссертацию Улащик защитил в декабре 1947 г., отличаясь свободой от предвзятых оценок и чрезвычайной основательностью. В 1948—1949 гг. Николай Николаевич преподавал на историческом факультете МГУ, а в 1949—1950 гг., а затем с 1955 г. и почти до самой смерти он работал в Институте истории СССР АН СССР (с 1968 г. — Институте истории СССР АН СССР) в составе сектора источниковедения и изучения источников досоветского периода, группы по изданию Полного собрания русских летописей, сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода.

В 1964 г. Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию, которую в следующем году опубликовал. Это всестороннее исследование аграрного строя Литвы и Западной Белоруссии, начиная с присоединения этих земель к России в 1795 г. вплоть до реформы 1861 г. Превосходен историко-географический очерк, открывающий книгу; автор ищет историю

научных идей, не упуская из виду биографии исследователей, выясняя судьбу каждого из своих предшественников, степень его информированности, политические взгляды. Николай Николаевич был талантливым историографом, ибо умел слушать других и никогда не обольщался мыслью заменить своими размышлениями все предшествующее научное знание. Отсюда — понимание генетической связи историографических эпох, глубоко мотивированное описание общих процессов формирования исторической науки. Основную часть книги составляет анализ важнейших компонентов аграрного строя — состава населения, форм землевладения, основных отраслей экономики, помещичьего и крестьянского хозяйства, развития товарных отношений, роста классовых противоречий и социального протеста. Автор показывает, как правительственные меры по сохранению крестьянской «крепости» входят в противоречие с логикой развития Литвы и Белоруссии, не могут остановить разложения феодальных отношений и неминуемо требуют новых, все более радикальных реформ.

В монографии «Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода» (1973 г.) Н. Н. Улащик разрабатывает второе направление — историографию отечественного источниковедения. Николай Николаевич бережно относился к памяти советских исследователей-источниковедов, не раз брал на себя нелегкий труд публикации работ умерших авторов. Он держал корректуру исследований В. И. Пичеты (совместно с В. Д. Королюком, А. П. Пичетой, З. Ю. Копыским) и Н. Г. Бережкова. А в «Очерках» Николай Николаевич впервые в нашей науке разбирает историю составления и издания документальных публикаций по истории Белоруссии — «Белорусский архив древних грамот», «Акты Западной России», «Сборник Муханова», «Акты Виленской археологической комиссии» и др. Образцовым можно назвать исследование исто-

рии Виленской археологической комиссии. В этом разделе даны точные, умные, порой едкие характеристики П. В. Кукольника, Н. И. Горбачевского, П. А. Бессонова. Автор показывает, как «учреждения отбирали материалы для публикации по определенной программе, усиливая значение издаваемых источников всеми ... средствами, которыми располагает археология, т. е. ... публикаторская работа имела весьма определенный политический характер». И вместе с тем отмечает, что «изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели сказать составители и редакторы, готовя том к печати».

Третье важнейшее направление научных интересов Николая Николаевича — изучение и издание русских и белорусско-литовских летописей. Улащик исследовал и опубликовал Никаноровскую летопись (ПСРЛ. Т. 27. 1962), был редактором издания Александра-Невской и Лебедевской летописей (ПСРЛ. Т. 29. 1965), перевел на русский язык, опубликовал и откомментировал Хронику Быховца (1966). Последнее издание привлекло особое внимание специалистов и послужило толчком к плодотворному обсуждению вопросов происхождения и датировки ценнейшего источника по древнейшей истории западно-русских земель. В т. 32 и 35 ПСРЛ (1975. 1980) Николай Николаевич тщательно опубликовал все известные на сегодняшний день белорусско-литовские летописи, а исследование этих памятников составило последнюю книгу ученого, (1985).

Николай Николаевич был предан науке, смело брался за наименее разработанные и наиболее трудоемкие проблемы истории отечественного феодализма. Всем своим существованием он утверждал простую истину: не стоит и стыдно тратить жизнь на пустяки; утверждал силу знания, и сам в полной мере обладал этой силой; был знатоком и мастером своего нелегкого дела.

В. И. Буганов, А. И. Плигузов

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ,
ПОМЕЩЕННЫХ В «АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЕЖЕГОДНИКАХ»
ЗА 1977—1986 ГГ.¹**

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

<i>Абуладзе Ц. А.</i> Описание и изучение восточных письменных памятников в Институте рукописей АН ГССР	1981
<i>Автократов В. Н.</i> Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX — начала XX в.	1981
<i>Автократов В. Н.</i> К проблеме повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ СССР	1982
<i>Автократов В. Н.</i> Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов	1984
<i>Автократова М. И., Душинов С. М.</i> Научно-издательская деятельность ЦГАДА за 60 лет	1978
<i>Автократова М. И., Чирков С. В.</i> Документы ЦГАДА о начале научной деятельности М. Н. Тихомирова	1983
<i>Альтман И. А.</i> О методике выявления и учета документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны: (Из опыта работы во Владимирской области)	1985
<i>Альшиц Д. Н.</i> Об официальном характере «Книги Розрядной великих князей и государей московских...»	1978
<i>Амосов А. А.</i> Археография в трудах П. А. Колесникова	1982
<i>Амосов А. А.</i> Повести о Куликовской битве в отечественной археографии	1980
<i>Андрюшайтите Ю. В. С. А.</i> Клепиков — основатель отечественной библиографии по филигранологии	1986
<i>Андрюшайтите Ю. В.</i> О работе Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII веках» и некоторых вопросах перевода филиграноведческой литературы	1981
<i>Андрюшайтите Ю. В.</i> Развитие советского филиграноведения в 50-х — начале 80-х годов	1985
<i>Анцухин В. И.</i> История текста «Риторики» начала XVII в. (археографические наблюдения)	1985
<i>Аревшатян С. С.</i> Итоги деятельности Матенадарана: (К 25-летию Института древних рукописей Армянской ССР)	1985
<i>Архангородская Н. С., Курносоев А. А.</i> О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования)	1981
<i>Белогуров М. Г., Кузьмин С. И.</i> Проблемы отечественной археографии в журнале «Советские архивы»	1983
<i>Биргегорд У.</i> Большой славяно-латинский словарь конца XVII в.	1981
<i>Бодянова О. Э.</i> Архивы паркоматов и центральных учреждений в годы Великой Отечественной войны	1982
<i>Боровой С. Я.</i> К истории создания Одесского археологического института и археографического отделения	1978
<i>Бубнов Н. Ю. В. Г.</i> Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей	1983
<i>Будаев Д. И. В. И.</i> Шунков — лектор на фронте (впечатления слушателя)	1985
<i>Булычев А. А.</i> О боярском списке 7119 (1610/11) года	1986
<i>Буров В. А.</i> Новгородские свадебные документы XIV в. на бересте	1977
<i>Виноградов В. М.</i> Некоторые тенденции развития архивоведения в США	1984
<i>Возграм В. Е.</i> Сведения о России XVI—XVIII вв. в переписке датских послов	1981
<i>Воробьев М. Н., Рогов А. И.</i> К выходу «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР» (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)	1977
<i>Воронова Т. П. П. П.</i> Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки	1980
<i>Гальперина Б. Д.</i> Источники об общем собрании Петроградского Совета 23 октября 1917 года	1977
<i>Гальцов В. И.</i> Архив Посольского приказа во второй половине XVI — начале XVII в.	1981
<i>Головкин Г. М.</i> К вопросу о публикации работы В. И. Ленина в местной	

¹ Составила Н. А. Долдобанова. Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в «Археографических ежегодниках» за 1957—1966 гг., см. АЕ за 1966 год (М., 1968. С. 455); за 1967—1976 гг. — АЕ за 1976 год (М., 1977. С. 320).

- большевистской печати накануне Октября: (по материалам Нижнего Поволжья) 1980
- Головкин Г. М. Отчеты о денежных сборах на легальную партийную печать как источник: (по материалам Нижнего Поволжья 1917 г.) 1977
- Городецкий Е. Н., Зак Л. М. Академик И. И. Минц как археограф (К 90-летию со дня рождения) 1986
- Губенко М. П. Биографическая хроника В. И. Ленина как археографический труд 1985
- Добровская А. В., Плешаков С. Т. ЦГАОР СССР как научное учреждение 1977
- Дробоглав Д. А. Первые результаты поисков «Анонима» Дабелова в архиве магистрата Тарту 1984
- Душкова С. Чешский дипломатарий 1980
- Емченко Е. Б., Курукин И. В. К изучению публикаций «Дела Висковатого» и формирования его состава 1983
- Еремченко В. А., Иноземцева З. П., Курносое А. А. К вопросу о комплектовании государственных архивов РСФСР документами личного происхождения 1984
- Ершов Н. Н., Синцов Ю. Я. Публикация воспоминаний крестьян о встречах с В. И. Лениным в конце 1920—1921 г. 1977
- Жуков Е. М. Вступительное слово на совместном заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, посвященном памяти академика М. П. Тихомирова, 25 января 1966 г. 1983
- Жуковская Л. П. О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филографоведения 1981
- Журавлев В. В. К источниковедческому изучению декретов Советской власти о национализации промышленности (октябрь 1917 — февраль 1918 г.) 1977
- Журавлев В. В. Проблемы текстологии декрета Совнаркома от 28 июня 1918 г. о национализации ведущих отраслей крупного капиталистического производства 1978
- Журавлев С. В. Материалы ЦАМО СССР о деятельности В. И. Шункова в годы Великой Отечественной войны 1985
- Звездин З. К., Иргашев Ф. И. О принципах публикации протоколов Президиума Госплана 1981
- Зелов Н. С. ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны 1981
- Зелов Н. С., Плешаков С. Т. В. В. Максакое и создание Архива Октябрьской революции 1981
- Злоказов Г. И. Обобщение писем читателей газеты «Труд» о проекте Конституции СССР 1977 г. в сводках редакции: (К вопросу о репрезентативности сводок) 1982
- Иванов В. Ф. Судьба архивных материалов Якутии XVIII — начала XIX в. 1984
- Иванов Ю. А. Документы русских архивов начала XVII в. в коллекции С. В. Соловьева 1978
- Ивицкий И. А., Литвак Б. Г. В. И Шунков и публикация документов по истории Великой Отечественной войны в журнале «Исторический архив» 1985
- Илизаров Б. С. Архивный документ в свете представлений о социальной памяти 1977
- Илизаров Б. С. Новое в изучении первых публикаций Декрета о земле 1977
- Илизаров С. С. История создания и публикации первого русского географического словаря 1986
- Ирошников М. П. Издание источников по отечественной истории в ЛОИИ 1985
- Кабанов В. В. Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917—1920) 1985
- Кабанов В. В. Собираание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России 1984
- Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марципа Бельского 1980
- Казакова Н. А. Статейные списки русских послов в Испанию XVII в. 1984
- Калугин В. В. Об одном источнике «Келейного летописца» Дмитрия Ростовского 1982
- Каменский А. Б. История создания и публикации книги Г.-Ф. Миллера «Известие о дворянах российских» 1981
- Каменский А. Б. О работе Г.-Ф. Миллера над источниками по истории и генеалогии дворянства 1985
- Каштанов С. М. Из опыта актовой археографии 1982
- Каштанов С. М. Современные проблемы европейской дипломатики 1981
- Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот 1983
- Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот, ч. 2 1984
- Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот, ч. 3 1985
- Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот, ч. 4 1986
- Князевская О. А., Толстой Н. И. Вопросы палеографии и кодикологии в трудах академика Д. С. Лихачева (К 80-летию со дня рождения) 1986
- Князьков С. Е. Материалы к биографии Истома Пашкова и истории его рода 1985
- Козлов В. П. Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод 1979

- Козлов О. Ф.* Очерк археографической деятельности архивных учреждений союзных республик (из опыта подготовки) 1983
- Козлова Н. А. Н. Н. Бантыш-Каменский и некоторые вопросы актовой археографии второй половины XVIII в.* 1977
- Колесников П. А.* Публикация документальных памятников в деятельности Северного отделения Археографической комиссии АН СССР 1985
- Колесников П. А.* Рукописные памятники в краеведческих музеях Европейского Севера: (Из опыта работы Северного отделения Археографической комиссии) 1979
- Комарова И. И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов 1986
- Коржихина Т. П.* Документы добровольных обществ переходного периода от капитализма к социализму в СССР (1917—1936). Состояние и потребности исследований 1984
- Корнеев В. Е.* Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 1920-е годы документов К. Маркса, Ф. Энгельса и международного революционного движения 1985
- Костюхина Л. М. М. В. Щепкина как палеограф* 1985
- Кошлякова Е. А.* Судьба архива декабриста С. П. Трубецкого 1980
- Кудряшов Е. В.* К биографии Любима Агиева 1977
- Купайгородская А. П.* Многотиражные газеты ленинградских предприятий первой половины 20-х годов 1977
- Курбатова И. Н.* 175 лет «Депо манускриптов» 1980
- Курносов А. А., Черных В. А., Шмидт С. О.* О состоянии и задачах советской полевой археографии: (К итогам Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии) 1977
- Курносов А. А.* Академик А. М. Самсонов — археограф и источниковед истории второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения) 1983
- Курносов А. А.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1945—1955 гг.) 1978
- Курносов А. А.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1955—1975) 1979
- Кушова Е. Н.* Археографический совет и публикаторская работа Института истории Академии наук СССР (1948—1951) 1984
- Лебедева И. Н. В. Д. Лихачева* — исследователь рукописной книги 1982
- Левшин Б. В.* Архив АН СССР и развитие архивов научных центров в союзных и автономных республиках 1983
- Литвак Б. Г.* О культуре передачи текста в издании «Архив Маркса и Энгельса» (к выходу т. XVI) 1983
- Литвак Б. Г.* Об актуальности научного наследия В. В. Максакова 1986
- Литвак Б. Г.* Серийные издания в советской публикаторской практике 1985
- Литвин А. А.* Документальные публикации о революции 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье 1982
- Ложкин В. В.* Ленинский вопросник 1894 г. 1982
- Луцкий Е. А.* Документы А. В. Шестакова по работе большевиков среди крестьянства в 1905 г. 1977
- Ляшенко К. Г., Орелова Е. Д., Хомякова Н. А.* Приемы археографической подготовки публикации «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями» 1980
- Маневич С. М.* Деятельность Парижской Коммуны по изданию исторических документов 1978
- Мамонов В. М.* О собирании документов личного происхождения государственных архивами СССР 1979
- Медушевский А. Н.* Боярские списки первой четверти XVIII в. 1981
- Мельников Ю. Н.* О структуре и источнике описи документов Разрядного приказа 1626 г. 1983
- Метревели Е. П.* 25-летие деятельности Института рукописей Академии наук Грузинской ССР 1984
- Мироненко М. П., Мироненко С. В. С. С. Дмитриев* — историк, источниковед, археограф и педагог (К 80-летию со дня рождения) 1986
- Мироненко С. В. П. А. Зайончковский* — археограф и библиограф 1979
- Мироненко С. В.* 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» 1986
- Михайлова Н. М.* Деятельность М. С. Ольминского по публикации источников 1980
- Морозов В. В.* Практическая археография книжника средневековья: (Из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI в.) 1986
- Морозов В. В.* Фрагмент Лицевого свода в копии XVII в. 1982
- Морозов С. А.* О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников 1981
- Морозова Л. Е.* Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына 1983
- Муравьева Л. Л.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева 1982
- Мякушев С. Д.* Становление советского наградного делопроизводства (по материалам Президиума ВЦИК 1921—1923 гг.) 1981

- Наумов Е. Ю.* Частная переписка XIX — начала XX в. как объект археографического анализа 1986
- Панина И. В.* К вопросу о соотношении восточнославянских и южнославянских особенностей в письме пергаментной рукописи начала XV в. (Апостол из собрания ГБЛ) 1983
- Панченко А. М. В. И. Малышев как археограф* 1977
- Парфентьев Н. П.* О деятельности комиссии по исправлению древнерусских певческих книг XVII в. 1984
- Пережогин М. А. В. В. Макасов и подготовка историков-архивистов* 1986
- Пернер М. И.* Неопубликованная записка А. И. Герцена (А. И. Герцен и Л. И. Мечников) 1979
- Петрова О. В.* О работе с опубликованными генеалогическими справочниками 1981
- Петросян Ю. А., Темкин Э. Н.* Изучение собрания восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. Описание фондов, издание и исследование текстов 1983
- Пиримова Н. М.* Списки земских служащих конца XIX — начала XX в. 1980
- Пихоя Р. Г.* Книга в культуре Урала XVIII в.: (Круг чтения уральского горнозаводского населения) 1984
- Пожидаева Г. А.* Формы изложения деместивного многоголосия (по певческим рукописям конца XV—XVIII в.) 1981
- Поздеева И. В.* Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности: (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) 1977
- Покровский Н. П.* Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965—1983 гг. 1984
- Преображенский А. А.* Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева 1978
- Пшеничный А. П.* Кабинет архивоведения при ЦАУ СССР 1985
- Раскин Д. И.* Система научно-справочного аппарата ЦГИА СССР 1982
- Растопчина Л. Н.* Археографическое и библиографическое изучение декретов Советской власти (1917—1921) 1979
- Решетников Ш. П. Н. А. Черницын — исследователь Тотемского края* 1983
- Рогов А. П. Академик Б. А. Рыбаков — исследователь источников по отечественной истории: (К 75-летию со дня рождения)* 1983
- Рудельсон К. И.* О задачах разработки теории архивоведения 1982
- Рудельсон К. И.* Об уровнях методологии в архивоведении 1986
- Рыбина Е. А.* Повесть о новгородском посаднике Добрыне 1977
- Рыков Ю. Д.* Археографическая деятельность И. М. Кудрявцева 1933
- Рябов А. В.* О критике провинциализма в советской архивоведческой литературе 30-х гг. 1984
- Савицкая Р. М.* Архивные источники Биографической хроники В. И. Ленина советского периода 1980
- Самгина Е. И.* Письма царевича Алексея: (Новые поступления Государственного Исторического музея) 1984
- Севастьянова А. А.* Организация археографической работы в Ярославской области в 1981—1983 гг. 1984
- Седельников В. О.* Журнал «Исторический архив» и возникновение советской архивной периодики, 1918—1921 гг. 1979
- Седельников В. О.* Информационные издания центральных архивных органов РСФСР 1921—1932 гг. 1983
- Седельников В. О.* У истоков журнала «Архивное дело» (1921—1925 гг.) 1982
- Семенченко Г. В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича 1983
- Семенченко Г. В.* О хронологии троичских актов конца XIV — первой половины XV в. 1984
- Семи А. А.* К истории «Утвержденной грамоты» Земского собора 1613 г. 1980
- Сидоров А. А. М. Н. Тихомиров и история русского книгопечатания* 1983
- Сиромана В. Г., Успенский Б. А.* Кавычные книги 50-х гг. XVII в. 1986
- Слуховский М. И.* «Каталог универсальный» 1727 г. 1979
- Смирнова Е. И.* Документы петровского времени из архива Оружейной палаты о создании экспозиции в Мастерской Казенной палате Московского Кремля 1983
- Солодкин Я. Г.* К истории введения в научный оборот «Временника» Ивана Тимофеева 1984
- Сопин Е. Ф.* Архивные учреждения РСФСР к 40-летию Победы 1986
- Сопоцко А. А.* К вопросу о публикации вахтенных журналов (по материалам изданий XIX в.) 1977
- Спаский И. Г.* Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелец 1979
- Степанский А. Д.* Материалы легальных общественных организаций царской России (середина XVIII в.— февраль 1917 г.) 1978
- Сургай Г. И., Табачник Д. В.* Кафедра архивоведения и специальных исторических дисциплин Киевского государственного университета 1983
- Сырченко Л. Г.* К проблеме научной организации документов деятелей русской литературы и искусства 1979

- Тамм И. Е.* К изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти: (О классификации и археографическом заголовке) 1981
- Таранев Н. М.* Распубликование текста первой Советской Конституции в центральной и местной прессе 1918 г. 1983
- Тарновский К. Н., Тихонова З. Н.* «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900—1903 гг.» (археографические приемы подготовки издания) 1980
- Турилов А. А., Чернецов А. В.* Софроний, книгчий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение 1982
- Тутова Т. А.* Из истории архива Соловецкого монастыря 1983
- Тутова Т. А.* Из истории архива Соловецкого монастыря, ч. 2 1984
- Угаров И. Ф.* Новейшие публикации документов и материалов по истории первой русской революции 1980
- Уральский Ю. С.* Расшифрованные письма из переписки редакции ленинградской газеты «Искра» 1983
- Усманов М. А.* О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса, XIV—XVI вв. 1978
- Филькина Е. Ю. Н. П.* Барсуков и его «Собрание автографов» 1983
- Фонкич Б. Л. Е. Э.* Гранстрем как исследователь греческих рукописей советских собраний (К 75-летию со дня рождения) 1986
- Формозов А. А.* Археология и архивы: (К вопросу об изучении археологической документации) 1977
- Формозов А. А.* Воспоминания И. Е. Забелина о Т. Н. Грановском 1983
- Халидов А. В.* Арабские рукописи в СССР и их изучение 1977
- Халимов Н. Б.* О собраниях и изучении арабографических рукописей в Туркменской ССР 1977
- Ханпира Э. И.* Архивоведческое терминоведение: объект и предмет 1982
- Хоштария (Броссе) Э. В.* Изучение и публикация материалов личного архива академика Академии наук Грузинской ССР Н. А. Бердзенишвили 1986
- Черепнин Л. В.* Из истории археографии и других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин накануне и после Октября 1917 г. (Иван Филиппович Колесников) 1977
- Чернов С. З.* Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря: (К интеграции методики археологии и специальных исторических дисциплин) 1981
- Чирков С. В.* Из рукописного наследия М. Н. Тихомирова (по материалам Архива Академии наук СССР) 1983
- Чирков С. В.* К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в. 1984
- Чирков С. В.* Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX века 1983
- Чирков С. В.* О применении термина «археология» в начале XX в. 1981
- Чирков С. В.* Разработка правил издания исторических источников Археологической комиссией в XIX — начале XX в. 1985
- Чистякова Е. В.* Русская рукописная книга в творчестве академика М. Н. Тихомирова 1978
- Шацилло К. Ф.* Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» 1977
- Шацилло К. Ф.* О мемуарах сотрудников Института истории СССР АН СССР о Великой Отечественной войне 1985
- Шведова М. М.* Маргиналии на книгах библиотеки Новодевичьего монастыря 1985
- Шелаев Ю. В.* Публикация воспоминаний Н. П. Горбунова о В. И. Ленине в 1920—1930-е годы 1986
- Шилов В. В.* Новый документ о монастырском землевладении в годы опричнины 1982
- Шмидт С. О.* Вступительное слово [на заседании «В. И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны и военно-историческая тематика в его деятельности] 1985
- Шохин Л. И.* Об одном археографическом замысле Н. В. Калачова: (Подготовка издания приговоров и актов Боярской думы и приказов) 1985
- Шумейко М. Ф.* Источники изучения партийно-патриотического подполья Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (по материалам ЦА ИИП ЦК КП Белоруссии) 1984
- Шумейко М. Ф.* О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в.: (По материалам архива В. Я. Богучарского) 1981
- Юэт А. И.* Об изданиях «Истории Российской» В. Н. Татищева 1977
- Янин В. Л.* Буевщице «Петрятинно дворище» в Новгороде 1980
- Янин В. Л.* Забытый памятник русской книжности («Летописчик» Евангелия 1534 г.) 1979
- Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского 1978
- Янин В. Л.* К 30-летию открытия новгородских берестяных грамот: (Методологические аспекты исследования) 1982
- Янин В. Л.* К хронологии новгородских актов Василия Темного 1979
- Янин В. Л.* Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь 1981
- Янин В. Л.* Старая грамофонная пластинка как объект источниковедения 1977

- Автократов В. Н.* Понятие происхождения в архивоведении 1978
- Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Поздеева И. В., Смилянская Е. Б.* Итоги и перспективы организации комплексных археографических исследований МГУ 1986
- Александров В. А.* Народный быт в исследованиях М. Н. Тихомирова 1983
- Амосов А. А., Колесников П. А.* Опыт и перспективы описания документальных памятников в местных хранилищах («Вологодская программа»: сущность, результаты и задачи) 1986
- Архангородская Н. С., Курносоев А. А.* «История воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1985
- Астахова М. С.* Факсимильные издания рукописей произведений В. И. Ленина 1979
- Афиани В. Ю.* Хроника заседания, [посвященного 25-летию Археографической комиссии] 1981
- Буганов В. И., Глушакова Ю. П.* М. Н. Тихомиров и Институт истории АН СССР 1983
- Бударягин В. П., Копанев А. И., Кукушкина М. В.* Источники и пути комплектования ленинградских хранилищ рукописными и старопечатными книгами 1986
- Вдовин А. И., Соколов А. К.* Некоторые вопросы изучения и публикации массовых источников по истории рабочего класса СССР (на историческом факультете МГУ) 1977
- Волкова Н. Б.* Материалы о Великой Отечественной войне в фонде К. М. Симонова в ЦГАЛИИ СССР 1985
- Гуркин В. В.* Военные архивы — база для исследования Великой Отечественной войны 1985
- Гурьянова Н. С., Титова Л. В.* Хроника конференции «Деятельность М. Н. Тихомирова и актуальные проблемы археографии» 1980
- Деревянко А. П., Покровский Н. Н.* М. Н. Тихомиров и сибирская археография 1983
- Ерошкин Н. П.* Ленинский декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» и разработка истории государственных учреждений СССР 1978
- Журавлев В. В.* К вопросу о публикации и хранении архивных текстов первых декретов Советской власти 1978
- Иванов Г. Н.* О типизации факсимильных изданий и основных направлений деятельности издательства «Книга» в области факсимильного воспроизведения памятников письменности 1979
- Киселева Л. И.* Факсимильные издания средневековых рукописей в Западной Европе 1979
- Князевская О. А.* Факсимильные издания памятников кириллической письменности 1979
- Князевская О. А., Черных В. А.* Вопросы описания документальных памятников в трудах Археографической комиссии 1981
- Князьков С. Е.* Хроника заседания, [посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции] 1977
- Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* М. Н. Тихомиров и Московский университет 1983
- Копанев А. И.* О сокращенных изданиях массовых источников XVII в. 1977
- Литвак Б. Г.* Вопросы публикации источников на страницах «Археографического ежегодника» 1981
- Литвак Б. Г.* Приемы формализации содержания массовой документации и регесты (по материалам XIX в.) 1977
- Литвак Б. Г., Черных В. А., Шмидт С. О.* О некоторых итогах и задачах собрания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности 1986
- Мамонов В. М.* О некоторых актуальных задачах комплектования Государственного архивного фонда СССР 1978
- Меньшиков Л. Н.* Из опыта факсимильных изданий рукописей из Дуньхуана 1979
- Мироненко М. П.* Хроника заседания [по проблемам сокращенной передачи текста массовых источников] 1977
- Мироненко М. П.* Хроника заседания, [посвященного охране документальных памятников] 1982
- Мироненко М. П.* Хроника заседания [«Проблемы собрания и описания памятников кириллической книжности»] 1986
- Морозов Б. Н.* Хроника заседания [«К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне»] 1985
- Морозов В. В.* Хроника заседания [«Факсимильные издания документальных памятников. Итоги, перспективы, методы»] 1979
- Покровский Н. Н.* Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания 1986

<i>Прокопенко А. С.</i> О контроле за обеспечением сохранности документов ГАФ СССР, хранящихся в государственных музеях страны	1932
<i>Рогов А. И., М. Н. Тихомиров</i> — исследователь памятников средневековой славянской культуры	1983
<i>Рудницкая Е. Л., Эймонтова Р. Г.</i> Факсимильные издания памятников Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева	1979
<i>Самсонов А. М.</i> Вступительное слово [на заседании, посвященном 90-летию академика М. Н. Тихомирова]	1983
<i>Самсонов А. М.</i> Вступительное слово [на заседании «К 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне»]	1985
<i>Тарновский К. Н.</i> Три встречи. Из воспоминаний о М. Н. Тихомирове	1983
<i>Удальцова Э. В., М. Н. Тихомиров</i> — друг византинистов	1983
<i>Чистякова Е. В., М. Н. Тихомиров</i> и Армения (по материалам переписки с Л. С. Хачикяном)	1983
<i>Чирков С. В.</i> Хроника заседания «Об археографической подготовке студентов университетов и педагогических институтов»	1984
<i>Шкурко А. И.</i> Документальные памятники в музеях РСФСР: Охрана и использование	1982
<i>Шмидт С. О.</i> Вступительное слово на Тихомировских чтениях, посвященных 75-летию академика М. Н. Тихомирова	1978
<i>Шмидт С. О.</i> 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР	1981
<i>Шмидт С. О.</i> Изучение и издание наследия М. Н. Тихомирова	1983
<i>Шмидт С. О.</i> Некоторые вопросы развития советской археографии	1978

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Автокрагова М. И., Самошенко В. Н.</i> Лекция С. К. Богоявленского о Н. В. Калачове	1985
<i>Авшаров Е. Г.</i> Малоизвестные резолюции Петра I	1978
<i>Агафонов А. И.</i> Документы об историке и археологе Герое Советского Союза Г. А. Иноземцеве	1980
<i>Альбина Л. Л.</i> Читательские пометы Вольтера и опыт работы над их публикацией	1977
<i>Амосов А. А.</i> Новый справочник по филиграноведению	1978
<i>Амосов А. А.</i> Новый филигранологический альбом	1982
<i>Ананьич Н. И.</i> Материалы лекционных курсов Н. Х. Бунге 60–80-х годов XIX в.	1977
<i>Андрюшайтите Ю. В.</i> Каталог пергаменов БАН Литовской ССР	1982
<i>Андрюшайтите Ю. В.</i> Ценное издание о книжных переплетках	1977
<i>Арагамия Г. М.</i> Новинки грузинской археографии (1982–1983 гг.)	1984
<i>Арефьева И. Г.</i> Письма и воспоминания А. М. Ремизова в ЦГАЛИ СССР	1986
<i>Архилова Т. Г.</i> Документы Управления промышленности кооперации при Совнарком РСФСР в годы Великой Отечественной войны	1985
<i>Астрахан Х. М.</i> Стенографические отчеты Петроградской городской думы за 24 октября 1917 — 10 января 1918 г.	1984
<i>Афанасьев В. И.</i> Обзор собрания псковских актов А. Ф. Бычкова	1978
<i>Бакст Э. И.</i> Документы по истории борьбы царизма с революцией 1905 г.	1984
<i>Барнавели Э. Г.</i> Документальное наследие Е. Г. Вейденбаума	1978
<i>Беленький И. Л.</i> Библиографические указатели по текстологии	1982
<i>Беленький И. Л., И. Н. Кобленц:</i> жизненный путь. Научное наследие	1986
<i>Беленький И. Л.</i> Указатель трудов П. А. Кропоткина	1980
<i>Белоконь С. И.</i> Генеалогические материалы в архиве В. Л. Модзалевского. Библиография авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте (1971–1980 гг.) (сост. Юрченко Л. И.)	1980
<i>Благова Э. Я.</i> Значение Хлудовского сборника № 55 для изучения состава древнейших славянских гомилетических сборников	1978
<i>Бугай Н. Ф.</i> Архивные документы и публикации о ревкомах Северного Кавказа 1919–1921 гг.	1980
<i>Васневская Е. В.</i> Воспоминания-интервью о битве под Москвой	1983
<i>Ватник Н. С.</i> Листовки учащихся средних учебных заведений в 1905–1907 гг. (по материалам ЦГАОР СССР и ЦГИА г. Москвы)	1985
<i>Вдовина Л. Н., Кузьмина А. Г., Севастьянова А. А.</i> Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея	1978
<i>Воронин С. Д.</i> Статья В. Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого»	1984
<i>Враская О. Б.</i> Архивные материалы И. М. Гревса и Н. П. Андциферова по изучению города [Приложение: Список трудов Гревса и Андциферова по теме]	1981
<i>Враская О. Б., Е. Э. Гранстрем, Б. С. Каганович.</i> Историк книги и палеограф В. С. Люблинский и его личный архив	1986
<i>Ганелин Р. Ш., Ирошников М. П.</i> Новое справочное издание по фондам ГПБ	1983
<i>Гофман П.</i> О переписке Г.-Ф. Миллера и А.-Ф. Бюшинга	1977
<i>Градова Б. А., Кloss Б. М., Корецкий В. И.</i> К истории Архангельской библиотечки Д. М. Голицына	1978

- Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* О рукописях библиотеки Д. М. Голицына в Архангельском 1980
- Грацистрем Е. Э.* Описание рукописей латинского алфавита Библиотеки АН СССР 1981
- Дворкина М. Д., Саралиева З. Х.* Новые данные по истории печати нижегородских социал-демократов 1978
- Демина Л. И.* «Записки» Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889—1892) 1984
- Демина Л. И.* Список авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте (1981—1985 гг.) 1985
- Дубровский А. М.* Неопубликованные историографические работы С. В. Бахрушина в Архиве АН СССР 1978
- Егорова Е. И.* Личный фонд историка и педагога С. П. Моравского 1986
- Ерохин В. В.* Архив бортмеханика А. И. Андреева (из фонда ОПИ ГИМ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.») 1985
- Журавлев С. В.* Материалы о преподавании А. Ц. Мерзеном источниковедения истории в МГИАИ 1982
- Журавлев С. В.* Материалы о строительстве первой очереди Московского метрополитена в фонде Главной редакции «Истории фабрик и заводов» ЦГАОР СССР 1984
- Загребин В. М.* Рукописи Ивановского областного краеведческого музея: (Обзор коллекции и краткое описание древнейших кириллических рукописных книг) 1981
- Зайцев А. Д.* Материалы академика Б. Д. Грекова в ЦГАЛИ СССР 1982
- Зайцев А. Д.* Материалы фонда П. А. Лидова в ЦГАЛИ СССР 1985
- Закс А. Б.* Областные музейные конференции в РСФСР 1926—1927 годов: (По материалам ОПИ ГИМ) 1980
- Зелов Н. С., Корнеев В. Е.* Уполномоченный ИМЭЛ в Уфе: (Обзор документов о работе А. Ф. Платоновой в годы Великой Отечественной войны) 1985
- Иванова К. И.* Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина 1982
- Иоффе И. Л., Логунова Л. А.* О материалах по истории Тверского края в фонде И. И. Соколова 1979
- Исаевич Я. Д.* Новые каталоги книг кириллической печати 1977
- Казанцев Б. И.* Архивные материалы о численности рабочих черной металлургии СССР в четвертой пятилетке 1983
- Каменский А. Б., Шохин Л. И.* Об участии Н. А. Попова в подготовке издания сочинений В. Н. Татищева 1986
- Кармышева Б. Х., Шайхиев Р. А.* О книге М. А. Усманова «По следам рукописей. Записки археографа» 1985
- Киреева Р. А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова 1977
- Киреева Р. А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова, ч. 2 1978
- Кириллова Л. П.* К истории Конюшенного приказа XVII в. по «Описи разным копяшешным вещам и казне» 1706 г. 1980
- Киселева Л. И.* Перспективы работы над описанием средневековых латинских рукописей 1979
- Князевская О. А.* Новая книга о пергаменных рукописях Библиотеки Академии наук СССР 1977
- Князевская О. А., Шёберг А. П.* Древнерусские пергаменные рукописи Швеции 1980
- Ковалев И. В.* Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н. Л. Рубинштейна 1985
- Козлов В. Ф.* Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова 1980
- Козлов В. Ф.* Работа П. П. Смирнова в 1942 г. по подготовке сборника документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР» 1985
- Козлов В. Ф.* Документальные материалы ОПИ ГИМ о музейном деле и охране исторических памятников в Рязанской губернии в первые годы Советской власти 1986
- Кондрацкий А. А., Панченко Н. П.* Книга о советском архивном строительстве на Украине в 1917—1973 гг. 1977
- Коровайников В. Ю.* Историко-краеведческие материалы в фонде Ярославского естествоислорического и краеведческого общества 1982
- Котлярская Л. А.* Архивные материалы о жизни и деятельности П. А. Ровинского 1986
- Крылов В. В.* Отчет М. Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых 1982
- Крылов В. В., Маркина В. Г.* Данные об археографической деятельности М. Н. Тихомирова (в Государственном архиве Куйбышевской области) 1986
- Курникова И. А.* Обзор материалов к творческой биографии А. В. Чернова 1980
- Лаврентьев М. Ю., Петров Г. Д.* Фонодокументы Центрального государственного архива звукозаписей СССР о Великой Отечественной войне 1985
- Лаптева Л. П.* Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н. А. Попова с А. Патерой 1981

Левочкин И. В. Писцовые и переписные книги Отдела рукописей Государственного Исторического музея	1933
Левшин Б. В. Личный фонд В. В. Максакова в Архиве АН СССР	1978
Лихачев Д. С. Описание рукописей Погодинского собрания	1982
Лукичев М. П. Обзор боярских книг XVII в.	1979
Лукьянов В. В. Пополнения коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области	1977
Лучкова В. В. Документы личного архива И. Л. Маяковского в Московском государственном историко-архивном институте	1980
Лысенко Т. И. О переписке А. Ф. Кони с А. А. Шахматовым	1979
Лысенко Т. И. Фонд А. И. Андреева в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР	1978
Материалы к библиографии В. И. Шункова (1971—1985) (сост. Кузьменко Р. И.)	1985
Мейер Х. Славянские рукописи Лейденской университетской библиотеки в Нидерландах	1977
Мельник А. Н. Творческие материалы личного фонда А. А. Кудрявцева	1984
Мельников Ю. Н. Описание местных дел 80-х годов XVI в.	1977
Митрофанов Н. Н. Из истории составления справочника «Архивисты России»	1980
Морозов С. А. Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным	1977
Мыльников А. С. Цепный вклад в славянскую глаголическую археографию	1986
Наумов В. П. Вопросы внутренней политики в протоколах Конференции при высочайшем дворе и Императорского совета (1756—1762)	1984
Наумов Е. Ю. Переписка Г. В. Чичерина с Б. Н. и А. А. Чичеринскими в фондах московских архивов	1980
Павлова Р. Среднеболгарская псалтырь XIII в.	1977
Певзнер С. Б. Каталог арабских документов	1979
Поздеева И. В. Коллекция кириллических изданий Восточного института Ватикана в Риме	1983
Рогожин Н. М. К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в.	1979
Родюкова М. В. Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове	1935
Рубашева Н. М. Материалы писательницы В. И. Дмитриевой в Отделе рукописных фондов Литературного музея	1934
Руколь Б. М. Переписка М. Н. Тихомирова с В. И. Пичетой (1941—1943 гг.)	1982
Самгина Е. И. Фонд И. А. Голубцова в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея	1936
Севастьянова А. А., Синицына Е. В., Федюк Г. П. Обзор коллекции рукописей и книг кириллической печати Ярославской областной библиотеки им. Н. А. Некрасова	1986
Седельников В. О. Работа над библиографическим словарем русских историков (1919 г.)	1980
Середа В. Н. Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в фонде А. Н. Сперанского	1930
Славина М. А. Личный архив Н. Ф. Славина	1982
Список научных трудов Е. Н. Кушевой (сост. Тамм И. Е.)	1979
Список печатных работ А. А. Шилова: (К 100-летию со дня рождения) (сост. Ратнер А. В.)	1931
Список печатных трудов С. В. Житомирской (сост. Благоволина Ю. В.)	1986
Список печатных трудов А. А. Зимина (сост. Хорошкевич А. Л.)	1980
Список печатных трудов А. И. Копанева (сост. Либерзон И. З.)	1986
Список печатных трудов В. И. Корецкого (сост. Морозова Л. Е.)	1986
Список печатных трудов Е. С. Кулябко (сост. Файнштейн М. Ш.)	1985
Список печатных трудов В. Р. Лейкиной-Свирской (сост. Ансберг О. Н.)	1984
Список печатных трудов В. Т. Пашуто (сост. Перегуд М. Н., Проница П. В.)	1983
Список печатных трудов К. Н. Сербиной (сост. Павлов А. П.)	1984
Список печатных трудов П. П. Смирнова: (К 100-летию со дня рождения) (сост. Козлов В. Ф.)	1982
Список трудов Е. А. Луцкого: (К 70-летию со дня рождения) (сост. Тамм И. Е.)	1977
Старостина И. П. О так называемом Строевском списке Русской Правды	1978
Тамм И. Е. Издание писем Н. И. Вавилова	1931
Тамм И. Е. Литература 1963—1983 гг. о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова	1983
Тамм И. Е. Новое справочное издание об архивах Академии наук СССР	1979
Тартаковский А. Г. К определению состава перазысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 года	1981
Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг.	1978
Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг., ч. 2	1979
Тельчаров А. Д. Об архиве А. В. Смирнова	1981
Тельчаров А. Д. Фонд Владимирской ученой архивной комиссии	1985
Ткаченко В. Г. Архивное наследие С. В. Ешевского	1983

- Тугушева Л. Ю.* Раннесредневековые уйгурские письменные памятники в рукописном собрании ЛЮ ИВАН и их изучение 1980
- Тузов А. Л.* Архивные материалы о И. Е. Забелине 1982
- Филлимонов С. Б.* С. В. Бахрушин — член Общества изучения Московской губернии (области) 1932
- Филлимонов С. Б.* Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии 1920—1931 гг. 1982
- Филлимонов С. Б.* К истории одного краеведческого замысла П. П. Бажова 1979
- Филлимонов С. Б.* Материалы о М. Н. Тихомирове в журнале «Краеведение» 1986
- Филлимонов С. Б.* О подготовке А. Л. Бертье-Делагардом к печати перевода сочинения П. С. Палласа о Крыме 1983
- Филлимонов С. Б.* Об использовании краеведческих изданий 1917 г.—1930-х годов при составлении персональных указателей трудов видных ученых СССР 1985
- Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи А. Н. Муравьева 1984
- Чирков С. В.* Записка М. Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования 1982
- Чиркова Е. А.* Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах 1985
- Чекунова А. Е.* Новые материалы к биографии П. И. Рычкова 1985
- Черешня А. Г.* Об архивном наследии П. Е. Щеголева 1979
- Чунакова О. М.* Обзор архива С. С. Какабадзе [Приложение: список печатных работ С. С. Какабадзе] 1982
- Шандра В. С.* К истории деятельности Харьковского историко-филологического общества 1935
- Шаццлло Л. А.* Фонд Г. М. Кржижановского в Центральном музее революции СССР 1985
- Шешин А. Б.* Письма декабриста Д. И. Завалишина к Александру I 1982
- Шлемин П. И.* Дневник К. К. Арсеньева 1977
- Шогин Л. И.* Неопубликованная статья В. В. Шереметевского «Послесловие к Описанию Разряда» 1936
- Шумейко М. Ф.* К научной биографии В. Я. Богучарского 1980
- Шумейко М. Ф.* Материалы архива В. Я. Богучарского по истории журнала «Былое» («Минувшие годы») 1978
- Шумилин С. В.* Дневник (1803—1812 гг.) и письма генерал-майора В. В. Вяземского 1981

III. ПУБЛИКАЦИИ *

- Автобиография М. Н. Тихомирова: (В научном архиве Института истории СССР АН СССР (подгот. Тамм И. Е.) 1980
- Воспоминания С. К. Боговявленского о В. О. Ключевском (подгот. Шмидт С. О.) 1980
- Воспоминания и дневниковые записи деятелей культуры о В. О. Ключевском (подгот. Киреева Р. А.) 1980
- Воспоминания Н. М. Никольского «Как мы пришли к партизанам» (подгот. Гуленко В. И., Шумейко М. Ф.) 1932
- Вступительное слово Л. В. Черепнина перед защитой им докторской диссертации (1946 г.) (подгот. Шмидт С. О.) 1985
- Выступление Н. М. Дружинина о С. И. Мицкевиче как организаторе и руководителе Музея революции СССР (подгот. Ржезника М. Я.) 1981
- Выступление В. К. Яцунского на заседании памяти академика Б. Д. Грекова (подгот. Ледовская И. В., Литвак Б. Г.) 1982
- Дневниковые записи А. Н. Савина о В. О. Ключевском (подгот. Филли М. Д.) 1978
- Доночная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями (подгот. Бычкова М. Е.) 1977
- Документы о восстании 1614—1615 гг. (подгот. Станиславский А. Л.) 1930
- Жалованная грамота 1736 г. московским купцам из Парижской национальной библиотеки — источник по истории московской текстильной промышленности второй четверти XVIII в. (подгот. Буганов В. И.) 1979
- Записка К. К. Злобина об издании российского дипломатического сборника (подгот. Чиркова Е. А.) 1984
- Записка М. Н. Покровского в Академию наук СССР об очередных археографических задачах (подгот. Говорков А. А., Тамм И. Е.) 1978
- Из следственного дела Богдана Бельского (подгот. Флоря Б. Н.) 1985
- К биографии автора «Скифской истории» А. И. Лызлова (подгот. Лукичев М. П., Чистякова Е. В.) 1986
- К биографии Д. В. Стасова: (Воспоминания К. К. Арсеньева) (подгот. Троицкий Н. А.) 1983
- К изучению истории декабристов в 1920-е годы. Воспоминания С. Н. Чернова о Е. Е. Якушкине (подгот. Ратнер А. В.) 1980
- А. В. Косарев об организации архивов ячеек ВЛКСМ (подгот. Шмитков В. Д.) 1979
- Незавершенная статья М. М. Щербатова (подгот. Якушкин Г. Р.) 1979
- Неопубликованный доклад Л. В. Черепнина «В. О. Ключевский как источниковед» (подгот. Шохин Л. И.) 1980
- Новые документы о шведском дворе в Новгороде (подгот. Рыбина Е. А.) 1982

Новый документ об организации рабочих Рогожского района г. Москвы в 1917 г. (подгот. Федулин А. А.)	1986
О предыстории «Союза освобождения»: (Письмо В. Я. Богучарского И. П. Белоконокскому от 1 апреля 1908 г.) (подгот. Шацилло К. Ф.)	1979
Описание рукописей Московского Архангельского собора, составленное М. Н. Сперанским (подгот. Левочкин И. В.)	1979
Опись документов Московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г. (подгот. Турилова С. Л., автор предисл. Гальцов В. И.)	1983
Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. (подгот. Морозов Б. Н.)	1986
Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву (подгот. Кызласова И. Л.)	1985
Показание А. И. Ульянова по делу 1 марта 1887 г. (подгот. Альтман И. А.)	1977
Последнее выступление А. Д. Люблинской (подгот. Шаркова И. С.)	1982
Приговоры и наказания крестьян Кубани и Ставрополя 1905—1906 гг. (подгот. Трехбратов Б. А.)	1931
Проект А. А. Шахматова об издании собрания сочинений Юрия Крижанича (подгот. Иштугин В. В.)	1984
Словарь русского языка Вольного русского собрания (подгот. Кондакова Т. И., Полонская И. М.)	1978
Статейный список Константина Скобельцына (1573—1574 гг.) (подгот. Лурье Я. С., автор коммент. Казакова Н. А.)	1979
Тезисы доклада Н. М. Дружинина «Принципы экспозиции историко-революционных материалов» на заседании Музейной комиссии Московской секции ГАИМК (подгот. Филимонов С. Б.)	1981
М. Н. Тихомиров — член Общества истории и древностей российских (подгот. Шохин Л. И., автор предисл. Шмидт С. О.)	1985
Челобитная Антопия Сийского 1540 (подгот. Брызгалов В. В.)	1978
Четыре письма В. Н. Татищева к дочери (подгот. Каменский А. Б.)	1986

IV. ХРОНИКА

<i>Абашидзе М. Д., Дзидзигури Ш. М.</i> Комиссия по источникам истории Грузии	1986
<i>Агеева Е. А.</i> Археографическая конференция на историческом факультете МГУ	1986
Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в «Археографический ежегодник» за 1977—1986 гг. (подгот. Долдобанова Н. А.)	1986
<i>Афиани В. Ю.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1981 г.	1981
<i>Афиани В. Ю.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1983 г.	1983
<i>Афиани В. Ю.</i> Заседание, посвященное 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова	1981
<i>Бадя Л. В.</i> Конференция по источниковедению истории ВЛКСМ	1977
<i>Баранцева С. С.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1978 г.	1978
<i>Борисов И. В.</i> Заседание «К 100-летию со дня рождения В. К. Лукомского»	1982
<i>Бубнов Н. Ю.</i> Первая Всесоюзная конференция по описанию и изданию памятников древней письменности	1979
<i>Бударягин В. П.</i> Чтения памяти Владимира Ивановича Малышева	1977
В отделениях Археографической комиссии	1977—1986
<i>В. Ч.</i> Археографические экспедиции 1982 г.	1982
<i>В. Ч.</i> Археографические экспедиции 1983 г.	1983
<i>Василюв В. П.</i> Первый Международный симпозиум, посвященный Суэцкой рукописи	1977
<i>Винсградов В. М.</i> Обсуждение проблем архивоведческого терминоведения во ВНИИДАД	1982
<i>Водов В.</i> Старейший палеограф мира [акад. Шарль Самаран]	1979
<i>Воронова Т. П.</i> Международный коллоквиум по сохранности древних рукописей редких книг (октябрь 1975 г.)	1977
<i>Гарбер С. С., Хрустова Н. А.</i> В библиотеках страны: [К 90-летию акад. М. Н. Тихомирова]	1983
<i>Гранстрем Е. Э.</i> Новые материалы из собрания И. Берчича в ГПБ	1979
<i>Долдобанова Н. А.</i> Конференция по истории средневековой письменности и книги	1978
<i>Долдобанова Н. А.</i> Обсуждение «Археографических ежегодников» за 1971—1976 гг. в Москве	1979
<i>Долдобанова Н. А., Князевская О. А.</i> Болгарская рукописная книга X—XVIII вв.	1978
<i>Жуковская Л. П.</i> Международный симпозиум по средневековым сборникам	1979
<i>И. Л.</i> 70-летие А. И. Копанева	1985
<i>Каштанов С. М.</i> Доклад о чешском дипломатари	1979
<i>Киселева Л. И.</i> Заседание памяти О. А. Добиаш-Рожественской	1986
<i>Копылова О. Н.</i> В ЦГАОР СССР: [Заседание, посвященное 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина]	1980
<i>Коровайников В. Ю.</i> К 30-летию студенческого научного кружка в МГИАИ	1980
<i>Кошелев Я. П.</i> Заседание, посвященное памяти Ю. М. Сибирцева	1978
<i>Кручинина А. Н.</i> Научная конференция по проблемам древнерусского певческого искусства	1977

- Курносов А. А. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Выступление академика И. И. Минца. Хроника заседания) 1984
- Лабынцев Ю. А. Международное совещание «Сводный каталог старопечатных книг кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.» 1980
- Лебедева И. В., Лебедев В. В. Поступление личного фонда В. И. Лебедева в архив Московского государственного университета 1984
- Леренман М. М. 15 лет археографическим экспедициям Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова 1981
- Либберзон И. З. Обсуждение «Археографических ежегодников» за 1971—1976 гг. в Ленинграде 1979
- Либберзон И. З. 150-летие Петербургской археографической комиссии 1985
- Маджаров А. С. О работе лаборатории по истории Сибири Иркутского государственного университета 1979
- Мироненко М. П. Деятельность Археографической комиссии (ноябрь 1976—1977) 1977
- Мироненко М. П. Деятельность Археографической комиссии в 1982 г. 1982
- Мироненко М. П. Деятельность Археографической комиссии в 1986 г. 1986
- Мироненко М. П. Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии 1977
- Морозов В. В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. 1978
- Морозов В. В. Археографические экспедиции 1979 г. 1979
- Морозов В. В. Деятельность Археографической комиссии в 1979 г. 1979
- Морозов В. В. Археографические экспедиции 1980 г. 1980
- Морозов В. В. Археографические экспедиции 1981 г. 1981
- Морозов В. В. Деятельность Археографической комиссии в 1985 г. 1985
- Н. З. Собираание личных фондов в ЦГАОР СССР 1984
- Научное совещание в Вологде «Охрана и использование документальных памятников истории и культуры» 1983
- Никитин Н. И. Научно-методическое совещание по проблемам актовой археографии 1985
- Новые издания археографической комиссии 1977—1986
- Певзнер С. Б. В Центральной координационной комиссии по изучению памятников восточной письменности 1981, 1986
- Распопчина Л. И. Хроника заседания [«К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина: (Совместное заседание Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Археографической комиссии АН СССР)»] 1980
- Решетников Н. И. Документальные памятники в школьном краеведении 1979
- Состав Археографической комиссии АН СССР 1980
- Толстой Н. И., Булагова Р. В. 90-летие В. А. Мошина 1984
- Турилов А. А. Деятельность Археографической комиссии в 1980 г. 1980
- Халидов А. Б., Черных В. А. Археографические экспедиции 1985 г. 1985
- Черных В. А. Археографические экспедиции 1984 г. 1984
- Черных В. А. Археографические экспедиции 1986 г. 1986
- Чирков С. В. Деятельность Археографической комиссии в 1984 г. 1984
- Чунакова О. М., Черных В. А. Всесоюзная научная сессия «Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии» 1979
- Шульгина Э. В. Завершение реставрации «Изборника Святослава 1073 г.» 1982
- Янин В. Л. Ценный источник по истории Великого Новгорода 1979
- Некрологи:*
- Артемий Владимирович Арциховский (1902—1978) (ст. Шмидта С. О.) 1978
- Любомир Григорьевич Бескровный (1905—1980) (ст. Рындзюнского П. Г.) 1980
- Николай Михайлович Дружинин (1886—1986) (ст. Литвака Б. Г., Шмидта С. О.) 1986
- Александр Александрович Зимин (1920—1980) (ст. Каштанова С. М.) 1980
- Андрей Николаевич Конопов (ст. Петросяна Ю. А.) 1986
- Вадим Иванович Корецкий (1927—1985) (ст. Горского А. Д.) 1985
- Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980) (ст. Бернадской Е. В., Гранстрем Е. Э.) 1980
- Николай Евгеньевич Носов (1924—1985) (ст. Сербиной К. Н.) 1985
- Алексей Павлович Окладников (1908—1981) (ст. Шмидта С. О.) 1981
- Владимир Терентьевич Папуто (1918—1983) (ст. Мельниковой Е. А., Новосельцева А. П., Хорошквич А. Л.) 1983
- Николай Николаевич Улащик (1906—1986) (ст. Буганова В. И., Плигузова А. И.) 1986
- Левон Степанович Хачикян (1918—1982) (ст. Аревшатяна С. С.) 1982
- Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) (ст. Каштанова С. М.) 1977
- Марфа Вячеславна Щепкина (1894—1984) (ст. Князевской О. А., Протасевой Т. Н.) 1984

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
 АД — «Архивное дело»
 АЕ — «Археографический ежегодник»
 АЗГУ — Азербайджанский государственный университет
 АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»
 ААК — Археографическая комиссия АН СССР
 АММС — «Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря»
 АОН — Академия общественных наук при ЦК КПСС
 АРГ — «Акты Русского государства 1505—1526 гг.»
 АрмГУ — Армянский государственный университет
 АС — Археологический съезд
 АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»
 АФЗХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков»
 БАН — Библиотека Академии наук СССР
 БИОН — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
 БМП — Балтийское морское пароходство
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВА — «Вопросы архивоведения»
 ВАН — «Вестник Академии наук СССР»
 ВВ — «Византийский временник»
 ВГБИЛ — Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы
 ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
 ВИЖ — «Военно-исторический журнал»
 ВИРА — «Вопросы истории религии и атеизма»
 ВЛ — «Вопросы литературы»
 ВМА — Военно-морская академия
 ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
 ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ВПШ — Высшая партийная школа при ЦК КПСС
 ГАКО — Государственный архив Калининской области
 ГАКуО — Государственный архив Куйбышевской области
 ГАОР — Государственный архив Октябрьской революции
 ГАРО — Государственный архив Рязанской области
 ГАФ СССР — Государственный архивный фонд СССР
 ГАУ — См. Главархив СССР
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
 ГГУ — Горьковский государственный университет
 ГИМ — Государственный исторический музей
 Главархив СССР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
 Главархив —
 РСФСР — Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
 ГПНТБ СО АН — Государственная публичная библиотека Сибирского отделения АН СССР
 ГРМ — Государственный русский музей
 ГУАК — Губернская ученая архивная комиссия
 ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»
 ДКУ — «Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.»
 ДРВ — «Древняя Российская Вивлиофика»
 ДСВ — «Декреты Советской власти»
 ЕАИ — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы»
 ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел»
 ЗАН — «Записки Академии наук»
 ЗОР ГБЛ — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина»

- ИА — «Исторический архив»
 ИАН — «Известия Академии наук СССР»
 ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
 ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР
 ИГПАН — Институт государства и права АН СССР
 ИЗ — «Исторические записки»
 ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
 ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
 ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР
 ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИСИ — Институт социальных исследований АН СССР
 ИЭ — Институт этнографии АН СССР
 ИЭ УНЦ АН — Институт экономики Уральского научного центра АН СССР
 ИЯ — Институт языкознания АН СССР
 ИЯ АН МССР — Институт языкознания АН МССР
 ИЯЛ АН
 Туркм СССР — Институт языка и литературы АН ТуркмССР
 ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 КА — «Красный архив»
 КГУ — Казанский государственный университет
 ЛГИТМК — Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии
 ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
 ЛПА — Ленинградский партийный архив
 МАО — Московское археологическое общество
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
 МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
 МГУ — Московский государственный университет
 МИЕС — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник»
 НБ — Научная библиотека
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 ОГРК БАН — Отдел гигиены и реставрации книги Библиотеки АН СССР
 ОИДР — Отдел истории и древностей российских при Московском университете
 ОНО — Отдел народного образования
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
 ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ПГУ — Пермский государственный университет
 ПДПИ — «Памятники древней письменности и искусства»
 ПИХМ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ПИШ — «Преподавание истории в школе»
 ПКНО — «Памятники культуры. Новые открытия. Письменная культура. Археология. Ежегодник».
 ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
 ПРК — «Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край»
 ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
 ПХФ — Пермский художественный фонд
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РАО — Русское археологическое общество
 РБ МССР — Республиканская библиотека МССР
 РГО — Русское географическое общество

- РИЖ — «Русский исторический журнал»
 РКМ — Рязанский краеведческий музей
 РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
 РРФ АН АзССР — Республканский рукописный фонд АН АзССР
 СА — «Советские архивы»
 СамГУ — Самаркандский государственный университет
 СГ — «Смоленские грамоты XIII—XIV веков»
 СГГД — «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел»
 СГПИ — Свердловский государственный педагогический институт
 СГУ — Сыктывкарский государственный университет
 СУ — «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР»
 ТаджГУ — Таджикский государственный университет
 ТБАН — «Труды Библиотеки АН СССР»
 ТБЛ — «Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина»
 ТГПБ — «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина»
 ТГУ — Томский государственный университет
 ТМГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института»
 ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
 УГУ — Уральский государственный университет
 УНЦ АН — Уральский научный центр АН СССР
 ФБОН — Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР
 ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны СССР
 ЦАУ РСФСР — Центральное архивное управление РСФСР
 ЦАУ СССР — Центральное архивное управление СССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГА КФФД — Центральный государственный архив кинофонофото документов г. Москвы
 ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР
 Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
 ЦГАЛИ — СССР
 ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
 ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Ленинграда
 г. Ленинграда
 ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
 г. Москвы
 ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
 ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
 ЦГИАЛ СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде)
 ЦМР СССР — Центральный музей революции СССР
 ЦПА — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ЦПО — Центрально-промышленная область
 ЧГУ — Челябинский государственный университет
 ЧКМ — Череповецкий краеведческий музей
 ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»
 ЯГУ — Ярославский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Е. Ф. Сопин.</i> Архивные учреждения РСФСР к 40-летию Победы	3
<i>М. П. Ирошников</i> (Ленинград). Издание источников по отечественной истории в ЛОИИ	14
<i>С. В. Мироненко.</i> 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов»	24
<i>Е. Ю. Наумов.</i> Частная переписка XIX — начала XX в. как объект археографического анализа	35
<i>С. М. Каштанов.</i> Современные принципы издания латинских грамот (часть четвертая)	46
* * *	
<i>В. В. Морозов.</i> Практическая археография книжника средневековья (Из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI в.)	59
<i>А. А. Булычев.</i> О боярском списке 7119 (1610/11) года	69
<i>В. Г. Сиромата, Б. А. Успенский.</i> Кавычные книги 50-х годов XVII в.	75
<i>И. И. Комарова.</i> Научно-историческая деятельность статистических комитетов	85
<i>Ю. Б. Шелаев</i> (Ленинград). Публикация воспоминаний Н. П. Горбунова о В. И. Ленине в 1920—1930-е годы	97
<i>К. П. Рудельсон.</i> Об уровнях методологии в архивоведении	105
<i>Э. В. Хоштария (Броссе)</i> (Тбилиси). Изучение и публикация материалов личного архива академика АН Грузинской ССР Н. А. Бердзенишвили	110
<i>Б. Г. Литвак.</i> Об актуальности научного наследия В. В. Максаква	114
<i>М. А. Пережогин.</i> В. В. Максаква и подготовка историков-архивистов	119
<i>Ю. В. Андрушайтите, С. А. Клепиков</i> — основатель отечественной библиографии по филигранологии	121
<i>Е. Н. Городецкий, Л. М. Зак.</i> Академик И. И. Минц как археограф (К 90-летию со дня рождения)	134
<i>О. А. Князевская, Н. И. Толстой.</i> Вопросы палеографии и кодикологии в трудах академика Д. С. Лихачева (К 80-летию со дня рождения)	143
<i>М. П. Мироненко, С. В. Мироненко, С. С. Дмитриев</i> — историк, источниковед, археограф и педагог (К 80-летию со дня рождения)	148
<i>Б. Л. Фонкич, Е. Э. Гранстрем</i> как исследователь греческих рукописей советских собраний (К 75-летию со дня рождения)	152

Тигомировские чтения

<i>Б. Г. Литвак, В. А. Черных, С. О. Шмидт.</i> О некоторых итогах и задачах собирания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности	156
<i>Н. Н. Покровский</i> (Новосибирск). Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания	159
<i>А. А. Амосов</i> (Ленинград), <i>П. А. Колесников</i> (Вологда). Опыт и перспективы описания документальных памятников в местных хранилищах («Вологодская программа: сущность, результаты и задачи»)	164
<i>Е. А. Агеева, Н. А. Кобяк, И. В. Поздеева, Е. Б. Смелянская.</i> Итоги и перспективы организации комплексных археографических исследований МГУ	170
<i>В. П. Бударагин</i> (Ленинград), <i>А. И. Копанев</i> (Ленинград), <i>М. В. Кужушкина</i> (Ленинград). Источники и пути комплектования ленинградских хранилищ рукописными и старопечатными книгами	178
<i>М. П. Мироненко.</i> Хроника заседания	182

II. Обзоры, описания, библиография

<i>А. Б. Каменский, Л. И. Шохин.</i> Об участии Н. А. Попова в подготовке издания сочинений В. Н. Татищева	185
<i>Л. А. Котлярская</i> (Калинин). Архивные материалы о жизни и деятельности П. А. Ровинского	190
<i>Л. И. Шохин.</i> Неопубликованная статья В. В. Шереметевского «Послесловие к Описанию Разряда»	195

<i>И. Г. Арефьева.</i> Письма и воспоминания А. М. Ремизова в ЦГАЛИ СССР	200
<i>В. Ф. Козлов.</i> Документальные материалы ОПИ ГИМ о музейном деле и охране исторических памятников в Рязанской губернии в первые годы Советской власти	209
<i>В. В. Крылов, В. Г. Маркина</i> (Куйбышев). Данные об археографической деятельности М. Н. Тихомирова (в Государственном архиве Куйбышевской области)	214
<i>С. Б. Филимонов</i> (Симферополь). Материалы о М. Н. Тихомирове в журнале «Краеведение»	216
<i>Е. Н. Егорова.</i> Личный фонд историка и педагога С. П. Моравского	222
<i>Е. И. Самгина.</i> Фонд И. А. Голубцова в отделе письменных источников Государственного исторического музея	229
О. Б. Враская (Ленинград), <i>Е. Э. Гранстрем</i> (Ленинград), <i>В. С. Каганович.</i> Историк книги и палеограф В. С. Люблинский и его личный архив	236
<i>И. Л. Беленький.</i> И. Н. Кобленц: жизненный путь. Научное наследие	241
<i>А. А. Севастьянова</i> (Ярославль), <i>Е. В. Симицына</i> (Ярославль), <i>Г. П. Федюк</i> (Ярославль). Обзор коллекции рукописей и книг кириллической печати Ярославской областной библиотеки имени Н. А. Некрасова	255
<i>А. С. Мыльников</i> (Ленинград). Ценный вклад в славянскую глаголическую археографию	261
Список печатных трудов В. И. Корецкого (сост. Л. Е. Морозова)	264
Список печатных трудов А. И. Копанева (сост. А. П. Павлов) (Ленинград)	268
Список печатных трудов С. В. Житомирской (сост. Ю. П. Благоволица)	274

III. Публикации

Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. (подг. Б. Н. Морозов)	277
К биографии автора «Скифской истории» А. И. Лызлова (подг. М. П. Лукичев, Е. В. Чистякова)	289
Четыре письма В. Н. Татищева к дочери (подг. А. Б. Каменский)	297
Новый документ об организации рабочих Рогожского района г. Москвы в 1917 г. (подг. А. А. Федулин)	300
Автобиография М. Н. Тихомирова (В Научном архиве Института истории СССР АН СССР (подг. И. Е. Тамм)	307

IV. Хроника

<i>М. П. Мироненко.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1986 г.	309
Новые издания Археографической комиссии	313
В Отделениях Археографической комиссии	313
<i>В. А. Черных.</i> Археографические экспедиции 1986 г.	314
<i>М. Д. Абашидзе</i> (Тбилиси), <i>Ш. В. Дзидзигури.</i> (Тбилиси). Комиссия по источникам истории Грузии	317
<i>С. Б. Певзнер.</i> В Центральной Координационной комиссии по изучению памятников восточной письменности	320
<i>Е. А. Агеева.</i> Археографическая конференция на историческом факультете МГУ	321
Третьи Уральские Археографические чтения	323
<i>Л. И. Киселева</i> (Ленинград). Заседание памяти О. А. Добнаш-Рождественской	323
<i>Б. Г. Литвак, С. О. Шмидт.</i> Николай Михайлович Дружинин (1886—1986)	325
<i>Ю. А. Петросян</i> (Ленинград). Андрей Николаевич Кононов (1906—1986)	328
<i>В. И. Буганов, А. И. Плигузов.</i> Николай Николаевич Улащик (1906—1986)	331
Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в «Археографических ежегодниках» за 1977—1986 гг. (подг. Н. А. Долдобанова)	333
Список сокращений	345

**«Археографический ежегодник
за 1986 год»**

*Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР*

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор Г. Валлас
Технические редакторы
Н. Н. Плохова, Л. И. Куприянова
Корректор К. П. Лосева

ИБ № 35939

Сдано в набор 20.05.87

Подписано к печати 12.09.87

А-11586. Формат 70×108^{1/16}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 30,8. Усл. кр. отт. 30,8. Уч.-изд. л. 36,2

Тираж 1650 экз. Тип. зак. 531

Цена 6 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ:

БОГОСЛОВСКИЙ М. М.

Историография, мемуаристика, эпистолярная:

(Научное наследие).

20 л.

В сборник впервые включены подготовленная М. М. Богословским «Переписка В. О. Ключевского и С. А. Белокурова по делам Общества истории и древностей российских (1893—1910 гг.)», воспоминания М. М. Богословского о В. О. Ключевском, Н. П. Павлове-Сильванском, П. Г. Виноградове, большая статья о Москве 1870—1890-х годов.

Для историков.

Декабристы:

Биографический справочник.

40 л.

В книге содержатся подробные биографические сведения о декабристах. В специальном разделе «Безвестные декабристы» собраны сведения об участниках тайных обществ, не обнаруженных в ходе следствия над декабристами. В издании использованы биографические факты, выявленные в науке за последние десятилетия. Привлечены материалы центральных и ряда местных архивов.

Для историков и широкого круга читателей.

Феодализм в России:

Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти
академика Л. В. Черепнина.

25 л.

В сборник включены воспоминания коллег и учеников Л. В. Черепнина, текст выступления Л. В. Черепнина в Научном студенческом обществе МГУ, а также статьи, охватывающие широкий круг его научных интересов (эволюция феодальной собственности и ренты, возникновение и развитие феодальной государственности, классовая борьба народных масс в эпоху феодализма и др.).

Для историков.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140;
320093 Днепрпетровск, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

65 80 k.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1986